ME60
И1-63

ВОСПОМИНАНІЯ И ДУМЫ О ПЕРЕЖИТОМЪ

18
ИБ

ME
60
Ш-63

Д. Н. Шиповъ

ВОСПОМИНАНІЯ И ДУМЫ О ПЕРЕЖИТОМЪ

Москва
Издательство М. и С. Сабашниковыхъ
1918 г.

ME
60
Ш63

Д. Н. Шиповъ.

ВОСПОМИНАНІЯ И ДУМЫ О ПЕРЕЖИТОМЪ.

269/5

Москва — 1918 г.

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
1342294

МОСКВА.
Т—во „Печатня С. П. Яковлева", Петровка, Салтыков. пер., д. Т—ва, № 9.
1918.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ продолженіе 11 лѣтъ (съ 25 марта 1893 г. по 21 апрѣля 1904 года) я состоялъ предсѣдателемъ московской губернской земской управы. Время моей земской дѣятельности совпало съ періодомъ оживленнаго земскаго движенія, вызваннаго все болѣе и острѣе проявлявшимися недовѣріемъ и отрицательнымъ вообще отношеніемъ правительственной власти къ общественнымъ силамъ и стѣсненіемъ необходимой общественнымъ учрежденіямъ самостоятельности. Земское движеніе получило свое выраженіе на земскихъ съѣздахъ и въ стремленіи всѣхъ земствъ къ объединенію. Мнѣ, какъ предсѣдателю московской губернской земской управы, пришлось принять въ этомъ движеніи дѣятельное участіе. Кромѣ земской дѣятельности и участія въ земскихъ совѣщаніяхъ, мнѣ неоднократно приходилось вступать въ непосредственныя сношенія съ представителями правительства по вопросамъ политическаго характера. Эти обстоятельства налагаютъ на меня долгъ дать отчетъ и сообщить свѣдѣнія о всѣхъ событіяхъ общественной жизни, въ которыхъ мнѣ привелось принимать извѣстное участіе. Въ моихъ запискахъ я ставилъ себѣ главной задачей дать возможно точныя и объективныя сообщенія о всѣхъ фактахъ, которые я наблюдалъ лично, и о всемъ выслушанномъ мной во время происходившихъ переговоровъ; однако я не могъ умолчать о моихъ выступленіяхъ и дѣйствіяхъ, связанныхъ съ моей общественной дѣятельностью и за которыя я, несомнѣнно, несу моральную отвѣтственность предъ земской общественной средой.

Въ своей общественной дѣятельности я всегда руководился усвоеннымъ мной общимъ міровоззрѣніемъ, освѣщавшимъ мнѣ пониманіе смысла жизни и вытекавшихъ изъ этого пониманія обязанностей. Мое жизнепониманіе создавалось на почвѣ воспитаннаго во мнѣ съ дѣтства религіознаго сознанія, но окончательно оно сложилось подъ нравственнымъ вліяніемъ двухъ русскихъ мыслителей — Ѳ. М. Достоевскаго и Л. Н. Толстого.

Я вѣрю въ жизненность Евангельскаго ученія, вѣрю, что оно дано людямъ для его осуществленія въ этой жизни, согласно словамъ молитвы: „Да, пріидетъ Царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли". Смыслъ жизни всего человѣчества, по глубокому моему убѣжденію, заключается въ постепенномъ, но неуклонномъ движеніи по ***направленію*** къ идеалу христіанскаго ученія—установленію Царствія Божія на землѣ. Но гдѣ и въ чемъ заключаются направленіе и путь, наиболѣе соотвѣтствующіе этому высокому идеалу? Раздѣляя пониманіе Л. Н. Толстымъ истиннаго смысла христіанскаго ученья, я не могу согласиться съ отрицательнымъ его отношеніемъ вообще къ общественнымъ установленіямъ и къ участію въ ихъ жизни. Признавая ***первенствующее*** значеніе для человѣка за внутреннимъ устроеніемъ личности и раздѣляя убѣжденіе, что никакой дѣйствительный прогрессъ въ судьбѣ человѣчества немыслимъ, пока не произойдетъ необходимой перемѣны въ основномъ строѣ образа мыслей большинства людей, я въ то же время держусь убѣжденія, что усовершенствованіе основъ и формъ соціальной жизни является необходимымъ условіемъ для постепеннаго осуществленія на землѣ идеала христіанскаго ученія. Религіозно-нравственное устроеніе личности и улучшеніе условій общественной жизни не исключаютъ другъ друга и не могутъ быть противопоставлены; только разумно согласованное и параллельное осуществленіе этихъ двухъ началъ можетъ обезпечить переустройство личной и общественной жизни согласно требованіямъ высшей правды. Современный строй общества и государства сложился въ условіяхъ, противорѣчащихъ христіанскому ученію. Эти условія, окружая человѣка многочисленными соблазнами, являются серьезными препятствіями для духовнаго роста личности и съ этой точки зрѣнія стремленіе къ ихъ устраненію вполнѣ естественно и необходимо. Въ то же время человѣкъ по долгу, налагаемому на него закономъ христіанской любви, призванъ служить общему благу всѣхъ людей и потому не въ правѣ относиться только отрицательно къ существующему укладу общественной жизни и воздерживаться отъ участія въ ней, а долженъ всѣми силами содѣйствовать постепенному обновленію общественнаго строя въ цѣляхъ устраненія изъ него господства насилія и установленія условій, благопріятствующихъ доброжелательному едине-

нію людей. Какъ нравственность христіанская имѣетъ въ виду осуществленіе Царства Божія внутри отдѣльнаго человѣка, такъ христіанская политика должна подготовлять пришествіе Царства Божія для всего человѣчества. Невозможно предусмотрѣть, когда и какъ совершится великое дѣло всечеловѣческаго единенія, но служеніе этому дѣлу должно составлять священную обязанность каждаго члена общества и сознаніемъ этой обязанности я по мѣрѣ своихъ силъ и своего разумѣнія всегда старался руководиться въ моей общественной дѣятельности.

Нижеслѣдующія записки были мной приведены въ порядокъ и закончены въ теченіе 1916—1918 г.г.. Матеріаломъ для нихъ послужили, кромѣ живо сохранившихся воспоминаній, черновыя записки, которыя я дѣлалъ большей частью всегда послѣ всякаго рода событій и переговоровъ, постановленія земскихъ собраній, журналы разныхъ совѣщаній и съѣздовъ со всѣми относящимися къ нимъ документами, переписка съ общественными дѣятелями и письма мои къ дочери, въ которыхъ я сообщалъ ей о своихъ выступленіяхъ общественнаго и политическаго характера. Ей же посвящаю мой настоящій трудъ, принимая во вниманіе, что насъ соединяетъ, кромѣ родственной связи, искренняя дружба, вытекающая изъ однородности нашего основного жизнепониманія.

Д. Шиповъ.

ГЛАВА I.

Начало моей земской дѣятельности. Участіе мое въ волоколамской уѣздной управѣ и въ дѣлѣ введенія травосѣянія на общинныхъ земляхъ. Обстоятельства, предшествовавшія оставленію Д. А. Наумовымъ должности предсѣдателя московской губернской земской управы. Избраніе новаго состава губернской управы и вступленіе мое въ исполненіе обязанностей ея предсѣдателя.

Впервые былъ я избранъ уѣзднымъ земскимъ гласнымъ волоколамскаго уѣзда въ 1877 году; въ томъ же году уѣздное собраніе избрало меня губернскимъ гласнымъ и съ этого времени началось мое участіе въ земской работѣ московской губерніи, продолжавшееся до 1912 года. Къ земской дѣятельности я стремился съ молодыхъ лѣтъ, и уѣздное собраніе, вскорѣ по избраніи меня гласнымъ, выдвигало мою кандидатуру на должность предсѣдателя уѣздной земской управы, но, къ сожалѣнію, личныя дѣла, занимая много времени, не открывали мнѣ возможности принять болѣе близкое участіе въ земской работѣ и только во время очередной сессіи 1891 года я могъ по избранію уѣзднаго земскаго собранія принять должность предсѣдателя уѣздной управы.

За короткое время моего предсѣдательствованія въ уѣздной управѣ считаю нужнымъ отмѣтить починъ волоколамскаго земства въ организаціи агрономической помощи населенію, главнымъ образомъ, путемъ введенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ правильнаго травосѣянія.

Въ очередной сессіи 1891 года волоколамское собраніе постановило: 1) пригласить въ распоряженіе уѣзднаго экономическаго совѣта уѣзднаго агронома, ассигновавъ для этой цѣли изъ уѣздныхъ средствъ 1000 рублей, и 2) ходатайствовать предъ губернскимъ земствомъ о пособіи уѣздному земству въ такомъ же размѣрѣ для того же назначенія. Дѣлая эти постановленія, уѣздное собраніе имѣло въ виду проявившійся за

послѣдніе года попытки нѣкоторыхъ селеній къ введенію углового травосѣянія, въ цѣляхъ обезпеченія своихъ хозяйствъ кормовыми средствами. Больное мѣсто крестьянскаго хозяйства безспорно составлялъ недостатокъ кормовыхъ средствъ, вызываемый несоотвѣтствіемъ площадей пашни и луговой земли. Статистическое изслѣдованіе уѣзда, произведенное губернскимъ земствомъ въ 1878 году, выяснило, что изъ общаго количества земли, находящейся во владѣніи крестьянъ, пашней было занято 69.154 десятины (61,$_2$%), а подъ лугами и выгонами находилось 43.673 десятины (38,$_8$%). Принимая во вниманіе средній урожай сѣна и яровой соломы, годовой запасъ кормовыхъ средствъ со всей площади крестьянскаго землевладѣнія могъ быть около 5.580.000 пуд., а считая необходимымъ на прокормъ одной головы скота въ теченіе года не менѣе 120 пудовъ, крестьянское хозяйство имѣло возможность содержать около 46.500 головъ; и дѣйствительно тоже статистическое изслѣдованіе зарегистрировало во всѣхъ селеніяхъ уѣзда 44.612 головъ скота, принимая мелкій скотъ двѣ головы за одну. Такіе размѣры крестьянскаго скотоводства обезпечивали удобреніе одной десятины пашни навозомъ не болѣе, какъ отъ двухъ головъ, что несомнѣнно являлось совершенно недостаточнымъ и обусловливало крайне низкіе урожаи ржи и овса. Представлялось необходимымъ для крестьянскаго хозяйства перейти отъ трехполья къ многополью, съ включеніемъ въ сѣвооборотъ посѣва травъ, чтобы путемъ увеличенія запаса кормовыхъ средствъ увеличить количество скота, сокративъ въ то же время площадь пашни, подлежащей ежегодному удобренію.

Постановленіе волоколамскаго собранія встрѣтило сочувственную поддержку со стороны губернскаго экономическаго совѣта, который со своей стороны призналъ, что главная задача земской агрономической организаціи должна заключаться въ устраненіи неблагопріятныхъ послѣдствій существующаго ненормальнаго отношенія кормовой площади къ зерновой. Однако губернское собраніе очередной сессіи 1891 г. отклонило ходатайство волоколамскаго земства о пособіи въ 1000 руб., поддержанное губернскимъ экономическимъ совѣтомъ и губернской управой, и уѣздная управа имѣла такимъ образомъ въ своемъ распоряженіи на 1892 г. только 1000 руб., ассигнованные изъ уѣздныхъ средствъ,

сумму, совершенно недостаточную для приглашенія спеціалиста на должность уѣзднаго агронома.

Я всегда любилъ сельское хозяйство и занимался имъ сначала подъ руководствомъ моего отца, а съ 1872 года самостоятельно, получивъ въ свою собственность имѣніе въ волоколамскомъ уѣздѣ, въ которомъ подъ пашней было около 650 десятинъ. Съ 1880 года я поселился съ семьей въ имѣніи и съ той поры принималъ болѣе близкое, непосредственное участіе въ веденіи хозяйства, при чемъ я, между прочимъ, пріобрѣлъ знанія по составленію правильныхъ сѣвооборотовъ, по межеванію и разбивкѣ десятинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ теченіе 11-ти лѣтней жизни въ деревнѣ, я находился въ близкомъ общеніи съ мѣстнымъ населеніемъ и хорошо ознакомился съ условіями крестьянскаго хозяйства. Эти обстоятельства побудили меня за отсутствіемъ уѣзднаго агронома принять на себя задачу ознакомленія крестьянъ съ правильнымъ травосѣяніемъ и введенія такового въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, которыя желали сдѣлать этотъ шагъ. Приложить свой трудъ къ этому дѣлу меня особенно побуждало мое принципіальное отношеніе къ общинному землевладѣнію и къ земельному вопросу вообще.

Я вполнѣ раздѣляю убѣжденія Генри Джорджа и Л. Н. Толстого, что установленіе права собственности на землю составляетъ величайшій грѣхъ, содѣянный человѣчествомъ. Земля является даромъ Божіимъ, предоставленнымъ равно всѣмъ людямъ для приложенія своего личнаго труда съ цѣлью полученія необходимаго имъ пропитанія. Признаніе права собственности на землю и превращеніе ея въ предметъ купли и продажи противорѣчатъ духу христіанскаго ученія и являются главной основой неправды существующаго общественнаго строя. Я вѣрю, что человѣчество въ своемъ движеніи въ направленіи преобразованія общественнаго строя сознаетъ великій грѣхъ права собственности на землю, какъ оно уже сознало грѣхъ рабства и крѣпостного права, и установитъ право пользованія землей, согласно ея Божественному назначенію. Какъ произойдетъ этотъ переворотъ, когда и какое практическое разрѣшеніе получитъ этотъ вопросъ—предусмотрѣть въ настоящее время невозможно; нужно только съ увѣренностью признать, что вопросъ этотъ не можетъ быть разрѣшенъ путемъ насилія и борьбы, и что необходимая реформа можетъ быть достигнута лишь пробужде-

ніемъ мысли и поступательнымъ движеніемъ въ мірѣ идей. Въ этомъ вопросѣ заслуживаетъ особое вниманіе и можетъ служить извѣстнымъ указаніемъ отношеніе къ землѣ духоборовъ, вытекающее изъ основы ихъ общаго жизнепониманія. Люди сдѣлали и продолжаютъ дѣлать громадные успѣхи въ области матеріальной культуры и имъ необходимо достигнуть подобныхъ же результатовъ въ области нравственной. Если теперь нельзя предугадать какимъ путемъ будетъ устранено въ будущемъ право собственности на землю, то тѣмъ не менѣе въ предвидѣніи неизбѣжности этого процесса нужно съ особымъ уваженіемъ относиться и оберегать тѣ существующія формы землевладѣнія, въ основѣ которыхъ лежитъ идея наиболѣе справедливаго пользованія землею, и къ таковымъ должно быть отнесено, конечно, общинное землевладѣніе, преобладающее среди сельскаго населенія Россіи. Но въ концѣ восьмидесятыхъ и въ началѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія стали раздаваться настойчивые и вліятельные голоса, признававшіе необходимымъ разрушеніе общиннаго строя, и въ числѣ ихъ были представители правительственной власти, какъ, напримѣръ, С. Ю. Витте и А. С. Ермоловъ. Послѣдній въ изданной имъ въ то время книгѣ, „Неурожаи и народное бѣдствіе“, посвященной выясненію причинъ частыхъ въ странѣ неурожаевъ, проводилъ мысль, что общинное землевладѣніе является главнымъ тормазомъ улучшенія крестьянскаго хозяйства и препятствуетъ проведенію необходимыхъ агрикультурныхъ мѣропріятій. Зная изъ жизни въ деревнѣ, что высказанныя А. С. Ермоловымъ и раздѣляемыя многими предположенія не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, я видѣлъ въ введеніи многопольнаго сѣвооборота съ посѣвомъ травъ въ общинномъ крестьянскомъ хозяйствѣ лучшій отвѣтъ на эти предположенія.

Въ началѣ 1892 г. я посѣтилъ и вступилъ въ сношеніе съ нѣсколькими селеніями, изъ числа обращавшихся въ уѣздную управу съ ходатайствами о выдачѣ имъ сѣмянъ клевера и тимофеевки и о содѣйствіи со стороны земства въ дѣлѣ организаціи травосѣянія въ ихъ хозяйствахъ. Крестьяне съ большимъ интересомъ знакомились съ различными системами сѣвооборота и выражали полную готовность перейти къ многополью и произвести даже передѣлъ существующихъ въ поляхъ полосъ, чтобы облегчить образованіе новыхъ полей. Такъ какъ я имѣлъ въ

виду показать при предстоящихъ опытахъ, что общинное земле-владѣніе отнюдь не можетъ служить препятствіемъ для измѣненія сѣвооборота, то я поставилъ условіемъ содѣйствія со стороны земства при переходѣ къ новой системѣ полеводства непремѣнное сохраненіе всѣми домохозяевами принадлежащихъ имъ полосъ и объяснилъ крестьянамъ, что въ составъ новыхъ полей будутъ входить цѣльныя дѣлянки (коны), заключающія въ себѣ по извѣстному количеству полосъ на каждый дворъ, и на которыя подѣлены ихъ существующія поля въ настоящее время. Уѣздной управой было признано желательнымъ въ 1892 г. на первый разъ ввести правильное травосѣяніе въ трехъ селеніяхъ: Хрулево, Елизаветино и Путятино. Въ д. Хрулево ранней весной, до окончанія таянія снѣга, пашня была раздѣлена на 8 полей и установленъ слѣдующій сѣвооборотъ: паръ, рожь съ клеверомъ, клеверъ, клеверъ, яровое, паръ, рожь и яровое. Хрулевскіе крестьяне отнеслись къ новому дѣлу съ большимъ уваженіемъ; они подняли церковныя иконы и пригласили причтъ отслужить въ полѣ молебствіе предъ разсѣвомъ клевера по ржаному полю. Въ частыхъ бесѣдахъ, происходившихъ въ это время, нѣкоторые члены сельскаго общества неоднократно высказывали мысль о желательности и пользѣ общей, мірской обработки всей общественной земли. Эта мысль, встрѣченная многими сочувственно, не могла однако получить тогда же практическаго разрѣшенія, въ виду сложности вопросовъ, связанныхъ съ уравненіемъ въ приложеніи труда членовъ общины и съ распредѣленіемъ между ними получаемыхъ продуктовъ. Мнѣ казалось, что содѣйствіе населенію въ этомъ дѣлѣ могло бы быть включено въ число задачъ, нарождавшейся въ то время земской агрономической организаціи, но, къ сожалѣнію, это предположеніе до сихъ поръ не получило своего осуществленія. Въ дер. Елизаветино, гдѣ уже существовало угловое травосѣяніе при трехпольѣ, былъ введенъ въ теченіе лѣта также восьмилѣтній сѣвооборотъ, но вся пашня была разбита на 4 поля, при чемъ клеверъ по ржи долженъ былъ высѣваться не ежегодно, а черезъ годъ, и клеверное поле въ одномъ году было 1-го укоса, а въ слѣдующемъ 2-го укоса. Крестьяне д. Путятино пожелали ввести травосѣяніе не на надѣльной землѣ, а на покупной, отстоящей отъ селенія въ 3 верстахъ, и просили по возможности сократить площадь занятую рожью и больше земли отвести

подъ траву. Въ виду выраженнаго желанія этотъ участокъ въ количествѣ 75 дес. 700 кв. с. былъ съ осени раздѣленъ на семь полей при слѣдующемъ сѣвооборотѣ: паръ, рожь, яровое съ клеверомъ, 3 года клеверъ и яровое. Уѣздное собраніе осенью 1891 г. одобрило дѣйствіе управы, признало необходимымъ развить широко содѣйствіе крестьянскому травосѣянію, пригласивъ для того уѣзднаго агронома, и вновь ходатайствовало предъ губернскимъ земствомъ о пособіи въ этомъ дѣлѣ въ размѣрѣ 1000 р. въ добавленіи къ такой же ассигновкѣ изъ уѣздныхъ средствъ. На этотъ разъ губернское собраніе, ознакомившись съ докладомъ уѣздной управы, по предложенію губернскаго экономическаго совѣта, поддержанному губернской управой, удовлетворило ходатайство волоколамскаго земства. Въ началѣ 1893 года уѣздная управа пригласила на должность уѣзднаго агронома А. А. Зубрилина и въ ближайшіе годы травосѣяніе на крестьянскихъ общинныхъ земляхъ получило быстрое и широкое развитіе не только въ волоколамскомъ уѣздѣ но и въ губерніи. Принять дальнѣйшее личное участіе въ этомъ дѣлѣ въ уѣздѣ я не имѣлъ возможности, такъ какъ мнѣ въ мартѣ 1893 г. пришлось перемѣнить должность предсѣдателя уѣздной управы на должность предсѣдателя управы губернской.

Съ 6-го октября 1865 г. безсмѣннымъ предсѣдателемъ московской губернской земской управы былъ Д. А. Наумовъ. Всю свою жизнь Д. А. посвятилъ служенію земскому дѣлу московской губерніи и вложилъ въ него всю свою душу. Въ своей неутомимой и строго опредѣленной дѣятельности онъ всегда имѣлъ въ виду исключительно пользу дѣла и правильную, принципіальную его постановку. Руководимый чувствомъ христіанской любви, онъ посвятилъ свою дѣятельность на пользу населенія губерніи, непрестанно заботясь объ удовлетвореніи его духовныхъ и матеріальныхъ потребностей. Ему пришлось создавать земское дѣло въ московской губерніи и нельзя не признать, какъ много и цѣлесообразно было сдѣлано за время его служенія для исполненія лежащихъ на земскихъ учрежденіяхъ задачъ. За время его дѣятельности было устроено въ губерніи болѣе 550 училищъ, 65 медицинскихъ участковъ; построено земствомъ шоссе около 650 верстъ; были созданы правильно поставленныя санитарная и ветеринарная организаціи; населенію

была предоставлена возможность обезпеченія убытковъ отъ пожаровъ и падежа скота; было положено начало организованному содѣйствію сельскому хозяйству и кустарнымъ промысламъ и, наконецъ, работы статистическаго отдѣленія дали прочное основаніе для правильной постановки всѣхъ отраслей земскаго дѣла. Начинанія и постановка земскаго дѣла въ московской губерніи при Д. А. Наумовѣ послужили примѣромъ для многихъ губернскихъ земствъ. Признавая, что работа и трудъ могутъ быть наиболѣе производительны при условіи обезпеченія имъ необходимой самостоятельности, Д. А. всегда старался и умѣлъ привлечь къ земскому дѣлу лицъ, которыя съ нимъ вмѣстѣ ставили себѣ на первомъ планѣ служеніе задачамъ общественнаго самосознанія и самодѣятельности. Имъ были привлечены къ земской работѣ такіе сотрудники, какъ—В. И. Орловъ, Н. А. Каблуковъ, Е. А. Осиповъ, Ѳ. Ѳ. Эрисманъ, И. В. Поповъ, В. Ѳ. Нагорскій, В. Г. Бажаевъ и много другихъ. Д. А. придавалъ особенное значеніе коллегіальному образу дѣйствій, который, по его убѣжденію, долженъ лежать въ основѣ земскихъ учрежденій. Онъ всегда оставался вѣренъ тому положенію, что каждой земской реформѣ должно предшествовать тщательное изученіе интересовъ и желаній населенія. При организаціи и развитіи дѣятельности губернскаго земства Д. А. постоянно имѣлъ въ виду широкое содѣйствіе уѣзднымъ земствамъ, выражавшееся въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, при чемъ въ основѣ его всегда лежало сохраненіе самостоятельности уѣздныхъ земствъ и обезпеченіе проявленія ихъ иниціативы и самодѣятельности. Исходя изъ глубокаго убѣжденія, что исполненіе земскими учрежденіями предстоящихъ имъ задачъ возможно только при условіи обезпеченія имъ необходимой свободы дѣйствій и проявленія личной и общественной иниціативы, Д. А. являлся всегда поборникомъ развитія общественнаго самосознанія и обезпеченія земскимъ учрежденіямъ необходимой самостоятельности.

Со времени моего вступленія въ составъ губернскаго земскаго собранія я постоянно съ большимъ интересомъ слѣдилъ за дѣятельностью московскаго губернскаго земства, руководимою Д. А. Наумовымъ, и во мнѣ воспиталось чувство глубокаго уваженія, какъ къ личности Д. А., такъ и къ пониманію имъ земскаго дѣла. Я видѣлъ въ Д. А. выдающагося, образцоваго земскаго дѣятеля, примѣру котораго ставилъ себѣ зада-

чей слѣдовать, и потому во мнѣ возбуждало тяжелое чувство проявившееся въ губернскомъ собраніи съ 1890 года отрицательное отношеніе къ предсѣдателю губернской управы, отношеніе, представлявшееся мнѣ мало понятнымъ и трудно объяснимымъ. Въ это время, дѣйствительно, сознаніе земскихъ потребностей получило значительное развитіе и жизнь выдвигала все новые вопросы, требовавшіе своего скорѣйшаго разрѣшенія, а Д. А., достигшій уже 60-ти лѣтняго возраста, можетъ быть, не достаточно быстро отвѣчалъ на предъявляемые новые запросы. Однако это обстоятельство едва ли могло быть достаточнымъ, чтобы игнорировать всю плодотворную работу Д. А. въ теченіе 25 лѣтъ и производить на него давленіе съ цѣлью побудить его оставить занимаемую имъ должность. Выступленія гласныхъ въ собраніи противъ Д. А. были начаты московскимъ городскимъ головой, Н. А. Алексѣевымъ, но затѣмъ число лицъ, проявлявшихъ въ губернскомъ собраніи рѣзкое отношеніе къ Д. А., быстро возросло и я былъ крайне пораженъ, увидавъ въ этой группѣ такихъ гласныхъ, какъ — кн. А. А. Щербатовъ, Ѳ. Д. Самаринъ, кн. А. А. Ливенъ и т. п.

Движеніе, направленное противъ Д. А., прежде всего сказалось при обсужденіи въ собраніи вопроса объ организаціи психіатрической помощи населенію губерніи. Какъ извѣстно, въ московской губерніи при введеніи земскихъ учрежденій забота о душевно-больныхъ формально возлагалась на московское городское управленіе, получившее въ свое вѣдѣніе соотвѣтствующія лѣчебныя заведенія приказа общественнаго призрѣнія, но, конечно, по существу вопроса губернское земство не могло не считать своей обязанностью организовать психіатрическую помощь нуждающимся въ ней изъ населенія губерніи. Однако, губернская управа не спѣшила этимъ дѣломъ, тогда какъ потребность въ такого рода помощи предъявляла опредѣленныя требованія. Причину этого слѣдуетъ видѣть въ свойственныхъ Д. А. Наумову бережливости и осторожности при расходованіи земскихъ средствъ, а организація психіатрической помощи требовала несомнѣнно очень большихъ средствъ. Источникъ земскихъ доходовъ былъ очень ограниченъ тѣмъ болѣе, что земство въ первое 25-лѣтіе своего существованія не воспользовалось предоставленнымъ ему безспорнымъ правомъ обложенія земскимъ сборомъ имуществъ въ г. Москвѣ, въ чемъ,

по моему мнѣнію, заключалась крупная и принципіальная ошибка, сдѣланная земствомъ.

Въ 1887 году губернское собраніе поручило управѣ пріискать и пріобрѣсти имѣніе для устройства больницы для душевно-больныхъ, но къ очередной сессіи 1888 года это порученіе не было выполнено управой, сославшейся на затрудненія, встрѣченныя при пріисканіи имѣнія. Собраніе вторично подтвердило возложенное на управу порученіе, но и къ очередному собранію 1889 года это порученіе не было приведено въ исполненіе; въ тоже время управа внесла предложеніе о соглашеніи съ городскимъ управленіемъ объ уступкѣ земству 100 кроватей въ городскихъ психіатрическихъ заведеніяхъ. Нѣкоторые гласные предлагали выразить сожалѣніе о неисполненіи управой постановленія собранія. Собраніе, одобривъ мысль о соглашеніи съ городомъ о 100 кроватяхъ, одновременно признало, что это соглашеніе не отмѣняетъ постановленія о покупкѣ имѣнія и въ третій разъ подтвердило возложенное на управу порученіе. Къ очередной сессіи 1890 года имѣніе опять пріобрѣтено не было, но управа испрашивала ассигновку 60.000 рублей для устройства колоніи душевно-больныхъ. Въ этой же сессіи управа представила собранію докладъ „объ источникахъ земскихъ доходовъ“, въ которомъ предлагалось обложить губернскимъ земскимъ сборомъ торгово-промышленныя помѣщенія въ г. Москвѣ.

Это послѣднее предложеніе, послѣ довольно острыхъ преній, было принято собраніемъ, однако, состоявшееся 11 декабря 1890 г. по этому поводу постановленіе было опротестовано губернаторомъ, вслѣдствіе допущенной неравномѣрности обложенія, т.-е. обложенія только домовъ, занятыхъ торгово-промышленными заведеніями. Принимая во вниманіе поступившій протестъ, губернская управа при окончаніи очередной сессіи внесла предложеніе объ обложеніи всѣхъ имуществъ въ г. Москвѣ наравнѣ съ прочими городами губерніи и собраніе съ этимъ согласилось. 14 декабря собраніе, назначивъ 60.000 рублей на дѣло призрѣнія душевно-больныхъ, обсуждало вопросъ, какъ распорядиться этими деньгами? По предложенію Н. А. Алексѣева собраніе поручило управѣ немедленно нанять на одинъ годъ подходящее помѣщеніе для 50 душевно-больныхъ и открыть пріемъ въ теченіе 10 дней. На слѣдующій день по открытіи засѣданія Н. А. Алексѣевъ сообщилъ, что онъ въ исполненіе постановле-

нія собранія нанялъ дачу Ноева, которая уже отапливается, и что имъ сдѣланъ заказъ кроватей. Д. А. Наумовъ протестовалъ противъ такого образа дѣйствій отдѣльнаго гласнаго, помимо управы, и собраніе передало заявленіе Н. А. Алексѣева на заключеніе управы и санитарнаго совѣта. По ихъ представленію собраніе 18 декабря признало дачу Ноева непригодной и поручило управѣ войти въ соглашеніе съ общиной „Утоли моя печали“ о принятіи 50 психическихъ больныхъ на условіяхъ, предложенныхъ начальницей общины.

Въ теченіе той же сессіи въ собраніи были сдѣланы многочисленныя указанія на неправильность постановки дорожнаго отдѣла губернской управы, а докладъ ревизіонной комиссіи заключалъ въ себѣ рѣзкія обвиненія личнаго характера, направленныя, главнымъ образомъ, противъ завѣдывавшаго дорожнымъ отдѣломъ члена управы, Н. Ѳ. Рихтера. Въ дѣйствительности, какъ выяснилось впослѣдствіи, въ постановкѣ и веденіи дорожнаго хозяйства не было серьезныхъ недостатковъ, а какъ совершенно вѣрно замѣтилъ въ собраніи гласный А. А. Олепинъ, неуступчивость Н. Ѳ. Рихтера была единственной причиной ненормальнаго положенія дѣла. Д. А. Наумовъ мало входилъ въ дорожное хозяйство и дорожный отдѣлъ управлялся единолично Н. Ѳ. Рихтеромъ, относившимся съ болѣзненнымъ самолюбіемъ ко всякой, даже доброжелательной критикѣ своихъ дѣйствій. Въ заключеніе обсужденія въ собраніи вопросовъ, связанныхъ съ постановкой дорожнаго дѣла, ревизіонная комиссія отказалась отъ баллотировки той части своего предложенія, которая имѣла характеръ осужденія личнаго состава управы, а собраніе подтвердило свое постановленіе предыдущаго года о замѣнѣ единоличнаго управленія дорожнымъ отдѣломъ началомъ коллегіальнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе, по предложенію кн. А. А. Щербатова, избрало дорожную комиссію для подробнаго изслѣдованія дорожнаго хозяйства и составленія плана его реорганизаціи.

Въ засѣданіи собранія 15 декабря 1890 года Б. Н. Чичеринымъ было представлено подписанное 25 гласными предложеніе „объ измѣненіи порядка дѣлопроизводства въ губернскомъ собраніи путемъ избранія комиссіи для предварительнаго разсмотрѣнія смѣтъ и докладовъ управы, съ представленіемъ комиссіи права приглашать въ свои совѣщанія предсѣдателя и

членовъ управы, отъ которыхъ комиссія пожелаетъ имѣть разъясненія". Д. А. Наумовъ протестовалъ противъ того способа, которымъ вносится это предложеніе: подписи собирались секретно и предложеніе вносится за подписью 25 лицъ, чѣмъ въ значительной степени предрѣшается его принятіе. По существу предложенія Д. А. не возражалъ, но при условіи, чтобы комиссія работала совмѣстно съ управой.

Рѣзкія выступленія многихъ гласныхъ въ продолженіи сессіи 1890 г., имѣвшія оскорбительный характеръ для личнаго состава губернской управы, побудили ея предсѣдателя и членовъ при окончаніи занятій собранія заявить о своемъ отказѣ продолжать исполненіе своихъ обязанностей, мотивируя свое заявленіе отношеніемъ къ нимъ гласныхъ и тяжелымъ положеніемъ въ которомъ находилась управа въ теченіи всей сессіи. Собраніе постановило ходатайствовать о созывѣ экстреннаго собранія для производства новыхъ выборовъ и просило Д. А. Наумова и членовъ управы до тѣхъ поръ продолжать исполненіе своихъ обязанностей.

Экстренная сессія губернскаго собранія состоялась 2 апрѣля 1891 г., но незадолго до этого времени послѣдовало распоряженіе о введеніи въ этомъ же году въ московской губерніи новаго земскаго Положенія 1890 г. Это обстоятельство побудило собраніе просить весь составъ губернской управы остаться на своемъ посту до предстоявшихъ осенью новыхъ земскихъ выборовъ, на что управа согласилась.

При новомъ земскомъ Положеніи составъ губернскаго собранія къ очередной сессіи 1891 г. мало измѣнился; не измѣнилось и отношеніе значительной части собранія къ прежнему составу губернской управы. Продолжались выступленія гласныхъ, подчеркивавшія ихъ недовѣріе къ управѣ, хотя и въ менѣе рѣзкой формѣ. Группа гласныхъ, стремившаяся къ смѣщенію Д. А. Наумова, обратилась ко мнѣ съ предложеніемъ выставить мою кандидатуру на должность предсѣдателя управы. Я отвѣчалъ категорическимъ отказомъ, мотивируя его моимъ глубокимъ уваженіемъ къ земской дѣятельности Д. А. Наумова и полнымъ несочувствіемъ агитаціи, которая велась противъ него въ собраніи послѣдніе годы. При этомъ я говорилъ, что обращающіеся ко мнѣ, повидимому, впадаютъ въ ошибку: раздѣляя отношеніе Д. А. къ земской дѣятельности и къ поста-

новкѣ земскаго дѣла, я, очутившись на посту предсѣдателя управы, считалъ бы своей обязанностью слѣдовать въ земской работѣ по направленію, котораго придерживался Д. А.. Однако, несмотря на мои возраженія, 17 января 1892 г. при заявленіи кандидатовъ на должность предсѣдателя управы Д. А. Наумовъ получилъ 28 записокъ, а съ моимъ именемъ было подано 37 записокъ; кромѣ того, 4 записки были поданы за разныхъ лицъ. Послѣ опредѣленнаго моего отказа баллотироваться, Д. А. Наумовъ изъявилъ согласіе подвергнуться баллотировкѣ и былъ избранъ 35 голосами противъ 32. При происходившей затѣмъ баллотировкѣ на должность членовъ управы избраннымъ оказался только одинъ Л. Н. Сазоновъ; всѣ остальные кандидаты оказались забаллотированными или отказались подвергнуться баллотировкѣ, получивъ недостаточное число записокъ. Выборы 4-хъ членовъ управы признаны не состоявшимися и производство новыхъ выборовъ было отложено до экстреннаго собранія, назначеннаго на 18 февраля. Въ экстренней сессіи въ члены управы былъ избранъ А. Ѳ. Шнейдеръ, 3 лица были забаллотированы, а всѣ остальные предложенные кандидаты отъ баллотировки воздержались. 26 марта состоялось вновь экстренное собраніе, на которомъ былъ доложенъ запросъ министра внутреннихъ дѣлъ—считаетъ ли собраніе достаточнымъ составъ управы изъ предсѣдателя и 2 членовъ, съ предупрежденіемъ, что, въ случаѣ признанія недостаточности состава управы, послѣдуетъ назначеніе членовъ управы министромъ. Собраніе признало составъ управы недостаточнымъ и вскорѣ членами губернской управы были назначены гласные: инженеръ В. Н. Каразинъ и санитарный врачъ Е. М. Дементьевъ.

Очередная сессія 1892 года происходила при возбужденномъ настроеніи собранія и заняла 31 засѣданіе, происходившихъ съ перерывами въ декабрѣ, январѣ, февралѣ и мартѣ. Странное и тяжелое впечатлѣніе производило видѣть на сторонѣ оппозиціи Н. Ѳ. Рихтера, недавно еще бывшаго въ составѣ управы, а теперь выступавшаго съ рѣзкими ея осужденіями. Хотя Н. Ѳ. Рихтеръ держался особнякомъ и группа, агитировавшая противъ Д. А. Наумова, не включала Н. Ѳ. въ свою среду, однако, группа содѣйствовала его избранію предсѣдателемъ комиссіи по устройству психіатрическаго заведенія. Эта комиссія представила докладъ, въ которомъ, изложивъ критику несогласныхъ дѣй-

ствій управы и директора будущей лѣчебницы, д-ра Якобія, становилась на сторону послѣдняго и осуждала дѣйствія управы, но съ своей стороны не внесла ничего для исполненія возложеннаго на нее порученія—всесторонняго освѣщенія вопроса о постройкѣ и организаціи психіатрической лѣчебницы. При обсужденіи доклада комиссіи однимъ изъ гласныхъ было предложено поручить все дѣло по устройству больницы особой комиссіи. Когда предсѣдатель собранія указалъ на незаконность предлагаемаго порядка, устраняющаго исполнительный органъ, губернскую управу, то Н. А. Алексѣевъ сказалъ, что при дѣйствующемъ составѣ управы дѣло устройства больницы итти не можетъ, какія бы комиссіи ей въ помощь ни выбирались, и это мнѣніе было поддержано А. А. Оленинымъ и кн. А. А. Ливеномъ. Эти заявленія побудили А. Ѳ. Шнейдера и Л. Н. Сазонова отказаться отъ исполненія обязанностей членовъ управы. Большіе нападки на управу были сдѣланы при обсужденіи вопроса объ устройствѣ сиротскаго пріюта. Нѣкоторые гласные нарисовали очень мрачную картину состоянія пріюта, которая, впрочемъ, какъ впослѣдствіи выяснилось, далеко не соотвѣтствовала дѣйствительности; а Н. Ѳ. Рихтеръ говорилъ, что не согласно съ достоинствомъ земства содержать въ такомъ видѣ учрежденіе, основанное для увѣковѣченія имени Государя Александра II. Собраніе избрало особую комиссію для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ и для представленія ею доклада ближайшему экстренному собранію.

При открытіи засѣданія 20 февраля предсѣдатель собранія сообщилъ, что имъ получено отъ Н. Ѳ. Рихтера заявленіе о серьезныхъ неправильностяхъ въ дорожномъ хозяйствѣ, допущенныхъ членомъ управы В. Н. Каразинымъ, и призналъ необходимымъ это заявленіе, прежде его оглашенія, передать на предварительное заключеніе ревизіонной комиссіи, съ чѣмъ собраніе согласилось. Было высказано пожеланіе, чтобы ревизіонная комиссія скорѣе и по возможности къ слѣдующему засѣданію представила свое заключеніе. Ревизіонная комиссія, собравшись тотчасъ во время перерыва засѣданія собранія, просила Н. Н. Щепкина, какъ своего предсѣдателя, и меня, какъ ея члена, въ тотъ же день вечеромъ произвести въ губернской управѣ изслѣдованіе по всѣмъ указаніямъ, сдѣланнымъ Н. Ѳ. Рихтеромъ въ его заявленіи, и мы приняли на себя это пору-

ченіе. Проработавъ до позднѣй ночи, мы пришли къ убѣжденію, что всѣ тяжелыя обвиненія, предъявленныя Н. Ѳ. Рихтеромъ В. Н. Каразину, не имѣютъ никакого основанія, а нѣкоторые непорядки формальнаго характера коренятся въ неудовлетворительной постановкѣ дѣла въ дорожномъ отдѣлѣ, создавшейся при Н. Ѳ. Рихтерѣ. Въ этомъ смыслѣ было составлено наше подробное заключеніе. На слѣдующій день, когда на очередь обсужденія были поставлены—заявленіе Н. Ѳ. Рихтера и заключеніе ревизіонной комиссіи, Н. Н. Щепкинъ отъ себя и отъ моего имени, обратившись въ собраніи къ Н. Ѳ. Рихтеру, сказалъ, что мы исполнили порученіе собранія и пришли къ заключенію, что заявленіе Н. Ѳ. основано на недоразумѣніи, на недостаточно провѣренныхъ данныхъ и что мы, какъ его товарищи по представительству, просимъ его довѣрить намъ взять свое заявленіе обратно и считать вопросъ исчерпаннымъ. Н. Ѳ. Рихтеръ отклонилъ наше предложеніе и настаивалъ на оглашеніи своего заявленія. Послѣ этого Н. Н. Щепкинъ прочелъ заявленіе Н. Ѳ. по пунктамъ и параллельно докладывалъ заключеніе ревизіонной комиссіи, а я по каждому пункту оглашалъ документы, послужившіе основаніемъ для нашихъ отзывовъ. По окончаніи нашего доклада предсѣдатель собранія отъ себя вновь предложилъ Н. Ѳ. Рихтеру взять свое заявленіе обратно, но онъ опять отвѣтилъ отказомъ. Тогда собраніе единогласно постановило выразить сожалѣніе, что такое неосновательное заявленіе могло имѣть мѣсто въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи.

23 февраля 1893 г. Д. А. Наумовъ просилъ слово и въ заключеніе своей рѣчи заявилъ, что слагаетъ съ себя обязанности предсѣдателя управы. Всѣ члены управы присоединились къ заявленію предсѣдателя. Собраніе, по предложенію своего предсѣдателя, выразило Д. А. Наумову благодарность за долговременную и полезную службу и назначило ему ежегодную пенсію въ размѣрѣ 5000 рублей. Производство выборовъ новаго состава губернской управы было отложено до возобновленія засѣданій очередной сессіи въ мартѣ мѣсяцѣ.

На слѣдующій день собраніе еще продолжалось и во время перерыва этого засѣданія очень многіе гласные обращались ко мнѣ съ настоятельными предложеніями выставить мою кандидатуру на должность предсѣдателя губернской управы. Я про-

силъ предоставить мнѣ время взвѣсить всѣ создавшіяся обстоятельства и обдумать мой отвѣтъ. Принимая во вниманіе, что вопросъ о предсѣдательствѣ Д. А. Наумова получилъ свое разрѣшеніе и имъ самимъ окончательно устраненъ, что собраніе не имѣетъ въ виду другого кандидата, на избраніе котораго могло бы согласиться большинство гласныхъ, и что ко мнѣ на этотъ разъ обратились не только гласные, составлявшіе группу, агитировавшую противъ Д. А. Наумова, но и многіе гласные, принадлежавшіе къ числу его сторонниковъ, я пришелъ къ заключенію, что на мнѣ лежитъ общественный долгъ не уклоняться отъ сдѣланнаго мнѣ предложенія. Но, понимая хорошо, что работа управы по существу своему является и должна быть коллегіальной, я счелъ возможнымъ баллотироваться на должность предсѣдателя только при увѣренности, что управа будетъ состоять изъ людей, руководящихся одинаковымъ пониманіемъ характера и задачъ земской дѣятельности и объединенныхъ взаимнымъ довѣріемъ. О моемъ отношеніи къ сдѣланному мнѣ предложенію я поставилъ въ извѣстность нѣкоторыхъ изъ вліятельныхъ гласныхъ, ко мнѣ обращавшихся, и вскорѣ получилъ отвѣтъ, что мое заявленіе принимается и что меня просятъ намѣтить составъ будущей управы. Я немедленно вступилъ въ переговоры. Изъ состава прежней управы я обратился къ А. Ѳ. Шнейдеру, съ которымъ меня связывали старинныя, близкія, дружественныя отношенія, и къ Л. Н. Сазонову, бывшему всегда солидарнымъ съ Д. А. Наумовымъ и хорошо знакомому съ финансовой стороной земскаго хозяйства, и они оба изъявили свое согласіе. Затѣмъ мы трое намѣтили, какъ очень желательныхъ кандидатовъ, предсѣдателей уѣздныхъ управъ: московской — М. В. Челнокова и серпуховской—Н. Н. Хмѣлева, на согласіе которыхъ мы могли разсчитывать. Большое затрудненіе представлялъ вопросъ о кандидатѣ на должность члена управы, завѣдующаго дорожнымъ отдѣломъ. Я обратился прежде всего къ Н. Н. Щепкину, но онъ послѣ нѣкотораго колебанія не пожелалъ оставить занимаемую имъ должность мирового судьи въ г. Москвѣ. Въ средѣ губернскаго собранія не было лицъ, которыя отвѣчали бы требованіямъ предстоявшей работы по дорожному хозяйству и были бы согласны принять на себя эти обязанности. Кн. А. А. Ливенъ, бронницкій предводитель дворянства, рекомендовалъ, какъ подходящаго кандидата, В. Ѳ.

Мейена, служившаго земскимъ начальникомъ въ томъ же уѣздѣ. Знакомство и переговоры съ В. Ѳ. привели меня къ убѣжденію, что онъ является желательнымъ сотрудникомъ въ губернской управѣ, и остальные участники намѣчавшейся новой управы согласились съ своей стороны на кандидатуру В. Ѳ. Мейена. Списокъ намѣченнаго новаго состава губернской управы былъ сообщенъ мной губернскому предводителю дворянства, кн. П. Н. Трубецкому, при чемъ я просилъ его огласить этотъ списокъ среди гласныхъ и выяснить, не встрѣчаетъ ли онъ возраженій. Черезъ нѣкоторое время кн. П. Н. Трубецкой сообщилъ мнѣ, что въ общемъ предложенный мной составъ управы встрѣченъ сочувственно и принимается большинствомъ гласныхъ, но въ то же время сказалъ, что очень многіе гласные, особенно предводители дворянства, желали бы видѣть въ составѣ губернской управы вмѣсто Н. Н. Хмѣлева, А. А. Аверкіева, предсѣдателя клинской управы, и просилъ меня согласиться на это измѣненіе. А. А. Аверкіевъ представлялся мнѣ человѣкомъ мало энергичнымъ, съ недостаточно широкимъ кругозоромъ и не обладавшимъ большой иниціативой, но такъ какъ въ то время я вслѣдствіе малаго знакомства съ Н. Н. Хмѣлевымъ не могъ еще въ полной мѣрѣ оцѣнить присущія ему высокія качества, то я, не желая проявлять слишкомъ большой настойчивости, согласился на предложенную мнѣ замѣну. 4 марта возобновилась очередная сессія 1892 года и въ засѣданіи 5 марта были произведены выборы губернской управы, при чемъ всѣ намѣченные кандидаты получили значительное число избирательныхъ шаровъ; я былъ избранъ большинствомъ 46 противъ 12 голосовъ. По окончаніи баллотировки, возвратясь въ залу, я въ отвѣтъ на привѣтствіе собранія обратился къ нему со слѣдующими словами: „Избраніе меня на должность предсѣдателя московской губернской управы, являясь высоко лестнымъ для меня выраженіемъ довѣрія собранія къ моимъ силамъ, ставитъ въ то же время для меня трудную и отвѣтственную задачу. Не могу не сознавать, что это выраженное вами мнѣ довѣріе, мною въ настоящее время ничѣмъ не заслужено и я, подчиняясь вашему избранію, какъ бы, принимаю тѣмъ на себя отвѣтственность и обязанность оправдать ваши ожиданія. Не знаю, хватитъ ли у меня силъ и умѣнія достойно разрѣшить предстоящую мнѣ задачу, но твердо, съ увѣренностью могу сказать, что съ моей

стороны не будетъ недостатка въ доброй волѣ посвятить сполна свой трудъ и все свое время дорогому мнѣ земскому дѣлу. Хотя меня приводитъ въ невольное смущеніе сознаніе значенія сложности и отвѣтственности предстоящаго мнѣ дѣла, но въ то же время меня, отчасти, ободряетъ увѣренность, что собраніе, почтившее меня своимъ избраніемъ, не откажетъ мнѣ и въ будущемъ въ необходимой нравственной поддержкѣ. Съ своей стороны я поставлю первой своей обязанностью строгимъ и точнымъ исполненіемъ постановленій и указаній собранія, содѣйствовать укрѣпленію необходимой солидарности между собраніемъ и его исполнительнымъ органомъ, въ чемъ, несомнѣнно, заключается главный залогъ успѣшнаго и плодотворнаго хода и развитія земскаго дѣла. Еще разъ принося глубокую благодарность за оказанную мнѣ высокую честь, прошу у собранія снисходительнаго отношенія къ легко возможнымъ и неизбѣжнымъ ошибкамъ, въ особенности, въ первое время предстоящей мнѣ дѣятельности".

Въ избранномъ 5 марта 1893 г. составѣ губернская управа работала до окончанія трехлѣтія, т.-е. до очередной сессіи 1894 года, когда А. А. Аверкіевъ возвратился къ исполненію обязанностей предсѣдателя клинской управы, а на его мѣсто въ губернскую управу былъ избранъ Н. Н. Хмѣлевъ. Въ этомъ составѣ мы работали не одно трехлѣтіе и я навсегда сохранилъ самыя отрадныя и благодарныя воспоминанія о нашихъ товарищескихъ, искреннихъ отношеніяхъ и о нашей дружной работѣ, посвящаемой всецѣло и съ любовью равно всѣмъ намъ дорогому земскому дѣлу. За все время нашего сотрудничества не было между нами не только случаевъ принципіальнаго разномыслія или какихъ-либо недоразумѣній, но не помню даже серьезныхъ разногласій на почвѣ практической работы. Установившіяся между нами отношенія въ значительной мѣрѣ облегчали и упрощали нашу работу въ управѣ. Каждый членъ управы въ отведенной ему области пользовался полной самостоятельностью. При разрѣшеніи предстоявшихъ ему вопросовъ онъ, если не чувствовалъ сомнѣнія, давалъ вопросу надлежащее разрѣшеніе, подписывалъ постановленіе и отсылалъ его для скрѣпы моей подписью. Я подписывалъ такія журнальныя постановленія, часто ихъ не читая, такъ какъ зналъ и былъ вполнѣ увѣренъ, что въ каждомъ сомнительномъ случаѣ каж-

дый членъ управы, непремѣнно, прежде принятія рѣшенія предварительно переговоритъ со мной. При нашемъ (двоихъ) единогласіи составлялся журналъ за нашими подписями и остальные члены управы относились къ его подписанію формально. Если же между членомъ управы, завѣдующимъ данным отдѣломъ, и мной обнаруживалось разномысліе, то мы приглашали одного, двухъ, рѣдко всѣхъ товарищей, и вопросъ подвергался коллегіальному обсужденію и разрѣшенію. Періодическихъ собраній управы организовано не было, но мы нерѣдко собирались между собой для товарищескихъ бесѣдъ и въ это время обсуждали различные вопросы, выдвигаемые земской жизнью. Наша управа, съ увѣренностью можно сказать, была коллегіей вполнѣ солидарной и дружной.

Извѣщеніе о моемъ утвержденіи въ должности предсѣдателя было получено въ губернской управѣ 25 марта и вслѣдъ затѣмъ я вступилъ въ исправленіе своихъ обязанностей. Въ первое время моей новой дѣятельности я былъ очень огорченъ, замѣтивъ, что многіе земскіе служащіе, особенно большая часть лицъ, являвшихся руководителями работъ въ отдѣлахъ, относились ко мнѣ съ извѣстнымъ предубѣжденіемъ и видѣли во мнѣ человѣка, чуждаго установившемуся въ ихъ средѣ пониманію земской работы и съ недоброжелательствомъ относящагося къ такъ называемому „третьему элементу". Ко времени моего вступленія въ управу завѣдующій ветеринарнымъ отдѣломъ, В. Ѳ. Нагорскій, и губернскій агрономъ, В. Г. Бажаевъ, даже приняли рѣшеніе оставить земскую дѣятельность и уже получили назначенія по вѣдомству министерства земледѣлія. Что было причиной проявившагося настроенія, мнѣ было непонятно. Отчасти, можетъ быть, тутъ игралъ роль тотъ фактъ, что я явился замѣстителемъ всѣми земскими служащими высокоуважаемаго Д. А. Наумова, и это давало поводъ для предположенія, что я содѣйствовалъ удаленію Д. А. и являлся, какъ бы, представителемъ той части губернскаго собранія, которая, между прочимъ, отрицательно относилась къ положенію, предоставленному Д. А. завѣдующимъ отдѣлами и санитарному совѣту. Какъ выяснилось впослѣдствіи, нѣкоторое вліяніе оказали также разные слухи и отзывы обо мнѣ нѣкоторыхъ гласныхъ, не сочувствовавшихъ моему избранію. Встрѣтить такое предубѣжденное настроеніе мнѣ было очень тяжело,

но встрѣченное мной отрицательное отношеніе на почвѣ земской работы разсѣялось и уступило мѣсто тѣсному сотрудничеству, создавшемуся на основѣ взаимнаго уваженія и довѣрія. И я счастливъ констатировать, что эта перемѣна не заставила себя долго ждать. Еще до оставленія управы В. Ѳ. Нагорскій и В. Г. Бажаевъ выразили мнѣ сожалѣніе о слишкомъ поспѣшно принятомъ ими рѣшеніи и о невозможности освободиться отъ обязательствъ, принятыхъ предъ министерствомъ. Впрочемъ, В. Г. Бажаевъ съ небольшимъ черезъ годъ вернулся къ дѣятельности губернскаго агронома и продолжалъ ея исполненіе до полученія каѳедры въ кіевскомъ политехникумѣ, а В. Ѳ. Нагорскій въ теченіе ряда лѣтъ являлся постояннымъ консультантомъ въ вопросахъ, касавшихся ветеринарной организаціи московскаго земства. Въ теченіе ближайшаго времени установились вполнѣ нормальныя, доброжелательныя отношенія между мной и всѣмъ составомъ управы съ одной стороны и земскими тружениками—съ другой. Я всегда съ большимъ уваженіемъ смотрѣлъ на работу „третьяго элемента“ въ земствѣ и это уваженіе значительно возрастало во мнѣ по мѣрѣ нашей совмѣстной работы. Большая часть земскихъ работниковъ, которыхъ я засталъ на службѣ московскаго земства, а особенно тѣ изъ нихъ, на которыхъ лежали наиболѣе отвѣтственныя обязанности, по своему образу мыслей и настроенію принадлежали къ русской интеллигенціи, въ средѣ которой съ семидесятыхъ годовъ проявилось и преобладало идейное народническое настроеніе. Отличительной чертой ихъ настроенія являлось народолюбіе. Любовь къ народу была для нихъ не пустымъ звукомъ, а живымъ, дѣятельнымъ чувствомъ и они въ своей земской дѣятельности видѣли исполненіе лежавшаго на нихъ нравственнаго долга. Въ этомъ именно сознаніи и заключалась коренная основа нашего взаимнаго пониманія и нашей солидарности въ земской работѣ. Господствующее въ это время въ средѣ земскихъ тружениковъ настроеніе очень вѣрно было характеризовано Ѳ. Ѳ. Эрисманомъ въ отвѣтномъ письмѣ его въ декабрѣ 1896 г. на привѣтствіе земскихъ врачей, посланное ему въ Цюрихъ послѣ вынужденнаго оставленія имъ каѳедры въ московскомъ университетѣ и, одновременно, дѣятельности въ санитарной организаціи московскаго земства. Швейцарецъ по происхожденію, Ѳ. Ѳ. Эрисманъ много лѣтъ про-

жилъ, проработалъ въ Россіи и проникся глубокимъ пониманіемъ духа земской общественной среды. Онъ видѣлъ въ русскихъ людяхъ людей отзывчивыхъ, съ теплой душой, съ болѣе широкимъ (чѣмъ на западѣ) взглядомъ на жизнь, идеалистовъ, проникнутыхъ желаніемъ работать для другихъ, людей, движимыхъ глубокой вѣрой въ торжество альтруистическихъ идей. Въ концѣ своего письма онъ говоритъ: „Дорогіе товарищи, держитесь крѣпко земской идеи, земскаго дѣла; лелѣйте эту идею, сплачивайтесь все крѣпче и крѣпче во имя ея, храните ее какъ зеницу ока, она всегда будетъ для васъ источникомъ радости, она всегда согрѣетъ вашу душу, освѣтитъ вашъ жизненный путь лучезарнымъ пламенемъ". Однообразное пониманіе управой и земскими тружениками сущности земской идеи сближало насъ въ нашей работѣ и являлось въ высшей степени благопріятнымъ для нея условіемъ. Настроеніе, которое при моемъ вступленіи въ губернскую управу я засталъ господствующимъ среди земскихъ служащихъ, сохранилось въ значительной мѣрѣ въ теченіе всего времени моей службы въ губернскомъ земствѣ, но за послѣдніе годы, насколько могу судить, наблюдая со стороны, въ настроеніи этой среды произошло, къ сожалѣнію, замѣтное измѣненіе подъ вліяніемъ получившей большое распространеніе вообще въ кругахъ нашей интеллигенціи идеологіи марксизма.

Одиннадцатилѣтняя работа въ московскомъ губернскомъ земствѣ доставляла мнѣ большое удовлетвореніе, являясь для меня практическимъ нравственнымъ дѣломъ, отвѣчающимъ моему жизнепониманію и устанавливающимъ внутреннее равновѣсіе въ человѣкѣ. До конца дней моихъ сохраню чувство искренней, горячей благодарности къ московскому губернскому земскому собранію, оказавшему мнѣ высокое довѣріе, въ которомъ, въ теченіе всего періода моей дѣятельности въ должности предсѣдателя губернской управы, я находилъ незамѣнимую нравственную поддержку, а равно ко всѣмъ товарищамъ моимъ и сотрудникамъ въ земской работѣ.

ГЛАВА II.

Мое пониманіе земской идеи и задачъ, преслѣдуемыхъ земствомъ. Организація взаимодѣйствія земскихъ учрежденій московской губерніи. Разрѣшеніе въ московскомъ земствѣ вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ между губернскимъ и уѣздными земствами.

Я всегда понималъ земскую идею, какъ идею этико-соціальную, призывающую всѣхъ членовъ земскихъ союзовъ къ выполненію требованій общественной правды и справедливости, требованій нравственнаго долга. Лежащіе въ основѣ всѣхъ соціальныхъ отношеній и установленные жизнью—право собственности на землю и капиталистическій строй промышленности и торговли обусловливаютъ неизбѣжность неравномѣрнаго распредѣленія средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія потребностей всѣхъ людей, и земскіе союзы, по моему убѣжденію, имѣютъ главной своей задачей постепенное ослабленіе исторически сложившейся соціальной несправедливости. Каждый членъ земскаго союза долженъ участвовать въ образованіи необходимыхъ земству средствъ и уплачивать земскіе налоги пропорціонально своимъ капиталу и доходу, а при распредѣленіи собранныхъ такимъ путемъ средствъ земскія учрежденія въ своей дѣятельности должны имѣть въ виду, преимущественно, обезпеченіе классовъ, не имѣющихъ возможности получать необходимое удовлетвореніе своихъ культурныхъ и матеріальныхъ потребностей по недостатку собственныхъ средствъ. Въ земскомъ общественномъ дѣлѣ недопустимо условіе, при которомъ плательщики земскихъ сборовъ считали бы себя въ правѣ предъявлять земскому союзу требованіе, чтобы каждый его членъ пользовался выгодами, доставляемыми на общія средства, пропорціонально уплачиваемой имъ суммѣ сборовъ; такое условіе противорѣчитъ духу общественной солидарности и придавало бы земскому дѣлу характеръ хозяйственнаго, коммерческаго предпріятія. Лица и классы общества, въ рукахъ

которыхъ при существующемъ соціальномъ строѣ сосредоточиваются болѣе или менѣе крупныя средства, не могутъ не признавать нравственной своей обязанности удѣлять часть своихъ избытковъ на удовлетвореніе потребностей значительной массы населенія, страдающей отъ несправедливо сложившихся соціально-экономическихъ условій жизни. На этомъ же основаніи вполнѣ справедливы и принципіально необходимы участіе городовъ въ составѣ земскихъ учрежденій и привлеченіе городскихъ имуществъ къ земскому обложенію. Города являются средоточіемъ буржуазныхъ классовъ, сложившихся на почвѣ существующаго соціальнаго строя, и привлеченіе владѣльцевъ городскихъ имуществъ, наравнѣ съ владѣльцами промышленныхъ предпріятій и крупными землевладѣльцами, къ образованію средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія насущныхъ потребностей основной массы населенія страны, вызывается требованіями элементарной справедливости.

Земство является общественнымъ союзомъ всего населенія данной мѣстности и въ правильномъ развитіи земской дѣятельности заинтересовано все населеніе. Въ силу этого нельзя не признать, что принципіально право участія въ земскихъ учрежденіяхъ должно принадлежать всѣмъ, живущимъ на территоріи данной земской единицы, путемъ общаго и равнаго участія въ избраніи земскихъ гласныхъ. Однако, при сложившемся укладѣ всей общественной жизни, столкновеніе классовыхъ интересовъ съ одной стороны, и съ другой — недостаточное проникновеніе въ сознаніе людей значенія нравственныхъ идей, какъ идей, руководящихъ личной и общественной дѣятельностью, приводятъ къ практическому заключенію, что активное участіе въ выборѣ гласныхъ при данныхъ условіяхъ цѣлесообразнѣе предоставить лишь плательщикамъ земскихъ сборовъ. Но, допуская такое ограниченіе, я полагаю, что активное избирательное право должно быть предоставлено всѣмъ плательщикамъ земскихъ сборовъ, независимо отъ размѣра оклада, и что къ земскому обложенію должно быть привлечено, кромѣ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ, большинство остального населенія посредствомъ установленія въ пользу земскихъ учрежденій налоговъ квартирнаго или подоходнаго при очень низкомъ existenz-minimum'ѣ. Что касается пассивнаго избирательнаго права, какъ при выборѣ гласныхъ, такъ

и при избраніи лицъ на земскія должности, то тутъ не должно быть мѣста для какихъ либо ограниченій.

Земское дѣло по существу и характеру своему не можетъ быть сравниваемо съ дѣломъ хозяйственнымъ, коммерческимъ. Земское дѣло не базируется на основномъ капиталѣ и совершенно не преслѣдуетъ цѣли полученія прибыли отъ своей дѣятельности. Затѣмъ, въ частномъ хозяйствѣ и въ каждомъ коммерческомъ предпріятіи необходимо всѣ предстоящіе расходы ограничивать размѣромъ средствъ, находящихся въ распоряженіи владѣльцевъ; въ земскомъ же дѣлѣ разъ извѣстная общественная потребность назрѣла, то вызываемый ея удовлетвореніемъ расходъ ***долженъ быть*** вносимъ въ земскія смѣты и необходимыя средства ***должны быть*** покрыты увеличеніемъ земскаго обложенія. При этомъ представляется лишь важнымъ соблюденіе слѣдующихъ условій: во-первыхъ, вновь выдвигающаяся земская потребность должна быть предварительно выяснена тщательнымъ и объективнымъ изслѣдованіемъ, а необходимость ея удовлетворенія опредѣленно сознана земской средой; во-вторыхъ, для новой потребности нужно путемъ всесторонняго изученія выработать соотвѣтствующій планъ дѣйствій въ цѣляхъ возможно полнаго и справедливаго ея удовлетворенія при наименьшей затратѣ средствъ; въ-третьихъ, расходы на капитальныя затраты, предназначаемыя служить удовлетворенію нуждъ не только даннаго времени, но и интересамъ послѣдующихъ поколѣній, слѣдуетъ производить не за счетъ текущихъ средствъ, а путемъ займовъ съ постепеннымъ ихъ погашеніемъ ежегодными смѣтными ассигнованіями.

Земская общественная работа по существу своему должна быть работой коллективной и совершаться въ планомѣрномъ взаимодѣйствіи всѣхъ элементовъ, призванныхъ къ участію въ ней. Такъ какъ Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ 12-го іюня 1890 года завѣдываніе удовлетвореніемъ земскихъ потребностей было возложено въ каждой губерніи на обязанность губернскаго и уѣздныхъ земствъ, то согласованность ихъ образа дѣйствій являлась однимъ изъ главныхъ условій успѣшности развитія и осуществленія земскихъ мѣропріятій. Во внутренней жизни каждаго земства очень большое значеніе имѣетъ характеръ отношеній между распорядительнымъ и исполнительнымъ органами земскаго управленія. Если земское

собраніе получаетъ въ докладахъ и объясненіяхъ управы всѣ данныя, необходимыя для всесторонняго ознакомленія со всѣми отраслями земскаго дѣла, и если земскіе гласные принимаютъ дѣятельное участіе въ различныхъ комиссіяхъ и совѣтахъ при управахъ, то собраніе сохранитъ живой интересъ къ порученному ему дѣлу и явится дѣйствительнымъ его руководителемъ. Если управа будетъ проявлять широкую иниціативу въ развитіи земскихъ начинаній, будетъ вызывать соотвѣтствующія постановленія собранія и при ихъ выполненіи дѣйствовать въ предѣлахъ предоставленныхъ ей собраніемъ полномочій, то между собраніемъ и управой установятся столь необходимыя взаимное довѣріе и плодотворное сотрудничество.

Въ земскомъ дѣлѣ значительная часть общей отвѣтственной работы выпадаетъ на долю земскихъ служащихъ, людей спеціальныхъ знаній. Правильная постановка отношеній между избранными представителями земства и земскими работниками, приглашаемыми управами, имѣетъ особенно важное значеніе для цѣлесообразнаго направленія и успѣха земскаго дѣла. Для того, чтобы работа, такъ называемаго, „третьяго элемента“ явилась наиболѣе плодотворной, необходимо, чтобы положеніе, этимъ лицамъ предоставленное, и работа, ими выполняемая, давали имъ моральное удовлетвореніе, и чтобы работа ихъ проходила въ такихъ условіяхъ, которыя обязывали бы ихъ работать не за страхъ, а за совѣсть. Въ этихъ цѣляхъ имъ должно быть предоставлено право иниціативы въ вопросахъ по ихъ спеціальности; они должны быть привлекаемы къ выясненію земскихъ потребностей и къ выработкѣ плановъ и способовъ ихъ удовлетворенія; они должны входить въ составъ состоящихъ при управахъ совѣтовъ по различнымъ спеціальностямъ и, наконецъ, они должны объединяться въ корпоративныхъ организаціяхъ, такъ какъ это условіе лучше всего воспитываетъ въ ихъ средѣ чувства общественной солидарности и моральной отвѣтственности за свои дѣйствія. Вообще въ основу всей земской дѣятельности должно быть положено постоянное стремленіе къ тѣсному, основанному на взаимномъ довѣріи, единенію всѣхъ элементовъ и силъ, призванныхъ къ участію въ земской работѣ.

Я изложилъ мое пониманіе земской идеи и основъ постановки земскаго дѣла, пониманіе, съ которымъ я вступилъ въ

исправленіе обязанности предсѣдателя московской губернской управы и которое укрѣпилось и развилось во мнѣ за время моей дѣятельности въ московскомъ губернскомъ земствѣ, а теперь перехожу къ нѣкоторымъ вопросамъ, связаннымъ съ этой дѣятельностью. Характерной чертой дѣятельности московскаго губернскаго земства съ самаго начала ея возникновенія является широкое содѣйствіе уѣзднымъ земствамъ въ ихъ начинаніяхъ. Содѣйствіе это выражалось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и касалось почти всѣхъ отраслей земскаго дѣла, при чемъ въ основу своего содѣйствія губернское земство всегда полагало сохраненіе самостоятельности уѣздныхъ земствъ. Содѣйствіе уѣздамъ проявилось съ первыхъ лѣтъ введенія земскихъ учрежденій и еще въ то время, когда средства губернскаго земства были крайне ограничены. Московское губернское земство всегда усматривало во взаимодѣйствіи губернскаго и уѣздныхъ земствъ необходимый залогъ успѣшнаго развитія земской жизни, но въ первые годы это взаимодѣйствіе не получило еще надлежащей организаціи. Губернская управа въ новомъ составѣ, избранномъ въ мартѣ 1893 года, имѣя въ виду многочисленные запросы, выдвинутые жизнью и требовавшіе широкаго развитія земской дѣятельности, сочла одной изъ главныхъ и ближайшей своей задачей содѣйствовать установленію болѣе тѣснаго взаимодѣйствія всѣхъ земствъ губерніи и обезпечить ему необходимую планомѣрность. Въ этихъ цѣляхъ 15 апрѣля 1893 г. въ губернской управѣ состоялось совѣщаніе съ предсѣдателями уѣздныхъ управъ, на которомъ было признано желательнымъ, чтобы такого рода совѣщанія для разрѣшенія вопросовъ, имѣющихъ общее значеніе для всѣхъ земскихъ управъ губерніи, получили постоянную организацію и созывались періодически черезъ каждые два мѣсяца и, кромѣ того, по мѣрѣ надобности по усмотрѣнію губернской управы. Инициатива возбужденія вопросовъ, подлежащихъ обсужденію совѣщанія, была предоставлена какъ губернской, такъ равно и уѣзднымъ управамъ. Съ тѣхъ поръ совѣщаніе предсѣдателей земскихъ управъ дѣйствовало какъ постоянное учрежденіе, и, несомнѣнно, въ значительной мѣрѣ содѣйствовало укрѣпленію связи въ работѣ губернскаго и уѣздныхъ земствъ. Сначала новая организація встрѣтила въ средѣ губернскаго земскаго собранія со стороны нѣкоторыхъ гласныхъ

несочувственное отношеніе; гласные, повидимому, опасались, чтобы заключенія совѣщанія предсѣдателей управъ не явились, какъ бы, предрѣшеніемъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію въ собраніи, но въ непродолжительномъ времени такого рода опасенія разсѣялись и собраніе очень часто возлагало на совѣщаніе предсѣдателей порученія по многимъ существеннымъ вопросамъ.

Содѣйствіе губернскаго земства уѣзднымъ осуществлялось путемъ выдачи безвозвратныхъ пособій и безпроцентныхъ ссудъ. Возвратъ послѣднихъ производился очень неисправно и значительная часть срочныхъ платежей оставалась за уѣздами въ недоимкахъ. Кромѣ того, многія уѣздныя управы, получая губернскій земскій сборъ, не передавали его своевременно по назначенію и удерживали поступавшія суммы для покрытія текущихъ расходовъ уѣзднаго земства. Такой порядокъ въ денежныхъ расчетахъ вызывалъ въ губернскомъ собраніи неоднократно выраженіе возмущенія и недовольства. Губернское собраніе часто дѣлало постановленія въ цѣляхъ побужденія уѣздныхъ земствъ урегулировать выполненіе своихъ обязательствъ и поручало губернской управѣ изыскивать мѣры для упорядоченія денежныхъ расчетовъ съ уѣздами. Когда въ губернскомъ собраніи возникалъ вопросъ о расчетахъ съ уѣздами, то мнѣ всегда представлялось безспорнымъ, что неисправность уѣздныхъ земствъ не можетъ быть преднамѣренной, не зависитъ отъ воли уѣздныхъ управъ, а вызывается исключительно недостаткомъ денежныхъ средствъ въ распоряженіи уѣздныхъ управъ. Этотъ недостатокъ въ свою очередь находился въ зависимости, съ одной стороны, отъ зачисленія въ земскія смѣты доходовъ такихъ статей, какъ, напримѣръ, недоимки земскихъ сборовъ и свободная наличность суммъ, которыя должны служить покрытіемъ обязательствъ земства за прежнее время, а съ другой—веденіемъ земствами различныхъ оборотовъ, не связанныхъ съ текущей смѣтой, и въ размѣрахъ, не соотвѣтствующихъ имѣющемуся въ распоряженіи земства запасу оборотныхъ средствъ.

Однимъ изъ необходимѣйшихъ условій успѣшнаго веденія земскаго хозяйства, какъ и вообще всякаго болѣе или менѣе крупнаго дѣла, является правильная постановка счетоводства. Существовавшій до 1893 года въ губернской и уѣздныхъ упра-

вахъ московской губерніи порядокъ счетоводства совершенно не соотвѣтствовалъ особенностямъ и требованіямъ земскаго дѣла и не открывалъ возможности судить о томъ, въ какомъ соотвѣтствіи къ началу и концу каждаго отчетнаго періода находится итогъ всѣхъ средствъ, которыми располагаетъ земство, со всѣми его обязательствами. Въ виду этого губернская управа признала необходимымъ примѣнить въ своемъ счетоводствѣ систему двойной бухгалтеріи и предложила совѣщанію предсѣдателей управъ эту же систему ввести, начиная съ 1894 г., во всѣхъ уѣздныхъ управахъ. Совѣщаніе съ этимъ предложеніемъ согласилось, а губернское собраніе въ очередной сессіи 1893 г. одобрило предложеніе губернской управы и совѣщанія предсѣдателей управъ и поручило губернской управѣ пригласить бухгалтера, спеціалиста двойного счетоводства, для руководства и однообразнаго введенія новаго порядка счетоводства въ уѣздныхъ управахъ. Въ слѣдующемъ году всѣ уѣздныя собранія съ своей стороны отнеслись сочувственно къ предложенію совѣщанія предсѣдателей управъ. Вскорѣ по введеніи новаго порядка счетоводства губернскому собранію выяснилось опредѣленно, что исправность возврата заимствуемыхъ уѣздами изъ губернской кассы суммъ находится въ прямой зависимости отъ финансоваго положенія уѣздныхъ земствъ, и собраніе поручило совѣщанію предсѣдателей земскихъ управъ выработать мѣры, обезпечивающія необходимое равновѣсіе между средствами и обязательствами каждаго земства. Совѣщаніемъ былъ выработанъ порядокъ составленія ежегодныхъ балансовъ и былъ предложенъ рядъ мѣръ для установленія и сохраненія необходимаго равновѣсія между активомъ и пассивомъ и, между прочимъ, было проектировано правило, чтобы въ смѣту доходовъ на предстоящій годъ не зачислялись ни недоимка земскихъ сборовъ, ни свободная наличность, а лишь тотъ свободный остатокъ, который по послѣднему балансу представляетъ превышеніе всѣхъ средствъ земства надъ его обязательствами. Въ очередной сессіи 1897 года предложенныя совѣщаніемъ предсѣдателей мѣры были утверждены губернскимъ и всѣми уѣздными собраніями. Такимъ образомъ была исключена возможность ухудшенія финансоваго положенія земствъ путемъ несоотвѣтствующаго интересамъ дѣла составленія доходныхъ смѣтъ и былъ уста-

новленъ порядокъ составленія ежегодныхъ балансовъ, открывавшій возможность каждому земству имѣть отчетливое представленіе о своемъ финансовомъ положеніи. Въ дальнѣйшемъ на ухудшеніе денежнаго хозяйства уѣздныхъ земствъ могли имѣть вліяніе лишь допускаемые управами перерасходы при исполненіи смѣтъ и развитіе непредусматриваемыхъ смѣтами разныхъ оборотовъ въ размѣрѣ, превышающемъ накопленный земствомъ запасъ оборотныхъ средствъ. Губернская управа придавала особенно важное значеніе упорядоченію счетоводства, какъ въ губернской, такъ и въ уѣздной управахъ, усматривая въ этомъ необходимое условіе успѣшнаго развитія земской дѣятельности въ губерніи, возможнаго лишь при широкомъ субсидированіи уѣздныхъ земствъ губернскимъ.

Въ теченіе перваго тридцатилѣтія своей дѣятельности московское губернское земство проявляло свое содѣйствіе уѣзднымъ земствамъ въ предѣлахъ нормъ, однообразно устанавливаемыхъ для всѣхъ уѣздовъ губерніи, не принимая во вниманіе степени обезпеченности ихъ мѣстными средствами. Такая равномѣрность не представлялась, конечно, вполнѣ справедливой и не могла обезпечивать равномѣрное удовлетвореніе потребностей населенія всей губерніи. Это неблагопріятное условіе сознавалось губернскимъ собраніемъ давно и уже въ 1878 году, приступая къ активнымъ мѣропріятіямъ въ дѣлѣ обезпеченія народнаго здравія, собраніе впервые внесло въ свою смѣту 18.000 р. на устройство и содержаніе лѣчебницы „въ одномъ изъ *бѣднѣйшихъ* уѣздовъ“. Этимъ же принципомъ собраніе руководилось и впослѣдствіи при устройствѣ сѣти губернскихъ лѣчебницъ въ уѣздахъ; но назначеніе денежныхъ пособій всѣмъ уѣздамъ производилось до 1896 года на прежнемъ основаніи.

Въ очередной сессіи 1894 года губернская управа докладывала собранію о работахъ организованнаго собраніемъ совѣщанія по вопросамъ народнаго образованія и, между прочимъ, представила докладъ подготовительной комиссіи [1]), одобренный совѣщаніемъ—„о мѣрахъ, необходимыхъ для того, чтобы сдѣлать начальное обученіе доступнымъ для всего населенія губерніи“. Къ докладу былъ приложенъ проектъ сѣти школьныхъ

[1]) Докладчикомъ былъ Д. А. Наумовъ.

районовъ, согласно которому признавалось нужнымъ открыть въ губерніи вновь 223 нормальныхъ училища и 101 филіальное отдѣленіе. Представляя этотъ докладъ, губернская управа съ своей стороны говорила, что губернское земство не можетъ ограничиться только теоретической разработкой вопроса и, несомнѣнно, признаетъ необходимымъ принять матеріальное участіе въ предстоящихъ всѣмъ земствамъ губерніи расходахъ по осуществленію проектированной сѣти училищъ. Участіе губернскаго земства представлялось особенно необходимымъ, потому что суммы доходности имуществъ, облагаемыхъ уѣздными земствами, очень различны въ разныхъ уѣздахъ и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ которыхъ доходность облагаемыхъ имуществъ не велика и въ которыхъ существовалъ уже очень высокій процентъ земскаго обложенія, для осуществленія общедоступности обученія нужно было бы удвоить ассигновку на народное образованіе, что являлось для нихъ совершенно непосильнымъ. Значительная разница по отдѣльнымъ уѣздамъ въ суммахъ доходности имуществъ, подлежащихъ обложенію, обусловливается, главнымъ образомъ, тѣмъ, насколько въ томъ или другомъ уѣздѣ источникомъ обложенія являются земля или фабрики и заводы. Земскія потребности въ уѣздахъ не умаляются при отсутствіи фабрикъ и заводовъ, а отсутствіе послѣднихъ вызываетъ необходимость значительнаго увеличенія процента обложенія другихъ видовъ имуществъ. Въ то же время, при существующемъ порядкѣ обложенія имуществъ земскими сборами, создается большая неравномѣрность въ обложеніи фабрикъ и заводовъ на территоріи всей губерніи. Фабричныя и заводскія предпріятія концентрируются около г. Москвы и нѣкоторыхъ другихъ промышленныхъ пунктовъ губерніи и въ этихъ уѣздахъ, вслѣдствіе обилія источниковъ обложенія, процентъ его не высокъ; такъ, въ 1895 г. въ московскомъ уѣздѣ, напримѣръ, онъ былъ опредѣленъ въ $4^3/_4\,\%$, тогда какъ въ то же время немногочисленные фабрики и заводы, находящіеся въ уѣздахъ, отдаленныхъ отъ промышленныхъ центровъ, были обложены высокимъ сборомъ, доходившимъ до $17^1/_2\,\%$. При этомъ надо имѣть въ виду, что оцѣнка фабрикъ и заводовъ, а также и земель, производилась преимущественно по нормамъ, выработаннымъ губернскимъ земствомъ.

Мнѣ всегда представлялось и теперь я держусь того же мнѣнія, что предоставленіе земскимъ учрежденіямъ права обложенія заводовъ и фабрикъ въ зависимости отъ ихъ мѣстонахожденія противорѣчитъ требованіямъ общественной справедливости. Неравномѣрность распредѣленія этихъ объектовъ обложенія, указанная по отношенію уѣздовъ московской губерніи, имѣетъ не меньшее значеніе по отношенію земствъ различныхъ губерній. Наличность промышленныхъ заведеній въ той или другой мѣстности имѣетъ для земскихъ учрежденій случайный характеръ, а, между тѣмъ, населеніе всей страны въ правѣ требовать равнаго удовлетворенія своихъ земскихъ потребностей, при равномъ по возможности напряженіи всѣхъ земскихъ плательщиковъ. Достигнуть этой цѣли было бы возможно въ томъ случаѣ, если обложеніе всѣхъ промышленныхъ предпріятій и отчисленія, которыя должны быть удѣляемы земскимъ учрежденіямъ отъ всѣхъ видовъ промыслового обложенія, сосредоточивались бы въ какомъ-либо центральномъ государственномъ учрежденіи и затѣмъ поступившія суммы подлежали бы распредѣленію между всѣми губернскими земствами, на основаніи установленныхъ для того нормъ, принимая во вниманіе обезпеченность земствъ источниками мѣстныхъ средствъ, напряженность ихъ плательщиковъ, интенсивность земской дѣятельности и т. п. условія. Распоряженіе получаемыми такимъ образомъ средствами или распредѣленіе ихъ между уѣздами въ каждой губерніи могло бы быть предоставлено губернскому земству по соглашенію съ уѣздами. Но, пока вопросъ этотъ не получитъ своего разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ, мнѣ казалось возможнымъ примѣнить этотъ принципъ при обложеніи промышленныхъ заведеній въ предѣлахъ одной губерніи.

Мои товарищи по управѣ согласились съ изложенными мной соображеніями и губернская управа признала желательнымъ предложить губернскому собранію одобрить принципъ равномѣрнаго обложенія всѣхъ фабрикъ, заводовъ и промышленныхъ заведеній въ московской губерніи, сосредоточить ихъ обложеніе въ губернскомъ земствѣ и такимъ путемъ получить источникъ средствъ, необходимыхъ для осуществленія общедоступности начальнаго обученія. Въ заключеніе своего доклада губернская управа просила собраніе дать ей порученіе разработать указан-

ный вопросъ въ подробностяхъ и представить о томъ докладъ слѣдующему очередному собранію. Губернское собраніе 20 января 1895 г. признало нужнымъ передать проектъ сѣти училищъ и финансовыя предположенія губернской управы на предварительное разсмотрѣніе уѣздныхъ собраній.

Вопросъ объ общедоступности начальнаго обученія былъ разсмотрѣнъ и разрѣшенъ губернскимъ собраніемъ въ экстренной сессіи въ апрѣлѣ 1896 г.. Губернская управа, въ виду того, что ея предположенія о равномѣрномъ обложеніи всѣхъ промышленныхъ заведеній губерніи не встрѣтили сочувствія въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и что осуществленіе этого проекта сопряжено съ затрудненіями формальнаго порядка, представила собранію иной финансовый планъ содѣйствія губернскаго земства уѣзднымъ. Въ своемъ докладѣ губернская управа привела свѣдѣнія—о населеніи уѣздовъ, о доходности земель и другихъ имуществъ, облагаемыхъ въ каждомъ изъ уѣздовъ, о расходахъ, внесенныхъ въ уѣздныя смѣты на 1896 г., о существующихъ процентахъ обложенія и о новыхъ расходахъ, предстоящихъ по осуществленію проектированной сѣти училищъ по каждому уѣзду. Приведенныя данныя свидѣтельствовали о значительномъ различіи въ положеніи уѣздовъ; такъ, напримѣръ, въ московскомъ уѣздѣ на одного жителя приходилось 31 руб. 27 коп. доходности имуществъ, облагаемыхъ земскимъ сборомъ, и при $4^{3}/_{4}\,^{0}/_{0}$ обложенія расходовалось на удовлетвореніе земскихъ потребностей каждаго жителя 2 руб. 01 коп., а въ волоколамскомъ уѣздѣ приходилось на каждаго жителя 3 руб. 16 коп. доходности и 68 коп. земскихъ расходовъ при обложеніи въ $17^{1}/_{2}\,^{0}/_{0}$. Новые расходы для осуществленія общедоступности обученія вызывали увеличеніе процента обложенія въ московскомъ уѣздѣ на $0{,}_{144}\,^{0}/_{0}$, а въ волоколамскомъ на $3{,}_{021}\,^{0}/_{0}$. Эти условія съ убѣдительностью свидѣтельствовали, что губернское земство обязано построить свое содѣйствіе такъ, чтобы по возможности регулировать существующую неравномѣрность въ условіяхъ земской жизни уѣздовъ и въ удовлетвореніи потребностей населенія всей губерніи; въ этомъ губернская управа видѣла одну изъ главнѣйшихъ задачъ губернскихъ земствъ и цѣль ихъ существованія въ качествѣ крупныхъ земскихъ единицъ. На основаніи приведенныхъ въ докладѣ данныхъ управа предлагала признать,—что 5 уѣздовъ имѣютъ возможность осуществить

проектированную сѣть училищъ самостоятельно, что 2 уѣзда могутъ получить пособія губернскаго земства послѣ того, какъ они откроютъ на свои средства—одно пять новыхъ училищъ и другое два, и что остальнымъ 6 уѣздамъ пособія должны быть ассигнованы по мѣрѣ осуществленія ими новаго проекта. Величину пособій управа предложила опредѣлить въ размѣрѣ 80% предстоявшихъ каждому уѣзду новыхъ расходовъ; при этомъ условіи 8 уѣздамъ, при полученіи пособій губернскаго земства, предстояло увеличить процентъ уѣзднаго обложенія на $0,_{426}\%$ въ среднемъ, а въ 5 уѣздахъ, не получающихъ губернскихъ пособій, предстоявшее увеличеніе обложенія опредѣлялось въ среднемъ въ $0,_{267}\%$. Субсидіи, назначаемыя губернскимъ земствомъ, по мнѣнію губернской управы, должны были поступать въ полное распоряженіе уѣздныхъ земствъ. Проектируемымъ пособіямъ управа предлагала присвоить имя Д. А. Наумова, скончавшагося лѣтомъ 1895 г. Губернское собраніе одобрило всѣ предположенія управы и этимъ постановленіемъ была положена основа содѣйствія уѣзднымъ земствамъ въ зависимости отъ ихъ обезпеченности мѣстными источниками средствъ. Съ этого времени установленный принципъ проводился московскимъ губернскимъ земствомъ послѣдовательно во всѣхъ областяхъ его взаимодѣйствія съ уѣздными земствами, при чемъ размѣръ пособій все болѣе индивидуализировался, согласно особенностямъ условій каждаго уѣзда, и принимались во вниманіе постепенныя измѣненія, происходящія въ этихъ условіяхъ. Этотъ же принципъ былъ примѣненъ губернскимъ собраніемъ въ очередной сессіи 1898 г. при утвержденіи правилъ пользованія уѣздными земствами кредитомъ изъ запаснаго капитала губернскаго земства. На основаніи этихъ правилъ каждому уѣзду былъ открытъ безпроцентный кредитъ въ размѣрѣ до 75.000 рублей, но сроки возврата заимствуемыхъ суммъ установлены различные—4, 6, 8, 10, 12 и 15 лѣтъ, соотвѣтственно суммамъ доходности имуществъ, привлекаемыхъ къ обложенію; чѣмъ больше доходность, тѣмъ короче срокъ возврата.

Упорядоченіемъ счетоводства, предоставленіемъ значительнаго безпроцентнаго кредита и установленіемъ принципа оказывать свое содѣйствіе преимущественно уѣздамъ, ощущающимъ особенно остро недостатокъ мѣстныхъ средствъ, губернское земство создало благопріятныя условія для своего взаимодѣйствія

съ уѣздными земствами и вызвало усиленное развитіе земской дѣятельности въ губерніи. Но для успѣшнаго развитія земскихъ мѣропріятій и для достиженія намѣчаемыхъ цѣлей при наименьшей затратѣ силъ и средствъ необходимо, чтобы работа губернскаго и уѣздныхъ земствъ руководилась всегда опредѣленной системой, твердо установленными правилами. Это условіе нужно не только для обезпеченія планомѣрности земской дѣятельности, но и для сохраненія всегда устойчиваго равновѣсія въ финансовомъ положеніи земства. При выработкѣ системы дѣйствія въ той или другой отрасли земскаго дѣла необходимо одновременное составленіе финансоваго плана удовлетворенія данной потребности, принимая во вниманіе какъ имѣющіяся въ распоряженіи земства средства, такъ и обезпеченіе своевременнаго притока новыхъ средствъ. Опредѣляемыя при составленіи плана нормы расходовъ, пособій и ссудъ не должны подвергаться затѣмъ увеличеніямъ случайнаго характера, а если установленныя нормы окажутся со временемъ недостаточными, то ихъ увеличенію и примѣненію новыхъ нормъ должны непремѣнно предшествовать всестороннее освѣщеніе вопроса и составленіе новаго финансоваго плана. Предварительная разработка такого рода вопросовъ по характеру своему должна быть отнесена къ кругу обязанностей губернскихъ земствъ, что не исключаетъ, конечно, иниціативу уѣздныхъ земствъ въ возбужденіи новыхъ вопросовъ. Руководящія правила, вырабатываемыя губернскимъ собраніемъ, состоящимъ изъ представителей уѣздныхъ земствъ, не могутъ разсматриваться послѣдними, какъ положенія, составленныя постороннимъ для нихъ учрежденіемъ. Проектированныя правила въ зависимости отъ ихъ существа и значенія прежде ихъ утвержденія губернскимъ собраніемъ, должны быть передаваемы на предварительное заключеніе уѣздныхъ собраній и они, въ сущности, являются плодомъ коллективной работы губернскаго и уѣздныхъ земствъ. Только при условіи постановки земскаго дѣла на твердыхъ началахъ и веденія его по опредѣленной системѣ дѣятельность уѣздныхъ земствъ будетъ обезпечена отъ случайныхъ мѣстныхъ вліяній.

Изложенными соображеніями всегда руководилась губернская управа и, внося въ теченіе первыхъ лѣтъ своей дѣятельности на одобреніе собранія цѣлый рядъ проектовъ правилъ, регулирующихъ содѣйствіе губернскаго земства уѣзднымъ, губернская

управа всегда высказывалась за установленіе порядка, въ силу котораго пособія и ссуды выдавались бы уѣздамъ лишь при условіи соблюденія ими одобренныхъ губернскимъ собраніемъ основаній и собраніе съ этимъ соглашалось. Соблюденіе этого условія обезпечиваетъ устойчивость положенія финансоваго хозяйства губернскаго земства но, кромѣ принципіальныхъ соображеній, губернская управа придавала особенное значеніе этому условію еще и потому, что съ 1892 г. къ обложенію губернскимъ земскимъ сборомъ были привлечены всѣ имущества въ г. Москвѣ. Признавая справедливость и принципіальную необходимость привлеченія г. Москвы къ уплатѣ земскихъ сборовъ, мы въ то же время стремились къ тому, чтобы содѣйствіе губернскаго земства уѣзднымъ опредѣлялось въ предѣлахъ дѣйствительной потребности дѣла, несомнѣннымъ недостаткомъ мѣстныхъ средствъ и чтобы широко развиваемое содѣйствіе уѣздамъ не послужило поводомъ для переложенія уѣздныхъ расходовъ на губернскую кассу, пополняемую въ значительной мѣрѣ обложеніемъ г. Москвы, на которую дѣйствіе общихъ правилъ о содѣйствіи губернскаго земства не распространялось.

Наши предчувствія и опасенія въ этомъ отношеніи не оказались неосновательными и попытки представителей уѣздныхъ земствъ возбуждать въ губернскомъ собраніи ходатайства и вызывать ихъ разрѣшеніе въ противорѣчіе установленнымъ правиламъ не замедлили проявиться] и] съ каждымъ годомъ усиливались. Такой образъ дѣйствій получилъ особенно значительное примѣненіе во время очередной сессіи 1897 года. Привожу нѣсколько примѣровъ: 20 января 1895 г. губернское собраніе утвердило выработанныя совѣщаніемъ по народному образованію правила о приплатахъ изъ средствъ губернскаго земства къ жалованію учителей и учительницъ и постановило ввести ихъ въ дѣйствіе съ 1-го января 1896 г.. § 3-й этихъ правилъ устанавливалъ, что приплатами могутъ пользоваться только лица, получающія изъ мѣстныхъ средствъ жалованья не менѣе 200 р. и имѣющія необходимый образовательный цензъ. Можайское собраніе въ очередной сессіи 1897 г. опредѣлило жалованье помощницамъ учителей въ 180 руб. и возбудило ходатайство о назначеніи 7 помощницамъ приплаты изъ губернскихъ средствъ по 20 р.. Губернская управа въ своемъ докладѣ и въ губернскомъ собраніи выяснила противорѣчіе этого ходатайства недавно

установленнымъ правиламъ и указывала на отсутствіе у нѣкоторыхъ изъ указанныхъ учительницъ образовательнаго ценза, но губернское собраніе тѣмъ не менѣе постановило большинствомъ голосовъ выдать испрашиваемую приплату, не принимая даже во вниманіе образовательнаго ценза этихъ учительницъ. Ничтожность разрѣшенной ассигновки (140 р.), покрыть которую изъ уѣздныхъ средствъ не могло быть затруднительнымъ, еще болѣе подчеркивало принципіальный характеръ уѣзднаго ходатайства и постановленія губернскаго собранія.—Второй примѣръ: 20-го же января 1895 г. были утверждены правила, опредѣляющія условія и размѣръ пособій и ссудъ, выдаваемыхъ губернскимъ земствомъ на постройку сельскихъ училищъ. Въ очередной сессіи 1897 г. три уѣздныя собранія возбудили вопросъ объ увеличеніи размѣра пособій и ссудъ на постройку школьныхъ зданій „до дѣйствительной потребности, опредѣляемой на основаніи исполнительныхъ смѣтъ“, какъ говорилось въ докладѣ одной уѣздной управы. Губернская управа обращала вниманіе на то, что, во 1-хъ, при установленіи размѣра пособій и ссудъ имѣлось въ виду не покрытіе изъ губернскихъ средствъ всей стоимости постройки училищъ, а лишь содѣйствіе мѣстной иниціативѣ, и что, во 2-хъ, со времени утвержденія правилъ прошли только 2 года и за этотъ срокъ строительная стоимость не могла значительно возрасти. Кромѣ того, губернская управа просила принять во вниманіе, что фондъ для выдачи ссудъ уже въ значительной мѣрѣ исчерпанъ, наличность его недостаточна даже для удовлетворенія всѣхъ предъявленныхъ ходатайствъ въ предѣлахъ установленныхъ нормъ и что, во всякомъ случаѣ, вновь возбужденный вопросъ долженъ быть предварительно переданъ на разсмотрѣніе и обсужденіе совѣщанія по вопросамъ народнаго образованія. Однако, не смотря на доводы губернской управы, собраніе постановило увеличить размѣръ ссудъ вдвое противъ установленнаго правилами размѣра. При обсужденіи такого рода вопросовъ представители уѣздовъ во время происходившихъ преній указывали на то, будто губернская управа не прислушивается къ голосу жизни, стремится къ опекѣ и посягаетъ на самостоятельность уѣздныхъ земствъ. Въ виду такихъ заявленій характерное значеніе получило постановленіе собранія по слѣдующему поводу. Въ докладѣ „о содѣйствіи сельскому хозяйству“ губернская управа между прочимъ, приведя свѣдѣнія о

сельскозяйственныхъ мѣропріятіяхъ можайскаго земства, свѣдѣнія, служившія убѣдительнымъ доказательствомъ, что агрономическая дѣятельность развивалась въ уѣздѣ успѣшно, сообщала о постановленіи уѣзднаго собранія, отклонившемъ всѣ предложенія уѣздной управы и уничтожившемъ должность уѣзднаго агронома. Никакихъ мотивовъ для такого постановленія ни въ журналѣ собранія, ни въ сообщеніи уѣздной управы изложено не было. Губернская управа, принимая во вниманіе, что мѣстное населеніе, въ средѣ котораго замѣтно развивалось стремленіе къ введенію правильнаго травосѣянія, будетъ лишено необходимой ему помощи, предлагала губернскому собранію просить можайское уѣздное собраніе пересмотрѣть свое постановленіе объ упраздненіи должности уѣзднаго агронома. Предсѣдатель можайской управы и губернскіе гласные этого уѣзда заявили, что для нихъ обсуждаемое постановленіе уѣзднаго собранія явилось неожиданностью, но они не пожелали сообщить содержаніе происходившихъ по этому поводу въ уѣздномъ собраніи преній. Въ предложеніи губернской управы трудно было усмотрѣть желаніе чѣмъ-либо нарушить самостоятельность уѣзднаго земства, но нѣкоторые гласные возражали противъ попытки „вторженія губернскаго земства въ домашнее уѣздное хозяйство“, и предложеніе губернской управы было собраніемъ отклонено.

Въ очередной сессіи 1897 г. предстояло переизбраніе всего состава губернской земской управы. При подачѣ записокъ кандидатомъ на должность предсѣдателя большинство намѣтило меня. Прежде чѣмъ подвергнуться баллотировкѣ, я обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой отмѣтилъ, что по всѣмъ вопросамъ губернскаго хозяйства губернская управа во время происходившей сессіи находила поддержку въ собраніи, но по вопросу объ отношеніи губернскаго земства къ уѣзднымъ неоднократно дѣлались указанія, что дѣятельность губернской управы посягаетъ на самостоятельность уѣздовъ, присваиваетъ себѣ роль опеки. Я говорилъ, что товарищи мои по управѣ и я считаемъ себя людьми земскими и такія указанія не могутъ не быть для насъ весьма тяжелыми. Считая необходимымъ устранить на будущее время возможность недоразумѣній и не желая оставлять чего-либо въ возникшемъ вопросѣ невыясненнымъ и недоговореннымъ, я подробно изложилъ предъ собра-

ніемъ мое пониманіе вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ между губернскимъ и уѣздными земствами. Высказавъ убѣжденіе, что исполнительный органъ только тогда въ состояніи выполнить свою задачу, если между нимъ и собраніемъ существуетъ полная солидарность, я просилъ гласныхъ принять во вниманіе при баллотировкѣ все мною изложенное и закончилъ словами: „мнѣ пріятнѣе быть не выбраннымъ, если мои мысли не раздѣляются многими гласными, чѣмъ быть избраннымъ и впослѣдствіи не найти нравственной поддежки со стороны большинства собранія". Послѣ этого происходила баллотировка и я былъ избранъ большинствомъ 35 шаровъ противъ 19. Члены управы были избраны большинствомъ 40—50 голосовъ, при чемъ, на мѣсто А. Ѳ. Шнейдера, принужденнаго тяжелымъ нездоровьемъ оставить земскую службу, былъ избранъ Ѳ. А. Головинъ.

По окончаніи сессіи товарищи мои по управѣ и я полагали, что представленными мною объясненіями и послѣдовавшимъ затѣмъ нашимъ переизбраніемъ, повидимому, устранена возможность неправильнаго пониманія большинствомъ собранія характера и программы нашей дѣятельности въ области отношеній губернскаго земства къ уѣзднымъ, и надѣялись, что въ будущемъ не будутъ имѣть мѣста постановленія собранія, которыми нарушается необходимая планомѣрность въ земской дѣятельности, и что мы не услышимъ болѣе на собраніи обвиненій въ посягательствѣ на самостоятельность уѣздныхъ земствъ. Но наши надежды, однако, не оправдались. Во время слѣдующей очередной сессіи 1898 года нарушенія и отступленія отъ дѣйствующихъ правилъ, утвержденныхъ собраніемъ, были многочисленнѣе, а обвиненія, предъявлявшіяся представителями уѣздовъ, высказывались въ болѣе рѣзкой формѣ. Приведу опять нѣсколько примѣровъ.

1. Въ основу утвержденныхъ губернскимъ собраніемъ въ очередной сессіи 1894 г. правилъ выдачи приплатъ учительскому персоналу было положено установленіе нормальнаго учительскаго оклада во всей губерніи, чтобы создать во всѣхъ уѣздахъ одинаковыя условія вознагражденія и предупредить тѣмъ переходъ учителей изъ одного уѣзда въ другой въ цѣляхъ полученія повышеннаго вознагражденія. § 2 правилъ устанавливалъ, что приплаты губернскаго земства выдаются „съ такимъ расчетомъ, чтобы величина уѣзднаго жалованья

вмѣстѣ съ приплатой изъ губернскихъ средствъ не превышала 360 руб.; въ тѣхъ же случаяхъ, когда величина уѣзднаго оклада выше 240 р., приплата изъ губернскихъ средствъ выдается въ размѣрѣ добавочномъ до 360 рублей.“ 3-го февраля 1898 г. собраніе единогласно постановило измѣнить редакцію § 12 тѣхъ же правилъ такъ: „Тѣмъ учителямъ и учительницамъ, которые, хотя по новымъ правиламъ не имѣли бы права на приплаты, однако, уже получали ихъ ко времени введенія сихъ правилъ въ дѣйствіе, или же поступили на службу ранѣе ихъ введенія, производить выдачу приплатъ на основаніяхъ, предусматривавшихся прежними правилами“. Коломенское уѣздное собраніе по предложенію уѣздной управы въ 1898 году пожелало увеличить жалованіе учительскому персоналу, доведя его до 450 р., и для того опредѣлило окладъ изъ своихъ средствъ въ 330 р., разсчитывая получать отъ губернскаго земства приплату въ размѣрѣ 120 руб., которую ранѣе учителя уѣзда получали при уѣздномъ окладѣ въ 240 руб., но губернская управа на точномъ основаніи § 2-го правилъ сдѣлать это сочла для себя не въ правѣ. 8 уѣздныхъ собраній въ томъ же 1898 году возбудили ходатайство объ измѣненіи приведеннаго постановленія губернскаго собранія 3-го февраля 1898 г. въ смыслѣ возстановленія приплатъ изъ губернскихъ суммъ указаннымъ въ немъ преподавателямъ въ размѣрѣ 100 рублей. Тотъ фактъ, что ходатайство это было возбуждено 8 собраніями, обусловливался тѣмъ, что звенигородская управа, которой принадлежала иниціатива въ возбужденіи вопроса, минуя губернскую управу и совѣщаніе предсѣдателей управъ, разослала свой докладъ во всѣ уѣздныя управы губерніи съ просьбой возбудить аналогичныя ходатайства отъ своихъ собраній. Губернская управа, имѣя въ виду возбужденныя уѣздами ходатайства, внесла въ губернское собраніе предложенія: 1) поручить губернской управѣ, совмѣстно съ комиссіей по народному образованію, къ будущей очередной сессіи пересмотрѣть дѣйствующія нынѣ правила, и 2) ходатайства 8 уѣздовъ впредь до пересмотра и измѣненія правилъ оставить открытыми. Губернское собраніе приняло 1-ое предложеніе и отклонило 2-ое, т. е. удовлетворило ходатайства 8 уѣздовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе, по предложенію предсѣдателя коломенской управы, постановило сохранить на 1898 годъ прежнія приплаты учителямъ коло-

менскаго уѣзда, хотя губернская управа обращала вниманіе собранія, что такое постановленіе предрѣшаетъ разрѣшеніе общаго вопроса, такъ какъ нельзя будетъ учителямъ, получавшимъ въ теченіе года 450 р., убавить затѣмъ окладъ до 360 рублей. Во время происходившихъ преній нѣкоторые гласные говорили, что „губернскою управою парализуются всѣ попытки уѣздныхъ земствъ улучшить матеріальное положеніе учителей", что „уѣздное земство проситъ не о помощи, а лишь о томъ, чтобы не вредили интересамъ его учителей" и т. п.

2. Коломенское собраніе въ 1898 г. возбудило ходатайство о выдачѣ ему въ ссуду 53.629 р. 26 коп., съ возвратомъ въ теченіе 8 лѣтъ, на благоустройство лечебныхъ заведеній уѣзднаго земства, при чемъ, какъ видно было изъ доклада уѣздной управы и журнала уѣзднаго собранія, въ основу погашенія испрашиваемой ссуды полагалось сохраненіе существовавшаго въ уѣздѣ сбора съ амбулаторныхъ больныхъ. Губернское земство и губернскіе съѣзды врачей всегда держались принципа безплатнаго леченія населенія, старались проводить сознаніе этого принципа среди уѣздныхъ земствъ и къ 1898 году больничный сборъ сохранился лишь въ двухъ уѣздахъ. Руководствуясь усвоеннымъ губернскимъ земствомъ принципіальнымъ пониманіемъ даннаго вопроса, губернская управа предложила губернскому собранію удовлетворить ходатайство уѣзднаго земства, но при условіи измѣненія имъ основаній погашенія ссуды. Въ губернскомъ собраніи представители губернской управы указывали, что безъ предлагаемой оговорки удовлетвореніе ходатайства явится санкціей сохраненія въ части губерніи больничнаго сбора на 8 лѣтъ, и предлагали измѣнить редакцію своего предложенія, оговоривъ только, что выдача и возвратъ ссуды не должны быть поставлены въ связь съ сохраненіемъ сбора. Такимъ образомъ, губернская управа предлагала удовлетворить ходатайство уѣзда, не настаивая на отмѣнѣ больничнаго сбора, а лишь подчеркнувъ принципіальную точку зрѣнія губернскаго земства, но губернское собраніе удовлетворило ходатайство уѣзда, исключивъ оговорку, предложенную управой.

3. Звенигородская управа докладывала уѣздному собранію о перерасходѣ, оказавшемся при ремонтѣ городской больницы, цифра котораго не могла быть опредѣлена ко времени созыва

уѣзднаго собранія, но ожидалась въ размѣрѣ не менѣе 4.000 рублей. Управа предполагала покрыть эту сумму изъ остатковъ отъ исполненія общей земской смѣты за 1898 годъ и въ то же время предлагала ходатайствовать для той же цѣли о ссудѣ 1.000 руб. отъ губернскаго земства. Уѣздное собраніе согласилось съ предложеніемъ управы и уполномочило ее воспользоваться ссудой, если остатковъ отъ смѣты 1898 г. будетъ недостаточно для покрытія расходовъ по ремонту больницы. Въ очередной сессіи 1897 г. звенигородское собраніе приняло предложенія доклада совѣщанія предсѣдателей управъ „по вопросу объ урегулированіи исправности возврата заимствованныхъ уѣздными земствами изъ губернской земской кассы суммъ". 4-й пунктъ принятыхъ собраніемъ положеній установилъ правило, „что всѣ свободные остатки отъ заключенія смѣтъ до тѣхъ поръ, пока въ балансѣ уѣзднаго земства будетъ значиться дефицитъ, должны обращаться на пополненіе этого дефицита". На 1-ое января 1898 г. дефицитъ звенигородскаго земства превышалъ 17.000 р. и потому отнесеніе на свободные остатки отъ смѣты 1898 г. расходовъ по ремонту лечебницы составляло нарушеніе установленнаго порядка, являвшагося основой для урегулированія денежныхъ разсчетовъ губернскаго земства съ уѣздными. Губернская управа въ своемъ докладѣ говорила, что звенигородскому земству слѣдуетъ ходатайствовать о выдачѣ ему въ ссуду всей суммы расходовъ, вызываемыхъ ремонтомъ больницы, и, идя такимъ образомъ на встрѣчу возможно цѣлесообразному удовлетворенію нуждъ уѣзда, предлагала ходатайство его о ссудѣ 1.000 руб. отклонить. Предсѣдатель уѣздной управы отстаивалъ правильность дѣйствій звенигородской управы, утверждая, что свободными остатками должно считаться то, что дѣйствительно остается, а не то, что могло бы остаться, и губернское собраніе признало возможнымъ, при такомъ очевидномъ нарушеніи установленнаго условія, удовлетворить ходатайство о ссудѣ 1.000 рублей.

4. Очень характернымъ, для освѣщенія отношеній уѣздныхъ земствъ къ губернскому, явилось разрѣшеніе вопроса о содержаніи 20 училищъ, учрежденныхъ въ ознаменованіе бракосочетанія Государя Императора. Во время экстренней сессіи въ іюнѣ 1894 г. возникъ вопросъ объ ознаменованіи предстоящаго радостнаго событія бракосочетанія Наслѣдника Россій-

скаго Престола. Избранная собраніемъ комиссія и губернская управа полагали, что московскому земству слѣдуетъ учредить 20 народныхъ училищъ, дѣло, въ которомъ могутъ принять участіе какъ губернское, такъ и уѣздныя земства. При частномъ обмѣнѣ мнѣній съ предсѣдателями управъ, присутствовавшими въ губернскомъ собраніи, выяснилось, что если училищныя зданія будутъ построены губернскимъ, то уѣздныя земства, несомнѣнно, примутъ содержаніе школъ на мѣстныя средства обычнымъ порядкомъ. Однако, такъ какъ этотъ послѣдній вопросъ могъ получить формальное разрѣшеніе только въ очередныхъ уѣздныхъ собраніяхъ, то комиссія и губернская управа предложили губернскому собранію, сдѣлавъ постановленіе объ учрежденіи школъ и не имѣя еще постановленій уѣздныхъ собраній, поручить губернской управѣ внести въ смѣту на 1895 г. суммы, необходимыя на содержаніе училищъ, и войти въ соглашеніе съ уѣздными земствами объ ихъ долѣ участія въ предстоящихъ расходахъ. Вопросъ объ участіи уѣздныхъ земствъ въ содержаніи вновь учреждаемыхъ 20 училищъ былъ предметомъ обсужденія совѣщанія предсѣдателей управъ 3 сентября 1894 г., на которомъ присутствовали представители всѣхъ уѣздовъ. Совѣщаніе *единогласно* признало желательнымъ, чтобы въ содержаніи этихъ школъ уѣздныя земства приняли такое же участіе, какъ это дѣлается ими по отношенію ко всѣмъ школамъ уѣзда. Въ докладѣ совѣщанія по вопросамъ о народномъ образованіи, представленномъ очередному собранію 1894 г., говорилось, что совѣщаніе считаетъ пріятною для себя обязанностью отмѣтить, что значительное большинство уѣздныхъ земствъ уже высказало готовность принять на себя всѣ расходы по содержанію вновь учреждаемыхъ 20 училищъ, на одинаковыхъ основаніяхъ съ прочими училищами; только два уѣзда высказались за содержаніе этихъ училищъ на средства губернскаго земства и совѣщаніе находило, что съ такой постановкой вопроса едва ли можно согласиться. Въ виду того, что постановленія нѣкоторыхъ уѣздныхъ собраній о принятіи на мѣстныя средства содержанія училищъ были недостаточно опредѣленны и было не ясно носятъ ли они временный или постоянный характеръ, совѣщаніе предлагало просить ихъ выразить опредѣленнѣе свое согласіе. Губернское собраніе приняло всѣ предложенія совѣщанія и въ то же время

постановило признать преждевременнымъ вносить въ смѣту какую либо сумму на содержаніе вновь открываемыхъ училищъ. Поставленный губернскимъ собраніемъ вопросъ вновь обсуждался въ февралѣ 1895 г. въ экстренныхъ сессіяхъ уѣздныхъ собраній. На этотъ разъ 9 уѣздовъ опредѣленно выразили согласіе принять содержаніе открываемыхъ училищъ наравнѣ съ прочими училищами; московское и коломенское земства опредѣлили долю своего участія въ суммѣ 200 руб. каждое; можайское и рузское земства остались при прежнемъ рѣшеніи: признать, что содержаніе училищъ должно быть отнесено на средства губернскаго земства. Губернское собраніе 15-го марта 1895 г., ознакомившись съ постановленіями уѣздовъ, по предложенію А. А. Оленина, въ виду отношенія къ данному вопросу нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствъ, поручило губернской управѣ представить очередной сессіи докладъ о томъ, возможно ли принять содержаніе 20 новыхъ школъ на средства губернскаго земства и на какихъ основаніяхъ. Губернская управа сочла необходимымъ этотъ вопросъ, касающійся всѣхъ уѣздовъ, обсудить еще разъ въ совѣщаніи предсѣдателей управъ, и это послѣднее въ засѣданіи 14 іюля 1895 г. при участіи представителей всѣхъ уѣздовъ сочло желательнымъ остаться при своемъ постановленіи 3 сентября 1894 г. и признало необходимымъ просить коломенскую, можайскую, московскую и рузскую уѣздныя управы внести вновь вопросъ о содержаніи новыхъ школъ въ предстоящія очередныя собранія. Земскія собранія коломенское, московское и рузское постановили принять участіе въ содержаніи названныхъ училищъ на общихъ основаніяхъ, а бронницкое, дмитровское и клинское собранія измѣнили свое прежнее рѣшеніе вопроса и вмѣстѣ съ можайскимъ признали желательнымъ отнести содержаніе школъ на счетъ губернскаго земства. Губернское собраніе 24 ноября 1895 года, принимая во вниманіе отношеніе къ вопросу нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствъ, постановило принять на счетъ губернскаго земства содержаніе всѣхъ вновь открываемыхъ 20 училищъ. Въ очередную сессію 1898 г. губернская управа представила собранію свои предположенія объ организаціи хозяйственнаго надзора за губернскими училищами. При обсужденіи этого вопроса нѣкоторые гласные высказывались за передачу губернскихъ школъ въ завѣдываніе уѣздныхъ земствъ и собраніе,

отклонивъ предложеніе губернской управы, постановило передать губернскія школы въ завѣдываніе уѣздныхъ земствъ съ ежегоднымъ возмѣщеніемъ имъ губернскимъ земствомъ дѣйствительныхъ расходовъ. Такое разрѣшеніе получило дѣло, исходившее изъ желанія создать учрежденія на основѣ правильно организованнаго взаимодѣйствія губернскаго и уѣздныхъ земствъ и закончившееся изъятіемъ этихъ учрежденій, содержимыхъ всецѣло на губернскія средства, изъ вѣдѣнія исполнительнаго органа губернскаго земства и передачей ихъ въ завѣдываніе уѣздныхъ земствъ, не принимающихъ въ этомъ дѣлѣ никакого матеріальнаго участія. Такая постановка дѣла едва ли можетъ быть признана нормальной.

Не могу не отмѣтить, что во время всей сессіи чувствовалось какое то враждебное отношеніе со стороны, преимущественно, представителей нѣкоторыхъ уѣздныхъ управъ. Неоднократно направленіе дѣятельности губернской управы и образъ ея дѣйствій характеризовались во время преній, какъ проявленія просвѣщеннаго деспотизма. Было ясно, что большинство предсѣдателей уѣздныхъ управъ держится однообразной точки зрѣнія на использованіе губернскихъ средствъ и индиферентно относится къ принципіальнымъ соображеніямъ въ этомъ вопросѣ. Это обусловливало ихъ солидарность, а въ собраніи они находили поддержку своему образу дѣйствій. Мнѣ приходилось сознавать, что всѣ старанія, направленныя къ единенію земской среды на почвѣ идейнаго пониманія земскихъ задачъ, не достигаютъ цѣли, а приводятъ къ противоположнымъ результатамъ.

Я отведъ довольно много мѣста изложенію примѣровъ нѣкоторыхъ постановленій губернскаго собранія, чтобы сдѣлать ясными мотивы, которыя побудили меня и весь составъ губернской управы къ дальнѣйшему образу дѣйствій. 17 марта 1899 г., когда собраніе закончило разсмотрѣніе всѣхъ докладовъ, представленныхъ управой очередной сессіи 1898 года, я обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой напомнилъ мое обращеніе къ нему въ прошломъ году передъ избраніемъ меня, напомнилъ изложенную мною тогда программу, которую губернская управа считаетъ необходимымъ проводить въ своей дѣятельности, отмѣтилъ, что состоявшіяся въ теченіе настоящей сессіи постановленія свидѣтельствуютъ, что большинство

собранія отрицательно относится къ программѣ и пониманію губернскою управою вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ между губернскимъ и уѣздными земствами; это обстоятельство исключаетъ возможность созданія и укрѣпленія необходимой солидарности между губернскимъ собраніемъ и его исполнительнымъ органомъ и поэтому я заявилъ, что считаю долгомъ сложить съ себя возложенныя на меня собраніемъ полномочія и что мною подано прошеніе черезъ губернатора объ отставкѣ. Послѣ моей рѣчи былъ объявленъ перерывъ и затѣмъ, послѣ перерыва, собраніе было объявлено закрытымъ, губернская управа удалилась, а гласные собрались въ частномъ совѣщаніи.

На слѣдующій день по открытіи собранія, предсѣдательствовавшій въ теченіе сессіи, дмитровскій предводитель дворянства, Г. И. Кристи, обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: „Д. Н. Ваше вчерашнее заявленіе глубоко поразило собраніе и гг. гласные уполномочили меня завѣрить васъ, что выставленныя вами причины, побудившія васъ не продолжать вашу высокополезную дѣятельность, являются только плодомъ недоразумѣнія съ вашей стороны. Собраніе всегда сочувствовало и сочувствуетъ вашей дѣятельности, какъ въ общемъ ея направленіи, такъ и въ частностяхъ, и если возникали какія-либо разногласія въ этомъ случаѣ, то единственно такія, какія не только неизбѣжны, но и естественно необходимы при веденіи общаго дѣла. Выражая вамъ отъ имени гласныхъ глубокое сожалѣніе о возникшемъ недоразумѣніи, я имѣю честь заявить вамъ вмѣстѣ съ тѣмъ просьбу гласныхъ принять выраженіе полнаго довѣрія и высокаго уваженія къ вашей дѣятельности, столь всѣми цѣнимой, и взять назадъ вашъ отказъ". Эта рѣчь могла только укрѣпить мое рѣшеніе, свидѣтельствуя о полномъ непониманіи сущности обнаружившагося разномыслія и причинъ, побудившихъ меня устраниться отъ продолженія моей дѣятельности, которыя въ рѣчи предсѣдателя собранія опредѣлялись, какъ недоразумѣніе съ моей стороны. Выразивъ собранію благодарность за оказанное вниманіе, я сказалъ, что не вижу возможности измѣнить мое рѣшеніе. „Не отсутствіе довѣрія собранія побудило меня отказаться отъ должности, а мое убѣжденіе, что взглядъ мой на отношенія губернскаго земства къ уѣзднымъ не раздѣляется большинствомъ собранія. Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ земствъ поставленъ жизнью, требуетъ своего разрѣше-

нія и, несомнѣнно, будетъ разрѣшенъ въ благопріятномъ для земскаго дѣла смыслѣ. Удаляясь отъ активной дѣятельности, я сочту своей обязанностью содѣйствовать разработкѣ этого вопроса".

Д. Н. Сазоновъ отъ себя и отъ лица всѣхъ членовъ губернской управы заявилъ, что всѣ они отказываются отъ своихъ должностей, чтобы не стѣснять собраніе при предстоящихъ выборахъ.

26 марта состоялось послѣднее засѣданіе очередной сессіи, въ началѣ котораго предсѣдатель огласилъ предложеніе губернатора, о производствѣ выборовъ кандидата на должность предсѣдателя управы, вслѣдствіе поданнаго мной прошенія объ увольненіи меня отъ этой должности, и предложилъ собранію приступить къ выборамъ. Изъ 47 поданныхъ записокъ 42 выставляли вновь мою кандидатуру и затѣмъ въ собраніи многіе гласные выступили съ рѣчами, въ которыхъ убѣждали меня измѣнить мое рѣшеніе. Первыми говорили предсѣдатели звенигородской и коломенской управъ; въ своихъ рѣчахъ они отмѣчали, что собраніе вполнѣ солидарно съ управой, съ общимъ направленіемъ моей дѣятельности и выражали желаніе, чтобы разработку вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ земствъ я продолжалъ, оставаясь на посту предсѣдателя управы. А. И. Геннертъ говорилъ, что мой отказъ отъ должности и моя рѣчь многое уяснили гласнымъ. В. И. Герье указывалъ, что я не только поставилъ важный вопросъ, но и старался дать ему практическое разрѣшеніе; вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ нуждается во всестороннемъ освѣщеніи и гласный внесъ предложеніе — избрать въ этихъ цѣляхъ особую комиссію и просить меня остаться на моемъ посту. Послѣ этихъ рѣчей и выступленій многихъ другихъ гласныхъ я не могъ не почувствовать, что, повидимому, большинство собранія уяснило себѣ причины моего отказа и признаетъ необходимость выяснить разномысліе въ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ земствъ; въ виду этого я заявилъ о готовности подвергнуться новой баллотировкѣ и былъ избранъ вновь большинствомъ 49 противъ 10 голосовъ. Вслѣдъ за тѣмъ собраніе единогласно просило членовъ управы взять ихъ отказъ отъ должности обратно, на что они изъявили согласіе, а, по предложенію В. И. Герье, собраніе избрало комиссію изъ 7 лицъ для выясненія отношеній губернскаго земства къ уѣзднымъ и опредѣленія границъ дѣятельности губернскаго земства.

Въ сентябрѣ была напечатана составленная мной брошюра—„Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ“, которую я представилъ избранной губернскимъ собраніемъ комиссіи. Въ этой брошюрѣ я изложилъ свое пониманіе вопроса и попутно отвѣтилъ на возраженія и замѣчанія Б. Н. Чичерина, который въ рядѣ статей [1]) выступилъ принципіальнымъ противникомъ направленія дѣятельности московской губернской земской управы. Комиссія подвергла порученный ей вопросъ всестороннему обсужденію, привлекла къ своей работѣ предсѣдателей уѣздныхъ управъ и представила очередному губернскому собранію 1899 г. подробный докладъ, въ которомъ формулировала свои заключенія въ семи положеніяхъ. Докладъ комиссіи былъ поставленъ на очередь въ засѣданіи собранія 18 января 1900 г., но обсужденіе его въ этой сессіи не состоялось, такъ какъ, по предложенію внесенному Г. И. Кристи, собраніе постановило передать докладъ комиссіи на предварительное разсмотрѣніе уѣздныхъ собраній и московской городской думы. Докладъ комиссіи съ отзывами уѣздныхъ земствъ и московской городской думы былъ предметомъ обсужденія губернскаго собранія очередной сессіи 1900 года въ засѣданіяхъ 7 и 8 декабря [2]). Послѣ продолжительныхъ преній собраніемъ были одобрены слѣдующія шесть положеній [3]).

1. Имѣя въ виду, что законъ возлагаетъ какъ на уѣздныя, такъ и на губернскія земства общее попеченіе о матеріальномъ и духовномъ преуспѣяніи мѣстнаго населенія уѣзда или губерніи, слѣдуетъ признать, что задача эта должна и впредь осуществляться со стороны московскаго губернскаго земства: въ однихъ случаяхъ при непосредственномъ веденіи дѣла, при чемъ область этихъ дѣлъ принадлежитъ опредѣленію (по указаніямъ и въ предѣлахъ закона) по соображеніямъ цѣлесообразности; въ другихъ же случаяхъ: а) поддержкой уѣздныхъ земствъ денежными пособіями изъ средствъ губернскаго зем-

---

[1]) Б. Чичеринъ. „Вопросы политики“.

[2]) См. „Матеріалы по разрѣшенію въ московскомъ земствѣ вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ“. Изд. моск. губ. земства 1901 г.

[3]) 1 и 2 положенія, предложенныя комиссіей, были объединены въ одномъ положеніи—1-мъ, принятомъ собраніемъ.

ства и б) изученіемъ общихъ условій (статистика), разработкой общихъ вопросовъ и заботою объ общихъ интересахъ населенія губерніи.

2. При распредѣленіи своихъ средствъ губернское земство должно имѣть въ виду интересы всего населенія губерніи, какъ одного цѣлаго, и по возможности *повсемѣстное* обезпеченіе земскихъ потребностей населенія (больницъ, школъ, общественнаго призрѣнія, улучшенія санитарныхъ условій и т. п.) по мѣрѣ своихъ средствъ и платежныхъ силъ населенія.

3. Для осуществленія указанной задачи губернское земство должно руководиться обдуманнымъ систематическимъ планомъ и выдавать разнаго рода пособія изъ губернскихъ средствъ не иначе, какъ при соблюденіи условій, устанавливаемыхъ правилами, вырабатываемыми губернскимъ земскимъ собраніемъ относительно назначенія и расходованія этихъ пособій.

Примѣчаніе. Въ правилахъ, общихъ планахъ и основныхъ положеніяхъ, вырабатываемыхъ губернскимъ земствомъ, не должно быть слишкомъ детальной регламентаціи, могущей поставить ихъ въ несоотвѣтствіе съ мѣстными условіями уѣздовъ.

4. Такая дѣятельность губернскаго земства, состоящаго изъ представителей уѣздныхъ земствъ, не можетъ повести къ стѣсненію ихъ самостоятельности, безусловно необходимой для успѣха дѣла, а послужитъ, напротивъ, къ оживленію энергіи и возбужденію интереса къ общему дѣлу со стороны мѣстныхъ земскихъ дѣятелей. Для обезпеченія этой самостоятельности уѣздовъ вырабатываемые губернскимъ земствомъ общіе планы и основныя положенія слѣдуетъ передавать на предварительное заключеніе уѣздныхъ собраній.

5. Денежная помощь губернскаго земства должна быть оказываема сообразно со степенью возможности для уѣздовъ удовлетворить извѣстной потребности своими мѣстными средствами и при условіи участія со стороны мѣстнаго земства въ данномъ расходѣ, при чемъ, однако, должна быть принята во вниманіе степень напряженности платежныхъ силъ въ уѣздахъ.

Примѣчаніе. Для установленія необходимой при этомъ одинаковости нормъ, оцѣночныя работы въ губерніи желательно предоставить губернскому земству.

6. Въ случаяхъ столкновенія интересовъ и возраженій противъ установленнаго губернскимъ земствомъ плана дѣйствій со стороны одного или нѣсколькихъ уѣздныхъ земствъ, слѣдуетъ: 1) тщательно обсудить, не вытекаютъ ли эти возраженія изъ мѣстныхъ условій, которыя необходимо принять во вниманіе, и 2) въ необходимыхъ случаяхъ подвергнуть пересмотру весь общій планъ, но не допускать произвольныхъ отступленій отъ него для даннаго случая.

Принятіемъ этихъ положеній вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между губернскимъ и уѣздными земствами получилъ въ московскомъ земствѣ свое принципіальное разрѣшеніе. „Состоявшіяся постановленія", — говорилъ я, между прочимъ, въ рѣчи, произнесенной въ собраніи послѣ ихъ принятія,—„свидѣтельствуютъ, что въ направленіи дѣятельности московскаго губернскаго земства и его учрежденій нѣтъ и не можетъ быть мѣста просвѣщенному деспотизму, какъ это полагаютъ одни; нѣтъ и не можетъ быть почвы для развитія бюрократическаго соціализма, какъ говорятъ другіе; состоявшіяся постановленія свидѣтельствуютъ только, что московское губернское земство въ основу своей дѣятельности кладетъ глубокое сознаніе того, что цѣлесообразное и успѣшное выполненіе земскими учрежденіями многочисленныхъ и сложныхъ задачъ, возложенныхъ на нихъ государственною властью, возможно лишь путемъ организованнаго взаимодѣйствія губернскаго и уѣздныхъ земствъ. При распредѣленіи средствъ губернскаго земства, губернское собраніе признаетъ необходимымъ руководиться идеей правды и справедливости, которая въ приложеніи къ общественной жизни заключается въ томъ, что каждый долженъ нести общественныя тягости пропорціонально своему доходу, а при распредѣленіи собираемыхъ, такимъ путемъ, общихъ средствъ, слѣдуетъ имѣть въ виду обезпеченіе классовъ и мѣстностей, потребности которыхъ не могутъ быть въ необходимой мѣрѣ удовлетворены изъ мѣстныхъ средствъ".

Принципіальное разрѣшеніе вопроса въ губернскомъ собраніи оказало не малое вліяніе на уясненіе этого важнаго вопроса земской жизни въ сознаніи вообще земской среды и благотворно отозвалось на практическомъ дѣлѣ, на отношеніяхъ уѣздныхъ земствъ къ губернскому. Во время моей дальнѣйшей дѣятельности въ губернской управѣ возникали случайныя раз-

ногласія съ уѣздными управами, но въ общемъ отношенія съ уѣздными земствами получили характеръ болѣе уравновѣшенный, характеръ бо́льшаго стремленія къ единенію. Оканчивая настоящую главу, не могу не вспомнить съ отраднымъ чувствомъ слова Н. Ѳ. Рихтера, бывшаго въ то время предсѣдателемъ московской уѣздной управы, съ которыми онъ отъ себя и отъ лица другихъ предсѣдателей уѣздныхъ управъ обратился ко мнѣ въ губернскомъ собраніи 14 февраля 1904 г. предъ предстоявшими очередными выборами состава губернской управы. Н. Ѳ. говорилъ, что прежде въ земскихъ собраніяхъ не разъ заходила рѣчь о взаимныхъ отношеніяхъ между губернскимъ и уѣздными земствами, и на почвѣ этого вопроса имѣли мѣсто нѣкоторыя недоразумѣнія и шероховатости, но за послѣднее время никакихъ недоразумѣній не существуетъ, нѣтъ рѣчи о какихъ-либо поползновеніяхъ со стороны губернскаго земства посягать на самостоятельность уѣздовъ и въ заключеніе Н. Ѳ. отъ себя и товарищей благодарилъ за мою дѣятельность и выразилъ увѣренность, что я и на будущее время останусь на посту предсѣдателя губернской управы. Это привѣтствіе доставило мнѣ большое моральное удовлетвореніе; оно говорило мнѣ, что мое стремленіе, направленное къ укрѣпленію единенія земской среды московской губерніи, дало, все-таки, извѣстные положительные результаты.

Въ послѣдующихъ сессіяхъ губернская управа нерѣдко встрѣчала въ собраніи несочувствіе и противодѣйствіе своимъ начинаніямъ, но эти разногласія возникали на почвѣ вопросовъ, касавшихся области дѣятельности губернскаго земства, и вызывались или классовыми интересами крупнаго землевладѣнія, какъ, напримѣръ, по поводу увеличенія нормъ доходности земель и привлеченія къ обложенію губернскимъ земскимъ сборомъ жилыхъ помѣщеній въ губерніи, преимущественно усадебъ, или различіями взглядовъ общественнаго, политическаго характера по такимъ вопросамъ, какъ, напримѣръ, устройство общеобразовательныхъ курсовъ для учащихъ или изданіе земскаго органа печати; въ этихъ послѣднихъ начинаніяхъ представители консервативнаго и реакціоннаго направленія усматривали желаніе способствовать распространенію въ населеніи „ходячихъ“ идей. Такого рода разногласія вполнѣ естественны и неизбѣжны въ общественныхъ собраніяхъ; они

не могли производить тяжелаго впечатлѣнія на губернскую управу тѣмъ болѣе, что, несмотря на многочисленность возражавшей группы гласныхъ, управа всегда находила поддержку въ большинствѣ собранія. Но обвиненія губернской управы въ не земскомъ образѣ дѣйствій въ отношеніяхъ ея къ уѣзднымъ земствамъ въ губернскомъ собраніи болѣе мѣста не имѣли.

ГЛАВА III.

Попытки единенія губернскихъ земствъ. Земская секція Всероссійскаго съѣзда сельскихъ хозяевъ въ Москвѣ въ декабрѣ 1895 г.. Съѣздъ предсѣдателей губернскихъ управъ въ Москвѣ въ маѣ 1896 г. во время коронаціи. Совѣщаніе предсѣдателей губернскихъ управъ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ августѣ 1896 г.. Съѣздъ предсѣдателей губернскихъ управъ во время освященія памятника императору Александру II въ Москвѣ въ августѣ 1898 г. Вопросъ объ изданіи общеземскаго періодическаго органа печати. Образованіе перестраховочнаго союза губернскихъ земствъ. Общеземская организація помощи раненымъ и больнымъ воинамъ на Дальнемъ Востокѣ.

Насколько необходимость планомѣрнаго взаимодѣйствія губернскаго и уѣздныхъ земствъ одной губерніи опредѣляется характеромъ земской дѣятельности и существомъ стоящихъ предъ земствомъ задачъ, настолько тѣми же причинами обусловливается потребность постояннаго, живого общенія земскихъ учрежденій сосѣднихъ губерній, а нерѣдко и всей страны, и объединенія ихъ работы. Для правильной и наилучшей постановки земскаго дѣла имѣетъ большое значеніе, чтобы каждое земство было ознакомлено съ дѣятельностью и работой другихъ земствъ и могло руководиться указаніями коллективнаго опыта земскихъ учрежденій. Общеніе представителей этихъ учрежденій и совмѣстное обсужденіе ими на съѣздахъ лучшихъ способовъ удовлетворенія различныхъ земскихъ потребностей являются необходимыми условіями, обезпечивающими цѣлесообразность постановки и развитія земскихъ мѣропріятій. Многія изъ этихъ мѣропріятій нуждаются въ согласованномъ образѣ дѣйствій сосѣднихъ земствъ, а нѣкоторыя отрасли земскаго дѣла, какъ, напримѣръ, страхованіе строеній и движимости, закупка и снабженіе населенія сельскохозяйственными орудіями, сѣменами, кровельнымъ желѣзомъ и т. п. мѣропріятія, могутъ получить правильную и экономически выгодную постановку лишь при условіи участія въ нихъ возможно большаго числа земствъ. Но, кромѣ указанныхъ условій и характера

земской дѣятельности, ко времени вступленія моего въ составъ московской губернской управы, сознаніе необходимости единенія особенно сильно вызывалось и укрѣплялось въ земской средѣ отношеніемъ правительственной власти къ органамъ общественнаго самоуправленія и проведеніемъ цѣлаго ряда мѣръ и распоряженій, направленныхъ къ стѣсненію общественной самодѣятельности. Земскія учрежденія, каждое въ отдѣльности, чувствовали себя безсильными реагировать на реакціонную политику правительства и естественно стремились къ единенію, хорошо понимая, что только своимъ объединеніемъ они могутъ представить извѣстную силу для защиты своего положенія, силу, которую государственная власть не будетъ въ состояніи игнорировать. Съ своей стороны, я считалъ своимъ долгомъ всѣми зависѣвшими отъ меня и губернской управы мѣрами содѣйствовать стремленію земской среды и, главнымъ образомъ, губернскихъ земствъ къ объединенію.

Съ 10 по 20 декабря 1895 г. въ Москвѣ происходилъ всероссійскій съѣздъ сельскихъ хозяевъ, созванный московскимъ обществомъ сельскаго хозяйства. По избранію собраніемъ общества я вошелъ въ составъ комиссіи, организованной для устройства съѣзда. При выработкѣ программы вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію съѣзда, я обратилъ вниманіе комиссіи на то, что статьей 2-й положенія о земскихъ учрежденіяхъ на земство возложена задача „воспособленія зависящими отъ него способами мѣстному земледѣлію, торговлѣ и промышленности“, указалъ на развитіе, которое за послѣднее время получаетъ земская агрономія, и предложилъ комиссіи включить въ программу съѣзда вопросъ: какими мѣрами земскія учрежденія могутъ содѣйствовать развитію сельскаго хозяйства? Мое предложеніе было встрѣчено сочувственно, но комиссія сочла необходимымъ доложить о немъ собранію общества, такъ какъ включеніе такого рода вопроса не было предусмотрѣно предварительными предположеніями о съѣздѣ. Собраніе общества, признавъ желательнымъ дополнить программу предложеннымъ мной вопросамъ, возбудило соотвѣтствующее ходатайство предъ министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Несмотря на неоднократныя обращенія президента общества, въ продолженіе очень долгаго срока отвѣта на возбужденное ходатайство не поступало, вслѣдствіе возникшихъ по его поводу

продолжительныхъ сношеній между министерствами земледѣлія и внутреннихъ дѣлъ, и поэтому вопросъ, касающійся земскихъ мѣропріятій въ области сельскаго хозяйства, не могъ быть включенъ въ программу, опубликованную и разосланную одновременно съ приглашеніями на съѣздъ, на который, тѣмъ не менѣе были приглашены всѣ предсѣдатели губернскихъ и уѣздныхъ управъ. Только наканунѣ открытія съѣзда была получена отъ министра телеграмма, разрѣшавшая дополнить программу семнадцатымъ вопросомъ: „Какими мѣрами земскія учрежденія могутъ содѣйствовать развитію сельскаго хозяйства?“ Эта телеграмма по открытіи съѣзда 10 декабря была оглашена его предсѣдателемъ и, по предложенію послѣдняго, съѣздъ избралъ меня предсѣдателемъ земской секціи.

Такъ какъ вопросъ, предложенный на обсужденіе земской секціи, не былъ включенъ ранѣе въ программу съѣзда, то по этой причинѣ съѣзду не было представлено докладовъ по вопросамъ земской агрономической и экономической дѣятельности. Это обстоятельство побудило меня отсрочить до 14 декабря первое засѣданіе секціи и въ это время комиссіей, въ которой по моему приглашенію приняли участіе Н. А. Хомяковъ, Н. Н. Хмѣлевъ, В. Г. Бажаевъ и представители экономическаго и статистическаго отдѣленій московской губернской земской управы, былъ составленъ и отпечатанъ проектъ краткихъ положеній, который и былъ предложенъ мной секціи, какъ матеріалъ для начала ея занятій. Этотъ проектъ исходилъ изъ основного положенія, что оказывать содѣйствіе сельскому хозяйству призваны: министерство земледѣлія, сельскохозяйственныя научныя учрежденія, общества сельскаго хозяйства и земства, а потому дѣятельность всѣхъ этихъ учрежденій должна быть, по возможности, опредѣленно между ними разграничена и согласована; затѣмъ въ проектѣ намѣчались преимущественно мѣры, которыми земскія учрежденія могутъ содѣйствовать развитію сельскаго хозяйства. Секція признала желательнымъ вести свои занятія въ порядкѣ вопросовъ, предложенныхъ въ проектѣ. Земская секція была наиболѣе многолюдной изъ всѣхъ секцій съѣзда и занятія ея при напряженномъ интересѣ продолжались въ теченіе пяти засѣданій. Особенное вниманіе было удѣлено секціей вопросамъ: о мелкихъ сельскохозяйственно-экономическихъ органахъ и объ организаціи об-

ластныхъ съѣздовъ представителей земскихъ учрежденій. По первому изъ указанныхъ вопросовъ былъ представленъ предсѣдателемъ черниговской губернской земской управы, В. М. Хижняковымъ, особый докладъ: „О мелкихъ земскихъ безсословныхъ единицахъ“. По окончаніи своихъ занятій секція формулировала свои заключенія въ 13 положеніяхъ, которыя были затѣмъ одобрены общимъ собраніемъ съѣзда, и въ то же время съѣздъ постановилъ: 1) ходатайствовать предъ правительствомъ а) о предоставленіи земству права организовывать мелкіе сельскохозяйственные экономическіе органы и б) объ ускореніи утвержденія выработаннаго сельскохозяйственнымъ совѣтомъ при министерствѣ земледѣлія нормальнаго положенія о съѣздахъ сельскихъ хозяевъ [1]), и 2) выразилъ пожеланіе, чтобы завѣдываніе дѣлами сельскохозяйственнаго управленія въ территоріи меньшей, чѣмъ уѣздъ, было возложено на органы государственнаго управленія, которые должны быть организованы по типу земскихъ учрежденій. Постановленія съѣзда были представлены въ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ, гдѣ въ то время разрабатывался вопросъ о мѣстныхъ органахъ министерства по сельскохозяйственной части.

Въ началѣ февраля 1896 г. я получилъ письмо отъ Д. С. Сипягина, въ которомъ онъ, по просьбѣ А. С. Ермолова, приглашалъ меня пріѣхать въ С.-Петербургъ, такъ какъ министръ земледѣлія желалъ предложить мнѣ принять должность директора департамента земледѣлія. Пріѣхавъ въ С.-Петербургъ, я имѣлъ продолжительную бесѣду съ А. С. Ермоловымъ, благодарилъ его за желаніе привлечь меня къ сотрудничеству въ министерствѣ, но уклонился отъ принятія сдѣланнаго мнѣ предложенія. Я, вообще, не чувствовалъ склонности къ бюрократической, административной дѣятельности и меня сильно привлекала земская работа тѣмъ болѣе, что въ московскомъ губернскомъ земствѣ по моей иниціативѣ было поставлено на очередь много существенно важныхъ вопросовъ, и я не считалъ себя въ правѣ не довести начатыхъ дѣлъ до конца и оставить

[1]) При обсужденіи въ секціи вопроса о возбужденіи этого ходатайства имѣлось въ виду, что при утвержденіи нормальнаго положенія о сельскохозяйственныхъ съѣздахъ представители земскихъ учрежденій получатъ возможность организовать областные съѣзды и обсуждать на нихъ, какъ техническіе, такъ и экономическіе вопросы.

постъ предсѣдателя губернской управы, на который я былъ избранъ довѣріемъ собранія вторично въ прошломъ году. На предложенный мнѣ вопросъ,—кто былъ бы, по моему мнѣнію, желательнымъ кандидатомъ на должность директора департамента земледѣлія изъ среды общественныхъ дѣятелей, я назвалъ Н. А. Хомякова. Во время нашей бесѣды разговоръ большею частью сосредоточивался на вопросахъ, затронутыхъ постановленіями съѣзда по земской его секціи, и я, съ своей стороны, старался выяснить значеніе, которое должно имѣть для организаціи правильнаго и живого взаимодѣйствія министерства и земства планомѣрное разграниченіе круга дѣятельности этихъ учрежденій. А. С. Ермоловъ, казалось мнѣ, соглашался съ приводимыми мною доводами и соображеніями и я считалъ вѣроятнымъ, что при составленіи законопроекта о мѣстныхъ органахъ министерства въ основу его будетъ положено опредѣленное раздѣленіе задачъ и обязанностей министерства и земскихъ учрежденій.

Однако, осенью того же 1896 года въ сельскохозяйственный совѣтъ при министерствѣ земледѣлія былъ внесенъ проектъ закона о мѣстныхъ органахъ министерства, которымъ устанавливалась должность губернскихъ инспекторовъ по сельскохозяйственной части, но не предлагалось на обсужденіе никакой опредѣленной системы, объединяющей дѣятельность всѣхъ учрежденій, призванныхъ оказывать содѣйствіе сельскому хозяйству. Состоя членомъ сельскохозяйственнаго совѣта, я представилъ записку, въ которой подробно изложилъ всѣ мотивы, которыми руководился съѣздъ сельскихъ хозяевъ, устанавливая принятыя имъ положенія, и отмѣтилъ, что комиссія, организованная при министерствѣ для разсмотрѣнія постановленій съѣзда, въ своемъ журналѣ и департаментъ земледѣлія въ своемъ докладѣ признаютъ необходимость разграничить кругъ дѣйствій министерства и мѣстныхъ общественныхъ учрежденій, но затѣмъ ими не предлагается какой-либо опредѣленной системы разграниченія и докладъ лишь останавливается на указаніи значительности потребныхъ суммъ для осуществленія разнообразныхъ сельскохозяйственныхъ мѣропріятій и полагаетъ, что значительная часть этого дѣла неизбѣжно должна принадлежать мѣстнымъ силамъ и мѣстнымъ средствамъ. Признавая справедливость удовлетворенія мѣстныхъ потребностей

мѣстными же силами и средствами, я говорилъ, что осуществленіе мѣропріятій государственнаго значенія должно быть отнесено къ кругу обязанностей центральнаго правительственнаго органа и необходимые расходы должны быть покрыты изъ государственныхъ средствъ. Участіе центральнаго вѣдомства должно быть опредѣляемо исключительно въ зависимости отъ существа и объема мѣропріятій государственнаго значенія и никакъ не можетъ быть поставляемо въ зависимость отъ размѣра средствъ, которыми нынѣ располагаетъ министерство. Въ заключеніе я предлагалъ признать разрѣшеніе вопроса о мѣстныхъ органахъ преждевременнымъ и просить департаментъ земледѣлія предварительно намѣтить разграниченіе сельскохозяйственной дѣятельности министерства и мѣстныхъ учрежденій, пригласивъ принять участіе въ этой работѣ представителей земскихъ учрежденій и обществъ сельскаго хозяйства. Министръ выступилъ въ совѣтѣ съ пространными и горячими возраженіями противъ предложенія оставить вопросъ о мѣстныхъ органахъ открытымъ. Повидимому, въ моей запискѣ вызвали опасенія указаніе на необходимость значительнаго увеличенія смѣты министерства земледѣлія и предложеніе привлечь земскихъ представителей къ выработкѣ опредѣленной системы взаимодѣйствія министерства и мѣстныхъ учрежденій. А. С. Ермоловъ опасался вызвать недовольство всесильнаго министра финансовъ, С. Ю. Витте, съ одной стороны, и съ другой—министерства внутреннихъ дѣлъ и вліятельныхъ круговъ, съ недовѣріемъ и подозрительностью относившихся къ земскому самоуправленію. Вслѣдствіе возраженій, сдѣланныхъ министромъ, законопроектъ о мѣстныхъ органахъ былъ одобренъ совѣтомъ въ представленномъ видѣ. Убѣдившись, въ теченіе очередной сессіи сельскохозяйственнаго совѣта 1896 года, что участіе въ немъ общественныхъ представителей имѣетъ преимущественно декоративный характеръ и что они, независимо отъ своего личнаго состава, обусловливаемаго не избраніемъ ихъ мѣстными общественными учрежденіями, а приглашеніемъ министерствомъ, являются въ меньшинствѣ сравнительно съ представителями министерства и различныхъ вѣдомствъ, я на слѣдующій годъ подалъ заявленіе о выходѣ моемъ изъ состава совѣта.

На съѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ декабрѣ 1895 г. я, какъ предсѣдатель московской губернской земской управы, въ первый разъ встрѣтился съ земскими представителями другихъ губерній, но въ ихъ числѣ было очень немного предсѣдателей управъ. Познакомиться и войти въ личныя сношенія съ предсѣдателями губернскихъ земскихъ управъ мнѣ пришлось только въ 1896 году. 14-е мая 1896 г. было назначено днемъ коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ и къ участію въ предстоящихъ торжествахъ были приглашены всѣ предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ. 22-го ноября 1895 г. мною было получено отъ предсѣдателя самарской губернской земской управы, В. С. Племянникова, письмо слѣдующаго содержанія: „Милостивый Государь Дмитрій Николаевичъ. Предстоящимъ губернскимъ земскимъ собраніямъ придется обсуждать вопросъ, чѣмъ чествовать имѣющее быть коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ, и, вѣроятно, по заведенному изстари обычаю, по крайней мѣрѣ, большинство изъ нихъ постановятъ поднести хлѣбъ-соль, для чего необходимо будетъ пріобрѣсти блюда и солонки. Конечно, каждому губернскому земству въ отдѣльности на покупку ихъ придется потратить небольшую сумму, но если соединить всѣ суммы, которыя будутъ истрачены земствами на покупку блюдъ и солонокъ, то составится весьма почтенная сумма, на которую въ память священнаго коронованія Ихъ Величествъ можно бы было устроить какое-нибудь общеполезное дѣло. Такая мысль родилась у членовъ самарской губернской земской управы, но для осуществленія ея необходимо, чтобы кто-нибудь принялъ на себя трудъ снестись со всѣми губернскими управами земскихъ губерній. Самарская губернская земская управа считаетъ, что иниціативу этого дѣла было бы всего ближе принять на себя губернской управѣ первопрестольной столицы нашей, въ которой будетъ происходить и самое коронованіе, а потому, сообщая вамъ настоящую мысль нашу, я обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой, если вы раздѣляете эту мысль, то примите на себя и трудъ сношеній со всѣми губернскими управами. Къ этому считаю нужнымъ присовокупить, что какъ я, такъ и товарищи мои полагаютъ, что выборъ учрежденія, которое должно быть устроено на средства всѣхъ земствъ, а равно и выборъ мѣста, гдѣ таковое должно быть устроено, должно принадлежать московскому губернскому земскому собранію“.

Починъ самарской управы встрѣтилъ полное сочувствіе всего состава московской управы и по обсужденіи въ нашей средѣ способа осуществленія предположенія самарской управы было составлено мной письмо къ предсѣдателямъ всѣхъ губернскихъ управъ, въ которомъ, послѣ сообщенія текста письма В. С. Племянникова, говорилось:

„Московская губернская управа, всецѣло раздѣляя высказанную самарскою губернскою управою мысль, съ своей стороны, признаетъ осуществленіе ея въ высокой степени желательнымъ и полагаетъ, что предложеніе самарской губернской управы, вѣроятно, будетъ встрѣчено сочувственно всѣми губернскими земскими собраніями. Останавливаясь на разрѣшеніи вопроса о томъ, какое общеполезное дѣло могло бы быть устроено въ память священнаго коронованія Ихъ Величествъ, московская губернская управа приходитъ къ заключенію, что созданіе для этой цѣли особаго учрежденія едва ли можетъ представиться возможнымъ. Съ одной стороны, для устройства и содержанія такого рода учрежденія, которое не могло бы не быть грандіознымъ, потребовался бы слишкомъ большой капиталъ; съ другой стороны, подобное учрежденіе должно бы, конечно, по возможности въ равной мѣрѣ служить интересамъ всѣхъ участвующихъ земствъ, но это не можетъ быть осуществимо, такъ какъ всякое учрежденіе, устроенное въ предѣлахъ той или другой губерніи, будетъ, по преимуществу, служить мѣстному населенію и, во всякомъ случаѣ, не можетъ распространить свое дѣйствіе болѣе, чѣмъ на нѣсколько сосѣднихъ губерній. Вслѣдствіе этихъ соображеній, московская губернская управа полагала бы желательнымъ передать капиталъ, который составится изъ взносовъ всѣхъ губернскихъ земствъ, въ распоряженіе установленія, имѣющаго своею цѣлью приходить на помощь всѣмъ нуждающимся, безразлично принадлежности ихъ къ населенію той или другой губерніи. 1-го сентября настоящаго года Государю Императору благоугодно было въ заботахъ о всѣхъ своихъ вѣрноподданныхъ, обративъ вниманіе на горестную судьбу тѣхъ изъ нихъ, которые, терпя крайнюю нужду, тщетно ищутъ себѣ заработка и пріюта, учредить особое попечительство о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. Ея Императорскому Величеству благоугодно было, принявъ упомянутое попечительство подъ непосредственное свое покровительство,

принять на себя и предсѣдательство въ комитетѣ попечительства. По мнѣнію московской губернской управы, представлялось бы вполнѣ отвѣчающимъ намѣченной самарской губернской управой цѣли представить отъ всѣхъ губернскихъ земствъ сумму, имѣющую образоваться изъ ихъ взносовъ, въ состоящее подъ покровительствомъ Государыни Императрицы попечительство для употребленія этого капитала по указаніямъ Ея Величества. Московская губернская управа, имѣя въ виду общій итогъ смѣтъ всѣхъ 34 земскихъ губерній приблизительно въ 15.000.000 р., предполагаетъ, что размѣръ капитала, который можетъ образоваться изъ взносовъ всѣхъ губернскихъ земствъ, составитъ сумму въ 300.000 р., если всѣ губернскія собранія отчислятъ для этой цѣли, въ круглыхъ цифрахъ, не менѣе двухъ процентовъ итога своихъ смѣтъ на 1896 г.. Представляя все вышеизложенное на ваше благоусмотрѣніе, я покорнѣйше прошу васъ, доложить, если признаете возможнымъ, настоящее предложеніе предстоящему губернскому земскому собранію и о послѣдующемъ не оставить меня увѣдомленіемъ. По полученіи отъ всѣхъ предсѣдателей губернскихъ управъ извѣщеній о постановленіяхъ губернскихъ собраній, московская губернская управа, въ случаѣ принятія губернскими собраніями настоящаго предложенія, испроситъ надлежащее разрѣшеніе для его осуществленія, о чемъ я не замедлю своевременно васъ увѣдомить и сообщить вамъ постановленія всѣхъ собраній".

Имѣя въ виду то предубѣжденіе, съ которымъ правительство постоянно относилось къ попыткамъ земскаго единенія, и желая предупредить возможность какого-либо конфликта между администраціей и земскими учрежденіями по поводу участія ихъ въ предстоящихъ коронаціонныхъ торжествахъ, я, прежде разсылки заготовленныхъ писемъ, доложилъ о возникшемъ предположеніи московскому генералъ-губернатору, великому князю Сергѣю Александровичу, и познакомилъ его съ текстомъ моего письма къ предсѣдателямъ губернскихъ управъ. В. К. отнесся къ моему докладу весьма сочувственно и сказалъ, что не видитъ никакихъ препятствій къ приведенію нашего предположенія въ исполненіе. На слѣдующій день, 30 ноября, В. К. осматривалъ открывавшуюся 1 декабря выставку сельскаго хозяйства и я представлялъ ему объясненія, относящіяся къ экспонатамъ московскаго губернскаго земства.

По окончаніи осмотра, В. К. просилъ меня тотчасъ же пріѣхать къ нему. Принявъ меня въ своемъ кабинетѣ, В. К. сказалъ, что, подумавъ о вчерашнемъ моемъ докладѣ, онъ, какъ московскій генералъ-губернаторъ, не встрѣчаетъ препятствій къ осуществленію предположенія, возникшаго среди земствъ, но полагаетъ, что мнѣ слѣдуетъ, прежде разсылки моего письма, переговорить по этому поводу съ И. Л. Горемыкинымъ, недавно назначеннымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, пріѣздъ котораго ожидался въ Москву въ ближайшіе дни. Я сообщилъ великому князю, что письмо мое уже разослано предсѣдателямъ, и онъ просилъ меня сообщить телеграммами всѣмъ предсѣдателямъ, чтобы они повременили докладомъ возникшаго предложенія губернскимъ земскимъ собраніямъ до переговоровъ моихъ съ министромъ, что мной и было исполнено въ тотъ же день. Какъ я узналъ въ скоромъ же времени, перемѣна въ отношеніи великаго князя къ моему докладу произошла подъ вліяніемъ управляющаго его канцеляріей, В. К. Истомина.

Въ первыхъ числахъ декабря министръ внутреннихъ дѣлъ пріѣхалъ въ Москву и я посѣтилъ его вскорѣ послѣ его пріѣзда. И. Л. Горемыкинъ видѣлъ уже великаго князя и былъ ознакомленъ съ вопросомъ, о которомъ я имѣлъ съ нимъ переговорить. Министръ старался проявить большую любезность въ отношеніяхъ своихъ ко мнѣ и началъ бесѣду съ выраженія сочувствія земскимъ учрежденіямъ и готовности оказывать имъ необходимое содѣйствіе съ своей стороны. Перейдя къ вопросу о возникшемъ предположеніи совмѣстными средствами всѣхъ земствъ ознаменовать предстоящее коронованіе Ихъ Величествъ, И. Л. Горемыкинъ отнесся къ нему отрицательно и говорилъ, что задачи попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ представляются очень неопредѣленными и что попечительство имѣетъ въ своемъ распоряженіи достаточныя средства, ассигнованныя изъ государственнаго казначейства, но не знаетъ, какое дать имъ назначеніе. Я замѣтилъ, что если предположеніе московской управы, по мнѣнію министра, является не цѣлесообразнымъ, то оно можетъ быть легко измѣнено; соединеннымъ земскимъ средствамъ можно дать иное наназченіе, но желательно избѣжать непроизводительной затраты земскихъ средствъ на пріобрѣтеніе подносовъ и солонокъ. Тогда министръ высказался вообще противъ совмѣстнаго выступленія всѣхъ

земствъ по случаю предстоящей коронаціи; онъ говорилъ о предубѣжденіи и недовѣріи къ земскимъ учрежденіямъ, особенно къ ихъ единенію, со стороны многихъ вліятельныхъ лицъ и круговъ и выражалъ опасеніе, что объединенное земское выступленіе усилитъ это отрицательное отношеніе къ земству, а это обстоятельство можетъ помѣшать ему, министру, развить свое содѣйствіе земскимъ учрежденіямъ, которое онъ признаетъ необходимымъ. Въ виду этихъ соображеній И. Л. Горемыкинъ просилъ не настаивать на осуществленіи предположенія самарской управы. Всѣ приведенные мной доводы не могли побудить министра измѣнить свое отношеніе къ данному вопросу. Въ тотъ же день у великаго князя былъ обѣдъ, на которомъ присутствовали всѣ представители губернскаго управленія. Послѣ обѣда В. К. въ присутствіи И. Л. Горемыкина въ бесѣдѣ со мной, между прочимъ, сказалъ, что министръ относится отрицательно къ возникшему въ средѣ земствъ предположенію и что придется его указаніямъ подчиниться. Считая своимъ долгомъ содѣйствовать осуществленію столь необходимаго единенія земствъ и предусматривая возможность найти иные способы созданія земскаго единенія, пріемлимые для И. Л. Горемыкина, а также выраженное имъ сочувствіе къ земскимъ учрежденіямъ, я и товарищи мои по управѣ пришли къ заключенію, что въ интересахъ преслѣдуемой нами цѣли не слѣдуетъ въ данное время настаивать на осуществленіи возникшаго было предположенія и создавать конфликтъ, который, несомнѣнно, еще болѣе затруднитъ задачу земскаго объединенія. Въ то же время я не могъ не поставить въ извѣстность всѣ губернскія управы о происходившихъ сношеніяхъ съ министромъ и великимъ княземъ и представлялось вѣроятнымъ, что, ознакомившись съ ними, многія земства не пожелаютъ присоединиться къ общему выступленію, если московская управа предложила бы, тѣмъ не менѣе, осуществить предположеніе, изложенное въ моемъ письмѣ, къ предсѣдателямъ губернскихъ управъ. Въ виду этихъ соображеній, я сообщилъ всѣмъ предсѣдателямъ губернскихъ управъ о происходившихъ переговорахъ, и о томъ, что московская управа снимаетъ свое первоначальное предположеніе.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1896 г. съѣхавшіеся въ Москву для участія въ коронаціонныхъ торжествахъ, предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ собирались неоднократно въ помѣщеніи губерн-

ской управы и въ оживленныхъ бесѣдахъ обмѣнивались мнѣніями по различнымъ вопросамъ земской жизни. Всѣми сознавалось опредѣленно принципіальное значеніе и большая практическая польза общенія между собой предсѣдателей губернскихъ управъ, и всѣ пришли къ единодушному рѣшенію организовать совѣщанія предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ и собираться періодически для обсужденія наиболѣе важныхъ земскихъ вопросовъ. Желая устранить нелегальный характеръ нашихъ совѣщаній и предупредить возможные въ административныхъ кругахъ о нихъ кривотолки, собравшіеся признали нужнымъ довести о нашемъ рѣшеніи до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ и возложили на меня соотвѣтствующее порученіе. Предъ окончаніемъ коронаціонныхъ празднествъ всѣ предсѣдатели собрались на прощальномъ пріемѣ у министра внутреннихъ дѣлъ. По окончаніи общаго офиціальнаго пріема, я сказалъ министру, что имѣю сдѣлать ему сообщеніе по порученію всѣхъ предсѣдателей управъ, и просилъ назначить время, когда министръ могъ бы меня принять. И. Л. Горемыкинъ предложилъ мнѣ остаться и пригласилъ перейти въ его кабинетъ. Я подробно сообщилъ министру соображенія, по которымъ общеніе предсѣдателей имѣетъ выдающееся значеніе для цѣлесообразной и правильной постановки различныхъ практическихъ земскихъ мѣропріятій, и сказалъ о принятомъ нами рѣшеніи организовать наши періодическія совѣщанія, о чемъ всѣ предсѣдатели поручили мнѣ довести до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ. И. Л. Горемыкинъ отвѣтилъ, что онъ не въ правѣ дать разрѣшеніе на такого рода собранія, такъ какъ они не предусмотрѣны положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ. Я объяснилъ, что предсѣдатели имѣли въ виду это возраженіе, по этому и не испрашиваютъ офиціальнаго разрѣшенія министра. Предсѣдатели имѣютъ въ виду собираться частнымъ, не офиціальнымъ порядкомъ, но желаютъ, чтобы ихъ собранія не носили характеръ таинственности, и по этому возложили на меня порученіе о нашемъ рѣшеніи откровенно довести до его, И. Л. Горемыкина, свѣдѣнія. И. Л. Горемыкинъ сказалъ, что если онъ не имѣетъ права дать офиціальное разрѣшеніе, то онъ въ то же время хорошо понимаетъ, что не имѣетъ возможности воспретить частныя собесѣдованія предсѣдателей земскихъ управъ, а по существу не можетъ отрицать пользы для земскаго

дѣла отъ такихъ совѣщаній. Высказавъ благодарность за прямое и откровенное предупрежденіе о принятомъ рѣшеніи, И. Л. Горемыкинъ, съ своей стороны, счелъ нужнымъ преподать слѣдующіе совѣты. Во-первыхъ, ограничить составъ совѣщанія участіемъ въ нихъ только предсѣдателей губернскихъ управъ, чтобы избѣжать многолюдства и обезпечить практическій характеръ обсужденія земскихъ вопросовъ. Во-вторыхъ, собираться не въ помѣщеніи губернскихъ управъ, а на частныхъ квартирахъ, что болѣе будетъ соотвѣтствовать частному характеру предполагаемыхъ собраній. „Въ-третьихъ“,—сказалъ И. Л. Горемыкинъ,—„примите мѣры, чтобы печать о вашихъ собраніяхъ не трубила“. Я отвѣчалъ, что передамъ предсѣдателямъ управъ выслушанные мной совѣты и полагаю, что принятіе первыхъ двухъ не встрѣтитъ затрудненій; что же касается третьяго, то принять намъ какія-либо мѣры невозможно. Мы можемъ не помѣщать въ прессѣ непосредственно отъ себя сообщеній о нашихъ совѣщаніяхъ, но не можемъ скрывать свѣдѣній отъ интересующихся лицъ и не можемъ окружать наши собесѣдованія таинственностью. Полное умолчаніе въ прессѣ о совѣщаніяхъ предсѣдателей управъ откроетъ просторъ для всякаго рода слуховъ, не соотвѣтствующихъ дѣйствительности, тогда какъ краткія, но вѣрныя сообщенія устранятъ возможность нежелательныхъ извращеній. Послѣ этого бесѣда была закончена, и я тотчасъ же познакомилъ съ ея содержаніемъ предсѣдателей управъ, ожидавшихъ меня въ помѣщеніи московской губернской управы. Было рѣшено собраться въ этомъ же году въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ происходила Всероссійская выставка, а опредѣлить время нашего собранія и намѣтить программу вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, было предоставлено мнѣ и предсѣдателю нижегородской земской управы, В. В. Хвощинскому. По состоявшемуся между нами соглашенію, В. В. Хвощинскій письмомъ отъ 21-го іюня обратился ко всѣмъ предсѣдателямъ губернскихъ управъ съ приглашеніемъ собраться въ Нижнемъ-Новгородѣ къ 8-му августа и сообщилъ два вопроса, которые мы считали желательнымъ подвергнуть обсужденію на предстоящемъ совѣщаніи, а именно: 1) введеніе однообразнаго счетоводства въ губернскихъ и уѣздныхъ управахъ и 2) цѣлесообразность и удобопримѣнимость пособій изъ губернскихъ средствъ уѣздамъ, придерживаясь принципа, проведеннаго московскимъ

губернскимъ земствомъ для введенія всеобщаго начальнаго образованія въ губерніи.

Къ 8-му августа въ Нижнемъ-Новгородѣ собрались 19 предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ, а 9 прислали увѣдомленіе, что текущія дѣла лишаютъ ихъ возможности прибыть на съѣздъ. Совѣщанія наши состоялись съ 8-го по 11-е августа включительно и происходили—первое въ квартирѣ В. В. Хвощинскаго, а затѣмъ, въ особомъ помѣщеніи при ресторанѣ на выставкѣ. Предсѣдательствовалъ въ нашемъ собраніи предсѣдатель нижегородской управы, а я исполнялъ обязанности секретаря. Первымъ обсуждался вопросъ объ организаціи послѣдующихъ совѣщаній. Всѣ единодушно выражали пожеланія, чтобы начавшееся общеніе получило дальнѣйшее развитіе и чтобы всѣ предсѣдатели губернскихъ управъ принимали участіе въ этихъ совѣщаніяхъ; при этомъ указывалось, что такіе съѣзды открываютъ участникамъ ихъ возможность знакомиться съ постановкой дѣла въ другихъ земствахъ и содѣйствуютъ всестороннему выясненію основныхъ положеній земской дѣятельности. На съѣздахъ предсѣдатели могутъ по вопросамъ, осуществленіе которыхъ нуждается въ согласіи правительства, притти къ соглашенію объ единовременномъ внесеніи въ губернскія собранія предложеній о возбужденіи однообразныхъ ходатайствъ, что явится условіемъ, обезпечивающимъ бо̀льшую вѣроятность ихъ удовлетворенія. Было постановлено: 1) организовать при московской управѣ бюро совѣщанія предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ; 2) просить войти въ составъ бюро предсѣдателей управъ: петербугской, В. П. Маркова, смоленской, Н. А. Рачинскаго, орловской, С. А. Хвостова, нижегородской, В. В. Хвощинскаго, и московской, Д. Н. Шипова; 3) признать желательнымъ, чтобы по каждому вопросу, представляемому совѣщанію, были составляемы обстоятельные доклады; 4) уполномочить бюро поручать постороннимъ лицамъ составленіе докладовъ, если этотъ трудъ не будетъ принятъ на себя кѣмъ-либо изъ членовъ совѣщанія, и 5) назначить слѣдующій съѣздъ въ С.-Петербургѣ, въ мартѣ 1897 г., предоставивъ бюро опредѣлить день начала совѣщанія. Былъ затронутъ вопросъ о составѣ нашихъ съѣздовъ, въ виду желанія многихъ гласныхъ принимать въ нихъ участіе. Я возражалъ противъ расширенія состава

совѣщаній; наши съѣзды представляются дѣломъ совершенно новымъ и нужно дать время новой организаціи окрѣпнуть и примириться съ ея существованіемъ какъ правительству, такъ и всѣмъ, относящимся отрицательно къ развитію общественной самодѣятельности; на первое время необходимо сохранить частный характеръ нашихъ собраній, а при ихъ многолюдствѣ это будетъ невозможно. Совѣщаніе согласилось съ приведенными мной соображеніями.

Установивъ организацію совѣщанія, собравшіеся перешли къ обсужденію очередныхъ вопросовъ. Первымъ на очередь былъ поставленъ возбужденный по постановленію предсѣдателей земскихъ управъ казанской губерніи предсѣдателемъ ея губернской управы, П. М. Останковымъ, вопросъ о сельскохозяйственномъ кризисѣ, являвшемся послѣдствіемъ крайняго пониженія цѣнъ на хлѣбъ. При разсмотрѣніи этого вопроса произошелъ обмѣнъ мнѣній по вопросу о диференціальныхъ желѣзнодорожныхъ тарифахъ и по продовольственному вопросу; послѣдній было признано желательнымъ включить въ программу предположеннаго въ С.-Петербургѣ съѣзда, подготовивъ необходимый матеріалъ. Большое вниманіе совѣщаніе удѣлило вопросамъ, намѣченнымъ въ пригласительномъ письмѣ предсѣдателя нижегородской управы. За введеніемъ однообразнаго счетоводства и порядка составленія смѣтъ во всѣхъ земствахъ совѣщаніе признало очень важное значеніе и постановку этого вопроса нашло вполнѣ своевременной, въ виду производившейся въ хозяйственномъ департаментѣ м. в. д. выработки новыхъ формъ и правилъ по составленію земскихъ смѣтъ. Совѣщаніе просило меня принять на себя трудъ составленія соотвѣтствующаго доклада къ съѣзду, назначенному на мартъ мѣсяцъ 1897 г., а членъ бюро, С. А. Хвостовъ, принялъ на себя порученіе къ этому же совѣщанію приготовить докладъ о желательныхъ измѣненіяхъ въ порядкѣ взиманія земскихъ сборовъ, въ виду возрастанія недоимокъ.

По вопросу объ отношеніяхъ между губернскимъ и уѣздными земствами произошелъ продолжительный и оживленный обмѣнъ мнѣній. Я сдѣлалъ сообщеніе о постановкѣ этого вопроса въ московскомъ земствѣ при разсмотрѣніи послѣднимъ губернскимъ собраніемъ доклада губернской управы о мѣрахъ, необходимыхъ для осуществленія всеобщаго начальнаго обра-

зованія. Предсѣдатель олонецкой управы, В. В. Савельевъ, ознакомилъ совѣщаніе съ аналогичными основаніями разрѣшенія того же вопроса въ олонецкомъ земствѣ. Совѣщаніе пришло къ заключенію, что губернское земство: 1) должно имѣть своей задачей общее направленіе земскаго дѣла въ губерніи путемъ принципіальной разработки различныхъ вопросовъ земской дѣятельности и 2) должно быть регуляторомъ земскихъ средствъ въ губерніи, съ цѣлью равномѣрнаго использованія всѣхъ источниковъ земскаго обложенія и равномѣрнаго удовлетворенія потребностей населенія всей губерніи. Для всесторонняго освѣщенія вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ было признано необходимымъ собрать матеріалъ изъ всѣхъ земскихъ губерній и поручить бюро составить для одного изъ ближайшихъ съѣздовъ докладъ, который содержалъ бы въ себѣ: 1) сводъ свѣдѣній о положеніи вопроса во всѣхъ губерніяхъ, 2) выясненіе того вліянія, которое оказало на развитіе земскаго дѣла та или иная постановка отношеній между губернскимъ и уѣздными земствами, и 3) рядъ положеній, вытекающихъ изъ произведеннаго изслѣдованія, которыя будутъ подлежать обсужденію совѣщанія.

Кромѣ вопросовъ, возникшихъ въ средѣ предсѣдателей управъ, совѣщаніе занялось еще двумя вопросами, возбужденными иниціативой извнѣ. Предсѣдатель вольно-экономическаго общества, графъ П. А. Гейденъ, предложилъ организовать связь между дѣятельностью общества и земства. Онъ говорилъ о возможности образовать при обществѣ особый отдѣлъ по земскимъ вопросамъ, въ составъ котораго вошли бы предсѣдатели губернскихъ управъ, чѣмъ открывалась возможность осуществлять тѣ же задачи, которыя ставитъ себя настоящее совѣщаніе. По обсужденіи сдѣланнаго предложенія, совѣщаніе благодарило графа Гейдена за его готовность содѣйствовать земскому дѣлу, привѣтствовало мысль о созданіи земскаго отдѣла при вольно-экономическомъ обществѣ, но признало, что задачи общества и земства часто между собой близки, но не тождественны, и въ составъ общества и его отдѣла предсѣдатели управъ не могутъ войти, какъ непремѣнные члены, а могутъ принимать въ нихъ только личное участіе по избранію, какъ всѣ прочіе члены общества. Эти соображенія привели собраніе къ заключенію, что образованіе земскаго отдѣла при обществѣ не

исключаетъ необходимость самостоятельной организаціи совѣщаній предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ.

Затѣмъ, къ совѣщанію обратился чиновникъ министерства финансовъ, г. Рейнботъ, заявивъ, что онъ командированъ своимъ вѣдомствомъ съ тѣмъ, чтобы просить предсѣдателей управъ обсудить и выяснить причины отрицательнаго отношенія земскихъ учрежденій къ закону 8-го іюня 1893 г., объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, и неуспѣшности производства оцѣночныхъ работъ. Единодушные отзывы предсѣдателей управъ сводились къ слѣдующему. Къ участію въ выработкѣ закона не были привлечены представители земскихъ учрежденій, тогда какъ на послѣднія возлагалось, какъ ранѣе, такъ и новымъ закономъ, производство всѣхъ оцѣночныхъ работъ, и вслѣдствіе этого новый законъ не согласованъ съ потребностями жизни; примѣненіе новыхъ нормъ и порядка къ оцѣнкѣ торгово-промышленныхъ заведеній грозитъ внесеніемъ большой неуравнительности въ обложеніи и переложеніемъ тяжести сборовъ съ фабрикъ и заводовъ на землю; въ основу новаго закона положено недовѣріе къ земскимъ учрежденіямъ возложеніемъ руководства въ постановкѣ работъ, производимыхъ земскими учрежденіями, и утвержденія оцѣночныхъ нормъ на административныя учрежденія и, наконецъ, министерство внутреннихъ дѣлъ всемѣрно препятствуетъ и затрудняетъ производство мѣстныхъ статистическихъ изслѣдованій, безъ которыхъ невозможно получить необходимыя данныя.

Въ обращеніи къ совѣщанію чиновника министерства финансовъ собравшіеся предсѣдатели управъ были склонны усмотрѣть, что правительственныя учрежденія относятся, повидимому, къ вновь создающейся земской организаціи безъ предубѣжденія и признаютъ возможнымъ и желательнымъ вступать съ ней въ сношенія, хотя и частнаго характера. Это обстоятельство не могло не отразиться благопріятно на настроеніи собравшихся и укрѣпило въ средѣ насъ надежду, что наши совѣщанія получатъ дальнѣйшее благопріятное развитіе. При такомъ настроеніи закончилось первое, но, къ сожалѣнію, вскорѣ оказавшееся и послѣднимъ, совѣщаніе предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ.

Въ сентябрѣ члены избраннаго совѣщаніемъ бюро собрались въ Москвѣ для выполненія возложенныхъ на него порученій.

Занятія бюро происходили у меня на квартирѣ и продолжались два дня. Я доложилъ составленный мной журналъ происходившихъ въ Нижнемъ-Новгородѣ совѣщаній, при чемъ бюро остановило свое вниманіе на слѣдующемъ. Выше было сообщено о посѣщеніи засѣданія совѣщанія г. Рейнботомъ, и въ проектѣ журнала я изложилъ происходившія по этому поводу сужденія, упомянувъ, что г. Рейнботъ заявилъ о своей командировкѣ министерствомъ. Такъ какъ обращеніе представителя вѣдомства не соотвѣтствовало, казалось, частному характеру, которое имѣло наше совѣщаніе, а въ то же время г. Рейнботомъ не было представлено никакого документа, удостовѣряющаго его командировку, то я, желая выяснить это обстоятельство, написалъ Н. Н. Кутлеру, директору департамента окладныхъ сборовъ, съ которымъ я былъ знакомъ по его московской службѣ, и просилъ увѣдомить меня—имѣлъ ли г. Рейнботъ уполномочіе отъ министерства и слѣдуетъ ли включать въ журналъ нашего совѣщанія о всемъ, происходившемъ по поводу его заявленія? Н. Н. Кутлеръ отвѣтилъ мнѣ, что участіе г. Рейнбота на съѣздѣ не имѣло официальнаго характера и такое порученіе ему дано не было, тѣмъ не менѣе, Н. Н. высказалъ мнѣніе, что къ включенію въ журналъ совѣщанія преній по поводу оцѣночныхъ работъ не можетъ встрѣтиться препятствій; этотъ вопросъ настолько близокъ земству, что могъ быть возбужденъ и безъ участія представителя министерства финансовъ. Бюро, ознакомившись съ отвѣтомъ Н. Н. Кутлера, признало болѣе правильнымъ не включать вовсе въ журналъ ни заявленія г. Рейнбота, ни сужденій, высказанныхъ по поводу его обращенія. За этимъ исключеніемъ проектъ журнала былъ одобренъ и затѣмъ было рѣшено журналъ не печатать, а отлитографировать и разослать его въ нѣсколькихъ экземплярахъ всѣмъ губернскимъ управамъ и, кромѣ того, выдавать его лицамъ, интересующимся занятіями совѣщанія.

Много времени бюро удѣлило обсужденію программы для анкеты по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ. Я познакомилъ членовъ бюро съ лицами, которыя, согласно данному мнѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ членами бюро порученію, были подысканы для подготовительной работы составленія доклада по указанному вопросу. Была выработана и утверждена детальная программа, полученіе отвѣ-

товъ по которой открывало возможность притти къ заключенію по каждой отрасли земскаго дѣла, какой порядокъ взаимодѣйствія губернскаго и уѣздныхъ земствъ, изъ дѣйствующихъ въ различныхъ губерніяхъ, обезпечиваетъ достиженіе лучшихъ результатовъ. Слѣдующее собраніе бюро было назначено на декабрь.

Когда журналъ былъ отлитографированъ, я представилъ его въ московскій цензурный комитетъ и просилъ цензора, кн. Н. В. Шаховского, моего хорошаго знакомаго, принять на себя трудъ ознакомленія съ журналомъ и представленія своего заключенія комитету. Кн. Н. В. Шаховской не встрѣтилъ препятствій къ выпуску журнала изъ типографіи, но съ его заключеніемъ не согласилось большинство комитета и разрѣшеніе вопроса было отложено до слѣдующаго засѣданія комитета. Случайно, на этомъ засѣданіи присутствовалъ главный начальникъ по дѣламъ печати, Соловьевъ, который призналъ заключеніе кн. Н. В. Шаховского правильнымъ, и, благодаря этому, было получено надлежащее разрѣшеніе.

Въ ноябрѣ мнѣ пришлось провести въ С.-Петербургѣ болѣе двухъ недѣль во время сессіи сельско-хозяйственнаго совѣта. По пріѣздѣ, я въ тотъ же день направился къ министру внутреннихъ дѣлъ, но у него въ этотъ день пріема не было. Вслѣдъ затѣмъ я посѣтилъ директора хозяйственнаго департамента, И. И. Кабата, передалъ ему два экземпляра журнала совѣщанія пресѣдателей управъ и ознакомилъ его во всѣхъ подробностяхъ съ предположеніями о мартовскомъ совѣщаніи въ С.-Петербургѣ. И. И. Кабатъ высказалъ удовольствіе, что вопросъ о порядкѣ составленія земскихъ смѣтъ включенъ въ программу предстоящаго съѣзда и сообщилъ, что въ департаментѣ соотвѣтствующій проектъ разрабатывается и долженъ быть представленъ не позднѣе половины марта на уваженіе государственнаго совѣта. Въ виду этого, И. И. Кабатъ выразилъ пожеланіе, чтобы совѣщаніе предсѣдателей состоялось въ самомъ началѣ марта мѣсяца и чтобы вопросъ о смѣтахъ былъ поставленъ первымъ на обсужденіе, при этомъ директоръ департамента выразилъ готовность принять участіе при разсмотрѣніи этого вопроса. Я просилъ И. И. Кабата одинъ экземпляръ журнала передать министру и на случай, если министръ пожелалъ бы получить отъ меня какія либо дополнительныя свѣ-

дѣнія, просилъ директора департамента поставить меня о томъ въ извѣстность. И. И. Кабатъ участвовалъ въ сельско-хозяйственномъ совѣтѣ, какъ представитель своего вѣдомства; по этой причинѣ, во время моего пребыванія въ С.-Петербургѣ, мы встрѣчались почти ежедневно и вступали часто въ собесѣдованія, при чемъ рѣчь шла преимущественно о занятіяхъ совѣщанія предсѣдателей управъ. Многіе члены сельско-хозяйственнаго совѣта выражали желаніе ознакомиться съ журналомъ совѣщаній и я передавалъ имъ экземпляры журнала.

Бесѣды съ И. И. Кабатомъ давали мнѣ основаніе предполагать, что министерство внутреннихъ дѣлъ относится къ земскому совѣщанію благопріятно и что постепенно установятся необходимыя для пользы дѣла нормальныя отношенія между министерствомъ и земскими учрежденіями. Однако, по возвращеніи въ Москву 30-го ноября, я былъ крайне удивленъ, извѣстившись о совершенно неожиданномъ оборотѣ дѣла. Въ губернской управѣ мнѣ сообщили, что губернаторъ проситъ меня побывать у него тотчасъ по моемъ возвращеніи изъ С.-Петербурга, и я поспѣшилъ отправиться по его приглашенію. А. Г. Булыгинъ, бывшій въ это время губернаторомъ, передалъ мнѣ свое *конфиденціальное* письмо отъ 25-го ноября 1896 г. слѣдующаго содержанія.

„Милостивый Государь, Дмитрій Николаевичъ! Г. министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ меня, что по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, на частномъ совѣщаніи предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, происходившемъ между 8 и 11 августа текущаго года, было, между прочимъ, рѣшено: 1) организовать періодическіе съѣзды предсѣдателей всѣхъ губернскихъ земскихъ управъ, 2) для подготовительныхъ дѣйствій и для разработки, подлежащихъ обсужденію съѣздовъ вопросовъ, учредить при московской губернской земской управѣ бюро совѣщанія предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ, и 3) слѣдующій съѣздъ предсѣдателей назначить въ мартѣ 1897 года въ С. Петербургѣ. Съ своей стороны г. министръ внутреннихъ дѣлъ находитъ, что никакіе съѣзды, и тѣмъ болѣе должностныхъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, не могутъ имѣть мѣста безъ особаго каждый разъ разрѣшенія въ установленномъ порядкѣ, и что объединеніе дѣятельности земскихъ учрежденій и установленіе общихъ ру-

ководящихъ началъ для этой дѣятельности принадлежитъ исключительно вѣдѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ".

„По симъ соображеніямъ, и имѣя въ виду, что предположенная на нижегородскомъ совѣщаніи предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ организація сѣздовъ означенныхъ предсѣдателей не была разрѣшена имъ министромъ, и какъ нарушающая строй нашего государственнаго порядка и не соотвѣтствующая основной задачѣ земскихъ учрежденій—вѣдать только мѣстныя дѣла губерніи и уѣзда—ни въ какомъ случаѣ допущена быть не можетъ, г. министръ внутреннихъ дѣлъ проситъ меня поставить о семъ въ извѣстность ваше пр-тво и предложить вамъ немедленно закрыть учрежденное при московской губернской земской управѣ бюро предсѣдателей управъ и не принимать въ таковыхъ съѣздахъ никакого участія. Сообщая вамъ о всемъ вышеизложенномъ, для соотвѣтствующихъ распоряженій и исполненія, имѣю честь просить ваше превосходительство увѣдомить меня какъ о времени закрытія означеннаго бюро, такъ и о полученіи вами настоящаго сообщенія".

А. Г. Булыгину было извѣстно о моихъ переговорахъ въ маѣ съ министромъ по поводу совѣщаній предсѣдателей управъ и журналъ нижегородскаго совѣщанія былъ переданъ мной губернатору лично въ сентябрѣ. А. Г. Булыгинъ не менѣе меня былъ удивленъ тѣмъ, что министръ, зная о моемъ пребываніи въ С.-Петербургѣ, не пригласилъ меня и не обратился непосредственно ко мнѣ. Въ своемъ письмѣ къ губернатору министръ предлагалъ ему немедленно закрыть учрежденное при губернской управѣ бюро и это предложеніе ставило А. Г. Булыгина въ затруднительное положеніе, такъ какъ ему хорошо было извѣстно, что въ губернской управѣ никакого бюро совѣщанія предсѣдателей губернскихъ управъ не существуетъ. При обсужденіи съ А. Г. Булыгинымъ возможныхъ причинъ, вызвавшихъ такую перемѣну въ отношеніяхъ министра къ извѣстному ему факту, я высказалъ предположеніе, что не послужила ли къ тому поводомъ неточность, случайно вкравшаяся въ журналъ совѣщанія; тамъ было сказано, что совѣщаніе признало нужнымъ организовать бюро при московской губернской управѣ, тогда какъ въ дѣйствительности это вовсе не предполагалось и слѣдовало сказать, что бюро организуется въ Москвѣ. Въ виду этого, я сказалъ А. Г. Булыгину, что изложу свои объясненія

въ особомъ письмѣ, содержаніе котораго прошу сообщить министру. 2-го декабря я послалъ губернатору слѣдующее письмо.

„Милостивый Государь, Александръ Григорьевичъ! Письмо вашего пр-ва отъ 25 ноября получено мною только 30-го, по возвращеніи моемъ изъ С.-Петербурга, гдѣ я въ теченіе ноября какъ вамъ извѣстно, принималъ участіе въ сельско-хозяйственномъ совѣтѣ министерства земледѣлія. Ваше пр-во изволите предлагать мнѣ, согласно распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ, немедленно закрыть учрежденное при московской губернской земской управѣ бюро съѣзда предсѣдателей губернскихъ управъ, вслѣдствіе чего я имѣю честь представить слѣдующее объясненіе. Состоявшееся въ прошломъ августѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ совѣщаніе 19-ти предсѣдателей губернскихъ управъ имѣло совершенно частный характеръ. Присутствовавшіе на этомъ совѣщаніи предсѣдатели управъ пришли, между прочимъ, къ заключенію, что такого рода бесѣды и обмѣнъ мнѣній имѣютъ для лицъ, стоящихъ близко къ земскому дѣлу, большое значеніе, содѣйствуя имъ въ выясненіи и правильномъ освѣщеніи различныхъ вопросовъ, входящихъ въ кругъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій, и поэтому было признано желательнымъ собираться и въ будущемъ, время отъ времени, для такихъ частныхъ между собою совѣщаній. Для того, чтобы всѣмъ предсѣдателямъ управъ были извѣстны предметы, которые предполагается обсуждать въ частныхъ между собою бесѣдахъ, и для того, чтобы имѣть возможность по намѣченнымъ вопросамъ предварительно ознакомиться съ относящимся къ нимъ матеріаломъ, совѣщаніе нашло полезнымъ избрать изъ своей среды пять лицъ, которыя образовали бы бюро совѣщанія. Этому бюро не предполагалось вовсе придать значеніе какого-либо постояннаго учрежденія, а имѣлось только въ виду, что избранныя пять лицъ будутъ иногда собираться, предварительно выяснять обсужденіе какихъ вопросовъ въ частныхъ совѣщаніяхъ предсѣдателей управъ желательно, какой для того долженъ быть собранъ матеріалъ, и будутъ распредѣлять между собою трудъ по разработкѣ этого матеріала. Пять лицъ, принявшихъ на себя такую предварительную работу, согласились собираться для намѣченной цѣли въ Москвѣ, какъ въ болѣе центральномъ пунктѣ, о чемъ и было записано въ журналѣ частнаго совѣщанія, но при этомъ случайно вкралась редакціонная ошибка:

въ журналѣ было записано, что совѣщаніе пришло къ заключенію организовать бюро при московской управѣ, тогда какъ слѣдовало записать, что избранные совѣщаніемъ члены бюро будутъ собираться въ Москвѣ, какъ это въ дѣйствительности и безусловно понимало совѣщаніе. Въ концѣ прошлаго сентября пять лицъ, избранныя совѣщаніемъ, собирались въ Москвѣ, и наши частныя бесѣды происходили отнюдь не въ управѣ, а въ моей частной квартирѣ, и никакого отношенія ни къ управѣ, ни къ нашимъ служебнымъ обязанностямъ не имѣли. Изъ представленныхъ мною объясненій ваше пр-во усмотрѣть изволите, что при московской губернской управѣ не существовало и не существуетъ никакого бюро совѣщанія предсѣдателей губернскихъ управъ, о закрытіи котораго вы предлагаете. Какъ происходившее въ Нижнемъ-Новгородѣ, такъ и предположенное въ будущемъ совѣщаніе, могутъ имѣть, несомнѣнно, характеръ лишь исключительно частныхъ бесѣдъ и обмѣна мыслей, и предсѣдатели управъ, принимающіе въ этихъ совѣщаніяхъ участіе, участвуютъ въ нихъ только какъ частныя лица".

20-го декабря я получилъ отъ А. Г. Булыгина слѣдующій отвѣтъ: „Милостивый Государь, Дмитрій Николаевичъ! Сообщенныя мнѣ вашимъ пр-омъ 2 сего декабря за № 3196, свѣдѣнія по вопросу о съѣздахъ предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ были мною представлены по принадлежности и нынѣ г. министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ меня, что представленныя вами по означенному вопросу объясненія не могутъ быть признаны удовлетворительными и не убѣждаютъ въ возможности разрѣшенія періодическихъ съѣздовъ предсѣдателей управъ. Означенные представители земскаго общественнаго управленія являются, по закону, лицами должностными, состоящими на государственной службѣ. При такомъ положеніи дѣла, какъ самые съѣзды, такъ и бюро для подготовительныхъ къ онымъ дѣйствій, не могутъ быть признаны исключительно частными собраніями, не требующими разрѣшенія правительства, а потому и организація ихъ, безъ испрошенія такого разрѣшенія, представляется нарушеніемъ закона. Вслѣдствіе сего г. министръ внутреннихъ дѣлъ проситъ меня объявить вашему пр-ву къ исполненію, что онъ, министръ, не допускаетъ ни дальнѣйшаго существованія бюро, въ какомъ бы видѣ оно ни было учреждено, ни участія вашего въ вышеупо-

мянутыхъ съѣздахъ. Объ этомъ имѣю честь сообщить вашему пр-тву къ надлежащему исполненію".

Насколько мнѣ удалось выяснить, перемѣна въ отношеніи И. Л. Горемыкина къ совѣщаніямъ предсѣдателей управъ произошла подъ вліяніемъ тревоги, возбужденной въ петербургскихъ реакціонныхъ, но вліятельныхъ кругахъ, слухами о земскихъ совѣщаніяхъ и особенно подъ давленіемъ К. П. Побѣдоносцева. И. Л. Горемыкинъ, не обладавшій стойкостью и независимостью и ставившій выше всего сохраненіе своего положенія, очевидно, не пожелалъ сообщить, что онъ своевременно былъ поставленъ въ извѣстность объ организаціи частныхъ совѣщаній и что онъ даже преподалъ свои совѣты, которые были приняты и выполнены предсѣдателями губернскихъ управъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшившись измѣнить свое отношеніе къ земскимъ совѣщаніямъ, онъ чувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи относительно лицъ, прямо и откровенно къ нему обратившихся, уклонился поэтому отъ личныхъ переговоровъ и объясненій и предпочелъ бюрократическое сношеніе при посредствѣ губернатора. Повидимому, И. И. Кабатъ своевременно не былъ предупрежденъ министромъ и предложеніе послѣдняго было сдѣлано губернатору по канцеляріи министра, а не по хозяйственному департаменту. Да и трудно предположить, чтобы И. И. Кабатъ въ теченіе болѣе двухъ недѣль продолжалъ говорить со мной о дальнѣйшихъ занятіяхъ совѣщанія предсѣдателей, если бы ему было извѣстно новое положеніе, занятое министромъ. О распоряженіи И. Л. Горемыкина я извѣстилъ всѣхъ предсѣдателей управъ и начатыя въ бюро совѣщанія подготовительныя работы были прекращены. Распоряженіе министра, конечно, не могло устранить стремленіе земствъ къ объединенію и только вынуждало ихъ для достиженія той же цѣли изыскивать иные пути. Со своей стороны, потерявъ всякое довѣріе къ словамъ и намѣреніямъ И. Л. Горемыкина, я болѣе къ нему не обращался и не встрѣчался съ нимъ, пока онъ оставался министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Предсѣдатели губернскихъ управъ вновь собрались въ Москвѣ въ августѣ 1898 года во время открытія памятника Императору Александру II. 16 августа при торжествѣ освященія памятника присутствовали предсѣдатели всѣхъ губернскихъ управъ,

а также члены губернской управы и предсѣдатели уѣздныхъ управъ московской губерніи. На слѣдующій день всѣ эти лица собрались къ завтраку въ губернской управѣ, а послѣ завтрака происходила продолжительная бесѣда по многимъ, общимъ для всѣхъ, вопросамъ земской жизни и о способахъ возможнаго между губернскими земствами единенія. Столы для завтрака были накрыты въ большой залѣ управы предъ мраморнымъ памятникомъ съ бюстомъ Императора Александра II, украшеннымъ цвѣтами и зеленью. Для характеристики настроенія, господствовавшаго среди собравшихся, привожу двѣ рѣчи, произнесенныя мной и предсѣдателемъ херсонской губернской земской управы, В. П. Андреевскимъ, встрѣченныя общимъ горячимъ сочувствіемъ. Я обратился къ присутствовавшимъ со слѣдующими словами:

„Позвольте мнѣ, мм. гг., привѣтствовать нашихъ дорогихъ гостей, предсѣдателей губернскихъ управъ, сдѣлавшихъ намъ честь, собравшись сегодня въ помѣщеніи московской губернской управы. Собраніе предсѣдателей управъ вообще столь желательное, въ настоящее время имѣетъ особое для насъ значеніе, такъ какъ всѣ мы собрались въ Москвѣ для присутствія при торжественномъ открытіи и освященіи памятника блаженныя памяти Императору Александру II, призвавшему къ жизни земскія учрежденія. Корень земской реформы 1864 г., какъ и всѣхъ другихъ реформъ 60-хъ годовъ, лежитъ въ освободительно-гуманномъ движеніи конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ, которому Россія обязана своимъ быстрымъ обновленіемъ и возрожденіемъ. Этимъ движеніемъ были захвачены всѣ лучшія общественныя силы, и въ то же время извѣстно, какія препятствія это движеніе встрѣчало со стороны реакціонной и весьма вліятельной партіи. Но всѣ создаваемыя препятствія были устранены и всѣ реформы были осуществлены, благодаря иниціативѣ и личной энергіи въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II, основанныхъ на глубокомъ убѣжденіи и вѣрѣ въ правоту предпринятаго Имъ дѣла. Такъ было и съ введеніемъ земскихъ учрежденій. Когда обсужденіе проекта земской реформы, вслѣдствіе противодѣйствія реакціи, грозило затянуться на неопредѣленное время, то 1 ноября 1863 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе: „требую, чтобы дѣло это непремѣнно было окончено до 1 января 1864 года“ и, только благодаря державной волѣ, дѣло

это получило окончательное разрѣшеніе. Величайшая изъ реформъ Императора Александра II, упраздненіе крѣпостного права, обусловливала гражданское перерожденіе народа, впервые получившаго сознаніе о своихъ правахъ, о своей правоспособности. Съ изданіемъ „Положенія о крестьянахъ“, установившаго крестьянское самоуправленіе какъ въ сельскомъ, такъ и въ волостномъ обществѣ, предчувствовалась неизбѣжность созданія мѣстнаго самоуправленія для всего народонаселенія, для всего русскаго общества. Освобожденіе крестьянъ должно было завершиться уничтоженіемъ бюрократической опеки надъ мѣстной жизнью и вызвать установленіе общественнаго самоуправленія. Обезпеченіе гражданской свободы всему населенію приводило къ сознанію, что удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей немыслимо безъ свободнаго и самостоятельнаго участія мѣстнаго населенія въ дѣлѣ мѣстнаго управленія, т.-е. немыслимо безъ общественной самодѣятельности. Нельзя было не признать, что невозможно организовать удовлетвореніе потребностей мѣстнаго общества путемъ только административныхъ предписаній, помимо свободной воли населенія и его сознательнаго и самостоятельнаго въ этомъ дѣлѣ участія. Великій Самодержавный Государь съ довѣріемъ отнесся къ общественнымъ силамъ и 1 января 1864 г. „Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ“ получило законодательную санкцію. Образованіе земскихъ учрежденій имѣетъ своею цѣлью призвать въ каждой мѣстности къ завѣдыванію мѣстными хозяйственными дѣлами всѣ безъ различія классы общества, составляющіе земство, такъ какъ самое земство есть ничто иное, какъ соединеніе—общественный союзъ жителей одной мѣстности для удовлетворенія общихъ хозяйственныхъ нуждъ. Хотя этотъ общественный союзъ является союзомъ принудительнымъ и имѣетъ своею задачей равномѣрное, въ интересахъ справедливости, распредѣленіе какъ общественныхъ тягостей, такъ и выгоды, доставляемой членамъ его на общія средства, но въ основѣ этого союза, несомнѣнно, лежитъ нравственное начало,—начало взаимопомощи по долгу христіанской любви. Исходя изъ этого начала, земскія учрежденія и не руководствуются исключительно стремленіемъ только равномѣрно распредѣлить всѣ поступающія въ ихъ распоряженіе средства для равномѣрнаго предоставленія выгодъ всѣмъ классамъ и членамъ

данной земской единицы, а сосредоточиваютъ свою дѣятельность и свои средства для обезпеченія классовъ и мѣстностей, наиболѣе нуждающихся въ удовлетвореніи насущныхъ своихъ потребностей. Такъ, напримѣръ, какъ всѣмъ извѣстно, владѣльцы крупныхъ недвижимыхъ имуществъ участвуютъ значительными суммами въ раскладкѣ земскихъ сборовъ, но получаютъ непосредственно отъ расходованія земскихъ средствъ сравнительно незначительныя для себя выгоды и средства эти служатъ преимущественно для удовлетворенія насущныхъ потребностей крестьянскаго населенія. Такая взаимопомощь не есть благотворительность, а есть только выполненіе обществомъ лежащаго на немъ нравственнаго долга. Провидѣніе надѣлило человѣка свободною волею, но оно же дало намъ нравственный законъ и выполненіе этого закона открываетъ намъ путь къ личному и общественному благу. Участіе въ земскихъ общественныхъ союзахъ и обязанности, этимъ участіемъ налагаемыя, вполнѣ гармонируютъ съ исповѣдываемою нами христіанской моралью. Земская идея есть по существу своему идея нравственная и вотъ почему, мм. гг., земское дѣло является всегда дѣломъ живымъ и привлекаетъ къ себѣ и со стороны людей, проникнутыхъ желаніемъ работать для другихъ, людей, движимыхъ глубокой вѣрой въ торжество альтруистическихъ идей, вообще людей съ болѣе широкимъ взглядомъ на жизнь. Со времени введенія земскихъ учрежденій прошло уже 33 года. Не намъ, конечно, судить, насколько удовлетворительно выполнило земство возложенныя на него обязанности, но мы не можемъ не сознавать, что за этотъ срокъ было сдѣлано весьма много для справедливаго удовлетворенія мѣстныхъ потребностей. Не могу пройти молчаніемъ, что, какъ всѣмъ извѣстно, при пересмотрѣ положенія о земскихъ учрежденіяхъ въ 1890 году было внесено много измѣненій, неблагопріятно отражающихся какъ на составѣ, такъ и на самостоятельности земскихъ учрежденій. Земское дѣло по существу своему, какъ дѣло живое и какъ дѣло общественное, можетъ успѣшно итти и развиваться только при условіи обезпеченія ему необходимой самостоятельности. Мы, люди земскіе, глубоко вѣримъ, что мѣстныя потребности могутъ быть удовлетворены лишь при широкомъ развитіи общественной самодѣятельности на почвѣ исторически сложившагося государственнаго строя Россіи. Съ глу-

бокимъ благоговѣніемъ и безпредѣльной благодарностью вспоминая высокомилостивое довѣріе, оказанное русскому обществу Великимъ Государемъ Императоромъ Александромъ II, призвавшимъ къ жизни общественныя учрежденія, приложимъ наши силы къ тому, чтобы земскія учрежденія были всегда на высотѣ своего призванія и были бы всегда достойны довѣрія, оказываемаго имъ верховною властью Монарха".

В. П. Андреевскій съ большимъ подъемомъ произнесъ слѣдующую глубоко прочувствованную рѣчь:

„Если бы какимъ-нибудь чудомъ сила моего слова могла подняться до высоты переживаемаго нами въ эти дни историческаго момента, то мнѣ, какъ русскому человѣку, было бы тяжело, тяжело потому, что человѣческое творчество, въ какой бы то ни было области его проявленія, я твердо вѣрю, еще не доросло до возможности обнять въ подобающей формѣ красоты и величія дѣянія Того, чей обаятельный обликъ, въ открытомъ вчера памятникѣ, предсталъ умиленному взору восторженныхъ россіянъ. Восторженное настроеніе это даетъ мнѣ неслыханную смѣлость обратиться прямо къ дорогому намъ изображенію незабвеннаго Монарха. Великій въ Бозѣ почившій Государь, щедрою рукою расточавшій неизреченныя блага своему народу, мученическою смертью еще болѣе расширившій необъятный ореолъ своей неувядаемой славы, къ подножію открытаго Тебѣ памятника мы благоговѣйно повергаемъ лучшія силы своей человѣческой души! Осѣни ихъ обаяніемъ Своего безсмертнаго генія и направь къ той правдѣ и любви, какими полна была Твоя многострадальная царственная жизнь. Одно лишь воспоминаніе о Твоемъ славномъ, отмѣченномъ божественнымъ перстомъ, царствованіи вызываетъ въ благодарныхъ современникахъ и потомкахъ благоговѣйныя слезы восторга. Слезы обычныхъ житейскихъ горестей и печали изсушаются неумолимымъ временемъ; тѣхъ же слезъ источникъ не изсякаетъ. Таятся онѣ въ сердцахъ, согрѣтыхъ любовью къ ближнему и отчизнѣ, и льются онѣ неудержимо въ торжественные историческіе моменты, и подъ ихъ живительною влагой растутъ и крѣпнутъ гражданскія доблести, какъ подъ влагой небесною растутъ и зрѣютъ питающіе насъ земные плоды. Хочется вѣрить въ загробную жизнь, хочется чувствовать, что Твоя великая душа теперь витаетъ надъ нами и вдохновляетъ насъ

неуклонно слѣдовать предначертаннымъ Тобою путемъ... Миръ праху Твоему, великій человѣкъ, возлюбленный и незабвенный Монархъ! Пройдутъ вѣка, многое измѣнится въ мірѣ, дѣянія же исполиновъ мысли и воли, работавшихъ за свободу, правду и любовь, великими пребудутъ навсегда, и мы, русскіе люди, гордясь величіемъ и славой своего родного, русскаго исполина, поднимемъ высоко наши бокалы за благоденствіе столь горячо любимой Имъ Россіи".

Эти рѣчи вызвали горячій откликъ и многіе предсѣдатели губернскихъ управъ выступили съ заявленіями, въ которыхъ отмѣчали свою полную солидарность съ высказанными мной и В. П. Андреевскимъ мыслями и чувствами. Было высказано единодушно встрѣченное и поддержанное пожеланіе, чтобы произнесенныя мною и В. П. Андреевскимъ рѣчи были напечатаны на слѣдующій же день въ московскихъ газетахъ, и меня просили озаботиться этимъ дѣломъ. Однако, обратившись въ редакцію „Русскихъ Вѣдомостей" я узналъ, что распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ всѣмъ органамъ московской прессы воспрещено помѣщать какія-либо свѣдѣнія о собраніяхъ прибывшихъ въ Москву на торжества предсѣдателей губернскихъ управъ. Вслѣдствіе этого редакція направила сообщеніе о происходившемъ собраніи и текстъ произнесенныхъ рѣчей въ С.-Петербургъ, гдѣ они были помѣщены 22-го августа въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" и „Сынѣ Отечества".

18-го августа всѣ предсѣдатели губернскихъ управъ отслужили въ Чудовомъ монастырѣ торжественную панихиду по въ Бозѣ почившемъ Императорѣ и возложили на Его памятникъ вѣнокъ съ надписью на лентахъ: „Основателю земскихъ учрежденій Великому Императору Александру II — благодарныя земскія учрежденія Россіи." Въ воспоминаніе объ этомъ предсѣдатели управъ изъявили желаніе, чтобы всѣми губернскими земствами была сооружена серебряная доска и укрѣплена къ подножію мраморнаго памятника Александра II, находящагося въ большой залѣ дома московскаго губернскаго земства, и поручили мнѣ составить проектъ надписи на предполагаемой доскѣ и сообщить его на заключеніе всѣхъ губернскихъ управъ. Возникшее въ средѣ предсѣдателей управъ предположеніе и проектированная на доскѣ надпись были доложены въ 26 губерніяхъ губернскимъ земскимъ собраніямъ и были встрѣчены

общимъ сочувствіемъ. Въ 7 губерніяхъ, еще до губернскихъ собраній, состоялись по этому поводу соотвѣтствующія постановленія губернскихъ управъ.

Не присоединилось къ общему рѣшенію только симбирское земство; предсѣдатель симбирской управы, С. С. Андреевскій, въ отвѣтъ на обращеніе московской управы увѣдомилъ, что предположеніе о сооруженіи доски къ памятнику Императора Александра II губернскому собранію доложено не было, а о желаніи симбирской губернской управы присоединиться къ возникшему въ средѣ предсѣдателей управъ предположенію никакого извѣщенія не послѣдовало. По этой причинѣ изъ проекта надписи пришлось исключить слово, указывавшее, что доска сооружена всѣми земствами Россіи. Надпись на доскѣ, укрѣпленной къ подножію памятника, слѣдующая:

„1898 года, августа 18-го дня, предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ, присутствовавшіе въ Москвѣ на торжествѣ освященія и открытія памятника Императору Александру II, движимые чувствомъ глубокаго благоговѣнія и безпредѣльной благодарности къ Державному Отцу русскаго земства, съ любовію и довѣріемъ призвавшему общество къ гражданской жизни, отслужили въ Чудовомъ монастырѣ панихиду по въ Бозѣ почивающемъ Государѣ и возложили вѣнокъ на его памятникъ, воздвигнутый въ Кремлѣ, съ надписью на лентахъ: „Основателю земскихъ учрежденій Великому Императору Александру II—благодарныя земскія учрежденія Россіи“.

„Въ воспоминаніе о семъ сооружена настоящая доска губернскими земствами Россіи“.

По постановленію московскаго губернскаго земскаго собранія были препровождены во всѣ губернскія управы фотографическіе снимки съ памятника Императора Александра II, находящагося въ зданіи губернскаго земства, съ укрѣпленной къ подножію его доскою.

Во время съѣзда предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ въ Москвѣ въ августѣ 1898 г. обсуждался, между прочимъ, вопросъ о земскомъ періодическомъ органѣ печати. Въ очередной сессіи 1897 г. костромское губернское земское собраніе поручило управѣ снестись со всѣми губернскими управами по вопросу о желательности учрежденія особаго земскаго

органа. Воронежская губернская управа отвѣтила костромской и въ то же время сообщила московской управѣ, что мѣстомъ изданія общеземскаго органа должна быть Москва и высказала пожеланіе, чтобы московское губернское земство приняло на себя организацію этого дѣла. Къ этому пожеланію присоединились собравшіеся въ Москвѣ предсѣдатели управъ и, по обмѣнѣ мнѣніями по этому вопросу, просили московскую управу выработать проектъ программы будущаго земскаго органа печати и разослать его во всѣ губернскія управы для отзывовъ. Почти одновременно та же мысль возникла въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ. 15-го сентября президентъ общества обратился ко всѣмъ предсѣдателямъ губернскихъ управъ съ письмомъ, въ которомъ просилъ высказаться: представляется ли желательнымъ изданіе В.-Э. О-мъ „Земскаго Ежегодника“ и „Земскаго Сборника“, какія измѣненія въ проектированныхъ программахъ признаются полезными и необходимыми, и на какую матеріальную помощь общество могло бы разсчитывать. Московская управа составила проектъ программы земскаго органа и, разсылая его въ октябрѣ того же года предсѣдателямъ губернскихъ управъ, просила извѣстить, присоединяются ли они къ предположенію объ изданіи въ Москвѣ печатнаго органа на соединенныя средства губернскихъ земствъ, или къ предположеніямъ В.-Э. О-ва и въ то же время просила сообщить поправки и замѣчанія на проектъ программы, составленной московской управой. Изъ полученныхъ отвѣтовъ выяснилось, что изданіе періодическаго органа, посвященнаго земскимъ вопросамъ, признается необходимымъ, при чемъ подавляющее большинство высказалось въ пользу изданія такого органа въ Москвѣ. Сводку полученныхъ отзывовъ московская управа сообщила всѣмъ губернскимъ управамъ и препроводила исправленный, согласно высказаннымъ замѣчаніямъ, проектъ программы. Вмѣстѣ съ тѣмъ были сообщены соображенія о предстоявшихъ ежегодно расходахъ, исчисленныхъ приблизительно въ 30.000 руб. Отношеніе заканчивалось просьбой поставить въ извѣстность о постановленіяхъ, которыя состоятся въ губернскихъ собраніяхъ по вопросу о земскомъ органѣ печати. Отношеніе московской управы сопровождалось моимъ частнымъ письмомъ къ предсѣдателямъ, въ которомъ я извѣщалъ ихъ о слѣдующемъ: В. П. Андреевскій увѣдомилъ меня, что постановленіе херсонскаго

собранія, выражавшее сочувствіе иниціативѣ костромского земства, ассигновавшее 300 р. на расходы по изданію печатнаго органа и состоявшееся до полученія перваго отношенія московской управы, было опротестовано губернаторомъ. Графъ П. А. Гейденъ, при личномъ свиданіи, сообщилъ мнѣ, что предположенія В.-Э. О-ва встрѣчаютъ сильное сопротивленіе со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ. Эти обстоятельства внушали опасенія, что земское начинаніе можетъ встрѣтить препятствія, и прежде всего со стороны мѣстной администраціи. Поэтому, писалъ я, представлялось бы желательнымъ, чтобы постановленія собраній были облечены въ форму, исключающую возможность протеста губернаторовъ. По разъясненію сената всѣ ходатайства, возбуждаемыя земствами, не могутъ быть опротестованы на мѣстахъ и должны быть представлены правительству. Въ виду этого желательно, чтобы всѣ земскія собранія, сочувствующія возникшему предположенію, возбудили ходатайства о томъ, чтобы правительствомъ было разрѣшено изданіе земскаго органа печати.

Изъ полученныхъ отвѣтовъ выяснилось, что вопросъ о земскомъ органѣ разсматривался въ 29 собраніяхъ; изъ нихъ калужское отклонило докладъ управы „по неизвѣстности программы будущаго органа“, ярославское передало вопросъ въ комиссію „для выработки подробной программы“, 7 губернскихъ собраній присоединились къ предложенію В. Э. О-ва, 2 земства признали желательнымъ, чтобы земскіе органы издавались какъ московскимъ земствомъ, такъ и В. Э. О-мъ, и 18 земствъ, присоединившись къ предложеніямъ московской управы, постановили: возбудить предъ правительствомъ соотвѣтственныя ходатайства и просить московское губернское собраніе представить программу земскаго органа на утвержденіе. На случай удовлетворенія ходатайства, собранія ассигновали каждое отъ 1000 р. до 1500 р. на расходы по изданію. Уфимская управа извѣстила, что докладъ ею былъ составленъ но „по обстоятельствамъ, отъ управы не зависящимъ, разсмотрѣнъ не былъ“. Псковская управа не получила своевременно отношеніе московской управы, которое затерялось на почтѣ. Симбирская управа ограничилась сообщеніемъ, что предположеніе объ изданіи земскаго органа собранію доложено не было. Отъ тульской управы отвѣта не было получено.

Московское губернское собраніе 17 марта 1899 г. въ очередной сессіи 1898 г. одобрило программу земскаго періодическаго органа печати и уполномочило управу возбудить ходатайство: 1) о разрѣшеніи московскому губернскому земству издавать при губернской управѣ и за ея отвѣтственностью съ января 1900 г. „Земскій Вѣстникъ“ и 2) о разрѣшеніи безплатной разсылки его во всѣ губернскія управы. Означенныя ходатайства были предъявлены въ маѣ 1899 г., а въ іюлѣ московскій губернаторъ извѣстилъ управу, что по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ съ 1900 г. при хозяйственномъ департаментѣ будетъ издаваться „Вѣстникъ земскаго и городского хозяйства“ и что редакція „Вѣстника“ съ полною готовностью откроетъ страницы изданія для помѣщенія въ ономъ желающими статей по вопросамъ земскаго и городского дѣла. Вслѣдъ за тѣмъ, московская управа въ отвѣтъ на свое ходатайство была увѣдомлена, что министръ не призналъ возможнымъ удовлетворить предъявленный многими губернскими собраніями рядъ ходатайствъ объ изданіи въ Москвѣ земскаго періодическаго органа печати на средства всѣхъ губернскихъ земствъ. Въ сентябрѣ 1899 г. хозяйственный департаментъ препроводилъ во всѣ губернскія управы перечень вопросовъ, по которымъ просилъ поспѣшить доставить матеріалы, необходимые для „Вѣстника земскаго и городского хозяйства“, и всѣ просимые матеріалы московскою управою были препровождены въ департаментъ. Осенью 1899 г. многія губернскія управы запрашивали московскую управу относительно ея дальнѣйшихъ намѣреній и не предполагаетъ ли она нужнымъ возбудить вновь ходатайство объ изданіи земскаго органа печати. 27 ноября московская управа отвѣтила, что она полагаетъ полезнымъ повременить предъявленіемъ новыхъ ходатайствъ и выждать, въ какой мѣрѣ проектируемый министерствомъ органъ будетъ отвѣчать потребности земства. Однако, вскорѣ, по окончаніи очередныхъ губернскихъ собраній, въ большинствѣ губерній, хозяйственный департаментъ извѣстилъ циркулярно всѣ управы, что въ 1900 году изданіе „Вѣстника земскаго и городского хозяйства“ не состоится.

20 декабря 1899 г. Вольно-Экономическое Общество увѣдомило всѣ управы, что оно, вслѣдствіе отклоненія земскихъ ходатайствъ объ изданіи земскаго органа печати, приступаетъ къ изданію „Земскаго Ежегодника“ и „Земскаго Сборника“ и

просило объ ассигнованіи на этотъ предметъ земскихъ средствъ, но 20 апрѣля 1900 г. дѣятельность В.-Э. О-ва была пріостановлена „впредь до утвержденія новаго устава“ и предположеніе общества не могло получить своего осуществленія.

Проектированный министерствомъ органъ, посвященный земскому и городскому дѣлу, не получилъ своего осуществленія и въ 1901 году, а, между тѣмъ, потребность въ такомъ органѣ сознавалась земской средой все острѣе. Наличность этой потребности на ряду съ земствами признавалась и самимъ министерствомъ, какъ о томъ говорило его намѣреніе принять на себя изданіе „Вѣстника земскаго и городского хозяйства“, но, однако, осуществить свое предположеніе оно оказалось не въ силахъ. Въ виду этого московская губернская управа сочла необходимымъ предложить губернскому земскому собранію очередной сессіи 1901 года вновь ходатайствовать предъ правительствомъ о предоставленіи московскому земству права на соединенныя средства губернскихъ земствъ издавать органъ печати, который отвѣчалъ бы запросамъ и нуждамъ всѣхъ земствъ, и губернское собраніе единогласно приняло предложеніе управы. Это вторичное ходатайство было предъявлено, но на него не послѣдовало никакого отвѣта, хотя министерство, очевидно, оставило уже мысль объ изданіи собственнаго органа, являвшуюся единственнымъ, выставленнымъ министерствомъ, мотивомъ къ отклоненію ходатайствъ губернскихъ земствъ въ 1899 году.

Необходимость взаимодѣйствія губернскихъ земствъ всегда особенно опредѣленно чувствовалась въ области страхового дѣла. Почти одновременно съ введеніемъ земскаго страхованія возникло въ земской средѣ сознаніе необходимости въ организаціи взаимнаго перестрахованія для правильной постановки страхового дѣла. Мнѣ пришлось впервые принять участіе въ этомъ вопросѣ при его обсужденіи въ земской секціи Всероссійскаго съѣзда сельскихъ хозяевъ въ декабрѣ 1895 г. Земская секція признала, что страховое дѣло можетъ быть поставлено широко и прочно только при условіи объединенія въ этомъ дѣлѣ земскихъ учрежденій и организаціи между ними перестрахованія, но для постановки дѣла на такихъ началахъ земскимъ дѣятелямъ должно быть предоставлено право, коимъ

пользуются частныя страховыя учрежденія,—право періодическихъ съѣздовъ. Съѣздъ, согласившись съ заключеніемъ секціи, въ заключительномъ своемъ засѣданіи призналъ необходимымъ устройство съѣздовъ представителей губернскихъ земствъ по вопросамъ страхованія и организаціи земскаго перестрахованія.

Московское губернское земское собраніе въ экстренной сессіи въ апрѣлѣ 1896 г., согласно съ предположеніемъ управы, при разсмотрѣніи возбужденнаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ вопроса о пересмотрѣ положенія о взаимномъ земскомъ страхованіи постановило возбудить ходатайство о разрѣшеніи въ Москвѣ съѣзда представителей учрежденій, завѣдующихъ земскимъ страхованіемъ, для выработки: а) положенія о земскомъ взаимномъ страхованіи и б) нормальнаго устава о земскомъ взаимномъ перестрахованіи. Въ очередномъ собраніи того же года губернская управа представила докладъ по поводу циркулярнаго запроса министерства, послѣдовавшаго вслѣдствіе предъявленнаго орловскимъ земствомъ ходатайства о разрѣшеніи ему перестраховывать свои риски въ другихъ земствахъ. Циркуляромъ предлагалось высказать принципіальное отношеніе къ вопросу, возбужденному орловскимъ земствомъ, и намѣтить главныя основанія земскаго перестрахованія. Губернское собраніе, выразивъ полное сочувствіе предположеніямъ орловскаго земства, одобрило представленныя московской губернской управой основныя положенія земскаго перестрахованія для представленія ихъ въ министерство.

Къ ходатайству орловскаго земскаго собранія присоединились 17 земствъ, при чемъ 11 изъ нихъ указали на необходимость созыва съѣзда представителей земствъ для разработки поставленнаго на очередь вопроса. Однако, земскій съѣздъ разрѣшенъ не былъ, но въ маѣ 1899 года при страховомъ комитетѣ министерства было организовано совѣщаніе, на которое были приглашены представители 8 губернскихъ управъ, въ ихъ числѣ и московской. На этомъ совѣщаніи были выработаны общія положенія, но практическое разрѣшеніе вопроса послѣдовало еще не скоро, и московское губернское собраніе въ декабрѣ 1901 года вновь ходатайствовало о скорѣйшемъ внесеніи на разсмотрѣніе государственнаго совѣта законопроекта о взаимномъ земскомъ перестрахованіи. Только 12 декабря 1902 г. законъ о перестрахованіи былъ утвержденъ и въ основу его легли положенія, вы-

работанныя совѣщаніемъ при страховомъ комитетѣ въ маѣ 1899 года. Тотчасъ, по изданіи закона, послѣдовали ходатайства многихъ земствъ о созывѣ представителей управъ. Совѣщаніе состоялось въ С.-Петербургѣ при страховомъ комитетѣ, съ 20 по 28 апрѣля 1903 г., подъ предсѣдательствомъ управляющаго страховымъ отдѣломъ, при участіи 3 членовъ страховаго комитета и 40 представителей 23 губернскихъ земскихъ управъ. Занятія совѣщанія происходили по программѣ, представленной московской губернской управой, выработавшей ее по соглашенію съ представителями управъ, ходатайствовавшихъ о созывѣ совѣщанія. Послѣ разсмотрѣнія всѣхъ вопросовъ программы, совѣщаніе перешло къ обсужденію порядка составленія перестраховочнаго между земствами договора и поручило составленіе соотвѣтствующаго проекта комиссіи изъ представителей курской, московской, нижегородской, орловской, смоленской и тверской управъ. Комиссія, собравшись въ Москвѣ въ іюнѣ, выработала проектъ договора и препроводила его на заключеніе всѣхъ губернскихъ управъ, а по полученіи ихъ отзывовъ, установила текстъ договора, который въ томъ же году былъ представленъ на одобреніе губернскихъ собраній, пожелавшихъ вступить въ перестраховочный союзъ. Одновременно представители управъ согласились предложить губернскимъ собраніямъ возбудить ходатайства о ежегодномъ созывѣ въ началѣ второй недѣли великаго поста при страховомъ комитетѣ представителей губернскихъ земствъ для разрѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ перестрахованіемъ. Такія ходатайства были представлены [и этимъ открывалась возможность ежегодныхъ собраній представителей всѣхъ управъ, такъ какъ къ назначенному сроку могли пріѣзжать въ С.-Петербургъ и предсѣдатели управъ изъ губерній, не участвующихъ въ перестраховочномъ союзѣ.

Въ послѣдній разъ мнѣ, какъ предсѣдателю московской губернской управы, пришлось принять участіе въ объединеніи земствъ въ дѣлѣ помощи больнымъ и раненымъ воинамъ на Дальнемъ Востокѣ. 27 января 1904 г. московское губернское земское собраніе, подъ впечатлѣніемъ разрыва дипломатическихъ сношеній съ Японіей и начала военныхъ дѣйствій, прервало занятія очередной сессіи 1903 года и постановило возобновить ихъ 10-го февраля. Въ этотъ день собраніе, ассигновавъ сред-

ства на нужды, вызываемыя войной, сдѣлало, между прочимъ, слѣдующее постановленіе: „Не предрѣшая вопроса, въ какой формѣ должна быть организована помощь раненымъ и больнымъ, но признавая желательнымъ, чтобы въ дѣлѣ обезпеченія этой помощью московское земство приняло не только матеріальное, а и возможно широкое активное участіе, и признавая, что эта цѣль можетъ быть наиболѣе успѣшно достигнута при взаимодѣйствіи московскаго земства съ земствами другихъ губерній, избрать комиссію изъ 10 гласныхъ и предоставить ей, совмѣстно съ губернской управой, полномочія: выработать планъ дѣйствій и организовать дѣло помощи раненымъ и больнымъ на мѣстѣ военныхъ дѣйствій, привлекать необходимыхъ для этого дѣла лицъ и входить въ соглашеніе съ другими общественными учрежденіями". Въ устномъ докладѣ, вызвавшемъ это постановленіе, я сообщилъ, что соображенія управы о желательности и цѣлесообразности работы на театрѣ военныхъ дѣйствій, совмѣстно съ другими земствами, раздѣляются представителями нѣкоторыхъ губернскихъ земскихъ управъ, бывшими за послѣдніе дни въ Москвѣ. Избранная собраніемъ комиссія и управа приступили къ работѣ въ тотъ же день вечеромъ. Согласно общему желанію, 12-го февраля губернская управа поставила въ извѣстность 14 ближайшихъ губернскихъ управъ о постановленіи московскаго земскаго собранія „на случай, если бы они признали нужнымъ принять участіе въ организаціи врачебно-санитарной помощи на Дальнемъ Востокѣ и вступить въ этомъ дѣлѣ въ соглашеніе съ московскимъ земствомъ". Въ отвѣтъ на это обращеніе желаніе организовать совмѣстно помощь раненымъ и больнымъ воинамъ изъявили земства: воронежское, казанское, костромское, курское, орловское, пензенское, с.-петербургское, тамбовское, тульское, уфимское, черниговское, харьковское и ярославское.

Приступая къ организаціи взаимодѣйствія земствъ въ дѣлѣ помощи раненымъ и больнымъ воинамъ, всѣ мы, земскіе люди, опасались встрѣтить препятствіе земскому единенію со стороны министра внутреннихъ дѣлъ, В. К. Плеве, и наши опасенія въ ближайшемъ же времени оправдались. Министръ тотчасъ же принялъ мѣры, чтобы пресѣчь осуществленіе земскаго начинанія, и земскимъ представителямъ пришлось съ своей стороны безотлагательно приступить къ дѣйствіямъ, съ цѣлью преодолѣть

противодѣйствіе В. К. Плеве и осуществить свое предположеніе. Вскорѣ, по объявленіи войны, главное управленіе Краснаго Креста организовало исполнительную комиссію, во главѣ которой былъ поставленъ графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ. 24-го февраля предсѣдатель исполнительной комиссіи обратился съ обширнымъ воззваніемъ къ земскимъ и городскимъ учрежденіямъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ: „Если населеніе желаетъ, чтобы Красный Крестъ дѣйствительно выполнилъ свою задачу, необходимо влить въ него живыя силы людей, желающихъ трудиться, и матеріальныя средства. Только тогда объединенныя подъ флагомъ Краснаго Креста усилія всего населенія вырвутъ изъ рукъ смерти все то, что можетъ быть спасено съ поля битвы и отъ эпидемическихъ заболѣваній. Къ этому объединенному дѣйствію подъ флагомъ Краснаго Креста исполнительная комиссія считаетъ своимъ долгомъ пригласить земства и города". Въ самомъ началѣ апрѣля въ С.-Петербургѣ при страховомъ комитетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ состоялся съѣздъ представителей губернскихъ управъ для заключенія перестраховочнаго договора; на съѣздѣ присутствовали представители 19 земствъ. Въ частныхъ между собой совѣщаніяхъ во время, свободное отъ занятій съѣзда, земскіе представители обсуждали съ большимъ интересомъ вопросы, связанные съ организаціей совмѣстной работы въ дѣлѣ помощи раненымъ и больнымъ на Дальнемъ Востокѣ. Многіе изъ насъ вступили въ обстоятельные переговоры съ исполнительной комиссіей Краснаго Креста и затѣмъ представители 8 губернскихъ земствъ подали графу И. И. Воронцову-Дашкову докладную записку, въ началѣ которой говорилось: „Представители губернскихъ земствъ, сдѣлавшихъ ассигнованія на помощь больнымъ и раненымъ воинамъ на Дальнемъ Востокѣ при условіи совмѣстной дѣятельности, обсудивъ предложеніе исполнительной комиссіи Россійскаго Общества Краснаго Креста о видахъ этой помощи, могущихъ быть обслуженными объединенной организаціей земствъ, пришли къ слѣдующимъ выводамъ: 1. Для продуктивности работы въ этомъ дѣлѣ необходима соединенная организація земствъ, желающихъ принести существенную пользу общему дѣлу. Въ этихъ видахъ образуется въ Москвѣ особый исполнительный органъ изъ представителей заинтересованныхъ земствъ, въ кругъ обязанностей котораго входятъ: сношенія съ исполнительной

комиссіей Краснаго Креста, съ земскими управами и съ уполномоченными на Дальнемъ Востокѣ, исполненіе порученій отдѣльныхъ участниковъ по приглашенію служебнаго персонала и заготовки продуктовъ и инвентаря, завѣдываніе отправкой таковыхъ на мѣста дѣйствій, веденіе общей отчетности и рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ организаціи дѣла. 2. Объединенная земская организація принимаетъ на себя осуществленіе на Дальнемъ Востокѣ санитарной и питательной помощи путемъ устройства и содержанія этапныхъ врачебно-питательныхъ пунктовъ... Въ цѣляхъ болѣе удобнаго дѣйствія намѣченной организаціи, въ цѣляхъ правильности надзора, въ цѣляхъ бо́льшаго привлеченія къ дѣлу пожертвованій со стороны земскихъ собраній и частныхъ лицъ, земскимъ уполномоченнымъ должна быть предоставлена возможно большая самостоятельность при организаціи и веденіи дѣла“... Далѣе въ запискѣ въ 4-хъ пунктахъ (3—6) устанавливались подробности постановки дѣла и отношеній между земской организаціей и учрежденіями Краснаго Креста. Заканчивалась записка такъ: „Изложенныя положенія были обсуждены представителями 19 земствъ. Въ заключеніе мы просимъ ваше сіятельство доложить наше заявленіе исполнительной комиссіи Россійскаго Общества Краснаго Креста и сообщить его вмѣстѣ съ постановленіемъ комиссіи губернскимъ и уѣзднымъ земскимъ управамъ“. Въ бесѣдѣ, послѣдовавшей послѣ прочтенія записки, представившіе ее земскіе дѣятели доложили предсѣдателю исполнительной комиссіи объ отрицательномъ отношеніи къ организаціи земскаго взаимодѣйствія министра внутреннихъ дѣлъ, о встрѣчаемыхъ земствами по этой причинѣ затрудненіяхъ и обратили вниманіе графа на то, что состоявшіяся постановленія губернскихъ земствъ о совмѣстной ихъ дѣятельности на помощь больнымъ и раненымъ воинамъ не были нигдѣ опротестованы губернаторами и въ настоящее время должны быть признаны имѣющими законную силу. На слѣдующій день графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ пригласилъ меня къ себѣ и по его желанію я разсказалъ ему болѣе подробно, какъ о препятствіяхъ, оказываемыхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ вновь создающейся земской организаціи, такъ и вообще объ отношеніи В. К. Плеве къ земскимъ учрежденіямъ.

Исполнительная комиссія, обсудивъ представленую земскими

представителями записку и имѣя въ виду, что начертанный въ ней планъ дѣйствій вполнѣ соотвѣтствуетъ вошедшимъ въ законную силу постановленіямъ земскихъ собраній, нашла съ своей стороны предполагаемую земскую организацію вполнѣ цѣлесообразной и признала возможнымъ принять ея предложеніе къ исполненію. Постановленіе комиссіи ея предсѣдателемъ было доложено Августѣйшей Покровительницѣ Россійскаго Общества Краснаго Креста, Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, и получило одобреніе Ея Величества. Такимъ образомъ, земская организація была принята подъ флагъ Краснаго Креста и В. К. Плеве пришлось считаться съ совершившимся фактомъ.

Тѣмъ не менѣе въ началѣ апрѣля московская губернская управа получила черезъ губернатора запросъ министра внутреннихъ дѣлъ о дѣйствіяхъ управы по объединенію земствъ. Управѣ предлагалось отвѣтить на слѣдующіе вопросы: „1) Обращалась ли московская управа къ земскимъ управамъ другихъ губерній, и къ какимъ именно, съ приглашеніемъ принять участіе въ совмѣстной помощи больнымъ и раненымъ воинамъ на Дальнемъ Востокѣ? 2) Въ какой формѣ послѣдовало приглашеніе и отъ какихъ земствъ и какіе получены отвѣты? 3) Дѣйствовала ли въ этомъ случаѣ управа по уполномочію земскаго собранія и въ чемъ таковое выразилось? 4) При какихъ условіяхъ было образовано въ Москвѣ совѣщаніе представителей земствъ для обсужденія совмѣстныхъ дѣйствій по подачѣ помощи больнымъ и раненымъ воинамъ на Дальнемъ Востокѣ? 5) Изъ кого состоитъ названное совѣщаніе? 6) Въ какомъ порядкѣ протекаютъ занятія совѣщанія, кто предсѣдательствуетъ, ведутся ли журналы засѣданій и кто завѣдуетъ дѣлопроизводствомъ? 7) Какіе вопросы были предметомъ сужденій совѣщанія и какія приняты по нимъ рѣшенія? 8) Имѣется ли при совѣщаніи постоянный исполнительный органъ, въ какомъ видѣ онъ устроенъ и изъ кого состоитъ? 9) Входило ли совѣщаніе въ непосредственныя сношенія съ какими-либо земскими управами сверхъ тѣхъ, представители которыхъ участвуютъ въ соглашеніи, съ какими именно, и по какимъ предметамъ?“. Московская губернская управа отвѣтила на всѣ предложенные вопросы подробно въ соотвѣтствіи съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла, ничего не утаивая. Запросъ министра давалъ основаніе предполагать, что земскимъ учрежденіямъ будетъ оказано дальнѣйшее про-

тиводѣйствіе въ ихъ начинаніи со стороны министерства, но, однако, такое противодѣйствіе было отчасти парализовано слѣдующимъ обстоятельствомъ.

27-го апрѣля, князь Г. Е. Львовъ, главноуполномоченный общеземской организаціи на Дальнемъ Востокѣ, представлялся Государю Императору и просилъ напутственнаго благословенія Его Императорскаго Величества на трудное и отвѣтственное дѣло. Его Величество милостиво благословилъ князя и соизволилъ повелѣть передать представителямъ земствъ, принимавшихъ участіе въ объединенной земской организаціи, и персоналу земскихъ отрядовъ Высочайшее сочувствіе предпринимаемому земствомъ дѣлу, напутственное благословеніе и пожеланіе успѣха въ святомъ дѣлѣ человѣколюбія. Повелѣніе Его Величества было выполнено княземъ Г. Е. Львовымъ въ совѣщаніи представителей общеземской организаціи 2-го мая. Министръ внутреннихъ дѣлъ былъ поставленъ предъ необходимостью подчиниться и примириться съ фактомъ существованія непріятной ему земской организаціи, но въ тоже время онъ призналъ возможнымъ, констатировавъ въ своемъ циркулярѣ образованіе земской организаціи, принятой подъ флагъ Краснаго Креста и въ составъ которой къ этому времени вошли 14 земствъ, воспретить остальнымъ земствамъ дальнѣйшее присоединеніе къ возникшей вновь организаціи. Вслѣдствіе этого распоряженія губернаторами опротестовывались всѣ послѣдовавшія послѣ циркуляра министра постановленія земскихъ собраній о присоединеніи ихъ къ общеземской организаціи.

Когда починъ въ дѣлѣ организаціи взаимодѣйствія земствъ получилъ благопріятное принципіальное разрѣшеніе, тогда возникъ вопросъ—на какихъ началахъ это взаимодѣйствіе должно быть организовано? Представлялись возможными два рѣшенія: или всѣ суммы, ассигнованныя отдѣльными земствами, вносятся въ общую кассу, изъ которой и производятся всѣ расходы по распоряженіямъ совѣщанія, составленнаго изъ представителей всѣхъ земствъ, участвующихъ въ организаціи, или представителями всѣхъ земствъ вырабатывается общій планъ дѣйствій, а затѣмъ каждое земство, въ зависимости отъ своихъ средствъ, организуетъ одинъ или нѣсколько санитарно-продовольственныхъ отрядовъ, дѣйствія которыхъ объединяются на мѣстѣ распоряженіемъ общеземскаго главнаго уполномоченнаго. Совѣщаніе при-

няло послѣднюю форму взаимодѣйствія. Первое засѣданіе общеземской организаціи состоялось въ Москвѣ 10-го марта въ помѣщеніи губернской земской управы. Составъ совѣщаній не былъ строго опредѣленъ; число представителей отъ губерніи колебалось отъ 1 до 5. Такой составъ не вызывалъ никакихъ недоразумѣній; совѣщанія представлялись періодическими съѣздами земскихъ дѣятелей для разрѣшенія опредѣленныхъ задачъ и согласіе достигалось всегда свободно взаимными уступками. Журналы совѣщаній препровождались во всѣ губернскія управы, которыя и присылали къ назначаемымъ срокамъ своихъ представителей въ Москву.

Общеземская организація была встрѣчена общимъ сочувствіемъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Главнокомандующій А. Н. Куропаткинъ проявлялъ заботливое отношеніе къ земскимъ отрядамъ и въ бесѣдѣ съ уполномоченнымъ московскаго земства сказалъ, что онъ считаетъ себя членомъ земской семьи, какъ сынъ бывшаго предсѣдателя земской управы, научившимся съ ранней молодости цѣнить и уважать земскую дѣятельность. Во второй половинѣ 1904 года, послѣ убійства В. К. Плеве, во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ всталъ князь П. Д. Святополкъ-Мирскій, человѣкъ чуждый реакціоннымъ стремленіямъ и съ довѣріемъ относившійся къ органамъ общественнаго самоуправленія. 17 октября въ совѣщаніи общеземской организаціи было оглашено слѣдующее распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ, опубликованное, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“: „Генералъ адъютантъ Куропаткинъ въ телеграммѣ на имя министра внутреннихъ дѣлъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, о полезной и самоотверженной дѣятельности врачебно-санитарныхъ отрядовъ при Манчжурской арміи, снаряженныхъ на средства 14 земствъ, высказывая пожеланіе объ усиленіи этихъ отрядовъ. По докладѣ о семъ Его Императорскому Величеству министръ внутреннихъ дѣлъ циркуляромъ отъ 6-го сего октября поставилъ губернаторовъ въ извѣстность, что въ видахъ усиленія размѣра помощи раненымъ и больнымъ воинамъ, онъ не встрѣчаетъ препятствій къ осуществленію могущихъ возникнуть со стороны земствъ предположеній объ ассигнованіи средствъ, какъ на развитіе дѣятельности уже существующихъ земскихъ отрядовъ, такъ равно и на образованіе новыхъ“.

Это распоряженіе, открывавшее всѣмъ земствамъ возможность

присоединенія къ обще-земской организаціи и авторитетно признававшее значеніе и результаты дѣятельности этой организаціи, доставило большое моральное удовлетвореніе всѣмъ, кому дороги интересы земскаго самоуправленія и развитіе земской дѣятельности. Съ тѣхъ поръ общеземская организація не прекращала своей дѣятельности; по окончаніи войны работа организаціи и поступавшія въ ея распоряженіе средства направлялись преимущественно на помощь населенію, страдавшему отъ неурожаевъ, а въ 1914 году, съ начала великой европейской войны, общеземская организація явилась основной ячейкой, изъ которой развился мощный Всероссійскій Земскій Союзъ.

ГЛАВА IV.

Отношéніе государственной власти къ земскому самоуправленію. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 12 іюня 1890 года. Отношенія мѣстной администраціи къ земскимъ учрежденіямъ московской губерніи. Законодательные акты, направленные къ ограниченію правъ и компетенціи земства. Законодательныя предположенія министровъ, не получившія осуществленія. Записка С. Ю. Витте о несовмѣстимости земскихъ учрежденій съ самодержавнымъ строемъ государства.

Мое вступленіе въ составъ сначала волоколамской, а затѣмъ вскорѣ губернской управы совпало съ первымъ трехлѣтіемъ введенія въ московской губерніи „Положенія о земскихъ учрежденіяхъ 12-го іюня 1890 года“. Новое земское „положеніе“ явилось законодательнымъ актомъ, вытекавшимъ изъ характера всей внутренней политики государственной власти восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Общій смыслъ этой политики можетъ быть опредѣленъ, какъ отрицаніе всѣхъ преобразованій шестидесятыхъ годовъ и какъ стремленіе вернуть общественную жизнь въ старое русло безправія общества и самовластія правительства. Государственная власть, проникнутая недовѣріемъ къ общественнымъ силамъ, поставила себѣ одной изъ главныхъ задачъ—ограниченіе общественной самодѣятельности. „Положеніе 1890 года“ имѣло своею цѣлью ослабить вліяніе демократическихъ элементовъ въ земской жизни и предоставить въ ней главную роль дворянству, но, однако, въ тоже время власть не была склонна отнестись съ бо̀льшимъ довѣріемъ къ новому земству и въ реформированномъ его составѣ. Новое „положеніе“ всемѣрно усиливало административный надзоръ надъ новыми земскими учрежденіями, такъ, напримѣръ: губернатору предоставлялось наблюденіе не только за законностью дѣйствій земства, но и за цѣлесообразностью постановленій земскихъ собраній (ст. 87); ему же было предоставлено право ревизіи земскихъ управъ и другихъ органовъ земскаго управленія (ст. 103); приглашеніе и опредѣленіе управами лицъ на земскую службу было обусловлено согласіемъ губернатора (ст. 107); дискреціонное право министра внутреннихъ дѣлъ и губернатора не утверждать

избранныхъ собраніями представителей земскихъ управъ было усилено и распространено на лицъ, избираемыхъ на должность членовъ управъ, а министру было дано право въ извѣстныхъ случаяхъ замѣщать должности предсѣдателей и членовъ управъ по назначенію (ст. 118 и 119).

Всѣ мѣропріятія правительства, направленныя къ ограниченію необходимой земству самостоятельности, мѣропріятія, несправедливыя и неправомѣрныя въ своемъ основаніи, не могли достигнуть преслѣдуемыхъ ими цѣлей и дали результаты, совершенно противоположные ожиданіямъ власти. Установленіе сословной группировки избирателей при избраніи земскихъ гласныхъ являлось принципіально неправильнымъ, вступая въ противорѣчіе съ сущностью земской идеи и съ задачами земскаго дѣла. Установленіе сословнаго представительства могло лишь воспитывать въ демократическихъ кругахъ населенія недовольство и отрицательное отношеніе къ представителямъ въ земствѣ того сословія, которому новое „положеніе“ стремилось предоставить руководящую роль въ земскомъ дѣлѣ. Но, независимо отъ соображеній принципіальнаго характера, новая система выборовъ создавала не мало практическихъ затрудненій при образованіи земскихъ собраній. Число гласныхъ для каждаго уѣзда было опредѣлено съ такимъ расчетомъ, чтобы гласныхъ отъ дворянскаго избирательнаго собранія было никакъ не менѣе половины всего состава уѣзднаго земскаго собранія. Это условіе въ уѣздахъ съ большимъ населеніемъ, но съ незначительнымъ количествомъ дворянскаго землевладѣнія, ограничивало общій составъ уѣзднаго собранія и лишало многія мѣстности возможности имѣть своихъ представителей въ земствѣ. Такъ, въ богородскомъ уѣздѣ, занимающемъ по количеству населенія первое мѣсто въ московской губерніи, съ сильно развитой фабричной промышленностью и при 17 волостяхъ, новое „земское положеніе“ вводило въ составъ уѣзднаго собранія всего 16 гласныхъ, въ томъ числѣ: 8 представителей дворянства, 4 лица отъ второго избирательнаго собранія и 4 гласныхъ отъ сельскихъ обществъ, тогда какъ по „земскому положенію 1864 г.“ уѣздное собраніе состояло изъ 44 гласныхъ, изъ числа которыхъ 19 являлись представителями сельскихъ обществъ. По иниціативѣ богородскаго земства губернское собраніе въ очередной сессіи 1893 года возбудило ходатайство объ уве-

личеніи числа гласныхъ въ богородскомъ уѣздѣ отъ 2-го избирательнаго собранія и особенно отъ сельскихъ обществъ. Это ходатайство было представлено губернской управой, а весной 1894 г. я былъ въ С.-Петербургѣ и, какъ предсѣдатель управы, обратился къ товарищу министра внутреннихъ дѣлъ, Д. С. Сипягину, чтобы лично поддержать предъявленное ходатайство и узнать о его дальнѣйшей судьбѣ. Д. С. Сипягинъ сообщилъ, что ходатайство московскаго земства разсмотрѣно министерствомъ и признано подлежащимъ отклоненію, какъ противорѣчащее принципу, положенному въ 1890 году въ основу земскаго представительства. Всѣ приведенные мной доводы не могли поколебать точку зрѣнію, усвоенную министерствомъ, и тогда я высказалъ мысль, что, въ виду настоятельной необходимости увеличить вообще составъ богородскаго собранія, не найдетъ ли министерство возможнымъ удовлетворить ходатайство земства и одновременно увеличить соотвѣтственно число гласныхъ отъ 1-го избирательнаго собранія; при этомъ я счелъ нужнымъ оговорить, что это послѣднее увеличеніе будетъ фиктивнымъ, вслѣдствіе небольшого числа дворянскихъ имѣній въ уѣздѣ и безучастности многихъ ихъ владѣльцевъ къ мѣстнымъ земскимъ интересамъ. Это предложеніе было встрѣчено сочувственно, и закономъ 30 мая 1894 года число гласныхъ въ богородскомъ уѣздѣ было увеличено: для перваго избирательнаго собранія до 12, для второго до 6 и до 6 же для избираемыхъ отъ сельскихъ обществъ.

Предоставляя дворянству численное преобладаніе въ составѣ земскихъ собраній, государственная власть предполагала найти въ представителяхъ этого сословія добровольныхъ сотрудниковъ администраціи, призываемыхъ для наблюденія, чтобы въ земствѣ не проявлялось либеральныхъ вѣяній и чтобы направленіе дѣятельности земскихъ учрежденій соотвѣтствовало „видамъ правительства“, но и тутъ правительство ошиблось въ своихъ расчетахъ. Предположенія его могли бы оправдаться, если русское дворянство являлось бы политическимъ общественнымъ сословіемъ, преслѣдующимъ въ государственной жизни свои классовые интересы; въ этомъ случаѣ направленіе земской жизни, несомнѣнно, опредѣлялось бы борьбой сословныхъ интересовъ. Но представительство и борьба интересовъ были чужды нашему дворянству, да и вообще русскому духу. Преобладаніе

въ составѣ реформированнаго земства представителей дворянства не помѣшало земскимъ учрежденіямъ направлять по прежнему свои силы и средства на обслуживаніе широкихъ массъ населенія и характеръ земской дѣятельности остался неизмѣннымъ и опредѣлялся, преимущественно, идейными стремленіями. Земская идея по существу своему есть идея нравственная и, какъ таковая, воспитываетъ въ соприкасающихся съ ней сознаніе долга и желаніе работать на пользу общую. Не смотря на сословную группировку избирателей, установленную „земскимъ Положеніемъ 1890 года", представители имущественныхъ классовъ, имѣвшіе въ земскихъ собраніяхъ подавляющій перевѣсъ, не останавливались передъ необходимостью послѣдовательнаго увеличенія обложенія своихъ имуществъ для образованія средствъ, направляемыхъ, главнымъ образомъ, на удовлетвореніе потребностей сельскаго населенія. Демократическія тенденціи въ земствѣ притекали сверху, а не снизу, и вытекали изъ земской идеи, а не изъ борьбы интересовъ, Въ земской средѣ продолжало неуклонно крѣпнуть и развиваться убѣжденіе, что въ земскомъ дѣлѣ въ составленіи земскихъ средствъ должны участвовать всѣ плательщики земскихъ сборовъ пропорціонально своимъ доходамъ или цѣнности принадлежащихъ имъ имуществъ, а расходоваться земскія средства должны, преимущественно, на удовлетвореніе культурныхъ и матеріальныхъ потребностей менѣе состоятельнаго, но многочисленнаго населенія. Земское общественное дѣло само по себѣ воспитываетъ духъ и настроеніе въ людяхъ, принимающихъ въ немъ участіе. Нельзя однако не отмѣтить, что предоставленіе дворянству преобладанія въ земствѣ не оказало неблагопріятнаго вліянія на земское дѣло отчасти и по той причинѣ, что участіе въ немъ принимали преимущественно наиболѣе прогрессивные и культурные дворянскіе представители, хорошо понимавшіе земскую идею и земскія задачи, а члены сословія, реакціонно настроенные или чуждые вообще интересамъ политической и общественной жизни, долгое время въ бо́льшей части воздерживались отъ участія въ земскихъ учрежденіяхъ.

Ближайшіе годы по введеніи въ дѣйствіе „Положенія 1890 года" съ достаточной наглядностью и убѣдительностью выяснили неправильность и ошибочность основаній, на которыхъ оно было построено, и нецѣлесообразность политики

власти по отношенію къ общественнымъ учрежденіямъ. Правительству, казалось, нельзя было не видѣть и не понять, что его политика воспитываетъ въ обществѣ отрицательное отношеніе къ власти, подрываетъ ея авторитетъ и исключаетъ возможность созданія столь всегда необходимыхъ въ государственной и общественной жизни взаимодѣйствія и единенія правительственныхъ и общественныхъ силъ. Но правительство не хотѣло ни видѣть, ни слышать, ни понимать, что его политика не достигаетъ преслѣдуемыхъ ею цѣлей, и въ слѣпомъ упорствѣ продолжало законодательными и административными мѣрами стѣснять общественную самодѣятельность. Законодательные акты, проникнутые недовѣріемъ къ земскимъ учрежденіямъ, начиная съ 1893 года, слѣдовали одинъ за другимъ непрерывно и стремились стѣснить общественную самодѣятельность. Я укажу на нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе существенные и на которые тѣмъ или инымъ способомъ реагировало московское земство, но предварительно сообщу о нѣсколькихъ случаяхъ, характеризующихъ отношенія къ земскимъ учрежденіямъ мѣстной администраціи.

Осенью 1892 года въ должность московскаго губернатора вступилъ Д. С. Сипягинъ, человѣкъ по своимъ убѣжденіямъ, преклонявшійся предъ режимомъ господствовавшаго бюрократическаго абсолютизма. Свое отношеніе къ земскимъ учрежденіямъ онъ поспѣшилъ проявить своимъ циркуляромъ (2 января 1893 г.), направленнымъ въ губернскую и во всѣ уѣздныя управы губерніи. Этотъ пространный циркуляръ, состоявшій болѣе чѣмъ изъ 30 пунктовъ, касался почти всѣхъ отраслей земскаго дѣла и стремился регламентировать детально всю дѣятельность управъ. Нѣкоторыя изъ преподанныхъ указаній не имѣли существеннаго значенія, однако, совершенно напрасно обременяли управы безконечными формальностями; но въ то же время въ циркулярѣ предъявлялось очень много такихъ требованій, выполненіе которыхъ грозило очень вредными послѣдствіями земскому дѣлу, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ ставило управы въ безвыходное положеніе. Такъ, напримѣръ, циркуляръ предлагалъ управамъ къ обязательному исполненію: 1) вносить въ земскія смѣты доходовъ благонадежныя къ поступленію недоимки земскихъ сборовъ и 2) пріобрѣтать въ началѣ смѣтнаго года на суммы, назначаемыя по смѣтамъ расходовъ на

образованіе оборотныхъ капиталовъ, процентныя бумаги и помѣщать ихъ на храненіе въ казначейства. Первое изъ этихъ требованій предъявлялось въ то время, когда земскимъ учрежденіямъ съ опредѣленностью выяснилось, что внесеніе въ смѣты недоимокъ, къ чему нѣкоторыя земства прибѣгали, избѣгая увеличенья обложенья,—является главной причиной, колеблющей финансовое положеніе земствъ, а второе требованіе являлось противорѣчіемъ цѣли, преслѣдуемой закономъ, установившемъ ежегодныя смѣтныя отчисленія на образованіе *оборотныхъ* капиталовъ, чтобы облегчить денежные обороты управъ, пріобрѣтеніе же на эти суммы процентныхъ бумагъ исключало бы ихъ изъ денежнаго оборота. Какъ примѣръ требованій невыполнимыхъ, укажу на пунктъ циркуляра, предлагавшій управамъ не допускать приглашаемыхъ ими на службу лицъ къ исполненію поручаемыхъ имъ обязанностей впредь до полученія увѣдомленія о согласіи губернатора. Такія увѣдомленія обычно поступали черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ представленія управъ и, очевидно, приглашаемыя на земскую службу лица не могли такое продолжительное время, не получая содержанія, выжидать рѣшенія своей участи. Предсѣдатель московской уѣздной управы поспѣшилъ возразить на полученный циркуляръ и представилъ губернатору объясненія по пунктамъ о нецѣлесообразности и невыполнимости предъявленныхъ требованій, но тотчасъ же получилъ рѣзкій отвѣтъ, предлагавшій не вступать съ губернаторомъ въ пререканія и принять его указанія къ неуклонному исполненію.

Въ январѣ 1893 г. возобновилась очередная сессія губернскаго земскаго собранія 1892 г. и предсѣдатели уѣздныхъ управъ воспользовались этимъ случаемъ, чтобы, собравшися подъ предсѣдательствомъ Д. А. Наумова, обсудить создавшееся циркуляромъ положеніе и найти какой либо выходъ. При совмѣстномъ обсужденіи были выяснены всѣ вызываемыя циркуляромъ недоразумѣнія и возраженія и затѣмъ собравшіеся просили меня, какъ лицо, близко знакомое съ Д. С. Сипягинымъ *),

*) Д. С. Сипягинъ былъ землевладѣлецъ волоколамскаго уѣзда; въ 80-хъ годахъ онъ былъ въ уѣздѣ предводителемъ дворянства, а я предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей и мы находились въ товарищескихъ отношеніяхъ.

переговорить съ нимъ частнымъ порядкомъ и попытаться притти къ пріемлемому для земскихъ управъ соглашенію. Я поспѣшилъ исполнить возложенное на меня порученіе и въ продолжительной бесѣдѣ, въ теченіе цѣлаго вечера, мнѣ удалось доказать Д. С. Сипягину основательность отрицательнаго отношенія всѣхъ управъ къ его циркуляру и, въ заключеніе нашихъ переговоровъ, мы намѣтили пункты циркуляра, которые могли быть выполнены съ тѣми или иными измѣненіями, и условились относительно пунктовъ, отъ которыхъ Д. С. призналъ возможнымъ отказаться. Въ частности относительно указаннаго выше требованія о порядкѣ приглашенія лицъ на земскую службу мы пришли къ слѣдующему соглашенію: такъ какъ предъявленное въ циркулярѣ требованіе противорѣчитъ ст. 511 Общ. учрежд. губер., согласно которой неполученіе отъ губернатора увѣдомленія въ теченіе 2-хъ недѣль признается за изъявленіе его согласія, а въ то же время ст. 20 Полож. о мѣрахъ къ охранѣ госуд. порядка и общ. спокойствія предоставляла губернатору право удалять со службы въ земскихъ учрежденіяхъ лицъ, признаваемыхъ имъ неблагонадежными, то было признано возможнымъ установить, что управы будутъ допускать приглашаемыхъ ими на земскую службу лицъ къ исполненію ихъ обязанностей, не ожидая увѣдомленія губернатора, но если затѣмъ на основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ департамента полиціи, губернаторъ увѣдомитъ о невозможности для даннаго лица оставаться на земской службѣ, то управа приметъ мѣры къ удаленію этого лица. Въ заключеніе Д. С. Сипягинъ просилъ меня сообщить о результатахъ нашихъ переговоровъ всѣмъ предсѣдателямъ управъ частнымъ образомъ и передать имъ, что офиціальная переписка по поводу циркуляра признается нежелательной.

Неуваженіе къ общественному самоуправленію особенно рѣзко было проявлено Д. С. Сипягинымъ въ вопросѣ объ изданіи обязательныхъ постановленій земства. Въ очередной сессіи 1892 года губернскимъ собраніемъ былъ одобренъ проектъ обязательныхъ санитарныхъ постановленій, при чемъ на редакціи выработанныхъ правилъ неблагопріятно отразилось возбужденное настроеніе, въ которомъ протекала сессія, какъ это указано ранѣе въ I-ой главѣ. Собраніе разсматривало проектъ постановленій въ двухъ параллельныхъ текстахъ, принадлежавшихъ—

одинъ губернской управѣ, а другой редакціонной комиссіи, принимало статьи, предложенныя то однимъ проектомъ, то другимъ, и спѣшно вносило въ нихъ измѣненія, отчего редакція ихъ не могла не пострадать. 15 апрѣля 1893 г. выработанный собраніемъ проектъ былъ представленъ губернатору, который не призналъ возможнымъ его утвердить и передалъ его на разсмотрѣніе губернскаго по земскимъ дѣламъ Присутствія. Изъ частныхъ бесѣдъ со мной Д. С. Сипягинъ зналъ, что и я съ своей стороны нахожу необходимымъ пересмотръ и исправленіе редакціи проекта обязательныхъ санитарныхъ постановленій и просилъ меня частнымъ порядкомъ принять на себя трудъ подготовить указанія на желательныя измѣненія въ текстѣ статей проекта для облегченія его разсмотрѣнія въ Присутствіи. Принявъ во вниманіе, что проектъ постановленій въ представленномъ видѣ утвержденъ не будетъ, что губернской управѣ будетъ предстоять внести этотъ вопросъ на новое разсмотрѣніе губернскаго собранія и что желательно въ интересахъ дѣла, чтобы новая редакція санитарныхъ постановленій не вызвала въ будущемъ возраженій со стороны губернатора, я согласился на предложеніе Д. С. Сипягина. Губернской управой совмѣстно съ санитарнымъ ея отдѣленіемъ была произведена соотвѣтствующая работа, съ которой я познакомилъ Д. С. Сипягина, а затѣмъ по его просьбѣ при докладѣ вопроса въ Присутствіи дѣлалъ замѣчанія и указывалъ на желательныя измѣненія въ проектѣ. Всѣ мои предложенія принимались и заносились въ журналъ. 23 августа губернаторъ сообщилъ управѣ официально о неутвержденіи выработаннаго губернскимъ земскимъ собраніемъ проекта санитарныхъ постановленій и о желательныхъ въ немъ измѣненіяхъ, намѣченныхъ губернскимъ по земскимъ дѣламъ Присутствіемъ. Такимъ образомъ, казалось, дѣло получило правильное направленіе и губернская управа должна была бы внести вновь въ губернское собраніе проектъ санитарныхъ правилъ въ новой редакціи. Каково же было мое и сотрудниковъ моихъ въ земской работѣ удивленіе, когда намъ сдѣлалось вскорѣ извѣстнымъ, что губернаторомъ сдѣлано распоряженіе о распубликованіи въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ обязательныхъ санитарныхъ постановленій съ измѣненіями, предположенными губернскимъ Присутствіемъ. Я немедленно посѣтилъ Д. С. Сипягина и обратилъ его вниманіе на то, что

губернатору закономъ предоставлено право только опубликовывать постановленія, принятыя земскимъ собраніемъ, но ему не дано право измѣнять ихъ по своему усмотрѣнію или согласно заключенію Присутствія, и что на точномъ основаніи ст. 111 и ст. 85 земскаго положенія опротестованное постановленіе собранія считается несостоявшимся, о чемъ должно быть извѣщено земское собраніе съ приведеніемъ соображеній, служившихъ основаніемъ рѣшенія Присутствія. Въ тоже время я высказалъ недоумѣніе, какъ могъ Д. С. Сипягинъ просить меня подготовить проектъ измѣненной редакціи постановленій, разъ онъ имѣлъ намѣреніе опубликовать эти постановленія съ нарушеніемъ права, предоставленнаго земству. Однако, слова и убѣжденія не могли повліять на измѣненіе рѣшенія, принятаго самоуправнымъ администраторомъ. Д. С. Сипягинъ говорилъ, что, обращаясь къ моему содѣйствію, онъ руководился желаніемъ, чтобы вносимыя измѣненія соотвѣтствовали требованіямъ земскаго дѣла, но онъ не можетъ допустить, чтобы рѣшеніе правительственнаго органа, которому порученъ надзоръ за дѣятельностью земскихъ учрежденій, поступало бы на обсужденіе земскаго собранія и не было бы для него обязательнымъ. „Я“, говорилъ Д. С. Сипягинъ, „присягалъ держать крѣпко въ моихъ рукахъ порученную мнѣ власть“. Незаконное распоряженіе губернатора было доложено управой губернскому собранію, которое постановило обжаловать его Правительствующему Сенату. 8 февраля 1897 г. состоялось опредѣленіе Сената, въ заключительной части котораго было сказано, что „распубликованіе санитарныхъ обязательныхъ постановленій съ исправленіями, предположенными губернскимъ по городскимъ и земскимъ дѣламъ Присутствіемъ, безъ передачи этихъ постановленій вновь на обсужденіе губернскаго земскаго собранія послѣдовало не согласно закона, а потому распоряженіе губернатора отмѣнить и предложить губернскому земскому собранію обсудить сдѣланныя Присутствіемъ измѣненія и въ дальнѣйшемъ поступать по закону“.

Въ маѣ 1894 года Д. С. Сипягинъ былъ назначенъ товарищемъ министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, но не задолго до оставленія имъ поста губернатора между нами имѣлъ мѣсто конфликтъ по слѣдующему поводу. Въ теченіе лѣта 1893 г. губернской управой былъ приглашенъ на долж-

ность санитарнаго врача М. С. Уваровъ, о чемъ своевременно было сообщено губернатору, а М. С. Уваровъ, согласно дѣйствовавшему соглашенію съ Д. С. Сипягинымъ, приступилъ тогда же къ исполненію своихъ обязанностей. Въ началѣ весны 1894 года губернаторъ увѣдомилъ управу, что онъ не можетъ изъявить согласія на поступленіе М. С. Уварова на земскую службу. Имѣя несомнѣнныя свѣдѣнія, что во всей предыдущей дѣятельности М. С. Уварова не было ничего, что могло бы вызвать подозрительное отношеніе къ нему департамента полиціи, и предполагая, что въ данномъ случаѣ имѣетъ мѣсто какое либо недоразумѣніе, примѣры чего были не рѣдки, я обратился лично къ Д. С. Сипягину и просилъ его ознакомить меня съ отзывомъ департамента полиціи. Д. С. Сипягинъ уклонился отъ сообщенія источника и характера полученныхъ свѣдѣній и настаивалъ, чтобы управа на основаніи дѣйствовавшаго соглашенія предложила М. С. Уварову оставить земскую службу. Я настаивалъ съ своей стороны на необходимости предварительнаго выясненія вопроса, указывалъ, что по установленному между нами соглашенію управа должна уволить М. С. Уварова только въ томъ случаѣ, если это требованіе предъявляется губернаторомъ на основаніи отзыва департамента полиціи; если такой отзывъ имѣется, то необходимо предоставить М. С. Уварову выяснить вѣроятное недоразумѣніе. Нѣсколько разъ при нашихъ свиданіяхъ Д. С. Сипягинъ и я возвращались къ этому вопросу, но немогли притти къ соглашенію, и вопросъ оставался неразрѣшеннымъ ко времени оставленія Д. С. Сипягинымъ Москвы и вступленія въ должность губернатора А. Г. Булыгина, который являлся для меня человѣкомъ совершенно незнакомымъ. Представляясь въ первый разъ губернатору, я имѣлъ съ нимъ продолжительную бесѣду, во время которой я, между прочимъ, ознакомилъ его съ соглашеніемъ, состоявшимся съ его предшественникомъ по вопросу о порядкѣ приглашенія управами лицъ на земскую службу. А. Г. Булыгинъ вполнѣ одобрилъ установленный порядокъ и выразилъ пожеланіе о его сохраненіи. Я сообщилъ губернатору объ остающемся открытымъ вопросѣ относительно М. С. Уварова. А. Г. Булыгинъ не былъ еще ознакомленъ съ этимъ дѣломъ и тутъ же потребовалъ изъ канцеляріи справку. Изъ представленныхъ ему свѣдѣній выяснилось, что отзывъ департамента полиціи о М. С.

Уваровѣ вполнѣ благопріятный и что предложеніе Д. С. Сипягина имѣло своимъ основаніемъ очень неопредѣленный отзывъ П. Д. Ахлестышева, губернатора тверской губерніи, гдѣ прежде работалъ М. С. Уваровъ. А. Г. Булыгинъ тотчасъ же сказалъ, что не видитъ никакого основанія для устраненія М. С. Уварова и тѣмъ вопросъ былъ исчерпанъ, а М. С. Уваровъ въ скоромъ времени былъ приглашенъ на службу въ медицинскій департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

А. Г. Булыгинъ былъ однимъ изъ лучшихъ губернаторовъ своего времени. Онъ обладалъ большой работоспособностью и отличался внимательнымъ, добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу и работѣ. Предсѣдательствуя въ многочисленныхъ губернскихъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, онъ всегда былъ хорошо подготовленъ и основательно освѣдомленъ въ подлежавшихъ обсужденію вопросахъ. При веденіи преній онъ старался быть объективнымъ и безпристрастнымъ. Въ отношеніяхъ къ органамъ общественнаго самоуправленія А. Г. былъ корректенъ, не стремился стѣснять предоставленныя имъ закономъ права и самостоятельность, съ вниманіемъ входилъ въ разсмотрѣніе заявленій представителей общественныхъ учрежденій и старался итти имъ навстрѣчу или найти почву для компромисса. Однако, въ тоже время А. Г. Булыгинъ былъ строгимъ исполнителемъ предъявляемыхъ ему требованій и указаній центральной власти и опасался навлечь на себя ея недовольство. Онъ не рѣдко былъ не чуждъ желанія заискивать расположенія вліятельныхъ лицъ въ высокихъ сферахъ. Примѣромъ этого можетъ служить тенденціозное сообщеніе имъ нѣкоторыхъ свѣдѣній во всеподданѣйшемъ отчетѣ о дѣятельности земства въ дѣлѣ народнаго образованія. 6 апрѣля 1895 года попечитель учебнаго округа, Н. П. Боголѣповъ, сообщилъ офиціально предсѣдателю губернскаго училищнаго совѣта, губернскому предводителю дворянства, кн. П. Н. Трубецкому, копію полученнаго имъ, попечителемъ, предложенія министра народнаго просвѣщенія и копію извлеченія изъ всеподданѣйшаго отчета губернатора за 1894 годъ и просилъ отзыва кн. П. Н. Трубецкого. Изъ препровожденныхъ документовъ было видно, что А. Г. Булыгинъ въ части своего отчета, касавшейся начальнаго образованія, между прочимъ, говорилъ, что „къ завѣдыванію училищами призваны съ одной стороны земства при посредствѣ училищныхъ совѣтовъ, а съ

другой—православное духовенство. Къ сожалѣнію руководители народнаго образованія не проявляютъ свою дѣятельность въ полномъ единеніи, съ единственною цѣлью принести посильное содѣйствіе великому дѣлу народнаго образованія. Взамѣнъ сего между ними проявляется, если не полный разладъ, то по меньшей мѣрѣ отсутствіе солидарности. Въ московской губерніи земство не оказываетъ никакой матеріальной поддержки церковно-приходскимъ школамъ, а исключительно заботится о своихъ". Приведенныя слова были отчеркнуты Государемъ и на поляхъ была сдѣлана отмѣтка: „Весьма грустно и неумѣстно". Въ дальнѣйшей части отчета были сообщены нѣкоторыя цифровыя данныя, не соотвѣтствовавшія дѣйствительности и дававшія неправильное освѣщеніе вопросу. Кн. П. Н. Трубецкой тотчасъ же ознакомилъ меня съ отношеніемъ попечителя и мы совмѣстно составили отвѣтъ Н. П. Боголѣпову. Въ этомъ отвѣтѣ было прежде всего съ возмущеніемъ устранено утвержденіе губернатора, будто руководители народной школы проявляютъ свою дѣятельность „не съ единственной цѣлью" содѣйствія народному образованію; затѣмъ опровергалось указаніе отчета на существующій якобы „разладъ" между руководителями школъ гражданской и церковной и было высказано предположеніе, что, вѣроятно, поводомъ для заключенія губернатора послужило отклоненіе губернскимъ собраніемъ предложенія оберъ-прокурора синода о матеріальномъ содѣйствіи земства церковно-приходскимъ школамъ. Постановленіе собранія состоялось на основаніи доклада Ѳ. Д. Самарина, въ которомъ было выяснено, что главное различіе школъ земской и церковной заключается въ устраненіи отъ участія въ завѣдываніи послѣдней общественныхъ элементовъ, привѣтствовалась попытка духовенства принять участіе въ дѣлѣ народнаго образованія и назначеніе духовнымъ вѣдомствамъ денежныхъ средствъ на содержаніе церковно-приходскихъ школъ, а отказъ въ ассигнованіи на эти школы земскихъ средствъ мотивировался тѣмъ, что земство не можетъ отвлекать свои средства отъ своей прямой задачи, содержанія своихъ школъ, такъ какъ такое отвлеченіе было бы равносильнымъ признанію, что земская школа стоитъ дальше отъ того идеала, который ставитъ себѣ школа церковная. Можно предположить, что приведенныя изъ отчета А. Г. Булыгина слова были имъ помѣщены съ цѣлью снискать расположеніе

всесильнаго въ ту пору К. П. Побѣдоносцева, а неожиданное оглашеніе ихъ было ему очень непріятно. Но по своей дѣятельности внутри губерніи А. Г. Булыгинъ, несомнѣнно, занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди губернскихъ администраторовъ.

Недовѣріе и подозрительность къ земской дѣятельности со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ получили характерное выраженіе въ вопросѣ о производствѣ московскимъ земствомъ оцѣночныхъ работъ на основаніи закона 8 іюня 1893 г. Въ предыдущей главѣ были приведены свѣдѣнія о принципіальномъ отношеніи къ этому закону совѣщанія предсѣдателей губернскихъ управъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и здѣсь я сообщу лишь о тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми встрѣтилось московское земство при выполненіи возложенныхъ на него этимъ закономъ обязанностей. Въ іюнѣ 1894 г. губернское земское собраніе возбудило ходатайство, чтобы, впредь до изданія закона о взиманіи земскаго, добавочнаго къ казенному, сбора съ прибылей торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, обложеніе таковыхъ, а равно и всѣхъ недвижимыхъ имуществъ, было оставлено на прежнихъ основаніяхъ. Это ходатайство вытекало изъ того, что законъ 8 іюня 1893 г. отношеніе доходности къ цѣнности торговыхъ и промышленныхъ предпріятій опредѣлялъ въ значительно меньшемъ процентѣ, сравнительно съ принятыми въ губерніи нормами, и при примѣненіи новыхъ нормъ общая сумма доходности этихъ предпріятій въ губерніи должна была бы понизиться болѣе, чѣмъ на 40%, а такъ какъ законъ не устанавливалъ опредѣленнаго процента доходности земель, то эти условія грозили крупнымъ переложеніемъ земскаго обложенія съ промышленности на землевладѣніе. Въ отвѣтъ на это ходатайство въ декабрѣ было получено отъ министра финансовъ разъясненіе, въ которомъ говорилось, что „оцѣночныя работы должны быть произведены независимо отъ вопроса о земскомъ обложеніи и притомъ безотлагательно“.

Управа, задаваясь цѣлью собрать точный и полный матеріалъ для установленія правильныхъ нормъ оцѣнки, выработала программы собиранія данныхъ по всѣмъ видамъ недвижимыхъ имуществъ и составила программу подворной переписи въ такомъ видѣ, чтобы собранный матеріалъ далъ не только все то, что необходимо для оцѣночныхъ работъ, но и доставилъ

основанія для правильной постановки всей земской дѣятельности. Представленныя программы были одобрены въ мартѣ 1895 г. губернской оцѣночной комиссіей и земскимъ собраніемъ, а затѣмъ программа подворнаго обслѣдованія была представлена на утвержденіе министра внутр. дѣлъ. Вскорѣ послѣдовало увѣдомленіе, что, „въ виду предстоящей государственной переписи населенія, министромъ признано неудобнымъ предпринимать какія-либо иныя обслѣдованія переписного характера". Губернская управа обратилась къ губернатору съ просьбой выяснить вопросъ—должна ли управа приступить къ оцѣночнымъ работамъ „безотлагательно", какъ на то указывалось въ декабрѣ, или, согласно послѣднему увѣдомленію, она не имѣетъ права производить мѣстныя изслѣдованія и собирать на мѣстахъ матеріалы по указаніямъ закона 8і юня 1893 г. и сопровождающей его инструкціи? Въ апрѣлѣ губернаторъ сообщилъ разъясненіе, полученное отъ министра внутреннихъ дѣлъ, что „инструкція по оцѣнкѣ требуетъ вообще собиранія свѣдѣній, но о томъ, чтобы необходимыя данныя были получены путемъ статистическаго изслѣдованія и путемъ подворныхъ опросовъ, указаній не сдѣлано. Само собой разумѣется, что подворный опросъ населенія могъ бы дать болѣе точныя данныя, но министръ полагаетъ болѣе удобнымъ производить обслѣдованіе не подворно. За вышеизложенными указаніями къ открытію работъ препятствій не встрѣчается, но съ тѣмъ, чтобы изъ программы обслѣдованія были исключены всѣ вопросы, относящіеся до личнаго состава населенія; что же касается остальныхъ частей программы, то она должна быть пересоставлена и уже тогда представлена на утвержденіе министра". Губернская управа, придя къ заключенію, что подворное обслѣдованіе не будетъ разрѣшено въ виду предстоящей общей переписи, предложила губернскому собранію сложить съ управы порученіе о производствѣ мѣстнаго изслѣдованія въ 1895 году и возбудить предъ министромъ финансовъ ходатайство о разрѣшеніи отложить собираніе оцѣночныхъ данныхъ до окончанія государственной переписи, и собраніе съ этимъ согласилось. Министръ финансовъ отвѣтилъ, что „ходатайство земства о разрѣшеніи отложить подготовительныя работы по переоцѣнкѣ имуществъ не подлежитъ удовлетворенію". Этотъ отвѣтъ не соотвѣтствовалъ смыслу предъявленнаго ходатайства; оно имѣло въ виду собираніе свѣдѣній

на мѣстахъ, а отвѣтъ говорилъ о *подготовительныхъ* работахъ, которыя все время производились земствомъ въ широкомъ масштабѣ безостановочно. Вскорѣ затѣмъ управой были получены черезъ губернатора разъясненія о томъ, какіе вопросы не могутъ быть включены въ программу мѣстнаго обслѣдованія; къ таковымъ были отнесены: всѣ вопросы о составѣ населенія, о передѣлѣ общинныхъ земель, объ арендной платѣ, въ зависимости отъ степени нужды въ землѣ, и общее заключеніе о хозяйственныхъ условіяхъ селенія. Пересоставленная программа была вновь представлена на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ и въ ноябрѣ 1895 г. управой было получено предложеніе губернатора, въ которомъ значилось, что „министръ призналъ неудобнымъ разрѣшеніе мѣстнаго обслѣдованія и утвержденіе программы впредь до представленія управой инструкціи лицамъ, имѣющимъ производить это обслѣдованіе". Управа не сочла возможнымъ исполнить это требованіе, признавая такую инструкцію ненужной, а скорѣе вредной для дѣла, и имѣя въ виду, что такого рода инструкціи не предусмотрѣны ни закономъ 8 іюня 1893 г., ни сопровождавшей его инструкціей министра финансовъ. Съ доводами управы согласилась губернская оцѣночная комиссія, и губернаторъ соображенія управы предоставилъ дополнительно министру.

Въ сентябрѣ 1896 г. управа, согласно постановленію губернскаго собранія, возбудила ходатайство о разрѣшеніи снять копіи съ переписныхъ матеріаловъ государственной переписи и въ февралѣ 1897 г. была извѣщена, что ходатайство это отклонено министромъ внутреннихъ дѣлъ „по преждевременности". Управа вторично возбудила то же ходатайство, указывая, что изъ ея программы мѣстнаго изслѣдованія исключены вопросы о личномъ составѣ населенія, но что въ то же время эти свѣдѣнія совершенно необходимы земству, какъ для оцѣночныхъ цѣлей, такъ и вообще для всей земской дѣятельности.

Наконецъ, въ декабрѣ 1897 г. ходатайство земства о мѣстномъ изслѣдованіи получило удовлетвореніе. Сначала министръ разрѣшилъ производство обслѣдованія безъ представленія инструкціи лицамъ, его производящимъ, но при условіи, чтобы о времени прибытія въ селеніе агента управы заблаговременно извѣщался мѣстный земскій начальникъ, а затѣмъ послѣдовало разрѣшеніе извлечь изъ третьихъ переписныхъ листовъ государственной

переписи свѣдѣнія, необходимыя земству. Такимъ образомъ только черезъ $4^1/_2$ года по изданіи закона 8 іюня 1893 года, послѣ безконечныхъ усилій, московское земство получило разрѣшеніе и возможность произвести мѣстное обслѣдованіе, къ которому оно смогло приступить съ весны 1898 года и которое во все время его производства не вызвало никакихъ недоразумѣній и нареканій со стороны администраціи.

10 іюня того же 1893 г. былъ утвержденъ „уставъ лѣчебныхъ заведеній министерства внутреннихъ дѣлъ“, законодательный актъ, которому суждено было остаться мертворожденнымъ. При разсмотрѣніи этого устава въ государственномъ совѣтѣ подавляющее большинство его членовъ отнеслось къ законодательному предположенію министра вн. дѣлъ, И. Н. Дурново, вполнѣ отрицательно и государственный совѣтъ отклонилъ проектъ почти единогласно, но Императоръ Александръ III по представленію министра утвердилъ этотъ уставъ, согласившись съ мнѣніемъ незначительнаго меньшинства членовъ гос. совѣта. Этотъ уставъ посягалъ на автономныя права общественныхъ учрежденій въ дѣлѣ завѣдыванія лѣчебными заведеніями, созданными и содержимыми на общественныя средства, стремился возложить управленіе и завѣдываніе ими на старшій врачебный персоналъ и, вообще, преслѣдовалъ цѣль нарушить солидарность и взаимодѣйствіе, создавшіяся на почвѣ общей работы между органами общественнаго самоуправленія и медицинскимъ персоналомъ. Въ то же время уставъ игнорировалъ многія стороны въ постановкѣ и въ дѣятельности лѣчебныхъ заведеній, принося интересы живого дѣла въ жертву цѣлямъ административно-полицейскаго характера.

Когда уставъ былъ опубликованъ и распоряженіемъ министра предложенъ земскимъ учрежденіямъ къ введенію въ дѣйствіе, то сначала не возникало сомнѣнья, что дѣйствіе устава распространяется на всѣ земскія лѣчебныя заведенія, и губернской управой было возбуждено лишь ходатайство объ отсрочкѣ примѣненія его въ лѣчебницахъ московскаго земства. Вскорѣ, однако, при внимательномъ ознакомленіи съ текстомъ устава губернская управа пришла къ обратному заключенію. Ст. 4-ая, пунктъ 2-ой, устава устанавливала, что дѣйствіе его „не распространяется на сельскія лѣчебницы, управляемыя на осно-

ваніи особыхъ правилъ", при чемъ дѣлалась ссылка на врачебный уставъ, ст. 7, п. 5, примѣчаніе 3, по прод. 1886 г., а тамъ говорилось, что „въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ введено полож. о зем. учрежд., устройство сельской врачебной части возложено на попеченіе сихъ учрежденій". Такое убѣжденіе нашло себѣ еще болѣе наглядное подтвержденіе, когда въ управѣ былъ полученъ вновь изданный кодификаціоннымъ отдѣломъ гос. совѣта томъ свода законовъ, озаглавленный: „Продолженіе свода законовъ Россійской Имперіи 1893 года", въ которомъ былъ, между прочимъ, помѣщенъ новый уставъ лѣчебныхъ заведеній. Здѣсь ссылка при ст. 4-ой, п. 2-мъ, устава сдѣлана уже не на ст. 7, п. 5 врачебн. устава по прод. 1886 г., а на замѣнившую ее ст. 285 второго раздѣла устава врачебнаго по прод. 1893 г., которая говоритъ: „Устройство медицинской и ветеринарной частей въ селеніяхъ возлагается на попеченіе земскихъ учрежденій". Въ засѣданіяхъ санитарнаго совѣта губернскаго земства при обсужденіи этого вопроса принималъ участіе губернскій врачебный инспекторъ и такимъ путемъ заключеніе совѣта и управы стало извѣстнымъ министру. 31 декабря 1893 г. управѣ былъ сообщенъ врачебнымъ управленіемъ циркуляръ министра, въ которомъ указывалось на вкравшуюся, якобы, кодификаціонную ошибку при изданіи „продолженія свода законовъ 1893 г." и подтверждалось, что новый уставъ не распространяетъ силу своего дѣйствія лишь на губерніи, въ которыхъ нѣтъ земскихъ учрежденій. Для губернской управы не оставалось сомнѣній, что разъясненіе министра не имѣетъ законнаго основанія, такъ какъ ст. 285 врач. ус. 1893 г. повторяетъ то же, что говорилось прежде въ ст. 7, п. 5, прим. 3, того же устава по прод. 1886 г. Кромѣ того, къ этому времени управа имѣла въ своемъ распоряженіи экземпляръ печатныхъ матеріаловъ, представленныхъ въ гос. совѣтъ при разсмотрѣніи проекта устава. Въ объяснительной къ нему запискѣ говорилось, хотя и недостаточно опредѣленно, что министерство не имѣетъ въ виду распространить дѣйствіе устава на земскія сельскія лѣчебницы, но въ отзывахъ многихъ вѣдомствъ, на заключеніе которыхъ былъ сообщенъ проектъ, указывалось вполнѣ опредѣленно на нежелательность подчиненія земскихъ лѣчебницъ новому уставу и въ своемъ отвѣтѣ на эти отзывы ми-

нистръ вн. дѣлъ категорически заявлялъ, что на сельскія земскія лѣчебныя заведенія уставъ распространенъ не будетъ.

На основаніи изложенныхъ соображеній управа докладывала собранію въ очередной сессіи 1894 г., что можетъ быть мѣсто для предположенія, что дѣйствію устава подлежатъ земскія больницы въ уѣздныхъ городахъ, каковыхъ въ вѣдѣніи губернскаго земства нѣтъ, но на сельскія земскія лѣчебницы уставъ на основаніи закона распространенъ, несомнѣнно, быть не можетъ. По частной просьбѣ А. Г. Булыгина докладъ управы былъ поставленъ на обсужденіе собранія на второй день сессіи, 10 января 1895 г., и собраніе единогласно признало, что, согласно точному смыслу закона, дѣйствіе устава не можетъ распространяться на сельскія лѣчебницы земства. Это постановленіе было тотчасъ же опротестовано губернаторомъ и 12 января внесено имъ на разсмотрѣніе губернскаго по земск. и город. дѣламъ Присутствія. Присутствіе собралось въ полномъ составѣ; въ засѣданіи принялъ участіе и вице-губернаторъ, Л. А. Боратынскій, обычно засѣданія Присутствія не посѣщавшій. До начала засѣданія я просилъ А. Г. Булыгина предоставить мнѣ право прочесть въ Присутствіи выдержки изъ матеріаловъ, бывшихъ на разсмотрѣніи гос. совѣта, и онъ не встрѣтилъ къ этому препятствій, но не призналъ удобнымъ вносить оглашенныя мной свѣдѣнія въ журналъ. По открытіи засѣданія губернаторъ сообщилъ о внесенномъ имъ протестѣ и предоставилъ мнѣ слово. Я подробно изложилъ всѣ приведенныя выше данныя и соображенія, а затѣмъ прочелъ тѣ мѣста изъ записки министра вн. дѣлъ и изъ его переписки съ вѣдомствами, изъ которыхъ было совершенно ясно, что о распространеніи дѣйствія устава на земскія сельскія лѣчебницы въ гос. совѣтѣ не было и рѣчи и что такъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ самъ И. Н. Дурново, но затѣмъ, когда Государь утвердилъ уставъ и согласился съ мнѣніемъ меньшинства членовъ совѣта, министръ счелъ возможнымъ дать самовольно распространительное толкованіе дѣйствію устава и на земскія сельскія лѣчебныя заведенія. Послѣ моего доклада преній не происходило и губернаторъ приступилъ къ голосованію. Спрошенный первымъ вице-губернаторъ, отвѣтилъ, что послѣ всего выслушаннаго онъ не можетъ признать постановленіе губернскаго земскаго собранія неправильнымъ и противорѣчащимъ закону.

Къ этому мнѣнію присоединились всѣ члены Присутствія, а А. Г. Булыгинъ сказалъ, что онъ, на основаніи полученнаго имъ предложенія министра, долженъ пріостановить исполненіе рѣшенія Присутствія въ порядкѣ ст. 12 полож. о земск. учреж. и представить дѣло министру. Однако, министръ не счелъ возможнымъ войти въ сенатъ съ представленіемъ объ отмѣнѣ рѣшенія Присутствія, такъ какъ, очевидно, сенатъ не отмѣнилъ бы этого рѣшенія, а, вѣроятнѣе, возбудилъ бы вопросъ о не законномѣрныхъ дѣйствіяхъ самого министра.

Докладъ губернской управы и постановленіе губернскаго собранія были сообщены во всѣ губернскія земскія управы и аналогичныя постановленія состоялись въ большинствѣ губерній. Городскія управленія также поспѣшили проявить свое отрицательное отношеніе къ новому уставу въ постановленіяхъ городскихъ думъ и въ возбужденныхъ ими ходатайствахъ. Подъ вліяніемъ общаго недовольства и возбужденія министръ былъ принужденъ сложить оружіе и новый уставъ, какъ принято говорить въ бюрократическомъ мірѣ, былъ положенъ подъ сукно и лежитъ тамъ безъ движенія до сего времени.

Потерпѣвъ неудачу съ лѣчебнымъ уставомъ, министерство внутреннихъ дѣлъ не отказалось отъ преслѣдуемой имъ цѣли—нарушить или ослабить тѣсную и живую связь, установившуюся между представителями земства и земской врачебной корпораціей. Такъ какъ взаимодѣйствіе этихъ двухъ элементовъ получило планомѣрную организацію и широкое развитіе въ московской губерніи, то, вѣроятно, по этой причинѣ, сюда прежде всего и были направлены новыя мѣропріятія министерства. 8-го декабря 1898 года министромъ былъ утвержденъ уставъ губернскихъ съѣздовъ врачей московской губерніи. Этотъ уставъ былъ составленъ министерствомъ не только безъ ходатайства земства объ измѣненіи дѣйствовавшаго устава, утвержденнаго въ 1876 г., но новый уставъ получилъ утвержденіе даже безъ предварительной передачи его на разсмотрѣніе губернскаго собранія. Новый уставъ вносилъ въ организацію съѣздовъ значительныя измѣненія, изъ которыхъ наиболѣе существенныя были слѣдующія. Предсѣдательство на съѣздахъ, вмѣсто избиравшагося ранѣе самимъ съѣздомъ предсѣдателя, возлагалось на начальника врачебнаго управленія, или на иного врача по

назначенію губернатора. Засѣданія съѣзда закрывались для публики. Протоколы и отчеты съѣзда могли быть печатаемы не иначе, какъ съ разрѣшенія губернатора. Ему же предоставлялось право закрытія съѣзда, въ случаѣ уклоненія съѣзда отъ цѣлей и задачъ, предусмотрѣнныхъ уставомъ. Наконецъ, вслѣдствіе несогласованности новаго устава съ происшедшими послѣ 1876 г. перемѣнами въ организаціи земской медицины въ губерніи и уѣздахъ, создавалось положеніе, въ силу котораго участіе въ съѣздахъ было затруднено, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже исключено не только для земскихъ гласныхъ, но и для предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ. Необходимость внесенія нѣкоторыхъ измѣненій въ уставъ 1876 года уже давно сознавалась земствомъ и врачебной организаціей. Этотъ уставъ былъ составленъ, когда врачебная часть находилась въ вѣдѣніи санитарной комиссіи, въ составъ которой входили, кромѣ 4-хъ врачей, избираемыхъ съѣздами, губернская управа въ полномъ составѣ и земскіе гласные. Но съ 1885 г. санитарная комиссія перестала существовать, а при губернской и уѣздныхъ управахъ были образованы санитарные совѣты, какъ совѣщательные органы. Представители управъ обязательно присутствовали въ засѣданіяхъ совѣтовъ, предлагали вопросы, участвовали въ преніяхъ, но въ голосованіи постановленій совѣтовъ не участвовали. Министерство, не освѣдомившись о перемѣнахъ, происшедшихъ въ организаціи врачебной части въ земствахъ губерніи, выработало новый уставъ при предположеніи, что санитарная комиссія продолжаетъ существовать попрежнему, и совершенно игнорировало дѣйствующіе санитарные совѣты.

Утвержденный въ декабрѣ 1898 г. уставъ, былъ сообщенъ губернской управѣ только въ мартѣ 1899 года во второй день происходившей очередной сессіи собранія 1898 г. Управа поспѣшила доложить возникшій неожиданно вопросъ губернскому собранію, признавшему, что новый уставъ совершенно не соотвѣтствуетъ современному положенію врачебно-санитарной организаціи въ губерніи и не обезпечиваетъ плодотворной дѣятельности съѣздовъ врачей. Въ тоже время собраніе поручило управѣ переработать уставъ 1876 г. и представить его ближайшему очередному собранію для возбужденія ходатайства объ его утвержденіи взамѣнъ устава, выработаннаго министерствомъ.

Переработанный уставъ былъ одобренъ губернскимъ собраніемъ въ очередной сессіи 1899 г. и представленъ въ министерство.

Въ отвѣтъ на предъявленное ходатайство въ іюлѣ 1901 г. губернаторъ препроводилъ въ управу утвержденный министромъ въ томъ же мѣсяцѣ „Нормальный уставъ губернскихъ съѣздовъ членовъ и представителей земскихъ учрежденій по врачебно-санитарной части“ и предлагалъ управѣ передать этотъ нормальный уставъ на разсмотрѣніе московскаго губернскаго земскаго собранія съ цѣлью выясненія вороса: признаетъ ли оно необходимымъ по изданіи нормальнаго устава настаивать на удовлетвореніи своего ходатайства? Сравненіе нормальнаго устава съ уставомъ, проектированнымъ земствомъ, свидѣтельствовало, что послѣдній послужилъ основой при составленіи нормальнаго устава министерствомъ, но при этомъ были сдѣланы нѣкоторыя существенныя измѣненія. По нормальному уставу созывъ съѣздовъ, ихъ программа, приглашеніе врачей, не состоящихъ на земской службѣ, и спеціалистовъ по разнымъ вопросамъ, избраніе съѣздомъ предсѣдателя, допущеніе публичности засѣданій и внесеніе членами съѣзда и управами внѣпрограмныхъ вопросовъ — обусловлены согласіемъ и утвержденіемъ губернатора. Второе отличіе заключалось въ томъ, что врачи городскіе, уѣздные, фабричные и вообще разныхъ учрежденій въ московской губерніи по земскому проекту признавались по своему положенію членами съѣздовъ съ совѣщательнымъ голосомъ, а по министерскому уставу эти лица могли быть приглашаемы управой съ разрѣшенія губернатора; приглашеніе же врачей и представителей общественныхъ учрежденій не московской губерніи, предусмотрѣнное земскимъ проектомъ, нормальнымъ уставомъ исключалось вовсе.

Губернское собраніе очередной сессіи 1901 года, ознакомившись съ нормальнымъ уставомъ и отмѣченными отличіями его отъ проекта, выработаннаго земствомъ, постановило просить министерство о внесеніи въ нормальный уставъ дополненій и измѣненій, которыми предусматривалось: 1) чтобы съѣзду было предоставлено право обсуждать внѣпрограмные вопросы съ согласія предсѣдателя губернской управы и предсѣдателя съѣзда, не испрашивая разрѣшенія губернатора, 2) чтобы засѣданія съѣзда были доступны для публики и 3) чтобы врачи и представители различныхъ учрежденій московской губерніи, а равно

и врачи-делегаты изъ смежныхъ губерній допускались на съѣздъ съ совѣщательнымъ голосомъ по приглашенію управы, не испрашивая разрѣшенія губернатора. Въ іюлѣ 1902 года губернаторъ сообщилъ управѣ, что министръ призналъ ходатайство земства не заслуживающимъ удовлетворенія въ виду того, что со времени утвержденія нормальнаго устава прошелъ слишкомъ незначительный срокъ и практически не могли быть еще выяснены его недостатки. Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ указывалъ, что если земства пожелали бы созвать съѣзды на отличныхъ отъ нормальнаго устава основаніяхъ, то циркуляромъ 8 іюля 1901 г. имъ предоставлено ходатайствовать объ утвержденіи предположенныхъ ими отступленій. Казалось, что московское земство именно о такого рода отступленіяхъ и ходатайствовало, и передъ XV-мъ съѣздомъ врачей о томъ же вновь представляло губернатору, но тѣмъ не менѣе эти ходатайства остались безъ положительныхъ результатовъ.

Законодательство, направленное къ умаленію правъ и компетенціи земскихъ учрежденій, получило особенное развитіе, когда министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ Д. С. Сипягинъ. Законодательные акты указаннаго направленія сыпались какъ изъ рога изобилія, и въ числѣ ихъ наиболѣе существенными являлись два закона, получившіе свое утвержденіе 12-го іюня 1900 г.:—„временныя правила по обезпеченію продовольственныхъ потребностей сельскихъ обывателей“ и законъ „объ установленіи предѣльности земскаго обложенія“. „Временныя правила“ устраняли земство отъ возложеннаго на него положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ „завѣдыванія дѣлами по обезпеченію народнаго продовольствія“ и все продовольственное дѣло на мѣстахъ поручалось надзору административныхъ учрежденій: губернскихъ присутствій, уѣздныхъ съѣздовъ и земскихъ начальниковъ. Новыя правила, очевидно, не вызывались требованіями цѣлесообразности и пользы дѣла. Порученіе продовольственнаго дѣла земскимъ учрежденіямъ стояло въ тѣсной связи съ возложенными на нихъ же обязанностями по „воспособленію земледѣлію, торговлѣ и промышленности“ и вообще по содѣйствію экономическому благосостоянію населенія. Если въ постановкѣ продовольственнаго дѣла были недостатки, то эти недостатки обусловливались не

неудовлетворительностью дѣятельности земскихъ учрежденій, а исключительно неудовлетворительностью дѣйствовавшаго продовольственнаго устава и земства постоянно указывали на необходимость его переработки. Устраненіе отъ продовольственнаго дѣла земскихъ учрежденій не замедлило вызвать практическія затрудненія. Въ 1906—1907 гг., когда неурожаемъ были захвачены многія губерніи и правительство было поставлено въ необходимость ассигновать очень крупныя суммы для снабженія населенія хлѣбомъ и на организацію общественныхъ работъ, само правительство должно было признать неизбѣжнымъ обратиться къ широкому содѣйствію не только мѣстныхъ земствъ, но и общеземской организаціи.

Законъ о предѣльности земскаго обложенія имѣлъ главною цѣлью задержать развитіе земской дѣятельности. Составъ земскихъ собраній по земскому положенію 1890 года въ достаточной мѣрѣ охранялъ интересы крупнаго землевладѣнія и представители сельскаго населенія не имѣли возможности увеличивать обложеніе по своей волѣ. Но представители имущественныхъ классовъ, встрѣчаясь съ бездной потребностей населенія, требующихъ неотложнаго удовлетворенія, добровольно и вполнѣ сознательно шли на увеличеніе обложенія своихъ имуществъ, видя въ этомъ выполненіе своего нравственнаго долга. Быстрое развитіе земской дѣятельности, направленной на удовлетвореніе культурныхъ и экономическихъ запросовъ населенія, несомнѣнно содѣйствовало росту въ его средѣ сознанія своего тяжелаго правового и экономическаго положенія и тѣмъ воспитывало въ немъ отрицательное отношеніе къ подавлявшему всю нашу жизнь произволу центральной и мѣстныхъ властей. Чтобы парализовать это вліяніе земской работы на населеніе, правительство прибѣгло къ ограниченію права земства на самообложеніе.

Я не буду приводить другихъ примѣровъ законодательныхъ актовъ этого времени, но считаю не лишнимъ упомянуть здѣсь о нѣкоторыхъ законодательныхъ предположеніяхъ вліятельныхъ представителей правительства, предположеніяхъ, не получившихъ, однако, своего осуществленія, вѣроятно, по той причинѣ, что проектируемыя мѣры не встрѣчали сочувствія и поддержки даже въ средѣ бюрократическаго міра. Въ началѣ 1900 года, во время одной изъ поѣздокъ въ С.-Петербургъ по дѣламъ зем-

ства, я узналъ, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по порученію Д. С. Сипягина обсуждается вопросъ объ исключеніи права общественныхъ учрежденій, городскихъ и земскихъ, приносить въ сенатъ жалобы на постановленія губернскихъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствій съ тѣмъ, чтобы постановленія этихъ присутствій, въ случаѣ заявленій заинтересованныхъ общественныхъ учрежденій, подлежали отмѣнѣ или утвержденію министра внутреннихъ дѣлъ. Д. С. Сипягинъ находилъ, что отмѣна сенатомъ постановленій губернскихъ присутствій колеблетъ авторитетъ власти. Очень вѣроятно, что Д. С. Сипягинъ поспѣшилъ вскорѣ послѣ своего назначенія министромъ возбудить этотъ вопросъ подъ вліяніемъ сообщеннаго въ этой же главѣ случая отмѣны сенатомъ распоряженія московскаго губернатора о распубликованіи санитарныхъ обязательныхъ постановленій губернскаго земства. Однако, вопросъ, возбужденный Д. С. Сипягинымъ, не облекся въ форму законодательнаго предположенія и не получилъ дальнѣйшаго движенія.

Въ 1901 году Д. С. Сипягинымъ былъ поднятъ вопросъ о подчиненіи земскихъ учрежденій государственному контролю. Съ этой цѣлью по его иниціативѣ въ С.-Петербургѣ было организовано подъ предсѣдательствомъ товарища государственнаго контролера совѣщаніе, къ участію въ которомъ были приглашены, кромѣ чиновъ государственнаго контроля и представителей министерствъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, также и предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ: с.-петербургской—В. П. Марковъ, херсонской—В. П. Андреевскій, саратовской—Н. Н. Львовъ, орловской—С. А. Хвостовъ и я—отъ московской губерніи. Первое, оказавшееся и послѣднимъ, засѣданіе совѣщанія состоялось лѣтомъ 1901 г. Предсѣдатель, познакомивъ собравшихся съ возбужденнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ вопросомъ, изложилъ въ общихъ чертахъ предположенія государственнаго контроля относительно ревизіи имъ земскихъ расходовъ и просилъ земскихъ представителей высказать наше мнѣніе по поводу этихъ предположеній. Всѣ мы прежде всего сочли необходимымъ обратить вниманіе совѣщанія на принципіальное противорѣчіе возникшаго вопроса съ основной идеей общественнаго самоуправленія. Предсѣдатель сказалъ, что принципіальный вопросъ не подлежитъ обсужденію и разрѣшенію совѣщанія, но если тѣмъ не менѣе земскіе представители желаютъ высказаться по этому поводу,

то предсѣдатель не встрѣчаетъ къ тому препятствій и высказанныя ими сужденія будутъ занесены въ журналъ. Всѣ предсѣдатели управъ поспѣшили воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ, которое, мы сознавали, являлось нашей общественной обязанностью. Послѣ нашихъ заявленій принципіальнаго характера, согласно желанію, выраженному предсѣдателемъ, мы высказали наши мнѣнія относительно предполагаемой организаціи дѣла и отношеній между представителями государственнаго контроля и земскими учрежденіями. Нами было указано на многочисленныя затрудненія, которыя неизбѣжно встрѣтятся на практикѣ, и на непримѣнимость вообще пріемовъ государственнаго контроля къ живому земскому дѣлу. В. П. Андреевскій обратилъ вниманіе на сложность проектируемаго вновь контрольнаго аппарата и предложилъ вопросъ,—какъ велики будутъ ежегодные расходы государственнаго контроля по ревизіи земскихъ учрежденій, и предсѣдатель пояснилъ, что сумму ежегоднаго на этотъ предметъ расхода можно предвидѣть въ размѣрѣ 200—250 тысячъ рублей. Тогда одинъ изъ предсѣдателей управъ спросилъ, не имѣются ли у правительства свѣдѣнія о размѣрѣ суммъ, растраченныхъ въ земствѣ за истекшее время его существованія. Принимавшій участіе въ совѣщаніи директоръ департамента окладныхъ сборовъ, Н. Н. Кутлеръ, сообщилъ, что въ министерствѣ финансовъ имѣются такого рода свѣдѣнія за первое тридцатилѣтіе дѣйствія земскихъ учрежденій; всего было растрачено въ земскихъ управахъ не многимъ болѣе 80 тысячъ рублей, изъ которыхъ около 50 тысячъ рублей было пополнено виновными или ихъ близкими, а около 30 тысячъ рублей остались не возмѣщенными. В. П. Андреевскій, сопоставивъ двѣ приведенныя справки обратилъ вниманіе совѣщанія на то, что растрата земскихъ суммъ въ среднемъ составляетъ около одной тысячи рублей въ годъ, а новый расходъ государственнаго контроля ожидается въ размѣрѣ 200—250 тысячъ рублей ежегодно. Это замѣчаніе было также занесено въ журналъ совѣщанія. По окончаніи засѣданія предсѣдатель передалъ земскимъ представителямъ, что государственный контролеръ, П. Л. Лобко, желалъ бы съ нами познакомиться и проситъ посѣтить его на слѣдующій день. Всѣ предсѣдатели управъ собрались у государственнаго контролера въ назначенный часъ и были приняты одновременно. Во время общей

бесѣды П. Л. Лобко старался проявить особую любезность и рѣчь шла о происходившемъ наканунѣ совѣщаніи. Изъ высказаннаго государственнымъ контролеромъ всѣ мы вынесли впечатлѣніе, что онъ относится отрицательно къ возникшему въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ предположенію и думаетъ, что вопросъ не получитъ своего практическаго разрѣшенія, но если бы это случилось, то имъ будутъ приняты всѣ мѣры, чтобы новый порядокъ по возможности меньше стѣснялъ земскія учрежденія. Въ тотъ же день предсѣдатели управъ составили заявленіе, переданное ими предсѣдателю совѣщанія. Въ этомъ заявленіи указывалось, что на обсужденіе совѣщанія былъ внесенъ только проектъ правилъ ревизіи земской отчетности, но не былъ переданъ на его заключеніе принциціальный вопросъ о цѣлесообразности подчиненія земской отчетности ревизіи государственнаго контроля. Затѣмъ были приведены соображенія отрицательнаго характера по существу вопроса и относительно предположеннаго порядка и въ заключеніе говорилось о необходимости прежде введенія въ дѣйствіе предположеннаго новаго порядка передать этотъ вопросъ на предварительное обсужденіе земскихъ собраній. Какъ извѣстно, вопросъ, возбужденный Д. С. Сипягинымъ, не получилъ практическаго разрѣшенія, но возбужденіе вопроса такого рода является характерной чертой для этого администратора.

Политика, которую старался проводить Д. С. Сипягинъ, была политика человѣка, призваннаго къ государственной власти, но не обладавшаго необходимымъ для государственнаго дѣятеля широкимъ общимъ и политическимъ жизнепониманіемъ. Воспитанный въ традиціяхъ крѣпостного права и русскаго барства, онъ являлся искреннимъ сторонникомъ приказнаго строя и неограниченной власти правительства. Но его образъ дѣйствій и проводимыя имъ мѣропріятія исходили всегда изъ усвоенныхъ имъ, если не убѣжденій, то опредѣленныхъ взглядовъ и его во всякомъ случаѣ нельзя упрекнуть въ отсутствіи искренности и прямоты. Совсѣмъ инымъ представлялся, бывшій въ то время министромъ финансовъ, С. Ю. Витте. Въ немъ всѣ признавали человѣка большого ума, выдающихся способностей и знали о томъ вліяніи и авторитетѣ, которыми онъ пользовался въ средѣ правительства. Казалось очевиднымъ, что для такого государственнаго человѣка не могло быть сомнѣнія,

что жизнь государства не можетъ правильно и успѣшно развиваться безъ тѣснаго взаимодѣйствія государственной власти и общественныхъ силъ. Однако, въ мѣропріятіяхъ, проводимыхъ С. Ю. Витте, и въ его образѣ дѣйствій нерѣдко проявлялись неуваженіе и недовѣріе къ общественнымъ учрежденіямъ и готовность посягать на ихъ самостоятельность. Трудно было составить себѣ заключеніе о политическихъ убѣжденіяхъ С. Ю. Витте и уяснить себѣ истинныя цѣли, преслѣдуемыя его политикой.

Тяжелое впечатлѣніе произвелъ на общество одобренный 12 февраля 1899 г. Императоромъ всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ, получившій широкую огласку, повидимому, съ вѣдома его автора. Въ докладѣ говорилось объ упрочившемся нашемъ финансовомъ положеніи, открывавшемъ возможность удовлетворенія наиболѣе назрѣвшихъ государственныхъ потребностей и въ первую очередь потребностей народнаго образованія. Дѣло начальнаго образованія, указывалось далѣе, находится на попеченіи собственно двухъ вѣдомствъ: св. синода и министерства народнаго просвѣщенія. На содержаніе школъ церковно-приходскихъ ассигновка по смѣтѣ синода въ ближайшемъ времени достигнетъ 6.750.000 рублей, а по смѣтѣ министерства нар. пр. на начальное образованіе назначается около 5.700.000 рублей, включая въ эту цифру расходы по содержанію училищъ въ губерніяхъ, въ которыхъ не введены земскія учрежденія. Но кромѣ этихъ суммъ, на тотъ же предметъ въ земскихъ губерніяхъ расходуется около 7 милліоновъ рублей. „Суммы эти", пояснялось въ докладѣ, „расходуются по распоряженію земскихъ учрежденій, но такъ какъ всѣ земскіе расходы производятся за счетъ сборовъ, взимаемыхъ съ того же населенія, то всякое лишнее земское обложеніе настолько же лишаетъ правительство возможности пользоваться платежными силами населенія, какъ источникомъ государственныхъ доходовъ. Въ виду этого нѣтъ основанія полагать, что обращеніе на дѣло начальнаго народнаго образованія взимаемыхъ земскими учрежденіями сборовъ въ чемъ либо облегчаетъ задачи правительства, такъ какъ, будучи взимаемы съ одного и того же населенія, суммы, расходуемыя по смѣтамъ св. синода и министерства народ. пр., по существу не отличаются отъ суммъ, расходуемыхъ по распоряженію мѣстныхъ учрежденій". Затѣмъ

далѣе относительно послѣднихъ суммъ говорилось: „Находясь въ зависимости отъ земскихъ учрежденій, расходы эти являются, какъ бы, самостоятельными и не связанными съ правительственными мѣропріятіями, а при такой неопредѣленности границъ дѣятельности на одномъ и томъ же поприщѣ затрудняется выработка опредѣленнаго плана дѣйствій по распоряженію народныхъ училищъ". Въ заключеніе министръ финансовъ предлагалъ „возложить на особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ оберъ-прокурора св. синода изъ министровъ—вн. дѣлъ, финансовъ и народ. просвѣщенія обсужденіе вопроса о томъ: слѣдуетъ ли оставить безъ измѣненія существующій порядокъ открытія начальныхъ народныхъ училищъ и производства расходовъ на ихъ содержаніе или же слѣдуетъ принять надлежащія мѣры для установленія въ этомъ дѣлѣ болѣе опредѣленнаго положенія и, въ такомъ случаѣ, въ чемъ мѣры сіи должны заключаться"?

Трудно было найти объясненіе тому, какія цѣли преслѣдовалъ и чѣмъ руководился С. Ю. Витте, представляя свой докладъ, въ которомъ давалось такое странное освѣщеніе вопросу о средствахъ, взимаемыхъ и расходуемыхъ земскими учрежденіями. Вѣдь съ принятіемъ проводимой въ докладѣ точки зрѣнія и ея примѣненіемъ къ расходамъ на народное образованіе представлялось бы неизбѣжнымъ распространить ее послѣдовательно на всѣ области земской дѣятельности и притти къ заключенію о необходимости упраздненія вообще земскихъ учрежденій. Между тѣмъ многимъ земскимъ представителямъ, въ томъ числѣ и мнѣ, приходилось неоднократно обращаться къ министру финансовъ по земскимъ дѣламъ, встрѣчать его готовность итти навстрѣчу земскимъ начинаніямъ и видѣть его сочувственное отношеніе къ общественной дѣятельности. Многіе были склонны объяснить появленіе доклада желаніемъ С. Ю. Витте заручиться расположеніемъ и поддержкой К. П. Побѣдоносцева, но такое предположеніе едва ли могло имѣть мѣсто, такъ какъ возбужденный въ докладѣ вопросъ не получилъ практическаго разрѣшенія и, насколько извѣстно, особое совѣщаніе и не приступало къ исполненію возложеннаго на него порученія. Повидимому, скорѣе можно предположить, что докладъ имѣлъ цѣлью произвести извѣстное впечатлѣніе на земскую общественную среду. Это предположеніе, какъ будто,

находитъ себѣ подтвержденіе въ дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій С. Ю. Витте.

Лѣтомъ 1899 г. министромъ вн. дѣлъ, И. Л. Горемыкинымъ, былъ составленъ законопроектъ о введеніи земскихъ учрежденій въ западныхъ губерніяхъ; проектъ этотъ до внесенія его на разсмотрѣніе государственнаго совѣта былъ препровожденъ во всѣ министерства для ихъ отзывовъ. Министръ финансовъ отозвался на законодательное предположеніе министра вн. дѣлъ обширной конфиденціальной запиской, въ которой далъ вопросу совершенно неожиданную постановку. Основная мысль, проведенная въ запискѣ, заключалась въ томъ, что прежде, чѣмъ поднимать вопросъ о территоріальномъ распространеніи земскихъ учрежденій, необходимо предварительно поставить и разрѣшить вопросъ—совмѣстимо ли вообще земское самоуправленіе съ самодержавіемъ? Изложить вкратцѣ содержаніе записки очень трудно и даже, думается мнѣ, излишне, такъ какъ обширный трудъ С. Ю. Витте получилъ большое распространеніе; онъ былъ напечатанъ за границей редакціей „Освобожденья“ особой книгой, озаглавленной „Самодержавіе и земство“, въ 1908 г. записка появилась въ печати въ С.-Петербургѣ съ предисловіемъ Череванина и наконецъ въ 1914 г. записка была издана самимъ гр. С. Ю. Витте въ видѣ книги, носящей заголовокъ—„По поводу непреложности законовъ государственной жизни“.

Мнѣ пришлось ознакомиться съ запиской министра финансовъ вскорѣ послѣ ея выпуска въ ноябрѣ 1899 г. Она была прислана мнѣ для прочтенья кн. А. А. Ливеномъ, состоявшимъ управляющимъ дворянскимъ и крестьянскимъ банками, лицомъ, пользовавшимся особымъ расположеніемъ С. Ю. Витте. Кн. А. А. Ливенъ, съ которымъ я находился въ близкихъ отношеніяхъ, писалъ мнѣ, что сообщаетъ записку не только съ вѣдома, но и по желанію ея автора, и просилъ меня, возвращая записку, написать мое о ней мнѣніе.

Читая записку въ первый разъ, я испытывалъ чувство глубокаго возмущенія, такъ какъ авторъ выступалъ въ ней, какъ бы, противникомъ развитія общественной самодѣятельности и, казалось мнѣ, признавалъ необходимость упраздненія земства. Въ запискѣ доказывалась несовмѣстимость земскаго самоуправленія съ самодержавнымъ строемъ государства и говорилось, что формула славянофиловъ — „самоуправляющаяся мѣстно

земля съ самодержавнымъ царемъ во главѣ"—должна быть признана несостоятельной, а такое заключеніе противорѣчило моимъ убѣжденіямъ. Однако, кончая первое чтеніе и въ особенности послѣднихъ главъ записки, я почувствовалъ, что мое первое впечатлѣніе, повидимому, ошибочно, что записка преслѣдуетъ иную цѣль, чѣмъ ту, которая въ ней официально выставлена; я еще болѣе укрѣпился въ моемъ заключеніи, прочтя записку вторично и дѣлая изъ нея выписки. Хотя авторъ и говоритъ, что „въ трудномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ государственнаго управленія надо быть прежде всего искреннимъ", но онъ самъ этимъ путемъ не слѣдуетъ. Я пришелъ къ выводу, что С. Ю. Витте убѣжденный конституціоналистъ и что главная цѣль его записки доказать неизбѣжность конституціи для Россіи. Хотя въ концѣ записки онъ и говоритъ, что „конституція вообще великая ложь нашего времени", но это положеніе авторъ не пытается подтвердить какими либо вѣскими доводами, а мнѣніе противоположное, какъ будто авторомъ нераздѣляемое, въ записки пространно изложено и съ убѣдительностью выдвинуто. С. Ю. Витте не высказывается принципіально противъ мѣстнаго самоуправленія, признаетъ его, какъ наиболѣе удобную форму для завѣдыванія мѣстными дѣлами, но въ то же время въ запискѣ неоднократно говорится, что земскія учрежденія, чтобы оправдать свое назначеніе, должны пользоваться самостоятельностью, а это условіе невозможно при самодержавномъ строѣ „съ неизбѣжнымъ при немъ бюрократическимъ центромъ". Въ сущности вопросъ въ запискѣ ставился такъ: земскія учрежденія, обезпеченныя необходимой имъ самостоятельностью, вполнѣ отвѣчаютъ своему назначенію, но предоставленіе народному представительству участія въ управленіи мѣстномъ предрѣшаетъ необходимость предоставленія ему участія въ управленіи государственномъ, а такъ какъ это противорѣчитъ принципу самодержавія, то, слѣдовательно, нужно выбирать одно изъ двухъ. Какъ человѣкъ широкаго кругозора, С. Ю. Витте понималъ, что полумѣры хуже всего и что необходимо опредѣленно рѣшить—куда намъ итти? Поставивъ такъ вопросъ, онъ, однако, какъ царедворецъ и министръ, дорожащій своимъ положеніемъ, высказывается, какъ будто, за самодержавіе и говоритъ о необходимости „поставить правительственные органы въ тѣсную связь съ обществомъ", но, какъ разрѣшить эту задачу, онъ не указываетъ. Записка заканчивается

словами: „ничто такъ не подавляетъ самодѣятельности общества, не подрываетъ въ такой мѣрѣ престижа власти, какъ частое и широкое примѣненіе репрессивныхъ мѣръ. Мѣры эти, мѣры опасныя и продолженіе ихъ примѣненія либо приводитъ ко взрыву, либо дѣйствительно обращаетъ все населеніе въ безсвязныя толпы, въ людскую пыль". Послѣ вторичнаго чтенія я пришелъ къ убѣжденію, что С. Ю. Витте, сочувствуя конституціонному режиму, даетъ въ своей запискѣ матеріалъ для освѣщенія вопроса, желаетъ, чтобы вопросъ былъ поставленъ ребромъ, а самъ до поры, до времени предпочитаетъ оставаться въ сторонѣ. Если конституціонныя вѣянія возьмутъ верхъ, С. Ю. Витте поспѣшитъ къ нимъ открыто присоединиться, если же восторжествуетъ противоположное мнѣніе и будетъ признана необходимость ограниченія мѣстнаго самоуправленія, то, вѣроятно, С. Ю. Витте разсчитывалъ, что такое рѣшеніе вопроса укрѣпитъ и усилитъ отрицательное отношеніе общества къ существующему строю и приблизитъ время неизбѣжнаго „взрыва", о которомъ говорится въ концѣ записки.

Изложенныя мысли и предположенія я сообщилъ въ письмѣ кн. А. А. Ливену. Онъ отвѣчалъ, что раздѣляетъ мое заключеніе и что онъ въ этомъ смыслѣ уже ранѣе говорилъ съ С. Ю. Витте, на что послѣдній отозвался такими словами: „Повѣрьте, если бы Государь былъ другого образа мыслей, то я первый сталъ бы говорить, какъ Чичеринъ и Градовскій, но я смотрю на себя, какъ на приказчика моего Государя, а его взгляды безусловно самодержавные. Нужно умѣть служить своему Государю и много можно сдѣлать полезнаго".

Ближайшимъ послѣдствіемъ записки министра финансовъ было удаленіе И. Л. Горемыкина съ поста министра вн. дѣлъ и назначеніе на его мѣсто Д. С. Сипягина, кандидатура котораго, какъ говорили, была выдвинута С. Ю. Витте. Чѣмъ руководился С. Ю. Витте, выставляя кандидатуру Д. С. Сипягина, установить опредѣленно, конечно, очень трудно, но невольно приходитъ на умъ мысль, не имѣлъ ли онъ въ виду, что Д. С. Сипягинъ былъ человѣкомъ, способнымъ довести реакціонную, репрессивную политику въ отношеніи къ общественному самоуправленію до крайности, и тѣмъ содѣйствовать накопленію въ широкихъ кругахъ общества сознанія необходимости искать выхода изъ тяжелаго, невыносимаго положенія, угнетавшаго всѣ стороны общественной и государственной жизни.

ГЛАВА V.

Разладъ между правительствомъ и обществомъ. Сознаніе необходимости организованнаго взаимодѣйствія государственной власти и населенія. Предположеніе о подачѣ въ этихъ цѣляхъ Государю записки общественными дѣятелями въ 1901 году. Мое политическое жизнепониманіе.

Политика правительства, полная недовѣрія къ общественной самодѣятельности и ставившая себѣ цѣлью ограниченіе необходимой земству самостоятельности и стѣсненіе развитія земской дѣятельности, вызываемаго требованіями жизни, воспитывала въ земской средѣ и въ широкихъ общественныхъ кругахъ чувства недовольства, обиды, раздраженія и лишала земскія учрежденія возможности работать спокойно и успѣшно. Работу въ земскихъ управахъ можно было сравнить съ работой паровой машины, поставленной въ неблагопріятныя условія, при которыхъ бо́льшая часть развиваемой машиной энергіи затрачивается на непроизводительное треніе и лишь меньшая ея часть идетъ на полезную работу. При составленіи плана работъ въ какой-либо отрасли земскаго дѣла и при ихъ постановкѣ нужно было имѣть въ виду не только требованія цѣлесообразности, а приходилось затрачивать много вниманія, времени и силъ для предупрежденія всегда возможнаго противодѣйствія административной власти, но, однако, всѣ предосторожности оказывались недостаточными и земская работа обрекалась неизбѣжно на продолжительныя, непроизводительныя тренія. Но въ то же время политика правительства побуждала всѣ, участвовавшіе въ земской работѣ, элементы сплачиваться между собой тѣснѣе для болѣе интенсивной земской дѣятельности, не считаясь съ встрѣчаемыми препятствіями. На этой почвѣ окрѣпли и усилились взаимодѣйствіе и болѣе живая связь между земскими выборными представителями и приглашаемыми управами на земскую службу работниками, такъ называемымъ, „третьимъ элементомъ“. Это условіе благопріятно отразилось на размахѣ земской дѣятельности и земская жизнь, и земская работа получили болѣе опредѣленный демократическій характеръ.

Другимъ положительнымъ послѣдствіемъ прискорбнаго отношенія правительства къ земскому самоуправленію явилось стремленіе губернскихъ земствъ къ объединенію. Представители губернскихъ управъ широко пользовались всякимъ случаемъ, какъ-то: различныя офиціальныя событія и разнаго рода съѣзды по вопросамъ, соприкасавшимся съ земской дѣятельностью, для того, чтобы собираться между собой, и въ этихъ собраніяхъ обсуждались разные вопросы земской жизни, а въ ихъ ряду болѣе всего сосредоточивалъ на себѣ общій интересъ, самый жгучій вопросъ—о положеніи, создаваемомъ слѣпой политикой власти. Такое же стремленіе къ живому общенію проявлялось вообще въ земской средѣ, какъ со стороны земскихъ гласныхъ, такъ и со стороны „третьяго элемента“ въ земствѣ.

Отношенія правительства къ общественному самоуправленію не замедлили отразиться и на широкихъ кругахъ общества. Въ обществѣ возросъ интересъ къ дѣятельности общественныхъ учрежденій; засѣданія земскихъ собраній и городскихъ думъ привлекали значительное количество публики и чувствовалось, что общество видитъ въ земствѣ своего главнаго представителя и выразителя интересовъ всего населенія.

Реакціонная политика получила свое вполнѣ опредѣленное направленіе со вступленіемъ на престолъ императора Александра III и въ первое время не встрѣтила сильнаго недовольства и противодѣйствія со стороны общества, которое въ подавляющемъ большинствѣ находилось подъ вліяніемъ чувства глубокаго возмущенія, вызваннаго позорнымъ въ исторіи Россіи актомъ,—цареубійствомъ Императора Александра II, положившаго рядомъ великихъ реформъ начало обновленію нашей государственной и общественной жизни. Въ скоромъ времени, однако, общество очнулось подъ вліяніемъ быстро усиливавшейся реакціонной дѣятельности власти и вышло изъ пассивнаго состоянія, въ которомъ оно находилось. Эта перемѣна общественнаго настроенія въ значительной мѣрѣ обусловилась сознаніемъ, что характеръ политики власти опредѣлялся не столько вожделѣніями бюрократіи, а имѣлъ своего вдохновителя въ лицѣ царствовавшаго государя. Александръ III не признавалъ допустимымъ активное участіе общественныхъ элементовъ въ государственной жизни и послѣдовательно проводилъ принципъ административной централизаціи. Человѣкъ, сильнаго характера и крѣпкой

воли, онъ хотѣлъ *самъ* всѣмъ управлять и во всѣхъ членахъ государственнаго управленія видѣлъ только исполнителей *своей* воли. Если онъ искалъ, какъ бы, опоры въ дворянствѣ, то онъ смотрѣлъ на представителей этого сословія, главнымъ образомъ, какъ на добровольныхъ чиновниковъ на мѣстахъ для наблюденія за остальными элементами общества. Въ основѣ политическаго пониманія Александра III лежала роковая, глубокая, принципіальная ошибка—отождествленіе самодержавія съ самовластіемъ. Обществу было совершенно ясно, что во время царствованія Александра III нельзя было ожидать перемѣны въ политикѣ власти, и въ средѣ общественныхъ учрежденій, стоявшихъ въ болѣе близкомъ соприкосновеніи съ правительственными мѣропріятіями, естественно возникалъ вопросъ—какими мѣрами возможно было бы повліять на измѣненіе создавшагося положенія?

При вступленіи на престолъ Императора Николая II въ земствѣ появилась было надежда, что молодой государь сознаетъ необходимость сближанія власти съ обществомъ и созданія ихъ взаимодѣйствія, но эти надежды тотчасъ же потерпѣли крушеніе. Уже въ манифестѣ 20 октября 1894 г. по случаю восшествія на престолъ было, между прочимъ, сказано, что молодой императоръ ни въ чемъ не уклонится отъ вполнѣ миролюбивой, твердой и прямодушной политики своего отца. Губернскія земскія собранія поспѣшили обратиться къ государю съ адресами, въ которыхъ говорилось: о желательности довѣрія власти къ общественнымъ учрежденіямъ, о необходимости единенія и совмѣстной работы правительства и общественныхъ силъ, о предоставленіи земству доступа его голоса о нуждахъ народа къ престолу и тому подобное, но ни въ одномъ адресѣ не говорилось объ измѣненіи существующаго государственнаго строя. Эти, вполнѣ законныя и справедливыя пожеланія и надежды, высказанныя въ адресахъ многихъ земствъ, были встрѣчены, однако, съ недовольствомъ и съ раздраженіемъ, которыя проявились опредѣленно и очень рѣзко 17 января 1895 года при пріемѣ въ дворцѣ депутацій, приносившихъ поздравленія по случаю бракосочетанія государя. Въ рѣчи, обращенной къ депутаціямъ, Николай II, между прочимъ, сказалъ: „Мнѣ извѣстно, что въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся безсмысленными мечтаніями объ участіи представителей земства въ дѣлахъ вну-

тренняго управленія; пусть всѣ знаютъ, что я, посвящая всѣ свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его мой незабвенный покойный родитель". Эти слова свидѣтельствовали, что новый императоръ не уяснялъ себѣ значеніе общественныхъ силъ въ государственной жизни и склоненъ былъ раздѣлять неправильное пониманіе своимъ предшественникомъ идеи и принципа самодержавія.

И дѣйствительно, съ воцареніемъ Николая II условія нашей государственной жизни не измѣнились къ лучшему: преслѣдованія общественной самодѣятельности не прекратились, отношенія правительства къ общественнымъ учрежденіямъ не измѣнились и попрежнему продолжалъ господствовать въ странѣ неограниченный произволъ административной власти. Правительство теряло всякое уваженіе и необходимое ему довѣріе со стороны общества, а образъ дѣйствій правительства все больше колебалъ авторитетъ верховной власти, именемъ которой правительство дѣйствовало. Безсмысленный порядокъ управленія, неуваженіе дѣйствовавшихъ законовъ и безправіе народныхъ массъ систематически воспитывали во всѣхъ слояхъ населенія недовольство, раздраженіе и отрицательное отношеніе къ государственному строю, при которомъ такой порядокъ былъ возможенъ. Остро сознавалась настоятельная потребность создать и укрѣпить всегда необходимую въ государствѣ тѣсную связь власти съ обществомъ на основѣ взаимнаго довѣрія и уваженія. Сознавалась необходимость въ такомъ государственномъ преобразованіи, которое, съ одной стороны, открывало бы возможность представителямъ населенія участвовать въ выясненіи общихъ и мѣстныхъ нуждъ государственной жизни, а, съ другой,—укрѣпляло бы нравственный авторитетъ власти путемъ ея живого общенія и тѣснаго единенія съ представительствомъ населенія. Чувствовалось, что если въ ближайшемъ времени не будетъ совершена сверху необходимая реформа, вызываемая государственною предусмотрительностью, то въ не далекомъ будущемъ верховная власть будетъ вынуждена ходомъ вещей и подъ вліяніемъ быстро нараставшаго въ странѣ оппозиціоннаго настроенія согласиться на болѣе коренное преобразованіе нашего государственнаго строя.

Эти мысли постоянно и все съ большимъ напряженіемъ

обсуждались въ частныхъ собраніяхъ земскихъ и общественныхъ дѣятелей. Многими лицами высказывалось, что молодой государь мало и плохо подготовленъ къ отвѣтственному дѣлу государственнаго управленія, не имѣетъ яснаго представленія о настроеніяхъ общественныхъ круговъ, незнакомъ съ нуждами населенія и находится подъ вліяніемъ окружающихъ его безотвѣтственныхъ совѣтчиковъ изъ представителей бюрократіи, предъ нимъ раболѣпствующихъ и въ то же время его именемъ самовластно управляющихъ государствомъ. На основѣ этихъ соображеній возникло предположеніе составить записку съ изложеніемъ въ ней существенныхъ недостатковъ существующаго порядка государственнаго управленія и съ указаніемъ главныхъ основъ необходимаго преобразованія, предложить ее подписать всѣмъ губернскимъ предводителямъ дворянства, предсѣдателямъ губернскихъ управъ, городскимъ головамъ болѣе крупныхъ городовъ и нѣкоторымъ общественнымъ дѣятелямъ, пользующимся особымъ уваженіемъ общества, и затѣмъ представить эту записку черезъ избранныхъ лицъ непосредственно Государю. Мнѣ было поручено (зимой 1900—1901 гг.) организовать въ Москвѣ кружокъ для детальнаго обсужденія вопроса, выработки основныхъ положеній, составленія записки и вообще для осуществленія возникшаго предположенія. Участіе въ дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса приняли: кн. П. Н. Трубецкой, Н. А. Хомяковъ, М. А. Стаховичъ, Ѳ. Д. Самаринъ, кн. С. Н. Трубецкой, кн. П. Д. Долгоруковъ, *) Р. А. Писаревъ, Н. В. Давыдовъ и В. О. Ключевскій, въ которомъ всѣ участники видѣли желательнаго редактора предполагаемой записки. Приглашенный къ участію московскій городской голова, К. В. Рукавишниковъ, уклонился отъ сдѣланнаго ему предложенія по принципіальному несочувствію къ возникшему предположенію. Послѣ предварительнаго обмѣна мнѣніями и мыслями между собравшимися лицами, различныхъ политическихъ воззрѣній, было признано необходимымъ прежде всего намѣтить тѣ основныя положенія, которыя должны быть развиты и обоснованы въ запискѣ и которыя были бы пріемлемы для всѣхъ участниковъ. Составленіе проекта такого рода тезисовъ было возложено на меня. Прежде, чѣмъ привести содержаніе проектированныхъ

*) Кн. Павелъ Дмитріевичъ Долгоруковъ.

мной тезисовъ, я считаю необходимымъ изложить основанія моего политическаго жизнепониманія, которыми я руководился при выполненіи даннаго мнѣ порученья.

Я приступаю къ этой задачѣ съ чувствомъ невольной робости и большого смущенія. Я не искушенъ въ философскомъ мышленіи и никогда не занимался научными изслѣдованіями, не имѣя для того необходимой подготовки и не обладая достаточнымъ научнымъ багажомъ. Меня смущаетъ опасеніе, чтобы читатель моихъ „воспоминаній“ не усмотрѣлъ въ изложеніи моего пониманія политической жизни попытку представить опредѣленную, обоснованную систему. Я далекъ отъ попытки разрѣшенія такой сложной проблемы, но, давая отчетъ о моей общественной дѣятельности, я считаю необходимымъ изложить тѣ соображенія, мысли и идеи, которыми я руководился при своихъ выступленіяхъ политическаго характера.

Мое пониманіе цѣлей и задачъ государственной жизни и соотвѣтствующаго имъ государственнаго строя вытекаетъ изъ моего общаго міросозерцанія, основы котораго приведены въ предисловіи къ настоящимъ запискамъ. Эволюція соціальной и государственной жизни представляется мнѣ процессомъ постепеннаго развитія и осуществленія идей, усвояемыхъ общественнымъ сознаніемъ. Вся исторія человѣчества можетъ быть разсматриваема, какъ поступательное движеніе въ мірѣ идей, какъ постепенный переходъ отъ идей низшихъ къ идеямъ высшимъ. Однѣ идеи руководили жизнью человѣчества въ прошломъ, другія, сознаваемыя большинствомъ людей въ данное время, получаютъ свое выраженіе въ современномъ строѣ общественной и политической жизни, а въ будущемъ нельзя не предвидѣть дальнѣйшее уясненіе сознаніемъ всего человѣчества новыхъ идей и ихъ вліяніе на измѣненіе быта и уклада жизни во всѣхъ областяхъ людскихъ отношеній. Не рѣдко, конечно, приходится наблюдать въ развитіи жизни человѣчества тѣ или иныя измѣненія, происходящія подъ вліяніемъ борьбы и насилія, но создающіяся такимъ путемъ положенія не являются прочными; только идеи и принципы служатъ устойчивыми основами улучшенія жизни. Общественный прогрессъ всегда выражается въ освобожденіи отъ вліянія идей, которыя человѣчество переросло въ своемъ духовномъ развитіи, и въ возраста-

ющемъ сознаніи долга заботиться не столько о своемъ личномъ благополучіи, сколько стремиться къ обезпеченію блага общаго. Царство истины, добра и высшей правды—конечная цѣль міра, заключающая въ себѣ смыслъ мірового прогресса и его разумное основаніе.

Движеніе въ мірѣ идей направляется, съ одной стороны, работой человѣческаго разума, непрестаннымъ развитіемъ человѣческой мысли, а съ другой,—стремленіями духовной природы человѣка и свойственнымъ ей религіознымъ сознаніемъ. Это движеніе въ мірѣ идей можетъ совершаться въ надлежащемъ направленіи только при условіи единовременнаго и согласованнаго вліянія двухъ указанныхъ факторовъ и, даже вѣрнѣе, при преобладаніи послѣдняго надъ первымъ. Однако, въ процессѣ развитія усвояемыхъ человѣчествомъ идей наблюдается скорѣе преобладаніе раціонализма надъ религіознымъ сознаніемъ и въ зависимости отъ этого слагаются—жизнь личная и общественный строй. Господство раціонализма сосредоточиваетъ вниманіе преимущественно на условіяхъ жизни окружающаго людей матеріальнаго міра, выдвигаетъ на первый планъ потребности матеріальной природы человѣка и невольно заглушаетъ въ немъ голосъ его духовной сущности. Люди становятся склонными наблюдать въ жизни міра, главнымъ образомъ, проявленіе въ ней матеріальныхъ, физическихъ силъ, поддающихся изслѣдованію человѣческаго разума, и даже укладъ и измѣненія общественнаго строя и соціальныхъ отношеній нерѣдко разсматриваются и понимаются, съ точки зрѣнія раціонализма, какъ процессъ естественно-историческій, слагающійся и развивающійся подъ вліяніемъ закона борьбы за существованіе, борьбы силъ экономическихъ и классовыхъ. Такъ, напримѣръ, Карлъ Марксъ въ предисловіи къ своему „Капиталу“ говоритъ: „Та точка зрѣнія, на которой я стою, считаетъ развитіе экономическихъ общественныхъ формацій—естественно-историческимъ процессомъ“. Этотъ процессъ признается, какъ будто, неизбѣжнымъ, независящимъ или мало зависящимъ отъ воли человѣка, и люди сосредоточиваютъ силу своего разума на изученіи и выясненіи закономѣрности этого, признаваемаго ими естественно-историческимъ, процесса.

Однако, разумъ же свидѣтельствуетъ человѣку, что онъ обладаетъ сознаніемъ своего личнаго „я“, что онъ надѣленъ

свободной волей, что ему присущи сознаніе добра и зла и чувство нравственной отвѣтственности за свои дѣйствія, и что человѣкъ является участникомъ жизни всего космоса въ его вѣчности и пространственной безконечности. Эти свидѣтельства разума воспитываютъ въ человѣкѣ сознаніе несомнѣнной и неразрывной связи жизни его личнаго „я“ съ жизнью всего космоса. Природа человѣка двойственна и состоитъ изъ тѣла и самосознающаго себя духа. Если наука съ несомнѣнностью подтверждаетъ вѣчность матеріи, измѣняющейся лишь въ своихъ формахъ, и если, слѣдовательно, матерія, изъ которой создано человѣческое тѣло, также вѣчно, то не можетъ быть мѣста предположенію, чтобы самосознающій себя духъ человѣка могъ бы не быть вѣчнымъ. Для человѣческаго разума навсегда останутся великой тайной, какъ появленіе въ сей жизни въ матеріальной оболочкѣ его сознающаго себя „я“, такъ и будущее этого „я“ послѣ нарушенія его временной связи съ этой оболочкой, но безсмертіе души человѣка и связь ея съ духовной жизнью всего космоса представляются несомнѣнными. Двойственность природы людей, думается мнѣ, не можетъ не ощущаться каждой сознающей себя личностью. Въ каждомъ человѣкѣ всегда происходитъ внутренняя борьба матеріальной и духовной его природы. Матеріальная природа вызываетъ въ немъ желанія возможно полнаго удовлетворенія его матеріальныхъ потребностей и пробуждаетъ въ немъ животные инстинкты; духовная природа побуждаетъ человѣка ограничивать потребности его матеріальной оболочки и призываетъ его на путь неустаннаго стремленія къ нравственному совершенствованію. Результаты соперничества этихъ двухъ началъ человѣческой природы всегда проявляются въ характерѣ и образѣ дѣйствій каждаго человѣка.

Жизнь, какъ матеріальнаго міра, такъ равно и міра духовнаго, направляется предвѣчными законами Божественнаго Разума. Различіе здѣсь, видится мнѣ, только въ слѣдующемъ: физическіе законы природы дѣйствуютъ постоянно, неизмѣнно и независимо отъ воли человѣка, который, изучая ихъ, пользуется ими и примѣняетъ ихъ для удовлетворенія своихъ матеріальныхъ потребностей; въ проявленіи же дѣятельности своей духовной сущности человѣкъ, надѣленный Провидѣніемъ способностью самоопредѣленія своихъ дѣйствій, можетъ по своей

волѣ поступать такъ или иначе. Но смыслъ нашей жизни, вѣрю я, заключается въ томъ, чтобы люди стремились творить въ семъ мірѣ не свою личную волю, руководимые побужденіями нашей матеріальной природы, а въ томъ, чтобы уяснить себѣ и осуществлять въ сей жизни волю Міродержавнаго Начала, посылающаго насъ въ міръ. Съ благодарностью вспоминаю всегда профессора П. Г. Рѣдкина, говорившаго въ своихъ лекціяхъ, что смыслъ человѣческой жизни заключается въ томъ, чтобы человѣкъ сознательно и вполнѣ *свободно* поступалъ такъ, какъ это ему совершенно *необходимо* по его духовной природѣ.

Сложившіяся соціальныя отношенія и строй государственной жизни едва ли возможно разсматривать, какъ стадіи естественно-историческаго процесса. Эти отношенія и строй являются послѣдствіемъ коллективной воли цѣлаго ряда поколѣній людей, въ подавляющемъ своемъ большинствѣ смотрѣвшихъ и еще разсматривающихъ жизнь, какъ процессъ постоянной борьбы разныхъ силъ. Но если люди, путемъ воспитанія въ себѣ духовнаго сознанья, были бы проникнуты убѣжденіемъ въ необходимости согласовать свою волю съ волей Высшаго Разума, управляющаго всѣмъ міромъ, то, несомнѣнно, весь нашъ соціальный и политическій строй получилъ бы совсѣмъ иную структуру. Религія служитъ путемъ, открывающимъ человѣку смыслъ его жизни и уясняющимъ ему Божественный законъ его земного существованія. Сущность этого закона открыта намъ, христіанамъ, въ Евангельскомъ ученіи, призывающемъ всѣхъ людей къ сознанію лежащаго на нихъ нравственнаго долга, къ проявленію дѣятельной любви и къ постоянному стремленію содѣйствовать всѣми своими силами всечеловѣческому единенію. Религія должна воспитывать пониманіе духовныхъ интересовъ и подготовлять людей къ новому культурному строю. Когда большинство людей дѣйствительно проникнется высокими идеалами ученія Христа и признаетъ своимъ свободнымъ долгомъ служить всѣмъ своимъ разумѣніемъ и всѣми своими силами осуществленію въ нашей жизни этихъ идеаловъ, тогда весь соціальный строй самъ по себѣ долженъ будетъ постепенно измѣниться и въ дальнѣйшемъ будетъ развиваться въ совершенно иномъ направленіи. Необходимо понять и признать, что современный укладъ всей жизни является, главнымъ образомъ, послѣдствіемъ ошибокъ человѣчества въ устроеніи своей

жизни, благодаря игнорированію или только формальному исповѣдованію требованій религіознаго сознанія. Я вѣрю, что люди постепенно придутъ къ сознанію невозможности осуществленія общаго блага путемъ вѣчной борьбы интересовъ и классовыхъ силъ, хотя бы и регулируемой тѣмъ или инымъ правовымъ порядкомъ, и приступятъ къ постепенному переустройству жизни на другихъ началахъ, болѣе соотвѣтствующихъ духовной сущности человѣка. Лозунгъ—„въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“ долженъ уступить мѣсто признанію, что права и свобода человѣка могутъ быть обезпечены всѣмъ равно лишь при сознаніи моральной солидарности всѣхъ людей между собой. Творческимъ предначертаніемъ должны воодушевиться жизнь и развитіе общества совершенно такъ же, какъ имъ обусловливается жизнь и развитіе индивидуальной личности.

Основой правильнаго развитія общественной жизни служитъ внутреннее устроеніе личности, заключающееся въ уясненіи каждымъ человѣкомъ смысла своей личной жизни среди жизни всего міра и въ воспитаніи въ себѣ сознанья лежащаго на человѣкѣ нравственнаго долга и личной его отвѣтственности. Но забота религіозно-мыслящаго человѣка о внутреннемъ устроеніи своей личности не можетъ освобождать его отъ выполненія его обязанностей, лежащихъ на немъ, какъ на членѣ общества. Человѣкъ по волѣ Провидѣнія и по свойству своей природы, какъ матеріальной, такъ и духовной, предназначенъ жить въ обществѣ себѣ подобныхъ и, состоя членомъ общества, онъ долженъ сознавать свою отвѣтственность въ устроеніи жизни общественной, являющейся плодомъ коллективнаго разума и коллективной воли всѣхъ людей. „Задача каждаго человѣка въ отдѣльности“, говоритъ совершенно вѣрно Гершензонъ въ своихъ „Историческихъ запискахъ“, „сводится къ тому, чтобы правильно устроить свой духъ; общественное же призваніе человѣка заключается въ томъ, чтобы и лично помогать другимъ въ устроеніи ихъ духа и совмѣстно съ другими содѣйствовать такому устроенію общаго быта, при которомъ основная, индивидуальная цѣль достигалась бы всѣми членами общества возможно легче“ *). Каждый членъ общества долженъ сознавать свою общественную обязанность по мѣрѣ силъ содѣйствовать устране-

*) М. Гершензонъ. „Историческія записки“, стр. 135.

нію изъ общественной жизни всего того, что раздѣляетъ людей, и введенію въ нее всего того, что можетъ ихъ объединять. При искреннемъ желаніи блага всѣмъ людямъ не можетъ имѣть мѣста борьба между ними и должно создаться ихъ единеніе. Замѣна въ мірѣ господства насилія доброжелательнымъ единеніемъ людей зависитъ отъ силы ясности сознанія большинствомъ людей нравственной отвѣтственности, лежащей на нихъ, какъ на отдѣльныхъ личностяхъ и какъ на членахъ общества.

Признавая внутреннее устроеніе личности главной основой улучшенія и устроенія всего соціальнаго строя, нельзя въ то-же время не принять во вниманіе, что перевоспитаніе человѣческой души совершается постепенно и что существенное воздѣйствіе этой основы на общественную жизнь возможно лишь тогда, когда сознаніе высокихъ идеаловъ, поставленныхъ предъ человѣчествомъ, сдѣлается достояніемъ большинства людей. Но и въ этомъ случаѣ, несомнѣнно, всегда многіе члены общества будутъ отставать въ своемъ духовномъ развитіи, будутъ попрежнему склонны преслѣдовать по преимуществу интересы своего личнаго или классоваго благополучія и въ борьбѣ за нихъ будутъ посягать на соціальный порядокъ, установленный согласно сознанію большинства. Стремясь къ осуществленію того, *что должно быть*, нельзя не считаться съ тѣмъ, *что есть* при существующемъ строѣ жизни и что на долгое время сохранитъ еще неизбѣжно свое вліяніе въ жизни человѣчества. Люди своей духовной природой призваны къ постоянному стремленію осуществить въ сей жизни законы высшей правды и любви, но возможно ли полное осуществленіе на землѣ этихъ высокихъ идеаловъ—знать людямъ не дано. Тѣмъ не менѣе, постоянное стремленіе къ уясненію и усвоенію человѣческимъ сознаніемъ высокихъ идеаловъ, предуказуемыхъ Божественнымъ Разумомъ, является необходимымъ условіемъ для постепеннаго улучшенія и дѣйствительнаго усовершенствованія личной и общественной жизни. Только при этомъ условіи возможенъ несомнѣнный прогрессъ въ жизни человѣчества и только это условіе можетъ предостерегать отъ роковой ошибки, заключающейся въ признаніи правильности и закономѣрности того направленія, въ которомъ развивается личная и соціальная жизнь въ настоящее время, и въ отождествленіи того, *что есть*, съ тѣмъ, *что должно быть*. Идеалы высшей правды, любви и всечеловѣческаго

единенія должны всегда служить людямъ маякомъ, освѣщающимъ имъ жизненный путь, ведущій отъ преходящаго личнаго къ всеобъемлющему вѣчному.

По несовершенству человѣческаго рода люди не могутъ обойтись безъ организованнаго порядка общественной жизни и безъ организованнаго элемента принужденія, которые представляются государствомъ. Государство—необходимое и неизбѣжное условіе общественной жизни, но оно является не самодовлѣющей цѣлью своего существованія, а должно служить лишь средствомъ, содѣйствующимъ осуществленію высшей цѣли всего человѣческаго бытія. Государственный строй и установленный въ немъ правовой порядокъ должны исходить изъ признанія равенства всѣхъ людей и обезпеченія каждой личности полной свободы въ своемъ духовномъ развитіи и въ своихъ дѣйствіяхъ, не причиняющихъ ущерба и не производящихъ насилія по отношенію къ своимъ ближнимъ въ христіанскомъ значеніи этого слова. Государство должно всегда имѣть своей задачей улучшеніе общественной жизни ради всѣхъ своихъ членовъ. Исходя изъ убѣжденія, что дѣйствительный прогрессъ въ общественной жизни можетъ быть обезпеченъ только путемъ внутренняго устроенія личности, воспитанія въ населеніи государства нравственнаго настроенія и подъема его духа, государство въ своей дѣятельности должно руководиться принципами христіанской этики. Политика и общественное хозяйство должны направляться государствомъ къ тому, чтобы объединять людей, а не раздѣлять ихъ. Для этого необходимо, чтобы вся дѣятельность государства воспитывала въ своихъ гражданахъ сознаніе идеи долга и противодѣйствовала силой своего моральнаго авторитета стремленію людей къ отстаиванію и противоположенію своихъ личныхъ или классовыхъ интересовъ. Государство должно вести народъ къ тому, чтобы онъ всегда стремился къ нравственному совершенствованію. При этомъ условіи не можетъ быть и рѣчи о подавленіи личности, и государство должно всегда открывать широкій просторъ для развитія личной и общественной самодѣятельности. Идея единенія людей должна служить главнымъ основаніемъ государственнаго строя и политики государства.

Въ основу государства полагаются два принципа: принципъ права и принципъ власти. Необходимость этихъ двухъ началъ,

какъ и неизбѣжность государственнаго строя вообще, обусловливается несовершенствомъ человѣка, надѣленнаго свободной волей, но не достигшаго надлежащаго развитія своего нравственнаго сознанія и потому способнаго при проявленіи своей дѣятельности нарушать нормальное теченіе жизни общества или отдѣльныхъ его членовъ. Устанавливаемыя государствомъ правовыя нормы имѣютъ цѣлью оградить общество отъ посягательствъ со стороны злой воли людей. Но право само по себѣ не имѣетъ абсолютнаго значенія и содержанія. Въ каждый періодъ исторической жизни пониманіе сущности права находится въ тѣсной связи со степенью развитія современнаго нравственнаго сознанія общества. То, что признавалось правильнымъ и узаконялось правовыми нормами въ прежнее, пережитое человѣчествомъ время, съ ростомъ его духовнаго сознанія представляется уже нерѣдко даже преступнымъ. Такъ, напримѣръ, рабство и крѣпостная зависимость людей не возмущали прежде человѣческой совѣсти и эти явленія въ теченіе продолжительнаго времени не вступали въ противорѣчіе съ современнымъ имъ пониманіемъ права и подтверждались дѣйствовавшими законами. И въ настоящее время современному пониманію права не противорѣчатъ установленныя жизнью право собственности на землю и капиталистическій строй промышленности, но, несомнѣнно, при дальнѣйшемъ развитіи духовной сущности человѣка и болѣе глубокомъ уясненіи людьми требованій высшей правды, право собственности на землю и капиталистическій строй должны будутъ уступить мѣсто инымъ порядкамъ и эта перемѣна не можетъ не отразиться на содержаніи и пониманіи идеи права. Право всегда стремится подойти возможно ближе къ требованіямъ высшей правды, уясняемымъ постепенно и послѣдовательно человѣческой совѣстью; оно является всегда отраженіемъ эволюціи нравственнаго, религіознаго сознанія человѣчества. Право—начало временное, юридическое и служитъ выраженіемъ современнаго сознанія человѣчествомъ начала вѣчнаго, нравственнаго закона, предуказываемаго Божественнымъ Разумомъ. Разсматривая правовое начало съ этой точки зрѣнія, нельзя не признать необходимымъ, чтобы правовыя нормы, устанавливаемыя государствомъ, не отставали отъ роста общественнаго сознанья, находились всегда въ соотвѣтствіи съ выясняющимися требованіями высшей правды и

справедливости и содѣйствовали тѣмъ дальнѣйшему воспитанію духа личности и общества.

Второму основному началу государства, государственной власти, въ прежнее время многіе были склонны придавать божественное происхожденіе и разсматривали власть, какъ божественное право монарха. Такое пониманіе совершенно не соотвѣтствуетъ условіямъ, вызывающимъ необходимость установленія власти въ государственномъ строѣ, и поставляемымъ ей задачамъ. Главнѣйшая задача государственной власти заключается въ охраненіи установленнаго въ государствѣ правового порядка, выражающагося въ дѣйствующемъ законодательствѣ, и въ огражденіи, путемъ примѣненія принужденія и матеріальной силы, государственнаго строя, общественной безопасности и личныхъ правъ всѣхъ гражданъ отъ посягательствъ злой воли людей. Необходимость власти такъ же, какъ и правового порядка вытекаетъ изъ грѣховности человѣка [и уклоненія людей отъ выполненія Божественнаго закона любви и высшей справедливости. Власть является неизбѣжнымъ условіемъ государственнаго строя, вслѣдствіе преобладанія въ жизни эгоистическихъ инстинктовъ и интересовъ надъ сознаніемъ нравственнаго долга, т.-е. необходимость власти обусловливается, главнымъ образомъ, господствомъ въ мірѣ зла. Въ то же время власть, носящая въ себѣ элементъ принужденія, всегда оказываетъ нѣкоторое развращающее вліяніе на обладающихъ ею и вызываетъ въ нихъ нерѣдко склонность къ злоупотребленію предоставленной имъ властью. Это свойство власти и условія, опредѣляющія необходимость ея существованія въ государствѣ, всегда вызывали во мнѣ отрицательное отношеніе къ идеѣ народовластія и народоправства. Провозглашеніе идеи народовластія и стремленіе осуществить ее въ государственномъ строѣ невольно выдвигаютъ на первый планъ значеніе личныхъ правъ гражданъ и заглушаютъ или отодвигаютъ на второй планъ сознаніе нравственнаго долга и обязанностей, лежащихъ на нихъ, какъ на людяхъ. Принципъ народоправства полагаетъ въ основу государственнаго строя личную волю, личныя права гражданъ, тогда какъ необходимое условіе государственной жизни, представляется мнѣ, должно заключаться въ подчиненіи личной воли инымъ, высшимъ началамъ. Идея народовластія, какъ бы, призываетъ всѣхъ гражданъ къ отстаиванію своихъ

правъ, поселяетъ въ нихъ переоцѣнку значенія личныхъ и классовыхъ интересовъ и тѣмъ неизбѣжно влечетъ людей на путь соціальной и политической борьбы.

Изложенныя соображенія воспитали во мнѣ убѣжденіе, въ силу котораго я признаю болѣе цѣлесообразнымъ, чтобы осуществленіе необходимой въ государствѣ высшей власти было возложено на одно лицо, стоящее внѣ столкновенія интересовъ отдѣльныхъ общественныхъ группъ, и чтобы носителемъ власти былъ наслѣдственный монархъ. Наслѣдственная монархія исключаетъ необходимость возложенія власти на новое лицо путемъ періодическихъ выборовъ, которые неизбѣжно вызываютъ въ государствѣ политическую борьбу и при которыхъ избранный такимъ порядкомъ носитель власти является невольно представителемъ побѣдившей политической группы, а это условіе лишаетъ его возможности сохраненія всегда необходимой объективности власти. Но, усматривая въ наслѣдственной монархіи наиболѣе соотвѣтствующую форму организаціи государственной власти, нельзя, однако, упускать изъ вида свидѣтельство исторіи всѣхъ народовъ, что монархическая власть очень часто склонна признавать себя властью, ничѣмъ неограниченной, и своими произвольными дѣйствіями нарушать и подавлять права и свободу гражданъ. Такія злоупотребленія являются послѣдствіемъ неправильнаго пониманія сущности и задачъ государственной власти и они прежде всего нарушаютъ крѣпкую связь власти съ населеніемъ, всегда и безусловно необходимую въ государственномъ строѣ. Власть монарха должна быть сильной, но она можетъ быть таковой только въ томъ случаѣ, когда она пользуется довѣріемъ народа. Монархъ долженъ всегда и прежде всего смотрѣть на свою власть, какъ на обязанность, возложенную на него, tacito consensu, всѣмъ народомъ, и осуществлять свою власть согласно съ требованіями народнаго сознанія. Слѣдуя этимъ путемъ, власть должна стремиться къ созданію и развитію тѣснаго единенія съ населеніемъ, быть всегда освѣдомленной о его нуждахъ и всѣми силами содѣйствовать развитію личной и общественной самодѣятельности.

Исторія подтверждаетъ, что у всѣхъ народовъ рано или поздно вводится въ томъ или другомъ видѣ выборное представительство, которое вноситъ въ государственную жизнь непосредственное знаніе мѣстныхъ и общихъ потребностей страны.

Народное представительство является необходимымъ условіемъ живого единенія государственной власти съ населеніемъ, но при организаціи народнаго представительства имѣетъ громадное значеніе для правильнаго развитія государственной жизни идея, которая полагается въ основу взаимодѣйствія власти и народа. Въ основѣ конституціоннаго строя лежитъ, преимущественно, идея права. Конституціонный строй устанавливается, главнымъ образомъ, въ цѣляхъ огражденія народа отъ произвола государей, и основывается, какъ бы, на противоположеніи интересовъ власти и населенія. Конституціонная теорія преслѣдуетъ ограниченіе правъ государственной власти и расширеніе правъ народнаго представительства и тѣмъ, какъ-будто, возводитъ въ принципъ систему неизбѣжныхъ между ними соперничества и борьбы. Этотъ принципъ противорѣчитъ всему моему жизнепониманію. Я держусь убѣжденія, что плодотворное взаимодѣйствіе власти и народнаго представительства возможно лишь при моральной ихъ солидарности, при сознаніи и выполненіи обѣими сторонами лежащаго на нихъ нравственнаго долга, т.-е. при томъ условіи, что въ основѣ взаимодѣйствія власти и народа будетъ лежать не столько идея правовая, сколько идея этико-соціальная. Организація народнаго представительства и отношеній между нимъ и государемъ должна быть создана не во имя раздѣленія ихъ правъ, а во имя сознанія необходимости раздѣленія и наилучшаго выполненія лежащихъ на нихъ обязанностей предъ государствомъ, въ цѣляхъ постепеннаго осуществленія въ жизни идеаловъ добра и правды. Истинная свобода можетъ быть обезпечена не противопоставленіемъ власти и народа, а ихъ совокупной дѣятельностью, направленной къ высшей цѣли, предстоящей человѣческому бытію. Только при этомъ условіи въ государственной жизни можетъ быть устраненъ элементъ политической борьбы и народное представительство сможетъ явиться выразителемъ соборной совѣсти народа и сосредоточить все свое вниманіе на уясненіи и удовлетвореніи матеріальныхъ и, что еще важнѣе, духовныхъ потребностей населенія; только при этомъ условіи государственная власть явится исполнительницей велѣній народной совѣсти и будетъ почерпать необходимую ей силу въ довѣріи и въ поддержкѣ населенія. Государство не можетъ не быть учрежденіемъ правовымъ, но право, нормирующее жизнь государства, всегда должно стре-

миться къ постепенному установленію въ государствѣ высшей правды и справедливости, призывающихъ всѣхъ людей къ доброжелательному единенію и къ проявленію дѣятельной любви. Правовое государство должно всегда ставить себѣ цѣлью созданіе условій государственной жизни, наиболѣе соотвѣтствующихъ этическимъ запросамъ человѣчества. Власть, охраняющая и осуществляющая въ государствѣ начало правовое, должна въ своей дѣятельности всегда руководиться требованіями начала нравственнаго и порученіе правительственныхъ должностей лицамъ, хотя бы и даровитымъ, но безъ нравственныхъ устоевъ, представляетъ большую опасность для правильнаго теченія и развитія государственной жизни.

Старое русское самодержавіе имѣло, несомнѣнно, въ своей основѣ идею моральной солидарности государя и народа. Въ моемъ представленіи идея самодержавія никогда не отождествлялась съ идеей абсолютизма. „Терминъ самодержецъ“,—говоритъ В. О. Ключевскій,—„выражалъ понятіе не о государѣ съ неограниченной властью, а о государѣ независимомъ, никому не платящимъ дани“ [1]). „Довѣріе и согласіе государя и народа“,—говоритъ В. С. Соловьевъ,—„основывались на томъ, что они одинаково преклонялись предъ общимъ духовнымъ авторитетомъ христіанскаго начала, ставя одну общую цѣль — водвореніе правды Божіей на землѣ“ [2]). Взаимное довѣріе и живое единеніе русскихъ самодержцевъ и народа получили свое наглядное подтвержденіе на земскихъ соборахъ. Русскіе цари хорошо понимали, что только сближеніе съ народомъ можетъ дать имъ надлежащую опору и укрѣпить авторитетъ ихъ власти. Земскіе соборы созывались для обновленія законодательства, для изысканія денежныхъ средствъ, для совѣта по возникавшимъ важнымъ государственнымъ вопросамъ, для возстановленія разстроеннаго государственнаго порядка и для избранія царей. Представители всего народа, призывавшіеся на земскіе соборы для обсужденія общегосударственныхъ дѣлъ, видѣли въ этомъ не осуществленіе своего политическаго права, а выполненіе своего нравственнаго долга. На земскихъ соборахъ никогда не возникалъ вопросъ объ ограниченіи царской власти, какъ и не слышалось указаній на нежеланіе самодержцевъ считаться съ го-

[1]) В. О. Ключевскій. „Лекціи“, 1-я часть, стр. 207.
[2]) В. С. Соловьевъ. „О духовной власти“, стр. 320.

лосомъ народныхъ представителей. Объясненіе этого нужно видѣть въ томъ, что въ основѣ самодержавія и земскихъ соборовъ лежала идея не правовая, а идея морально-политическая. Вопросъ о томъ—имѣли ли мнѣнія и постановленія земскихъ соборовъ характеръ совѣщательный или рѣшающій—представлялся совершенно лишнимъ и неумѣстнымъ. Вполнѣ справедливо отмѣчаетъ Г. Ф. Шершеневичъ: „мы совершенно не знаемъ борьбы между соборами и царемъ, не знаемъ даже случаевъ, когда бы царь поступилъ въ противность соборному мнѣнію“ ....; „земскій соборъ былъ силенъ не знаніемъ, а авторитетомъ“ ..... „мыслимо ли было, чтобы царь разошелся съ земскимъ соборомъ? Царь обращается къ народному авторитету для подкрѣпленія своего, но, вѣдь, въ случаѣ разногласія съ соборомъ, авторитетъ царя былъ бы еще болѣе ослабленъ“ ....; „царь не можетъ разойтись съ волей всего народа, представленнаго на соборѣ. Это было ясно всѣмъ и безъ опредѣленія въ законѣ, каково значеніе соборнаго мнѣнія“ [1]). Сила и авторитетъ земскихъ соборовъ опредѣлялись не закономъ, а народнымъ сознаніемъ, сознаніемъ, что призваніе самодержавныхъ государей состоитъ въ томъ, чтобы творить не свою волю, а быть лишь выразителями соборной совѣсти народа.

Къ сожалѣнію, земскіе соборы, созывавшіеся въ XVI и XVII вѣкахъ, не превратились въ постоянное государственное учрежденіе, а съ воцареніемъ Петра I самодержавіе утратило свой прежній идейный характеръ и превратилось въ неограниченное самовластіе. Живая связь и взаимодѣйствіе верховной власти съ населеніемъ были нарушены и государственная власть присвоила себѣ исключительное право направленія всей государственной жизни по своему усмотрѣнію, не считаясь ни съ волей народа, ни съ голосомъ народной совѣсти.

Выходъ изъ создавшагося въ странѣ тяжелаго положенія можно было видѣть только въ возстановленіи всегда необходимаго въ государствѣ взаимодѣйствія государственной власти съ населеніемъ и въ привлеченіи народнаго представительства къ участію въ государственномъ управленіи. Въ этомъ были всѣ согласны, но относительно главныхъ основаній организаціи взаимодѣйствія власти и народа въ общественныхъ кругахъ

[1]) Г. Ф. Шершеневичъ, „Земскіе соборы“, стр. 13—15.

возникали принципіальныя разногласія. Представители конституціонной теоріи признавали неизбѣжнымъ положить въ основу необходимыхъ реформъ правовую идею и не считали возможнымъ устранить господствовавшій произволъ власти иначе, какъ путемъ ея правового ограниченія, предоставленія народному представительству законодательной власти и установленія отвѣтственности правительственной власти предъ народнымъ представительствомъ. Другіе, въ ихъ числѣ былъ и я, усматривая въ правѣ и государствѣ лишь средства для осуществленія этическихъ задачъ, отвѣчающихъ духовной сущности человѣка, полагали, что взаимодѣйствіе власти и народнаго представительства должно быть организовано на основѣ нравственной между ними связи, и признавали желательнымъ возвращеніе самодержавію его прежняго характера, какъ это было во времена земскихъ соборовъ. Кромѣ принципіальныхъ соображеній, лица, раздѣлявшія послѣднее мнѣніе, имѣли также въ виду, что возбужденіе вопроса о введеніи въ нашъ государственный строй конституціонныхъ принциповъ, знаменуя противоположеніе монарха и народнаго представительства, вызвало бы, несомнѣнно, сильное противодѣйствіе со стороны государственной власти, что въ свою очередь углубило бы пропасть, раздѣляющую власть съ населеніемъ, и неизбѣжно толкнуло бы страну на путь политической борьбы. Обращеніе же къ монарху не съ требованіемъ ограниченія его правъ, а съ призывомъ къ возстановленію моральной солидарности между нимъ и народомъ по примѣру, указываемому нашей исторіей, представляло, казалось, бо̀льшую вѣроятность вызвать сочувствіе царя къ такому общественному почину.

Руководясь изложенными здѣсь соображеніями и мыслями, я приступилъ къ выполненію возложеннаго на меня порученія,—составленію проекта тезисовъ для предполагавшейся записки. При исполненіи этой работы я принялъ также во вниманіе, что всякое государственное преобразованіе должно совершаться съ осторожностью и постепенно, не вызывая обостренія политическихъ отношеній въ странѣ. Нужно, съ одной стороны, чтобы необходимость и желательность предлагаемой реформы были сознаны и признаны широкими кругами населенія, а, съ другой,—желательно, чтобы необходимое преобразованіе происходило въ условіяхъ, примиряющихъ съ нимъ государственные

и общественные элементы, игравшіе руководящую роль въ измѣняемомъ государственномъ строѣ. Признавая возстановленіе земскихъ соборовъ желательнымъ, я не могъ, однако, не сознавать, что при ихъ возстановленіи необходимо было бы внести въ ихъ организацію существенныя измѣненія, соотвѣтствующія современнымъ условіямъ государственной жизни, и что разработка порядка и условій организаціи народнаго представительства должна быть произведена при непремѣнномъ участіи представителей общества. Чтобы вступить возможно скорѣе на путь послѣдовательнаго осуществленія необходимыхъ государственныхъ реформъ въ цѣляхъ созданія тѣснаго единенія и живого общенія самодержавной власти съ населеніемъ, мнѣ представлялось возможнымъ ограничиться на первое время введеніемъ въ составъ комиссій при государственномъ совѣтѣ выборныхъ представителей общественныхъ учрежденій. Предлагая это нововведеніе, совпадавшее съ предположеніями графа Лориса-Меликова 1880 года, я видѣлъ въ немъ первый шагъ для дальнѣйшаго развитія народнаго представительства и для созданія его взаимодѣйствія съ самодержавной властью на основѣ сознанія обѣими сторонами лежащаго на нихъ одинаково нравственнаго долга.

Мною былъ представленъ на обсужденіе кружка общественныхъ дѣятелей нижеслѣдующій текстъ проектированныхъ мной тезисовъ:

1. Ненормальность настоящаго порядка государственнаго управленія заключается въ отсутствіи необходимаго въ государственной жизни взаимнаго довѣрія между правительствомъ и обществомъ; правительство не довѣряетъ общественнымъ силамъ;—общество не имѣетъ уваженія къ правительству.

2. Отношеніе правительства къ обществу имѣетъ въ своемъ основаніи неправильное положеніе, которымъ признается, что развитіе общественной самодѣятельности и участіе общества во внутреннемъ государственномъ управленіи стоятъ въ противорѣчіи съ идеей самодержавія. Исходя изъ этого положенія, правительство стремится къ административной централизаціи во всѣхъ отрасляхъ мѣстнаго управленія и къ опекѣ надъ всѣми сторонами общественной жизни.

3. Положеніе это не только ошибочно, но и ложно. Самодержавіе возможно лишь при живомъ и тѣсномъ общеніи само-

державнаго государя съ народомъ; при отсутствіи этого условія самодержавіе царской власти теряетъ свое идейное значеніе и замѣняется самодержавіемъ министровъ и бюрократіи, съ которымъ русское общество никогда примириться не можетъ.

4. Бюрократическій строй, прикрываясь стремленіемъ охранять самодержавіе, но въ дѣйствительности разобщая царя съ народомъ, создаетъ почву для проявленія административнаго произвола и личнаго усмотрѣнія. Такой порядокъ лишаетъ общество необходимой увѣренности въ строгой охранѣ законныхъ правъ всѣхъ и каждаго и подрываетъ уваженіе къ правительству.

5. Для безпрепятственнаго выраженія общественнаго мнѣнія и для всесторонняго выясненія обществомъ своихъ нуждъ необходимы обезпеченіе свободы совѣсти, мысли и слова и развитіе общественной самодѣятельности, путемъ предоставленія обществу самостоятельнаго завѣдыванія удовлетвореніемъ мѣстныхъ потребностей.

6. Необходимо, чтобы обществу было предоставлено право доводить до свѣдѣнія самодержавнаго государя о своихъ нуждахъ и о дѣйствительномъ положеніи вещей на мѣстахъ.

7. Составляемые въ центральныхъ государственныхъ учрежденіяхъ законопроекты должны быть доступны предварительной критикѣ со стороны общества и мнѣнія общества должны быть извѣстны государю при утвержденіи законовъ самодержавной властью. Для этого необходимо, чтобы, примѣнительно къ предусмотрѣнному положеніемъ объ учрежденіи государственнаго совѣта порядку, были привлекаемы представители общественныхъ учрежденій къ участію при обсужденіи законопроектовъ въ комиссіяхъ при государственномъ совѣтѣ и чтобы законопроекты, прежде внесенія ихъ въ государственный совѣтъ, опубликовывались заблаговременно для всеобщаго свѣдѣнія, а общественнымъ учрежденіямъ было бы предоставлено право въ тѣхъ случаяхъ, когда они признаютъ это необходимымъ, представлять свои мнѣнія или отзывы по тому или другому законопроекту.

8. Слѣдуетъ признать желательнымъ, чтобы къ обсужденію въ центральныхъ государственныхъ учрежденіяхъ законопроектовъ и различныхъ государственныхъ мѣропріятій привлекались представители общества исключительно по его избранію,

такъ какъ только при этомъ условіи эти лица могутъ являться представителями общественнаго мнѣнія и будетъ исключена возможность преднамѣреннаго подбора лицъ.

9. Организація порядка и условій общенія самодержавнаго государя съ народомъ должна составлять задачу государственной власти, но при обсужденіи этого вопроса необходимо участіе представителей общества.

Эти тезисы были подвергнуты многократному обсужденію въ собраніяхъ указанныхъ выше лицъ, происходившихъ весной, лѣтомъ и осенью 1901 года, и вызвали большія разногласія съ различныхъ и самыхъ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Отрицательное отношеніе къ основнымъ положеніямъ представленныхъ тезисовъ особенно опредѣленно проявилъ Ѳ. Д. Самаринъ. Еще въ началѣ 1900 года въ перепискѣ со мной, по поводу условій нашей политической жизни и желательныхъ въ ней измѣненій, Ѳ. Д., характеризуя переживаемое время „съ одной стороны тѣмъ, что носители власти совершенно утратили вѣру въ себя и сознаніе, своего значенія, а съ другой—тѣмъ, что въ обществѣ совершенно отсутствуютъ какіе бы то ни было связующіе и объединяющіе принципы не только политическіе, но и религіозные“, и указывая на „все болѣе усиливающееся стремленіе устранять общество отъ всякаго, даже самаго скромнаго участья въ государственныхъ дѣлахъ и не допускать его даже до выраженія своего мнѣнія по поводу правительственной политики“,—признавалъ, что „управлять Россіей черезъ посредство одного чиновничества безъ всякаго участія общественнаго элемента въ настоящее время уже невозможно“, но полагалъ, что „предугадывать, какую форму приметъ въ концѣ концовъ у насъ содѣйствіе общественнаго элемента, никто, конечно, не возьмется, да въ этомъ нѣтъ и надобности“. Далѣе въ томъ же письмѣ Ѳ. Д., усматривая главную задачу царской власти въ постепенномъ возвращеніи самодержавію его исконнаго земскаго характера, говорилъ: „Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи должно бы быть укрѣпленіе и расширеніе всѣхъ тѣхъ мѣстныхъ органовъ государственной власти, въ которыхъ дѣятельными лицами являются не чиновники, а люди, привлеченные къ дѣлу изъ самого населенія. Только при самомъ широкомъ развитіи мѣстнаго самоуправленія и возможно теперь самодержавіе“.— Отвѣчая на это письмо, я писалъ Ѳ. Д. Самарину, между про-

чимъ, что не могу согласиться съ нимъ, будто нѣтъ необходимости предугадывать форму, которую должно принять содѣйствіе общественныхъ элементовъ въ нашей государственной жизни и высказывался за неизбѣжную необходимость постановки этого вопроса на очередь и выясненія его въ сознаніи какъ общества, такъ и правительства.

Ознакомившись съ представленными тезисами, Ѳ. Д. особенно возражалъ противъ 7, 8 и 9 пунктовъ. Онъ опасался, что возбужденіе вопроса о привлеченіи избранныхъ общественныхъ представителей къ законодательной дѣятельности даже въ той формѣ, какъ это намѣчалось въ тезисахъ, явится первымъ шагомъ для перехода къ конституціонному режиму. Всѣ доводы его оппонентовъ, которые указывали, что нельзя же ограничиться констатированіемъ существующей ненормальности нашей государственной жизни, говорить о возвращеніи самодержавію его исконнаго земскаго характера, о необходимости тѣснаго единенія самодержавной власти съ народомъ и не намѣтить въ тоже время путей и почвы для созданія этой связи, — не могли убѣдить Ѳ. Д—ча. 21 ноября 1901 г. онъ письмомъ на мое имя увѣдомилъ о своемъ рѣшеніи не принимать дальнѣйшаго участья въ нашихъ совѣщаніяхъ. Свое рѣшеніе Ѳ. Д. пространно мотивировалъ слѣдующими главными соображеніями. Ненормальность отношеній правительства къ обществу занимаетъ, конечно, видное мѣсто, но сводить все къ одной этой причинѣ едва ли правильно. Недовѣріе власти до извѣстной степени оправдывается самымъ характеромъ нашего общества, которое не обладаетъ необходимою нравственною силой, устойчивостью и ясностью убѣжденій и способностью къ дружной работѣ. Въ обществѣ преобладаютъ теченія отрицательнаго свойства: отрицательное отношеніе къ вѣрѣ отцовъ, къ исторіи своего народа, къ его пониманіямъ и быту. Большинство вожаковъ нашего общественнаго мнѣнія смотрятъ на самодержавіе, какъ на государственую форму, отжившую свой вѣкъ, и считаютъ необходимымъ вести борьбу съ этимъ зломъ. Вслѣдствіе этого нельзя утверждать, что правительство только по недоразумѣнію не довѣряетъ обществу. Соглашаясь, что правительство поступаетъ неправильно, постоянно стѣсняя общество, Ѳ. Д. признавалъ необходимымъ, чтобы правительство измѣнило свою систему не потому, что оно можетъ или должно довѣрять обществу, а по-

тому, что нынѣшняя политика совершенно не достигаетъ цѣли. Полицейскими мѣрами невозможно побороть отрицательное отношеніе умовъ. „Только привлекая общество къ практической работѣ надъ государственнымъ и общественнымъ дѣломъ, можно противодѣйствовать современному направленію мысли и создать посредствующую между властью и народомъ среду, которая должна съ одной стороны вѣрно выражать мысль и волю народа, а съ другой — служить проводникомъ для дѣйствія власти на народъ“ *). Затѣмъ въ письмѣ Ѳ. Д—ча говорилось, что мѣры, предлагаемыя въ тезисахъ, составляютъ сущность, такъ называемой, либеральной программы, хорошо извѣстной правительству, и рекомендовать ее значило бы совѣтовать правительству, чтобы оно свое нынѣшнее, одностороннее и ложное направленіе замѣнило другимъ, противоположнымъ ему, но не менѣе ошибочнымъ и одностороннимъ.

На основаніи совершенно иныхъ соображеній отнесся отрицательно къ возникшему предположенію кн. С. Н. Трубецкой. Онъ находилъ мысль о возстановленіи идейнаго самодержавія утопичной, не считалъ возможнымъ устранить произволъ власти безъ ея ограниченія опредѣленнымъ правовымъ порядкомъ, видѣлъ единственный выходъ изъ переживаемаго страной тяжелаго положенія въ рѣшительной замѣнѣ приказнаго строя строемъ конституціоннымъ и, исходя изъ этихъ положеній, признавалъ подачу предполагавшейся записки безцѣльной и безполезной.

Кн. П. Д. Долгоруковъ и Р. А. Писаревъ, раздѣляя принципіальныя соображенія кн. С. Н. Трубецкого, не возражали, однако, противъ подачи записки, предполагая, что осуществленіе высказываемыхъ въ ней пожеланій, хотя и не дастъ надлежащаго разрѣшенія вопросу, но можетъ облегчить и подготовить преобразованіе нашего государственнаго строя въ конституціонное государство.

Принимая во вниманіе: 1) несогласіе К. В. Рукавишникова принять участіе въ обсужденіи возникшаго предположенія, 2) отказъ Ѳ. Д. Самарина и кн. С. Н. Трубецкого отъ участія въ дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса по принципіальнымъ сообра-

*) Этими именно мыслями и руководился составитель проекта тезисовъ. Д. Ш.

женіямъ и 3) заявленія кн. П. Д. Долгорукова и Р. А. Писарева, свидѣтельствовавшія объ отсутствіи необходимой ихъ солидарности съ остальными членами совѣщанія, послѣдніе признали, что возникшее предположеніе не можетъ разсчитывать встрѣтить поддержку и сочувствіе въ широкихъ кругахъ общества, и поэтому мысль о составленіи и подачѣ записки была оставлена безъ дальнѣйшаго движенія.

ГЛАВА VI.

Совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Совѣщаніе земскихъ дѣятелей въ маѣ 1902 года. Объявленіе Высочайшаго неудовольствія участникамъ земскаго совѣщанія. Мои бесѣды по этому поводу съ министрами—В. К. Плеве и С. Ю. Витте. Ознакомленіе земской среды съ содержаніемъ этихъ бесѣдъ. Условія дѣятельности земскихъ представителей въ мѣстныхъ комитетахъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности.

Попытка объединить общественныхъ дѣятелей на мысли о подачѣ записки Государю, въ цѣляхъ откровеннаго выясненія переживаемаго положенія, создаваемаго въ странѣ реакціонною политикой правительства, потерпѣла неудачу, а, между тѣмъ, въ сознаніи представителей вполнѣ умѣренныхъ, консервативныхъ политическихъ теченій въ обществѣ, все сильнѣе укрѣплялось убѣжденіе въ неотложности установленія болѣе нормальныхъ отношеній между государственной властью и населеніемъ. Представлялось несомнѣннымъ, что если власть въ ближайшемъ времени не отрѣшится отъ усвоенныхъ ею недовѣрія и пренебреженія къ общественнымъ силамъ и не создастъ благопріятныхъ условій для сотрудничества съ общественными элементами на основѣ моральной солидарности съ ними въ пониманіи смысла и задачъ государственной жизни, то въ недалекомъ будущемъ подъ вліяніемъ быстро нараставшаго въ странѣ оппозиціоннаго настроенія окажется неизбѣжной коренная реформа нашего государственнаго строя и будетъ поставленъ на очередь вопросъ объ осуществленіи идеи народовластія. Эта увѣренность настоятельно побуждала общественные элементы, признававшіе насущную необходимость обновленія нашей государственной жизни въ соотвѣтствіи съ требованіями правды, справедливости и нравственнаго долга, стремиться всѣми возможными имъ путями и мѣрами обратить вниманіе представителей власти на необходимость коренного измѣненія внутренней политики и на неотложность проведенія

въ жизнь назрѣвшихъ реформъ. Однако, всѣ предпринимаемые въ этомъ направленіи шаги не имѣли успѣха и правительство продолжало оставаться въ положеніи человѣка, про котораго говорятъ: нѣтъ болѣе глухого, какъ нежелающій слышать, нѣтъ болѣе слѣпого, какъ нежелающій видѣть.

1902 годъ еще болѣе углубилъ разладъ между властью и обществомъ и еще болѣе усилилъ антагонизмъ между ними. 22 января по иниціативѣ министра финансовъ состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи подъ предсѣдательствомъ С. Ю. Витте Особаго Совѣщанія „для выясненія нуждъ сельскохозяйственной промышленности и соображенія мѣръ, направленныхъ на пользу этой промышленности и связанныхъ съ ней отраслей народнаго труда“. Въ первыхъ засѣданіяхъ этого Совѣщанія, 2, 9 и 26 февраля, были поставлены вопросы: о предѣлахъ задачи, поставленной Совѣщанію, и о способахъ и пріемахъ ея выполненія. Отвѣчая на первый вопросъ, Совѣщаніе признало, что его обсужденію подлежатъ всѣ вопросы, касающіеся сельскохозяйственной промышленности и связанныхъ съ ней отраслей народнаго труда, и намѣтило обширную программу, состоявшую изъ 40 пунктовъ. По второму вопросу Совѣщаніе признало, что „едва ли цѣлесообразно предпринимать какія-либо мѣры, не спрося мнѣнія тѣхъ, чьи нужды удовлетворить должны эти мѣры, кто близко стоитъ къ земледѣлію и кому лучше всего извѣстны его слабыя стороны и насущныя требованія“. „Мѣстными силами должна быть сдѣлана не подробная разработка отдѣльныхъ мѣръ, которая составляетъ задачу Совѣщанія и его подготовительныхъ комиссій, а, главнымъ образомъ, указаны тѣ нужды, удовлетвореніе которыхъ, по мнѣнію мѣстныхъ людей, представляется въ настоящее время существенно важнымъ“. Перейдя къ обсужденію вопроса,—какія именно учрежденія и лица должны быть опрошены, Совѣщаніе нашло, „что едва ли есть необходимость спрашивать въ настоящее время земскія учрежденія“, такъ какъ они „были запрошены о нуждахъ земледѣлія и сельскохозяйственной промышленности въ концѣ 1894 года министерствомъ земледѣлія“ и „такой опросъ можетъ весьма затянуть работу“. Затѣмъ Совѣщаніе признало нужнымъ, вмѣсто обращенія къ земскимъ учрежденіямъ, образовать особые комитеты въ губерніяхъ, подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, изъ гу-

бернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства, предсѣдателя и членовъ губернской земской управы, предсѣдателей уѣздныхъ управъ, управляющихъ казенною палатою и государственными имуществами, уполномоченныхъ по сельскохозяйственной части, предсѣдателей сельскохозяйственныхъ обществъ и всѣхъ тѣхъ лицъ, участіе которыхъ будетъ признано губернаторомъ полезнымъ, а въ уѣздахъ, подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства, въ составѣ предсѣдателя и членовъ уѣздной земской управы и лицъ, участіе коихъ будетъ признано уѣзднымъ предводителемъ дворянства полезнымъ.

Устраненіе земскихъ собраній, являющихся единственнымъ организованнымъ представительствомъ мѣстнаго населенія, удовлетворенію нуждъ котораго должны были служить мѣры, проектируемыя Совѣщаніемъ, не могло не вызвать чувствъ недовольства и обиды въ широкихъ земскихъ кругахъ. Участіе въ комитетахъ представителей земскихъ управъ не могло быть, конечно, приравнено къ опросу земскихъ собраній; предсѣдатели и члены управъ могли высказывать въ комитетахъ лишь личныя свои мнѣнія. Въ то же время предоставленіе предсѣдателямъ комитетовъ дискреціоннаго и ничѣмъ не ограниченнаго права привлекать въ составъ комитетовъ лицъ, „участіе коихъ будетъ признано ими полезнымъ“, открывало возможность создавать по личному усмотрѣнію предсѣдателей такой составъ комитета, въ которомъ представители земскихъ управъ были бы всегда въ меньшинствѣ.

Въ мартѣ 1902 года въ С.-Петербургѣ происходили выставка кустарныхъ издѣлій и съѣздъ, устроенный министерствомъ земледѣлія, по вопросамъ кустарной промышленности. Въ этомъ съѣздѣ принимали участіе земскіе дѣятели и многочисленные представители земскаго „третьяго элемента“. Въ частныхъ совѣщаніяхъ земскіе люди обмѣнивались впечатлѣніями отъ недавно опубликованнаго положенія объ Особомъ Совѣщаніи и о мѣстныхъ комитетахъ, при чемъ большинство склонялось, повидимому, къ мысли, что представители управъ не должны принимать въ работахъ комитетовъ активнаго участія и должны были бы ограничиться подачей записокъ съ мотивировкой своего воздержанія.

Съ 31 марта по 6 апрѣля въ Москвѣ состоялся пожарный съѣздъ. Прибывшіе на этотъ съѣздъ представители земскихъ управъ, земскіе гласные и нѣкоторые участники петербургскихъ бесѣдъ во время кустарнаго съѣзда, собирались между собой для обмѣна мнѣніями по земскимъ дѣламъ. На настроеніи собиравшихся отражались событія послѣднихъ дней: убійство 2 апрѣля Д. С. Сипягина и назначеніе 4 апрѣля на постъ министра внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве, предвѣщавшее еще болѣе реакціонную политику правительства. Въ происходившихъ совѣщаніяхъ принимали участіе около 40 лицъ изъ 20 губерній и, главнымъ образомъ, обсуждались вопросы, вытекавшіе изъ приглашенія представителей земскихъ управъ войти въ составъ организуемыхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Всѣ признавали желательнымъ, чтобы образъ дѣйствій земскихъ представителей въ комитетахъ былъ, по возможности, одинаковъ и чтобы ими, по крайней мѣрѣ въ губерніяхъ, были представлены записки, въ общихъ основаніяхъ между собою сходныя и выясняющія, что улучшеніе сельскохозяйственной промышленности невозможно частными мѣропріятіями безъ измѣненія общихъ условій, тормозящихъ всю нашу жизнь. Тутъ же были намѣчены главныя основныя положенія, которыя признавалось желательнымъ развить въ губернскихъ запискахъ. Въ цѣляхъ достиженія возможнаго единства дѣйствій всѣ участники пришли къ заключенію о необходимости поставить въ извѣстность о возникшемъ предположеніи всѣхъ предсѣдателей губернскихъ управъ и предложить имъ собраться въ Москвѣ для совмѣстнаго обсужденія—программы предполагаемыхъ записокъ, порядка ихъ подачи, вопроса объ участіи представителей земскихъ управъ въ комитетахъ и вообще всѣхъ вопросовъ, связанныхъ со включеніемъ земскихъ представителей въ составъ губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ. Исполняя изложенное заключеніе, я сообщилъ о немъ письмами всѣмъ предсѣдателямъ губернскихъ управъ и просилъ ихъ прибыть въ Москву къ 23 мая.

Къ назначенному сроку въ Москву съѣхались представители большинства губернскихъ управъ и нѣкоторые болѣе дѣятельные гласные.

Частныя совѣщанія земскихъ дѣятелей по вопросамъ, вытекавшимъ изъ привлеченія представителей управъ въ составъ

комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, происходили въ моей квартирѣ, на Собачьей площадкѣ, въ домѣ Романовскаго, и продолжались 23, 24 и 25 мая. Въ этихъ совѣщаніяхъ приняли участіе 52 лица, обозначенныхъ въ слѣдующемъ спискѣ.

Губернія.	Фамилія, имя и отчество.
Бессарабск.	*Баронъ Стуартъ*, Александръ Ѳедор., пред. губ. упр.
Вологодская.	*Кудрявый*, Викторъ Андреевичъ, предс. губ. упр.
Воронежск.	*Перелешинъ*, Дмитрій Александров., чл. губ. упр.
Костромская.	*Соколовъ*, Василій Семен., пред. костром. уѣзд. упр.
Курская.	*Кн. Долгоруковъ*, Петръ Дмитр., пр. судж. уѣзд. упр.
	Загорскій, Эразмъ Клементьевичъ, членъ губ. упр.
	Раевскій, Николай Владиміровичъ, пред. губ. упр.
	Фонъ-Руценъ, Александръ Николаевичъ.
	Якушкинъ, Вячеславъ Евгеніевичъ.
Московская.	*Головинъ*, Ѳедоръ Александровичъ, чл. губ. упр.
	Кн. Долгоруковъ, Павелъ Дмитріевичъ.
	Нарбутъ, Андрей Михайловичъ, членъ губ. упр.
	Рихтеръ, Николай Ѳедоровичъ, пр. моск. уѣзд. упр.
	Хмѣлевъ, Николай Николаевичъ, членъ губ. упр.
	Шиповъ, Дмитрій Николаевичъ, предсѣд. губ. упр.
Нижегородская.	*Килевейнъ*, Георгій Робертовичъ, членъ, губ. упр.
	Савельевъ, Александръ Александров., пр. губ. упр.
Новгородская.	*Бередниковъ*, Сергѣй Григор., пр. тихв. уѣзд. упр.
	Сомовъ, Николай Николаевичъ, пред. губ. упр.
Орловская.	*Масловъ*, Сергѣй Николаевичъ, пред. губ. упр.
	Полѣновъ, Алексѣй Дмитріевичъ.
	Стаховичъ, Александръ Александровичъ.
	Стаховичъ, Михаилъ Александровичъ.
	Татариновъ, Ѳедоръ Васильев., пр. орлов. уѣзд. упр.
Пензенская.	*Атрыганьевъ*, Алексѣй Александров., пр. губ. упр.
	Ладыженскій, Владиміръ Николаевичъ, чл. губ. упр.
Полтавская.	*Лизогубъ*, Ѳедоръ Андреевичъ, предсѣд. губ. упр.
Псковская.	*Гр. Гейденъ*, Петръ Александровичъ.
Рязанская.	*Кн. Волконскій*, Николай Сергѣевичъ.
Самарская.	*Племянниковъ*, Василій Андреевичъ, пр. губ. упр.
Саратовская.	*Масленниковъ*, Александръ Михайловичъ.
	Гр. Олсуфьевъ, Дмитрій Адамовичъ, пр. губ. упр.
	Юматовъ, Александръ Дмитріевичъ, чл. губ. упр.

Симбирская. *Кн. Баратаевъ*, Сергѣй Михайловичъ, пр. губ. упр.
Смоленская. *Полуектовъ*, Илья Григорьевичъ, членъ губ. упр.
Садовскій, Борисъ Тимофеевичъ, предсѣд. губ. упр.
Хомяковъ, Николай Алексѣевичъ.
Таврическая. *Харченко*, Яковъ Тарасовичъ, предсѣд. губ. упр.
Тамбовская. *Вернадскій*, Владиміръ Ивановичъ.
Колобовъ, Михаилъ Петровичъ, предсѣд. губ. упр.
Тверская. *Фонъ-Дервизъ*, Владиміръ Дмитріев., пр. губ. упр.
Линдъ, Василій Николаевичъ.
Милюковъ, Николай Кононовичъ, членъ губ. упр.
Петрункевичъ, Иванъ Ильичъ.
Петрункевичъ, Михаилъ Ильичъ.
Тульская. *Кн. Голицынъ*, Михаилъ Владиміровичъ.
Писаревъ, Рафаилъ Алексѣевичъ.
Уфимская. *Георгіевскій*, Александръ Григорьев., чл. губ. упр.
Жуковскій, Иванъ Григорьевичъ.
Херсонская. *Парамоновъ*, Александръ Констант., чл. губ. упр.
Черниговск. *Свѣчинъ*, Алексѣй Александровичъ.
Ярославская. *Кн. Шаховской*, Дмитрій Ивановичъ.

По избраніи меня собравшимися предсѣдателемъ нашихъ бесѣдъ, я предложилъ обсудить вопросы: слѣдуетъ ли представителямъ земства принимать участіе въ работѣ образуемыхъ комитетовъ для выясненія нуждъ сельско-хозяйственной промышленности, не слѣдуетъ ли имъ подать въ комитеты записки, ограничившись указаніемъ въ нихъ только причинъ, по которымъ они не считаютъ возможнымъ принимать участіе въ работѣ комитетовъ, или слѣдуетъ также выяснить, что частныя мѣропріятія, проектируемыя Особымъ Совѣщаніемъ, не могутъ оказать существенной помощи сельскому хозяйству впредь до измѣненія тѣхъ общихъ условій, которыя препятствуютъ правильному развитію нашей общественной и государственной жизни, въ частности, тормазя примѣненіе отдѣльныхъ мѣропріятій по улучшенію положенія нашего сельскаго хозяйства?

Изъ происходившихъ затѣмъ преній выяснилось, что всѣ участники бесѣды единодушно признаютъ, что фактъ обращенія правительства за выясненіемъ нуждъ сельско-хозяйственной промышленности не къ земскимъ учрежденіямъ, а къ особымъ комитетамъ, куда привлекаются представители исполнительныхъ

органовъ земскихъ собраній, какъ должностныя лица, является неправильнымъ дѣйствіемъ правительства по отношенію къ обществу, является попыткой правительства разрѣшить въ порядкѣ административномъ, помимо участія общественныхъ учрежденій, вопросъ первостепенной важности, входящій въ кругъ вѣдѣнія земства. При этомъ въ преніяхъ было указано, что не реагировать на подобное отношеніе правительства земство не можетъ. Вопросъ поставленъ ребромъ,—быть или не быть земству. Правительство производитъ опытъ — обойтись безъ земства въ разрѣшеніи земскихъ вопросовъ и привлечь къ разработкѣ этихъ вопросовъ предсѣдателей и членовъ управъ ex officio, какъ свѣдущихъ людей. Моментъ высказать земству опредѣленно свои взгляды на общее направленіе нашей внутренней и финансовой политики насталъ въ высшей степени удобный и имъ необходимо воспользоваться. Самъ законъ указываетъ къ тому способы. Изъ высочайше утвержденнаго журнала засѣданія Особаго Совѣщанія видно, что образуемые уѣздные и губернскіе комитеты для выясненія нуждъ сельско-хозяйственной промышленности являются въ сущности передаточной инстанціей матеріала, собраннаго ими чрезъ опросъ мнѣній своихъ членовъ. Поэтому записки, которыя могутъ представители земства внести въ эти комитеты, должны быть переданы послѣдними въ Особое Совѣщаніе, хотя-бы большинство членовъ комитета и не согласилось съ проводимыми въ этихъ запискахъ взглядами. Но такъ какъ тѣмъ же высочайше утвержденнымъ журналомъ не ограничено какими-либо рамками право членовъ комитетовъ высказывать свой взглядъ на нужды сельско-хозяйственной промышленности, то ни одинъ комитетъ не можетъ воспретить каждому изъ своихъ членовъ указывать на общія условія нашей государственной жизни, препятствующія, по его мнѣнію, успѣшному развитію сельскаго хозяйства въ Россіи. Подобное дѣйствіе представителей земства не будетъ нелойяльнымъ. Едва ли можно сомнѣваться, что комитеты окажутся недостаточно свѣдущими для успѣшнаго выполненія возложенныхъ на нихъ задачъ. Этотъ неуспѣхъ комитетовъ правительство можетъ поставить въ укоръ земству, указывая на то, что въ составѣ комитета было не мало земскихъ людей. Такой упрекъ былъ бы, конечно, совершенно несправедливъ, такъ какъ нельзя отождествлять земскія учрежденія съ отдѣльными его членами, по-

павшими въ комитетъ или ex officio, или по выбору ихъ предсѣдателей, да еще растворенными въ массѣ лицъ, далеко стоящихъ отъ земскаго дѣла и дѣйствующихъ сообразно взглядамъ своего начальства. Но, тѣмъ не менѣе, нельзя игнорировать возможность такого упрека и потому слѣдуетъ, чтобы земцы въ первомъ же засѣданіи подали въ комитетъ письменное заявленіе, что они будутъ принимать участіе въ занятіяхъ комитетовъ только въ силу высочайшаго повелѣнія, причемъ просятъ имѣть въ виду, что они высказываютъ только личные свои взгляды, а не мнѣніе земскаго собранія, что они дѣйствуютъ въ комитетахъ только по личному своему усмотрѣнію, а не по уполномочію своихъ собраній.

Нѣкоторые изъ участниковъ бесѣды полагали, что земцамъ слѣдовало бы уклониться отъ активнаго участія въ занятіяхъ комитетовъ, заявивъ только протестъ по поводу того, что правительство не сочло нужнымъ вопросъ о сельско-хозяйственныхъ нуждахъ передать на обсужденіе земскихъ собраній, а затѣмъ ограничиться только пассивнымъ участіемъ въ комитетахъ. При этомъ было указано, что полный отказъ отъ участія въ комитетахъ явился бы нарушеніемъ высочайшей воли. Но съ другой стороны земцы не могутъ работать въ комитетахъ, не подчеркнувъ, что они работаютъ лишь въ силу высочайшаго повелѣнія за свой страхъ и рискъ, а не по уполномочію своихъ собраній, такъ какъ умолчаніе объ этомъ явилось бы также нарушеніемъ закона, Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, которое предусматриваетъ работу предсѣдателей и членовъ управъ, а также и отдѣльныхъ гласныхъ, лишь какъ исполнителей постановленій собраній.

Нѣкоторые изъ участниковъ стояли за вполнѣ активное участіе земцевъ въ работѣ уѣздныхъ и губернскихъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. По мнѣнію этихъ лицъ, организація комитетовъ даетъ возможность земству довести до свѣдѣнія правительства свое истинное мнѣніе по поднятымъ Особымъ Совѣщаніемъ вопросамъ. Въ самомъ дѣлѣ, уѣздныя управы въ большинствѣ случаевъ могутъ добиться, чтобы уѣздные предводители дворянства организовали уѣздные комитеты, если не изъ всѣхъ гласныхъ уѣздныхъ земскихъ собраній, то изъ числа всѣхъ наиболѣе дѣятельныхъ. Управы имѣютъ полную возможность внести въ эти комитеты, въ сущности же въ земскія собранія, особые

доклады. Такимъ образомъ мнѣніе уѣздныхъ комитетовъ явится мнѣніемъ тѣхъ же земскихъ собраній. Затѣмъ губернскія управы совмѣстно съ предсѣдателями уѣздныхъ управъ выработаютъ и внесутъ въ губернскіе комитеты доклады по губерніямъ. Если нѣкоторые вопросы въ губернскихъ комитетахъ пройдутъ несогласно взглядамъ земцевъ, то они имѣютъ возможность изложить свои взгляды въ особыхъ мнѣніяхъ, которыя также будутъ препровождены въ Особое Совѣщаніе. Такимъ образомъ до этого Совѣщанія дойдетъ истинное мнѣніе земства.

Это предложеніе не встрѣтило поддержки со стороны большинства. Въ опроверженіе его было высказано, что уѣздные комитеты, даже въ указанномъ выше составѣ, не могутъ все-же разсматриваться какъ земскія собранія, такъ какъ на характерѣ работы его членовъ не можетъ не отражаться сознаніе, что они участвуютъ въ комитетѣ по приглашенію предводителя, а не по предоставленному имъ закономъ праву, главное-же, что, даже при добромъ желаніи предводителя составить комитетъ возможно ближе къ соотвѣтствующему земскому собранію, при выборѣ членовъ комитета личное воззрѣніе предводителя на значеніе отдѣльныхъ гласныхъ не можетъ, конечно, не имѣть мѣста. Затѣмъ надо быть большимъ оптимистомъ, чтобы не опасаться, что въ очень значительномъ числѣ случаевъ, если не въ большинствѣ, предводители не пожелаютъ отказаться отъ предоставленнаго имъ права и, образовывая комитеты, не будутъ заботиться о томъ, чтобъ мнѣніе комитета явилось въ сущности мнѣніемъ земскаго собранія. Въ губернскихъ же комитетахъ дѣло будетъ обстоять еще хуже.

Въ заключеніе было признано, что въ силу высочайшаго повелѣнія предсѣдатели и члены управъ обязаны участвовать въ комитетахъ какъ должностныя лица, причемъ они должны заявить комитетамъ, что они принимаютъ участіе въ занятіяхъ не по уполномочію земскихъ собраній и, слѣдовательно, являются выразителями только своихъ личныхъ взглядовъ, а не мнѣній своихъ собраній.

Далѣе было высказано пожеланіе, чтобы земскія учрежденія, отдѣльно отъ комитетовъ, занялись разработкой порученныхъ комитетамъ вопросовъ и попытались обсудить ихъ въ земскихъ собраніяхъ. При обсужденіи этого пожеланія выяснилось, что нельзя разсчитывать на то, что въ большинствѣ губерній бу-

деть допущено внесеніе управами въ собранія докладовъ по этимъ вопросамъ. Поэтому наилучшимъ способомъ дать возможность высказаться по этимъ вопросамъ земскимъ собраніямъ, является, повидимому, слѣдующій: земцы, участвующіе въ комитетахъ, вносятъ въ послѣдніе записку, въ коей излагаютъ свой взглядъ на нужды сельско-хозяйственной промышленности, а затѣмъ управы эту же записку доводятъ до свѣдѣнія земскаго собранія, чтобы оно выразило свое одобреніе или порицаніе дѣйствіямъ своихъ уполномоченныхъ. Такое постановленіе собранія опротестовано быть не можетъ и явится выраженіемъ мнѣнія собранія по существу изложенныхъ въ запискѣ взглядовъ.

Этотъ способъ былъ одобренъ большинствомъ 36 голосовъ противъ 5, а затѣмъ собраніе единогласно пришло къ заключенію, что представители земствъ должны просить комитеты возбудить ходатайство о томъ, чтобы вопросъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности былъ переданъ на обсужденіе земскихъ собраній.

Далѣе было приступлено къ выработкѣ программы, могущей послужить основой для составленія тѣхъ записокъ, которыя предполагалось подать въ комитеты, причемъ было указано на крайнюю желательность подачи отъ возможно бо́льшаго числа земствъ записокъ, составленныхъ по однородной программѣ, такъ какъ только одновременное и единодушное заявленіе многихъ земствъ можетъ имѣть большій вѣсъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Прежде всего было установлено, что въ эту программу должны войти указанія не на частныя мѣропріятія для поднятія сельско-хозяйственной промышленности, могущія служить только палліативами въ этомъ дѣлѣ, а на коренныя причины народнаго бѣдствія, на тѣ недостатки въ строѣ нашей государственной жизни, которые въ корнѣ подрываютъ народное благосостояніе и безъ устраненія коихъ всѣ частныя мѣропріятія по улучшенію условій сельскаго хозяйства въ Россіи не могутъ оказать существенной пользы. Въ результатѣ происходившихъ бесѣдъ была установлена слѣдующая программа.

I. Устраненіе земскихъ учрежденій отъ выясненія нуждъ сельско-хозяйственной промышленности совершенно неправильно. Если Особое Совѣщаніе признало, что „едва ли цѣлесообразно предпринимать какія-либо мѣры, не спрося мнѣнія тѣхъ, чьи нужды удовлетворить должны эти мѣры, кто близко стоитъ къ земле-

дѣлію и кому лучше всего извѣстны его слабыя стороны и насущныя требованія",—то очевидно, что такое мнѣніе можетъ быть представлено лучше всего земскими учрежденіями, которыя являются единственными представителями всего населенія. Кромѣ того: а) земство имѣетъ въ этомъ отношеніи большой опытъ, и теоретическій, и практическій, б) земство явится въ большинствѣ случаевъ исполнителемъ намѣченныхъ мѣропріятій, что должно придать его отзывамъ особую жизненность и силу, и в) земство обладаетъ въ лицѣ своихъ экономическихъ совѣтовъ и статистическихъ отдѣленій обширной организаціей, при помощи которой только и возможно болѣе или менѣе удовлетворительно выполнить задачу—выясненія сельско-хозяйственныхъ нуждъ населенія.

II. То обстоятельство, что земскія учрежденія были запрошены о нуждахъ земледѣлія и сельско-хозяйственной промышленности въ концѣ 1894 года, не можетъ служить причиной не спрашивать эти учрежденія въ настоящее время. Въ то время имѣлось въ виду выяснить преимущественно ближайшія задачи только что возникшаго министерства земледѣлія и основанія для взаимодѣйствія послѣдняго съ мѣстными учрежденіями. Агрономическая и экономическая дѣятельность земствъ почти только что началась въ первой половинѣ девяностыхъ годовъ и лишь во второй половинѣ ихъ получила свое наибольшее развитіе. Съ другой стороны, неблагопріятныя условія, въ которыхъ находится сельско-хозяйственная промышленность, особенно рельефно обозначились въ послѣднее время, что и было причиной учрежденія Особаго Совѣщанія, которое, съ своей стороны, сознавая, очевидно, измѣнившіяся условія, признало необходимость новаго мѣстнаго опроса.

III. Образуемые въ губерніяхъ и уѣздахъ комитеты не могутъ явиться выразителями взглядовъ мѣстнаго населенія и при предположенномъ способѣ опроса будутъ получены отвѣты, не выражающіе „мнѣнія тѣхъ, чьи нужды удовлетворить должны эти мѣры, кто близко стоитъ къ земледѣлію и кому лучше всего извѣстны его слабыя стороны и насущныя требованія".

IV. Для того, чтобы вырабатываемыя правительствомъ мѣропріятія были согласованы съ дѣйствительными потребностями жизни нужно, чтобы къ участію въ работахъ высочайше учрежденнаго Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйствен-

ной промышленности были приглашены выборные отъ губернскихъ земскихъ собраній, а также слѣдуетъ признать необходимымъ, чтобы выборные представители губернскихъ земствъ были включены въ составъ учрежденнаго при министерствѣ земледѣлія сельско-хозяйственнаго совѣта, такъ какъ только при этомъ условіи центральное правительство будетъ всегда и своевременно освѣдомлено о мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ нуждахъ населенія.

V. Нужды сельско-хозяйственной промышленности отнюдь не могутъ быть удовлетворены отдѣльными частными мѣропріятіями и прежде всего необходимо устранить тѣ общія условія, которыя тормазятъ ея развитіе, такъ какъ только послѣ ихъ устраненія можно будетъ съ надеждой на успѣхъ намѣтить частныя мѣры въ области сельскаго хозяйства.

VI. Въ этихъ цѣляхъ слѣдуетъ признать необходимымъ измѣненіе слѣдующихъ неблагопріятныхъ для сельско-хозяйственной промышленности общихъ условій:

1) Такъ какъ вопросъ сельско-хозяйственный въ значительной мѣрѣ сводится къ вопросу крестьянскому, то, прежде всего, слѣдуетъ поднять личность русскаго крестьянина и обезпечить развитіе его самодѣятельности, а для этого нужно обезпечить правовое положеніе крестьянъ:—а) уравненіемъ личныхъ правъ съ лицами другихъ сословій, б) освобожденіемъ крестьянъ отъ административной опеки, в) огражденіемъ правъ крестьянъ правильною формою суда и г) отмѣною тѣлеснаго наказанія.

2) Такъ какъ при современныхъ условіяхъ жизни успѣхъ во всѣхъ видахъ промышленности (въ томъ числѣ и сельско-хозяйственной) зависитъ прежде всего отъ степени просвѣщенія народа, то необходимо предоставить общественнымъ учрежденіямъ широкую возможность скорѣйшаго осуществленія фактической общедоступности народнаго образованія, расширить объемъ даваемыхъ въ начальной школѣ знаній и устранить существующія препятствія для внѣшкольнаго просвѣщенія.

3) Такъ какъ воспособленіе сельской промышленности на мѣстахъ возложено на обязанность земскихъ учрежденій, то для того, чтобы учрежденія эти могли успѣшно выполнить эту обязанность необходимо: а) чтобы земское представительство населенія было организовано внѣ зависимости отъ сословныхъ соображеній, б) чтобы земскія учрежденія были приближены

къ сельскому населенію и в) чтобы земскимъ учрежденіямъ были обезпечены необходимыя имъ устойчивость и самостоятельность, безъ которыхъ они не могутъ быть удовлетворительными органами самоуправленія.

4) Необходимо устранить недостатки современной финансовой и экономической политики государства, въ силу которыхъ насущныя мѣстныя потребности населенія не получаютъ своего справедливаго удовлетворенія по недостатку на мѣстахъ необходимыхъ для того средствъ, тогда какъ въ то же время населеніе обременено платежами косвенныхъ налоговъ на предметы первой необходимости, а государственныя смѣты составляются такимъ порядкомъ, при которомъ ихъ выполненіе заканчивается ежегодно значительнымъ превышеніемъ доходовъ надъ расходами, отягощая тѣмъ излишне платежную способность населенія.

5) Для правильной постановки и разрѣшенія экономическихъ вопросовъ должна быть предоставлена широкая свобода гласному обсужденію ихъ вообще, въ особенности въ печати. Такая гласность существенно важна для самой разработки извѣстныхъ мѣропріятій общаго и частнаго характера и только такая гласность дастъ средства для постояннаго контроля за дѣйствіемъ и вліяніемъ принятыхъ мѣръ, только она одна дастъ возможность своевременнаго и точнаго знанія всѣхъ фактовъ текущей экономической жизни и происходящихъ въ ней перемѣнъ. Такая гласность нужна, разумѣется, не на одно только время работъ Особаго Совѣщанія, а она должна быть признана, какъ всегда необходимое условіе правильной постановки всей экономической жизни страны.

26-го мая въ томъ же составѣ, но въ помѣщеніи губернской управы, происходило совѣщаніе по вопросамъ народнаго образованія. Ежедневно, по окончаніи дневныхъ занятій, всѣ участники совѣщаній собирались въ гостинницѣ „Эрмитажъ“ въ колонномъ залѣ для товарищескихъ обѣдовъ, послѣ которыхъ въ продолжительныхъ бесѣдахъ живо и дружно обсуждались разнообразные вопросы земской и государственной жизни. Наши собранія не имѣли отнюдь характеръ какой-либо таинственности, происходили открыто и за все время не встрѣтили никакихъ препятствій со стороны мѣстной администраціи.

24-го и 25-го іюня въ Курскѣ происходили совѣщанія зем-

скихъ дѣятелей, собравшихся тамъ по случаю организованной курскимъ губернскимъ земствомъ выставки народнаго образованія; эти собранія также не вызвали подозрительнаго къ нимъ отношенія курской администраціи.

Выработанная московскимъ совѣщаніемъ программа и краткое изложеніе происходившихъ бесѣдъ, были сообщены всѣмъ губернскимъ управамъ и, казалось, не было основанія предполагать, что обсужденіе въ земской средѣ близко затрогивавшаго ее вопроса могло вызвать въ дальнѣйшемъ вмѣшательство правительственной власти. Вскорѣ, однако, выяснилось, что земскимъ бесѣдамъ пересудами и слухами, распространенными лицами, относящимися вообще отрицательно къ проявленію общественной самодѣятельности, былъ приданъ характеръ, далеко не соотвѣтствовавшій дѣйствительности. Въ нашихъ совѣщаніяхъ была усмотрѣна попытка организовать противодѣйствіе правительству и сложилось, преимущественно въ кругахъ предводителей дворянства, мнѣніе, будто земскимъ совѣщаніемъ было постановлено, что представители управъ должны проявить въ комитетахъ пассивную обструкцію, заявивъ отказъ отъ участія въ работахъ въ виду того, что земскія учрежденія были обойдены положеніемъ объ Особомъ Совѣщаніи о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Такого рода слухи и свѣдѣнія дошли до министра внутреннихъ дѣлъ и онъ, не провѣривъ ихъ и не запросивъ объясненій отъ лицъ, къ которымъ предъявлялись такія обвиненія, доложилъ Государю о земскомъ совѣщаніи въ Москвѣ съ невѣрнымъ освѣщеніемъ происходившаго и испросилъ повелѣніе объявить высочайшее неудовольствіе всѣмъ принимавшимъ участіе въ бесѣдахъ должностнымъ лицамъ (предводителямъ дворянства, предсѣдателямъ и членамъ управъ) съ предупрежденіемъ, что повтореніе такихъ дѣйствій повлечетъ за собой увольненіе отъ занимаемыхъ должностей съ воспрещеніемъ дальнѣйшаго участія въ общественной дѣятельности *). Объ этомъ мнѣ стало извѣстно только 1-го іюля, а

*) Высочайшее повелѣніе было объявлено орловскому губернскому предводителю дворянства, М. А. Стаховичу, и мнѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а остальнымъ лицамъ черезъ губернаторовъ, при чемъ министерство, повидимому, имѣло въ своихъ рукахъ списокъ участниковъ земскаго совѣщанія, прибывшихъ къ первому дню, такъ какъ прибывшимъ позже и включеннымъ въ списокъ дополнительно неудовольствіе Его Величества объявлено не было.

еще ранѣе, 28-го іюня, я получилъ отъ директора департамента полиціи, А. А. Лопухина, письмо, въ которомъ онъ, по приказанію министра внутреннихъ дѣлъ, просилъ меня прибыть въ С.-Петербургъ для объясненій съ министромъ по дѣламъ службы. Я совершенно недоумѣвалъ, по какому дѣлу В. К. Плеве желаетъ со мной переговорить, не предполагалъ чего-либо чрезвычайнаго или спѣшнаго и собрался прибыть въ С.-Петербургъ 1-го іюля, такъ какъ 29 іюня былъ праздничный, а 30-го воскресный день. 30-го числа, ранѣе предстоявшаго мнѣ отъѣзда, я получилъ телеграмму отъ М. А. Стаховича, извѣщавшаго о своемъ выѣздѣ изъ С.-Петербурга и просившаго меня дождаться въ Москвѣ его пріѣзда. Пріѣхавъ 1-го іюля въ Москву, М. А. Стаховичъ познакомилъ меня съ выяснившимся отношеніемъ центральной власти къ земскому совѣщанію и сообщилъ, что онъ былъ наканунѣ принятъ въ 10 ч. утра министромъ въ присутствіи директора департамента полиціи. Высочайшее повелѣніе было объявлено М. А. Стаховичу министромъ, стоя, въ очень рѣзкой формѣ и ему даже было отказано въ правѣ представить объясненія съ своей стороны. Предполагая, что мнѣ, какъ организатору земскаго совѣщанія, предстоитъ еще болѣе суровый пріемъ, М. А. счелъ долгомъ предупредить меня и поставить меня въ извѣстность по какому дѣлу я вызываюсь въ С.-Петербургъ. Я выѣхалъ въ тотъ же день, во время пути думалъ о предстоявшемъ мнѣ пріемѣ и готовился дать надлежащій отпоръ, если бы министръ позволилъ себѣ рѣзкое и неумѣстное ко мнѣ отношеніе.

Прибывъ въ С.-Петербургъ 2-го іюля, я въ скоромъ времени направился въ департаментъ полиціи, чтобы узнать отъ А. А. Лопухина, гдѣ и когда буду я принятъ министромъ. А. А. тотчасъ же по телефону, находившемуся на его письменномъ столѣ, обратился къ В. К. Плеве для полученія его указаній. Когда министръ отвѣчалъ на предложенный ему вопросъ, я замѣтилъ на лицѣ А. А. Лопухина выраженіе удивленія и недоумѣнія. Онъ просилъ министра повторить его распоряженіе и затѣмъ передалъ мнѣ, что министръ приметъ меня въ тотъ же день въ 10 ч. вечера на дачѣ на Аптекарскомъ острову. Меня, такъ же какъ и А. А. Лопухина, удивило назначеніе такого поздняго часа для пріема. Къ назначенному времени я былъ на дачѣ министра и тотчасъ былъ приглашенъ въ его каби-

нетъ. В. К. Плеве, вопреки моему ожиданію, принялъ меня очень любезно; мы сѣли другъ предъ другомъ около небольшого стола, на который тотчасъ же поданъ былъ чай, и министръ вызвалъ меня на продолжительную бесѣду, продолжавшуюся болѣе полутора часа. Во время нашего разговора выяснилось, что министръ признаетъ нужнымъ считаться съ настроеніемъ земской среды, признаетъ фактъ существованія извѣстной организаціи, имѣющей цѣлью объединенія земскихъ дѣятелей, и говоритъ со мной, какъ ея представителемъ, хотя одновременно объявилъ мнѣ неудовольствіе Государя за попытку создать такую общественную организацію. Вслѣдствіе этого происходившій разговоръ пріобрѣталъ извѣстный общественный интересъ и я, по возвращеніи отъ министра, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ возстановилъ нашу бесѣду въ слѣдующей записи почти со стенографической точностью.

Плеве. Я давно желалъ, Дмитрій Николаевичъ, съ вами познакомиться; я всегда съ вниманіемъ слѣдилъ за вашей общественной дѣятельностью и съ уваженіемъ къ ней относился, и очень сожалѣю, что одинъ фактъ изъ вашей дѣятельности самаго послѣдняго времени заставляетъ меня начать нашу бесѣду не такъ, какъ бы я того желалъ. Я долженъ прежде всего объявить вамъ высочайшее повелѣніе. Въ концѣ мая вами было организовано совѣщаніе земскихъ дѣятелей, на которомъ обсуждался вопросъ объ участіи представителей земскихъ управъ въ губернскихъ и уѣздныхъ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Получивъ всѣ свѣдѣнія о вашихъ совѣщаніяхъ и выработанную на нихъ программу, я доложилъ о нихъ Государю. Его Императорское Величество былъ очень возмущенъ, узнавъ о такомъ незаконномъ совѣщаніи, и усмотрѣлъ въ немъ попытку оказать противодѣйствіе правительству и лишить организуемые въ губерніяхъ и уѣздахъ комитеты по вопросамъ сельско-хозяйственной промышленности работниковъ изъ среды представителей земскихъ управъ, которые были включены въ комитеты по высочайшему соизволенію. Государь поручилъ мнѣ выразить вамъ свое неодобреніе и даже неудовольствіе и предупредить васъ, что если вами будутъ организованы вновь такія совѣщанія, то, какъ ни полезна ваша дѣятельность вообще, онъ уволитъ васъ отъ занимаемой вами должности съ воспрещеніемъ навсегда всякаго участія въ общественной дѣятельности.

Шиповъ. Долженъ я принять все выслушанное мною только къ свѣдѣнію и руководству, или имѣю право представить вашему высокопревосходительству объясненія съ своей стороны?

Плеве. Прошу васъ высказать все, что считаете нужнымъ для объясненія вашихъ дѣйствій.

Шиповъ. Прежде всего долженъ заявить, что я глубоко удрученъ и огорченъ тѣмъ, что навлекъ на себя неудовольствіе Его Императорскаго Величества. Но я долженъ объяснить, что бесѣда земскихъ людей, о которой идетъ рѣчь, не имѣла вовсе того характера, который былъ въ ней усмотрѣнъ, какъ ваше высокопревосходительство изволили мнѣ объявить. Бесѣда, происходившая въ концѣ мая въ Москвѣ, ничѣмъ не отличалась отъ цѣлаго ряда такихъ же бесѣдъ, происходившихъ въ средѣ земскихъ людей, начиная съ 1895 года. Во время всякаго рода офиціально разрѣшенныхъ съѣздовъ, какъ-то съѣзды сельскихъ хозяевъ, агрономическій, кустарный, по народному образованію и т. п., пріѣзжающіе на эти съѣзды земскіе люди естественно собираются между собой для бесѣдъ и обмѣна мнѣній по различнымъ общимъ для всѣхъ насъ практическимъ вопросамъ земской жизни. Въ этомъ году такія бесѣды происходили въ С.-Петербургѣ во время кустарнаго съѣзда и въ Москвѣ во время съѣзда пожарнаго. На этихъ бесѣдахъ обсуждались, главнымъ образомъ, вопросы, вытекавшіе изъ включенія представителей земскихъ управъ въ составъ губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ по сельско-хозяйственной промышленности. Не скрою отъ васъ, что обсужденіе этихъ вопросовъ происходило при нѣкоторомъ раздраженіи и недовольствѣ въ настроеніи земскихъ людей, для которыхъ не могло быть безразлично то, что правительство сочло возможнымъ обойти земскія учрежденія при разрѣшеніи столь важнаго вопроса о нуждахъ сельскаго хозяйства, затрагивающаго всѣ стороны нашей государственной и общественной жизни. Подъ вліяніемъ этого настроенія многіе въ то время полагали, что представителямъ управъ въ комитетахъ слѣдуетъ заявить, что они отказываются принимать въ нихъ активное участіе. Однако это мнѣніе встрѣтило возраженія и окончательно выяснить этотъ вопросъ во время пожарнаго съѣзда земскимъ людямъ не удалось, почему присутствовавшіе и согласились, въ виду важности вопроса, собраться вновь въ маѣ, пригласивъ еще нѣсколькихъ лицъ. Въ маѣ, обсудивъ

вновь тотъ же вопросъ при болѣе покойномъ настроеніи, участники бесѣды пришли къ заключенію, что разъ представители управъ включены въ составъ комитетовъ, согласно высочайше одобренному положенію Особаго Совѣщанія, то уклоненіе ихъ отъ участія въ работахъ комитетовъ было бы уклоненіемъ отъ выполненія высочайшей воли, и потому подавляющимъ большинствомъ было признано, что представители управъ въ силу высочайшаго повелѣнія обязаны принимать дѣятельное участіе въ комитетахъ, и меньшинство, раздѣлявшее противное мнѣніе, заявило, что оно подчиняется большинству. Такимъ образомъ первый результатъ нашей бесѣды былъ тотъ, что вмѣсто пассивной обструкціи комитетамъ, которая была возможна въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, теперь повсюду представители управъ примутъ активное въ комитетахъ участіе. При этомъ всѣ участники бесѣды согласились, принимая участіе въ работахъ комитетовъ, заявить, что мы можемъ высказывать только свои личныя мнѣнія, а не мнѣнія земскихъ собраній, отъ которыхъ не имѣемъ соотвѣтствующихъ уполномочій и указаній. Затѣмъ въ нашихъ бесѣдахъ мы обсуждали вопросъ объ объемѣ нашего участія въ работахъ комитетовъ. Имѣя въ виду, что Особое Совѣщаніе, какъ видно изъ его журналовъ, не ожидаетъ отъ комитетовъ разработки отдѣльныхъ вопросовъ, касающихся частныхъ мѣропріятій, а желаетъ имѣть отзывы на предложенный комитетамъ общій вопросъ о нуждахъ сельскаго хозяйства, понимая подъ этимъ вопросъ объ экономическомъ благосостояніи сельскаго населенія вообще, участники бесѣды, исходя изъ положенія, что нужды сельско-хозяйственной промышленности не могутъ быть удовлетворены частными мѣропріятіями, пока не будутъ измѣнены тѣ общія условія, которыя тормазятъ ея развитіе, сочли необходимымъ обмѣняться мнѣніями по этому поводу и выяснить себѣ какія, именно, условія, общія для всѣхъ губерній, неблагопріятно вліяютъ на экономическое благосостояніе сельскаго населенія. Таковыми условіями собесѣдники признали, какъ видно изъ имѣющейся у васъ программы,— 1) необходимость обезпеченія правового положенія крестьянъ, 2) недостаточность просвѣщенія сельскаго населенія, 3) неудовлетворительное положеніе земскихъ учрежденій, призванныхъ оказывать воспособленіе сельской промышленности на мѣстахъ, и 4) недостатки финансовой и экономической политики, вызы-

вающіе излишнее отягощеніе платежной способности населенія. Изъ представленныхъ объясненій вы можете усмотрѣть, что мы въ нашихъ бесѣдахъ задавались цѣлью выяснить себѣ, какъ лучше могутъ представители управъ выполнить свои обязанности въ комитетахъ, и что неблагопріятныя общія условія мы обсуждали исключительно съ точки зрѣнія нуждъ сельско-хозяйственной промышленности и экономическаго благосостоянія населенія. Я позволяю себѣ просить ваше высокопревосходительство представленныя мною объясненія доложить Его Императорскому Величеству.

Плеве. Я доложу Государю все мной отъ васъ выслушанное, но не знаю, измѣнитъ ли Его Величество свое заключеніе. Съ своей стороны, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, долженъ сказать, что ваши объясненія не могутъ быть признаны вполнѣ удовлетворительными. То обстоятельство, что не разрѣшенныя закономъ собранія имѣли мѣсто въ теченіе ряда лѣтъ, не можетъ служить оправданіемъ вашего послѣдняго совѣщанія и оно не можетъ быть признано законнымъ. Затѣмъ, хорошо, что въ данномъ случаѣ благоразумное большинство взяло верхъ и меньшинство ему подчинилось; но вѣдь могло быть и обратное, т.-е. большинство могло быть неблагоразумнымъ и тогда, можетъ быть, благоразумное меньшинство сочло бы себя обязаннымъ подчиниться. Поэтому такого рода организація не можетъ быть признана законной. Закончимъ на этомъ нашъ официальный разговоръ и перейдемъ къ частной бесѣдѣ.—Мнѣ давно хотѣлось съ вами побесѣдовать. Я полагаю, что мы люди близкіе по нашимъ убѣжденіямъ, и считалъ, что мы будемъ людьми одного лагеря. Не знаю, такъ ли это будетъ въ дѣйствительности, и я очень радъ случаю обмѣняться съ вами мнѣніями. Я сторонникъ земскихъ учрежденій и убѣжденъ, что никакой государственный строй немыслимъ безъ привлеченія общества къ мѣстному самоуправленію. Я не признаю возможнымъ управлять страной при посредствѣ арміи чиновниковъ и не признаю, чтобы земскія учрежденія противорѣчили нашему государственному строю. Напротивъ, считаю, что при самодержавномъ строѣ государства необходимо широкое развитіе мѣстнаго самоуправленія. Но, признавая необходимымъ участіе общества въ дѣлахъ мѣстнаго управленія, я не могу не сказать, что часто земскія учрежденія бываютъ склонны выходить изъ круга под-

вѣдомственныхъ имъ задачъ и преслѣдуютъ политическія цѣли. Въ программѣ, выработанной на совѣщаніи, происходившемъ въ Москвѣ, вы касаетесь вопроса о правовомъ положеніи крестьянскаго сословія. Не буду останавливаться на томъ, насколько затронутый вами вопросъ находится въ связи съ вопросомъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, хотя не могу отрицать, что нѣкоторая связь между этими вопросами и существуетъ, хотя, можетъ быть, и не такая тѣсная, какъ вы полагаете. Но я считаю нужнымъ отмѣтить, что земскія учрежденія не ограничиваются даже такими вопросами, а нерѣдко возбуждаютъ вопросы, прямо или косвенно касающіеся общаго правового порядка. Вы, конечно, хорошо помните и знаете, что нерѣдко земскія собранія, на обсужденіе которыхъ предлагались правительствомъ различные важные вопросы, какъ-то: о народномъ продовольствіи въ 70-хъ годахъ, о мѣстныхъ учрежденіяхъ въ 80-хъ при графѣ Лорисъ-Меликовѣ, и т. п., въ своихъ отвѣтахъ и отзывахъ, какъ напримѣръ, новгородское, черниговское земства, не оставались въ предѣлахъ предложенныхъ имъ вопросовъ и касались вопроса объ измѣненіи нашего государственнаго строя. Возбужденіе земскими учрежденіями вопросовъ политическаго характера, прямо или косвенно противорѣчащихъ существующему государственному правовому порядку, представляется не только неправильнымъ, но и вреднымъ для земскаго дѣла. Хотя я сторонникъ земскихъ учрежденій и готовъ содѣйствовать ихъ правильному развитію, но я только министръ внутреннихъ дѣлъ и обязанъ считаться съ теченіями, которыя выше меня, и эти же теченія, конечно, должны имѣть въ виду и земскія учрежденія. Между тѣмъ, возбужденіе земскими людьми вопросовъ политическаго характера усиливаетъ неблагопріятныя для общественныхъ учрежденій теченія и служитъ оружіемъ для тѣхъ, которые вообще отрицательно относятся къ принципу мѣстнаго самоуправленія. Я, повторяю, признаю необходимость широкаго развитія мѣстнаго самоуправленія и готовъ содѣйствовать установленію необходимаго между правительственными и общественными учрежденіями взаимодѣйствія, но для этого нужно прежде всего, чтобы земскія учрежденія не создавали къ этому препятствій. Я полагаю, что никакой государственный порядокъ не можетъ оставаться навсегда неизмѣннымъ и, очень можетъ быть, нашъ государственный строй

лѣтъ черезъ 30, 40, 50 долженъ будетъ уступить мѣсто другому (прошу васъ, чтобы эти слова мои не вышли изъ этихъ стѣнъ), но возбужденіе этого вопроса теперь во всякомъ случаѣ не своевременно; историческія событія должны развиваться съ извѣстною постепенностью.

Шиповъ. Позвольте мнѣ выразить вамъ глубокую благодарность за то, что вы признали возможнымъ и нужнымъ познакомить меня такъ откровенно со взглядами вашими на мѣстное самоуправленіе и на значеніе его въ нашемъ государственномъ строѣ. Если вы уполномочите меня познакомить съ содержаніемъ выслушаннаго мною моихъ товарищей по земскому представительству, какъ московской, такъ и другихъ губерній, то я увѣренъ, что это могло бы въ значительной мѣрѣ внести успокоеніе въ земскую среду и земскіе люди съ бо̀льшимъ спокойствіемъ стали бы ожидать грядущихъ событій. Позволите ли, ваше высокопревосходительство, мнѣ высказать съ своей стороны мой взглядъ на значеніе общественныхъ учрежденій?

Плеве. Очень васъ прошу.

Шиповъ. Я убѣжденный сторонникъ идеи самодержавія и признаю, что самодержавіе вполнѣ отвѣчаетъ жизнепониманію русскаго народа. Удовлетвореніе требованій общественной правды представляется мнѣ болѣе надежнымъ при самодержавіи, чѣмъ при парламентаризмѣ, т.-е. представляется болѣе обезпеченнымъ при томъ условіи, когда выраженіе и осуществленіе народной воли предоставлено самодержавному государю, который принимаетъ этимъ на себя отвѣтственную нравственную обязанность передъ населеніемъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда выраженіе народной воли является послѣдствіемъ случайно сложившагося большинства, часто на почвѣ борьбы классовыхъ или матеріальныхъ интересовъ. Знаю, что по этому вопросу существуютъ различныя мнѣнія, и я считаю нужнымъ изложить вамъ мое по этому предмету убѣжденіе. Но высказывая свою преданность идеѣ самодержавія, правильно понимаемой, я не могу отождествлять самодержавіе съ абсолютизмомъ и потому убѣжденъ, что самодержавному строю государства не можетъ противорѣчить развитіе общественной самодѣятельности. Напротивъ, при самодержавіи не только необходимо широкое участіе общества въ мѣстномъ управленіи, но если самодержавный государь принимаетъ на себя тяжелую обязанность осущест-

вленія народной воли, то для выполненія этой обязанности необходимо непосредственное общеніе его съ выбранными представителями населенія. Только при этомъ условіи самодержавный государь будетъ имѣть возможность быть всегда и близко ознакомленнымъ съ дѣйствительными потребностями населенія и положеніемъ дѣла на мѣстахъ. Переживаемое нами тяжелое положеніе обусловливается полною разобщенностью между правительствомъ и обществомъ, отсутствіемъ необходимаго взаимнаго пониманія и взаимодѣйствія. Я далекъ отъ мысли оправдывать въ этомъ отношеніи общество и полагаю, что отчасти причина такого положенія заключается въ современномъ состояніи общества. Общество наше находится въ болѣзненномъ процессѣ, въ немъ преобладаютъ отрицательныя настроенія, мало положительныхъ идеаловъ и отсутствуетъ опредѣленное общественное мнѣніе. Но, если вы признаете необходимымъ участіе общественныхъ элементовъ въ нашемъ государственномъ строѣ, то въ такомъ случаѣ, мнѣ кажется, нельзя не согласиться, что правительство должно быть заинтересовано въ воспитаніи общества для участія его въ государственной жизни, а это возможно только при условіи обезпеченія обществу необходимой организаціи и путемъ привлеченія его къ совмѣстной работѣ съ правительственными учрежденіями. Между тѣмъ, пропасть, отдѣляющая правительство отъ общества, за послѣднее время все увеличивается и это замѣчается особенно послѣ того, какъ по всей Россіи получила широкое распространеніе записка министра финансовъ: „Самодержавіе и Земство“, въ которой устанавливается положеніе, будто принципъ мѣстнаго самоуправленія противорѣчитъ идеѣ самодержавія. Согласно этому положенію, всѣ, кому дорого самоуправленіе и кто считаетъ своимъ долгомъ отстаивать необходимыя учрежденіямъ мѣстнаго самоуправленія свободу и самостоятельность,—признаются, какъ бы, неблагонадежными въ политическомъ отношеніи. Возможна ли при такомъ условіи спокойная работа земскихъ людей, и можетъ ли быть при немъ нормально настроеніе земской среды? Вслѣдъ за этой запиской появляются законодательныя новеллы, служащія, какъ бы, подтвержденіемъ, что правительство усвоило себѣ программу, изложенную въ запискѣ министра финансовъ, и намѣрено ее послѣдовательно проводить. Наконецъ, въ самое послѣднее время, авторъ записки

назначается предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія, которое признало возможнымъ, при обсужденіи столь важнаго вопроса, какъ вопросъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, затрогивающій всѣ стороны общественной жизни, обойти общественныя земскія учрежденія. Указывая на этотъ фактъ, я долженъ оговориться, что не могу признать, что только одни земскія учрежденія, особенно при настоящемъ ихъ составѣ, могутъ сообщить необходимый Особому Совѣщанію матеріалъ и высказать вполнѣ компетентныя мнѣнія, но опросъ общественныхъ учрежденій въ данномъ случаѣ имѣетъ не столько практическое значеніе, сколько принципіальное.

Плеве. По поводу сдѣланныхъ вами указаній на записку министра финансовъ скажу вамъ, что въ средѣ министровъ нѣтъ ни одного, который былъ бы болѣе С. Ю. Витте убѣжденъ въ необходимости общественной самодѣятельности и широкаго развитія мѣстнаго самоуправленія. Записка, о которой вы говорите, имѣла главнымъ своимъ назначеніемъ свергнуть моего предшественника, И. Л. Горемыкина, а также предупредить распространеніе положенія о земскихъ учрежденіяхъ на нашихъ окраинахъ. Съ послѣднимъ я, съ своей стороны, совершенно согласенъ. Къ стыду нашему, мы не сумѣли создать себѣ на окраинахъ такое положеніе, при которомъ возможно было бы предоставить имъ мѣстное самоуправленіе. Я не поклонникъ политики С. Ю. Витте (прошу, чтобы это также осталось между нами), но долженъ сказать, что онъ не противникъ общественныхъ учрежденій. Я преклоняюсь предъ его геніальными способностями, создавшими настоящее блестящее положеніе нашихъ государственныхъ финансовъ, думаю, что будущія поколѣнія еще болѣе будутъ ему благодарны за то, что для нихъ дѣлается въ настоящее время, но не могу не признавать, что все, что дѣлается теперь для обезпеченія будущихъ поколѣній, ложится слишкомъ тяжелымъ бременемъ на платежную способность современнаго населенія. Въ виду этого я считаю очень полезнымъ, чтобы въ тѣхъ запискахъ, которыя представители земскихъ управъ предполагаютъ внести въ мѣстные комитеты, было обращено особое вниманіе на слабыя стороны нашей финансовой и экономической политики. Возвращаясь къ тому, что вами было высказано, я, признавая отмѣченную вами разобщенность правительства и общества, а также признавая необходимость

постройки моста черезъ пропасть, ихъ отдѣляющую,—не могу согласиться съ вами, будто при самодержавномъ строѣ необходимо общеніе государственной власти непремѣнно съ выборными представителями, и думаю, что взаимодѣйствіе правительства съ обществомъ возможно путемъ общенія правительства съ должностными лицами общественнаго управленія. Для созданія необходимаго взаимодѣйствія съ обществомъ правительству нужны свѣдущіе люди, хорошо знакомые съ мѣстными условіями и потребностями, а такими лучше всего могутъ быть, напримѣръ, предсѣдатели губернскихъ управъ, которые уже облечены довѣріемъ земскихъ собраній и ближе всего стоятъ къ земскому дѣлу. Если бы рѣчь шла о представительствѣ интересовъ, то тогда, конечно, были бы нужны выборные представители, которые явились бы представителями опредѣленныхъ интересовъ; но объ этомъ теперь рѣчи нѣтъ и правительству нужны только свѣдущіе люди. Затѣмъ при выборномъ представительствѣ не далеко и до земскаго собора.

Шиповъ. Лица, избранныя земскими собраніями для завѣдыванія дѣлами земскаго управленія, не всегда отвѣчаютъ тѣмъ требованіямъ, которыя должны быть предъявлены къ лицамъ, приглашаемымъ правительствомъ въ качествѣ свѣдущихъ людей. Очень часто земскія собранія избираютъ въ составъ управъ людей, болѣе склонныхъ къ практической, хозяйственной дѣятельности, но эти лица не всегда могутъ обладать широтой взгляда и подготовкой, необходимыми при обсужденіи государственныхъ вопросовъ. Представительство интересовъ было всегда чуждо русскому духу, и, нужно надѣяться, никогда на Руси не разовьется. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1890 года ввело сословную группировку въ земскую среду; дворянство, купечество и крестьянство имѣютъ своихъ представителей въ земскихъ собраніяхъ. Какіе же получились отъ этого результаты? Пониженіе земской дѣятельности, апатія въ общественномъ настроеніи, но ни дворянство, ни купечество не явились въ земскихъ собраніяхъ представителями своихъ классовыхъ интересовъ. И тѣ, и другіе въ земскомъ общественномъ дѣлѣ продолжали руководиться земской нравственной идеей и соединяли свои силы и свои средства для удовлетворенія насущныхъ потребностей массы населенія, наименѣе обезпеченной. Я увѣренъ, что когда государственной властью

будутъ призваны выборные земскіе люди, то они явятся представителями земли и всего населенія и будутъ обсуждать единое для всѣхъ государственное—земское дѣло, а не явятся представителями классовыхъ интересовъ.

Плеве. Во всякомъ случаѣ такая постановка вопроса теперь несвоевременна, и въ настоящее время можетъ быть поставленъ на очередь вопросъ лишь объ общеніи правительства съ должностными лицами общественнаго управленія. Прошу васъ, Д. Н., не подавать болѣе повода къ бесѣдамъ такого характера, который имѣлъ нашъ разговоръ сегодня вначалѣ. Я желаю и постараюсь привлекать предсѣдателей губернскихъ управъ къ совмѣстному при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ обсужденію различныхъ вопросовъ, входящихъ въ компетенцію земскихъ учрежденій.—Теперь перейдемъ къ другимъ вопросамъ. Недавно я получилъ вновь ходатайство московскаго земства объ экономическихъ попечительствахъ. Я ранѣе въ своемъ отзывѣ указывалъ, что земство могло бы организовать такія попечительства на основаніи ст. 105 полож. о земск. учр.; теперь губернская управа въ своемъ представленіи разъясняетъ тѣ затрудненія, которыя могутъ при этомъ встрѣтиться. Мнѣ хотѣлось бы знать ваше мнѣніе по вопросу о мелкой земской единицѣ, а также, какъ отнеслись бы вы къ мысли объ упраздненіи уѣздныхъ земскихъ учрежденій? Пожалуйста, не считайте, что это мое предположеніе, какъ министра внутреннихъ дѣлъ; это—мысль, которая пришла совершенно случайно.

Шиповъ. Упраздненіе уѣздныхъ земскихъ учрежденій, по моему мнѣнію, совершенно невозможно. Если теперь очень часто слышатся справедливыя указанія на то, что губернскія земскія учрежденія слишкомъ далеки отъ населенія, то что же будетъ, если губернской управѣ придется имѣть непосредственныя отношенія съ цѣлой сѣтью мелкихъ организацій въ губерніи? По существу дѣла нужно, чтобы мелкія земскія единицы объединялись въ уѣздномъ земствѣ, уѣздныя земства—въ губернскомъ, а губернскія—государствомъ. Только такая организація можетъ создать правильный государственный земскій строй. Что касается мелкой земской единицы, то я могу высказать по этому вопросу только мое личное мнѣніе. Этотъ вопросъ обсуждался земскими людьми въ прошломъ году въ Москвѣ на агрономическомъ съѣздѣ, и представители москов-

скаго земства разошлись въ мнѣніяхъ съ представителями другихъ губерній. Мои товарищи и я, признавая въ принципѣ необходимость образованія мелкихъ земскихъ единицъ, думаемъ, что для практическаго разрѣшенія этого вопроса нѣтъ еще въ наличности нужныхъ условій. Я уже изложилъ вамъ мой взглядъ на современное состояніе общества; я не вижу тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые могли бы принять на себя руководящую роль въ жизни мелкихъ земскихъ единицъ.

Плеве. Даже въ московской губерніи?

Шиповъ. Да, и въ нашей губерніи. Сословная группировка общества послѣ реформъ 60-хъ годовъ потеряла естественно всякое значеніе, а новая группировка общества не получила еще опредѣленнаго выраженія. Затѣмъ, не знаю, можно ли говорить о созданіи мелкой земской единицы на ряду съ существующей крестьянской волостью, исполняющею много всесословныхъ обязанностей, но содержащейся на средства одного сословія?

Плеве. Конечно, нѣтъ.

Шиповъ. А если такъ, то, прежде рѣшенія вопроса о мелкой земской единицѣ, необходима продолжительная законодательная работа по пересмотру положенія о крестьянахъ. Далѣе, можно ли говорить о созданіи мелкой земской единицы при существующихъ цензовыхъ условіяхъ для участія въ земскихъ учрежденіяхъ? При настоящихъ условіяхъ встрѣчаются очень часто затрудненія не только при выборѣ состава уѣздныхъ управъ, но и для избранія достаточнаго числа уѣздныхъ гласныхъ. Откуда же при такихъ условіяхъ найдется многочисленный контингентъ лицъ, необходимый для образованія мелкихъ земскихъ единицъ и ихъ исполнительныхъ органовъ? Нельзя также признать возможной дальнѣйшую децентрализацію земскаго обложенія на установленныхъ для него нынѣ основаніяхъ. Неравномѣрность распредѣленія имуществъ, подлежащихъ обложенію въ уѣздахъ той же губерніи, служитъ нерѣдко почвой для недоразумѣній между губернскимъ и уѣздными земствами. Но насколько осложнится вопросъ, если, напримѣръ, находящаяся въ уѣздѣ крупная фабрика, уплачивающая значительную долю уѣзднаго земскаго сбора, будетъ отнесена къ одной мелкой земской единицѣ въ уѣздѣ? Въ виду этихъ соображеній я полагаю, что теперь необходимо поскорѣе разрѣшить вопросъ о со-

зданіи на мѣстахъ мелкихъ исполнительныхъ органовъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій. Образовать ихъ на основаніи ст. 105 нельзя, такъ какъ на основаніи этой статьи могутъ быть избираемы только лица, удовлетворяющія условіямъ ценза. Къ участію въ экономическихъ попечительствахъ желательно привлечь:—духовенство, учителей, врачей, мелкихъ землевладѣльцевъ, арендаторовъ и т. п., но, главнымъ образомъ, болѣе развитыхъ крестьянъ. Работа экономическихъ попечительствъ будетъ воспитывать самодѣятельность въ населеніи, выяснить ему ближе задачи, преслѣдуемыя земствомъ, и облегчитъ проведеніе въ жизнь необходимыхъ мѣропріятій, при посредствѣ которыхъ только и можетъ быть поднято экономическое благосостояніе населенія. Если ходатайство московскаго земства будетъ удовлетворено, то, очень вѣроятно, по примѣру московской губерніи, экономическія попечительства создадутся и въ другихъ губерніяхъ, и когда правительствомъ будетъ закончена необходимая для созданія самостоятельныхъ и самооблагающихся земскихъ единицъ предварительная обширная законодательная работа, то къ тому времени на мѣстахъ уже подготовятся кадры работниковъ для такихъ организацій.—Затѣмъ въ отвѣтъ на вопросъ министра я изложилъ детально предполагаемыя функціи попечительствъ въ различныхъ отрасляхъ земскаго дѣла.—Послѣ этого министръ перешелъ къ другимъ вопросамъ.

Плеве. Въ дѣлѣ народнаго образованія я не могу признать нормальнымъ параллельное существованіе двухъ начальныхъ школъ, между собой, какъ бы, конкурирующихъ. Но и въ этомъ дѣлѣ лица, близко стоящія къ школѣ земской, часто своими дѣйствіями препятствуютъ желательному разрѣшенію вопроса. Скажите, зачѣмъ, напримѣръ, во время послѣднихъ курсовъ въ Курскѣ, нужно было учителямъ и учительницамъ земскихъ школъ устраивать демонстрацію на станціи жел. дор. при проѣздѣ гр. Л. Н. Толстого? Я признаю въ лицѣ Л. Н. выдающагося беллетриста и геніальнаго мыслителя; но вѣдь здѣсь, въ С.-Петербургѣ, никто не сочтетъ поступокъ учителей за актъ выраженія уваженія къ великому писателю, а всѣ усмотрятъ въ немъ демонстрацію, направленную противъ правительства. Согласитесь, что это не можетъ содѣйствовать правильному разрѣшенію вопроса объ объединеніи начальной школы.

Шиповъ. Я согласенъ, что поступокъ курскихъ учителей и учительницъ можетъ быть понятъ здѣсь такъ, какъ вы сказали, но обусловливается это, думается мнѣ, отсутствіемъ необходимой связи между правительствомъ и обществомъ и правильнаго взаимнаго пониманія. Вслѣдствіе этого каждая сторона склонна оцѣнивать дѣйствія другой не по ихъ существу, а предусматривать въ нихъ демонстрацію или противодѣйствіе себѣ.

Плеве. Я желалъ бы выслушать ваше мнѣніе относительно значенія, такъ называемаго, „третьяго элемента“ въ земскихъ учрежденіяхъ. Контингентъ лицъ, приглашаемыхъ на земскую службу, быстро растетъ количественно, пріобрѣтаетъ, повидимому, все бо́льшее значеніе, а, между тѣмъ, въ громадномъ большинствѣ представляется далеко неблагонадежнымъ въ политическомъ отношеніи.

Шиповъ. Высказываясь предъ вами съ полной откровенностью, я долженъ сказать, что, по глубокому моему убѣжденію, будущность земскаго дѣла заключается въ „третьемъ элементѣ“.

Плеве. Неужели?!.

Шиповъ. Я уже имѣлъ случай сказать, что въ настоящее время ни одна сословная группа, какъ таковая, не можетъ претендовать на руководящую роль въ жизни общества. Эта роль можетъ принадлежать теперь и въ будущемъ только тѣмъ общественнымъ группамъ, которыя явятся средоточіемъ умственныхъ и духовныхъ силъ, а эти силы преимущественно сосредоточиваются въ „третьемъ элементѣ“. Въ числѣ „третьяго элемента“ есть, несомнѣнно, люди неблагонадежные въ политическомъ отношеніи, какъ таковые же, найдутся и въ земской средѣ, но едва ли возможно обобщать заключеніе о политической неблагонадежности большинства лицъ, составляющихъ „третій элементъ“. Нельзя не принять во вниманіе, что извѣстное, неспокойное и легко возбуждаемое настроеніе этой среды находится въ значительной мѣрѣ въ зависимости отъ неопредѣленности часто ихъ положенія не только въ государствѣ, но и въ земствѣ. Въ большинствѣ же эти люди вполнѣ безкорыстно посвящаютъ свой трудъ земскому общественному дѣлу.

Плеве. Что касается безкорыстія, то я вполнѣ увѣренъ, что люди эти не преслѣдуютъ матеріальныхъ интересовъ, довольствуются скромнымъ содержаніемъ и являются самоотвержен-

ными работниками; но въ то же время я полагаю, что они преслѣдуютъ, главнымъ образомъ, политическія цѣли—разрушеніе всего существующаго соціальнаго строя.

Шиповъ. Повторяю, что какъ среди „третьяго элемента", такъ и въ земской средѣ найдутся люди, руководящіеся указанными вами цѣлями, но они составляютъ исключенія. Мнѣ давно и близко приходится работать съ „третьимъ элементомъ" въ земствѣ и я долженъ сказать, что значительное большинство этихъ лицъ являются скорѣе толстовцами, въ лучшемъ значеніи этого слова, т.-е. не въ смыслѣ отрицанія государственнаго строя, а въ смыслѣ сознанія лежащаго на всѣхъ людяхъ нравственнаго долга—служить всѣми своими силами своимъ ближнимъ, благу общему. Руководясь этой нравственной идеей, „третій элементъ" и пріобрѣтаетъ значеніе той силы, которую онъ имѣетъ въ земскомъ дѣлѣ.

Затѣмъ министръ опять говорилъ о своемъ намѣреніи организовать общеніе министерства внутреннихъ дѣлъ съ предсѣдателями губернскихъ управъ. Признавая, что для осуществленія этого предположенія необходима предварительная работа, В. К. Плеве просилъ меня принять въ ней участіе и выбрать для того время, болѣе мнѣ удобное, чтобы не помѣшать моимъ текущимъ занятіямъ. Я указалъ, что для меня такое время совпадаетъ съ окончаніемъ сессіи очередного губернскаго земскаго собранія. Послѣ этого министръ говорилъ, что онъ разсчитываетъ на мое ближайшее сотрудничество въ недалекомъ будущемъ и, хотя онъ не высказывался опредѣленно, но я могъ понять, что онъ имѣетъ меня въ виду, какъ кандидата на должность начальника проектировавшагося въ то время главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства. Прощаясь со мной, В. К. Плеве проводилъ меня до слѣдующей комнаты. При выходѣ изъ кабинета я сказалъ министру, что не получилъ его отвѣта на мой вопросъ—могу ли я сообщить моимъ товарищамъ по земскому представительству, какъ московской, такъ и другихъ губерній, все мною выслушанное во время нашего разговора? В. К. Плеве, подумавъ и затѣмъ предпославъ нѣсколько любезныхъ словъ по моему адресу, сказалъ: „Предоставляю вашему усмотрѣнію форму и объемъ сообщенія вашимъ товарищамъ содержанія нашей бесѣды".

На слѣдующій день я посѣтилъ министра финансовъ, С. Ю. Витте, согласно его желанію, переданному мнѣ М. А. Стаховичемъ. По предложенію С. Ю. Витте я подробно сообщилъ ему мой разговоръ съ В. К. Плеве въ части, касавшейся земскаго совѣщанія, и изложилъ всѣ соображенія, которыми руководились земскіе дѣятели при обсужденіи между собой вопросовъ, вытекавшихъ изъ приглашенія представителей земскихъ управъ къ участію въ мѣстныхъ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, а затѣмъ между нами произошла слѣдующая бесѣда, записанная мной тотчасъ по возвращеніи отъ С. Ю. Витте.

Витте. Я очень радъ, что вы встрѣтили любезный пріемъ со стороны министра внутреннихъ дѣлъ. Можетъ быть, я косвенно оказалъ этому нѣкоторое содѣйствіе; я говорилъ съ В. К. послѣ того, какъ у него былъ М. А. Стаховичъ. Даже вначалѣ, когда предполагалось, что бесѣды земскихъ людей имѣли въ виду организовать обструкцію мѣстнымъ комитетамъ, я совѣтовалъ оставить васъ въ покоѣ и говорилъ, что не слѣдуетъ это дѣло раздувать. Теперь же, когда выяснилось, что на вашихъ бесѣдахъ была дана совершенно правильная постановка вопроса, я тѣмъ болѣе не вижу повода придавать вашимъ собраніямъ то значеніе, которое въ нихъ было усмотрѣно. Я имѣю вашу программу. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ ея я, можетъ быть, съ вами разойдусь, это будетъ зависить отъ различія нашихъ взглядовъ и убѣжденій, но я долженъ признать, что всѣ пункты вашей программы не выходятъ изъ рамокъ предложеннаго комитетамъ общаго вопроса. Я нахожу такой обмѣнъ мнѣній, какой происходилъ въ Москвѣ между земскими людьми, очень полезнымъ для дѣла. Для Особаго Совѣщанія нѣтъ надобности въ разработкѣ мѣстными комитетами отдѣльныхъ пунктовъ его программы, а важно выяснить на мѣстахъ общія условія, тормазящія развитіе сельско-хозяйственной промышленности. Обсужденіе этого вопроса въ такомъ совѣщаніи, какое было въ Москвѣ, даетъ возможность установить общій взглядъ и общее мнѣніе, что не можетъ не имѣть значенія. Какъ предсѣдатель Особаго Совѣщанія, я сочту долгомъ доложить объ этомъ Государю. Скажите, пожалуйста, какъ вамъ, земскимъ людямъ, живется и какъ вы себя чувствуете?

Шиповъ. Живется и чувствуется намъ очень нехорошо.

Земство окружено такой атмосферой недовѣрія, которая не позволяетъ земскимъ людямъ спокойно работать и мы находимся всегда въ какомъ-то нервномъ возбужденіи. Вмѣсто того, чтобы спокойно заниматься тѣмъ или другимъ практическимъ дѣломъ, озабочиваясь лишь тѣмъ, какъ лучше его разрѣшить по существу и въ интересахъ населенія, приходится сосредоточивать все свое вниманіе на другой сторонѣ дѣла—предусматривать, какъ бы не вызвать подозрѣній со стороны администраціи и какъ предупредить различныя формальныя затрудненія, которыя неизбѣжно встрѣтятся. Невозможно работать какъ слѣдуетъ при существующей разобщенности правительства и общества, при отсутствіи между ними взаимнаго довѣрія и необходимаго взаимодѣйствія.

Витте. Чѣмъ объясняете вы, что эти условія за послѣднее время, повидимому, ухудшаются?

Шиповъ. Могу ли я говорить совершенно откровенно?

Витте. Прошу васъ отнюдь не стѣсняться. Мы говоримъ не какъ министръ и предсѣдатель управы, а какъ частныя лица.

Шиповъ. Въ такомъ случаѣ я позволю себѣ сказать, что записка ваша по вопросу о введеніи земскихъ учрежденій въ западномъ краѣ, получившая большое распространеніе, внесла въ земскую среду большую смуту.

Витте. Почему?!

Шиповъ. Въ этой запискѣ устанавливается положеніе, что земскія учрежденія не совмѣстимы съ самодержавнымъ строемъ государства, а отсюда получается выводъ, что всѣ, кому дорого мѣстное самоуправленіе и кто стоитъ за необходимую самостоятельность земскихъ учрежденій, люди политически неблагонадежные. Это не могло не усилить разобщенность между правительствомъ и обществомъ.

Витте. Записка моя была совершенно невѣрно понята; она не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что могло бы вызвать недовольство въ земской средѣ. Я и въ настоящее время не отступаю отъ того, что я говорилъ въ своей запискѣ, т.-е. я считаю безусловно вѣрными и никѣмъ неопровергнутыми два основныхъ положенія моей записки. Первое положеніе то, что предоставленіе обществу участія въ управленіи мѣстномъ предрѣшаетъ неизбѣжность предоставленія ему участія въ управле-

ніи верховномъ. Это аксіома, находящая себѣ подтвержденіе въ исторіи всѣхъ странъ, въ наукѣ и ни одинъ добросовѣстный человѣкъ не можетъ отрицать вѣрность этого положенія. Въ Россіи со мной согласны такіе представители государственной науки, какъ Градовскій, Чичеринъ и другіе. Со мной не соглашаются только такіе люди, какъ мой милѣйшій пріятель, князь Алексѣй Дмитріевичъ Оболенскій, который витаетъ въ области теоретической фантазіи и полагаетъ, что русскій народъ какой то особенный, руководящійся какой-то особой идеей. Я съ этимъ, конечно, согласиться не могу и считаю, что всѣ народы одинаковы, какъ англичане, французы, нѣмцы, японцы, такъ и русскіе. Что хорошо для однихъ, то почему же тоже не будетъ хорошо и для другихъ?

Шиповъ. (перебивая) Позвольте мнѣ, оставаясь добросовѣстнымъ, съ вами не согласиться.

Витте. Да развѣ въ государствахъ съ представительной формой правленія дѣло идетъ хуже? Такъ почему же намъ отъ этого положенія отрекаться? Въ своей запискѣ я говорю, что земскія учрежденія—историческій фактъ нашей государственной жизни и объ упраздненіи ихъ не можетъ быть рѣчи и что участіе общества въ управленіи мѣстномъ предрѣшаетъ его участіе въ управленіи верховномъ. Какъ министръ, я считалъ своимъ долгомъ открыто сказать объ этомъ, чтобы Государю извѣстно было, куда мы неизбѣжно идемъ. Второе положеніе моей записки слѣдующее. Если земскія учрежденія существуютъ и упразднены быть не могутъ, то имъ нужно давать жить, а имъ жить не даютъ, что я и выяснилъ въ моей запискѣ. Отчего земскія учрежденія находятся въ такомъ недовольствѣ и не покойны? Да потому, что они въ настоящемъ ихъ видѣ учрежденія безпочвенныя, они висятъ въ воздухѣ (показываетъ руками). Снизу отъ земли и народа ихъ отдѣляетъ бюрократическая стѣнка,—сверху надъ земствомъ бюрократическая подушка. Земцы просятся внизъ—не пускаютъ; земцы просятся вверхъ—не пускаютъ. Ну куда же вамъ дѣваться; вотъ вы и мечетесь. Устранить вовсе неизбѣжность хода политическихъ событій невозможно, но задержать ихъ развитіе можно. Для этого необходимо приблизить земскія учрежденія къ населенію и дать имъ большое практическое дѣло. Какъ министръ-финансовъ, я не нахожу возможнымъ широкое проведеніе въ насе-

леніе экономическихъ мѣропріятій, безъ которыхъ немыслимо улучшеніе его благосостоянія, помимо общественной самодѣятельности. Но для этого нужно, чтобы земскія учрежденія стали учрежденіями народными и чтобы ничто не отдѣляло ихъ отъ населенія; нужно создать мелкую земскую единицу. Если при этихъ условіяхъ на земство будетъ возложено проведеніе въ жизнь многочисленныхъ необходимыхъ экономическихъ мѣропріятій, то у земцевъ будетъ такая масса практическаго дѣла, которая дастъ имъ большое удовлетвореніе и на долго отвлечетъ ихъ отъ политическихъ поползновеній. Кромѣ моей записки, что же еще вызываетъ недовольство земскихъ людей?

Шиповъ. Послѣ вашей записки появляются законодательныя новеллы, являющіяся, по нашему мнѣнію, выполненіемъ программы, намѣченной въ вашей запискѣ. Продовольственное дѣло изъемлется изъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій.

Витте. Вотъ тутъ я долженъ съ вами согласиться. Такое разрѣшеніе продовольственнаго вопроса было большой ошибкой. Я предвидѣлъ это и предупреждалъ Д. С. Сипягина, но убѣдить его не удалось; онъ настаивалъ, а я, къ сожалѣнію, согласился. Теперь дѣло по существу, очевидно, поставлено неудовлетворительно, а устраненіе земскихъ учрежденій, конечно, не могло быть для нихъ не обиднымъ. Еще что?

Шиповъ. Затѣмъ законъ о предѣльности земскаго обложенія.

Витте. Тутъ опять недоразумѣніе. Въ этомъ законѣ нѣтъ ничего, что могло бы быть оскорбительнымъ для земскихъ учрежденій. Нигдѣ не признается правильнымъ и допустимымъ неограниченное обложеніе имуществъ, какъ мѣстными, такъ и государственными сборами. Доходность имуществъ, привлекаемыхъ къ обложенію, можетъ быть использована въ этихъ цѣляхъ не свыше извѣстнаго предѣла. Установить этотъ предѣлъ для земскаго обложенія въ настоящее время не представляется возможнымъ, впредь до окончанія оцѣночныхъ работъ, и законъ 12 іюня 1900 г. имѣетъ временный характеръ. Если при установленномъ предѣлѣ земскаго обложенія земскія учрежденія не будутъ имѣть достаточныхъ средствъ для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, то необходимыя имъ средства могутъ быть отпущены государствомъ. Почему земства не пользуются этимъ источникомъ? Въ государственную смѣту 1901 года на

этотъ предметъ было внесено 500.000 рублей, а земскими учрежденіями было использовано только около 50.000 рублей. Если 500.000 рублей будетъ мало, я готовъ увеличить это ассигнованіе значительно, въ мѣрѣ дѣйствительной потребности.

Шиповъ. Если бы рѣчь шла объ установленіи вообще максимальнаго предѣла для обложенія имуществъ земскими сборами, какъ вы только что сказали, то, конечно, такая постановка вопроса представлялась бы совершенно правильной и не могла бы вызвать недовольства въ земской средѣ. Но вѣдь законъ 12 іюня 1900 года не устанавливаетъ такого предѣла, а ограничиваетъ только ежегодное увеличеніе обложенія опредѣленнымъ процентомъ и такимъ образомъ только стѣсняетъ самостоятельность земства въ самомъ существенномъ для него правѣ—правѣ самообложенія. Пользоваться же правительственными субсидіями при установленныхъ условіяхъ, земскія учрежденія воздерживаются изъ опасенія потерять еще болѣе въ своей самостоятельности.

Витте. На что еще можете вы указать?

Шиповъ. Въ самое послѣднее время состоящее подъ вашимъ предсѣдательствомъ Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности признало возможнымъ при разрѣшеніи столь важнаго вопроса, затрогивающаго всѣ стороны нашей общественной жизни, обойти земскія учрежденія.

Витте. Прошу васъ вѣрить, что я говорю совершенно искренно. Въ Особомъ Совѣщаніи я высказывался за опросъ земскихъ учрежденій, но встрѣтилъ возраженія со стороны Д. С. Сипягина, который былъ поддержанъ А. С. Ермоловымъ и большинствомъ членовъ Совѣщанія. Мнѣ съ трудомъ удалось провести составъ комитетовъ въ настоящемъ ихъ видѣ. Я признавалъ нужнымъ въ этомъ дѣлѣ обратиться къ земскимъ учрежденіямъ и предчувствовалъ, что обходъ ихъ вызоветъ недовольство въ обществѣ. Но скажите мнѣ откровенно—полагаете ли вы, что земскія собранія могутъ по существу дѣла, въ данномъ случаѣ, высказать компетентныя мнѣнія и дать вполнѣ опредѣленныя указанія?

Шиповъ. Говоря откровенно, я долженъ согласиться, что земскія собранія, особенно при настоящемъ ихъ составѣ, едва ли окажутся на высотѣ задачи, но, тѣмъ не менѣе, привлеченіе ихъ къ обсужденію вопроса о нуждахъ сельскаго хозяйства

представляется мнѣ безусловно необходимымъ, и не столько въ практическихъ цѣляхъ, сколько съ точки зрѣнія принципіальной—политической.

Витте. И я такъ же смотрю на этотъ вопросъ. На дняхъ я получилъ ходатайство московскаго губернскаго комитета о томъ, чтобы земскимъ собраніямъ было предложено представить Особому Совѣщанію свои отзывы о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Я доложу это ходатайство Совѣщанію, но не знаю, признаетъ ли оно возможнымъ представить возбужденный въ этомъ ходатайствѣ вопросъ Его Императорскому Величеству. Во всякомъ случаѣ ближайшее засѣданіе Совѣщанія можетъ быть не ранѣе конца октября или начала ноября, когда уѣздныя собранія будутъ уже закончены, а до открытія губернскихъ останется очень мало времени.

Шиповъ. Для разсмотрѣнія столь важнаго вопроса земскія собранія охотно соберутся въ экстренныхъ сессіяхъ.

Витте. Да, но тогда это можетъ задержать работу Совѣщанія и, я не знаю, согласится ли на созывъ экстренныхъ земскихъ собраній министръ внутреннихъ дѣлъ. Кромѣ того, едва ли вообще будетъ признано возможнымъ отступить отъ порядка опроса, уже высочайше одобреннаго по предложенію Особаго Совѣщанія. Нельзя ли иными путями подойти къ разрѣшенію этого вопроса? Съ своей стороны, я буду ходатайствовать передъ Его Величествомъ о включеніи нѣсколькихъ предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ въ Особое Совѣщаніе; я буду широко практиковать передачу на предварительное заключеніе земскихъ собраній различныхъ проектовъ, вырабатываемыхъ подготовительными комиссіями при Особомъ Совѣщаніи, ранѣе окончательнаго обсужденія ихъ въ этомъ Совѣщаніи. Не имѣете ли вы предложить что-либо съ своей стороны?

Шиповъ. Во время бесѣдъ земскихъ людей въ Москвѣ былъ намѣченъ слѣдующій порядокъ, который могъ бы предоставить земскимъ собраніямъ возможность, хотя косвеннымъ путемъ, выразить свои мнѣнія по вопросамъ, предложеннымъ Особымъ Совѣщаніемъ. Во многіе уѣздные комитеты и въ большинство губернскихъ представителями земскихъ управъ будутъ, вѣроятно, представлены записки, составленныя по программѣ, имѣющейся у васъ. Эти записки могутъ имѣть, конечно, значеніе только личнаго мнѣнія ихъ составителей, такъ какъ предста-

вители управъ не будутъ имѣть соотвѣтственныхъ указаній своихъ собраній. Однако, предсѣдатели и члены управъ не могутъ не сознавать лежащей на нихъ отвѣтственности за свои дѣйствія предъ своими собраніями, потому что они всетаки включены въ составъ комитетовъ не какъ частныя лица, а какъ должностныя лица земскаго управленія. Въ виду этого мы согласились между собой представить отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ въ комитетахъ своимъ земскимъ собраніямъ, сообщить имъ къ свѣдѣнію поданныя нами записки и просить одобренія собраніями нашихъ дѣйствій. Представленіе такихъ отчетовъ не можетъ, казалось бы, вступить въ противорѣчіе съ порядкомъ опроса, установленнымъ Особымъ Совѣщаніемъ, а заключенія собраній по такимъ отчетамъ управъ въ значительной мѣрѣ усилятъ компетентность мнѣній, высказанныхъ въ запискахъ, а въ противныхъ случаяхъ подчеркнутъ, что изложенныя въ запискахъ мнѣнія—личныя мнѣнія ихъ составителей.

Витте. Это было бы хорошо, но не можетъ ли такой порядокъ встрѣтить препятствій съ формальной стороны,—со стороны положенія о земскихъ учрежденіяхъ?

Шиповъ. Со стороны „положенія“ не можетъ встрѣтиться никакихъ препятствій, но затрудненія могутъ явиться, и несомнѣнно будутъ, со стороны администраціи. Уже теперь, какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ губернаторы препятствуютъ обсужденію вопросовъ, вытекающихъ изъ программы Особаго Совѣщанія, даже въ экономическихъ совѣтахъ при управахъ. Но если вы признаете желательнымъ осуществленіе изложеннаго мною предположенія, переговорите по этому вопросу съ Вячеславомъ Константиновичемъ и если министръ внутреннихъ дѣлъ циркулярно предупредитъ губернаторовъ, чтобы они не препятствовали внесенію управами такихъ докладовъ въ собранія, то тогда, конечно, никакихъ затрудненій на мѣстахъ не встрѣтится. При этомъ можно было бы даже ограничиться предоставленіемъ собраніямъ возможности дать только свое заключеніе объ одобреніи или неодобреніи дѣйствій своей управы безъ права обсужденія затронутыхъ въ запискахъ вопросовъ по существу.

Витте. Я переговорю объ этомъ съ В. К.; не знаю согласится ли онъ, я же нахожу осуществленіе вашего предположенія желательнымъ и готовъ содѣйствовать съ своей стороны.

Прошу васъ изложите высказанную мнѣ вами мысль въ частномъ письмѣ ко мнѣ, чтобы мнѣ яснѣе и опредѣленнѣе было то, о чемъ именно нужно переговорить съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а я сообщу вамъ о результатахъ моихъ переговоровъ.

Затѣмъ С. Ю. Витте разспрашивалъ меня объ арестахъ въ Москвѣ лицъ, признаваемыхъ полиціей политически неблагонадежными, много ли такихъ арестовъ и какое производятъ они впечатлѣніе на общество. Въ отвѣтъ я объяснилъ, что такіе аресты въ Москвѣ очень многочисленны, что по большей части привлекаются люди, не имѣющіе за собой ничего предосудительнаго, при чемъ привелъ нѣсколько примѣровъ, и указалъ, что такія произвольныя дѣйствія возмущаютъ всѣхъ, дорожащихъ законностью и порядкомъ. Витте, выслушавъ меня, сказалъ: „А вѣдь Сипягинъ былъ хорошій, честный человѣкъ, но къ сожалѣнію дальше этого не видѣлъ". (При этихъ словахъ С. Ю. закрылъ глаза руками). Этимъ бесѣда была закончена.

Послѣ свиданія съ министрами я возвращался въ Москву въ бодромъ настроеніи. Мнѣ хотѣлось вѣрить, что оба министра дѣйствительно сознаютъ необходимость сближенія съ общественными силами, что будетъ найденъ языкъ для взаимнаго пониманія и что въ ближайшемъ времени будетъ положено начало созданію и укрѣпленію взаимодѣйствія правительства и общества.

На основаніи высказаннаго министрами я приходилъ къ заключенію, что В. К. Плеве и С. Ю. Витте признаютъ за обществомъ реальную силу, съ которой, хотя можетъ быть и противъ ихъ желанія, неизбѣжно считаться и которую нельзя по прежнему игнорировать. Въ то время, когда объявляется высочайшее неудовольствіе участникамъ земскаго совѣщанія, оба министра считаются съ организаціей общеземскаго объединенія, какъ съ существующимъ фактомъ, и говорятъ со мной, какъ съ ея представителемъ. Если то, что говорилось министрами даже и не соотвѣтствовало ихъ искреннимъ убѣжденіямъ, то и въ этомъ случаѣ, казалось, ихъ слова свидѣтельствовали, что они всетаки не видятъ возможности итти прежнимъ курсомъ; если постройка моста черезъ пропасть, отдѣляющую правительство отъ общества, и не была дѣйствительнымъ желаніемъ министровъ, то тѣмъ не менѣе, они, повидимому, признавали постройку этого моста необходимой, чтобы самимъ не свалиться въ эту пропасть. Подъ вліяніемъ воспринятыхъ мной впечатлѣ-

ній значительно оживился свойственный мнѣ вообще оптимизмъ, но такое оживленіе оказалось непродолжительнымъ.

Возвратясь въ Москву, я прежде всего подѣлился петербургскими впечатлѣніями съ моими товарищами по управѣ, а 18-го іюля я сообщилъ о своихъ бесѣдахъ съ министрами собравшимся съ этой цѣлью въ Москвѣ нѣсколькимъ предсѣдателямъ губернскихъ управъ и нѣкоторымъ гласнымъ, участникамъ майскаго совѣщанія. По окончаніи моего сообщенія, я говорилъ, что изъ словъ не только министра финансовъ, но и министра внутреннихъ дѣлъ, мнѣ кажется, можно заключить, что они понимаютъ необходимость измѣненія реакціонной политики правительства и, повидимому, готовы вступить на путь взаимодѣйствія съ обществомъ, но, считаясь съ теченіями, выше ихъ протекающими, они считаютъ нужнымъ извѣстную постепенность въ осуществленіи этого дѣла и желаютъ, чтобы земскія учрежденія не создавали къ тому препятствій съ своей стороны. Такого рода препятствіе министръ внутреннихъ дѣлъ усматривалъ въ возбужденіи въ настоящее время земствами вопросовъ о земскомъ выборномъ представительствѣ въ центральныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, какъ, напримѣръ, въ Особомъ Совѣщаніи о сельско-хозяйственной промышленности. Довѣряя искренности выраженной министрами готовности итти въ дальнѣйшемъ по пути сближенія съ общественными учрежденіями, я предложилъ не настаивать на выполненіи IV-го пункта программы, принятой земскимъ совѣщаніемъ, и тѣмъ показать съ нашей стороны готовность итти на нѣкоторыя уступки для достиженія главной цѣли—созданія взаимодѣйствія власти и общественныхъ силъ. Мое предложеніе было одобрено собравшимися и въ тоже время было признано обязательнымъ поставить въ извѣстность о возникшемъ предположеніи и ознакомить съ содержаніемъ моихъ бесѣдъ съ министрами представителей всѣхъ губернскихъ земствъ. Выполненіе этой задачи приняли на себя шесть лицъ изъ числа присутствовавшихъ, распредѣливъ губерніи между собой.

Установленная майскимъ совѣщаніемъ программа, за исключеніемъ изъ нея IV-го пункта, послужила основаніемъ для заявленій земскихъ представителей въ большинствѣ губернскихъ и многихъ уѣздныхъ комитетовъ. Земскіе люди явились въ комитетахъ представителями организованнаго единенія обществен-

ныхъ элементовъ и сыграли въ комитетахъ выдающуюся роль. Но то противодѣйствіе и тѣ репрессіи, которыя они встрѣтили со стороны какъ мѣстной, такъ и особенно центральной администраціи, съ убѣдительностью доказали, что проявленныя В. К. Плеве и С. Ю. Витте въ разговорахъ со мной доброжелательныя, будто бы, отношенія ихъ къ земскимъ учрежденіямъ и готовность сближенія съ ними были, во всякомъ случаѣ, лишены правдивости.

Исполняя выраженное мнѣ С. Ю. Витте пожеланіе, я 18-го іюля изложилъ ему подробно въ письмѣ высказанную мной во время нашей бесѣды мысль (см. выше стр. 190—1) о предоставленіи земскимъ собраніямъ возможности, хотя бы косвеннымъ путемъ, выразить свое мнѣніе по вопросамъ, переданнымъ Особымъ Совѣщаніемъ на обсужденіе мѣстныхъ комитетовъ. С. Ю. Витте, отвѣчая 31-го іюля, извѣстилъ меня краткимъ письмомъ, что онъ затрудняется разрѣшить возбужденный мной вопросъ безъ внесенія его на обсужденіе Особаго Совѣщанія, которое начнетъ свои занятія въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Такой отвѣтъ являлся простой отпиской, не давалъ и не далъ, конечно, въ дальнѣйшемъ никакого разрѣшенія вопроса по существу. Мнѣ неизвѣстно вступалъ ли по этому поводу С. Ю Витте въ переговоры съ В. К. Плеве, какъ онъ мнѣ говорилъ, но въ іюлѣ же министръ внутреннихъ дѣлъ обратился черезъ губернаторовъ ко всѣмъ губернскимъ и уѣзднымъ предводителямъ дворянства съ циркуляромъ, въ которомъ указывалось, что „положеніемъ Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности участіе земскихъ учрежденій въ обсужденіи подлежащихъ разсмотрѣнію названнаго совѣщанія вопросовъ не признано необходимымъ“, и поэтому предлагалось „ни въ коемъ случаѣ не допускать возбужденіе и обсужденіе означенныхъ вопросовъ въ очередныхъ земскихъ собраніяхъ“. Нѣсколько позднѣе, въ сентябрѣ, губернаторы, согласно циркуляру того же министра, предупреждали предводителей дворянства о возможности возбужденія въ земскихъ собраніяхъ вопросовъ, связанныхъ съ объявленіемъ высочайшаго неудовольствія участникамъ майскаго совѣщанія, и просили „принять всѣ мѣры къ тому, чтобы подобные запросы въ земское собраніе внесены не были, буде же тѣмъ не менѣе таковой будетъ кѣмъ-либо внесенъ, то прошу тотчасъ же своею властью, какъ предсѣдателя собранія, устранить обсужденіе его“.

Не буду приводить свѣдѣній о всѣхъ репрессіяхъ и преслѣдованіяхъ, которымъ подверглись земскіе представители за ихъ выступленія въ мѣстныхъ комитетахъ. Соотвѣтствующія данныя съ достаточной полнотой приведены въ книгѣ И. П. Бѣлоконскаго—„Земское движеніе“ *). Я ограничусь здѣсь сообщеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній, относящихся къ дѣятельности московскаго губернскаго комитета.

Первое засѣданіе губернскаго комитета состоялось 18 іюня 1902 г. подъ предсѣдательствомъ временно исправлявшаго должность губернатора, вице-губернатора Л. А. Баратынскаго, и происходило въ составѣ, предусмотрѣнномъ положеніемъ о комитетахъ, безъ приглашенія предсѣдателемъ постороннихъ лицъ. Въ этомъ засѣданіи была доложена записка, подписанная всѣмъ составомъ губернской управы и предсѣдателями уѣздныхъ управъ губерніи. Въ заключительной части записки представившіе ее: 1) заявили, что въ силу высочайшаго повелѣнія они считаютъ своимъ долгомъ принимать участіе въ комитетѣ, какъ должностныя лица, но, не имѣя надлежащихъ уполномочій и указаній земскихъ собраній, они будутъ высказывать только свои личныя мнѣнія, и 2) просили комитетъ ходатайствовать передъ Особымъ Совѣщаніемъ, чтобы имъ испрошено было высочайшее соизволеніе на предложеніе земскимъ собраніямъ представить въ Особое Совѣщаніе свои отзывы, какъ по общему вопросу о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, такъ и по частнымъ вопросамъ программы. Это предложеніе было принято комитетомъ большинствомъ 24-хъ голосовъ противъ 7 и было представлено въ Особое Совѣщаніе. Въ іюлѣ вице-губернаторъ былъ вызванъ министромъ, который объявилъ ему въ очень рѣзкой формѣ выговоръ, за допущенное постановленіе комитета и потребовалъ отъ Л. А. Баратынскаго немедленно подать прошеніе объ отставкѣ, чтобы не быть уволеннымъ по 3-му пункту. Такое самоуправство министра произвело тяжелое впечатлѣніе на московскихъ земцевъ, которые всегда съ уваженіемъ относились къ добродушному и прямому Л. А. Баратынскому. Ни въ постановленіи комитета, принятомъ значительнымъ большинствомъ голосовъ, ни въ дѣйствіяхъ вице-губернатора не было ничего противозаконнаго и

*) И. П. Бѣлоконскій.—„Земское движеніе“, гл. VI, стр. 106—131.

непонятно, какъ и на какомъ основаніи могъ бы предсѣдатель не допустить заявленіе земскихъ представителей и его голосованіе.

Вновь назначенный вскорѣ московскимъ губернаторомъ Г. И. Кристи поспѣшилъ принять мѣры предосторожности для будущаго и пригласилъ 26 лицъ, „участіе коихъ въ занятіяхъ комитета было признано предсѣдателемъ полезнымъ для дѣла". Въ составъ приглашенныхъ лицъ вошли: вице-губернаторъ, два совѣтника губернскаго правленія, управляющій канцеляріей губернатора, пять непремѣнныхъ членовъ губернскихъ присутствій, чиновникъ, состоящій при губернаторѣ, шесть земскихъ начальниковъ, секретарь дворянства, губернскій гласный, четыре землевладѣльца, московскій городской голова, директоръ сельско-хозяйственнаго института и управляющіе — удѣльнымъ округомъ и конторой государственнаго банка. Результаты такого подбора сказались тотчасъ же при началѣ обсужденія комитетомъ вопросовъ, предложенныхъ Особымъ Совѣщаніемъ. Въ первомъ засѣданіи, 18-го февраля 1903 года, посвященномъ этимъ вопросамъ, земскими представителями была внесена обширная записка, составленная согласно программѣ, принятой майскимъ земскимъ совѣщаніемъ. Предсѣдатель предложилъ прежде всего разсмотрѣть заключительныя положенія этой записки съ цѣлью выясненія насколько эти положенія находятся въ связи съ нуждами сельско-хозяйственной промышленности и могутъ подлежать обсужденію комитета. Комитетъ призналъ, что его обсужденію не подлежатъ: первое положеніе, касающееся правового порядка сельскаго населенія, и пункты *a* и *b* девятаго положенія, говорящіе объ условіяхъ, при которыхъ земскія учрежденія могли бы съ успѣхомъ выполнять возложенныя на нихъ обязанности. Такое заключеніе было принято большинствомъ 37 голосовъ противъ 22, при чемъ изъ числа 33 обязательныхъ членовъ—21 признали указанные вопросы подлежащими обсужденію комитета и только 12 высказались противъ, а изъ 26 приглашенныхъ лицъ только городской голова подалъ голосъ за обсужденіе этихъ вопросовъ, а остальные 25 присоединились къ мнѣнію губернатора. 19-го февраля земскіе представители, явившись на засѣданіе комитета, представили заявленіе, въ которомъ, указавъ на состоявшееся наканунѣ постановленіе, неправильное по существу, и на составъ комитета, который не можетъ обезпечить выраженіе взглядовъ мѣстнаго

населенія, а является лишь голосомъ мѣстной администраціи, заявили объ отказѣ въ дальнѣйшемъ участіи въ работахъ комитета.

На слѣдующій день въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ было напечатано офиціальное сообщеніе о засѣданіи комитета 19-го числа, въ которомъ вовсе не упоминалось о поданномъ земскими представителями заявленіи. Вслѣдствіе этого въ слѣдующемъ № газеты было помѣщено мое письмо въ редакцію, въ которомъ я изложилъ подробно содержаніе поданнаго земскими представителями заявленія и результатъ голосованія при искусственномъ составѣ комитета. Это письмо произвело сенсацію въ административномъ мірѣ и 25-го февраля главное управленіе по дѣламъ печати по приказанію министра предложило циркуляромъ всѣмъ редакціямъ на основаніи статьи 140 устава о цензурѣ и печати „не перепечатывать, какъ полностью, такъ и въ извлеченіяхъ, помѣщеннаго въ № 53 Русскихъ Вѣдомостей письма предсѣдателя московской губернской земской управы, Д. Н. Шипова, а равно воздержаться отъ обсужденія этого письма“, но еще до этого распоряженія мое письмо уже было помѣщено на страницахъ нѣсколькихъ газетъ.

Образъ дѣйствій министра внутреннихъ дѣлъ вскорѣ послѣ нашей бесѣды привелъ меня къ убѣжденію, что я напрасно отнесся съ довѣріемъ къ его словамъ. Мнѣ стало ясно, что В. К. Плеве своимъ любезнымъ пріемомъ и намѣреніемъ привлечь меня въ число своихъ ближайшихъ сотрудниковъ имѣлъ въ виду подкупить меня и разсчитывалъ съ одной стороны воспользоваться мной въ министерствѣ, какъ человѣкомъ, близко знакомымъ съ земскимъ дѣломъ, а съ другой, принимая во вниманіе извѣстное уваженіе, которымъ я пользовался въ земской средѣ, онъ полагалъ, что мое сотрудничество сможетъ ослабить оппозиціонное настроеніе общества къ власти. Увидавъ, что его разсчеты не оправдались, В. К. Плеве рѣзко измѣнилъ свое отношеніе ко мнѣ и вступилъ на путь послѣдовательнаго моего преслѣдованія.

ГЛАВА VII.

Ветеринарныя правила 12-го іюня 1902 года. Совѣщаніе въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по пересмотру этихъ правилъ. Манифестъ 26 февраля 1903 года. Бесѣда съ В. К. Плеве въ мартѣ 1903 года. Пріѣздъ министра внутреннихъ дѣлъ въ Москву. Совѣщаніе земскихъ дѣятелей въ С.-Петербургѣ въ апрѣлѣ 1903 года. Участіе земскихъ представителей въ совѣщаніяхъ по разнымъ вопросамъ при министерствахъ. Постановленія губернскихъ земскихъ собраній очередной сессіи 1903 года по вопросу объ участіи земскихъ учрежденій въ законодательной дѣятельности. Ревизія земскихъ учрежденій московской губерніи. Неутвержденіе меня министромъ внутреннихъ дѣлъ предсѣдателемъ губернской земской управы на пятое трехлѣтіе.

Перемѣна въ отношеніи ко мнѣ В. К. Плеве была вызвана, вѣроятно, слѣдующими двумя ближайшими причинами. Во-первыхъ, мое письмо, помѣщенное въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ по поводу отказа земскихъ представителей принимать дальнѣйшее участіе въ работахъ московскаго губернскаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, о чемъ было сообщено въ предыдущей главѣ, а во-вторыхъ, отношеніе земскихъ учрежденій къ новымъ ветеринарнымъ правиламъ, обсуждавшимся въ очередныхъ сессіяхъ 1902 года.

Въ № 65 „собранія узаконеній и распоряженій правительства“ 28-го іюня 1902 г. были опубликованы утвержденныя 12-го того же мѣсяца новыя правила „о ветеринарно-полицейскихъ мѣрахъ по предупрежденію и прекращенію заразныхъ и повальныхъ болѣзней на животныхъ“. Эти правила въ своей основѣ и по характеру отношенія къ учрежденіямъ общественнаго самоуправленія имѣли много общаго съ лѣчебнымъ уставомъ 10-го іюня 1893 г., вызвавшемъ въ свое время дружный отпоръ со стороны земскихъ учрежденій и не введеннымъ въ дѣйствіе. Новыя ветеринарныя правила, формально сохраняя за земствомъ нѣкоторыя права, по существу совершенно устраняли его отъ фактическаго руководства дѣломъ, которое передавалось въ руки администраціи и пра-

вительственнаго надзора. Съ введеніемъ новыхъ правилъ земскій ветеринарный персоналъ поступалъ въ полное распоряженіе администраціи и былъ лишенъ иниціативы и самостоятельности, а вмѣсто практиковавшагося общественными управленіями проведенія мѣръ путемъ мирнаго, культурнаго воздѣйствія и развитія въ населеніи сознанія необходимости этихъ мѣръ, правила выдвигали на первый планъ принципъ принудительности и примѣненія мѣръ безъ согласія владѣльцевъ. Опубликованныя правила не скоро стали извѣстны московской губернской управѣ и она обратила на нихъ вниманіе лишь осенью, по полученіи предложенія губернатора о введеніи этихъ правилъ въ дѣйствіе съ 1-го іюля 1903 года. Ознакомившись съ новымъ закономъ и увидавъ, что онъ совершенно не согласованъ съ условіями жизни, существенно ограничиваетъ компетенцію земствъ и серьезно нарушаетъ интересы здравоохраненія, а равно правовые и экономическіе интересы населенія, нельзя было не притти къ убѣжденію о непримѣнимости закона и о безусловной необходимости пересмотра его при участіи представителей земствъ. Внося соотвѣтствующія предложенія на разсмотрѣніе московскаго губернскаго земскаго собранія въ очередной сессіи, открывавшейся въ декабрѣ, губернская управа имѣла въ виду, что на удовлетвореніе возбуждаемаго предъ правительствомъ ходатайства можно разсчитывать только при томъ условіи, если таковое будетъ возбуждено одновременно значительнымъ числомъ земствъ. Вслѣдствіе этого 13 ноября я обратился письменно ко всѣмъ предсѣдателямъ губернскихъ управъ и, сообщивъ имъ объ отношеніи къ новому закону московской управы, просилъ ихъ увѣдомить меня, предполагается ли ими возбужденіе аналогичныхъ ходатайствъ, и просилъ о присылкѣ соотвѣтствующихъ докладовъ. Мое письмо къ предсѣдателямъ губернскихъ управъ, какъ выяснилось впослѣдствіи, сдѣлалось извѣстнымъ В. К. Плеве и вызвало его недовольство.

Ходатайства объ отсрочкѣ примѣненія новыхъ ветеринарныхъ правилъ и о пересмотрѣ ихъ при участіи земскихъ представителей были возбуждены, если не ошибаюсь, всѣми губернскими земствами и министерство внутреннихъ дѣлъ признало себя вынужденнымъ организовать въ январѣ 1903 года подъ предсѣдательствомъ товарища министра, Н. А. Зиновьева, совѣщаніе, въ составъ котораго, кромѣ представителей ветери-

нарнаго управленія и департаментовъ министерства, были приглашены 8 предсѣдателей и 3 члена губернскихъ земскихъ управъ и 3 земскихъ ветеринарныхъ врача. При выборѣ земскихъ представителей министерство видимо руководилось желаніемъ не приглашать земскихъ дѣятелей, принимавшихъ участіе въ земскомъ совѣщаніи въ маѣ 1902 года, и изъ числа послѣднихъ среди приглашенныхъ были только три предсѣдателя управъ, вѣроятно не включенные въ списокъ участниковъ майскаго совѣщанія, имѣвшійся въ распоряженіи министерства. Отъ московской управы былъ приглашенъ членъ ея, М. В. Челноковъ, не завѣдывавшій въ управѣ ветеринарнымъ ея отдѣломъ и потому мало знакомый съ вопросами ветеринарной организаціи, вслѣдствіе чего ему пришлось спѣшно затратить не мало труда и времени, чтобы войти въ курсъ вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію въ совѣщаніи. Выборъ министерства палъ на М. В. Челнокова, потому что М. В., какъ ему объяснилъ Н. А. Зиновьевъ, не былъ въ числѣ участниковъ майскаго совѣщанія и министерство предполагало, что М. В. воздержался отъ участія въ этомъ совѣщаніи по принципіальнымъ соображеніямъ, въ дѣйствительности же М. В. въ маѣ 1902 г. былъ за границей для совѣта съ врачами, что и помѣшало ему принять участіе въ земскомъ совѣщаніи.

М. В. Челноковъ во время своего пребыванія въ С.-Петербургѣ ежедневно дѣлился со мной своими впечатлѣніями и сообщалъ мнѣ въ своихъ письмахъ подробно о всемъ происходившемъ. По пріѣздѣ въ С.-Петербургъ М. В. Челноковъ счелъ нужнымъ посѣтить прежде всего предсѣдателя совѣщанія. Н. А. Зиновьевъ, заговоривъ о ветеринарныхъ правилахъ, сказалъ, что онъ не является авторомъ этого закона и неудача послѣдняго не затрагиваетъ его, Н. А. Зиновьева, самолюбіе, но въ тоже время онъ высказалъ предположеніе, что законъ на мѣстахъ не вѣрно понятъ. М. В. Челноковъ, возражая на это предположеніе и указывая на рядъ существенныхъ недостатковъ закона, обращалъ особенно вниманіе на тенденцію умаленія компетенціи и правъ общественныхъ учрежденій, положенную въ основу новыхъ правилъ. Н. А. Зиновьевъ, отличавшійся раздражительностью и очень невоздержанный на языкъ, перебилъ рѣчь М. В. и рѣзко сказалъ: „Очень жаль, что вы обращаете вниманіе на такую ерунду, какъ эти правила;

ихъ написалъ какой-то дуракъ. Я самъ ихъ своевременно не видалъ, потомъ ихъ выкрали и пошла исторія".

На слѣдующій день М. В. Челноковъ былъ у министра вн. дѣлъ, который принялъ его очень любезно, но мало спрашивалъ и выслушивалъ М. В-ча, а говорилъ больше самъ. В. К. Плеве, коснувшись ветеринарныхъ правилъ, между прочимъ, сказалъ „Этотъ законъ возбудилъ недовольство среди земствъ; многія земства возбудили ходатайства о его пересмотрѣ. Какъ это ни странно, я этого закона совершенно не зналъ; онъ вырабатывался въ канцеляріяхъ продолжительное время и при мнѣ онъ былъ только внесенъ въ государственный совѣтъ. Зная, что кн. А. Д. Оболенскій, говорящій всегда о правахъ земства съ пѣной у рта, принималъ участіе въ составленіи этого законопроекта, я былъ спокоенъ, что проектъ земство не затрогиваетъ. Теперь вижу, что законъ не свободенъ отъ недостатковъ, свойственныхъ вообще работѣ спеціалистовъ. Я готовъ внести въ законъ какія угодно инструкціонныя исправленія, но дѣло, кажется, серьезнѣе; повидимому, придется кое-что измѣнить въ законодательномъ порядкѣ. Но, вы понимаете, что простое чувство приличія по отношенію къ государственному совѣту не позволяетъ сказать—законъ, вами одобренный, никуда не годится. Хорошо, если удастся внести по возможности немногочисленныя законодательныя поправки и расширить область инструкціонныхъ распоряженій, чтобы удовлетворить желанія земствъ". Затѣмъ министръ предложилъ М. В. Челнокову указать на главные недостатки закона. Перечисливъ всѣ статьи правилъ, возбуждающія возраженія, М. В. говорилъ объ основной тенденціи закона. В. К. Плеве сказалъ: „Не должно быть разговора объ умаленіи правъ земства. На нашей душѣ и такъ слишкомъ много грѣховъ въ этомъ отношеніи—продовольственный уставъ и многія другія законоположенія. Но нѣтъ ли въ данномъ случаѣ извѣстной тенденціи со стороны земства во всемъ видѣть покушеніе на ихъ самостоятельность; не объясняется ли въ настоящемъ случаѣ встрѣченный закономъ отпоръ излишней нервностью земства и политиканствомъ? Не вина ли тутъ вашего Шипова, который создалъ себѣ положеніе какого-то земскаго вершителя?" М. В. Челноковъ горячо возражалъ на такого рода предположенія и обращалъ вниманіе своего собесѣдника, что новый законъ является лишь однимъ

изъ звеньевъ цѣпи, которою правительство послѣдовательно и неуклонно старается связать свободу дѣйствій и самодѣятельность общественныхъ учрежденій. Въ дальнѣйшемъ теченіи разговора В. К. Плеве просилъ М. В. Челнокова высказаться по двумъ вопросамъ изъ области дѣятельности московскаго земства.

Желая познакомиться и вступить въ сношеніе съ приглашенными къ участію въ совѣщаніи земскими представителями, М. В. Челноковъ направился въ министерство, чтобы получить списокъ приглашенныхъ лицъ и узнать ихъ адреса въ С.-Петербургѣ. Списокъ участниковъ совѣщанія былъ полученъ свободно, но адреса пріѣзжихъ сообщены не были и, какъ выяснилось вскорѣ, никому изъ пріѣзжихъ земцевъ не сообщали въ министерствѣ адресовъ ихъ товарищей по представительству съ цѣлью затруднить возможность ихъ взаимнаго ознакомленія и установленія между ними извѣстнаго соглашенія къ началу занятій совѣщанія, состоявшемуся 21 января. По открытіи перваго засѣданія предсѣдатель въ своей рѣчи намѣтилъ вопросы, подлежавшіе, по его мнѣнію, обсужденію совѣщанія, подчеркнулъ, что мнѣнія совѣщанія имѣютъ исключительно характеръ совѣщательный и всѣмъ предоставляется высказываться, но голосованій производиться не будетъ. Одинъ изъ предсѣдателей управъ просилъ отложить засѣданіе до слѣдующаго дня, чтобы дать земскимъ представителямъ возможность ознакомиться съ только что розданной имъ сводкой постановленій земскихъ собраній и обмѣняться предварительно мнѣніями между собой, на что Н. А. Зиновьевъ заявилъ рѣзко: „Мнѣніе земцевъ вкупѣ намъ не интересно; пусть каждый скажетъ свое личное мнѣніе и пусть каждый говоритъ о своей губерніи“. Эта отповѣдь возмутила всѣхъ земцевъ и они поняли, что въ происходящемъ засѣданіи нужно занять время ничего неговорящими рѣчами и не касаться обсужденія вопросовъ по существу. Эта программа и была ими осуществлена.

По окончаніи засѣданія земскіе представители собрались за товарищескимъ обѣдомъ и установили между собой прочное единеніе. Вечеръ и слѣдующій день были посвящены земцами совмѣстному обсужденію ветеринарныхъ правилъ, послѣ чего была составлена подробная записка, съ мотивированнымъ выясненіемъ недостатковъ закона и необходимыхъ въ немъ измѣ-

неній. Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ согласованный образъ дѣйствій всѣхъ земскихъ представителей былъ обезпеченъ и всѣ поддерживали солидарныя мнѣнія, а при окончаніи занятій совѣщанія, представили предсѣдателю свою записку за общей подписью. Н. А. Зиновьевъ въ своей заключительной рѣчи сообщилъ, что министерство пришло къ убѣжденію въ необходимости полной переработки закона. И дѣйствительно циркуляромъ 23 марта 1903 г. министръ вн. дѣлъ увѣдомилъ всѣ губернскія управы, что Государь Императоръ повелѣть соизволилъ пріостановить введеніе въ дѣйствіе законоположенія 12 іюня 1902 года относительно ветеринарныхъ правилъ до утвержденія въ установленномъ порядкѣ внесенныхъ министерствомъ вн. дѣлъ въ государственный совѣтъ предположеній по пересмотру сихъ правилъ.

Заканчивая сообщенія о совѣщаніи при министерствѣ о ветеринарномъ законѣ, считаю нужнымъ отмѣтить слѣдующій фактъ. Все время переписка земскихъ представителей подвергалась тщательной перлюстраціи. Получаемыя мной письма М. В. Челнокова и мои ему отвѣты носили слѣды перлюстраціи, но доставлялись намъ все-таки запечатанными; что же касается переписки М. В. Челнокова съ его женой, то ихъ письма доставлялись во вскрытыхъ и незапечатанныхъ конвертахъ. О томъ же говорилъ мнѣ предсѣдатель курской управы, Н. В. Раевскій. Вскорѣ пришлось удостовѣриться, что В. К. Плеве былъ ознакомленъ съ содержаніемъ моихъ писемъ къ М. В. Челнокову.

Конфликтъ между правительствомъ и земствомъ по поводу ветеринарныхъ правилъ, закончившійся признаніемъ министерствомъ необходимости измѣненія и переработки закона, согласно указаніямъ земскихъ представителей, казалось, долженъ былъ бы побудить представителей власти отрѣшиться отъ недовѣрія къ общественнымъ силамъ и признать справедливость заявленій общественныхъ учрежденій о привлеченіи ихъ представителей къ участію въ составленіи законопроектовъ, регулирующихъ мѣстную жизнь. Однако правительство продолжало оставаться глухимъ и слѣпымъ и продолжало политику, пагубную для существовавшаго государственнаго строя и толкавшую болѣе оппозиціонные элементы общества на путь борьбы съ властью. Подтвержденіемъ этому могъ служить обнародованный 26 фе-

враля 1903 года манифестъ. Въ этомъ актѣ говорилось о путяхъ „къ осуществленію народнаго блага въ разумѣ приснопамятныхъ дѣлъ державныхъ нашихъ предшественниковъ“, но такъ какъ эта фраза не имѣла опредѣленнаго значенія и могла возбудить сомнѣніе, какіе именно пути и дѣла имѣются въ виду манифестомъ, т.-е. преобразованья ли Александра II, исходившія изъ довѣрія монарха къ общественнымъ силамъ, или діаметрально противоположная имъ политика Александра III, то вслѣдъ за приведенными словами слѣдовало—„и, прежде всего, незабвеннаго Родителя Нашего“, а далѣе говорилось о долгѣ „довершить начатое Имъ дѣло укрѣпленія порядка и правды въ Русской землѣ въ соотвѣтствіи съ возникающими потребностями народной жизни“. Этими указаніями съ достаточной опредѣленностью предрѣшалось сохраненіе неизмѣннымъ непримиримаго отношенія власти къ обществу и къ развитію его самодѣятельности. Препятствіемъ къ работѣ по улучшенію народнаго благосостоянія, указывалось далѣе въ манифестѣ, является „смута, посѣянная отчасти замыслами, враждебными государственному порядку, отчасти увлеченіемъ началами, чуждыми русской жизни“. Это указаніе относилось очевидно къ недовольству политикой правительства, проявлявшемуся въ широкихъ кругахъ общества и получавшему свое выраженіе на съѣздахъ, въ которыхъ принимали участіе земскіе дѣятели. Затѣмъ въ манифестѣ были намѣчены слѣдующія мѣропріятія, которыя, предполагалось, должны были „незамедлительно удовлетворить назрѣвшимъ нуждамъ государства“: укрѣпленіе завѣтовъ вѣротерпимости, улучшеніе имущественнаго положенія православнаго духовенства, расширеніе дѣятельности дворянскаго и крестьянскаго поземельныхъ банковъ, пересмотръ законодательства о сельскомъ состояніи, отмѣна круговой поруки, сближеніе общественнаго управленія съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ и преобразованіе губернскаго и уѣзднаго управленія „для усиленія способовъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни трудами мѣстныхъ людей, руководимыхъ сильной и законномѣрной властью, предъ Нами строго отвѣтственной“. Разработка намѣченныхъ мѣропріятій должна была производиться обычнымъ бюрократическимъ порядкомъ и 27 того же февраля подъ предсѣдательствомъ министра вн. дѣлъ начались занятія по пре-

образованію губернскаго управленія, при чемъ къ участію въ этой работѣ были привлечены такіе представители бюрократіи, имена которыхъ свидѣтельствовали, что правительствомъ имѣется въ виду не „удовлетвореніе многообразныхъ нуждъ земской жизни“, а, главнымъ образомъ, усиленіе административной власти.

Въ разсматриваемомъ манифестѣ вызывали во мнѣ большое недоумѣніе слѣдующія слова и выраженія. Въ началѣ манифеста говорилось о принятіи Государемъ обѣта „свято блюсти вѣковые устои Державы Россійской“, а въ заключительной части всѣ вѣрноподданные призывались къ утвержденію „нравственныхъ началъ, при которыхъ, подъ сѣнію Самодержавной Власти, только и могутъ развиваться народное благосостояніе и увѣренность каждаго въ прочности его правъ“. Эти положенія вполнѣ согласовались съ моими убѣжденіями и моимъ политическимъ жизнепониманіемъ, но мнѣ представлялась совершенно непонятной ссылка на эти начала въ манифестѣ, который предвѣщалъ политику власти, противорѣчащую этимъ началамъ. Вѣковые устои нашего государства я понималъ всегда, какъ союзъ власти съ населеніемъ не на основѣ идеи правовой, а на основѣ идеи нравственной. Нравственное начало самодержавія я видѣлъ въ сознаніи царей, что они имѣютъ своимъ призваніемъ творить въ государствѣ не свою личную волю, а являются лишь исполнителями требованій соборной народной совѣсти. Выполненіе этихъ условій возможно лишь при живомъ и тѣсномъ единеніи государственной власти съ населеніемъ и при существованіи порядка, обезпечивающаго возможность такого единенія. Между тѣмъ политикой власти идейное самодержавіе было замѣнено принципомъ самовластія и своеволія, а стремленіе консервативнѣйшей части общества къ возстановленію нарушенной связи власти съ общественными силами признавалось „смутой и увлеченіемъ началами, чуждыми русской жизни“. Въ виду этого упоминаніе объ обѣтѣ блюсти вѣковые устои Державы Россійской и призывъ къ утвержденію нравственныхъ началъ подъ сѣнью самодержавной власти въ манифестѣ, который своимъ содержаніемъ и своимъ общимъ духомъ отождествлялъ самодержавіе съ абсолютизмомъ—представлялись мнѣ неумѣстными, даже кощунственными и могли служить лишь къ укрѣпленію весьма распространеннаго мнѣ-

нія, отрицавшаго вообще самобытность нашего государственнаго строя. Я не знаю, кто былъ авторомъ этого манифеста, но, несомнѣнно, вдохновителемъ его былъ В. К. Плеве, а мнѣ изъ нашей бесѣды съ нимъ въ іюлѣ предыдущаго года было извѣстно, что онъ самъ не имѣлъ вѣры въ жизненность и прочность устоевъ самодержавія.

Высказанное В. К. Плеве во время его бесѣды со мной 2 іюля 1902 г. намѣреніе привлечь меня къ предварительной работѣ по вопросу объ организаціи общенія министерства вн. дѣлъ съ предсѣдателями губернскихъ управъ не было имъ осуществлено и я не былъ даже приглашенъ къ участію въ совѣщаніяхъ, организованныхъ при министерствѣ по ветеринарному закону въ январѣ и по продовольственному вопросу въ мартѣ 1903 года. 17 марта мнѣ пришлось быть въ С.-Петербургѣ въ министерствѣ земледѣлія по дѣлу московскаго губернскаго земства. По заведенному порядку всѣ должностныя лица общественнаго самоуправленія, пріѣзжавшіе въ С.-Петербургъ, обычно представлялись министру вн. дѣлъ и мнѣ нужно было разрѣшить вопросъ—слѣдуетъ ли мнѣ въ данномъ случаѣ исполнить установившійся обычай? Принимая во вниманіе, что съ одной стороны В. К. Плеве несомнѣнно не могъ усмотрѣть въ исполненіи мной практиковавшагося обычая мое желаніе возстановить между нами отношенія, которыя, какъ будто, намѣчались въ іюлѣ, а съ другой—что о моемъ пріѣздѣ ему могло сдѣлаться случайно извѣстнымъ и въ такомъ случаѣ мое уклоненіе отъ посѣщенія министра могло бы получить неправильную оцѣнку, я въ тотъ же день явился къ нему во время офиціальнаго пріема. Когда дошла моя очередь, я былъ приглашенъ въ кабинетъ министра и между нами произошелъ такой разговоръ.

Плеве. Мы встрѣчаемся сегодня въ первый разъ послѣ нашего свиданія прошлымъ лѣтомъ на Аптекарскомъ островѣ, когда я долженъ былъ объявить вамъ высочайшее повелѣніе. Сожалѣю, что выраженное мною тогда желаніе организовать наше взаимодѣйствіе не осуществилось и что я не могъ привлечь васъ къ участію въ происходящихъ при министерствѣ совѣщаніяхъ. Одинъ я сдѣлать этого не могъ... вы не пошли ко мнѣ навстрѣчу. Вы продолжаете руководительствовать оппозиціонной общественной группой съ цѣлью постояннаго противодѣйствія правительству.

Шиповъ. Я не понимаю ваше высокопревосходительство, что вы имѣете въ виду, предъявляя мнѣ такое обвиненіе, и прошу васъ высказаться опредѣленнѣе.

Плеве (прищуривъ глазъ и со злобнымъ выраженіемъ лица) Д. Н., мы съ вами оба люди умные (подчеркиваетъ интонаціей это слово) и вы понимаете, что я, какъ министръ вн. дѣлъ, могу и обязанъ знать все, что происходитъ среди общественныхъ дѣятелей [1]).

Шиповъ. Я это знаю, но мнѣ совершенно неизвѣстно, какіе факты или какія мои дѣйствія вы имѣете въ виду, а не зная ихъ, не могу представить разъясненія, которыя могли бы разсѣять вѣроятныя недоразумѣнія.

Плеве. Вы продолжаете организовывать нелегальные съѣзды земскихъ дѣятелей и коллективное противодѣйствіе правительству.

Шиповъ. Не понимаю о какихъ съѣздахъ вы говорите?

Плеве. А майскій съѣздъ, который происходилъ у васъ; вѣдь вы должны согласиться, что онъ былъ незаконный.

---

[1]) Вѣроятно, министръ этими словами хотѣлъ дать понять, что ему извѣстно мое письмо къ М. В. Челнокову, написанное изъ Москвы 20 января 1903 г. въ С.-Петербургъ, во время происходившаго при министерствѣ совѣщанія по пересмотру ветеринарныхъ правилъ 12 іюня 1902 г. Въ этомъ письмѣ я, между прочимъ, писалъ: „Все болѣе и болѣе проникаюсь убѣжденіемъ, что Плеве человѣкъ безъ совѣсти и чувства чести и что онъ полагаетъ возможнымъ путемъ лжи и лицемѣрія всѣхъ обойти. Вѣдь все, что онъ говорилъ тебѣ, а ранѣе мнѣ, Савельеву, Садовскому и прочимъ земцамъ, теперь очевидно, ложь сознательная. Онъ говоритъ, что на правительствѣ много грѣховъ предъ земствомъ, указываетъ на продовольственный законъ, а что же онъ дѣлаетъ самъ? Онъ оправдывается въ ветеринарномъ законѣ ссылкой на кн. Оболенскаго, который за годъ до утвержденія этого закона вышелъ изъ товарищей министра по несогласію съ тенденціями Сипягина. Плеве говоритъ, что чувство приличія по отношенію къ государственному совѣту не позволяетъ сказать ему, что „законъ, вами утвержденный, никуда не годится“, какъ будто государственный совѣтъ разсматривалъ и утверждалъ законопроектъ, выработанный и представленный не министромъ вн. дѣлъ. Никакъ не могу понять и объяснить себѣ его тактику. Вѣдь Плеве производитъ впечатлѣніе несомнѣнно *умнаго* человѣка, но при этомъ, какъ объяснить, что онъ можетъ признавать возможнымъ строить всю свою политику на лжи и лицемѣріи. Вѣдь *умный* человѣкъ не можетъ не сознавать, что ложь и хитрость, съ которыми при отсутствіи нравственнаго чувства Плеве примиряется, не могутъ оставаться продолжительное время невыясненными.

Шиповъ. Я уже имѣлъ честь представить объясненія мои, касающіяся всего происходившаго на майскомъ съѣздѣ, и считалъ этотъ вопросъ исчерпаннымъ. Вѣдь сегодня вы изволили говорить мнѣ о моей дѣятельности послѣ нашего свиданія въ іюлѣ и я прошу васъ указать мнѣ, какой съѣздъ за это время былъ мной организованъ?

Плеве. А съѣздъ предсѣдателей управъ въ Москвѣ этимъ лѣтомъ.

Шиповъ. Предсѣдателей какихъ управъ—уѣздныхъ?

Плеве. Ну да.

Шиповъ. Такъ вѣдь такіе съѣзды бываютъ постоянно, съ давняго времени, какъ въ московской, такъ и въ другихъ губерніяхъ. На этихъ съѣздахъ обсуждаются различные практическіе вопросы земской жизни губерніи и ничего оппозиціоннаго они изъ себя представлять не могутъ.

Плеве. На этомъ съѣздѣ вы обсуждали вопросъ, какъ создать въ уѣздахъ противодѣйствіе сельско-хозяйственнымъ комитетамъ.

Шиповъ. Вовсе нѣтъ. Мы обсуждали только совмѣстно, какія общія для всей губерніи нужды должны быть отмѣчены земскими представителями въ уѣздныхъ комитетахъ.

Плеве. Но какое же отношеніе къ нуждамъ сельскаго хозяйства имѣютъ вопросы о свободѣ совѣсти, о раскольникахъ, о свободѣ печати.

Шиповъ. Такіе вопросы не были затронуты ни въ губернскомъ, ни въ одномъ изъ уѣздныхъ комитетовъ московской губерніи.

Плеве. Однако они были подняты въ суджанскомъ комитетѣ.

Шиповъ. Какая же можетъ быть связь между моей дѣятельностью и постановкой вопросовъ въ уѣздномъ комитетѣ курской губерніи. Ваше высокопревосходительство преувеличиваете значеніе моего вліянія. Если вамъ угодно вообще усматривать мое вліяніе на постановку вопросовъ въ комитетахъ, то вы могли бы замѣтить, что я, насколько могъ, постарался распространить въ земской средѣ, что вы признаете нежелательнымъ возбужденіе вопроса о приглашеніи выборныхъ земскихъ представителей въ Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности и этотъ вопросъ въ большинствѣ губерній былъ исключенъ изъ майской программы.

Плеве. Вы и ваши единомышленники старались въ комитетахъ провести указанія, какъ должно правительство организовать государственное управленіе.

Шиповъ. Нѣтъ, мы указывали только на ясно и опредѣленно сознаваемыя нами нужды и причины ихъ, по нашему глубокому убѣжденію, обусловливающія, но не говорили и не указывали, какъ должно быть организовано государственное управленіе.

Плеве. Около васъ группируются въ Москвѣ лица, оппозиціоннаго правительству направленія и къ вамъ стекаются свѣдѣнія о дѣйствіяхъ комитетовъ и общественныхъ учрежденій изъ всѣхъ мѣстъ. Вотъ, напримѣръ, когда я былъ въ Москвѣ, то тамъ были получены только два экземпляра записки воронежскаго комитета—одинъ для меня, другой для васъ.

Шиповъ. Я этой записки не получалъ, очевидно она не была мнѣ доставлена, о чемъ очень сожалѣю. Не знаю, о какихъ лицахъ, группирующихся около меня, вы говорите. У меня много друзей, товарищей и сотрудниковъ, но никого изъ нихъ я не знаю, какъ людей принципіально оппозиціоннаго правительству направленія. Не зная именъ и фамилій лицъ, которыхъ вы имѣете въ виду, я не могу дать объясненій. Что касается полученія свѣдѣній о дѣятельности другихъ общественныхъ учрежденій, то въ данномъ случаѣ вы смѣшиваете меня съ губернской управой. По установившемуся обычаю всѣ земскія учрежденія обмѣниваются своими докладами, записками, работами и вообще всѣми своими изданіями; это единственный способъ, который имѣютъ земскія учрежденія, чтобы знакомиться съ дѣятельностью другъ друга. Порядокъ этотъ соблюдается въ московской управѣ, можетъ быть, послѣдовательнѣе, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ.

Плеве. Въ дѣлѣ оппозиціи правительству то мѣсто, которое въ печати занимаютъ „Русскія Вѣдомости“, вы занимаете его среди общественныхъ дѣятелей. Если это можетъ быть, по нашимъ цензурнымъ условіямъ, терпимо по отношенію органа печати, то такое нелегальное направленіе недопустимо со стороны должностнаго лица, такъ какъ, хотя предсѣдатели управъ и выбираются земскими собраніями, но они такія же должностныя лица на государственной службѣ, какъ и всѣ другія.

Шиповъ. Ничего нелегальнаго въ моей дѣятельности и въ моихъ поступкахъ никогда не было, нѣтъ и не будетъ, и я не

получилъ отъ васъ никакихъ указаній на опредѣленные факты. Мои убѣжденія я высказывалъ и высказываю всегда прямо и открыто. Затѣмъ, хотя я и должностное лицо, состоящее на государственной службѣ, но прежде всего я сознаю себя избранникомъ общества, почтившаго меня своимъ довѣріемъ, и считаю своей священной обязанностью отстаивать самостоятельность и независимость общественныхъ учрежденій, безъ которыхъ, по глубокому моему убѣжденію, не можетъ правильно развиваться ни общественная, ни государственная жизнь.

Плеве. Послѣ словъ, сказанныхъ Государемъ въ Курскѣ и послѣ послѣдняго всемилостивѣйшаго манифеста, не должно быть сомнѣній въ доброжелательномъ отношеніи Государя къ земскимъ учрежденіямъ и нѣтъ основаній опасаться за ихъ самостоятельность и независимость. (Встаетъ и подаетъ руку). Я знаю, Д. Н., что вы стойки въ своихъ убѣжденіяхъ и отъ нихъ не отступитесь; очевидно, мы вмѣстѣ не пойдемъ.

Шиповъ. Это вѣроятно, такъ какъ наши убѣжденія, очевидно, различны. Уходя, я позволяю себѣ еще разъ заявить, что я ухожу, не получивъ отъ вашего высокопревосходительства указаній на какіе-либо факты или дѣйствія мои, которые могли послужить основой для высказанной мнѣ вами характеристики моей дѣятельности.

Черезъ три недѣли мнѣ опять пришлось встрѣтиться съ В. К. Плеве. Въ концѣ страстной недѣли министръ внутреннихъ дѣлъ говѣлъ въ Троице-Сергіевской лаврѣ, а первые дни пасхи провелъ въ Москвѣ. Въ этой поѣздкѣ министра сопровождалъ директоръ департамента общихъ дѣлъ, Б. В. Штюрмеръ, который въ 1893—4 г.г. былъ предсѣдателемъ тверской губернской земской управы по назначенію. Я познакомился съ нимъ въ 1893 году, во время посѣщенія мной бурашевской психіатрической лѣчебницы тверского губернскаго земства, а затѣмъ онъ, пріѣзжая въ Москву, какъ предсѣдатель тверской управы, бывалъ у меня и мы неоднократно бесѣдовали по различнымъ земскимъ вопросамъ. Остановившись въ Москвѣ при проѣздѣ въ Троице-Сергіевскую лавру, Б. В. Штюрмеръ посѣтилъ меня, какъ прежняго земскаго сослуживца, и во время завязавшейся между нами бесѣды завелъ рѣчь о размолвкѣ и недоразумѣніи, какъ выразился онъ, возникшихъ между мной и В. К. Плеве. Онъ полагалъ, что въ основѣ обострившихся между нами отношеній

заключается, вѣроятно, недоразумѣніе, что мы не хорошо другъ друга поняли, и совѣтовалъ мнѣ повидаться съ В. К. Плеве во время его пребыванія въ Москвѣ и еще разъ съ нимъ обстоятельно переговорить. Я объяснилъ Б. В. Штюрмеру, что онъ находится въ заблужденіи. Я совершенно опредѣленно и откровенно познакомилъ В. К. Плеве съ моимъ пониманіемъ нашей государственной жизни и необходимости организованнаго взаимодѣйствія правительства и общественныхъ учрежденій. Но В. К. Плеве, хотя и высказываетъ на словахъ доброжелательное отношеніе къ земскому самоуправленію, но на дѣлѣ продолжаетъ неизмѣнно политику, основанную на недовѣріи и подозрительности къ развитію общественной самодѣятельности. При окончаніи нашей послѣдней бесѣды, министръ самъ сказалъ, что наши убѣжденія расходятся. что я своими убѣжденіями, очевидно, не поступлюсь и что вмѣстѣ мы пойти не можемъ. Послѣ такого откровеннаго объясненія я не вижу основанія обращаться къ В. К. Плеве вновь по своей иниціативѣ; если министръ съ своей стороны пожелаетъ вызвать меня на возобновленіе переговоровъ, то въ такомъ случаѣ я не сочту возможнымъ отъ нихъ уклониться. Б. В. Штюрмеръ продолжалъ настаивать на правильности своей точки зрѣнія, но объяснить, въ чемъ именно заключается происшедшее, по его мнѣнію, недоразумѣніе, онъ не могъ. Прощаясь, мы условились, что я буду у него въ національной гостиницѣ въ первый день пасхи утромъ и мы продолжимъ нашъ разговоръ.

Въ условленное время, 6-го апрѣля, я посѣтилъ Б. В. Штюрмера. Приступая къ бесѣдѣ, Б. В. просилъ меня выяснить, что именно въ направленіи дѣятельности В. К. Плеве вызываетъ, главнымъ образомъ, мое отрицательное къ ней отношеніе. Отвѣчая на вопросъ, я развилъ слѣдующія мысли. Прежде всего меня возмущаетъ отождествленіе самодержавія съ самовластіемъ, и даже не съ абсолютизмомъ царской власти, а съ самовластіемъ бюрократіи. Исходя изъ этого положенія, правительство не желаетъ считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, всемѣрно стѣсняетъ свободу личности и общества и стремится всѣхъ и все опекать и подчинять всѣ проявленія жизни „видамъ правительства“. Правительство видитъ неизбѣжность роста и совершающагося измѣненія условій государственной жизни и сознаетъ необходимость реформъ, но не по-

нимаетъ сущности и значенія назрѣвающихъ запросовъ общественной жизни, а потому, даже при искреннемъ желаніи, не способно на созидательную дѣятельность безъ живого общенія съ общественными силами. Правительство, можетъ быть, и желало бы найти опору въ обществѣ, но не знаетъ, гдѣ и въ какихъ элементахъ общества ее искать. Правительство продолжаетъ искать опору въ дворянствѣ, которое безвозвратно утратило свое прежнее значеніе, а къ всесословнымъ общественнымъ организаціямъ правительство относится съ недовѣріемъ и своимъ къ нимъ отношеніемъ съ каждымъ днемъ углубляетъ пропасть, отдѣляющую власть отъ населенія. Народившаяся и все крѣпнущая всесословная интеллигенція представляется правительству безпочвенной и опасной. Но если дворянство послѣ реформъ шестидесятыхъ годовъ утратило свое значеніе, то правительству необходимо получить опору въ новыхъ общественныхъ группировкахъ. Нельзя вѣчно относиться отрицательно къ всесословной интеллигенціи. Само государство ее создаетъ, широко открывая двери въ среднія и высшія учебныя заведенія и ежегодно выпуская тысячи людей всѣхъ сословій съ расширеннымъ кругозоромъ и повышенными запросами къ жизни. Надо утилизировать интеллигентныя силы, надо сдѣлать ихъ по возможности консервативными, а не толкать ихъ въ оппозицію и не возбуждать въ нихъ справедливое недовольство, постоянно оскорбляя ихъ самолюбіе и затрудняя имъ возможность приложенія своихъ силъ и знаній на благо общественной и государственной жизни.

Б. В. Штюрмеръ выслушивалъ меня, повидимому, съ напряженнымъ вниманіемъ и нѣсколько разъ выражалъ согласіе и сочувствіе, когда же я кончилъ, онъ сказалъ:—„убѣдительно прошу васъ, повидайтесь еще разъ съ В. К. Плеве и повторите ему все сказанное вами мнѣ; я увѣренъ, что онъ признаетъ основательность вашихъ доводовъ и пойдетъ вамъ навстрѣчу“. Я еще разъ обратилъ вниманіе Б. В-ча, что министру извѣстны мои мысли и мои взгляды, и я не вижу основанія еще разъ ему ихъ высказывать. При продолженіи нашей бесѣды я, въ виду настойчивыхъ убѣжденій Б. В. Штюрмера, сказалъ, что на слѣдующій день я и члены губернской управы будемъ представляться министру; если Б. В. предполагаетъ, что В. К. Плеве не вѣрно меня понялъ, то пусть Б. В. сообщитъ ему о нашей

бесѣдѣ, изложитъ ему содержаніе мною высказаннаго и тогда министръ, въ случаѣ его желанія вызвать меня на новый обмѣнъ мнѣніями, можетъ назначить мнѣ время соотвѣтствующаго пріема. Мнѣ неизвѣстно, обращался ли ко мнѣ Б. В. Штюрмеръ по собственному почину или, можетъ быть, выполнялъ порученіе министра, желавшаго сдѣлать видъ, что я несу ему повинную голову; не знаю, что говорилъ, и говорилъ ли вообще Б. В. Штюрмеръ съ В. К. Плеве о своей бесѣдѣ со мной, но никакого приглашенія отъ самого министра я не получилъ. 7-го апрѣля весь составъ губернской управы былъ принятъ очень любезно министромъ. В. К. Плеве разспрашивалъ о распредѣленіи занятій между предсѣдателемъ и членами управы, интересовался нѣкоторыми начинаніями московскаго земства и выразилъ желаніе посѣтить губернскую управу, но не зналъ, не встрѣтится ли къ тому препятствія по случаю праздничнаго времени. Я сообщилъ, что обычно на пасхальной недѣлѣ въ среду собираются предсѣдатель, члены и часть служащихъ управы для разрѣшенія нѣкоторыхъ срочныхъ вопросовъ, но, зная о намѣреніи министра посѣтить губернскую земскую управу, управой будетъ предложено собраться всѣмъ служащимъ. В. К. Плеве, прощаясь съ нами, сказалъ, что надѣется въ среду посѣтить управу; но министръ не привелъ своего намѣренія въ исполненіе и вечеромъ 9-го апрѣля уѣхалъ въ С.-Петербургъ.

При окончаніи занятій земскаго совѣщанія въ маѣ 1902 г. было признано желательнымъ, чтобы такого рода земскіе съѣзды устраивались періодически, разъ въ годъ, въ концѣ мая, въ Москвѣ, а въ случаяхъ возникновенія важныхъ вопросовъ, требующихъ неотложнаго обсужденія, должны быть созываемы экстренныя собранія. Для болѣе правильной организаціи этого дѣла было избрано организаціонное бюро, въ составъ котораго вошли:—весь составъ московской губернской земской управы и 12 лицъ*) изъ числа участниковъ майскаго совѣщанія; меня просили принять на себя исполненіе обязанностей предсѣдателя этого бюро. Созывъ земскаго съѣзда въ 1903 году, вскорѣ послѣ объявленія высочайшаго неудовольствія участникамъ майскаго

*) В. И. Вернадскій, В. Д. фонъ-Дервизъ, И. Г. Жуковскій, М. П. Колобовъ, В. Н. Линдъ, И. И. Петрункевичъ, Р. А. Писаревъ, Н. Ѳ. Рихтеръ, А. А. Савельевъ, Б. Т. Садовскій, кн. Д. И. Шаховской и В. Е. Якушкинъ.

совѣщанія 1902 года, не представлялся возможнымъ, а, между тѣмъ, весьма остро сознавалась необходимость единенія земской среды и согласованнаго образа дѣйствій земскихъ учрежденій.

Подъ вліяніемъ все усиливавшагося проявленія самовластія правительственной власти, грубаго подавленія ею свободы и личныхъ правъ гражданъ и полнаго пренебреженія къ справедливымъ и вполнѣ умѣреннымъ запросамъ развивающейся общественной жизни оппозиціонное настроеніе въ странѣ и, въ частности, въ земской средѣ быстро возрастало. Много земскихъ людей, стремившихся прежде лишь къ установленію нормальнаго взаимодѣйствія между властью и обществомъ при существовавшемъ государственномъ строѣ, теряли надежду, чтобы государственная власть добровольно отказалась отъ пагубной политики недовѣрія и преслѣдованія свободнаго проявленія личной и общественной жизни, и приходили къ убѣжденію, что никакія измѣненія въ нашей политической и соціальной жизни невозможны безъ ограниченія власти конституціоннымъ режимомъ. Число убѣжденныхъ конституціоналистовъ въ широкихъ кругахъ общества быстро увеличивалось и въ первой половинѣ 1903 года уже намѣчалась организація „Союза освобожденія“, который долженъ былъ объединить всѣ оппозиціонные элементы и ставилъ себѣ цѣлью—политическое освобожденіе страны, уничтоженіе самодержавія и установленіе въ Россіи конституціоннаго строя. Руководясь идеей народовластія, „Союзъ освобожденія“ въ основу политической реформы полагалъ принципъ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ.

Не раздѣляя этихъ убѣжденій, признавая ихъ не отвѣчающими жизнепониманію русскаго народа и относясь принципіально отрицательно къ политической борьбѣ, я считалъ своимъ долгомъ всѣми силами и доступными мнѣ мѣрами противодѣйствовать конституціоннымъ теченіямъ и содѣйствовать возстановленію въ странѣ условій, вытекающихъ изъ свойственнаго русскому народному духу признанія необходимости господства въ государственной жизни преимущественно нравственнаго начала. Я не терялъ надежды, что государственная власть подъ вліяніемъ доброжелательнаго и корректнаго воздѣйствія земской среды пойметъ ошибочность избраннаго ею пути, сознаетъ необходимость отрѣшиться отъ недовѣрія къ обществен-

нымъ силамъ, признаетъ свое служебное значеніе въ государственной жизни и увидитъ свой долгъ въ созданіи живого единенія съ населеніемъ для осуществленія совмѣстными усиліями высшихъ цѣлей, предстоящихъ всему человѣчеству. Осуществленіе этихъ нуждъ мнѣ представлялось болѣе возможнымъ и вѣроятнымъ при условіи сохраненія и сосредоточенія въ земской средѣ общественнаго движенія, стремящагося къ обновленію нашей государственной жизни. Только при созданіи тѣснаго и живого взаимодѣйствія власти съ земскими учрежденіями и приближеніи послѣднихъ къ населенію представлялось мнѣ возможнымъ возстановленіе и прочное укрѣпленіе государственнаго-земскаго строя. Руководясь этими убѣжденіями и принимая во вниманіе, что продолжающаяся реакціонная политика правительства съ одной стороны и нарастающія въ странѣ конституціонныя стремленія съ другой—угрожаютъ возникновеніемъ въ странѣ острой политической борьбы и государственнымъ переворотомъ, я находилъ необходимымъ, чтобы земскія учрежденія въ 1903 году выступили объединенно съ представленіемъ государственной власти о неотложности насущныхъ реформъ для удержанія ближайшаго будущаго страны въ руслѣ государственной жизни, указываемомъ ея исторіей.

20-го апрѣля при страховомъ комитетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ начались занятія совѣщанія по вопросамъ о взаимномъ между земствами перестрахованіи имуществъ отъ огня. Участіе въ этомъ совѣщаніи принимали представители 23-хъ губернскихъ земствъ не по приглашенію министерства, а по уполномочію земскихъ управъ. Я предложилъ представителямъ земствъ на страховомъ совѣщаніи, принимавшемъ участіе въ майскомъ земскомъ совѣщаніи въ Москвѣ, собраться между собой для бесѣды по нѣкоторымъ существеннымъ вопросамъ земской жизни и такое предложеніе было встрѣчено общимъ сочувствіемъ. Было признано желательнымъ привлечь къ участію въ нашихъ бесѣдахъ нѣкоторыхъ земскихъ дѣятелей, находившихся въ С.-Петербургѣ, преимущественно изъ числа участниковъ майскаго совѣщанія, но въ то же время при организаціи предстоящихъ бесѣдъ мы считали необходимымъ принять нѣкоторыя мѣры предосторожности во избѣжаніе излишней огласки и кривотолковъ. Въ состоявшихся собраніяхъ приняли участіе 28 лицъ и бесѣды наши на частныхъ квартирахъ про-

исходили 24-го и 25-го апрѣля. Собравшіеся просили меня принять руководство нашими бесѣдами, но я просилъ освободить меня отъ этихъ обязанностей, имѣя въ виду внести на обсужденіе нѣкоторыя предложенія, которыя, я предчувствовалъ, могутъ вызвать разногласіе, и поэтому я хотѣлъ пользоваться полной свободой для отстаиванія моихъ предложеній. Бесѣды наши происходили подъ предсѣдательствомъ кн. Д. И. Шаховского.

Въ первый день прежде всего по просбѣ собравшихся Н. В. Раевскимъ было сдѣлано сообщеніе о бесѣдахъ, происходившихъ у В. К. Плеве съ 9-ю представителями губернскихъ управъ и 5-ю губернскими предводителями дворянства, принимавшими участіе въ организованномъ при министерствѣ въ мартѣ совѣщаніи по продовольственному вопросу. Въ этихъ бесѣдахъ по предложенію министра приглашенныя имъ лица высказывались по вопросамъ: о предоставленіи земствамъ участія въ промысловомъ налогѣ, о фиксаціи земскаго обложенія, о земскомъ представительствѣ, о народномъ образованіи, объ антагонизмѣ между свѣтской и церковной школами, о крамолѣ, о мелкой земской единицѣ, о взаимныхъ отношеніяхъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ, о возможности уничтоженія губернскихъ земствъ, о „третьемъ элементѣ“ и о недѣлимости дворянскихъ имѣній. Н. В. Раевскій ознакомилъ собраніе съ высказанными по этимъ вопросамъ сужденіями и говорилъ, что министръ мало высказывался по этимъ вопросамъ, но когда Н. В. Раевскій поднялъ вопросъ о неутвержденіи избираемыхъ земскими собраніями должностныхъ лицъ, министръ возразилъ: „что-же, по-вашему, утверждать и тѣхъ, у кого тайныя типографіи?“ Затѣмъ В. К. Плеве отрицательно отнесся къ возможности разрѣшенія земскихъ съѣздовъ находя, что общеніе земцевъ между собой въ С.-Петербургѣ во время ихъ совѣщаній при министерствѣ вполнѣ достаточно. При прощаніи съ собравшимися у него, В. К. Плеве отмѣтилъ, что съ высоты престола объявлено благорасположеніе Государя къ мѣстнымъ общественнымъ силамъ и что министръ надѣется, если не во всемъ сойтись во взглядахъ съ земцами, то, по крайней мѣрѣ, не разойтись во многомъ.

Выслушавъ сообщеніе Н. В. Раевскаго, собравшіеся перешли къ обсужденію вопросовъ, которые желательно было бы выдвинуть во время ожидавшагося пріема министромъ земскихъ

представителей на страховомъ совѣщаніи. Я не буду приводить изложеніе происходившаго по этому поводу обмѣна мнѣній, подробно занесеннаго въ журналъ нашего собранія, такъ какъ пріемъ земскихъ представителей министромъ носилъ официальный характеръ и во время его никакихъ вопросовъ къ обсужденію предложено не было.

На слѣдующій день, 25-го апрѣля, земскіе дѣятели въ бесѣдѣ между собой обсуждали вопросы: 1) объ отношеніи земства къ предстоящимъ законодательнымъ работамъ, касающимся мѣстной жизни и предвозвѣщенныхъ манифестомъ 26-го февраля 1903 г., и 2) о значеніи и характерѣ участія представителей губернскихъ управъ, приглашаемыхъ министерствами въ совѣщанія по различнымъ вопросамъ. Я указалъ, что манифестъ 26 февраля возвѣщаетъ многочисленныя реформы, но къ обсужденію соотвѣтствующихъ законопроектовъ имѣется въ виду привлечь достойнѣйшихъ мѣстныхъ людей, а не земскія учрежденія. Не слѣдуетъ ли, говорилъ я, очереднымъ губернскимъ собраніямъ возбудить ходатайства, чтобы правительство прежде изданія законовъ, касающихся многообразныхъ нуждъ земской жизни, выслушивало предварительно мнѣніе общественныхъ учрежденій. Основаніемъ для возбужденія такихъ ходатайствъ могутъ служить примѣры недавняго прошлаго. Лѣчебный уставъ 1893 года и ветеринарныя правила 1902 г., изданные безъ предварительнаго опроса мѣстныхъ учрежденій, оказались непримѣнимыми въ жизни и правительству пришлось отказаться отъ введенія ихъ въ дѣйствіе. Такіе факты дискредитируютъ государственную власть въ глазахъ населенія и могутъ быть предотвращены лишь въ томъ случаѣ, если составляемые въ министерствахъ законопроекты, до внесенія ихъ въ государственный совѣтъ, будутъ передаваться на заключеніе губернскихъ земскихъ собраній. Переходя къ вопросу, какимъ порядкомъ лучше довести до свѣдѣнія государственной власти пожеланія земства, путемъ-ли подачи соотвѣтствующихъ адресовъ Государю, или путемъ предъявленія ходатайствъ предъ правительствомъ, я высказался въ пользу послѣдняго порядка. Всѣ участники бесѣды признавали, что земство не можетъ и не должно оставаться безучастнымъ въ вопросѣ о порядкѣ и способахъ предстоящихъ законодательныхъ работъ и видѣли въ предъявленіи земствами ходатайствъ болѣе правильный и

желательный путь для сообщенія правительству своего мнѣнія и отношенія къ этому вопросу. Послѣ происходившаго обсужденія было признано желательнымъ, чтобы всѣ губернскія земскія собранія въ предстоящей очередной сессіи, путемъ предъявленія аналогичныхъ ходатайствъ, довели до свѣдѣнія правительства, что земство признаетъ необходимымъ, чтобы всѣ законопроекты, имѣющіе быть составленными, согласно манифесту 26-го февраля и касающіеся мѣстной жизни, до представленія ихъ на утвержденіе, были передаваемы на предварительное заключеніе губернскихъ земскихъ собраній. О состоявшемся заключеніи было признано необходимымъ поставить въ извѣстность всѣ губернскія земскія управы и такъ какъ въ бесѣдѣ принимали участіе представители только 17 губерній, то присутствовавшіе распредѣлили между собой обязанность по оповѣщенію губернскихъ управъ, не имѣвшихъ представителей въ средѣ участниковъ бесѣды.

Вслѣдъ за тѣмъ К. К. Арсеньевъ въ дополненіе къ принятому заключенію возбудилъ вопросъ: „не слѣдовало бы представить одновременно ходатайство о приглашеніи представителей земствъ по выбору губернскихъ земскихъ собраній въ центральныя государственныя учрежденія при выработкѣ законопроектовъ мѣстной реформы“? Предложеніе К. К. Арсеньева встрѣтило горячее сочувствіе и поддержку со стороны гр. П. А. Гейдена, И. И. Петрункевича и А. А. Савельева, при чемъ внесенное предложеніе было расширено въ смыслѣ привлеченія земскихъ представителей къ участію въ выработкѣ всѣхъ вообще законопроектовъ. Съ возраженіемъ на внесенное К. К. Арсеньевымъ предложеніе выступилъ я. Соглашаясь съ нимъ по существу, я указывалъ на необходимость извѣстной постепенности при постановкѣ и разрѣшеніи вопросовъ о созданіи взаимодѣйствія власти съ общественными силами. Одновременное предъявленіе двухъ ходатайствъ неминуемо повредитъ успѣху перваго. Нельзя не считаться со взглядами лицъ, къ которымъ обращаешься, если желать успѣха дѣлу. Первое ходатайство не идетъ въ разрѣзъ со взглядами правительства; тогда какъ вопросъ о привлеченіи къ участію въ законодательной работѣ выборныхъ земскихъ представителей съ точки зрѣнія членовъ правительства разсматривается какъ измѣненіе существующаго государственнаго строя. Мое мнѣніе было поддержано: А. А.

Свѣчинымъ, С. П. Балахонцевымъ, кн. П. Д. Долгоруковымъ *) и Н. В. Раевскимъ. По окончаніи преній предложеніе К. К. Арсеньева было поставлено на голосованіе и вопросъ получилъ отрицательное рѣшеніе большинствомъ 15 голосовъ противъ 13.

Здѣсь я считаю не лишнимъ привести списокъ участниковъ земскихъ бесѣдъ 1903 года съ указаніемъ распредѣленія голосовъ при баллотировкѣ предложенія К. К. Арсеньева.

Губерніи.	За предложеніе.	Противъ предложенія.
Вологодская	В. А. Кудрявый, пред. губ. зем. управы.	—
Казанская	—	В. В. Марковниковъ, пред. губ. зем. управы.
Курская	В. Л. Анненковъ, членъ губ. зем. управы.	кн. П. Д. Долгоруковъ.
„	А. Н. Руценъ.	Н. В. Раевскій, пред. губ. зем. управы.
Московская	—	Ѳ. А. Головинъ, членъ губ. зем. управы.
„	—	Д. Н. Шиповъ, пред. губ. зем. управы.
Нижегородская	Г. Р. Килевейнъ, членъ губ. зем. управы.	—
„	А. А. Савельевъ, пред. губ. зем. управы.	—
Новгородская	—	Н. Н. Сомовъ, пред. губ. зем. управы.
Орловская	—	С. Н. Масловъ, пред. губ. зем. управы.
„	—	А. Д. Полѣновъ.
Псковская	гр. П. А. Гейденъ.	—
С.-Петербургская	К. К. Арсеньевъ.	—
Саратовская	Н. Н. Львовъ.	—
Смоленская	Г. Л. Граве, членъ губ. зем. управы.	Б. Т. Садовскій, пред. губ. зем. управы.
Таврическая	—	Я. Т. Харченко, пред. губ. зем. управы.
Тамбовская	—	М. П. Колобовъ, пред. губ. зем. управы.
Тверская	бар. И. С. Вревскій, членъ губ. зем. управы.	—
„	В. Д. фонъ-Дервизъ, пред. губ. зем. управы.	—
„	И. И. Петрункевичъ.	—

*) Кн. Петръ Дмитріевичъ Долгоруковъ.

Уфимская	—	С. П. Болохонцевъ, пред. губ. зем. управы.
Черниговская	—	А. А. Свѣчинъ, пред. губ. зем. управы.
Ярославская	кн. Д. И. Шаховской.	А. П. Крыловъ, пред. губ. зем. управы.
„	—	Мусинъ-Пушкинъ, членъ губ. зем. управы.

Какъ видно изъ приведеннаго списка, за положительное разрѣшеніе вопроса высказались представители 6-ти губерній, за отрицательное—представители 9-ти губерній, а голоса представителей двухъ губерній раздѣлились поровну. По второму вопросу—о значеніи и характерѣ участія представителей губернскихъ управъ въ совѣщаніяхъ при министерствахъ, собраніе единодушно признало желательнымъ, чтобы приглашались представители *всѣхъ* губерній, *по выбору* губернскихъ собраній, и чтобы собранія были оповѣщены о предметѣ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію совѣщанія, и могли бы дать избраннымъ имъ лицамъ опредѣленныя указанія.

27-го апрѣля представители губернскихъ земскихъ управъ, принимавшіе участіе въ совѣщаніи при страховомъ комитетѣ, были приняты министромъ внутреннихъ дѣлъ. В. К. Плеве вышелъ къ собравшимся, стоявшимъ полукругомъ въ большомъ залѣ, и обратился къ намъ со слѣдующею рѣчью.

„Я очень радъ видѣть васъ здѣсь. Управляющій страховымъ отдѣломъ уже доложилъ мнѣ, что ваши совѣщанія идутъ очень успѣшно, съ чѣмъ васъ поздравляю. Дѣло земскаго страхованія весьма важное и, постепенно развиваясь, въ будущемъ будетъ имѣть большое значеніе. Ваши совѣщанія въ министерствѣ на почвѣ практическаго дѣла сближаютъ васъ съ представителями министерства, облегчаютъ общую работу и взаимныя отношенія. Въ то же время такого рода совѣщанія даютъ вамъ возможность общенія между собой и по другимъ вопросамъ земской жизни. Я очень сочувствую этому общенію и признаю его желательнымъ и необходимымъ. Это во всякомъ случаѣ правильнѣе келейныхъ собраній, и лицамъ, облеченнымъ общественнымъ довѣріемъ, не слѣдуетъ дѣйствовать съ опущеннымъ забраломъ *). Только при этомъ условіи возможенъ честный и

*) При этихъ словахъ министръ повернулся и смотрѣлъ въ мою сторону.

открытый споръ. Я придаю большое значеніе участію земскихъ работниковъ въ подготовительной работѣ при министерствѣ. Я считаю вашу дѣятельность на почвѣ практическихъ вопросовъ очень полезной, она лучше отвлеченныхъ мечтаній. Поздравляю васъ съ окончаніемъ вашихъ занятій и благодарю васъ за вашу работу".

Послѣ этого министръ поклонился всѣмъ общимъ поклономъ и удалился. По выходѣ министра земскіе представители обмѣнивались между собой впечатлѣніями отъ выслушанной нами рѣчи, а Н. В. Раевскій, Ѳ. А. Головинъ и я тотчасъ-же возстановили ее письменно.

Сознаніе необходимости участія земскихъ учрежденій въ законодательной работѣ при существовавшемъ государственномъ строѣ сдѣлалось убѣжденіемъ подавляющаго большинства земской среды и это убѣжденіе получило, между прочимъ, свое выраженіе въ заявленіяхъ земскихъ представителей, приглашаемыхъ въ совѣщанія при министерствахъ. Какъ ни старалось министерство искусственнымъ подборомъ земскихъ представителей найти въ средѣ приглашаемыхъ въ совѣщанія сочувствіе своей точкѣ зрѣнія, оно терпѣло постоянную неудачу. Въ мартѣ 1903 года состоялось совѣщаніе по пересмотру узаконеній по продовольственному дѣлу и приглашенные въ составъ совѣщанія представители земскихъ управъ подали министру внутреннихъ дѣлъ записку, въ которой, высказываясь по существу вопроса за порученіе продовольственнаго дѣла вѣдѣнію земскихъ учрежденій, они вначалѣ оговаривались: „высказываемыя нами положенія представляютъ изъ себя наше личное мнѣніе, а не взглядъ на это дѣло мѣстныхъ земскихъ собраній". Заканчивалась записка просьбой, „чтобы проектъ, имѣющаго быть выработаннымъ продовольственнаго устава, былъ сообщенъ на заключеніе губернскихъ земскихъ собраній".

Въ августѣ того же года земскіе представители участвовали въ совѣщаніи, организованномъ по иниціативѣ Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, для разсмотрѣнія проекта положенія о мѣстныхъ дорогахъ. Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій Н. В. Раевскимъ, по единогласному порученію всѣхъ его товарищей по представительству, было внесено предложеніе о передачѣ законопроекта до внесенія его въ

государственный совѣтъ на обсужденіе земскихъ собраній. Одновременно отъ имени тѣхъ же лицъ была имъ заявлена просьба, чтобы всѣ матеріалы по разсматриваемому вопросу были сообщены всѣмъ губернскимъ управамъ, представители которыхъ не были приглашены къ участію въ совѣщаніи. Ходатайства о передачѣ дорожнаго [законопроекта на заключеніе земскихъ собраній были заявлены земскими представителями также при общемъ ихъ пріемѣ сначала у министра внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ у предсѣдателя Особаго Совѣщанія. В. К. Плеве сказалъ въ отвѣтъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ обсужденія этого вопроса на земскихъ собраніяхъ и добавилъ: „С. Ю. Витте выразилъ согласіе принять во вниманіе отзывы собраній, если это не задержитъ разсмотрѣніе проекта въ Особомъ Совѣщаніи въ декабрѣ". Однако, проектъ положенія о мѣстныхъ дорогахъ на обсужденіе земскихъ собраній переданъ не былъ, а о дѣйствительномъ отношеніи къ этому вопросу обоихъ министровъ можно получить правильное представленіе изъ полученнаго мной въ свое время и приводимаго ниже сообщенія одного изъ членовъ Особаго Совѣщанія о преніяхъ, происходившихъ въ его засѣданіи 28 февраля 1904 г.:

„При обсужденіи о томъ, какія права можно предоставить земству по постройкѣ дорогъ и какія на земство въ этомъ отношеніи могутъ быть возложены обязанности, *А. Н. Куломзинъ* доказывалъ, что тѣ выводы, къ которымъ по этому вопросу придетъ Особое Совѣщаніе, должны быть разосланы на обсужденіе и заключеніе земствъ, которыя одни могутъ съ увѣренностью сказать, насколько предположенія Совѣщанія являются исполнимыми и насколько они соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ потребностямъ; главнымъ образомъ, въ состояніи ли земство вынести то бремя, которое на него возлагается новымъ закономъ. *С. Ю. Витте* возсталъ противъ этого самымъ рѣшительнымъ образомъ и заявилъ, что онъ не имѣлъ бы ничего противъ того, чтобы на заключеніе земствъ былъ разосланъ проектъ, выработанный подготовительной комиссіей, но онъ безусловно не можетъ допустить, чтобы тѣ заключенія, къ которымъ пришло то Совѣщаніе, гдѣ онъ имѣетъ честь предсѣдательствовать, разсылались на заключеніе какихъ бы то ни было мѣстныхъ людей. Предложеніе А. Н. Куломзина нашло поддержку въ нѣкоторыхъ членахъ совѣщанія. *В. В. Калачовъ*

напомнилъ, что еще недавно министерствомъ внутреннихъ дѣлъ были выработаны проекты законовъ врачебнаго и ветеринарнаго, которые, по ихъ утвержденіи, при введеніи въ дѣйствіе оказались настолько несоотвѣтствующими практическимъ условіямъ жизни, что примѣненіе этихъ законовъ пришлось сразу пріостановить и затѣмъ законы эти пришлось передѣлывать по указаніямъ мѣстныхъ дѣятелей. Во избѣжаніе связанной съ такимъ порядкомъ проволочки времени и даже во избѣжаніе несомнѣннаго скандала надо начать дѣло не съ введенія закона въ дѣйствіе, а съ обсужденія его мѣстными людьми.—Послѣ этого С. Ю. Витте обратился къ В. К. Плеве.—*В. К. Плеве* заявилъ, что онъ вообще не считаетъ возможнымъ въ настоящее время создавать законы для всей Россіи изъ С.-Петербурга. По его мнѣнію, участіе мѣстныхъ силъ въ обсужденіи законодательныхъ предположеній является безусловно необходимымъ, но при этомъ онъ не можетъ не обратить вниманія на то, что при настоящемъ земскомъ представительствѣ земскія учрежденія далеко не являются дѣйствительными представителями населенія. Дѣйствительными рабочими силами въ нихъ являются не люди мѣстности, а наемныя лица управъ, чиновники, разборомъ хуже петербургскихъ. Если мы пошлемъ нашъ проектъ на заключеніе мѣстныхъ людей, то получимъ отзывы не мѣстныхъ дѣятелей, знающихъ мѣстныя нужды и съ этой точки зрѣнія обсуждающихъ наши предположенія, а мнѣнія людей постороннихъ мѣстности, разсматривающихъ все съ отвлеченныхъ доктринерскихъ положеній. Государственнымъ центростремительнымъ началамъ они противополагаютъ начала индивидуалистическія, центробѣжныя, и можно заранѣе сказать, какіе отвѣты мы получимъ подъ видомъ земскихъ: это будутъ указанія на то, что при современномъ укладѣ государственной жизни никакія реформы дорожнаго дѣла невозможны, что, когда перемѣнится государственный строй, сами собой улучшатся проселочныя дороги. Съ этой точки зрѣнія теперь подходятъ ко всѣмъ вопросамъ; даже реформу крестьянскаго законодательства ставятъ въ связь съ общимъ правопорядкомъ. Я, конечно, не хочу сказать, что во всѣхъ земствахъ эти немѣстные элементы совершенно оттѣснили мѣстные, но я не могу не опасаться того, что въ значительномъ числѣ случаевъ тѣ отзывы, которые мы получимъ, будутъ написаны не мѣстными людьми, а всякаго рода

поднадзорными статистиками, фельдшерами и, въ лучшемъ случаѣ, народными учителями. И это будутъ тѣ отзывы, которые болѣе другихъ остановятъ наше вниманіе, такъ какъ наиболѣе талантливые изъ мѣстныхъ дѣятелей не особенно искусны въ письменномъ изложеніи своихъ мнѣній и значительно уступаютъ въ этомъ отношеніи тѣмъ, кто въ теченіе долговременныхъ тюремныхъ досуговъ упражнялся въ составленіи всякаго рода рефератовъ. Не фальсифицированное мнѣніе дѣйствительно мѣстныхъ людей можно получить только путемъ образованія совѣщаній, въ которыхъ были бы представлены и элементы государственные, и элементы мѣстные, представители сословій и проч. Поэтому я предполагалъ бы передать нашъ проектъ на обсужденіе губернскихъ совѣщаній, составленныхъ изъ должностныхъ лицъ губерніи и изъ представителей земствъ и дворянствъ, при чемъ я бы не встрѣчалъ препятствій къ тому, чтобы эти представители были избраны соотвѣтствующими собраніями. *С. Ю. Витте* возражалъ противъ предложенія А. Н. Куломзина, утверждая, что передача какого-либо законопроекта на обсужденіе земствъ можетъ только похоронить этотъ законъ: получится 60 томовъ противорѣчивыхъ и несогласованныхъ заключеній, въ которыхъ никто никогда не разберется. Государственная опытность А. Н. Куломзина такова, что онъ, конечно, знаетъ, что изъ проектовъ, передававшихся на заключеніе мѣстныхъ учрежденій, ни разу ничего не вышло. Что же касается тѣхъ совѣщаній, о которыхъ говорилъ министръ внутреннихъ дѣлъ, то онъ, Витте, не сомнѣвается, что земства никогда не признаютъ заключенія, высказанныя подобными совѣщаніями, за мнѣнія самого земства, и ихъ отношенія къ проекту ничуть не измѣнятся отъ того, что подобныя совѣщанія выскажутся въ пользу его".

Въ октябрѣ земскіе представители были приглашены въ совѣщаніе при министерствѣ финансовъ подъ предсѣдательствомъ В. Н. Коковцева по вопросу объ оскудѣніи центральной части сельско-хозяйственной Россіи. Всѣми земскими представителями была внесена въ совѣщаніе записка, въ которой были развиты положенія, изложенныя въ программѣ, установленной земскимъ совѣщаніемъ въ маѣ 1902 года, и обращалось преимущественное вниманіе на необходимость реформы въ деревенскомъ правопорядкѣ. Въ заключительной части записки указывалось на

желательность, чтобы законопроекты, касающіеся мѣстной хозяйственной жизни, прежде внесенія ихъ въ государственный совѣтъ, передавались на заключеніе земскихъ собраній и чтобы, при приглашеніи земскихъ дѣятелей въ совѣщанія при министерствахъ, программы подлежащихъ обсужденію вопросовъ передавались предварительно на земскія собранія съ тѣмъ, чтобы ихъ представители, избранные собраніями, являлись выразителями мнѣній этихъ послѣднихъ.

Краткое изложеніе бесѣдъ, происходившихъ въ С.-Петербургѣ 24-го и 25-го апрѣля, было сообщено всѣмъ губернскимъ земскимъ управамъ, при чемъ состоявшіяся заключенія были формулированы такъ: „Желательно, чтобы въ губернскія земскія собранія предстоящей очередной сессіи были внесены слѣдующія предложенія:

1. Возбудить передъ правительствомъ ходатайства, чтобы имѣющіе быть составленными въ министерствахъ, согласно высочайшему манифесту 26-го февраля с. г., законопроекты „для усиленія способовъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни", прежде внесенія ихъ на уваженіе государственнаго совѣта, были переданы на заключеніе земскихъ собраній.

2. Принимая во вниманіе, что въ послѣднее время къ участію въ совѣщаніяхъ при министерствахъ для обсужденія разныхъ вопросовъ, касающихся мѣстной жизни, приглашаются представители нѣкоторыхъ губернскихъ управъ, возбудить передъ правительствомъ ходатайства: а) чтобы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ признано нужнымъ привлекать къ участію въ совѣщаніяхъ при министерствахъ мѣстныхъ людей, послѣдніе приглашались изъ всѣхъ земскихъ губерній и черезъ посредство губернскихъ земскихъ собраній, б) чтобы губернскимъ земскимъ собраніямъ было предоставлено уполномочивать, по ихъ усмотрѣнію, къ участію въ означенныхъ совѣщаніяхъ кого-либо или изъ состава губернской управы, или изъ состава губернскаго собранія, и в) чтобы губернскія земскія собранія одновременно съ предложеніемъ назначить своего уполномоченнаго были поставлены въ извѣстность о предметѣ, подлежащемъ обсужденію въ предстоящемъ совѣщаніи, и могли, въ случаѣ они то признаютъ нужнымъ, преподать своему уполномоченному руководящія указанія".

Эти предложенія встрѣтили сочувственный откликъ въ большинствѣ *) земскихъ губерній, и соотвѣтствующіе вопросы были возбуждены въ 25-ти губернскихъ земскихъ собраніяхъ, но губернаторы и предсѣдатели собраній были предупреждены министерствомъ и имъ было предложено оказать возможное противодѣйствіе обсужденію этихъ вопросовъ собраніями. Подъ вліяніемъ давленія со стороны министерства обсужденіе означенныхъ вопросовъ не было допущено предсѣдателями собраній въ губерніяхъ: казанской, новгородской, полтавской, тульской и харьковской, а состоявшіяся постановленія собраній были опротестованы нижегородскимъ и уфимскимъ губернаторами. Кромѣ того, были опротестованы постановленія костромского и тамбовскаго собраній въ части, касавшейся возбужденія ходатайства о томъ, чтобы представителямъ земства въ совѣщаніяхъ были гарантированы свобода слова и неприкосновенность личности. Однако, протесты губернаторовъ и препятствія земскимъ начинаніямъ со стороны губернскихъ предводителей дворянства не могли умалить значенія опредѣленно проявившагося единенія земской среды, единенія, создавшагося на почвѣ стремленія къ установленію необходимаго и справедливаго взаимодѣйствія государственной власти и земскихъ учрежденій. Но правительство, а, главнымъ образомъ, министръ внутреннихъ дѣлъ продолжали не сознавать значеніе надвигавшихся событій и не желали отступить отъ своей точки зрѣнія. Земское движеніе только вызывало въ В. К. Плеве все большее раздраженіе и, считая меня главнымъ вдохновителемъ оппозиціоннаго настроенія въ земской средѣ, онъ желалъ дискредитировать мою дѣятельность и устранить меня отъ участія въ земской работѣ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ испросилъ высочайшее повелѣніе на производство въ 1903 году ревизіи земскихъ учрежденій московской губерніи, съ возложеніемъ этого порученія на товарища министра Н. А. Зиновьева. Въ сентябрѣ Н. А. Зиновьевъ съ многочисленнымъ штатомъ чиновниковъ прибылъ въ Москву. Съ самаго начала производства ревизіи намъ, земскимъ людямъ,

*) Вопросы, затронутые во время бесѣдъ земцевъ въ С.-Петербургѣ, не были возбуждены въ земскихъ собраніяхъ губерній—бессарабской, владимирской, вятской, олонецкой, пензенской, пермской, самарской, таврической и херсонской.

стало съ очевидностью ясно, что ревизоръ и его сотрудники не имѣютъ яснаго представленія о сущности и характерѣ земскаго дѣла и подходятъ къ ознакомленію съ нимъ съ чиновничьей, бюрократической точки зрѣнія и съ извѣстнымъ, предвзятымъ отношеніемъ къ дѣятельности московскаго земства. Такъ, напримѣръ, ревизоры хотѣли прослѣдить порядокъ сношеній отдѣловъ управы между собой и съ ея предсѣдателемъ и были удивлены отсутствіемъ соотвѣтствующей переписки и представленными имъ объясненіями, что всѣ интересующія ихъ сношенія происходятъ путемъ словесныхъ переговоровъ. При осмотрѣ лѣчебныхъ и другихъ земскихъ учрежденій Н. А. Зиновьевъ не углублялся въ суть дѣла, насколько та или иная организація цѣлесообразно и полно обслуживаетъ потребности населенія, а обращалъ вниманіе, главнымъ образомъ, на внѣшнюю сторону, на внѣшній порядокъ. Съ земскими служащими онъ держалъ себя рѣзко и высокомѣрно и мнѣ не разъ приходилось разъяснять и устранять происходившія на этой почвѣ недоразумѣнія. Живая работа земскихъ людей, руководящаяся сознаніемъ общественнаго долга и объединенная общностью убѣжденій, ему была совершенно непонятна. Предоставленная и необходимая земскимъ труженникамъ извѣстная самостоятельность и уваженіе ихъ человѣческаго достоинства разсматривались Н. А. Зиновьевымъ, какъ недостатокъ дисциплины и распущенность.

Не мало вниманія было удѣлено ревизіей вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ между губернскимъ и уѣздными земствами. Съ этой цѣлью ревизоры усидчиво изучали журналы совѣщаній предсѣдателей губернской и уѣздныхъ управъ, а самъ Н. А. Зиновьевъ, въ своихъ бесѣдахъ съ предсѣдателями уѣздныхъ управъ, постоянно останавливался на этомъ вопросѣ, желая выяснить вліяніе губернской управы на дѣятельность уѣздныхъ земствъ.

Съ особеннымъ напряженіемъ разыскивалась переписка, относящаяся къ земскому совѣщанію, происходившему въ маѣ 1902 года, и къ сношеніямъ моимъ съ предсѣдателями другихъ губернскихъ управъ по разнымъ вопросамъ, стоявшимъ въ связи съ создавшимся земскимъ объединеніемъ. Всѣ земскіе служащіе, къ которымъ ревизоры неоднократно и настойчиво обращались по этому поводу, не скрывали, что имъ извѣстно о моихъ

сношеніяхъ съ земскими дѣятелями и въ то же время объясняли, что такого рода переписка, какъ частная переписка Д. Н. Шипова, ведется мной самимъ, сосредоточивается у меня на квартирѣ и канцелярія управы въ ней участія не принимаетъ.

Ревизія, продолжавшаяся около двухъ мѣсяцевъ, дѣйствовала на всѣхъ насъ удручающе и отнимала у всѣхъ, работающихъ въ управѣ, много времени тогда, когда всѣмъ приходилось работать съ особымъ напряженіемъ, въ виду приближавшейся очередной сессіи губернскаго собранія. Во время производства ревизіи и особенно при приближеніи ея окончанія свойственная Н. А. Зиновьеву раздражительность постепенно, казалось намъ, возрастала; товарищи мои и я склонны были объяснить это тѣмъ, что ожиданія и надежды ревизора найти факты и данныя, обнаруживающіе незаконом'ѣрность и неправильность дѣйствій губернской управы и въ частности моихъ— не оправдались.

Когда ревизія была закончена, Н. А. Зиновьевъ пріѣхалъ въ управу, вошелъ въ кабинетъ предсѣдателя и, сказавъ, что желаетъ проститься, просилъ меня пригласить всѣхъ членовъ управы, что было тотчасъ же исполнено. Н. А. Зиновьевъ съ полнымъ отсутствіемъ на этотъ разъ раздражительности, а скорѣе съ явнымъ благодушіемъ, обратился къ всему составу управы съ краткой прощальной рѣчью. Онъ говорилъ, что уѣзжаетъ, унося благопріятныя впечатлѣнія о дѣятельности земскихъ учрежденій губерніи; безхозяйственности онъ не нашелъ, личный составъ губернской управы въ полномъ курсѣ порученнаго ему дѣла и отношенія между губернской и уѣздными управами мирныя. Въ заключеніе Н. А. Зиновьевъ сказалъ, что, какъ только отчетъ его о ревизіи будетъ законченъ, онъ тотчасъ же сообщитъ его намъ.

Прощальная рѣчь Н. А. Зиновьева доставила губернской управѣ нѣкоторое удовлетвореніе, но заключенія, къ которымъ пришелъ ревизоръ, совершенно не отвѣчали желанію министра внутреннихъ дѣлъ и В. К. Плеве потребовалъ отъ Н. А. Зиновьева согласовать заключенія ревизіи съ видами министра. О такомъ давленіи, оказанномъ со стороны В. К. Плеве, стало извѣстно намъ лишь впослѣдствіи и потому меня и членовъ управы очень удивилъ напечатанный въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ 29-го іюня 1904 года совершенно нами неожиданный

всеподданѣйшій рапортъ Н. А. Зиновьева. Въ этомъ рапортѣ говорилось: „Чтобы уяснить себѣ дѣятельность земства, недостаточно познакомиться съ внѣшними его проявленіями, а необходимо прослѣдить не легко улавливаемое и не всегда наглядно выражающееся направленіе этой дѣятельности“. Исходя изъ этого положенія, ревизоръ признавалъ, что „направленіе внутренней жизни земства московской губерніи едва ли соотвѣтствуетъ требованіямъ закона и условіямъ правильнаго развитія“, но въ рапортѣ, кромѣ произвольныхъ умозаключеній, не было приведено ни одного реальнаго факта, которымъ подтверждалось бы нарушеніе или противорѣчіе дѣятельности земства нормамъ и порядку, установленнымъ закономъ. Отрицательное отношеніе рапорта къ дѣятельности губернскаго земства сводилось собственно къ указаніямъ на—1) подавленіе самодѣятельности уѣздныхъ земствъ и 2) усиленіе вліянія „пришлаго элемента“. „Руководительство губернскимъ земствомъ уѣздныхъ“, отмѣчалось въ рапортѣ, „идетъ въ разрѣзъ съ указаніемъ закона, обезпечивающаго какъ губернскому, такъ и уѣзднымъ земствамъ полную самостоятельность въ кругѣ ихъ дѣйствій“. Нарушеніе самостоятельности уѣздовъ усматривалось въ учрежденіи губернскихъ больницъ и школъ, въ учрежденіи санитарныхъ и экономическихъ уѣздныхъ совѣтовъ и въ выдачѣ пособій и ссудъ уѣздамъ изъ губернскихъ суммъ, но при этомъ, какъ бы, не принималось во вниманіе, что губернскія больницы и школы въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ учреждались по ходатайству уѣздовъ, необезпеченныхъ достаточно мѣстными средствами, что санитарные и экономическіе совѣты въ уѣздахъ учреждены и организуются согласно постановленіямъ уѣздныхъ собраній и что, только благодаря назначаемымъ губернскимъ пособіямъ, развивается широко и вполнѣ самостоятельно дѣятельность уѣздныхъ земствъ, получающихъ эти пособія на условіяхъ, устанавливаемыхъ по соглашенію губернскаго земства съ уѣздными. Въ рапортѣ указывалось, что направленіе дѣятельности губернскаго земства поставило въ 1898 году ребромъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ, но замалчивалось, что вопросъ этотъ былъ поставленъ не уѣздными земствами, а самой губернской управой, и что возникшее было недоразумѣніе получило тогда же вполнѣ благопріятное разрѣшеніе, при чемъ всѣ уѣзды признали, что ихъ

самостоятельность ни въ чемъ не нарушается политикой губернскаго земства *). Подчиненію уѣздныхъ земствъ вліянію губернскаго много послужила, по мнѣнію рапорта, организація совѣщанія предсѣдателей управъ—„учрежденіе, существующее не только безъ санкціи закона, но и безъ санкціи губернскаго собранія". Дѣйствительно, въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ вовсе не говорится о совѣщаніи предсѣдателей управъ губерніи, но въ немъ нѣтъ никакого указанія на недопустимость такого установленія, а въ тоже время, напримѣръ, уставъ эмеритальной кассы московскаго земства (§ 74), утвержденный министромъ внутреннихъ дѣлъ въ 1895 году, предусматривалъ существованіе совѣта, состоящаго изъ предсѣдателей губернской и уѣздныхъ управъ. Что касается санкціи губернскаго собранія, то ревизорамъ не могло быть неизвѣстно, что губернское собраніе изъ года въ годъ возлагало рядъ порученій на совѣщаніе предсѣдателей управъ. Рапортъ отмѣчаетъ, что „въ совѣщаніи перевѣсъ разумѣется на сторонѣ губернской управы", но вслѣдъ за тѣмъ тутъ же говорится, что члены губернской управы въ голосованіи не участвуютъ и поэтому первое указаніе представляется совершенно непонятнымъ. Что касается земскихъ работниковъ, такъ называемаго „третьяго элемента", то въ немъ ревизоръ видитъ „другого **) вреднаго спутника централизаціи", укоренившейся въ московскомъ земствѣ. „Вмѣсто того, чтобы прибѣгнуть къ помощи уѣздныхъ земствъ", говорится въ рапортѣ, „губернская управа предпочла ввѣрить земское дѣло лицамъ, служащимъ по найму, поставивъ ихъ къ тому же внѣ всякой зависимости отъ управъ..., не останавливаясь для этого и передъ открытой борьбой съ уѣздными управами". Тутъ, кромѣ невѣрнаго освѣщенія вопроса, очевидна точка зрѣнія бюрократа, смотрящаго на подчиненныхъ ему чиновниковъ съ высоты своего олимпійскаго величія и не признающаго за ними права „свое сужденіе имѣть". Въ этомъ вопросѣ бюрократы и земскіе люди стоятъ, несомнѣнно, на противоположныхъ точкахъ зрѣнія и первымъ кажется непонятными уваженіе въ своихъ младшихъ сотруд-

*) Разрѣшеніе въ московскомъ земствѣ вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ изложено выше—глава II, стр. 38—56.

**) Повидимому, „первымъ вреднымъ спутникомъ" признается совѣщаніе предсѣдателей управъ.

никахъ человѣческой личности и предоставленіе имъ необходимой самостоятельности, обезпечивающей бо́льшую производительность ихъ труда.

Усиленіе значенія губернскаго земства въ дѣлахъ мѣстнаго хозяйства находитъ себѣ объясненіе, по мнѣнію, высказанному въ рапортѣ, въ „введеніи въ составъ губернскаго земскаго собранія значительнаго числа гласныхъ отъ города Москвы, въ общеземскомъ дѣлѣ не заинтересованныхъ и смотрящихъ на него лишь съ отвлеченной точки зрѣнія". Но въ томъ же рапортѣ ранѣе говорится, что своимъ блестящимъ матеріальнымъ положеніемъ московское земство обязано „столицѣ, состоящей при земствѣ въ качествѣ оброчной статьи..., уплачивающей болѣе половины губернскаго сбора, но взамѣнъ этого почти ничего не получающей". Сопоставленіе этихъ двухъ выдержекъ, казалось бы, должно было побудить автора рапорта усомниться въ правильности сдѣланныхъ имъ заключеній.

Обѣщанный Н. А. Зиновьевымъ отчетъ о произведенной имъ ревизіи никогда губернской управѣ сообщенъ не былъ. Черезъ годъ стало извѣстно, что отчетъ напечатанъ въ 3-хъ или 4-хъ томахъ, но онъ составилъ канцелярскую тайну и мнѣ случайно пришлось въ короткое время ознакомиться только бѣгло съ 1-мъ томомъ. Повидимому, отчетъ имѣлъ цѣлью иллюстрировать „несогласную съ закономъ постановку земскаго дѣла въ московской губерніи", но даже поверхностное ознакомленіе съ содержаніемъ перваго тома объяснило мнѣ облекающую отчетъ канцелярскую таинственность. Большая часть сдѣланныхъ указаній не соотвѣтствовала дѣйствительности или свидѣтельствовала о полномъ незнакомствѣ и непониманіи авторами земскаго дѣла.

Рапортъ А. Н. Зиновьева былъ опубликованъ, когда я уже не находился въ составѣ губернской управы. Несоотвѣтствіе характеристики въ рапортѣ направленія дѣятельности губернскаго земства съ отзывомъ ревизора, сдѣланнымъ имъ по собственному почину при прощаніи съ губернской управой, свидѣтельствовало о предвзятости приведенныхъ въ рапортѣ заключеній. Изъ бесѣдъ членовъ управы съ нѣкоторыми чиновниками, принимавшими участіе въ ревизіи, вскорѣ выяснилось, что подъ вліяніемъ требованій со стороны министра внутреннихъ дѣлъ

имъ пришлось во многомъ пересоставлять уже законченный отчетъ по ревизіи, чтобы удовлетворить пожеланіямъ В. К. Плеве. Тѣмъ не менѣе, заключенія рапорта въ той части, которая касалась отношеній между губернскимъ и уѣздными земствами, вызывали во мнѣ нѣкоторыя сомнѣнія. Я зналъ, что въ матеріалахъ, относящихся къ этому вопросу и находившихся въ распоряженіи ревизоровъ, а главное въ основѣ содѣйствія губернскаго земства уѣзднымъ никогда не было и тѣни мысли о подавленіи самостоятельности уѣздовъ, но меня тревожило предположеніе,—не ошибался ли я въ отношеніяхъ къ этому вопросу со стороны уѣздныхъ управъ и не послужили ли основаніемъ для заключеній рапорта мнѣнія и отзывы предсѣдателей уѣздныхъ управъ, высказанные ими, можетъ быть, въ бесѣдахъ съ Н. А. Зиновьевымъ? Представлялось необходимымъ въ интересахъ земскаго дѣла выяснить это сомнѣніе, особенно принимая во вниманіе, что я, въ которомъ земская среда видѣла инициатора политики губернскаго земства, уже не состоялъ предсѣдателемъ губернской управы, а для губернской управы въ измѣнившемся ея составѣ имѣло важное значеніе знать опредѣленно признается ли уѣздами желательнымъ продолжать ихъ взаимодѣйствіе съ губернскимъ земствомъ на прежнихъ основаніяхъ и, въ частности, считаютъ ли предсѣдатели уѣздныхъ управъ полезной организацію совѣщаній предсѣдателей управъ губерніи. Этими мыслями я подѣлился съ моими прежними товарищами по земской работѣ и избранный вмѣсто меня предсѣдателемъ управы Ѳ. А. Головинъ созвалъ 13-го августа 1904 года совѣщаніе предсѣдателей управъ. Послѣ изложенія мотивовъ внесенія вопроса о дальнѣйшей участи совѣщанія, Ѳ. А. Головинъ огласилъ часть рапорта Н. А. Зиновьева, относившуюся къ вопросу объ отношеніяхъ между губернскимъ и уѣздными земствами, и предложилъ на обсужденіе вопросъ о законности совѣщанія и его вліяніи на самодѣятельность уѣздныхъ земствъ. Общій голосъ собравшихся призналъ организацію совѣщанія вполнѣ законной и сохраненіе его по существу дѣла необходимымъ. Затѣмъ единогласно было отмѣчено, что совѣщаніе не чувствуетъ никакого гнета со стороны губернской управы и что въ то же время существованіе совѣщанія не оказываетъ никакого давленія на самостоятельность уѣздныхъ земствъ. Этимъ постановленіемъ было устранено всякое сомнѣніе въ данномъ

вопросѣ, а взаимодѣйствіе губернскаго и уѣздныхъ земствъ на установленныхъ ранѣе основаніяхъ получило въ дальнѣйшемъ широкое развитіе.

14-го февраля 1904 года я былъ избранъ губернскимъ собраніемъ на должность предсѣдателя губернской управы на пятое трехлѣтіе и губернаторомъ, Г. И. Кристи, было тотчасъ же сообщено министру внутреннихъ дѣлъ о моемъ избраніи. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ со стороны министра не послѣдовало распоряженія о моемъ утвержденіи въ должности. Въ началѣ апрѣля я получилъ письмо отъ великаго князя Александра Михаиловича съ извѣщеніемъ, что, согласно распоряженію Наслѣдника Престола, я приглашаюсь вступить членомъ въ состоявшій подъ его предсѣдательствомъ Особый Комитетъ по сбору пожертвованій на усиленіе военнаго флота. 12-го апрѣля я пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, чтобы представиться великому князю Михаилу Александровичу, и, находясь въ С.-Петербургѣ, счелъ нужнымъ въ тотъ же день утромъ явиться на обычный пріемъ у министра внутреннихъ дѣлъ, предвидя въ то же время, что такимъ путемъ я ускорю разрѣшеніе вопроса—буду ли я утвержденъ предсѣдателемъ губернской управы или нѣтъ?

Войдя въ кабинетъ министра, я сообщилъ ему причину моего пріѣзда въ С.-Петербургъ. В. К. Плеве обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: „Я имѣлъ въ виду пригласить васъ пріѣхать ко мнѣ въ пятницу 16-го, но разъ вы пріѣхали въ С.-Петербургъ, чтобы представиться Государю Наслѣднику и явились ко мнѣ, то я сообщу вамъ теперь же то, что хотѣлъ сказать 16-го. До сихъ поръ вы не имѣли еще моего отвѣта относительно вашего утвержденія или неутвержденія. Вы понимаете, что для министра внутреннихъ дѣлъ вопросъ о неутвержденіи предсѣдателя *московской* губернской земской управы, а тѣмъ болѣе лица, создавшаго себѣ положеніе самозваннаго представителя всероссійскаго земства, является вопросомъ весьма сложнымъ и требующимъ большого размышленія. Въ настоящее время я пришелъ къ окончательному рѣшенію и на дняхъ московскія власти получатъ мое увѣдомленіе о вашемъ неутвержденіи. Остановившись на такомъ рѣшеніи, я хочу объяснить вамъ, почему я признаю вашу дѣятельность вредной, и прошу васъ передать точно, кому вы найдете нужнымъ, то, что я

вамъ скажу. Что касается вашей работоспособности, то она всѣмъ извѣстна, ваши нравственныя качества внѣ всякаго упрека и по этому не въ этомъ, конечно, причины, по которымъ я считаю вашу дѣятельность вредной. Я считаю ее вредной въ политическомъ отношеніи. Когда говорятъ о политической точкѣ зрѣнія въ такого рода вопросахъ, то обыкновенно имѣютъ въ виду политическую неблагонадежность, тайную революціонную дѣятельность и т. п., но по отношенію къ вамъ объ этомъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Я признаю вашу дѣятельность вредной въ политическомъ отношеніи потому, что вы послѣдовательно стремитесь къ расширенію компетенціи и круга вѣдѣнія общественныхъ учрежденій и къ созданію организаціи, объединяющей дѣятельность земскихъ учрежденій различныхъ губерній. Я не могу не согласиться, что мы къ этому идемъ и что разрѣшеніе этого вопроса дѣло недалекаго будущаго, но вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ только сверху, а не снизу и только тогда, когда въ этомъ направленіи выскажется опредѣленно воля Государя. До тѣхъ же поръ всѣ, поступающіе такъ, какъ поступаете вы, насилуютъ волю Государя и создаютъ противодѣйствіе его правительству. Вторая причина, по которой я признаю вашу дѣятельность вредной, заключается въ томъ положеніи, которое вы отводите въ земскомъ дѣлѣ пришлымъ людямъ, не имѣющимъ никакой связи съ мѣстными интересами. При земскихъ управахъ образуются когорты санкюлотовъ, которые пріобрѣтаютъ доминирующее вліяніе на ходъ земскихъ дѣлъ, отстраняя отъ нихъ тѣ элементы, которые призваны къ самоуправленію законодателемъ. Вотъ почему я долженъ былъ притти къ рѣшенію относительно вашего неутвержденія. Я очень объ этомъ скорблю, такъ какъ, къ сожалѣнію, у насъ людей мало и мы должны ихъ беречь; въ вашемъ же лицѣ я не могу не признавать крупной силы, которую радъ былъ бы имѣть на своей сторонѣ. Вы не забыли нашу бесѣду два года тому назадъ на Аптекарскомъ острову? Тогда я разсчитывалъ, что мы пойдемъ вмѣстѣ, но черезъ мѣсяцъ вы вступили въ такія конъюнктуры (?), послѣ чего мнѣ сдѣлалось очевиднымъ, что наши дороги разошлись". Послѣ этихъ словъ министръ, далъ понять, что ауденція кончена, и я могъ только успѣть сказать, что не сознаю за собой никакой вины и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководился своими

убѣжденіями, долгомъ совѣсти и присяги. В. К. Плеве, провожая меня къ выходу изъ кабинета, на это мнѣ сказалъ: „Вы всегда поступали и говорили прямо и открыто и я знаю, что вы дѣйствовали всегда согласно своимъ убѣжденіямъ, но убѣжденія и взгляды наши расходятся и, очевидно, мы вмѣстѣ итти не можемъ. Послѣдняя моя просьба—повремените нѣсколько дней сообщать о нашемъ разговорѣ". *) Когда я уже отворялъ дверь, министръ обратился ко мнѣ вновь и сказалъ: „Я предвижу возможность различныхъ осложненій въ московскомъ земствѣ по случаю вашего неутвержденія. Предупреждаю васъ, что я приготовился ко всѣмъ возможнымъ случайностямъ и принялъ всѣ необходимыя мѣры". На это я отвѣтилъ, что это меня касаться не можетъ, такъ какъ я тотчасъ, по полученіи въ Москвѣ офиціальнаго увѣдомленія о моемъ неутвержденіи, удалюсь въ деревню.

Вернувшись въ Москву, я передалъ моимъ товарищамъ все высказанное мнѣ министромъ и просилъ ихъ не распространять мое сообщеніе, особенно среди земскихъ служащихъ. Затѣмъ я посѣтилъ губернатора, разсказалъ ему о моей бесѣдѣ съ В. К. Плеве и просилъ его, по полученіи отъ министра извѣщенія о моемъ неутвержденіи, предупредить меня заблаговременно частнымъ путемъ, послѣ чего я уѣду къ себѣ въ имѣніе и такимъ образомъ, офиціальное увѣдомленіе получится въ управѣ, когда меня въ Москвѣ уже не будетъ. Этимъ я хотѣлъ избѣжать возможность какой-либо манифестаціи со стороны моихъ сотрудниковъ въ земской работѣ и облегчить себѣ тягостное чувство разставанія съ дорогимъ мнѣ земскимъ дѣломъ. 21-го апрѣля Г. И. Кристи предупредилъ меня частнымъ письмомъ о полученіи имъ увѣдомленія о моемъ неутвержденіи, о чемъ губернаторомъ должно было быть сообщено офиціально губернской управѣ на слѣдующій день, и 22-го утромъ я выѣхалъ изъ Москвы въ свое имѣніе волоколамскаго уѣзда.

---

*) Вѣроятно, В. К. Плеве о своемъ рѣшеніи не докладывалъ еще Государю и имѣлъ въ виду это сдѣлать во время ближайшаго очереднаго доклада 15-го апрѣля.

ГЛАВА VIII.

Убійство В. К. Плеве и назначеніе на постъ министра внутреннихъ дѣлъ кн. П. Д. Святополкъ-Мирскаго. Дѣятельность организаціоннаго бюро по подготовкѣ земскаго съѣзда въ 1904 году. Переговоры по этому поводу съ кн. П. Д. Святополкъ-Мирскимъ. Частное совѣщаніе земскихъ дѣятелей 6—9 ноября 1904 года. Разногласіе между большинствомъ и меньшинствомъ земскаго совѣщанія. Сообщеніе заключеній земскаго совѣщанія министру внутреннихъ дѣлъ. Банкеты, устроенные „Союзомъ освобожденія“ послѣ земскаго совѣщанія. Высочайшій указъ и правительственное сообщеніе 12 декабря 1904 г. Сообщеніе кн. П. Д. Святополкъ-Мирскаго объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ составленіе и опубликованіе этихъ актовъ.

Устраненіе меня отъ активной земской дѣятельности явилось для меня тяжелымъ ударомъ, горечь котораго была въ значительной мѣрѣ смягчена многочисленными выраженіями мнѣ сочувствія, какъ со стороны общественныхъ учрежденій, такъ и со стороны общественныхъ дѣятелей и особенно близкихъ и дорогихъ мнѣ земскихъ моихъ сослуживцевъ и сотрудниковъ. Но, кромѣ значенія этого событія въ моей личной жизни, отказъ министра въ утвержденіи меня въ должности предсѣдателя губернской управы вызывалъ во мнѣ удручающія впечатлѣнія по своему общественному значенію. Мнѣ представлялось несомнѣннымъ, что В. К. Плеве не могъ не видѣть во мнѣ человѣка, преданнаго идеѣ самодержавія, правильно понимаемой, и стремящагося къ созданію необходимаго тѣснаго взаимодѣйствія самодержавной власти съ населеніемъ страны, а въ то же время самъ В. К. Плеве не признавалъ существовавшій государственный строй жизненнымъ. 2-го іюля 1902 года во время нашей бесѣды онъ говорилъ, что „нашъ государственный строй лѣтъ черезъ 30, 40, 50 долженъ будетъ уступить мѣсто другому“, а при послѣднемъ нашемъ свиданіи онъ, признавая мою дѣятельность вредной въ политическомъ отношеніи и, будто бы, стремящейся къ измѣненію государственнаго строя, сказалъ: „Я не могу не согласиться, что мы къ этому идемъ и что раз-

рѣшеніе этого вопроса—дѣло не далекаго будущаго, но вопросъ, этотъ можетъ быть разрѣшенъ только сверху, а не снизу". Если В. К. Плеве былъ бы искреннимъ сторонникомъ высказанныхъ имъ мыслей, то онъ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, долженъ былъ бы считать своимъ долгомъ не возбуждать въ Государѣ недовольства дѣятельностью земскихъ представителей, придавая ей не вѣрное освѣщеніе, а, напротивъ, вызывать въ Государѣ сознаніе правомѣрности пожеланій земствъ и необходимости пойти имъ на встрѣчу. Но весь образъ дѣйствій В. К. Плеве съ убѣдительностью свидѣтельствовалъ, что его слова о благожелательномъ отношеніи власти къ общественнымъ учрежденіямъ имѣли исключительною цѣлью ввести земскую среду въ заблужденіе относительно истиннаго характера политики министра, стремившагося въ дѣйствительности къ подавленію роста общественнаго сознанія и къ управленію страной посредствомъ неограниченнаго произвола бюрократической власти. Устраненія меня отъ активной земской дѣятельности явилось еще новымъ и наглядньшъ подтвержденіемъ такого характера политики министра внутреннихъ дѣлъ и могло только еще болѣе усилить оппозиціонное настроеніе земской среды. Московское губернское земское собраніе въ первомъ засѣданіи, послѣ отказа въ моемъ утвержденіи, сдѣлало постановленіе, которымъ выразило моральную солидарность съ моей общественной дѣятельностью, а затѣмъ избрало предсѣдателемъ губернской управы Θ. А. Головина, убѣжденнаго конституціоналиста и принципіальнаго противника существовавшаго государственнаго строя. Многіе земскіе дѣятели заявляли мнѣ, что они согласны были съ моей политической программой дѣйствій и не теряли надежды, что правительство въ концѣ концовъ сознаетъ необходимость удовлетворить самыя умѣренныя и лояльныя пожеланія общества, но послѣ неутвержденія меня министромъ они потеряли всякую надежду на возможность мирнаго разрѣшенія вопроса и были приведены къ убѣжденію въ неизбѣжности перейти на путь политической борьбы съ существующимъ государственнымъ строемъ. Такого рода факты, находившіеся въ связи съ моимъ устраненіемъ отъ земской дѣятельности, вызывали во мнѣ тревожныя мысли и опасенія еще бо́льшаго усиленія и углубленія разлада между государственной властью и обществомъ. Политика министра внутреннихъ дѣлъ возбуждала

раздраженіе въ широкихъ кругахъ населенія, а чувство недовольства существующими порядками невольно переносилось на основу нашего государственнаго строя. Однако, В. К. Плеве не суждено было долгое время оставаться руководителемъ внутренней политики; 15-го іюля 1904 года В. К. Плеве палъ жертвой террористическаго акта, совершеннаго Сазоновымъ.

Лѣто 1904 года я провелъ въ деревнѣ и вѣсть объ убійствѣ В. К. Плеве была мнѣ сообщена въ тотъ же день, 15 іюля, санитарнымъ врачомъ губернскаго земства по полученіи въ г. Волоколамскѣ телеграммы объ этомъ событіи. Это извѣстіе произвело на меня угнетающее впечатлѣніе. Относясь, по своимъ убѣжденіямъ, безусловно отрицательно ко всякаго рода насилію, а тѣмъ болѣе къ посягательству на жизнь человѣка, я всегда особенно возмущался террористическими актами съ политическими цѣлями. Моему мышленію и моему чувству всегда было и остается непонятнымъ, какъ можно при стремленіи къ переустройству уклада жизни людей на началахъ добра и высшей правды итти путемъ преступнаго всегда, да и во всякомъ случаѣ убійства. Преслѣдуемая цѣль, какъ бы ни была она по существу своему идеальна, не можетъ никогда оправдывать преступность средствъ для ея достиженія. Политическій убійца и насильникъ, по глубокому моему убѣжденію, руководится, можетъ быть, и самъ, не давая себѣ яснаго отчета, не столько порывомъ къ добру и правдѣ, сколько чувствомъ злобы и ненависти къ существующей неправдѣ соціальнаго и политическаго строя. Но переустройство жизни человѣчества и созданіе всечеловѣческаго единенія возможны лишь на основѣ чувства христіанской любви, а съ этимъ чувствомъ и съ этой цѣлью вступаетъ въ непримиримое противорѣчіе всякое насиліе, а тѣмъ болѣе посягательство на жизнь человѣка, въ которомъ всякій религіозномыслящій человѣкъ обязанъ видѣть своего ближняго. Вѣсть объ убійствѣ В. К. Плеве возмутила меня прежде всего по соображеніямъ принципіальнаго характера, вытекающимъ изъ моего жизнепониманія, но въ то же время, она вызвала во мнѣ тяжелое впечатлѣніе той формой, въ которой она была мнѣ сообщена. Письмо врача, сообщившаго мнѣ эту вѣсть, дышало, какъ бы, радостью и онъ, повидимому, спѣшилъ привѣтствовать меня, предполагая, очевидно, что и я раздѣляю его отношеніе къ событію. Такое

предположеніе было мнѣ больно и обидно тѣмъ болѣе, что я зналъ автора письма, какъ человѣка очень умнаго, всегда съ уваженіемъ относился къ его общественной дѣятельности и зналъ о такомъ же его отношеніи ко мнѣ. Это письмо подтвердило мнѣ съ убѣдительностью, какъ трудно людямъ, руководящимся различными основными міросозерцаніями, понимать другъ друга.

Со смертью В. К. Плеве возникъ вопросъ—кто явится его преемникомъ на посту министра внутреннихъ дѣлъ? Этотъ вопросъ, естественно, въ высшей степени интересовалъ все русское общество, такъ какъ выборъ лица Государемъ долженъ былъ предуказать то направленіе, въ которомъ можно было ожидать проявленіе внутренней политики государственной власти въ ближайшемъ времени. Во второй половинѣ августа министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій. Новый министръ былъ лицомъ, мало извѣстнымъ въ широкихъ кругахъ общества, и его назначеніе не давало опредѣленнаго отвѣта на озабочивавшій всю страну вопросъ. Я лично имѣлъ случай неоднократно встрѣчаться съ кн. П. Д. въ теченіе ряда лѣтъ, бесѣдовать съ нимъ по разнымъ вопросамъ нашей общественной жизни, и составилъ себѣ о немъ опредѣленное представленіе. Кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій получилъ преимущественно военное образованіе, сначала въ пажескомъ корпусѣ и затѣмъ въ николаевской академіи генеральнаго штаба. Онъ былъ человѣкъ умный, но мало подготовленный для предстоявшей ему государственной дѣятельности. Его политическій кругозоръ не былъ, можетъ быть, достаточно широкъ и онъ не обладалъ всѣми знаніями, необходимыми для лица, призваннаго къ руководству внутренней жизнью страны, но эти недостатки въ значительной мѣрѣ возмѣщались достоинствами его духовной природы. Кн. П. Д. былъ человѣкъ всегда прямой и безусловно честный дѣятель; онъ обладалъ добрымъ сердцемъ и чуткой душой и всегда подходилъ къ людямъ съ довѣріемъ и любовью. Онъ хорошо понималъ установившуюся въ нашемъ государственномъ строѣ ненормальность въ отношеніяхъ власти къ населенію и сознавалъ необходимость моральной между ними солидарности. Можно было быть увѣреннымъ, что кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій всегда открыто и прямо изложитъ свое мнѣніе предъ Го-

сударемъ. Но въ то же время онъ не былъ человѣкомъ достаточно сильнымъ, чтобы импонировать своему собесѣднику, и не обладалъ способностью аргументировать свое мнѣніе убѣдительными доводами и соображеніями. Съ назначеніемъ князя П. Д. Святополкъ-Мирскаго на постъ министра внутреннихъ дѣлъ можно было не сомнѣваться, что онъ откажется отъ политики недовѣрія къ общественнымъ силамъ, которую проводили послѣдовательно его предшественники, и, дѣйствительно, 16 сентября новый министръ поспѣшилъ высказать свою программу въ этомъ вопросѣ въ рѣчи къ представлявшимся ему членамъ министерства.

„Приступая сегодня къ выполненію, возложенныхъ на меня Монаршимъ довѣріемъ обязанностей",—говорилъ министръ,—„я считаю долгомъ заявить, что въ основу направленія ввѣреннаго мнѣ министерства мною будутъ положены начала, провозглашенныя съ высоты престола всемилостивѣйшимъ манифестомъ 26 февраля 1903 года. Приглашаю васъ, господа, къ дѣятельному, самоотверженному сотрудничеству именно въ этомъ направленіи. Административный опытъ привелъ меня къ глубокому убѣжденію, что плодотворность правительственнаго труда основана на искренно благожелательномъ и истинно довѣрчивомъ отношеніи къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще. Лишь при этихъ условіяхъ работы можно получить взаимное довѣріе, безъ котораго невозможно ожидать прочнаго успѣха въ дѣлѣ устроенія государства. Призывая васъ, господа, къ неустанной работѣ, я вѣрю въ силы и опытность вашу, которыя мнѣ помогутъ достигнуть цѣли въ предстоящемъ трудѣ". Эта рѣчь пронеслась какъ оживляющая струя по всей странѣ и такъ какъ время ея произнесенія совпало съ обычнымъ временемъ очередныхъ сессій уѣздныхъ земскихъ собраній, то послѣднія поспѣшили отозваться на программу, провозглашенную министромъ, посылкой ему привѣтственныхъ телеграммъ. Рѣчь министра внутреннихъ дѣлъ не могла не оказать вліянія и на оживленіе дѣятельности организаціоннаго бюро земскихъ съѣздовъ.

Со смертью В. К. Плеве и съ назначеніемъ на его мѣсто кн. П. Д. Святополкъ-Мирскаго можно было ожидать, что организація съѣздовъ земскихъ дѣятелей не встрѣтитъ со сто-

роны правительства прежняго непримиримаго къ нимъ отношенія, и подъ вліяніемъ этихъ соображеній 8-го сентября было созвано предсѣдателемъ московской губернской управы, Ѳ. А. Головинымъ, избранное земскимъ совѣщаніемъ въ маѣ 1902 г. организаціонное бюро земскихъ съѣздовъ для обсужденія вновь создавшагося положенія. Бюро пришло къ единодушному заключенію о необходимости созыва съѣзда представителей губернскихъ управъ и земскихъ дѣятелей и намѣтило слѣдующую программу вопросовъ для обсужденія на предстоящемъ съѣздѣ: 1) о ревизіяхъ земскихъ учрежденій, произведенныхъ за послѣднее время министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, 2) объ утвержденіи земскихъ должностныхъ лицъ, какъ выбранныхъ, такъ и приглашаемыхъ управами, 3) объ устраненіи земскихъ учрежденій отъ участія въ пересмотрѣ крестьянскаго законодательства и 4) о нуждахъ, вызываемыхъ войной. Съѣздъ было постановлено созвать въ Москвѣ на 6 и 7 ноября.

Послѣ опубликованія приведенной выше рѣчи кн. П. Д. Святополкъ-Мирскаго, произнесенной имъ 16 сентября, организаціонное бюро признало необходимымъ пересмотрѣть намѣченную 8 сентября программу вопросовъ, предположенныхъ къ обсужденію на земскомъ съѣздѣ. Многими членами бюро было высказано, что довѣріе къ обществу провозглашено пока только лицомъ, поставленнымъ во главѣ министерства вн. дѣлъ, но необходимо, чтобы это чувство довѣрія отдѣльнаго члена правительства было усвоено всей государственной властью и облеклось въ правовую норму, обставленную гарантіями, исключающими возможность измѣненія отношеній правительства къ обществу въ зависимости отъ такой случайности, какъ перемѣна лицъ во главѣ государственнаго управленія. Насущнѣйшею потребностью переживаемаго времени, указывалось далѣе, является правильная постановка законодательной дѣятельности и предоставленіе участія въ ней народному представительству. Соглашаясь по существу съ правильностью приведенныхъ соображеній, я, тѣмъ не менѣе, полагалъ болѣе осторожнымъ и цѣлесообразнымъ не спѣшить съ возбужденіемъ такого рода вопросовъ. Я не сомнѣвался въ искренности отношеній кн. П. Д. Святополкъ-Мирскаго къ обществу и въ сознаніи имъ необходимости предоставленія представителямъ населенія участія въ законодательствѣ, но я опасался, что слишкомъ

рѣзкая постановка общественными дѣятелями этого вопроса можетъ поколебать положеніе новаго министра. Я указывалъ, что кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій—государственный дѣятель, еще недостаточно опытный, и человѣкъ, недостаточно сильный, чтобы быстро провести необходимую реформу и, главное, преодолѣть серьезныя препятствія, которыя онъ, несомнѣнно встрѣтитъ со стороны реакціонныхъ и могущественныхъ круговъ. Я считалъ желательнымъ при содѣйствіи кн. П. Д. Святополкъ-Мирскаго прежде всего разсѣять и устранить то недовѣріе къ общественнымъ силамъ, которое такое продолжительное время являлось основой политики государственной власти, а затѣмъ, когда положеніе новаго министра упрочится, тогда по соглашенію съ нимъ поставить на очередь вопросъ объ организаціи взаимодѣйствія государственной власти съ народнымъ представительствомъ. Но мнѣніе мое не встрѣтило поддержки: въ средѣ членовъ бюро и большинствомъ голосовъ всѣхъ присутствовавшихъ противъ одного моего голоса было постановлено внести на обсужденіе съѣзда вопросъ объ общихъ условіяхъ нашей государственной жизни и желательныхъ въ ней измѣненіяхъ. Затѣмъ, въ виду выяснившихся новыхъ условій, бюро нашло несвоевременнымъ предлагать на обсужденіе съѣзда первые три пункта программы, намѣченной 8 сентября, и признало желательнымъ замѣнить ихъ слѣдующими вопросами: 1) недостатки положенія о земскихъ учрежденіяхъ, 2) условія сельскаго быта, препятствующія дѣятельности земскихъ учрежденій, 3) участіе земства въ дѣлѣ народнаго образованія и 4) пособія семьямъ чиновъ запаса.

Высказываясь противъ включенія въ программу вопроса о желательныхъ измѣненіяхъ въ нашей государственной жизни, я, кромѣ изложенныхъ мной выше соображеній, возражалъ еще и потому, что предчувствовалъ неизбѣжность серьезнаго, принципіальнаго разногласія между мной и подавляющимъ большинствомъ членовъ бюро по вопросу о цѣляхъ и основахъ признаваемаго всѣми нами необходимымъ участія народныхъ представителей въ законодательной дѣятельности. Предчувствія мои не замедлили найти себѣ полное подтвержденіе. Всѣ члены бюро, кромѣ меня, были убѣжденными конституціоналистами, входили большею частью въ „Союзъ Освобожденія“, и настаивали на опредѣленномъ указаніи о необходимости предоставле-

нія народному представительству участія въ осуществленіи законодательной власти. По моимъ убѣжденіямъ, вытекавшимъ изъ моего жизнепониманія, я не могъ согласиться съ такой постановкой вопроса и, чувствуя себя изолированнымъ отъ общаго настроенія всѣхъ членовъ бюро, я не считалъ возможнымъ оставаться его предсѣдателемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я выразилъ намѣреніе воздержаться отъ участія на предстоящемъ съѣздѣ, чтобы, не имѣя возможности повліять на разрѣшеніе вопроса въ пріемлемомъ для меня смыслѣ, не вносить диссонансъ въ земскую среду. Всѣ члены бюро обратились ко мнѣ съ просьбами и убѣжденіями не оставлять общаго дѣла, выражали мнѣ свое сочувствіе и готовность содѣйствовать установленію соглашенія между нами. Принимая во вниманіе добрыя и довѣрчивыя ко мнѣ отношенія всего состава бюро и сознавая, что мое дальнѣйшее участіе въ занятіяхъ бюро, а также и на предстоящемъ съѣздѣ, можетъ имѣть, согласно сдѣланнымъ мнѣ членами бюро указаніямъ, извѣстное вліяніе, умиротворяющее общее настроеніе, я согласился не уклоняться отъ участія въ работахъ бюро и съѣзда, но рѣшительно отказался отъ дальнѣйшаго руководства занятіями бюро по вопросу, вызвавшему между нами коренное разногласіе. Послѣдующее обсужденіе этого вопроса происходило подъ предсѣдательствомъ В. Е. Якушкина. Были отмѣчены причины, обусловливавшія разладъ между правительствомъ и обществомъ, и намѣчены болѣе насущныя реформы и условія, необходимыя для установленія дѣйствительнаго взаимодѣйствія государственной власти съ населеніемъ страны. При этомъ было установлено, что въ положеніяхъ, которыя будутъ представлены на обсужденіе совѣщанія, должно быть указано только на необходимость участія народнаго представительства въ законодательной дѣятельности государства. Составленіе тезисовъ по вопросу объ общихъ условіяхъ нашей государственной жизни бюро поручило комиссіи въ составѣ: В. Е. Якушкина, Ѳ. Ѳ. Кокошкина и меня.

Въ первой половинѣ октября предсѣдателю московской губернской земской управы пришлось быть по земскимъ дѣламъ въ С.-Петербургѣ. 10 октября мною получена была телеграмма Ѳ. А. Головина, которой онъ сообщалъ мнѣ просьбу С. Н. Гербеля, начальника главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, пріѣхать въ С.-Петербургъ для переговоровъ по весьма

важному вопросу. Не состоя больше представителемъ московскаго земства, я не считалъ удобнымъ вступать въ переговоры съ министерствомъ, не имѣя на то уполномочій со стороны земской среды, и въ такомъ смыслѣ телеграфировалъ Ѳ. А. Головину. 13 октября Ѳ. А. Головинъ возвратился въ Москву и тотчасъ по телефону сообщилъ мнѣ, что одновременно съ нимъ прибылъ С. Н. Гербель, имѣющій намѣреніе посѣтить меня; при этомъ Ѳ. А. Головинъ предупредилъ меня, по какому вопросу С. Н. Гербель желаетъ со мной переговорить. Пріѣхавшій ко мнѣ въ скоромъ времени С. Н. Гербель, сообщилъ слѣдующее. Предположеніе организаціоннаго бюро о созывѣ 6 ноября земскаго совѣщанія получило большое распространеніе и стало извѣстно министерству вн. дѣлъ. С. Н. Гербель, сочувственно относясь къ мысли объ организаціи земскаго единенія и имѣя въ виду довѣрчивое отношеніе къ общественнымъ учрежденіямъ, выраженное кн. П. Д. Святополкъ-Мирскимъ, предложилъ ему испросить высочайшее соизволеніе на разрѣшеніе съѣздовъ предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ. С. Н. Гербель показалъ мнѣ докладную записку, представленную министромъ вн. дѣлъ Государю, съ Его отмѣткой о согласіи на представленіе министра. Въ этой запискѣ говорилось о существованіи съѣздовъ губернскихъ предводителей дворянства и указывалось, что попытка предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ къ организаціи подобныхъ совѣщаній въ своей средѣ вызывала къ себѣ отрицательное отношеніе правительства. Министръ не видѣлъ основанія для такого отношенія къ земскимъ совѣщаніямъ, на которыхъ обсуждаются исключительно практическіе вопросы земской жизни, и предлагалъ предоставить предсѣдателямъ управъ то право, которымъ уже пользуются предводители дворянства, съ тѣмъ, чтобы такія совѣщанія происходили въ С.-Петербургѣ. Содержаніе этой докладной записки вызвало во мнѣ большое недоумѣніе, такъ какъ въ ней земскимъ совѣщаніямъ придавался характеръ, далеко несоотвѣтствовавшій дѣйствительности. Я сказалъ С. Н. Гербелю, что ему, какъ недавнему предсѣдателю губернской управы *), должно быть извѣстно, что въ земскихъ совѣщані-

*) С. Н. Гербель въ 1902 году былъ предсѣдателемъ херсонской губернской управы и хотя онъ не принималъ участія въ майскомъ совѣщаніи этого года, но ему были сообщены журналъ совѣщанія и списокъ его участниковъ.

яхъ принимаютъ участіе не только предсѣдатели управъ, но и многіе земскіе гласные, и что обсужденію совѣщаній подвергаются не только практическіе вопросы жизни, но и многіе другіе. На предстоящемъ совѣщаніи имѣется въ виду сосредоточить главное вниманіе на вопросѣ объ измѣненіи общихъ условій нашей государственной жизни. Это, очевидно, осталось неизвѣстнымъ кн. П. Д. Святополкъ-Мирскому и такое недоразумѣніе необходимо ему выяснить. С. Н. Гербель говорилъ, что Ѳ. А. Головинъ дѣлалъ ему тѣ же указанія, послѣ чего онъ передъ отъѣздомъ въ Москву доложилъ министру о составѣ совѣщанія земскихъ дѣятелей въ 1902 году и князь П. Д. Святополкъ-Мирскій призналъ возможнымъ участіе въ предстоящемъ совѣщаніи тѣхъ гласныхъ, которые уже были участниками совѣщанія 1902 года. Тутъ же С. Н. Гербель сообщилъ мнѣ, что кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій очень хотѣлъ бы переговорить со мной лично и проситъ меня пріѣхать въ С.-Петербургъ. Я, съ своей стороны, не могъ не признать, въ виду возникшаго недоразумѣнія, такіе личные переговоры совершенно необходимыми и сказалъ С. Н. Гербелю, что со сдѣланнымъ имъ мнѣ сообщеніемъ поспѣшу ознакомить организаціонное бюро, а затѣмъ пріѣду въ С.-Петербургъ. С. Н. Гербель предупредилъ меня о нездоровьѣ кн. П. Д. Святополкъ-Мирскаго и обѣщалъ, по возвращеніи въ С.-Петербургъ, сообщить мнѣ, когда князь по состоянію своего здоровья будетъ имѣть возможность меня принять.

16 октября я ознакомилъ организаціонное бюро со свѣдѣніями, сообщенными мнѣ С. Н. Гербелемъ. Бюро просило меня съѣздить въ С.-Петербургъ и уполномочило на переговоры съ министромъ вн. дѣлъ. Въ томъ же засѣданіи бюро разсмотрѣло проектъ тезисовъ по вопросу объ условіяхъ нашей государственной жизни, представленный комиссіей. При составленіи этого проекта комиссія, выполняя указанія организаціоннаго бюро, имѣла въ то же время въ виду положенія, установленныя земскимъ совѣщаніемъ въ маѣ 1902 г., а я, кромѣ того, принималъ во вниманіе и тезисы, намѣченные мной въ 1901 г. для предполагавшейся въ то время записки [1]). Текстъ первыхъ девяти тезисовъ былъ утвержденъ организаціоннымъ бюро въ

[1]) См. главу V, стр. 150—152.

редакціи, помѣщенной ниже, на стр. 261—265. Затѣмъ въ томъ же засѣданіи былъ составленъ списокъ лицъ, которымъ предсѣдателемъ московской губернской земской управы были разосланы приглашенія прибыть въ С.-Петербургъ 6 ноября для участія въ земскомъ совѣщаніи. Въ этотъ списокъ было внесено 95 лицъ [1]). При составленіи этого списка бюро руководилось постановленіями земскаго совѣщанія 1902 года, признавшимъ, что въ составъ земскихъ съѣздовъ должны входить предсѣдатели всѣхъ губернскихъ управъ, или, при невозможности для нихъ принять личное участіе, по ихъ уполномочію члены управъ, или губернскіе гласные; если бы кто пожелалъ ввести на съѣздъ еще другихъ лицъ, кромѣ участниковъ майскаго совѣщанія 1902 г., то о томъ должно было быть заявлено бюро, которому предоставлялось обсудить и рѣшить, насколько возможно удовлетвореніе каждаго заявленія.

17 октября я получилъ письмо отъ С. Н. Гербеля, въ которомъ онъ, между прочимъ, писалъ: „Вашъ пріѣздъ въ С.-Петербургъ по случаю нездоровья министра затянется; онъ никого не принимаетъ; какъ только начнутся пріемы, я вамъ сейчасъ сообщу“. Такъ какъ до 6 ноября оставалось очень мало времени, то я 18 октября написалъ кн. П. Д. Святополкъ-Мирскому и, ссылаясь на приглашеніе, переданное мнѣ С. Н. Гербелемъ, просилъ князя увѣдомить меня о днѣ, въ который онъ могъ бы меня принять. 22-го я получилъ отвѣтное письмо съ просьбой прибыть въ С.-Петербургъ 25-го и посѣтить князя въ этотъ же день въ 5 час. дня. Въ назначенное время я пріѣхалъ къ кн. П. Д. Святополкъ-Мирскому и былъ имъ немедленно принятъ.

Приступая къ бесѣдѣ, кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій сказалъ, что онъ хотѣлъ переговорить со мной по поводу предстоящаго совѣщанія предсѣдателей губернскихъ управъ, о которомъ теперь такъ много говорятъ и раздуваютъ его значеніе; ему придаютъ характеръ чуть не учредительнаго собранія. Я съ своей стороны, выразилъ удовольствіе, что имѣю возможность изложить князю мои соображенія по этому поводу, такъ

---

[1]) 7 ноября совѣщаніемъ были приглашены дополнительно принять участіе въ его занятіяхъ еще 12 лицъ.

какъ мнѣ думается, что онъ не вполнѣ точно освѣдомленъ о характерѣ нашихъ совѣщаній, какъ прежнихъ, такъ и предстоящаго. Я разсказалъ, какъ возникли эти совѣщанія въ 1894 г., во время съѣзда сельскихъ хозяевъ въ Москвѣ, о съѣздахъ предсѣдателей губернскихъ управъ въ 1896 г. въ Москвѣ и въ Нижнемъ-Новгородѣ, объ отношеніи къ нимъ И. Л. Горемыкина, изъявившаго сначала, въ маѣ 1896 г., свое согласіе на организацію такихъ совѣщаній, а затѣмъ, въ ноябрѣ того же года, сдѣлавшаго распоряженіе объ ихъ закрытіи, о томъ вліяніи, которое имѣли это распоряженіе и послѣдующая политика министерства на постепенное измѣненіе состава и задачъ нашихъ совѣщаній. Болѣе подробно я ознакомилъ князя съ совѣщаніями 1902 и 1903 гг. и съ учрежденіемъ въ 1902 году организаціоннаго бюро. Далѣе я говорилъ о засѣданіяхъ бюро, происходившихъ въ сентябрѣ сего года, на которыхъ былъ рѣшенъ вопросъ о созывѣ совѣщанія на 6 ноября въ Москвѣ. Отмѣтилъ, что при этомъ были высказаны два мнѣнія: одно незначительнаго меньшинства, полагавшее нежелательнымъ спѣшить созывомъ совѣщанія, въ виду сдѣланнаго кн. П. Д. Святополкъ-Мирскимъ заявленія о готовности вступить на путь доброжелательнаго соглашенія съ обществомъ, и потому считавшее нужнымъ предварительно переговорить съ министромъ, чтобы не создавать созывомъ съѣзда препятствій къ осуществленію его намѣреній, а другое мнѣніе подавляющаго большинства, признавшее невозможнымъ отсрочивать созывъ совѣщанія, вызываемаго неотложными потребностями времени, и ставить вопросъ въ зависимость отъ случайнаго присутствія на министерскомъ посту лица, хотя и расположеннаго итти навстрѣчу обществу, но которое легко можетъ быть въ короткое время замѣнено другимъ лицомъ, готовымъ вернуться къ прежней политикѣ. Познакомивъ князя съ намѣченной бюро 8 сентября первоначальной программой вопросовъ для обсужденія ихъ въ земскомъ совѣщаніи, я сказалъ, что когда бюро стало извѣстно о высочайшемъ соизволеніи на созывъ совѣщаній предсѣдателей губернскихъ управъ въ С.-Петербургѣ и что князь П. Д. изъявилъ согласіе на участіе въ совѣщаніи 6 ноября, кромѣ предсѣдателей, также и лицъ, принимавшихъ участіе въ прежнихъ совѣщаніяхъ, то, съ одной стороны, намъ, земскимъ людямъ, было пріятно видѣть такое довѣрчивое къ намъ отноше-

ніе и признаніе открыто законнаго права нашихъ совѣщаній, но, съ другой,—мы не могли не сознавать, что это неожиданное обстоятельство очень расширяло значеніе нашихъ совѣщаній и возлагало на насъ большую отвѣтственность. Въ виду измѣнившихся условій, организаціонное бюро признало необходимымъ отказаться отъ постановки на совѣщаніи почти всѣхъ вопросовъ, намѣченныхъ ранѣе, и считало обязательнымъ прежде всего высказаться откровенно по вопросу, какъ выйти изъ тяжелаго положенія, переживаемаго страной за послѣднее время, и какъ создать взаимодѣйствіе правительства и общества на началахъ взаимнаго довѣрія.

Выслушавъ меня, кн. П. Д. сказалъ: „Я имѣлъ въ виду совсѣмъ иной характеръ вашихъ совѣщаній при докладѣ моемъ Государю. С. Н. Гербель говорилъ мнѣ, что на этихъ совѣщаніяхъ, кромѣ предсѣдателей управъ, бываютъ также нѣкоторые гласные, что вопросы обсуждаются только въ предѣлахъ компетенціи земскихъ учрежденій, какъ, напримѣръ, вопросы: продовольственный, врачебный и т. п. Я доложилъ Государю, что на этихъ совѣщаніяхъ не будетъ рѣчи объ общихъ политическихъ вопросахъ, ни о конституціи, ни объ измѣненіи нашего государственнаго строя; я сказалъ, что эти совѣщанія имѣютъ такой же характеръ, какъ и совѣщанія губернскихъ предводителей дворянства, и что протоколы, какъ тѣхъ, такъ и другихъ совѣщаній, будутъ сообщаться министерству, которое можетъ пользоваться ими, какъ матеріалами при обсужденіи разныхъ вопросовъ". Послѣ этихъ словъ я ознакомилъ министра со спискомъ приглашенныхъ на совѣщаніе лицъ, при чемъ онъ обратилъ особое вниманіе на то, что большинство участниковъ не принадлежитъ къ числу предсѣдателей губернскихъ управъ и что губерніи по числу лицъ представлены очень неравномѣрно. Далѣе я доложилъ князю, что въ засѣданіи бюро 16-го октября обсуждались и были установлены основныя положенія, которыя будутъ внесены на обсужденіе совѣщанія по вопросу объ общихъ условіяхъ нашей государственной жизни и о желательныхъ въ нихъ измѣненіяхъ. Князь П. Д. прочелъ громко представленный ему мной текстъ тезисовъ, выработанныхъ организаціоннымъ бюро, и затѣмъ между нами произошла слѣдующая бесѣда.

Кн. Святополкъ-Мирскій. Я вполнѣ согласенъ со всѣми положеніями и готовъ сейчасъ подъ ними обѣими руками под-

писаться, но постановка этой программы на обсужденіе совѣщанія равносильна моей отставкѣ. Если совѣщаніе приступитъ къ своимъ занятіямъ по этой программѣ, то, не сомнѣваюсь, что я буду уволенъ на слѣдующій же день. Если въ виду выяснившагося въ настоящее время полнаго разногласія дѣйствительности съ тѣмъ, что я докладывалъ Государю, я самъ до совѣщанія подамъ въ отставку, то это произведетъ скандалъ. Лично я не дорожу занимаемымъ мною постомъ, но мой уходъ теперь можетъ имѣть нежелательныя послѣдствія. Моя политика встрѣчаетъ много враговъ, которые не упустятъ воспользоваться моимъ уходомъ. Я очень смущенъ положеніемъ вопроса и не вижу возможности провести совѣщаніе въ намѣченномъ вами направленіи. Нельзя ли хотя отсрочить созывъ совѣщанія, чтобы имѣть время обдумать какъ быть?

Шиповъ. Измѣнить намѣченную программу и отмѣнить или отсрочить совѣщаніе на неопредѣленное время опасно и невозможно. Повсюду ожидаютъ съ напряженнымъ вниманіемъ и нетерпѣніемъ результата этого совѣщанія и въ ожиданіи его временно замолкли всѣ многочисленные недовольные и безпокойные кружки и организаціи. Говорить теперь о продовольственномъ, врачебномъ и т. п. вопросахъ нельзя. Мы переживаемъ такое время, когда земскимъ людямъ молчать просто преступно и необходимо высказаться откровенно; только этимъ путемъ можно умиротворить настроеніе и притти къ соглашенію. Назадъ итти теперь невозможно. Шагъ, князь, вами сдѣланъ и надо итти дальше. Да и какой можетъ быть выставленъ поводъ, который могъ бы удовлетворительно объяснить отсрочку совѣщанія.

Кн. Святополкъ-Мирскій. По характеру вопросовъ, которые имѣется въ виду предложить на обсужденіе совѣщанія, было бы правильнѣе привлечь въ составъ его выборныхъ представителей земствъ. Если совѣщаніе 6-го ноября состоится въ намѣченномъ составѣ и оно сдѣлаетъ свои постановленія, то хотя эти постановленія будутъ имѣть значеніе пожеланій круга лицъ, собравшихся для обмѣна мнѣній въ частномъ совѣщаніи, но, тѣмъ не менѣе, эти постановленія будутъ разсматриваться и какъ требованіе, предъявляемое правительству, и въ такомъ случаѣ можно сомнѣваться въ благопріятномъ результатѣ. Другое дѣло, если сдѣлать такъ, чтобы эти вопросы были

предложены сверху; можетъ быть, Государь и согласится на созывъ съ этой цѣлью представителей, выбранныхъ земскими собраніями, и поэтому лучше было бы отложить совѣщаніе.

Шиповъ. Конечно, выборное представительство явилось бы въ данномъ случаѣ болѣе правильнымъ и желательнымъ. Если можно было бы съ увѣренностью разсчитывать на призывъ выборныхъ представителей, то, я думаю, это могло бы послужить поводомъ для отсрочки совѣщанія, но это можетъ быть сдѣлано не иначе, какъ по постановленію бюро. Могу ли я сообщить бюро, что вы испросите согласіе Государя на созывъ выборныхъ земскими собраніями лицъ? При этомъ необходимо точно опредѣлить теперь же срокъ, на который будетъ перенесено совѣщаніе.

Кн. Святополкъ-Мирскій. Я не могу васъ на это уполномочить; я не могу ручаться за согласіе Государя и не могу быть въ его согласіи увѣренъ.

Шиповъ. Въ такомъ случаѣ я не вижу выхода.

Кн. Святополкъ-Мирскій. Однако, это необходимо; подумайте, какъ найти выходъ изъ этого положенія?

Шиповъ. Позволите мнѣ говорить совершенно откровенно?

Кн. Святополкъ-Мирскій. Убѣдительно васъ прошу.

Шиповъ. Князь, какъ министръ, вы согласны съ прочитанными положеніями?

Кн. Святополкъ-Мирскій. Да, совершенно согласенъ.

Шиповъ. Значитъ, вы, какъ честный человѣкъ, опасаетесь только, что Государь можетъ заподозрить и обвинить васъ въ умышленной неправдѣ?

Кн. Святополкъ-Мирскій. Да; Государь можетъ подумать и сказать, что я ему солгалъ и умышленно ввелъ его въ обманъ.

Шиповъ. Въ такомъ случаѣ исправьте вашу невольную ошибку, въ которую вы сами были введены; покажите Государю тезисы, которые организаціонное бюро намѣрено представить на обсужденіе земскаго совѣщанія, и испросите его согласіе на обсужденіе этой программы совѣщаніемъ.

Кн. Святополкъ-Мирскій. Хорошо, я согласенъ; это, дѣйствительно, можетъ быть выходомъ изъ настоящаго положенія. Я объясню Государю, что если согласія на такое совѣщаніе въ С.-Петербургѣ не послѣдуетъ, то вѣдь вы все равно соберетесь въ другомъ мѣстѣ частнымъ образомъ, сдѣлаете свои постановленія и ихъ огласите.

Шиповъ. Конечно.

Кн. Святополкъ-Мирскій. Можетъ быть, Государь согласится и на созывъ для такого совѣщанія выбранныхъ земскими собраніями лицъ. Но въ виду военныхъ событій и возможности паденія Портъ-Артура, обстоятельство, которое, очень вѣроятно, можетъ вызвать взрывъ внутри страны, не лучше ли отложить совѣщаніе до конца войны?

Шиповъ. Напротивъ, разъ вы сами опасаетесь возможности взрыва внутри страны, то надо спѣшить провести совѣщаніе, такъ какъ только этимъ путемъ можно, хотя отчасти, внести умиротвореніе и ослабить возможныя осложненія, вслѣдствіе нашихъ неудачъ на Дальнемъ Востокѣ. Теперь всѣ ожидаютъ 6-го ноября и всѣ волнующіяся теченія временно притихли; но если нашего совѣщанія не будетъ и если земскіе люди будутъ лишены возможности сказать свое откровенное слово, то общее недовольство можетъ проявиться очень рѣзко и, несомнѣнно, произойдутъ значительные безпорядки.

Кн. Святополкъ-Мирскій. Да, это очень вѣроятно. Однако, отсрочить совѣщаніе во всякомъ случаѣ необходимо. Государь завтра уѣзжаетъ прощаться съ войсками и вернется только 1-го ноября. Я не буду имѣть возможности переговорить съ нимъ до его отъѣзда, да и въ интересахъ дѣла лучше не ставить вопросъ на разрѣшеніе Государя такъ поспѣшно и слѣдовало бы его къ нему подготовить. Такъ какъ нѣкоторыя губернскія собранія начинаются въ концѣ ноября и въ это же время остальныя управы будутъ заняты подготовительными работами къ собраніямъ, которыя будутъ происходить въ декабрѣ и даже январѣ, то слѣдовало бы перенести совѣщаніе на конецъ января или начало февраля.

Шиповъ. Могу ли я сообщить бюро, что вы доложите Государю программу, установленную бюро, будете просить согласіе Государя на обсужденіе этой программы совѣщаніемъ и предложите для этой цѣли созвать въ совѣщаніе лицъ, избранныхъ земскими собраніями?

Кн. Святополкъ-Мирскій. Да. Я понимаю, что вамъ это нужно.

Шиповъ. Я сообщу объ этомъ бюро, но не знаю, конечно, согласится ли оно. О заключеніи бюро я немедленно поставлю васъ въ извѣстность. Вы сказали, князь, что согласны съ пред-

ставленными мною вамъ положеніями, но мнѣ хотѣлось бы знать, не имѣете ли вы какихъ-нибудь замѣчаній по отдѣльнымъ пунктамъ?

Кн. Святополкъ-Мирскій. Первые три пункта заключаютъ въ себѣ только критику существовавшаго; не излишни ли они?

Шиповъ. Это—діагнозъ болѣзненнаго процесса въ нашей государственной жизни и прежде, чѣмъ намѣтить и установить лѣченіе, необходимо отдать себѣ ясный отчетъ о причинахъ, обусловливающихъ болѣзнь.

Кн. Святополкъ-Мирскій. Съ вашими положеніями я вообще согласенъ и сейчасъ возраженій не имѣю. Самъ я намѣчалъ себѣ четыре, по моему мнѣнію, главныхъ вопроса, обсудить порядокъ постановки и разработки которыхъ я думалъ или въ особомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ Государя, или въ комитетѣ министровъ. Вотъ эти вопросы: 1) крестьянскій, 2) свобода печати, 3) реформа земскаго положенія, въ цѣляхъ передачи разрѣшенія многихъ вопросовъ изъ центра въ губерніи, при участіи на мѣстахъ выборныхъ земскихъ представителей, и 4) участіе народнаго представительства въ той или иной формѣ въ законодательной дѣятельности. Но, конечно, въ разрѣшеніи каждаго вопроса нужна постепенность.

Шиповъ. Противорѣчій между намѣчаемыми вами вопросами и положеніями бюро, повидимому, нѣтъ, но наша программа шире. Въ числѣ вопросовъ, вами намѣченныхъ, нѣтъ одного на мой взглядъ, очень важнаго, если не главнаго: что нужно сдѣлать для созданія солидарности въ средѣ общества и для устраненія наблюдаемаго въ настоящее время антагонизма между различными его группами? Необходимо, думается мнѣ, совершенно отрѣшиться отъ сословной группировки въ государственныхъ цѣляхъ и стараться сплотить всѣ наличныя силы общества. Постепенность проведенія реформъ и для земскихъ дѣятелей является условіемъ несомнѣннымъ, но важно опредѣленно и ясно установить программу необходимыхъ реформъ и общими силами правительства и общества итти къ послѣдовательному ихъ осуществленію.

Въ заключеніе нашихъ переговоровъ, мы условились, что я вернусь въ С.-Петербургъ 30-го или 31-го октября и доложу министру о результатѣ обсужденія сдѣланныхъ имъ указаній

въ организаціонномъ бюро, а князь П. Д. Святополкъ-Мирскій выразилъ намѣреніе познакомить меня съ отношеніемъ къ его докладу Государя Императора и послѣ того еще разъ обсудить между нами вопросъ о времени и мѣстѣ предстоящаго земскаго совѣщанія.

По возвращеніи моемъ въ Москву были приглашены пріѣхать всѣ иногородніе члены организаціоннаго бюро, засѣданія котораго состоялись 28-го и 29-го октября. Я ознакомилъ собравшихся съ результатами моихъ переговоровъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и подробно сообщилъ о происшедшей между нами бесѣдѣ. Создавшееся положеніе давало вопросу о предстоявшемъ земскомъ съѣздѣ очень сложную постановку, вслѣдствіе чего обсужденіе его потребовало много времени и вызвало продолжительный обмѣнъ мнѣній. Всѣ члены бюро хорошо сознавали серьезное, выдающееся значеніе предстоявшей ихъ разрѣшенію отвѣтственной задачи. Было ясно, что кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій былъ введенъ докладомъ С. Н. Гербеля въ заблужденіе о дѣйствительномъ характерѣ земскимъ съѣздовъ и что предстоявшій съѣздъ по составу своему и по преслѣдуемымъ имъ задачамъ совершенно не соотвѣтствовалъ тѣмъ частнымъ совѣщаніямъ предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ, на созывъ которыхъ министръ внутреннихъ дѣлъ испросилъ высочайшее соизволеніе. Между тѣмъ, предсѣдатель московской губернской управы, Ѳ. А. Головинъ, извѣщая 13-го октября всѣхъ приглашаемыхъ на съѣздъ лицъ о постановленіи бюро созвать земское совѣщаніе на 6-е и 7-е ноября, одновременно увѣдомилъ ихъ о полученномъ отъ начальника главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства сообщеніи относительно послѣдовавшаго разрѣшенія земскихъ совѣщаній и просилъ прибыть 6-го ноября въ С.-Петербургъ къ 1 часу дня въ помѣщеніе губернской земской управы. Такимъ образомъ всѣ приглашенныя лица имѣли основаніе предположить, что, предстоявшее земское совѣщаніе состоится съ офиціальнаго разрѣшенія власти.

Отмѣнить назначенный уже съѣздъ было во всякомъ случаѣ очень трудно за краткостью остававшагося срока. Но, независимо отъ этой причины, бюро не признало правильнымъ такое рѣшеніе вопроса и по его существу, и по соображенію всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Докладъ министромъ вн. дѣлъ вопроса о

земскомъ совѣщаніи могъ быть сдѣланъ Государю не ранѣе 1-го ноября и до той поры должно было оставаться неизвѣстнымъ, какое разрѣшеніе получитъ намѣреніе кн. П. Д. Святополкъ-Мирскаго. При этомъ нельзя было не принять во вниманіе, что положеніе министра вн. дѣлъ представлялось весьма затруднительнымъ. Ему приходилось говорить о допущенной имъ ошибкѣ при испрошеніи 5-го октября высочайшаго соизволенія на разрѣшеніе земскихъ совѣщаній и вслѣдъ затѣмъ докладывать программу вопросовъ, предлагаемыхъ на обсужденіе земскаго съѣзда, въ числѣ которыхъ былъ вопросъ объ измѣненіи условій нашей государственной жизни, при чемъ министру представлялось неизбѣжнымъ высказать предъ Государемъ свое опредѣленное отношеніе къ этому вопросу, къ чему кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій едва ли былъ достаточно подготовленъ. Предъ организаціоннымъ бюро невольно возникало сомнѣніе найдетъ ли въ себѣ кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій необходимыя для такого шага мужество и рѣшимость. За тѣмъ трудно было предвидѣть рѣшеніе, на которомъ остановится Государь, даже въ томъ случаѣ, если министръ при своемъ докладѣ дастъ опредѣленную и благопріятную для земскаго съѣзда постановку вопроса. Кромѣ того, отмѣну уже созваннаго земскаго съѣзда и отсрочку его на неопредѣленное время организаціонное бюро признавало невозможными въ виду явно обозначавшагося повышеннаго общественнаго настроенія, связаннаго съ ожиданіемъ съѣзда, и сознанія широкими кругами общества неотложной необходимости измѣненія отношеній правительства къ населенію и созданія ихъ организованнаго взаимодѣйствія.

Всѣ члены бюро, относясь отрицательно къ мысли объ отсрочкѣ земскаго съѣзда, отмѣчали въ своихъ рѣчахъ, что предстоящее совѣщаніе, поставленное было сперва, неожиданно для бюро и помимо его иниціативы, въ связь съ испрошеннымъ министромъ разрѣшеніемъ Государя на созывъ совѣщаній предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ, а затѣмъ, благодаря переговорамъ съ кн. П. Д. Святополкъ-Мирскимъ, пріобрѣтало особенно важное политическое значеніе. Имѣя въ виду это условіе, всѣ были склонны согласиться со справедливостью указаній кн. П. Д. Святополкъ-Мирскаго, что для разрѣшенія вопроса о тѣхъ или иныхъ измѣненіяхъ въ нашей государственной жизни должны были бы быть привлечены избранные населені-

емъ представители, облеченные надлежащими полномочіями. Однако, въ то же время всѣ признавали, что наши земскія совѣщанія, хотя имѣютъ характеръ частныхъ собраній, тѣмъ не менѣе, пользуются, несомнѣнно, общественнымъ довѣріемъ земской и городской среды и являются въ значительной мѣрѣ выразителями общественнаго мнѣнія страны. При этомъ подчеркивалось, что предстоявшее совѣщаніе не ставитъ себѣ задачей разрѣшеніе столь сложнаго вопроса объ основахъ и формахъ взаимодѣйствія правительства и народнаго представительства, а лишь имѣетъ цѣлью указать на неотложность постановки этого вопроса на очередь, и всѣ полагали, что такого рода откровенное заявленіе можетъ скорѣе побудить государственную власть къ созыву выборныхъ представителей народа для разрѣшенія этого вопроса по существу. Исходя изъ этихъ соображеній, бюро сочло нужнымъ дополнить проектированные имъ девять тезисовъ по вопросу объ общихъ условіяхъ нашей государственной жизни соотвѣтствующимъ десятымъ положеніемъ [1]).

Принимая во вниманіе, что предстоящее совѣщаніе, вѣроятно, не получитъ офиціальнаго разрѣшенія и что въ такомъ случаѣ засѣданія его придется назначить не въ губернской управѣ, а въ частныхъ помѣщеніяхъ, бюро просило Θ. А. Головина разослать дополнительно предупрежденіе о томъ всѣмъ приглашеннымъ на съѣздъ и указать частную квартиру въ С.-Петербургѣ, гдѣ всѣ пріѣзжающіе могли бы получить свѣдѣнія о времени и мѣстѣ перваго засѣданія.

29-го октября организаціонное бюро утвердило слѣдующую программу вопросовъ для обсужденія ихъ въ земскомъ совѣщаніи.

1. Недостатки дѣйствующаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ и желательныя въ немъ измѣненія.

2. Условія сельскаго быта, препятствующія развитію дѣятельности земскихъ учрежденій, имѣющей своею цѣлью удовлетвореніе матеріальныхъ и духовныхъ потребностей населенія.

3. Участіе земствъ въ дѣлѣ народнаго образованія.

4. Пособія семьямъ чинамъ запаса въ связи съ вопросомъ о мобилизаціи.

---

[1]) См. ниже, стр. 265.

5. Дальнѣйшее участіе земствъ въ общеземской организаціи помощи больнымъ и раненымъ воинамъ на Дальнемъ Востокѣ.

6. Общія условія, неблагопріятствующія правильному развитію нашей земско-государственной жизни, и желательныя въ нихъ измѣненія.

Въ виду предстоявшихъ дальнѣйшихъ переговоровъ съ министромъ вн. дѣлъ и предвидя, что во время этихъ переговоровъ можетъ встрѣтиться необходимость неотложнаго разрѣшенія разныхъ вопросовъ, касающихся предстоявшаго земскаго совѣщанія, бюро признало желательнымъ поручить веденіе этихъ переговоровъ и разрѣшеніе всѣхъ возникающихъ при этомъ вопросовъ депутаціи, въ составъ которой просило войти: кн. Г. Е. Львова, И. И. Петрункевича и меня. Въ тотъ же день, 29-го октября, депутація выѣхала въ С.-Петербургъ.

По пріѣздѣ 30-го октября, я поспѣшилъ извѣстить письмомъ кн. П. Д. Святополкъ-Мирскаго о порученіи, возложенномъ организаціоннымъ бюро на депутацію, и просилъ увѣдомить, когда прибывшая депутація можетъ быть принята министромъ. Въ скоромъ времени посыльный доставилъ мнѣ отвѣтное письмо князя, въ которомъ онъ писалъ, что, къ сожалѣнію, не можетъ принять депутацію въ этотъ же день, такъ какъ С. Н. Гербель передалъ ему, что я пріѣду въ С. Петербургъ только 31-го, и министръ, имѣя это въ виду, распредѣлилъ уже свои занятія и пріемы на весь день и вечеръ 30 го. Пріемъ депутаціи министромъ состоялся 31-го числа въ 10 ч. утра. Согласно выраженному предварительно кн. Г. Е. Львовымъ и И. И. Петрункевичемъ желанію, я познакомилъ кн. П. Д. Святополкъ-Мирскаго съ результатами обсужденія организаціоннымъ бюро земскихъ съѣздовъ вопросовъ, возбужденныхъ княземъ въ бесѣдѣ со мной 25-го числа, и подробно изложилъ всѣ соображенія, на основаніи которыхъ бюро пришло къ заключенію о невозможности отсрочки уже созваннаго на 6-е ноября совѣщанія. Затѣмъ министру была передана программа вопросовъ, представляемыхъ бюро на обсужденіе совѣщанія. Заключеніе бюро о невозможности отсрочки земскаго совѣщанія, видимо, вызывало въ кн. П. Д. Святополкъ-Мирскомъ большое смущеніе и онъ вновь повторилъ передъ депутаціей тѣ соображенія и доводы, которые онъ высказывалъ мнѣ 25-го октября. Всѣ члены депутаціи приводили возраженія съ своей стороны и опредѣленно

указывали на невозможность измѣнить принятое рѣшеніе. Тогда министръ предложилъ созвать совѣщаніе въ другомъ городѣ; такъ какъ созывъ совѣщанія въ Москвѣ могъ бы встрѣтить противодѣйствіе со стороны великаго князя Сергѣя Александровича, то кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій указалъ на Нижній-Новгородъ. Члены депутаціи, отклоняя это предложеніе, указывали прежде всего на неосуществимость его по соображеніямъ практическаго характера, но особенно обращали вниманіе министра на то, что такое разрѣшеніе вопроса должно внести большую смуту въ общественную среду, какъ бы свидѣтельствуя, что провозглашенное княземъ искренно благожелательное и истинно довѣрчивое отношеніе къ обществу не получаетъ своего подтвержденія и что земцы подъ вліяніемъ противодѣйствія центральной власти вынуждены собираться тайно въ губернскомъ городѣ, а не въ С.-Петербургѣ, о чемъ уже всѣмъ было извѣстно. Эти доводы были признаны кн. П. Д. Святополкъ-Мирскимъ убѣдительными. Князь сообщилъ, что возвращеніе Государя ожидается на слѣдующій день 1-го ноября и что онъ, министръ, завтра же доложитъ Его Величеству о предстоящемъ земскомъ съѣздѣ, въ связи съ послѣдовавшимъ 5-го октября высочайшимъ соизволеніемъ на частныя совѣщанія предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ, и затѣмъ сообщитъ депутаціи соотвѣтствующія указанія.

Перейдя къ разсмотрѣнію программы вопросовъ, вносимыхъ на обсужденіе совѣщанія, и сказавъ, что онъ считаетъ себя обязаннымъ представить ее Государю, министръ находилъ при этомъ желательнымъ исключить изъ программы 6-ой пунктъ. Члены депутаціи считали съ своей стороны такое исключеніе невозможнымъ и заявили, что если министромъ при представленіи программы Государю будетъ исключенъ изъ нея 6-ой пунктъ, то это обстоятельство во всякомъ случаѣ не можетъ помѣшать обсужденію совѣщаніемъ этого важнаго и главнаго вопроса. Для сообщенія депутаціи результата доклада министра Государю, намъ было предложено кн. П. Д Святополкъ-Мирскимъ посѣтить его 1-го ноября въ 7 часовъ вечера.

На слѣдующій день министръ, руководясь указаніями, полученными отъ Государя, объявилъ депутаціи, что предположенный на 6-е ноября съѣздъ ни по составу своему, ни по предметамъ, намѣченнымъ къ обсужденію, не совпадаетъ съ

тѣми совѣщаніями предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ, на которыя было испрошено высочайшее соизволеніе. Официальное разрѣшеніе совѣщанія съ намѣченной программой невозможно, такъ какъ это значило бы, что правительство, считая необходимымъ постановку такого рода вопросовъ, поручаетъ ихъ обсужденіе кружку частныхъ лицъ. Выслушавъ министра, мы заявили, что 6-го ноября состоится *частное* совѣщаніе земскихъ дѣятелей и спросили, не встрѣтится ли со стороны правительства какихъ-либо къ тому препятствій. Министръ отвѣтилъ, что частныя бесѣды на частныхъ квартирахъ не могутъ быть воспрещаемы на основаніи закона и что земское совѣщаніе не встрѣтитъ противодѣйствія со стороны полицейской власти, а затѣмъ добавилъ, что полиціей будутъ приняты предосторожности лишь противъ представлявшихся возможными демонстрацій со стороны студентовъ и рабочихъ,—демонстрацій, можетъ быть, враждебныхъ совѣщанію. Такимъ образомъ вопросъ о частномъ совѣщаніи земскихъ дѣятелей получилъ благопріятное разрѣшеніе.

Занятія совѣщанія начались 6 ноября и продолжались 4 дня. Хотя организаціонное бюро знало объ отношеніи къ частному совѣщанію земскихъ дѣятелей министра вн. дѣлъ, тѣмъ не менѣе, оно не могло отрѣшиться отъ опасеній, сдѣлавшихся уже привычными, встрѣтить препятствія земскому начинанію со стороны административной власти, и потому признало необходимымъ, въ видахъ предосторожности, подготовлять ежедневно для собраній земскихъ дѣятелей новыя помѣщенія, сохраняя, по возможности, ихъ адресы въ тайнѣ. Но такого рода предосторожности оказались совершенно излишними. Полиціи, очевидно, были всегда извѣстны дома, въ которыхъ назначались земскія совѣщанія, и около нихъ находились немногочисленные представители мѣстной полиціи, любезно указывавшіе подъѣзжавшимъ участникамъ совѣщанія на подъѣзды приготовленныхъ помѣщеній. Предупредительное отношеніе администраціи къ земскому совѣщанію проявилось также въ безпрепятственномъ доставленіи многочисленныхъ привѣтствій, преимущественно телеграммъ, адресованныхъ: „С.-Петербургъ. Съѣзду земскихъ дѣятелей“, или „Земскому съѣзду“, несмотря на то, что многія изъ этихъ привѣтствій содержали въ себѣ опредѣ-

ленное выраженіе конституціонныхъ пожеланій, телеграмма же изъ г. Архангельска отъ политическихъ ссыльныхъ была доставлена чиновникомъ министерства вн. дѣлъ. Земскія совѣщанія происходили: первое и четвертое въ квартирѣ И. А. Корсакова (Фонтанка, 52), второе—въ квартирѣ А. Н. Брянчанинова (Кирочная, 34) и третье—въ квартирѣ В. Д. Набокова (Большая Морская, 47).

Открывъ, какъ предсѣдатель организаціоннаго бюро, первое засѣданіе земскаго совѣщанія, я предложилъ приступить къ выбору предсѣдателя собранія. Не подавая записокъ, большинство собравшихся просило меня принять на себя предсѣдательство. Благодаря за оказываемую мнѣ честь, я говорилъ, что предвижу неизбѣжность моего выступленія на съѣздѣ въ качествѣ его участника при обсужденіи наиболѣе важнаго вопроса, объ измѣненіи условій нашей государственной жизни, и, принимая на себя обязанность предсѣдателя, я просилъ предоставить мнѣ право, какъ члену совѣщанія, выступить своевременно съ отстаиваніемъ моего мнѣнія. Затѣмъ, по моему предложенію, были избраны: товарищами предсѣдателя—И. И. Петрункевичъ и кн. Г. Е. Львовъ, а секретарями—Л. Д. Брюхатовъ, Ѳ. А. Головинъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ и Н. Н. Хмѣлевъ.

Занятія совѣщанія происходили при торжественномъ настроеніи собравшихся и при глубокомъ сознаніи ими лежащей на нихъ нравственной отвѣтственности. Совѣщаніе земскихъ людей, не имѣвшихъ надлежащихъ полномочій со стороны общества, имѣло характеръ, какъ бы, частнаго совѣщанія, но въ то же время въ странѣ получили широкое распространеніе свѣдѣнія о томъ, что рѣшеніе бюро о созывѣ земскаго съѣзда въ Москвѣ послужило поводомъ для офиціальнаго разрѣшенія совѣщаній предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ и нѣкоторыхъ гласныхъ въ С.-Петербургѣ, при чемъ первоначально имѣло мѣсто предположеніе, что это разрѣшеніе распространяется и на настоящее совѣщаніе, которое поэтому, именно, и было перенесено въ С.-Петербургъ. Это обстоятельство и выдающаяся важность вопросовъ, вносимыхъ на обсужденіе съѣзда, невольно расширяли значеніе происходившаго частнаго совѣщанія, какъ въ широкихъ кругахъ общества, такъ и въ глазахъ правительства. Эти условія оказывали замѣтное воздѣйствіе на настроеніе собранія и многіе изъ участниковъ

въ теченіе всѣхъ засѣданій признавали необходимымъ обращать на эти условія особое вниманіе совѣщанія. Такъ, напримѣръ, были дѣлаемы слѣдующія указанія. „Хотя мы и случайно собраны, но мы все же представляемъ собою общественное мнѣніе земской среды. Умалять своего значенія намъ не нужно. Мы выражаемъ голосъ нуждъ и потребностей народа. Одни многочисленныя привѣтствія [1]), обращенныя къ намъ, уже характеризуютъ наше значеніе". (Ѳ. И. Родичевъ).—„Наше совѣщаніе состоитъ изъ частныхъ лицъ, выражающихъ свои личныя мнѣнія, тѣмъ не менѣе, рѣшенія его будутъ имѣть огромное общественное значеніе, при чемъ отвѣтственность совѣщанія усугубляется тѣмъ, что оно состоитъ изъ лицъ, не имѣющихъ надлежащихъ полномочій. Наше совѣщаніе не есть собраніе выборныхъ людей и потому участники его должны и могутъ сказать лишь то, въ чемъ они вполнѣ увѣрены встрѣтить сочувствіе въ массѣ населенія" (Д. Н. Шиповъ).—„Мы—общественные дѣятели и обязаны высказать правительству наше мнѣніе о положеніи вещей въ Россіи. Если не дано будетъ правильно обоснованныхъ началъ, Россія пойдетъ съ неизбѣжностью къ революціи" (гр. П. А. Гейденъ).—„Хотя и говорятъ, быть можетъ и справедливо, что съ нами солидарна бо́льшая часть мыслящей Россіи, но, тѣмъ не менѣе, мы составляемъ лишь частное совѣщаніе, чего намъ не слѣдуетъ забывать. Право выразить мысль народа принадлежитъ не намъ, а самому народу. Мы не возбуждаемъ вопроса о созывѣ учредительнаго собранія, а лишь устанавливаемъ положеніе, что народу, совмѣстно съ правительствомъ, принадлежитъ право рѣшить вопросъ о реформахъ въ государственномъ строѣ". (И. И. Петрункевичъ).—„Совѣщаніе не должно забывать, что выработанныя имъ положенія могутъ быть и ошибочными. Вотъ почему, необходима повѣрка этихъ положеній представителями народа, но слѣдуетъ точнѣе выразить эту мысль, чтобы устранить возможность смѣшенія этого народнаго представительства съ учредительнымъ собраніемъ". (К. К. Арсеньевъ).—Всѣ такого рода мысли и указанія вполнѣ отражали общее настроеніе и вызывали выраженія единодушнаго сочувствія.

---

[1]) Съѣздомъ было получено 42 привѣтствія, адресованныя разными учрежденіями, общественными группами и отдѣльными лицами.

Первыя три засѣданія земскаго совѣщанія, 6—8 ноября, были посвящены вопросу—объ общихъ условіяхъ, необходимыхъ для правильнаго теченія и развитія нашей общественной и государственной жизни. Я не привожу здѣсь подробныхъ свѣдѣній о происходившихъ при обсужденіи этого вопроса очень оживленныхъ и весьма интересныхъ преніяхъ, такъ какъ журналы совѣщанія были своевременно напечатаны и изданы особой книгой [1]). Я ограничусь приведеніемъ параллельно двухъ текстовъ положеній (тезисовъ): 1) предложенныхъ организаціоннымъ бюро и 2) принятыхъ совѣщаніемъ земскихъ дѣятелей, а затѣмъ остановлюсь лишь на вопросѣ, вызвавшемъ принципіальное разногласіе въ средѣ земскихъ дѣятелей и по которому приведены два мнѣнія—большинства и меньшинства членовъ совѣщанія.

ПОЛОЖЕНІЯ:

предложенныя организаціоннымъ бюро.	принятыя совѣщаніемъ земскихъ дѣятелей.

1. Ненормальность существующаго въ нашей жизни порядка государственнаго управленія, съ особой силой проявившаяся съ начала восьмидесятыхъ годовъ, заключается въ полной разобщенности правительства съ обществомъ и въ отсутствіи необходимаго въ государственной жизни взаимнаго между ними довѣрія.

2. Отношенія правительства къ обществу имѣли въ своемъ основаніи опасеніе развитія общественной самодѣятельности и постоянное стремленіе къ устраненію общества отъ участія во внутреннемъ государственномъ управленіи. Исходя изъ этихъ основаній, правительство стремилось къ проведенію административной централизаціи во всѣхъ отрасляхъ мѣстнаго управленія и къ опекѣ надъ всѣми сторонами общественной жизни. Взаимодѣйствіе съ обществомъ признавалось правительствомъ исключительно въ смыслѣ приведенія дѣятельности общественныхъ учрежденій въ соотвѣтствіи съ видами правительства.

---

[1]) «Частное совѣщаніе земскихъ дѣятелей, происходившее 6—9 ноября 1904 г. въ С.-Петербургѣ». Москва. 1905 г.

3. Бюрократическій строй, разобщая верховную власть съ населеніемъ, создаетъ почву для широкаго проявленія административнаго произвола и личнаго усмотрѣнія. Такой порядокъ лишаетъ общество необходимой всегда увѣренности въ строгой охранѣ законныхъ правъ всѣхъ и каждаго и подрываетъ довѣріе его къ правительству.

4. Правильное теченіе и развитіе государственной и общественной жизни возможно лишь при условіи живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ обществомъ.

5. Для устраненія возможности проявленія административнаго произвола и для обезпеченія правъ личности необходимо установленіе и послѣдовательное проведеніе въ жизнь принципа, въ силу котораго никто безъ постановленія независимой судебной власти не долженъ быть подвергаемъ взысканію и ограничиваемъ въ своихъ правахъ.

6. Для безпрепятственнаго выраженія общественнаго мнѣнія и для всесторонняго выясненія и удовлетворенія общественныхъ нуждъ необходимо обезпеченіе свободы совѣсти, слова и печати, а также свободы собраній и союзовъ.

5. Для устраненія возможности проявленія административнаго произвола необходимо установленіе и послѣдовательное проведеніе въ жизнь принципа неприкосновенности личности и частнаго жилища. Никто безъ постановленія независимой судебной власти не долженъ быть подвергаемъ взысканію и ограничиваемъ въ своихъ правахъ. Для вышеуказанной цѣли необходимо, кромѣ того, установленіе такого порядка привлеченія къ гражданской и уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ за нарушеніе закона, который обезпечивалъ бы практическое осуществленіе начала законности въ управленіи.

6. Для полнаго развитія духовныхъ силъ народа, для всесторонняго выясненія общественныхъ нуждъ и для безпрепятственнаго выраженія общественнаго мнѣнія необходимо обезпеченіе свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, свободы слова и печати, а также свободы собраній и союзовъ.

7. Самодѣятельность общества является главнымъ условіемъ правильнаго и успѣшнаго развитія политической и экономической жизни государства. Такъ какъ значительное большинство населенія Россіи принадлежитъ къ крестьянскому сословію, то слѣдуетъ прежде всего поставить это послѣднее въ положеніе, благопріятствующее развитію въ немъ самодѣятельности и энергіи, а это достижимо только путемъ коренного измѣненія нынѣшняго неполноправнаго и приниженнаго состоянія крестьянъ. Въ этихъ цѣляхъ необходимо: а) уравнять крестьянъ въ личныхъ (гражданскихъ и политическихъ) правахъ съ лицами другихъ сословій, б) освободить отъ административной опеки сельское самоуправленіе и в) оградить крестьянство правильною формою суда.

8. Земскія учрежденія, въ которыхъ по преимуществу сосредоточивается мѣстная общественная жизнь, должны быть поставлены въ такія условія, при которыхъ они могли бы съ успѣхомъ выполнять лежащія на нихъ обязанности; для этого необходимо: а) чтобы земское

7. Личныя (гражданскія и политическія) права всѣхъ гражданъ Россійской Имперіи должны быть равны.

8. Самодѣятельность общества является главнымъ условіемъ правильнаго и успѣшнаго развитія политической и экономической жизни страны. Такъ какъ значительное большинство населенія Россіи принадлежитъ къ крестьянскому сословію, то слѣдуетъ прежде всего поставить это послѣднее въ положеніе, благопріятствующее развитію въ немъ самодѣятельности и энергіи, а это достижимо только путемъ коренного измѣненія нынѣшняго неполноправнаго и приниженнаго состоянія крестьянъ. Въ этихъ цѣляхъ необходимо: а) уравнять крестьянъ въ личныхъ правахъ съ лицами другихъ сословій, б) освободить отъ административной опеки сельское населеніе во всѣхъ проявленіяхъ его личной и общественной жизни и в) оградить его правильной формой суда.

9. Земскія и городскія учрежденія, въ которыхъ по преимуществу сосредоточивается мѣстная общественная жизнь, должны быть поставлены въ такія условія, при которыхъ они могли бы съ успѣхомъ выполнять обязанности, присущія правильно и широко поставлен-

представительство было организовано не на сословныхъ началахъ и чтобы къ участію въ земскихъ учрежденіяхъ были привлечены по возможности всѣ наличныя силы мѣстнаго населенія, б) чтобы земскія учрежденія были приближены къ населенію путемъ созданія мелкихъ земскихъ единицъ на началахъ, обезпечивающихъ ихъ дѣйствительную самодѣятельность, и в) чтобы земскимъ учрежденіямъ были предоставлены должныя устойчивость и самостоятельность, при наличности которыхъ только и возможны правильное развитіе ихъ дѣятельности и созданіе необходимаго взаимодѣйствія правительственныхъ и общественныхъ учрежденій.

9. Но для созданія и сохраненія всегда живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ обществомъ на основѣ вышеуказанныхъ началъ и для обезпеченія правнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія; для этого необходимо: а) чтобы земское представительство было организовано не на сословныхъ началахъ и чтобы къ участію въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи были привлечены по возможности всѣ наличныя силы мѣстнаго населенія, б) чтобы земскія учрежденія были приближены къ населенію путемъ созданія мелкихъ земскихъ единицъ на началахъ, обезпечивающихъ ихъ дѣйствительную самодѣятельность, в) чтобы кругъ вѣдомства земскихъ и городскихъ учрежденій простирался на всю область мѣстныхъ пользъ и нуждъ и г) чтобы названнымъ учрежденіямъ были предоставлены должныя устойчивость и самостоятельность, при наличности которыхъ только и возможны правильное развитіе ихъ дѣятельности и созданіе необходимаго взаимодѣйствія правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. Мѣстное самоуправленіе должно быть распространено на всѣ части Россійской Имперіи.

10. Но для созданія и сохраненія всегда живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ обществомъ на основѣ вышеуказанныхъ началъ и для обезпеченія пра-

вильнаго развитія государственной и общественной жизни безусловно необходимо правильное участіе въ законодательствѣ народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія.

вильнаго развитія государственной и общественной жизни безусловно необходимо:

мнѣніе большинства	*мнѣніе меньшинства*
правильное участіе народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія, въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ за законностью дѣйствій администраціи.	правильное участіе въ законодательствѣ народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія.

10. Совѣщаніе, признавая себя случайнымъ по составу собраніемъ лицъ, высказывающихъ свои личныя мнѣнія, полагаетъ, что разрѣшеніе вопроса объ основаніяхъ и формахъ взаимодѣйствія правительства и народнаго представительства должно быть предоставлено представителямъ народа, избраннымъ при наличности указанныхъ выше условій, необходимыхъ для свободы выборовъ.

11. Въ виду важности и трудности внутренняго и внѣшняго состоянія, переживаемаго Россіей, частное совѣщаніе выражаетъ надежду, что Верховная Власть призоветъ свободно избранныхъ представителей народа, дабы при содѣйствіи ихъ вывести наше отечество на новый путь государственнаго развитія въ духѣ установленія началъ права и взаимодѣйствія государственной власти и народа.

Девятый тезисъ въ проектѣ организаціоннаго бюро явился, какъ было пояснено ранѣе въ этой же главѣ, плодомъ компромисса. Въ виду обнаружившагося разномыслія относительно характера народнаго представительства, признаваемаго по существу всѣми равно необходимымъ, бюро остановилось на редакціи, которая оставляла спорный вопросъ открытымъ. Такое

рѣшеніе казалось мнѣ особенно правильнымъ, потому что земское совѣщаніе, состоявшее изъ лицъ, не облеченныхъ надлежащими полномочіями, не представлялось достаточно компетентнымъ учрежденіемъ, и слѣдующій, десятый тезисъ въ проектѣ бюро указывалъ, что разрѣшеніе вопроса объ основаніяхъ и формахъ взаимодѣйствія правительства и народнаго представительства должно быть предоставлено выборнымъ представителямъ народа. Однако, это предположеніе не оправдалось. 2-го ноября въ Москвѣ въ квартирѣ Ю. А. Новосильцева состоялось многочисленное собраніе участниковъ предстоявшаго земскаго совѣщанія, конституціоналистовъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, и на этомъ собраніи было рѣшено выставить на земскомъ совѣщаніи опредѣленныя конституціонныя требованія. Это рѣшеніе встрѣтило въ средѣ совѣщанія сочувствіе со стороны большинства его членовъ. Съ возраженіями на такую постановку вопроса выступилъ въ совѣщаніи только я одинъ, хотя при голосованіи вопроса на сторонѣ моего мнѣнія оказалось сначала 27, а затѣмъ 38 лицъ. Такое воздержаніе моихъ единомышленниковъ отъ изложенія соображеній и мотивовъ, которыми они руководились при подачѣ своихъ голосовъ, ставитъ меня, нѣкоторымъ образомъ, въ затруднительное положеніе при выясненіи основы разномыслія, проявившагося между большинствомъ и меньшинствомъ совѣщанія. По этой причинѣ я буду говорить здѣсь только лично отъ себя.

Я изложилъ мое политическое жизнепониманіе выше, въ V-ой главѣ, и сохраняю его неизмѣнно. Руководясь изложенными убѣжденіями, я видѣлъ среди тезисовъ, представленныхъ бюро и принятыхъ совѣщаніемъ, центральное, основное положеніе въ четвертомъ пунктѣ, признававшимъ, что „правильное теченіе и развитіе государственной и общественной жизни возможно лишь при условіи живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ обществомъ“. Всѣ слѣдующіе тезисы я разсматривалъ, главнымъ образомъ, какъ указанія на условія, необходимыя для созданія и укрѣпленія этого единенія. Съ точки зрѣнія конституціоналистовъ основное положеніе тезисовъ заключалось въ 9-мъ пунктѣ, предложенномъ бюро, и въ 10-мъ, принятомъ совѣщаніемъ; всѣ же остальные тезисы въ ихъ глазахъ имѣли значеніе лишь мотивовъ, приводящихъ къ заключенію о необходимости ограниченія государственной

власти и предоставленія народному представительству участія въ законодательной власти. Иначе говоря, вмѣсто единенія власти съ населеніемъ противопоставлялись ихъ права и интересы. Правовой строй признавался, какъ бы, самодовлѣющей цѣлью предстоявшей реформы и въ рѣчахъ участниковъ совѣщанія, настаивавшихъ на измѣненіи редакціи девятаго тезиса въ проектѣ бюро, выдвигалось на первый планъ требованіе правъ и ихъ гарантій.

Наши разногласія имѣли принципіальный характеръ и вытекали, очевидно, изъ различій не только политическаго, но и общаго жизнепониманія, такъ какъ въ основѣ политической идеологіи всегда лежитъ извѣстное міросозерцаніе. Раціонализмъ и позитивизмъ, имѣющіе въ своей основѣ исключительно систему положительныхъ знаній, разсматриваютъ соціальную и политическую жизнь преимущественно какъ процессъ постояннаго соперничества составныхъ элементовъ общества и государства и главными дѣйственными началами личной и общественной жизни признаютъ интересы. Такое жизнепониманіе приводитъ къ убѣжденію въ необходимости обезпеченія прежде всего правъ личности и общества, видитъ въ этомъ главную цѣль государственной жизни и потому кладетъ въ основу политическаго строя исключительно правовую идею.

Міросозерцаніе религіозно-мыслящаго человѣка, вытекающее изъ сознанія неразрывной связи личной жизни съ жизнью всего міра и изъ признанія Божественнаго закона любви, призывающаго всѣхъ людей къ доброжелательному единенію, побуждаетъ его признавать, что въ основѣ всей государственной жизни должна лежать идея этико-соціальная и что единеніе государственной власти съ населеніемъ должно корениться въ сознаніи обѣими сторонами лежащихъ на нихъ нравственнаго долга и обязанностей. Для устроенія общественной и политической жизни и для улучшенія ея условій ради блага всѣхъ людей слѣдуетъ всегда обращаться скорѣе къ чувству долга въ людяхъ, чѣмъ къ пробужденію въ нихъ сознанія своихъ интересовъ. Неизбѣжный въ государствѣ правовой строй долженъ служить лишь средствомъ для постепеннаго осуществленія въ жизни высшихъ цѣлей, предстоящихъ всему человѣчеству. Гражданскіе идеалы должны быть всегда органически связаны съ идеалами нравственными, а право должно всегда являться

выраженіемъ сознанія религіозно-моральной отвѣтственности, лежащей на отдѣльныхъ людяхъ и на обществѣ.

Очень широко распространено мнѣніе, что осуществленіе общаго блага возможно лишь путемъ усовершенствованія и измѣненія формъ соціальнаго и политическаго быта мирнымъ или даже насильственнымъ, революціоннымъ путемъ. Представители этого ученія полагаютъ, что переустройство государственной жизни на новыхъ экономическихъ и политическихъ началахъ и соотвѣтствующія измѣненія правового строя могутъ улучшить жизнь людей, которая, по ихъ мнѣнію, находится въ прямой зависимости отъ внѣшнихъ условій, политическихъ правъ гражданъ и соціальныхъ отношеній. Но рядомъ съ этимъ ученіемъ существуетъ другое воззрѣніе, которое не считаетъ возможнымъ достиженіе благополучія всѣхъ людей помимо внутренняго, духовнаго устроенія личности и уясненія людьми смысла своей личной и общественной жизни въ связи съ жизнью всего человѣчества и всего міра.

Усовершенствованіе общественныхъ формъ и внутреннее устроеніе личности составляютъ сущность двухъ основныхъ жизне-пониманій, между собой постоянно сталкивающихся, и разногласіе между большинствомъ и меньшинствомъ земскаго совѣщанія, думается мнѣ, проявилось на этой именно почвѣ.

Въ рѣчи, произнесенной мной 7-го ноября въ земскомъ совѣщаніи, я развивалъ слѣдующія мысли. Всѣ согласны, что правильное теченіе и развитіе государственной жизни возможно лишь при условіи живого общенія и тѣснаго единенія государственной власти съ населеніемъ. Большинство говорившихъ считаетъ, однако, необходимымъ обезпечить отношеніе власти къ населенію правовыми гарантіями; я полагаю, что въ основу реформы государственнаго строя должна быть положена не столько идея права, сколько идея этико-соціальная, болѣе соотвѣтствующая всему міровоззрѣнію русскаго народа. Совѣщанію не слѣдовало бы предрѣшать, на какой основѣ должно быть построено народное представительство, и лучше предоставить самому народу осуществить въ этомъ дѣлѣ свои идеалы. Политическія учрежденія оказываютъ всегда воспитательное вліяніе на участвующихъ въ нихъ и если въ основу реформы будутъ положены требованіе правъ и обезпеченіе ихъ гарантіями, то такимъ путемъ изъ народнаго сознанія будетъ

постепенно вытравлена религіозно-нравственная идея, которая теперь еще сильна въ русскомъ народѣ. Формула, предложенная бюро, хороша именно тѣмъ, что не предрѣшаетъ этого основного вопроса.

Моя рѣчь вызвала многочисленныя и продолжительныя возраженія, но такъ какъ никто изъ состава совѣщанія не выступилъ съ поддержкой моей точки зрѣнія, то я счелъ неудобнымъ единолично продолжать теоретическій споръ и затягивать пренія. Отмѣтивъ, что сдѣланныя мнѣ возраженія не могутъ поколебать моихъ убѣжденій и исповѣдуемаго мною политическаго жизнепониманія, я просилъ собраніе принять такую формулу, которая не насиловала бы личныхъ убѣжденій. По предложенію кн. П. Д. Долгорукова было признано желательнымъ 10-й пунктъ положеній изложить параллельно въ двухъ редакціяхъ, согласно мнѣніямъ большинства и меньшинства членовъ совѣщанія.

На голосованіе прежде всего была поставлена формула, предложенная въ 9-мъ пунктѣ организаціоннымъ бюро, при чемъ за нее было подано 27 голосовъ, а противъ—71. При голосованіи вопроса о введеніи въ формулу указанія на участіе народнаго представительства въ осуществленіи законодательной власти, за включеніе этого выраженія высказалось 60 человѣкъ, а противъ—38. За предоставленіе народному представительству бюджетнаго права высказалось 91, противъ—7, а по вопросу о контролѣ за дѣятельностью администраціи 95 голосовъ противъ 3-хъ.

Сообщая въ настоящей главѣ свѣдѣнія о земскомъ совѣщаніи 1904 года и о моемъ участіи въ немъ, я считаю умѣстнымъ отмѣтить нѣкоторыя указанія, сдѣланныя во время происходившихъ преній моими оппонентами, и пояснить имѣвшія мѣсто недоразумѣнія. Многіе изъ говорившихъ возражали мнѣ, какъ представителю славянофильскаго ученія, но на чемъ было основано такое заключеніе, мнѣ остается непонятнымъ, такъ какъ я въ своихъ выступленіяхъ никакихъ ссылокъ на это ученіе не дѣлалъ. Я отношусь съ глубокимъ уваженіемъ къ славянофильскому ученію, имѣющему въ своемъ основаніи глубокое сознаніе религіозно-нравственнаго долга, лежащаго на людяхъ, и высоко чту такихъ представителей этого ученія, какъ И. В. Кирѣевскій, А. С. Хомяковъ и Ю. Ѳ. Самаринъ, такъ много содѣйствовавшихъ уясненію въ общественномъ сознаніи значе-

нія внутренняго устроенія личности, но я не вполнѣ раздѣляю отношеніе славянофиловъ къ лозунгамъ: православіе, самодержавіе и народность.

Состоя и оставаясь членомъ православной церкви,—такъ какъ православіе вѣроисповѣданіе русскаго народа и вѣроисповѣданіе моихъ предковъ,—я не могу, однако, видѣть несомнѣнное преимущество православія предъ другими христіанскими вѣроисповѣданіями. Совершившееся на почвѣ разногласій въ догматическихъ толкованіяхъ раздѣленіе церквей представляется мнѣ актомъ, противорѣчащимъ сущности Евангельскаго ученія. Ученіе Христа призываетъ всѣхъ людей къ единенію, и единеніе всѣхъ христіанъ прежде всего необходимо въ лонѣ единой, вселенской, соборной церкви. Такое необходимое объединеніе церквей тѣмъ болѣе возможно, что всѣми ими одинаково понимается сущность христіанскаго ученія, уясняющаго обязанности, лежащія на людяхъ въ ихъ земной жизни, и призывающаго ихъ къ свободному подчиненію своей воли требованіямъ Высшаго міроваго Начала. Я вѣрю, что догматическіе споры и разногласія могутъ и должны быть постепенно устранены и примирены путемъ доброжелательныхъ соглашеній и что представители іерархіи единой вселенской церкви, свободные отъ всякаго давленія государственной власти и отъ вліянія современныхъ условій общественной жизни, признаютъ своимъ великимъ и главнымъ долгомъ доброжелательно и послѣдовательно обличать и выяснять съ христіанской точки зрѣнія неправду, коренящуюся въ существующемъ жизненномъ строѣ, въ цѣляхъ устроенія истинной общественности на основѣ закона христіанской любви.

Я не вполнѣ согласенъ также съ пониманіемъ славянофильствомъ идеи самодержавія. Славянофилы, думается мнѣ, склонны признавать божественное происхожденіе самодержавной власти и усматривать въ принципѣ самодержавія источникъ неограниченности власти монарха. Въ V-й главѣ я привелъ соображенія, въ силу которыхъ я отношусь отрицательно къ мысли о божественномъ установленіи власти вообще и повторять изложенныя соображенія считаю лишнимъ. Не могу также ни въ какомъ случаѣ отождествлять самодержавіе съ абсолютизмомъ. Въ самодержавіи я вижу идею союза и взаимодѣйствія власти съ народомъ на основѣ преимущественно нравственнаго прин-

ципа, на основѣ ихъ морально-политической солидарности. Самодержавіе представляется мнѣ принципомъ ограничиненія власти не во имя правовой идеи, а ея самоограниченіемъ во имя сознанія носителемъ власти лежащаго на немъ нравственнаго долга — быть выразителемъ голоса коллективной совѣсти народа. Не отрицая безусловной необходимости извѣстнаго правового порядка въ установленіи и проявленіи взаимодѣйствія власти и населенія, я вижу въ этомъ правовомъ порядкѣ не самостоятельную основу, а лишь практическое выраженіе идеи моральной между ними солидарности, которая должна служить дѣйствительной основой государственнаго строя. Эта идея, по моему пониманію, является руководящей идеей государственнаго строя Англіи, гдѣ власть монарха ограничена не правовыми нормами дѣйствующей конституціи, а глубокимъ сознаніемъ, какъ представителя верховной власти, такъ и кабинета министровъ, ихъ моральной солидарности съ народнымъ представительствомъ. Въ Англіи, какъ и въ Россіи, среди ея населенія преобладаютъ настроенія и стремленія религіозно-нравственнаго характера надъ интересами правовыми, и я считалъ вѣроятнымъ и возможнымъ, что если идея русскаго самодержавія сохранится непоколебленной въ своей основѣ, то при постепенномъ развитіи нашей государственной жизни эта идея могла бы получить въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ выраженіе и осуществленіе въ формахъ и порядкѣ, аналогичныхъ государственному строю Англіи. Такое направленіе нашей государственной жизни обезпечивало бы ея развитіе безъ острыхъ потрясеній, и безъ пробужденія въ населеніи правовыхъ интересовъ и эгоистическихъ инстинктовъ.

И. И. Петрункевичъ, указывая въ своей рѣчи на существующее въ обществѣ и литературѣ славянофильское теченіе мысли, говорилъ: „это теченіе полагаетъ, что русскій народъ имѣетъ какую-то особую миссію сравнительно съ народами западноевропейскими“. Опровергая затѣмъ это положеніе, И. И., надо полагать, имѣлъ въ виду возразить на мнѣніе, представителя котораго въ совѣщаніи онъ видѣлъ въ моемъ лицѣ, но мое отношеніе къ данному вопросу не совсѣмъ совпадаетъ съ предположеніемъ моего оппонента. Признавая предпочтительнымъ положить въ основу взаимодѣйствія власти и народнаго представительства идею этико-соціальную, я говорилъ, что „этотъ

принципъ соотвѣтствуетъ всему міровоззрѣнію русскаго народа, вытекаетъ изъ его христіанскаго жизнепониманія и ярко сказывается въ чертахъ его характера". Мнѣ представляется несомнѣннымъ, что религіозное сознаніе являлось первоначальной основой жизнепониманія большинства народовъ, но постепенно, подъ вліяніемъ раціоналистическаго направленія мысли и получившаго широкое распространеніе пониманія жизни какъ процесса постоянной борьбы за существованіе, отразившагося на характерѣ экономическихъ и соціальныхъ отношеній, религіозное сознаніе вытѣснялось сознаніемъ правовымъ. Если создавшійся на такой основѣ жизненный строй обезпечивалъ бы осуществленіе дѣйствительной справедливости и общаго блага и давалъ бы надлежащее удовлетвореніе какъ матеріальнымъ потребностямъ, такъ и духовнымъ запросамъ всѣхъ гражданъ, то народы, отставшіе отъ другихъ въ усовершенствованіи формъ общественной жизни, вступая на путь реформъ, должны были бы естественно послѣдовать примѣру народовъ, опередившихъ ихъ въ своемъ историческомъ развитіи. Но дѣйствительность свидѣтельствуетъ совершенно противоположное. Мы видимъ, что общественная и государственная жизнь, построенная согласно раціоналистическимъ ученіямъ на основѣ правовой идеи, оставляетъ людей неудовлетворенными и побуждаетъ ихъ къ соперничеству и отстаиванію преимущественно матеріальныхъ, личныхъ и классовыхъ интересовъ. Болѣе молодые народы должны, несомнѣнно, пользоваться примѣрами болѣе старыхъ націй въ устроеніи своей государственной жизни, но при этомъ, воспользовавшись тѣмъ, что даетъ благіе результаты, они должны избѣгать повторенія въ своей жизни ошибокъ, сдѣланныхъ другими народами. Всѣ народы призваны къ участію въ устроеніи жизни всего человѣчества, но каждый народъ является своеобразнымъ выразителемъ общечеловѣческой истины и каждому народу естественно стремиться проявить и осуществить то, что сокрыто въ глубинѣ его духа и вытекаетъ изъ свойственнаго ему міросозерцанія. Въ русскомъ народѣ, по многимъ условіямъ его исторической жизни и быта, получило слабое развитіе правовое сознаніе, но еще въ первые годы настоящаго вѣка въ немъ живо было христіанское жизнепониманіе и, принимая во вниманіе это условіе, чувствовалась возможность положить въ основу народнаго представительства и его взаимо-

дѣйствія съ властью иныя начала, чѣмъ тѣ, на которыхъ зиждется государственный строй большинства народовъ западной Европы.

Заканчивая выясненіе сущности разногласія между мнѣніями большинства и меньшинства земскаго совѣщанія, я не могу не отмѣтить, что представители большинства, повидимому, не усматривали причину обозначившагося разномыслія въ различіи двухъ основныхъ жизнепониманій. Въ этомъ отношеніи меня особенно удивили слова гр. П. А. Гейдена. Возражая на мое заявленіе, что едва ли есть основаніе продолжать въ земскомъ совѣщаніи теоретическій споръ, такъ какъ онъ не можетъ переубѣдить искреннихъ послѣдователей того или иного извѣстнаго ученія, гр. П. А. Гейденъ сказалъ: „Едва ли можно признать правильнымъ утвержденіе Д. Н. Шипова, что выясненіе вопросовъ не можетъ никого переубѣдить". Изъ этихъ словъ можно было заключить, что гр. П. А., какъ бы, игнорировалъ возможность существованія иного міровоззрѣнія, кромѣ усвоеннаго имъ и его единомышленниками, и не признавалъ, что мысли, которыя я высказывалъ въ совѣщаніи, являлись выраженіемъ не только моихъ убѣжденій, но и моей вѣры.

Обсужденіе вопроса о желательныхъ измѣненіяхъ въ нашей государственной жизни закончилось въ третьемъ засѣданіи, 8-го ноября. Подъемъ настроенія земскаго совѣщанія достигъ въ этотъ день наивысшаго напряженія. Всѣ участники совѣщанія опредѣленно и ясно сознавали лежавшую на нихъ громадную нравственную отвѣтственность при выполненіи представшей предъ ними исторической задачи, выдающагося значенія. Всѣ рѣчи говорившихъ носили на себѣ отпечатокъ самаго серьезнаго отношенія къ обсуждавшемуся вопросу и отличались большой выдержанностью. Чувствовалось, что, несмотря на нѣкоторое разногласіе въ вопросѣ о характерѣ народнаго представительства, всѣ единодушно стремятся къ сохраненію солидарности въ средѣ земскаго совѣщанія и проникнуты общимъ, искреннимъ и горячимъ желаніемъ содѣйствовать созданію тѣсной связи государственной власти съ населеніемъ. Въ этомъ засѣданіи совѣщанію предстояло окончательно формулировать свои заключенія, но предварительно на обсужденіе былъ поставленъ 10-й пунктъ положеній, предложенныхъ организаціоннымъ бюро. Не вполнѣ удовлетворитель-

ная редакція этого тезиса могла дать мѣсто предположенію, что рѣшеніе вопроса объ основаніяхъ и формахъ взаимодѣйствія правительства и народнаго представительства должно быть предоставлено учредительному собранію. Такая постановка вопроса совершенно не отвѣчала дѣйствительнымъ предположеніямъ бюро и не соотвѣтствовала настроенію собранія. По поводу оглашеннаго въ совѣщаніи текста 10-го пункта выступило много ораторовъ, въ словахъ которыхъ ярко отразились настроеніе и единодушное отношеніе къ этому вопросу всего совѣщанія. Я приведу для характеристики настроенія совѣщанія выдержки изъ нѣкоторыхъ рѣчей. А. А. Свѣчинъ, указавъ на то, что народъ свыкся съ мыслью, что имъ руководитъ верховная власть, признавалъ нужнымъ „стремиться къ тому, чтобы верховная власть, сознавъ ненормальность существующаго порядка, сама обратилась къ народу съ вопросомъ объ основаніяхъ желательнаго государственнаго строя". А. М. Колюбакинъ говорилъ о желательности, „чтобы сама верховная власть признала потребность перехода къ новымъ формамъ государственнаго строя и обратилась къ народу лишь за выработкой этихъ формъ". Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, отмѣтивъ, что учредительныя собранія образуются лишь въ эпоху анархій, чего въ Россіи въ настоящее время нѣтъ, высказалъ пожеланіе, „чтобы новый порядокъ былъ сразу установленъ верховной властью. При этомъ условіи необходимое государственное преобразованіе протечетъ вполнѣ мирно". „Не слѣдуетъ настаивать на какомъ-либо предварительномъ собраніи; лучше всего, если сразу будетъ созвано законодательное собраніе съ опредѣленными правами".

Съ большой рѣчью выступилъ Н. Н. Львовъ. Относясь отрицательно къ возможности предположенія о созывѣ учредительнаго собранія, и указавъ, что, кромѣ начала свободы, въ основѣ общественной жизни лежитъ начало авторитета власти, Н. Н. сказалъ: „Правда, правительство подорвало къ себѣ довѣріе и уваженіе въ странѣ, но обаяніе верховной власти непоколебимо; источникъ могущественнаго воздѣйствія на массы русскаго народа не изсякъ. Съ такимъ положеніемъ нужно не только считаться; его нужно признать, принявъ за основаніе, на которомъ только и возможно что-либо созидать. Осуществленіе преобразованій необходимо возложить на власть. Многіе требуютъ реформъ, предвидя въ противномъ случаѣ неизбѣж-

ность революціи, но революція въ настоящее время невозможна; для этого нѣтъ наличныхъ силъ въ народныхъ массахъ, готовыхъ къ ниспроверженію существующаго строя. Намъ угрожаетъ не революція, а то, что есть: безцѣльное терзаніе, годами длящееся мучительство, упадокъ и разложеніе духовныхъ силъ русскаго народа, ослабленіе и упадокъ Россіи. Страшна не революція; страшна безплодность жертвъ, безцѣльная гибель русскихъ людей. Я вижу выходъ въ томъ, чтобы сложилось, наконецъ, и окрѣпло такое общественное движеніе, которое нашло бы въ себѣ силы воплотить въ русскую жизнь въ союзѣ съ властью новыя начала свободы и права, но понимаю, какъ труденъ путь между двумя теченіями, какъ трудно соблюсти мѣру и не потерять настойчивость, хранить мужество передъ властью и мужество своихъ убѣжденій среди раздраженнаго и оскорбленнаго общества. Понятно, какихъ усилій стоитъ побороть въ самихъ себѣ чувство раздраженія и негодованія, вызванное несправедливостью не только въ отношеніи лично многихъ изъ насъ, но и того, что намъ всего дороже. Понятно, какія усилія нужны, чтобы сломить укоренившееся недовѣріе и отношеніе къ власти, какъ къ неумолимой, стихійной силѣ, не подлежащей воздѣйствію разума. Но это нужно сдѣлать, этого требуютъ отъ насъ тяжкія испытанія, бѣдствія, которыя мы переживаемъ, весь смыслъ совершающагося вокругъ насъ. Сегодня должны мы встать на работу, иначе завтра совершатъ ее другіе иными орудіями и для иной цѣли. За нами нѣтъ грозныхъ народныхъ силъ, нѣтъ могущественной поддержки вліятельныхъ общественныхъ классовъ, но за нами—неумолимая логика событій. Настало время, когда преобразованіе должно совершиться такъ, какъ совершилось освобожденіе крестьянъ, по почину верховной власти. Этого требуетъ благо Россіи".

Рѣчь Н. Н. Львова вызвала громкіи выраженія общаго сочувствія, такъ какъ она совершенно вѣрно формулировала истинное настроеніе, желанія и надежды всего совѣщанія. 11-й пунктъ положеній былъ принятъ совѣщаніемъ въ измѣненной редакціи, предложенной президіумомъ и помѣщенной выше на стр. 265.

По окончаніи всѣхъ рѣчей, я прочелъ всѣ 11 пунктовъ положеній, принятыхъ совѣщаніемъ и, имѣя въ виду, что въ первомъ засѣданіи 6-го ноября было постановлено представить

заключенія совѣщанія министру внутреннихъ дѣлъ черезъ особую депутацію съ просьбой доложить ихъ Государю Императору, я предложилъ выработанныя совѣщаніемъ положенія подписать всѣмъ участникамъ совѣщанія для того, чтобы выраженіе нашего мнѣнія было сдѣлано вполнѣ открыто. Это предложеніе было принято единогласно и затѣмъ переписанныя мной 11 положеній были подписаны президіумомъ и всѣми членами совѣщанія въ алфавитномъ порядкѣ представленныхъ ими губерній. Когда подписаніе положеній было закончено, я, огласивъ ихъ еще разъ, обратился къ совѣщанію со слѣдующими словами: „Позвольте мнѣ привѣтствовать совѣщаніе съ только что состоявшимися постановленіями. Мы переживаемъ моментъ огромной исторической важности. Въ самомъ началѣ нашихъ совѣщаній я имѣлъ честь указать на трудность нашего положенія, вытекающую изъ его двойственности; съ одной стороны, мы собрались никѣмъ не уполномоченные, съ другой, историческій жребій налагаетъ на насъ отвѣтственную задачу—сказать Его Императорскому Величеству Государю Императору правдивое слово о положеніи нашей общественной и государственной жизни. Совѣщаніе оцѣнило по достоинству важность этой задачи и выполнило ее именно такъ, какъ можно было ожидать отъ представителей земства. Не могу не отмѣтить при этомъ того въ высшей степени отраднаго факта, что при формулировкѣ пункта, по которому мнѣнія раздѣлились, представители большинства настаивали, чтобы въ заключеніяхъ совѣщанія были приведены оба мнѣнія. Я вижу въ этомъ доказательство, что во всѣхъ насъ, быть можетъ, безсознательно для насъ самихъ, живетъ та руководящая этико-соціальная идея, о которой я говорилъ вчера. Именно эта идея побудила представителей большинства, вмѣсто того, чтобы настаивать на своемъ формальномъ правѣ, искать единенія и позаботиться о томъ, чтобы голосъ общества былъ высказанъ полностью, не односторонне. Меня часто упрекаютъ въ оптимизмѣ. Я остаюсь оптимистомъ и теперь, и твердо вѣрю, что наши пожеланія получатъ осуществленіе съ соизволенія Верховной Власти, что нашъ голосъ будетъ услышанъ. Если одушевляющія насъ исканія правды и убѣжденіе въ необходимости постояннаго взаимодѣйствія государственной власти и народа проникнутъ въ сознаніе всего населенія нашего отечества, то, несомнѣнно, надежды наши

превратятся въ дѣйствительность. Я закончу пожеланіемъ, чтобы это крѣпкое сознаніе охватило всѣ слои русскаго общества".

Въ составъ депутаціи къ министру вн. дѣлъ были избраны 5 лицъ: предсѣдатель и два товарища предсѣдателя совѣщанія, гр. П. А. Гейденъ и М. В. Родзянко.

Вслѣдъ затѣмъ совѣщаніе постановило: 1) выразить пожеланіе, чтобы члены совѣщанія познакомили земскую среду своихъ губерній съ заключеніями совѣщанія и чтобы въ предстоящихъ очередныхъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ при обсужденіи текущихъ вопросовъ земской жизни были затронуты въ томъ объемѣ и въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это окажется возможнымъ, и общія условія, необходимыя для правильнаго теченія и развитія нашей общественной жизни; 2) признать желательнымъ, чтобы очередныя губернскія земскія собранія возбудили ходатайства о приглашеніи выборныхъ представителей земствъ для пересмотра земскаго положенія и для обсужденія общихъ условій земской дѣятельности, и 3) выдѣлить изъ состава совѣщанія комиссію для разработки вопроса о земской реформѣ и представленія доклада по этому предмету будущему земскому совѣщанію.

Въ заключеніе засѣданія 8-го ноября былъ разсмотрѣнъ вопросъ объ организаціи дальнѣйшихъ земскихъ совѣщаній и было принято слѣдующее постановленіе: признать, что земскія совѣщанія въ будущемъ должны состоять: а) изъ всѣхъ выборныхъ предсѣдателей губернскихъ управъ и б) изъ лицъ, избираемыхъ въ количествѣ четырехъ отъ каждой губерніи совѣщаніями губернскихъ гласныхъ.

9-го ноября состоялось четвертое и послѣднее совѣщаніе, въ которомъ я не могъ принять участія, такъ какъ мнѣ встрѣтилась неотложная необходимость по личному дѣлу уѣхать 8-го числа на два дня въ Москву. Въ этомъ послѣднемъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ И. И. Петрункевича, совѣщаніе обсудило и вынесло свои заключенія по всѣмъ остальнымъ вопросамъ, включеннымъ въ программу, представленную организаціоннымъ бюро. Но до постановки на очередь программныхъ вопросовъ совѣщаніе признало нужнымъ, въ дополненіе къ состоявшимся наканунѣ основнымъ заключеніямъ по вопросу объ общихъ условіяхъ нашей общественной и государственной жизни, высказать слѣдующее мнѣніе:

1. Находя, что положеніе о мѣрахъ къ охранѣ государственнаго порядка и общественнаго спокойствія 14-го августа 1881 года является однимъ изъ главныхъ условій, создающихъ почву для административнаго произвола и общественнаго неудовольствія и тѣмъ препятствующихъ взаимному довѣрію и единенію правительства и населенія, совѣщаніе признаетъ желательной немедленную отмѣну названнаго положенія.

2. Имѣя въ виду, что основанная на вышеупомянутомъ положеніи система административной репрессіи, примѣнявшаяся въ послѣднее время съ особой силой, имѣла своимъ послѣдствіемъ множество жертвъ административнаго произвола, подвергшихся различнымъ карамъ и ограниченіямъ правъ, совѣщаніе считаетъ долгомъ высказаться за необходимость полнаго освобожденія ихъ отъ всѣхъ взысканій, наложенныхъ въ административномъ порядкѣ.

3. Вмѣстѣ съ симъ совѣщаніе выражаетъ надежду, что актомъ помилованія по отношенію къ лицамъ, подвергшимся преслѣдованію и наказаніямъ по политическимъ дѣламъ, Верховная Власть внесетъ въ страну умиротвореніе.

Возвратясь 11-го ноября въ С.-Петербургъ и повидавшись съ членами избранной совѣщаніемъ депутаціи, я посѣтилъ кн. П. Д. Святополкъ-Мирскаго, чтобы переговорить о времени, которое онъ назначитъ для пріема депутаціи. Кн. П. Д. сказалъ мнѣ, что не считаетъ возможнымъ принять избранную земскимъ совѣщаніемъ депутацію, такъ какъ совѣщаніе имѣло характеръ частнаго собранія, а пріемъ министромъ депутаціи придалъ бы происходившему совѣщанію характеръ официальный, что совершенно не соотвѣтствовало бы тѣмъ разъясненіямъ и указаніямъ, которыя онъ сообщилъ 31-го октября депутаціи организаціоннаго бюро. Не признавая возможнымъ назначить официальный пріемъ избранной совѣщаніемъ депутаціи, Кн. П. Д. выразилъ желаніе, чтобы я ознакомилъ его въ частной между нами бесѣдѣ съ резолюціями, на которыхъ остановилось совѣщаніе, и со всѣмъ, происходившемъ на нашихъ собраніяхъ. Я отвѣчалъ, что считаю своимъ долгомъ предварительно сообщить о всемъ мною выслушанномъ всѣмъ членамъ депутаціи, а затѣмъ, когда депутація приметъ то или иное рѣшеніе, я вновь буду у князя и въ дальнѣйшемъ свои слова и дѣйствія согласую съ общимъ мнѣніемъ всей депутаціи.

Выслушавъ мое сообщеніе, члены депутаціи не признали возможнымъ настаивать на пріемѣ депутаціи министромъ, въ виду его категорическаго и мотивированнаго отказа, и сочли желательнымъ, чтобы я сообщилъ кн. П. Д. Святополкъ-Мирскому интересующія его свѣдѣнія, но въ то же время было признано необходимымъ сопроводить постановленія совѣщанія письмомъ за подписью всѣхъ членовъ депутаціи. На слѣдующій день я передалъ министру текстъ всѣхъ состоявшихся резолюцій при слѣдующемъ письмѣ.

„Милостивый Государь, князь Петръ Дмитріевичъ.

Частное совѣщаніе земскихъ дѣятелей, происходившее въ С.-Петербургѣ 6-го—9-го сего ноября, поручило избранной совѣщаніемъ депутаціи, въ составѣ нижеподписавшихся лицъ, представить вашему сіятельству заключенія, на которыхъ остановилось совѣщаніе, и просить васъ, князь, довести о нихъ до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества.

Такъ какъ вы не признали возможнымъ принять избранную совѣщаніемъ депутацію, то мы имѣемъ честь при семъ приложить всѣ, безъ исключенія, заключенія совѣщанія земскихъ дѣятелей и просимъ ваше сіятельство довести эти заключенія до свѣдѣнія Государя Императора.

Просимъ васъ, князь, принять увѣреніе въ глубокомъ уваженіи и преданности“.

С.-Петербургъ, 12-го ноября 1904 года.

Кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій прочелъ громко всѣ представленныя ему заключенія совѣщанія и особенное вниманіе сосредоточилъ на 11-ти положеніяхъ по вопросу о желательныхъ измѣненіяхъ въ нашей государственной жизни. Прочтя въ 10-мъ пунктѣ изложеніе двухъ приведенныхъ въ немъ мнѣній, кн. П. Д. не усмотрѣлъ въ чемъ въ сущности заключается различіе этихъ мнѣній и просилъ меня разъяснить его недоумѣніе. Я сказалъ приблизительно слѣдующее. Всѣ земскіе дѣятели единодушно согласны, что созданіе и сохраненіе живого общенія и тѣснаго единенія государственной власти съ обществомъ немыслимо безъ народнаго представительства, организованнаго, какъ особое выборное учрежденіе. При этомъ,

однако, меньшинство полагаетъ, что земскому совѣщанію нѣтъ надобности предрѣшать въ настоящее время характеръ, который получитъ у насъ народное представительство. Если власть пойдетъ открыто навстрѣчу общественному почину, призоветъ свободно избранныхъ народомъ его представителей и съ довѣріемъ отнесется къ нимъ, то взаимодѣйствіе власти съ народнымъ представительствомъ, по мнѣнію меньшинства, можетъ создаться и укрѣпиться на основѣ сознанія лежащаго на обѣихъ сторонахъ нравственнаго долга передъ страной, какъ было во времена земскихъ соборовъ. Большинство совѣщанія признаетъ необходимымъ теперь же указать, что въ основу народнаго представительства должно быть положено правовое начало предоставленія народному представительству законодательной власти, т.-е. принципъ конституціонный. Кн. П. Д. замѣтилъ, что онъ не видитъ большого, непримиримаго разногласія между двумя приведенными мнѣніями, но его личныя симпатіи склоняются въ сторону мнѣнія меньшинства. По прочтеніи всѣхъ постановленій совѣщанія я, согласно желанію, еще разъ выраженному княземъ, разсказалъ ему о ходѣ занятій совѣщанія и о господствовавшемъ въ немъ настроеніи. Я особенно старался отмѣтить насколько совѣщаніе осторожно отнеслось къ выполненію своего общественнаго долга, обязывавшаго его сказать откровенно свое слово, которое, совѣщаніе надѣется, министромъ будетъ доложено Государю. Я обращалъ вниманіе князя на то, что мы высказали наши мнѣнія и наше пониманіе переживаемаго момента, но всѣ земскіе дѣятели держатся одинаковаго убѣжденія, что необходимое государственное преобразованіе можетъ совершиться правильно и спокойно только въ томъ случаѣ, если оно будетъ проведено сверху и если вся подготовительная работа будетъ произведена самимъ правительствомъ при участіи общественныхъ представителей. Кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій выражалъ полное и, какъ я видѣлъ, вполнѣ искреннее сочувствіе заключеніямъ земскаго совѣщанія, сказалъ, что доведетъ ихъ до свѣдѣнія Государя, и въ тоже время выразилъ пожеланіе, чтобы земскіе дѣятели приняли на себя трудъ составить и доставить ему записку, въ которой были бы изложены мотивы, послужившіе основаніемъ для выработанныхъ совѣщаніемъ положеній, и были бы указаны порядокъ и способы осуществленія реформъ, признаваемыхъ необходимыми. Такая

записка, говорилъ кн. П. Д., въ значительной мѣрѣ можетъ помочь ему при выполненіи предстоящей ему сложной и отвѣтственной задачи. Я выразилъ увѣренность, что земскіе дѣятели съ полной готовностью исполнятъ желаніе князя, и этимъ бесѣда наша была закончена.

Въ С.-Петербургѣ передъ отъѣздомъ и въ Москвѣ по моемъ возвращеніи я сообщилъ нѣкоторымъ участникамъ земскаго совѣщанія о желаніи кн. П. Д. Святополкъ-Мирскаго имѣть записку, составленную земскими дѣятелями, и вскорѣ съ указанной цѣлью въ Москвѣ образовался кружокъ, въ составъ котораго вошли: В. И. Вернадскій, Ѳ. А. Головинъ, кн. П. Д. Долгоруковъ. Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, кн. Г. Е. Львовъ, Н. Н. Львовъ, И. И. Петрункевичъ, Р. А. Писаревъ, Н. Ѳ. Рихтеръ, М. В. Челноковъ, Н. Н. Хмѣлевъ, кн. Д. И. Шаховской, Д. Н. Шиповъ и В. Е. Якушкинъ. Въ первомъ нашемъ собраніи было признано необходимымъ прежде всего намѣтить лицо, которое приняло бы на себя трудъ составленія предполагаемой записки. Всѣ пришли къ единогласному заключенію, что такимъ лицомъ является кн. С. Н. Трубецкой, который съ готовностью изъявилъ свое согласіе. Въ нашихъ собраніяхъ были обсуждены программа и планъ записки, а когда проектъ записки былъ составленъ кн. С. Н. Трубецкимъ, то онъ нѣсколько разъ читалъ ее и вносилъ измѣненія и дополненія, согласно дѣлаемымъ и принятымъ въ собраніи указаніямъ. Составленная записка представляетъ высокоцѣнный трудъ кн. С. Н. Трубецкого. Являясь очень интересной и значительной по своему содержанію, эта записка служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ яркимъ выраженіемъ настроенія земской среды того времени и, въ виду этого условія, полный текстъ записки помѣщенъ ниже въ видѣ особаго приложенія. Когда составленіе записки было закончено, кн. С. Н. Трубецкой и я 28-го ноября посѣтили кн. П. Д. Святополкъ-Мирскаго въ С.-Петербургѣ и записка, послѣ прочтенія ея авторомъ, была передана министру. Кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій горячо благодарилъ кн. С. Н. Трубецкого, но насколько эта записка была использована министромъ при докладѣ имъ своихъ предположеній Государю остается неизвѣстнымъ.

Постановленія земскаго совѣщанія по вопросу объ общихъ условіяхъ нашей общественной и государственной жизни произвели громадное впечатлѣніе на всю страну и были встрѣчены

съ большимъ сочувствіемъ въ широкихъ общественныхъ кругахъ. Спокойное, стремившееся къ примиренію настроеніе земскаго совѣщанія, можно было предполагать, отразится на настроеніи всей земской среды и это ожиданіе открывало надежду, что на этотъ разъ государственная власть съ довѣріемъ отнесется къ проявленію общественнаго мнѣнія, не усмотритъ въ общественномъ движеніи желанія вступить въ борьбу съ властью и признаетъ не только возможнымъ, но и необходимымъ безотлагательно приступить къ организаціи общественныхъ силъ на началахъ народнаго представительства для укрѣпленія своего авторитета и связей своихъ съ населеніемъ. Эта надежда казалась тѣмъ болѣе вѣроятной, что на посту министра внутреннихъ дѣлъ находился человѣкъ, хотя можетъ быть, недостаточно авторитетный, но несомнѣнно искренній сторонникъ правильнаго пониманія значенія и роли общественныхъ силъ въ государственномъ строѣ. Кн. П. Д. Святополкъ-Мирскому предстояло неизбѣжно встрѣтить сильное противодѣйствіе со стороны властныхъ представителей бюрократіи и реакціи, которые прежде всего преслѣдовали цѣль поддерживать въ Государѣ недовѣріе къ общественнымъ выступленіямъ, и въ виду этого, сохраненіе въ земской средѣ неизмѣннымъ того настроенія, которое такъ рельефно проявилось на земскомъ съѣздѣ, до разрѣшенія возбужденнаго совѣщаніемъ вопроса по существу, представлялось условіемъ, которое могло въ значительной мѣрѣ обезпечить благопріятный результатъ доклада министра внутреннихъ дѣлъ Государю.

Однако, къ сожалѣнію и въ ущербъ благопріятному разрѣшенію вопроса, настроеніе многихъ общественныхъ круговъ вскорѣ по окончаніи земскаго совѣщанія рѣзко проявилось въ совершенно иномъ направленіи. „Союзъ освобожденія“ при посредствѣ своихъ отдѣловъ поспѣшилъ распространить свѣдѣнія о постановленіяхъ земскаго совѣщанія и организовалъ въ столицахъ и во многихъ болѣе значительныхъ губернскихъ городахъ многолюдные банкеты, на которыхъ, какъ отмѣчаетъ И. П. Бѣлоконскій, „всѣмъ членамъ „Союза“, организаторамъ банкетовъ, рекомендовалось предлагать проекты резолюцій, которыя не выражали бы только *присоединеніе* къ постановленіямъ земскаго съѣзда, а провозглашали конституціонныя и демократическія требованія въ формѣ гораздо болѣе яркой и рѣшитель-

ной. Въ резолюціяхъ банкетовъ было выставлено прямое требованіе учредительнаго собранія, тогда какъ въ постановленіяхъ земскаго съѣзда, какъ извѣстно, не было произнесено даже самое слово *конституція*“ [1]). Значеніе этихъ банкетовъ усугублялось тѣмъ, что участіе въ нихъ приняли очень многіе члены земскаго совѣщанія, выступали съ рѣчами, по своему содержанію и духу совершенно не соотвѣтствовавшими настроенію земскаго совѣщанія, и участвовали въ резолюціяхъ, принимаемыхъ на банкетахъ.

Б. Б. Веселовскій, не сочувствовавшій направленію земскаго освободительнаго движенія, рисуетъ слѣдующую картину настроенія, господствовавшаго на происходившихъ банкетахъ: „Ноябрь и декабрь 1904 года, т.-е. время, непосредственно слѣдовавшее за „частнымъ совѣщаніемъ“ земцевъ, было временемъ шумныхъ банкетовъ, праздникомъ либеральной интеллигенціи. Демократическая интеллигенція, „третій элементъ“, расширила и углубила требованія земской оппозиціи, придала имъ большую опредѣленность и вынесла на улицу. На этихъ многочисленныхъ банкетахъ обывателю впервые приходилось подходить къ формулировкѣ политическихъ требованій и пріобрѣтать вкусъ къ участію въ общественной жизни. Земцы какъ бы стушевались за этимъ подъемомъ обывательскаго движенія, а дальнѣйшія событія и совсѣмъ переросли ихъ туманныя и скромныя пожеланія“ [2]). Къ этой картинѣ слѣдуетъ добавить, что на нѣкоторыхъ банкетахъ превозносились террористическіе акты послѣднихъ лѣтъ и лица, ихъ совершившія.

Агрессивное, воинствующее настроеніе, проявившееся на банкетахъ, вступало въ рѣзкое противорѣчіе съ стремленіемъ земскаго совѣщанія къ доброжелательному соглашенію съ властью, а участіе въ банкетахъ земскихъ дѣятелей, членовъ земскаго съѣзда, углубило разномысліе между большинствомъ и меньшинствомъ земскаго совѣщанія и придало этому разномыслію болѣе опредѣленные значеніе и смыслъ. Проявившееся во время совѣщанія разномысліе имѣло, казалось, характеръ скорѣе теоретическаго принципіальнаго спора о томъ, на основѣ

---

[1]) И. П. Бѣлоконскій. „Земское движеніе“ Москва, 1914 г., стр. 239.

[2]) „Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка“. Томъ I. Б. Веселовскій.—„Движеніе землевладѣльцевъ“, стр. 312.

какой преимущественно идеи, правовой или этико-соціальной, признается желательнымъ и возможнымъ создать въ государствѣ взаимодѣйствіе власти съ населеніемъ страны. Но при этомъ большинство совѣщанія въ полномъ согласіи съ меньшинствомъ признавало необходимымъ при преобразованіи нашей государственной жизни охранять авторитетъ государственной власти и осуществить предстоящую реформу мирнымъ путемъ. Между тѣмъ представители большинства, состоявшіе одновременно членами „Союза освобожденія“, явились одними изъ главныхъ иниціаторовъ и организаторовъ банкетовъ, на которыхъ заключеніямъ земскаго совѣщанія противополагались опредѣленныя требованія „въ формѣ гораздо болѣе яркой и рѣшительной“ и даже было выставлено „прямое требованіе учредительнаго собранія“, о которомъ не только не было и рѣчи на земскомъ совѣщаніи, а напротивъ, именно представители большинства старались въ своихъ рѣчахъ устранить возможность самой мысли объ учредительномъ собраніи.

Нельзя было также не принять во вниманіе, что участіе земскихъ представителей въ такого рода банкетахъ, состоявшихъ въ большинствѣ изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, какъ бы, переносило возникшее въ земской средѣ освободительное движеніе въ широкіе обывательскіе круги и тѣмъ лишало земскую среду возможности сохранить въ этомъ движеніи руководящую роль. Совершенно справедливо говоритъ Б. Веселовскій, что „земцы, какъ бы, ступевывались за подъемомъ обывательскаго движенія“, а въ то же время участіе земскихъ представителей свидѣтельствовало объ открытомъ ихъ выступленіи на путь политической борьбы съ властью. Такимъ образомъ, дѣйствіями представителей большинства земскаго совѣщанія опредѣлилась неизбѣжность раскола и раздѣленія земской среды. Одна часть земцевъ старалась сохранить и поддерживать прежнее направленіе земскаго освободительнаго движенія, признавая возможнымъ воздѣйствовать на правительственную власть лишь посредствомъ послѣдовательнаго и настойчиваго выясненія условій и нуждъ общественной жизни, и такимъ путемъ постепенно осуществить организацію взаимодѣйствія власти и общества на основѣ взаимнаго довѣрія. Этотъ путь, хотя, можетъ быть, и болѣе долгій, обезпечивалъ проведеніе реформъ безъ остраго потрясенія всей государственной

жизни страны и болѣе соотвѣтствовалъ высокимъ цѣлямъ и идеаламъ правды и добра, преслѣдуемымъ освободительнымъ движеніемъ. Другая часть земскихъ дѣятелей, видя главную задачу освободительнаго движенія въ требованіи правъ и въ обезпеченіи ихъ гарантіями, признала возможнымъ осуществить эти требованія лишь путемъ открытой борьбы съ властью, привлекая къ этой борьбѣ въ интересахъ ея успѣха широкіе круги населенія, не считаясь съ тѣми осложненіями въ жизни страны, которыя должны неизбѣжно явиться послѣдствіями такого рода тактики. Раздѣленіе земской среды, опредѣленно проявившееся вскорѣ послѣ окончанія ноябрьскаго земскаго совѣщанія, въ дальнѣйшемъ все болѣе усиливалось и исключало возможность согласованнаго образа дѣйствій земскихъ дѣятелей.

Происходившіе послѣ земскаго совѣщанія банкеты и, главнымъ образомъ, участіе на нихъ представителей этого совѣщанія открывали возможность усомниться въ искренности заявленій земскаго съѣзда, чѣмъ, конечно, не замедлили воспользоваться въ правящихъ кругахъ. Вліятельныя въ придворныхъ сферахъ лица были склонны оцѣнивать и выставлять проявившіяся на банкетахъ настроенія, какъ дѣйствительныя настроенія всей земской среды, лишь временно прикрывшіяся заявленіями земскаго совѣщанія. На этой почвѣ укрѣпилась сильная реакціонная оппозиція министру внутреннихъ дѣлъ, который предлагалъ Государю сдѣлать необходимые первые шаги для сближенія власти съ обществомъ, но, какъ извѣстно, предложенія министра вн. дѣлъ были отклонены. Вмѣсто того 12 декабря 1904 года были обнародованы высочайшій указъ и правительственное сообщеніе. Въ послѣднемъ изъ этихъ актовъ заключенія земскаго совѣщанія и стоящія въ связи съ ними постановленія городскихъ думъ и земскихъ собраній приравнивались къ требованіямъ, предъявленнымъ различными собраніями случайнаго характера, и разсматривались, какъ проявленіе смуты, направленной противъ существующаго порядка государственнаго управленія. Въ заключительной части сообщенія органы мѣстнаго самоуправленія, а равно всякаго рода учрежденія и общества призывались не выходить изъ предѣловъ вопросовъ, предоставленныхъ ихъ вѣдѣнію, а должностныя лица общественнаго управленія угрожались привлеченіемъ къ

законной отвѣтственности. Указъ Правительствующему Сенату признавалъ неотложнымъ рядъ мѣропріятій, которыя въ большинствѣ случаевъ совпадали съ указаніями, заключавшимися въ положеніяхъ (пп. 5—8), принятыхъ земскимъ совѣщаніемъ 6—8 ноября по вопросу объ измѣненіи условій нашей государственной жизни, но разработка намѣченныхъ въ указѣ мѣропріятій возлагалась попрежнему на бюрократическія учрежденія безъ привлеченія къ этой работѣ общественныхъ силъ.

Послѣ свиданія съ кн. П. Д. Святополкъ-Мирскимъ 28 ноября 1904 г., когда ему была передана записка, составленная кн. С. Н. Трубецкимъ, мнѣ пришлось вновь встрѣтиться съ кн. П. Д. только въ маѣ 1906 года. Въ это время я находился въ С.-Петербургѣ, какъ членъ государственнаго совѣта по избранію московскаго губернскаго земскаго собранія, и воспользовался случаемъ посѣтить кн. П. Д. Святополкъ-Мирскаго. Наша бесѣда сосредоточилась, главнымъ образомъ, на событіяхъ, послѣдовавшихъ послѣ земскаго совѣщанія 1904 года и вызвавшихъ въ то время отставку министра вн. дѣлъ. Кн. П. Д. сообщилъ мнѣ слѣдующія свѣдѣнія, краткую запись которыхъ я сдѣлалъ съ его согласія, во время его разсказа.

Кн. П. Д. 2-го декабря доложилъ Государю о происходившемъ земскомъ совѣщаніи, представилъ выработанныя совѣщаніемъ 11 положеній по вопросу объ условіяхъ нашей государственной жизни и, признавая справедливымъ пойти навстрѣчу общественнымъ пожеланіямъ, предложилъ ввести въ составъ государственнаго совѣта выборныхъ представителей отъ общественныхъ учрежденій. Признавая необходимость такой мѣры въ возможно близкомъ времени, въ видахъ успокоенія общественнаго мнѣнія и для сближенія правительства съ обществомъ, кн. П. Д. предупреждалъ, что въ этомъ онъ видитъ первый, необходимый въ настоящее время шагъ, но хорошо понимаетъ, что, вступивъ на этотъ путь, нужно будетъ постепенно итти далѣе въ развитіи взаимодѣйствія государственной власти съ выборными представителями населенія, и въ какую окончательную форму выльется народное представительство, предусмотрѣть трудно, но возможно, что черезъ 10—20 лѣтъ придется перейти, можетъ быть, къ конституціонному строю. Государь, повидимому, отнесся къ предложенію министра благопріятно и кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій, въ виду важности

вопроса, просилъ образовать для его обсужденія совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Е. И. В. Государь сказалъ, что онъ нѣсколько разъ пробовалъ организовывать такія совѣщанія, но они не давали никогда ожидаемыхъ отъ нихъ результатовъ. Кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій настаивалъ на созывѣ совѣщанія, ссылаясь на громадную отвѣтственность, лежащую на министрѣ вн. дѣлъ, и замѣтилъ, что неудача прежнихъ совѣщаній объясняется отчасти тѣмъ, что Государь слишкомъ скоро высказываетъ свое мнѣніе, послѣ чего многіе стѣсняются приводить свободно свои соображенія. Государь, изъявивъ согласіе на обсужденіе вопроса въ совѣщаніи, намѣтилъ слѣдующихъ лицъ: О. Б. Рихтера, гр. И. И. Воронцова-Дашкова, А. С. Ермолова, Н. В. Муравьева, гр. Д. М. Сольскаго, Э. В. Фриша и П. П. Гессе. Кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій спросилъ, не признаетъ ли Е. И. В. нужнымъ пригласить къ участію въ совѣщаніи К. П. Побѣдоносцева и С. Ю. Витте. Относительно перваго Государь сказалъ, что К. П. Побѣдоносцевъ будетъ говорить все то же, что онъ говоритъ постоянно и что всѣ знаютъ, а относительно второго отозвался, что С. Ю. Витте франкмасонъ и ничего опредѣленнаго не скажетъ. Кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій просилъ о приглашеніи С. Ю. Витте и Государь согласился. Возвратясь съ доклада, министръ вн. дѣлъ, вспомнивъ, что въ составъ совѣщанія не включенъ В. Н. Коковцевъ, по телефону просилъ П. П. Гессе доложить объ этомъ Е. И. В. и вскорѣ получилъ извѣстіе о согласіи Государя. 3-го декабря кн. П. Д. Святополкъ-Мирскимъ были разосланы всѣмъ намѣченнымъ лицамъ приглашенія на совѣщаніе, назначенное на слѣдующій день. Вечеромъ въ тотъ же день его посѣтилъ С. Ю. Витте и, говоря о предстоявшемъ совѣщаніи, не соглашался съ предположеніями министра вн. дѣлъ и находилъ, что если перемѣна въ государственномъ строѣ необходима, то лучше прямо перейти къ конституціи.

4-го числа, въ экстренномъ поѣздѣ, съ которымъ отправлялись въ Царское Село члены совѣщанія, неожиданно для кн. П. Д. Святополкъ-Мирскаго оказался К. Д. Побѣдоносцевъ, получившій отъ Государя записку: „Пріѣзжайте помочь разобраться въ хаосѣ“. На совѣщаніи присутствовалъ великій князь Михаилъ Александровичъ. По открытіи засѣданія большинство членовъ совѣщанія горячо выражали возмущеніе обществен-

нымъ движеніямъ; при этомъ не различали резолюцій земскаго совѣщанія отъ требованій, выставленныхъ во время банкетовъ и различными собраніями, и настаивали на опубликованіи правительственнаго сообщенія, которымъ осуждались бы всѣ проявленія общественнаго недовольства. Кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій возражалъ на эти нападки и указывалъ, что нельзя отождествлять голосъ представителей земскихъ учрежденій и земскихъ дѣятелей съ постановленіями, принимаемыми на разныхъ митингахъ и собраніяхъ случайнаго характера. Но, однако, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, осуществленіе своего предположенія о включеніи въ составъ государственнаго совѣта представителей мѣстныхъ самоуправленій, министръ вн. дѣлъ соглашался на опубликованія правительственнаго сообщенія, предполагая, что оно дастъ нѣкоторое удовлетвореніе представителямъ реакціи, и разсчитывая, что общество отнесется къ такому сообщенію безразлично, разъ одновременно будетъ положено начало призыву государственной властью къ законодательной дѣятельности общественныхъ представителей.

Перейдя къ обсужденію записки министра вн. дѣлъ, въ которой, кромѣ приглашенія въ государственный совѣтъ общественныхъ представителей, говорилось о необходимости мѣропріятій, включенныхъ впослѣдствіи въ указъ 12-го декабря, вниманіе совѣщанія сосредоточилось на основномъ предложеніи записки. Съ рѣзкими возраженіями выступилъ К. П. Побѣдоносцевъ, который указывалъ, что самодержавіе имѣетъ не только политическое значеніе, но религіозный характеръ, и что Государь не въ правѣ ограничивать свою власть, возложенную на него Божественнымъ промысломъ. В. Н. Коковцевъ высказывался противъ предоставленія общественнымъ представителямъ права контроля надъ дѣйствіями правительства и противъ вмѣшательства ихъ въ распоряженіе финансовыми средствами государства и говорилъ, что уступка общественнымъ требованіямъ въ настоящее время грозитъ въ дальнѣйшемъ полнымъ ограниченіемъ царской власти. С. Ю. Витте возражалъ В. Н. Коковцеву на его опасенія относительно предоставленія общественнымъ представителямъ участія въ направленіи финансовой политики, но по существу вопроса не высказывался опредѣленно; онъ „вилялъ“, какъ выразился кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій, и нельзя было понять его отношеніе къ

существу обсуждавшагося предложенія. Опредѣленную и сильную поддержку своему предложенію кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій встрѣтилъ со стороны гр. Д. М. Сольскаго и Э. В. Фриша. Они признавали необходимымъ итти по пути сближенія государственной власти съ обществомъ и не видѣли въ этомъ опасности для принципа самодержавія. Но они оба находили болѣе цѣлесообразнымъ не вводить въ составъ государственнаго совѣта представителей общественныхъ учрежденій, а составить особый совѣтъ изъ выборныхъ лицъ, въ качествѣ первой инстанціи, при чемъ, по мнѣнію гр. Д. М. Сольскаго, эти лица должны были бы явиться избранниками населенія, а не общественныхъ учрежденій. Мнѣніе этихъ двухъ членовъ совѣщанія встрѣтило сочувствіе Государя и онъ согласился съ ними, признавъ, однако, что въ составъ предлагаемаго ими особаго совѣта должны войти представители по выбору мѣстныхъ общественныхъ учрежденій.

С. Ю. Витте, ссылаясь на то, что обсуждаемый вопросъ относится къ компетенціи совѣта министровъ, а дѣлопроизводство этого совѣта состоитъ при комитетѣ министровъ, предложилъ составленіе редакціи указа по данному вопросу поручить ему, какъ предсѣдателю комитета министровъ, и барону Э. Ю. Нольде, какъ управляющему его дѣлами. Кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій, не возражая противъ предложенія С. Ю. Витте, просилъ сохранить и за нимъ право представить съ своей стороны проектъ редакціи указа, на что Государь соизволилъ.

Въ слѣдующемъ засѣданіи, состоявшемся 7-го декабря, кромѣ присутствовавшихъ въ первомъ засѣданіи, приняли участіе великіе князья: Владиміръ, Алексѣй и Сергѣй Александровичи. Въ этомъ засѣданіи съ возраженіями по существу выступили в. кн. С. А. и Н. В. Муравьевъ, при чемъ послѣдній проводилъ мысль, что на основаніи дѣйствующихъ основныхъ законовъ Имперіи Государь не въ правѣ измѣнять существующій государственный строй. Кн. П. Д. Святополкъ-Мирскому нетрудно было опровергнуть мотивировку министра юстиціи. Сдѣланныя въ этомъ засѣданіи возраженія не поколебали рѣшеніе Государя, который, одобривъ проектъ указа въ редакціи, представленной министромъ вн. дѣлъ, поручилъ ему внести нѣкоторыя исправленія, согласно послѣдовавшимъ въ совѣщаніи указаніямъ, и представить затѣмъ указъ для подписи.

Указъ въ исправленной редакціи былъ представленъ Государю 8-го декабря утромъ и кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій считалъ вопросъ, получившимъ уже окончательное разрѣшеніе.

Послѣ этого прошло четыре дня, въ теченіе которыхъ министръ вн. дѣлъ ожидалъ возвращенія указа, подписаннаго Государемъ, но 11-го декабря, вечеромъ получилъ письмо С. Ю. Витте, извѣщавшаго, что онъ въ этотъ день былъ вызванъ въ Царское Село и что Государь исключилъ изъ указа ту его часть, въ которой говорилось о привлеченіи къ законодательной дѣятельности выборныхъ представителей общественныхъ учрежденій. Затѣмъ С. Ю. Витте посѣтилъ кн. П. Д. Святополкъ-Мирскаго лично и такъ объяснилъ послѣдовавшее измѣненіе указа. Государь говорилъ, что его смущаетъ редакція этой части указа, и спросилъ С. Ю. Витте, какъ онъ относится вообще къ этому предположенію, на что С. Ю. отвѣчалъ, что онъ не относится къ нему отрицательно, но и не ожидаетъ отъ его осуществленія положительныхъ результатовъ. Тогда Государь зачеркнулъ эту часть указа и поручилъ переписать указъ за этимъ исключеніемъ. Н. В. Муравьевъ передавалъ впослѣдствіи кн. П. Д. Святополкъ-Мирскому, со словъ вел. кн. С. А., будто, Государь измѣнилъ указъ по настоянію С. Ю. Витте.

12-го декабря были опубликованы высочайшій указъ и правительственное сообщеніе и въ тотъ же день кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій подалъ прошеніе объ отставкѣ.

ГЛАВА IX.

Высочайшій указъ и рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ 18-го февраля 1905 года. Устраненіе представителей общественныхъ учрежденій отъ участія въ совѣщаніи, организованномъ подъ предсѣдательствомъ А. Г. Булыгина. Составленіе проекта организаціи народнаго представительства, согласно основной идеѣ мнѣнія меньшинства совѣщанія земскихъ дѣятелей 6—8-го ноября 1904 года. Земскій съѣздъ 22—26-го апрѣля 1905 года. Совѣщаніе земскихъ дѣятелей, принадлежавшихъ къ меньшинству земскаго съѣзда, 22—23-го мая 1905 года. Общій земскій съѣздъ 24—25-го мая 1905 года. Поѣздка моя на Дальній Востокъ. Манифестъ 6-го августа 1905 года. Манифестъ 17-го октября 1905 года.

Указъ и правительственное сообщеніе 12-го декабря 1904 г. и послѣдовавшее за ними удаленіе съ поста министра вн. дѣлъ кн. П. Д. Святополкъ-Мирскаго явились новымъ подтвержденіемъ тому, что государственная власть не придаетъ никакого значенія голосу представителей общественной среды, не принимаетъ во вниманіе роста общественнаго сознанія и быстро нарастающаго въ слояхъ всего населенія недовольства политикой власти и совершенно не понимаетъ истинныхъ причинъ все болѣе и болѣе обостряющагося общественнаго движенія. Государь и его правительство, какъ-будто, не сознавали, что политика государственной власти играетъ въ руку самыхъ оппозиціонныхъ элементовъ, съ убѣдительностью подтверждая мнѣніе послѣднихъ, что никакое доброжелательное соглашеніе съ властью не можетъ имѣть мѣсто и что осуществленіе справедливыхъ общественныхъ требованій возможно лишь путемъ политической борьбы и ниспроверженія государственнаго строя. И, дѣйствительно, событія ближайшаго времени показали, что тотъ шагъ, который государственная власть не сочла возможнымъ и нужнымъ сдѣлать въ отвѣтъ на откровенное и вполнѣ лойяльное заявленіе совѣщанія земскихъ дѣятелей, она была вынуждена на него рѣшиться подъ вліяніемъ революціоннаго движенія. 9-го января 1905 года произошло выступленіе рабо-

чихъ въ С.-Петербургѣ, сопровождавшееся большимъ кровопролитіемъ, а 5-го февраля въ Москвѣ былъ убитъ великій князь Сергѣй Александровичъ, и вслѣдъ за тѣмъ, 18-го февраля, были опубликованы—указъ сенату и рескриптъ на имя министра вн. дѣлъ, А. Г. Булыгина, которыми полагалось начало привлеченію избранниковъ населенія къ участію въ законодательной дѣятельности.

Акты, обнародованные 18-го февраля, явились полной противоположностью актамъ, опубликованнымъ 12-го декабря. Правительственное сообщеніе 12-го декабря говорило о пожеланіяхъ, выраженныхъ ноябрьскимъ земскимъ совѣщаніемъ, которыя, „вопреки требованіямъ закона, разсматривались въ засѣданіяхъ нѣкоторыхъ городскихъ думъ и земскихъ собраній“ и сдѣлались предметомъ обсужденія различныхъ общественныхъ собраній. Усматривая въ этомъ „движеніе противъ существующаго порядка управленія“, сообщеніе объявляло, что „всякія сборища противоправительственнаго характера должны быть и будутъ прекращены всѣми имѣющимися въ распоряженіи властей законными средствами, а виновные въ сихъ нарушеніяхъ, особенно же лица, состоящія на государственной службѣ, будутъ привлекаемы къ законной отвѣтственности. Земскія и городскія управленія и всякаго рода учрежденія и общества обязаны не выходить изъ предѣловъ, предоставленныхъ ихъ вѣдѣнію, и не касаться тѣхъ вопросовъ, на обсужденіе которыхъ они не имѣютъ законнаго полномочія; предсѣдатели же общественныхъ собраній, за допущеніе въ нихъ обсужденія не относящихся къ ихъ вѣдѣнію вопросовъ общегосударственнаго свойства, подлежатъ отвѣтственности на основаніи дѣйствующихъ законовъ“. Въ указѣ 18-го февраля проявилось совсѣмъ иное отношеніе къ обсужденію общегосударственныхъ вопросовъ въ общественныхъ собраніяхъ; текстъ указа былъ слѣдующій: „Въ неустанномъ попеченіи объ усовершенствованіи государственнаго благоустройства и улучшеніи народнаго благосостоянія Имперіи признали Мы за благо облегчить всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, радѣющимъ объ общей пользѣ и нуждахъ государственныхъ, возможность непосредственно быть Нами услышанными. Въ виду сего повелѣваемъ возложить на состоящій подъ предсѣдательствомъ Нашимъ совѣтъ министровъ, сверхъ дѣлъ, ему нынѣ подвѣдомственныхъ, разсмотрѣніе и обсужденіе поступающихъ на имя

Наше отъ частныхъ лицъ и учрежденій видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія". А въ рескриптѣ министру вн. дѣлъ поручалось—„передать привѣтственно обращавшимся ко Мнѣ собраніямъ и обществамъ Нашу благодарность за выраженныя ими вѣрноподданническія чувства, которыя въ трудное переживаемое нами время были намъ тѣмъ болѣе отрадны, что высказанная въ этихъ обращеніяхъ готовность, по слову Моему, притти содѣйствовать успѣшному осуществленію возвѣщенныхъ Мною преобразованій всецѣло отвѣчаетъ душевному Моему желанію совмѣстной работой правительства и зрѣлыхъ силъ общественныхъ достигнуть осуществленія Моихъ предначертаній, къ благу народа направленныхъ".

Изъ сопоставленія этихъ актовъ легко усмотрѣть, что то, что осуждалось 12-го декабря и за что сулились строгія кары, 18 февраля признавалось вполнѣ правомѣрнымъ и удостоивалось высочайшей благодарности. Это противорѣчіе невольно вызывало сомнѣніе въ искренности заявленій, заключавшихся въ послѣднихъ актахъ, но въ то же время, казалось вѣроятнымъ, что подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ соображеній государственная власть, вставъ разъ на новый путь въ своихъ отношеніяхъ къ обществу, пойдетъ въ дальнѣйшемъ открыто и прямодушно къ осуществленію реформы, признанной ею необходимой. Такъ поняло высочайшую волю московское губернское земское собраніе.

Очередная сессія собранія была созвана 13-го декабря 1904 года и въ этотъ день былъ принятъ собраніемъ текстъ адреса Его Императорскому Величеству, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „Мы твердо вѣримъ, Государь, что близокъ тотъ счастливый день, когда по волѣ Вашего Величества будетъ отмѣненъ существующій бюрократическій строй, разобщающій Верховную Власть съ народомъ, когда Царь призоветъ свободно избранныхъ представителей всей земли русской къ участію въ законодательствѣ". На слѣдующій день гласные собрались, удрученные впечатлѣніемъ отъ напечатаннаго въ этотъ день въ московскихъ газетахъ правительственнаго сообщенія отъ 12-го декабря. 45-ю гласными предсѣдателю собранія было подано слѣдующее заявленіе: „Мы, нижеподписавшіеся, имѣемъ честь просить васъ сдѣлать на нѣкоторое время перерывъ въ занятіяхъ собранія, такъ какъ мы, глубоко взволнованные сего-

дняшнимъ правительственнымъ сообщеніемъ, не находимъ въ себѣ должнаго спокойствія для продолженія своихъ занятій". По единогласному постановленію собранія очередная сессія была прервана и возобновилась 12-го февраля. 19-го февраля, когда въ Москвѣ сдѣлались извѣстными указъ сенату и рескриптъ на имя А. Г. Булыгина, губернскіе гласные поспѣшили до начала засѣданія земскаго собранія собраться въ частномъ совѣщаніи для обсужденія вопроса, какъ можетъ и должно губернское собраніе реагировать на обнародованные акты, столь важнаго значенія. Гласные были склонны забыть тяжелое впечатлѣніе и чувство обиды, навѣянныя на нихъ правительственнымъ сообщеніемъ 12-го декабря 1904 года, и были готовы съ чувствомъ удовлетворенія и съ полнымъ довѣріемъ отнестись къ возвѣщенной реформѣ, полагающей основу для созданія необходимаго взаимодѣйствія государственной власти съ населеніемъ. Совѣщаніе признало желательнымъ предложить земскому собранію отправить телеграмму Государю Императору и одобрило предложенный мной текстъ телеграммы. По открытіи засѣданія собраніе приняло большинствомъ противъ 11 голосовъ проектъ телеграммы—адреса въ слѣдующей редакціи: „Животворною вѣстью пронеслась сегодня по всей Россіи выраженная Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ рескриптѣ на имя министра внутреннихъ дѣлъ воля Ваша, Государь, привлечь достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облегченныхъ избранныхъ отъ населенія людей, къ участію въ законодательной работѣ. Московское губернское земское собраніе спѣшитъ въ этотъ знаменательный для нашего отечества день высказать Вашему Императорскому Величеству одушевляющія московское земство чувства благодарности и радости, вызванныя указаніемъ Вашимъ, Государь, что выраженная людьми земли русской готовность по зову Вашему притти содѣйствовать успѣшному осуществленію возвѣщенныхъ Вами преобразованій всецѣло отвѣчаетъ душевному желанію Вашего Величества. Московское губернское земское собраніе проникнуто сознаніемъ, что призывъ Вами, Государь, свободно избранныхъ представителей народа укрѣпитъ единеніе Верховной Власти съ землею, обезпечитъ плодотворность законодательной работы, внесетъ успокоеніе во внутреннюю жизнь нашу и возстановитъ въ странѣ прочный порядокъ и правильное теченіе общественной и государственной жизни".

Въ томъ же засѣданіи собраніе постановило избрать комиссію изъ 10 лицъ, поручивъ ей, совмѣстно съ губернской управой, составить и внести на обсужденіе губернскаго земскаго собранія проектъ предположеній по вопросу объ усовершенствованіи государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія, для представленія его въ совѣтъ министровъ, согласно высочайшему указу. При этомъ было высказано пожеланіе произвести выборы комиссіи безотлагательно съ тѣмъ, чтобы комиссія и управа въ возможно скоромъ времени представили свои соображенія по вопросу о привлеченіи представителей общественныхъ учрежденій въ образуемое подъ предсѣдательствомъ министра вн. дѣлъ совѣщаніе. Однако, вслѣдствіе противодѣйствія выраженному пожеланію предсѣдательствовавшаго въ собраніи звенигородскаго уѣзднаго предводителя дворянства, гр. П. С. Шереметева, избраніе комиссіи состоялось послѣ перерыва сессіи 22-го февраля, только по ея возобновленіи, 7-го марта. Въ этотъ же день, вечеромъ, комиссія и управа обсудили поставленный имъ на первую очередь вопросъ и 8-го марта представили собранію докладъ, въ которомъ былъ намѣченъ порядокъ избранія общественныхъ представителей. Собраніе большинствомъ противъ 11 голосовъ одобрило предположеніе комиссіи и управы и признало нужнымъ представить изложенныя въ докладѣ соображенія министру вн. дѣлъ черезъ особо избранную депутацію. 9-го марта депутація была избрана собраніемъ въ составѣ: кн. П. Д. Долгорукова, Н. Ѳ. Рихтера, Д. Н. Шипова и Н. Н. Щепкина, и 10-го выѣхала въ С.-Петербургъ одновременно съ городской депутаціей, на которую было возложено порученіе представить министру вн. дѣлъ аналогичное ходатайство, согласно постановленію московской городской думы, состоявшемуся 4-го марта.

Земская депутація поспѣшила выѣхать одновременно съ городской, такъ какъ пріемъ послѣдней, вслѣдствіе телеграфныхъ сношеній городского головы съ министромъ, былъ назначенъ на 11-е марта въ 11 ч. 30 м. дня. О выѣздѣ земской депутаціи министръ былъ предупрежденъ телеграммой московскаго губернатора. Дежурный чиновникъ, доложившій министру о прибытіи земской депутаціи, сообщилъ намъ, что министръ не имѣетъ въ этотъ день времени принять земскую депутацію и предлагаетъ ей явиться на слѣдующій день во время обыч-

наго общаго пріема. Обѣ депутаціи просили чиновника доложить министру, что онѣ просятъ принять ихъ одновременно и что пріемъ земской депутаціи лишняго времени не потребуетъ; но министръ не пожелалъ измѣнить свое рѣшеніе и городская депутація была одна приглашена въ кабинетъ министра. Принимая во вниманіе: 1) что 12-го марта должно было происходить послѣднее засѣданіе губернскаго земскаго собранія, на которомъ депутація должна была сообщить о результатахъ своей поѣздки, о чемъ чиновникомъ было доложено министру, 2) что на слѣдующій день, во время общаго пріема, депутація не могла имѣть возможность представить министру обстоятельныя объясненія и 3) что пріемъ министромъ земской депутаціи одновременно съ городской не могъ представить какихъ-либо затрудненій, члены земской депутаціи рѣшили въ тотъ же день выѣхать обратно въ Москву, извѣстивъ о томъ министра письменно и препроводивъ ему постановленіе губернскаго земскаго собранія.

Я привелъ свѣдѣнія о неудачной поѣздкѣ земской депутаціи, такъ какъ образъ дѣйствій министра вн. дѣлъ по отношенію къ депутаціи московскаго губернскаго земства явился первымъ послѣ опубликованія рескрипта на имя А. Г. Булыгина актомъ, подрывавшимъ довѣріе къ искренной готовности представителей бюрократіи измѣнить свое отношеніе къ общественнымъ учрежденіямъ и вступить на путь дѣйствительнаго сближенія правительства съ обществомъ. Послѣдовавшій вскорѣ циркуляръ министра вн. дѣлъ губернаторамъ, имѣвшій цѣлью разъяснить и преподать указанія, въ какихъ предѣлахъ и въ какомъ составѣ собраній разрѣшается обсужденіе упомянутыхъ въ указѣ 18-го февраля вопросовъ объ усовершенствованіи государственнаго благоустройства и улучшеніи народнаго благосостоянія, былъ составленъ въ очень неопредѣленныхъ и туманныхъ выраженіяхъ, но по общему своему тону циркуляръ, несомнѣнно, призывалъ мѣстную администрацію къ стѣсненію свободнаго проявленія общественнаго мнѣнія и на этой почвѣ создалось не мало конфликтовъ. Въ то же время всѣ многочисленныя ходатайства земствъ и городовъ о привлеченіи ихъ представителей въ составъ Булыгинскаго совѣщанія оставлялись не только безъ удовлетворенія, но даже безъ какихъ-либо отзывовъ, и разработка вопроса, имѣвшаго цѣлью организовать тѣсное единеніе власти съ населеніемъ производилась обыч-

нымъ бюрократическимъ порядкомъ безъ участія въ ней общественныхъ силъ.

Однако, уклоненіе правительства отъ сотрудничества общественныхъ элементовъ не могло ослабить интересъ общества къ поставленному Верховной властью на очередь вопросу объ организаціи народнаго представительства, а, напротивъ, такой образъ дѣйствія правительства вызывалъ и усиливалъ въ обществѣ недовѣріе къ келейной работѣ вновь учрежденнаго бюрократическаго совѣщанія и пробуждалъ въ разнообразныхъ общественныхъ кругахъ настойчивое желаніе высказать и проявить свое отношеніе къ данному вопросу. Не могла, конечно, отнестись безучастно къ этому вопросу земская среда, и организаціонное бюро земскихъ съѣздовъ, постановивъ созвать 22 апрѣля въ Москвѣ земское совѣщаніе, приступило къ составленію доклада о желательныхъ основаніяхъ народнаго представительства и о порядкѣ введенія въ жизнь представительныхъ учрежденій. При обсужденіи этого вопроса въ организаціонномъ бюро не замедлила обнаружиться невозможность сохраненія того единенія земскихъ людей, поддержать которое такъ единодушно стремилось ноябрьское земское совѣщаніе 1904 года. Прежнее единеніе земской среды, какъ выяснилось съ очевидностью, создалось не на основѣ общности пониманія предстоявшихъ странѣ положительныхъ творческихъ задачъ, а лишь на почвѣ отрицательнаго отношенія къ бюрократическому строю. Разномыслiе, проявившееся въ земскомъ совѣщаніи въ ноябрѣ 1904 года и имѣвшее въ то время преимущественно принципіальный, теоретическій характеръ, при обсужденіи вопроса объ организаціи народнаго представительства переходило на практическую почву и приводило представителей двухъ мнѣній къ совершенно различнымъ заключеніямъ объ основаніяхъ и системѣ избранія народныхъ представителей. Это условіе побудило меня выйти изъ состава организаціоннаго бюро и приступить къ составленію проекта организаціи народнаго представительства въ согласіи съ основной идеей меньшинства ноябрьскаго совѣщанія земскихъ дѣятелей.

Я желалъ привлечь къ этой работѣ нѣкоторыхъ членовъ земскаго совѣщанія, вотировавшихъ за мнѣніе его меньшинства, но, къ сожалѣнію, изъ числа этихъ лицъ въ Москвѣ находился въ это время только одинъ Н. А. Хомяковъ, и мы, по взаим-

ному соглашенію, пригласили принять участіе въ обсужденіи вопроса нѣкоторыхъ лицъ, хотя и не входившихъ въ составъ земскаго совѣщанія, но съ нами единомышленныхъ. Н. А. Хомяковъ и я особенно стремились привлечь съ этой цѣлью Ѳ. Д. Самарина, но наше обращеніе къ нему потерпѣло неудачу. Ѳ. Д. Самаринъ продолжалъ относиться отрицательно [1]) къ самой мысли о созданіи народнаго представительства, какъ постоянно дѣйствующаго учрежденія, и признавалъ, что участіе выборныхъ людей въ законодательной работѣ можетъ быть основано только на принципѣ государственной службы, а система избранія ихъ должна быть поставлена въ связь съ существующей въ государствѣ сословной группировкой населенія. Участіе въ обсужденіи вопроса объ организаціи народнаго представительства вмѣстѣ съ Н. А. Хомяковымъ и мной приняли: московскій губернскій предводитель дворянства, кн. П. Н. Трубецкой, московскій городской голова, кн. В. М. Голицынъ, М. А. Стаховичъ, В. И. Герье, кн. Г. Г. Гагаринъ, О. П. Герасимовъ и А. Д. Алферовъ. Заключенія, на которыхъ остановилась указанная группа лицъ, были изложены въ особой брошюрѣ [2]), въ составленіи которой, кромѣ меня, принялъ ближайшее участіе О. П. Герасимовъ. При составленіи проекта организаціи народнаго представительства я руководился изложенными ниже соображеніями, съ большею частью которыхъ были согласны всѣ принимавшіе участіе въ обсужденіи вопроса лица, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ я считалъ возможнымъ поступиться своими предположеніями, чтобы притти къ общему соглашенію.

Если въ основу государственнаго строя полагается идея правовая, т.-е., главнымъ образомъ, обезпеченіе личныхъ правъ и интересовъ всѣхъ гражданъ, и если источникъ государственной власти усматривается въ суверенномъ правѣ всего населенія государства, то организація избранія народныхъ представителей должна явиться выраженіемъ принципа народовластія и въ основу избирательной системы логически слѣдуетъ признать правильнымъ положить формулу всеобщей, прямой, рав-

---

[1]) См. главу V, стр. 152—4.

[2]) „Къ мнѣнію меньшинства частнаго совѣщанія земскихъ дѣятелей 6—8-го ноября 1904 года". Москва, 1905 г.

ной и тайной подачи голосовъ. Но выше, въ главѣ V-й, я высказалъ уже мое отрицательное отношеніе къ идеѣ народовластія по соображеніямъ принципіальнаго характера и эта идея не могла служить мнѣ базисомъ для проектированія порядка избранія народныхъ представителей. „Коренная ошибка ученія о полновластіи народа,—говоритъ Б. Н. Чичеринъ,—заключается въ томъ, что оно личную свободу, личную волю человѣка полагаетъ въ основу всего общественнаго зданія"... „Но человѣкъ не только существо свободное; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ существо разумно-нравственное"... „Свобода человѣческая есть свобода разумно-нравственнаго существа. Человѣкъ имѣетъ права, потому что имѣетъ обязанности"... „Человѣкъ вступаетъ въ общество не только для удовлетворенія своихъ потребностей, но и по нравственно-разумной необходимости. Онъ является на свѣтъ не только существомъ свободнымъ, но и съ прирожденными обязанностями"... „онъ обязанъ служить государственной цѣли—общему благу"... „необходимое условіе государственной жизни состоитъ въ подчиненіи личной воли другимъ высшимъ началамъ" [1]). Всецѣло раздѣляя приведенныя мысли, я видѣлъ и вижу въ народномъ представительствѣ лишь необходимое условіе для созданія и сохраненія всегда живого общенія и тѣснаго единенія государственной власти съ населеніемъ и придерживаюсь убѣжденія, что народное представительство по составу своему должно являться не представительствомъ случайно сложившагося во время выборовъ большинства избирателей, а должно служить выраженіемъ дѣйствительнаго направленія и силы народнаго духа и общественнаго сознанія, опираясь на которые, власть только и можетъ получить необходимый ей нравственный авторитетъ, а велѣнія ея будутъ встрѣчать живой и сочувственный откликъ въ населеніи государства. Чтобы народное представительство соотвѣтствовало указанному назначенію, необходимо привлечь въ составъ его наиболѣе зрѣлыя силы народа, которыя видѣли бы въ предстоящей имъ дѣятельности не осуществленіе идеи народовластія, а выполненіе возлагаемыхъ на нихъ отвѣтственныхъ обязанностей въ устроеніи и развитіи, въ сотрудничествѣ съ верховной властью, госу-

[1]) Б. Чичеринъ. „О народномъ представительствѣ". Москва, 1899 г., стр. 41—45.

дарственной жизни въ цѣляхъ обезпеченія всѣмъ гражданамъ достойнаго человѣческаго существованія и установленія въ странѣ условій, благопріятствующихъ не только матеріальной, но и духовной жизни людей,—условій, содѣйствующихъ какъ политическому, такъ и моральному воспитанію народа.

Въ современномъ конституціонномъ государствѣ предполагается, что каждый гражданинъ способенъ судить о всѣхъ вопросахъ, которые приходится разрѣшать народному представительству. Едва ли, однако, можно признать такое предположеніе справедливымъ. Для обсужденія и правильнаго разрѣшенія весьма сложныхъ вопросовъ государственной жизни необходимо, чтобы лица, входящія въ составъ народнаго представительства, были достаточно къ тому подготовлены, обладали жизненнымъ опытомъ и установившимся опредѣленнымъ міросозерцаніемъ. Чѣмъ менѣе просвѣщенъ человѣкъ умственно и духовно, тѣмъ съ бо́льшей самоувѣренностью и легкомысліемъ готовъ онъ разрѣшать самыя сложныя проблемы жизни; чѣмъ бо́льшимъ развитіемъ ума и духа обладаетъ человѣкъ, тѣмъ осторожнѣе и осмотрительнѣе относится онъ къ вопросамъ устроенія жизни личной и общественной. Чѣмъ менѣе свѣдущъ и опытенъ человѣкъ въ жизни и въ дѣлѣ государственномъ, тѣмъ болѣе онъ склоненъ къ воспріятію самыхъ крайнихъ политическихъ и соціальныхъ увлеченій; чѣмъ болѣе человѣкъ имѣетъ свѣдѣній и жизненнаго опыта, тѣмъ бо́лѣе сознаетъ онъ неосуществимость крайнихъ ученій.

Народное представительство должно вносить въ государственную жизнь непосредственное знаніе мѣстныхъ и общихъ потребностей, назрѣвающихъ въ странѣ. Населеніе получаетъ удовлетвореніе своихъ потребностей, какъ при посредствѣ общихъ гесударственныхъ учрежденій, такъ и при посредствѣ органовъ мѣстнаго самоуправленія, и поэтому участіе въ общественныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ и усвоеніе навыковъ въ дѣлахъ мѣстнаго самоуправленія являются лучшей школой для подготовки людей къ государственному народному представительству. Предоставленіе избранія народныхъ представителей земскимъ и городскимъ общественнымъ учрежденіямъ обезпечиваетъ, съ одной стороны то, что выборы эти будутъ произведены людьми, близко знакомыми съ потребностями мѣстной жизни и привыкшими къ общественной са-

модѣятельности, а, съ другой—то, что лица, избираемыя народными представителями, будутъ хорошо знакомы избирателямъ, которые имѣютъ возможность остановить свой выборъ на людяхъ, способности и достоинства которыхъ имъ хорошо извѣстны. При всеобщихъ и прямыхъ выборахъ личность избираемыхъ кондидатовъ остается для подавляющаго числа избирателей неизвѣстной и избиратели поставлены предъ необходимостью подавать свой голосъ за программы и кандидатовъ, выставляемыхъ борющимися между собой политическими партіями, при чемъ значительное большинство избирателей не въ состояніи разобраться въ политическихъ программахъ и вотумъ ихъ обусловливается, главнымъ образомъ, партійными лозунгами, возбуждающими и поощряющими эгоистическіе и классовые инстинкты и интересы. Избраніе народныхъ представителей органами общественнаго самоуправленія обезпечиваетъ правильный отборъ дѣйствительно лучшихъ и болѣе зрѣлыхъ силъ общества для цѣлесообразнаго направленія государственной жизни страны и исключаетъ или значительно сокращаетъ элементъ политической борьбы, въ которую при всеобщемъ голосованіи неизбѣжно вовлекается все населеніе страны.

Земскія и городскія общественныя учрежденія своею многолѣтнею дѣятельностью засвидѣтельствовали свою жизненность. Сосредоточивая свою работу преимущественно на заботахъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, они въ то же время всегда стояли на высотѣ пониманія государственныхъ задачъ и воспитали въ себѣ глубокое сознаніе долга общественнаго и государственнаго служенія. Предоставленіе самоуправленія всѣмъ мѣстностямъ Россійской Имперіи является, несомнѣнно, потребностью неотложной. Настолько же необходимымъ слѣдуетъ признать расширеніе компетенціи учрежденій мѣстнаго самоуправленія, что откроетъ возможность проведенія въ жизнь необходимой децентрализаціи государственнаго управленія. Но недостаточно расширить компетенцію земскихъ учрежденій и ввести ихъ повсемѣстно; необходимо приблизить ихъ къ населенію. Только при образованіи мелкихъ земскихъ единицъ земскія учрежденія станутъ учрежденіями народными и сельское населеніе получитъ возможность принимать активное участіе въ ихъ дѣятельности. Только при такой организаціи земскихъ учрежденій они пріобрѣтутъ вполнѣ демократическій характеръ,

явятся вполнѣ компетентными для выбора народныхъ представителей, призываемыхъ къ участію въ государственной работѣ въ центральномъ учрежденіи, и нашъ земско-государственный строй явится органически цѣльнымъ, представляя въ себѣ постепенное развитіе идеи служенія общему благу, начиная съ мелкихъ земскихъ единицъ и до государственнаго народнаго представительства.

Одновременно съ приближеніемъ земскихъ учрежденій къ сельскому населенію нельзя не признать настолько же необходимой реорганизацію вообще представительства населенія въ этихъ учрежденіяхъ, какъ для удовлетворенія требованій общественной справедливости, такъ и въ цѣляхъ привлеченія къ участію въ земскомъ дѣлѣ новыхъ силъ. Къ числу послѣднихъ должны быть отнесены: члены церковныхъ причтовъ, арендаторы и управляющіе имѣніями и промышленными заведеніями, состоящіе на государственной, общественной и частной службѣ и вообще всѣ лица, проживающія въ данной мѣстности при опредѣленныхъ занятіяхъ и занимающія квартиру не ниже извѣстной стоимости. Право представительства въ учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправленія должно быть предоставлено всѣмъ привлеченнымъ къ уплатѣ мѣстныхъ общественныхъ сборовъ, при чемъ къ платежу этихъ сборовъ, въ видѣ квартирнаго налога, слѣдуетъ привлечь всѣхъ лицъ, имѣющихъ опредѣленныя занятія и проживающихъ въ данной мѣстности въ теченіе извѣстнаго срока, предоставляющаго имъ возможность ознакомиться съ населеніемъ и освоиться съ условіями мѣстной жизни. Группировка избирателей для выбора гласныхъ въ основныя мелкія земскія и городскія единицы не должна быть организована на основѣ представительства какихъ-либо сословныхъ, классовыхъ или имущественныхъ интересовъ и въ общественномъ дѣлѣ наиболѣе соотвѣтствующей идеѣ общественнаго служенія нужно признать территоріальную систему организаціи избирательныхъ собраній, при которой всѣ лица, пользующіяся избирательнымъ правомъ и проживающія въ границахъ опредѣленной территоріи, выбираютъ, сообща, своихъ представителей въ мелкія общественныя учрежденія въ одномъ общемъ избирательномъ собраніи.

Уѣздныя земскія собранія должны состоять изъ уѣздныхъ гласныхъ, избираемыхъ собраніями мелкихъ земскихъ единицъ,

и городами, входящими въ составъ уѣздныхъ земствъ, а губернскія—изъ гласныхъ, избираемыхъ уѣздными собраніями и городами, не входящими въ составъ уѣздныхъ земствъ. Принимая во вниманіе, что при такой организаціи земскаго представительства нѣкоторыя лица, участіе которыхъ въ уѣздныхъ или губернскихъ собраніяхъ можетъ быть весьма желательнымъ и полезнымъ, могутъ оказаться не вошедшими въ ихъ составъ по случайнымъ причинамъ, какъ-то, напримѣръ: неблагопріятно сложившіяся личныя или хозяйственныя отношенія даннаго лица къ мѣстному населенію, наличность достойныхъ кандидатовъ, превышающая число гласныхъ, которые могутъ быть избраны отъ данныхъ мелкой земской единицы или уѣзднаго собранія, и т. п.,—представляется цѣлесообразнымъ предоставить уѣзднымъ и губернскимъ собраніямъ право пополнять свой составъ путемъ кооптаціи. Если собраніе пожелаетъ воспользоваться этимъ правомъ, то оно можетъ пополнить свой составъ путемъ производства соотвѣтствующихъ выборовъ, при чемъ, однако, число кооптированныхъ собраніемъ лицъ не должно превышать $^1/_5$ всего состава собранія. Избраніе народныхъ представителей должно происходить въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ и въ думахъ городовъ съ населеніемъ не менѣе установленной нормы.

Относясь отрицательно къ группировкѣ избирателей по интересамъ, нельзя въ то же время не принять во вниманіе, что при производствѣ выборовъ въ общемъ собраніи при мажоритарной системѣ, при которой рѣшающее вліяніе получаетъ сложившееся въ собраніи большинство голосовъ, меньшинство избирателей, какъ бы значительно оно не было, не имѣетъ возможности провести своихъ кандидатовъ, что, конечно, не можетъ отвѣчать требованіямъ общественной справедливости. Устраненіе этой несправедливости возможно лишь при условіи примѣненія во всѣхъ стадіяхъ выборовъ, начиная съ выборовъ гласныхъ въ мелкія общественныя единицы и кончая избраніемъ народныхъ представителей, системы пропорціональныхъ выборовъ, обезпечивающей каждой части населенія или собранія возможность провести при выборахъ своихъ кандидатовъ, если только данная часть населенія или собранія достигаетъ извѣстной предѣльной численности по своему составу. Пассивное избирательное право, какъ при выборѣ гласныхъ и

должностныхъ лицъ мѣстнаго самоуправленія, такъ и при избраніи народныхъ представителей, должно быть предоставлено всѣмъ лицамъ, принадлежащимъ къ мѣстному населенію и имѣющимъ право голоса въ избирательныхъ собраніяхъ и съѣздахъ [1]).

Приведенныя здѣсь соображенія относительно порядка избранія народныхъ представителей были развиты въ указанной выше брошюрѣ — „Къ мнѣнію меньшинства частнаго совѣщанія земскихъ дѣятелей 6—8 ноября 1904 года", но предварительно въ этой же брошюрѣ были изложены главныя основанія желательной организаціи народнаго представительства, при чемъ признавалось, что для осуществленія предстоявшей реформы нѣтъ надобности создавать новое учрежденіе и достаточно замѣны личнаго состава существующаго государственнаго совѣта избранными отъ населенія людьми. При такомъ преобразованіи государственный земскій совѣтъ явится выразителемъ народной мысли и между нимъ и Верховной властью не должно быть никакого посредствующаго учрежденія, такъ какъ въ противномъ случаѣ не будетъ осуществлена основная идея — непосредственнаго доступа къ царю голоса народа и тѣснаго, живого между ними единенія.

Всѣ изложенныя въ упомянутой брошюрѣ мысли и соображенія были формулированы въ слѣдующихъ 20-ти положеніяхъ:

1) Народное представительство не составляетъ противорѣчія идеи самодержавія, а является, напротивъ, необходимымъ условіемъ ея правильнаго осуществленія.

2) Народное представительство не должно имѣть характера парламентарнаго, съ цѣлью ограниченія царской власти, но должно служить органомъ выраженія народнаго мнѣнія, для созданія и сохраненія всегда тѣснаго единенія и живого общенія царя съ народомъ.

3) Народное представительство должно быть организовано, какъ особое выборное учрежденіе — государственный земскій совѣтъ.

---

[1]) Таково было мнѣніе большинства лицъ, принимавшихъ участіе въ обсужденіи вопроса; я съ своей стороны полагалъ, что пассивное право должно быть предоставлено всѣмъ лицамъ, принадлежащимъ къ мѣстному населенію, независимо отъ ихъ активнаго избирательнаго права. Д. Ш.

4) Въ кругъ обязанностей государственнаго земскаго совѣта должны входить: а) разсмотрѣніе всѣхъ законопроектовъ, б) обсужденіе государственнаго бюджета, в) разсмотрѣніе отчетовъ по исполненію государственной росписи и дѣятельности вѣдомствъ; сверхъ того, предоставляется государственному земскому совѣту возбужденіе вопросовъ о необходимости изданія новыхъ законовъ или измѣненія прежнихъ.

Примѣчаніе. Всѣ законопроекты, возникшіе какъ по правительственной иниціативѣ, такъ и по иниціативѣ государственнаго земскаго совѣта, по предварительной разработкѣ ихъ въ подлежащихъ вѣдомствахъ, поступаютъ въ особое правительственное учрежденіе, которое и вноситъ ихъ въ окончатольной формѣ на разсмотрѣніе государственнаго земскаго совѣта.

5) Государственному земскому совѣту должно быть предоставлено право запроса министровъ, но министры отвѣтственны не передъ народнымъ представительствомъ, а передъ Государемъ *).

6) Предсѣдатель государственнаго земскаго совѣта утверждается Государемъ изъ избранныхъ совѣтомъ кандидатовъ, и всѣ мнѣнія совѣта докладываются Государю предсѣдателемъ совѣта.

7) Народное представительство должно быть построено не на всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ, а на основѣ реорганизованнаго представительства въ учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправленія, при чемъ послѣднее должно быть распространено по возможности на всѣ части Россійской Имперіи.

8) Русскій земско-государственный строй представляется въ слѣдующемъ развитіи: мелкія земскія единицы и уѣздные города, объединенные въ уѣздныхъ земствахъ, уѣздныя земства и губернскіе города — въ губернскихъ земствахъ, губернскія земства и города съ населеніемъ свыше установленной нормы — въ государственномъ земскомъ совѣтѣ.

---

*) Высказываясь за отвѣтственность министерства предъ Монархомъ, я исходилъ изъ убѣжденія, что министры должны назначаться Государемъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ составу избранныхъ народныхъ представителей, такъ какъ при этомъ условіи члены правительства будутъ всегда проникнуты сознаніемъ, что они являются не только слугами короны, но и слугами народа. Д. Ш.

9) Представительство въ учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправленія должно быть организовано не на сословныхъ началахъ, и къ участію въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи должны быть привлечены по возможности всѣ наличныя силы мѣстнаго населенія.

10) Право представительства въ учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправленія должно быть предоставлено плательщикамъ земскихъ и городскихъ сборовъ.

11) Къ платежу земскихъ и городскихъ сборовъ, въ видѣ квартирнаго налога, должны быть привлечены лица, не уплачивающія мѣстныхъ сборовъ съ доходности принадлежащихъ имъ имуществъ или предпріятій, но проживающія въ данной мѣстности при опредѣленныхъ занятіяхъ не менѣе года и занимающія квартиру стоимостью не ниже опредѣленнаго размѣра (въ уѣздахъ, примѣрно, 60 руб. въ годъ). Право на представительство эти лица должны пріобрѣтать по истеченіи двухъ лѣтъ своего пребыванія въ данной мѣстности и одного года со времени привлеченія ихъ къ платежу квартирнаго налога.

Примѣчаніе. Стоимость квартиръ, занимаемыхъ лицами, состоящими на государственной, общественной или частной службѣ и получающими опредѣленное жалованье, исчисляется въ размѣрѣ 20% получаемаго ими содержанія.

12) Въ общемъ избирательномъ собраніи, для выбора гласныхъ въ собраніе мелкой земской единицы, право непосредственнаго голоса должны имѣть всѣ плательщики мѣстныхъ сборовъ, уплачивающіе таковые съ доходности не ниже опредѣленнаго размѣра (примѣрно, 300 рублей), а также лица, привлеченныя къ платежу квартирнаго налога. Юридическія лица, въ томъ числѣ и сельскія общества, участвуютъ черезъ избранныхъ ими изъ своей среды представителей, при чемъ число таковыхъ отъ сельскихъ обществъ должно быть опредѣляемо по расчету одного представителя на каждые 10 дворовъ. Плательщики мѣстныхъ сборовъ съ доходности имуществъ и предпріятій менѣе опредѣленнаго размѣра, но не менѣе одной его десятой, избираютъ на предварительныхъ съѣздахъ своихъ представителей, для участія послѣднихъ въ избирательныхъ собраніяхъ.

13) Число гласныхъ въ собраніяхъ мелкихъ земскихъ единицъ опредѣляется пропорціонально ихъ населенію по расчету одного

гласнаго на 250 жителей, но общее число гласныхъ въ такихъ собраніяхъ не должно быть болѣе пятидесяти.

14) Уѣздныя земскія собранія составляются изъ уѣздныхъ гласныхъ, изъ числа которыхъ четыре пятыхъ избираются собраніями мелкихъ земскихъ единицъ и уѣздными городами, а остальные могутъ быть замѣщаемы путемъ кооптаціи. Число уѣздныхъ гласныхъ, избираемыхъ отъ мелкихъ земскихъ единицъ и городовъ, опредѣляется пропорціонально ихъ населенію, по расчету одного гласнаго на 3000 жителей.

15) Губернскія земскія собранія составляются изъ губернскихъ гласныхъ, изъ числа которыхъ четыре пятыхъ избираются уѣздными земскими собраніями и городами, не входящими въ составъ уѣздныхъ земствъ, а остальные могутъ быть замѣщаемы путемъ кооптаціи. Число губернскихъ гласныхъ, избираемыхъ уѣздными земскими собраніями и городами, опредѣляется пропорціонально населенію уѣздовъ и городовъ, по расчету одного гласнаго на 30.000 жителей.

16) Избраніе земскихъ гласныхъ во всѣхъ случаяхъ производится путемъ пропорціональныхъ выборовъ.

17) Пассивнымъ избирательнымъ правомъ при выборѣ гласныхъ и должностныхъ лицъ мѣстнаго самоуправленія должны пользоваться всѣ лица, принадлежащія соотвѣтственно къ населенію мелкой земской единицы, города или губерніи и имѣющія право голоса въ избирательныхъ собраніяхъ или съѣздахъ.

18) Народные представители въ государственный земскій совѣтъ избираются губернскими земскими собраніями и думами городовъ, съ населеніемъ свыше 250.000 жителей, путемъ пропорціональныхъ выборовъ, какъ изъ своей среды, такъ и изъ среды всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ населенію губерніи или города и имѣющихъ право избирательнаго голоса. Число избираемыхъ народныхъ представителей опредѣляется пропорціонально населенію губерніи или города, по расчету одного представителя на 250.000 жителей.

19) Уѣздные и губернскіе гласные и народные представители содержанія не получаютъ, но имъ должны выдаваться прогонныя деньги и суточныя во время пребыванія ихъ на сессіяхъ съ такимъ расчетомъ, чтобы исполненіе ими возложенныхъ на нихъ общественныхъ обязанностей не вызывало никакихъ расходовъ съ ихъ стороны.

20) Производство выборовъ народныхъ представителей въ государственный земскій совѣтъ можетъ быть организовано на изложенныхъ основаніяхъ теперь же, независимо отъ реорганизаціи существующихъ учрежденій мѣстнаго самоуправленія и введенія таковыхъ въ остальныхъ частяхъ государства, при чемъ первоначальныя собранія избирателей (п. 12) могли бы быть пріурочены временно къ волости или приходу, а затѣмъ дальнѣйшія выборы произведены въ уѣздныхъ, городскихъ и губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ.

Я изложилъ главныя соображенія, на основѣ которыхъ указанной выше группой лицъ была проектирована въ 1905 году организація народнаго представительства и избранія народныхъ представителей. И въ настоящее время я держусь убѣжденія, что основныя положенія составленнаго нами въ 1905 г. проекта представляются вполнѣ цѣлесообразными и что только при ихъ осуществленіи возможна правильная организація взаимодѣйствія государственной власти съ населеніемъ, взаимодѣйствія, обезпечивающаго спокойное и мирное развитіе государственной жизни. Путь политической борьбы, по которому пошло преобразованіе нашего государственнаго строя, противоположеніе интересовъ государственной власти и населенія и стремленіе къ осуществленію идеи народовластія съ изумительной быстротой разложили народный духъ, жизнепониманіе народа и привели страну къ событіямъ, потрясшимъ и разрушившимъ ея экономическіе, государственные и нравственные устои. Событія послѣднихъ лѣтъ съ наглядностью и убѣдительностью подтверждаютъ какое выдающееся значеніе имѣютъ сущность и характеръ идеи, которая полагается въ основу государственнаго преобразованія и направленія государственной жизни, и какъ важно и необходимо, чтобы развитіе государственной и соціальной жизни совершалось всегда во имя высокихъ идеаловъ добра, правды и всечеловѣческаго единенія, предстоящихъ предъ всѣми людьми, а не въ цѣляхъ обезпеченія личныхъ и классовыхъ правъ и интересовъ.

Брошюра—„Къ мнѣнію меньшинства частнаго совѣщанія земскихъ дѣятелей 6—8 ноября 1904 года“—была напечатана въ началѣ апрѣля 1905 года и тотчасъ же подверглась жестокой критикѣ со стороны представителей конституціонныхъ теченій, при чемъ составителямъ брошюры, преимущественно

мнѣ, приписывалось желаніе сохранить абсолютизмъ монархической власти и предоставить народному представительству только совѣщательный голосъ. Такое неправильное заключеніе могло имѣть мѣсто только въ силу того, что наши оппоненты совершенно не вѣрно понимали или, скорѣе даже, оставляли вовсе безъ вниманія основную мысль изложеннаго въ брошюрѣ проекта и оцѣнивали формулированныя въ ней положенія исключительно съ правовой точки зрѣнія, усвоенной конституціоналистами для опредѣленія основы въ отношеніяхъ между верховной властью и народнымъ представительствомъ. Исходя изъ признанія, что организація народнаго представительства имѣетъ своими цѣлями ограниченіе царской власти и предоставленіе законодательной власти представительному учрежденію, наши оппоненты, видя наше отрицательное отношеніе къ этимъ цѣлямъ, приходили къ заключенію, что если мы этихъ цѣлей не преслѣдуемъ, слѣдовательно, мы высказываемся за сохраненіе абсолютизма и за предоставленіе народному представительству не рѣшающаго, а совѣщательнаго голоса. Нашимъ оппонентамъ, повидимому, было совершенно непонятно, что для насъ, при усвоенной нами исходной точкѣ зрѣнія, является совершенно излишнимъ и чуждымъ вопросъ—рѣшающимъ или совѣщательнымъ голосомъ будетъ пользоваться народное представительство, и исключается вовсе возможность сохраненія абсолютизма власти, не считающейся съ представительствомъ народной мысли, народнаго мнѣнія. Различіе въ нашихъ отношеніяхъ къ этимъ вопросамъ обусловливается исключительно тѣмъ, что конституціоналисты въ основу преобразованія нашего государственнаго строя полагали идею правовую, а мы считали необходимымъ въ основу предстоявшей реформы положить идею этико-соціальную, сознаніе нравственнаго долга, лежащаго равно, какъ на носителѣ верховной власти, такъ и на народномъ представительствѣ. Конституціоналисты признаютъ возможнымъ организовать взаимодѣйствіе власти и представительнаго учрежденія, лишь обезпечивъ его правовыми нормами и гарантіями, а мы полагаемъ, что это взаимодѣйствіе принципіально правильнѣе и цѣлесообразнѣе создать на основѣ моральной солидарности власти съ народнымъ представительствомъ. Исходя изъ этого убѣжденія, мы признаемъ невѣроятнымъ, чтобы верховная власть, разъ народ-

ное представительство будетъ существовать, какъ постоянно дѣйствующее учрежденіе, могла что-либо предпринять вопреки голосу представителей народной мысли и народной совѣсти, такъ какъ въ этомъ случаѣ она прежде всего не могла бы сохранить необходимый ей авторитетъ, и въ то же время признаемъ, что моральная основа государственнаго строя можетъ скорѣе обезпечить доброжелательное и спокойное развитіе государственной жизни, чѣмъ идея правовая, всегда носящая въ себѣ сѣмена политической борьбы. Ни въ заключительныхъ положеніяхъ нашего проекта, ни въ предпосланныхъ имъ въ брошюрѣ соображеніяхъ, нигдѣ не говорится ни о совѣщательномъ характерѣ народнаго представительства, ни о сохраненіи абсолютизма государственной власти. Второе положеніе проекта хотя и указываетъ въ началѣ, что „народное представительство не должно имѣть характера парламентаризма *съ цѣлью* ограниченія царской власти", но тутъ же говорится далѣе, что оно „должно служить органомъ выраженія народнаго мнѣнія для созданія и сохраненія всегда *тѣснаго единенія* и живого общенія царя съ народомъ". Само собой представляется понятнымъ, что не можетъ быть рѣчи о тѣсномъ единеніи власти съ народнымъ представительствомъ, если допустить предположеніе, что верховная власть можетъ не считаться съ голосомъ народнаго представительства. Разномысліе и разногласіе между сущностью нашего проекта и его пониманіемъ и характеристикой нашими оппонентами коренились, несомнѣнно, въ различіяхъ нашихъ міросозерцаній, въ различіяхъ нашего пониманія смысла человѣческой жизни, какъ личной, такъ и общественной.

22—26 апрѣля 1905 года въ Москвѣ происходило совѣщаніе земскихъ дѣятелей, на которомъ обсуждался вопросъ—„объ основаніяхъ желательной организаціи народнаго представительства въ Россійской Имперіи и о порядкѣ введенія въ жизнь представительныхъ учрежденій". Организаціонное бюро въ пунктѣ 2-мъ представленнаго имъ совѣщанію проекта положеній говорило, что „представительство отъ органовъ мѣстнаго самоуправленія не можетъ служить единственной и главной основой народнаго представительства. Необходимо представительство, избираемое населеніемъ безъ посредства какихъ-либо общественныхъ учрежденій". Этотъ пунктъ былъ введенъ ор-

ганизаціоннымъ бюро, очевидно, въ виду появившейся не задолго до открытія земскаго совѣщанія брошюры—„Къ мнѣнію меньшинства совѣщанія земскихъ дѣятелей 6—8 ноября 1904 г.“ Земское совѣщаніе по обсужденіи вопроса большинствомъ голосовъ пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Въ организаціи народнаго представительства Россійской Имперіи не можетъ быть допущено ни сословное начало, ни такъ называемое представительство интересовъ (т.-е. отдѣльные выборы отъ различныхъ классовъ или группъ населенія). Въ основу будущей постоянной организаціи народнаго представительства въ Россійской Имперіи должны быть положены слѣдующія начала:

1) необходимы выборы представителей отъ населенія путемъ всеобщей, равной и тайной подачи голосовъ;

2) вышеозначенные выборы отъ населенія должны быть прямые, т.-е. представители должны быть избираемы непосредственно гражданами, имѣющими активное избирательное право;

3) на ряду съ представительнымъ собраніемъ, избираемымъ путемъ всеобщаго и прямого голосованія (палатой народныхъ представителей), должно быть образовано особое представительство отъ реорганизованныхъ на демократическихъ началахъ и распространенныхъ на всю Россійскую Имперію органовъ мѣстнаго самоуправленія;

4) обѣ палаты должны быть равноправны.

Затѣмъ совѣщаніе перешло къ обсужденію вопроса о задачахъ и составѣ перваго представительнаго собранія, которому совѣщаніе придавало характеръ собранія учредительнаго. По этому вопросу было внесено три предложенія, между которыми голоса земскихъ дѣятелей раздѣлились такъ:

Мнѣніе большинства—71 голосъ. Первое представительное собраніе, главной задачей котораго будетъ установленіе государственнаго правопорядка Россійской Имперіи, должно состоять изъ одной палаты народныхъ представителей, избранныхъ путемъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія.

Мнѣніе 37 голосовъ. Первое представительное собраніе, главной задачей котораго будетъ установленіе государственнаго правопорядка Россійской Имперіи, должно состоять изъ народныхъ представителей, избранныхъ путемъ всеобщаго, равнаго, тайнаго, но двухстепеннаго голосованія.

ME 60
Ш 63

Мнѣніе 17 голосовъ. Первые выборы въ представительное собраніе должны быть произведены:

а) въ земскихъ губерніяхъ — губернскими земскими собраніями, пополненными представителями крестьянскаго населенія и рабочихъ тамъ, гдѣ развита фабричная промышленность, а также городскими думами значительнѣйшихъ городовъ, пополненными представителями рабочаго класса и высшихъ учебныхъ учрежденій;

б) въ не-земскихъ губерніяхъ (9 губерній западнаго края, область Войска Донского, Прибалтійскія и Привислянскія губерніи) должны быть введены коллегіи на началахъ, на коихъ организованы земскія учрежденія;

в) примѣненіе къ остальнымъ окраинамъ общаго избирательнаго закона должно составить предметъ занятій перваго собранія народныхъ представителей съ привлеченіемъ делегатовъ отъ этихъ окраинъ.

Послѣ голосованія трехъ приведенныхъ мнѣній многіе земскіе дѣятели, принадлежавшіе къ меньшинству, не считали для себя возможнымъ дальнѣйшее участіе въ занятіяхъ совѣщанія и, удалившись изъ совѣщанія, въ своей средѣ обсуждали создавшееся положеніе, при которомъ представители меньшинства были лишены возможности войти въ подробное и всестороннее обсужденіе вопроса о желательной, по ихъ мнѣнію, организаціи избранія народныхъ представителей. Было признано необходимымъ созвать съ этой цѣлью особое совѣщаніе земскихъ дѣятелей, раздѣляющихъ мнѣніе меньшинства, и въ этихъ цѣляхъ было составлено письменное обращеніе къ нашимъ единомышленникамъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось:

„Принимая во вниманіе выдающееся значеніе, которое будетъ имѣть то или иное разрѣшеніе вопроса о составѣ народнаго представительства, особенно въ первые годы по его учрежденіи, и имѣя въ виду, что по этому вопросу въ земской средѣ существуютъ крайне различныя мнѣнія, группа членовъ частнаго совѣщанія земскихъ дѣятелей 22—26-го сего апрѣля, обсудивъ по окончаніи занятій упомянутаго совѣщанія затронутый въ настоящемъ обращеніи вопросъ, полагаетъ необходимымъ предложить земскимъ дѣятелямъ, какъ не сочувствующимъ вообще началу всеобщей и прямой подачи голосовъ, такъ и тѣмъ,

которые, признавая желательнымъ положить это начало въ основу организаціи народнаго представительства въ принципѣ, не считаютъ однако эту систему осуществимой въ близкомъ будущемъ,—собраться въ особое совѣщаніе для установленія главныхъ основаній, на которыхъ желательно построить избраніе народныхъ представителей, и для выработки соотвѣтствующей программы, которая могла бы по возможности объединить всѣхъ, не раздѣляющихъ мнѣніе о желательности примѣненія всеобщаго и прямого голосованія въ настоящее время".

Предположенное совѣщаніе было назначено въ Москвѣ на 22-е мая и въ письмѣ были изложены порядокъ организаціи совѣщанія и всѣ относившіяся къ этому вопросу подробности. Это письменное приглашеніе было разослано 28-го апрѣля и было подписано слѣдующими лицами, принадлежавшими къ составу земствъ слѣдующихъ губерній: А. Ѳ. Алейниковъ—бессарабской губ., М. В. Родзянко — екатеринославской губ., П. И. Геркенъ—казанской губ., М. Д. Ершовъ—калужской губ., Д. Н. Шиповъ—московской губ., М. А. Стаховичъ—орловской губ., кн. С. С. Волконскій и А. П. Языковъ—пензенской губ., Ѳ. А. Лизогубъ—полтавской губ., кн. Н. С. Волконскій—рязанской губ., Н. А. Хомяковъ — смоленской губ., кн. А. Д. Голицынъ и А. В. Кучеровъ—харьковской губ., А. В. Васюхновъ—херсонской губ., и Н. Н. Глѣбовъ — ярославской губ. Эти приглашенія были посланы во всѣ земскія губерніи лицамъ, хорошо извѣстнымъ подписавшимъ письменное обращеніе, съ просьбой распространить въ своей губерніи въ средѣ, сочувствующей мнѣнію меньшинства земскаго съѣзда, свѣдѣнія о предстоявшемъ совѣщаніи. Въ отвѣтъ на нашъ призывъ поступили многочисленныя заявленія о желаніи принять участіе въ совѣщаніи представителей меньшинства земскихъ съѣздовъ и къ 22 мая съ этой цѣлью прибыло въ Москву большое число лицъ, собравшихся въ Екатерининскомъ залѣ дворянскаго собранія.

Однако занятія совѣщанія подъ вліяніемъ извѣстій о страшной катастрофѣ, постигшей нашъ флотъ въ Цусимскомъ проливѣ, получили иной характеръ и направленіе, чѣмъ это предполагалось. Какъ только была получена вѣсть, такъ угнетающе отозвавшаяся на общественномъ настроеніи, немедленно было созвано организаціонное бюро земскихъ съѣздовъ, которое пришло

къ заключенію о необходимости, въ виду создавшагося положенія, созвать на 24-е мая въ Москвѣ общее земское совѣщаніе. Исполняя порученіе организаціоннаго бюро, Ѳ. А. Головинъ обратился ко мнѣ съ просьбой передать группѣ лицъ, созывающей совѣщаніе представителей мнѣнія меньшинства земскихъ съѣздовъ, и всѣмъ, имѣющимъ прибыть на это совѣщаніе, приглашеніе организаціоннаго бюро принять участіе въ созываемомъ имъ общеземскомъ съѣздѣ. Ѳ. А. говорилъ, что, по мнѣнію организаціоннаго бюро, въ виду переживаемаго Россіей грознаго времени, необходимо отложить всякую рознь и разномысліе въ земской средѣ и единодушно обратиться къ государственной власти, чтобы общими усиліями внести умиротвореніе въ нашу государственную жизнь и предупредить возможность дальнѣйшихъ потрясающихъ ее событій. Я отвѣтилъ на сдѣланное мнѣ сообщеніе выраженіемъ принципіальнаго сочувствія возникшей въ средѣ организаціоннаго бюро мысли, но въ то же время высказалъ опасеніе, какъ бы въ преніяхъ и особенно при редактированіи обращенія земскаго съѣзда къ государственной власти вновь не проявилось усвоенное большинствомъ агрессивное настроеніе, что съ одной стороны можетъ поставить въ затрудненіе представителей меньшинства земскихъ дѣятелей, а съ другой стороны, и это главное, можетъ вмѣсто сближенія власти съ обществомъ вызвать еще большее обостреніе ихъ отношеній. Ѳ. А. Головинъ утверждалъ, что такого рода опасенія напрасны и что организаціонное бюро въ настоящее время проникнуто желаніемъ доброжелательнаго соглашенія и сознаетъ необходимость при угрожающемъ Россіи положеніи поддержать авторитетъ государственной власти.

22-го мая по открытіи совѣщанія представителей меньшинства я доложилъ о приглашеніи организаціоннымъ бюро всѣхъ собравшихся принять участіе въ общеземскомъ съѣздѣ. Обсужденіе вытекавшихъ изъ этого приглашенія вопросовъ вызвало продолжительный обмѣнъ мнѣній. Многіе участники совѣщанія отнеслись отрицательно къ вопросу объ участіи представителей меньшинства на общемъ земскомъ съѣздѣ. Высказывались мнѣнія, что поддержать столь необходимые въ переживаемый моментъ авторитетъ власти и бодрость общественнаго настроенія было бы возможно только въ томъ случаѣ, если имѣлись бы въ наличности благопріятныя для

того условія и искренняя готовность съ обѣихъ сторонъ создать и осуществить дѣйствительное взаимодѣйствіе власти съ населеніемъ, но этого, къ сожалѣнію, не существуетъ. Можно ожидать скорѣе, что, при существующемъ антагонизмѣ между правительствомъ и обществомъ, подача въ настоящее время съѣздомъ адреса или петиціи можетъ только усилить эту рознь и едва ли явится средствомъ, содѣйствующимъ укрѣпленію нашей государственной мощи. Такой результатъ представлялся тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что на редакціи петиціи несомнѣнно отразится привычное для большинства земскаго съѣзда нетерпимое и слишкомъ рѣзкое отношеніе къ существующему государственному строю. Однако большинство совѣщанія не согласилось съ такой точкой зрѣнія и полагало желательнымъ, чтобы члены нашего совѣщанія не уклонялись отъ участія въ общеземскомъ съѣздѣ. Созывъ такого съѣзда—дѣло уже рѣшенное. Нашъ отказъ принять въ немъ участіе не заставитъ иниціаторовъ съѣзда и ихъ сторонниковъ отказаться отъ своего предположенія. Если съѣздъ состоится безъ участія представителей меньшинства, то вынесенныя съѣздомъ резолюціи и составленные имъ адресъ или петиція по своему содержанію и своей формѣ, съ бо́льшей вѣроятностью можно предположить, вызывутъ обостреніе въ отношеніяхъ между властью и обществомъ. Присутствіе на земскомъ съѣздѣ участниковъ нашего совѣщанія, если не сможетъ оказать содѣйствіе осуществленію доброжелательнаго соглашенія власти съ общественной средой, то во всякомъ случаѣ можетъ оказать нѣкоторое примиряющее воздѣйствіе на настроеніе съѣзда и отразится на его постановленіяхъ. Это послѣднее мнѣніе при заключеніи засѣданія было принято значительнымъ большинствомъ голосовъ.

На слѣдующій день совѣщаніе приступило къ разсмотрѣнію вопроса объ организаціи выборовъ народныхъ представителей, но обсужденіе этого вопроса не могло сосредоточить необходимаго вниманія и интереса собравшихся, такъ какъ всѣ находились подъ впечатлѣніемъ „Цусимы“ и были озабочены мыслями о предстоящемъ общеземскомъ съѣздѣ. Сложный вопросъ объ организаціи политическихъ выборовъ не могъ быть обсужденъ всесторонне и детально, но большинство участвовавшихъ въ преніяхъ соглашалось съ соображеніями и основными положеніями проекта организаціи выборовъ, изложенными въ бро-

шюрѣ „Къ мнѣнію меньшинства частнаго совѣщанія земскихъ дѣятелей 6—8-го ноября 1904 года“. Мнѣ не пришлось принять дѣятельнаго участія въ занятіяхъ совѣщанія 23-го мая по той причинѣ, что въ этотъ день организаціонное бюро земскихъ съѣздовъ обратилось ко мнѣ съ просьбой о содѣйствіи съ моей стороны для устраненія препятствій къ открытію общеземскаго совѣщанія на слѣдующій день.

Подъ вліяніемъ циркуляра министра вн. дѣлъ относительно порядка обсужденія въ общественныхъ собраніяхъ вопросовъ, касающихся усовершенствованія государственнаго благоустройства, о чемъ было сообщено выше, московская администрація всемѣрно старалась противодѣйствовать устройству совѣщаній земскихъ дѣятелей. Предсѣдатель московской губернской управы предъ апрѣльскимъ земскимъ совѣщаніемъ былъ предупрежденъ градоначальникомъ, что созывъ земскихъ совѣщаній не можетъ быть допущенъ безъ испрошенія предварительно разрѣшенія, и такъ какъ, тѣмъ не менѣе, приглашенія на совѣщаніе, происходившее 22—26-го апрѣля, были разосланы предсѣдателемъ московской управы, то Ѳ. А. Головинъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности за незаконный созывъ земскаго съѣзда. 23-го мая Ѳ. А. Головинъ прибылъ въ домъ дворянскаго собранія и, вызвавъ меня изъ происходившаго въ это время засѣданія земскаго совѣщанія, сообщилъ о полученныхъ организаціоннымъ бюро свѣдѣніяхъ, что полиціи отдано распоряженіе принять рѣшительныя мѣры къ недопущенію собранія земскихъ дѣятелей, созываемаго бюро на 24-е мая. Принимая во вниманіе, что созывъ совѣщанія представителей меньшинства земскихъ съѣздовъ, безъ испрошенія предварительнаго разрѣшенія, не встрѣтилъ какихъ-либо затрудненій и что участники этого совѣщанія приняли рѣшеніе участвовать въ общеземскомъ съѣздѣ, Ѳ. А. Головинъ передалъ мнѣ просьбу бюро принять участіе въ устраненіи препятствій, встрѣчаемыхъ этимъ съѣздомъ. Для разрѣшенія возникшаго вопроса я направился къ московскому генералъ-губернатору, А. А. Козлову. Въ довольно продолжительной бесѣдѣ я ознакомилъ А. А. Козлова съ соображеніями, побуждающими земскихъ дѣятелей собраться для общеземскаго совѣщанія, и о рѣшеніи собравшихся въ настоящее время въ дворянскомъ домѣ земцевъ принять участіе въ общемъ земскомъ съѣздѣ. Я указалъ, что предстоящій съѣздъ ставитъ себѣ цѣлью

построить мостъ черезъ пропасть, разобщающую правительство съ обществомъ, и содѣйствовать столь особенно необходимому единенію государственной власти съ населеніемъ въ переживаемое страной время тяжелыхъ испытаній. Генералъ-губернаторъ, выслушавъ меня и получивъ отъ меня всѣ желаемыя имъ разъясненія, сказалъ, что не видитъ причинъ для противодѣйствія осуществленію возникшаго въ земской средѣ намѣренія. Не считая возможнымъ безъ сношеній съ министромъ вн. дѣлъ дать офиціальное разрѣшеніе съѣзда, онъ предоставитъ земскимъ дѣятелямъ возможность собраться для частнаго совѣщанія и сдѣлаетъ распоряженіе, чтобы со стороны полиціи такому совѣщанію не создавалось препятствій. Я предупредилъ А А. Козлова, что земское совѣщаніе состоится въ домѣ М. К. Морозовой на Смоленскомъ бульварѣ.

Состоявшееся 24-го и 25-го мая общеземское совѣщаніе не оправдало возлагавшихся на него ожиданій и подтвердило опасенія, возможность которыхъ я предвидѣлъ во время моей первой бесѣды съ Θ. А. Головинымъ и на которыя указывалось 22-го мая многими членами земскаго совѣщанія. Къ сожалѣнію, я не имѣю въ своемъ распоряженіи журналовъ и матеріаловъ, относящихся къ общеземскому съѣзду, и они, насколько мнѣ извѣстно, не сохранились, вслѣдствіе чего я лишенъ возможности возстановить вполнѣ точно и съ желательными подробностями все, происходившее во время общеземскаго съѣзда, и могу сообщить лишь то, что сохранилось въ моихъ личныхъ воспоминаніяхъ и въ вынесенныхъ мной впечатлѣніяхъ.

По открытіи совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ гр. П. А. Гейдена, не замедлило проявиться въ рѣчахъ и происходившихъ преніяхъ очень возбужденное настроеніе и очень рѣзкое отношеніе къ правительству и существующему государственному строю. Чувствовалось, что подавляющее большинство ораторовъ, какъ и вообще среди присутствовавшихъ, руководится не столько сознаніемъ необходимости смягчить рознь и разладъ между государственной властью и обществомъ и напрячь всѣ свои силы къ созданію возможнаго между ними единенія для укрѣпленія престижа нашей государственной мощи, сколько находится подъ вліяніемъ, можетъ быть и справедливаго, чувства негодованія дѣйствіями правительства, вовлекшаго

Россію въ несчастную и непонятную для народнаго сознанія войну и приведшаго страну къ внутренней и внѣшней разрухѣ. Чувствовалось, что значительное большинство совѣщанія высказывается за обращеніе къ государственной власти не съ цѣлью поддержать въ переживаемое грозное время ея авторитетъ, подавивъ въ себѣ чувство возмущенія политикой правительства, а видитъ въ этомъ обращеніи въ данное время преимущественно средство предъявить настойчивое требованіе о немедленномъ измѣненіи государственнаго строя на основахъ, признанныхъ желательными большинствомъ земскаго совѣщанія 1904 года. Такое настроеніе особенно наглядно проявилось въ внесенномъ и поддержанномъ нѣсколькими лицами предложеніи отправиться всѣмъ собравшимся (болѣе 200 человѣкъ) въ С.-Петербургъ, испросить пріемъ всего состава совѣщанія Государемъ и предъявить требованіе о безотлагательномъ созывѣ народнаго представительства, избраннаго на основѣ четырехчленной формулы. Такое предложеніе вызвало твердое возраженіе со стороны представителей меньшинства, въ числѣ которыхъ выступилъ и я. Мы категорически отвергали мысль о возможности и допустимости такого обращенія къ Верховной Власти, доказывали, что такимъ шагомъ можно лишь пагубно потрясти нашу государственную жизнь и еще болѣе ухудшить положеніе страны. Послѣ горячихъ преній внесенное предложеніе было отклонено и на очередь былъ поставленъ вопросъ о представленіи Государю черезъ депутацію адреса-петиціи за подписью всѣхъ членовъ совѣщанія. Депутацію предлагалось избрать въ числѣ 20—30 лицъ. Одновременно былъ оглашенъ предложенный организаціоннымъ бюро проектъ адреса-петиціи, составленный въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ и заключавшій въ себѣ нѣкоторыя положенія, непріемлемыя для меньшинства совѣщанія. Представители меньшинства старались выяснить, что если совѣщаніе желаетъ осуществить первоначальное предположеніе организаціоннаго бюро, т.-е. путемъ обращенія къ Государю содѣйствовать созданію дѣйствительнаго единенія власти съ обществомъ, то для этого необходимо облечь это обращеніе въ форму и обставить его условіями, способными привести Государя къ убѣжденію въ искренности желанія общественныхъ дѣятелей притти къ доброжелательному соглашенію и исключающими возможность усмотрѣть въ этомъ шагѣ

проявленіе политической борьбы. Въ этихъ цѣляхъ указывалось на необходимость измѣнить соотвѣтственно текстъ петиціи и для представленія ея избрать не многочисленную депутацію, въ составѣ 5—6 членовъ, при чемъ признавалось желательнымъ, чтобы въ составъ депутаціи совѣщаніемъ были избраны лица, которыя не могли бы возбудить въ Государѣ извѣстнаго предубѣжденія къ земской депутаціи и недовѣрія къ искренности земскаго обращенія къ Верховной Власти. Эти мысли, хотя и вызвали рядъ возраженій, но большинство совѣщанія согласилось съ ихъ основательностью и признало ихъ правильными.

Во время перерыва засѣданія, организаціонное бюро пригласило Н. А. Хомякова и меня, какъ представителей меньшинства совѣщанія, высказать свои замѣчанія относительно проекта адреса-петиціи. Прежде всего мы возражали противъ включеннаго въ проектъ указанія, что избраніе созываемыхъ безъ замедленія народныхъ представителей должно быть произведено „путемъ всеобщей, равной, тайной и прямой подачи голосовъ". По состоявшемуся соглашенію эти слова были замѣнены выраженіемъ: „избранныхъ для сего равно и безъ различія всѣми подданными Вашими". Затѣмъ мы обращали вниманіе на многія весьма рѣзкія выраженія, которыя не могли не возбудить недовольства Государя и не явиться серьезнымъ препятствіемъ для довѣрчиваго соглашенія власти съ общественными представителями. Хотя проектъ редакціи, согласно нашимъ указаніямъ, былъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ измѣненъ, тѣмъ не менѣе, и послѣ этихъ поправокъ общій тонъ адреса-петиціи оставался неизмѣнно агрессивнымъ. Чтобы измѣнить общій характеръ земскаго обращенія, нужно было бы, отказавшись отъ представленнаго проекта, составить совершенно иную, новую его редакцію, что не могло не потребовать довольно значительнаго времени для согласованія очень различныхъ настроеній и пожеланій, и противъ такой переработки проекта организаціонное бюро энергически возражало. Петиція была принята совѣщаніемъ въ измѣненной редакціи, но одобренный текстъ не могъ удовлетворить меньшинство участниковъ совѣщанія, такъ какъ и въ новой редакціи онъ не создавалъ благопріятной почвы для установленія дѣйствительно доброжелательнаго соглашенія.

Избраніе депутаціи было произведено посредствомъ подачи записокъ. По подсчетѣ поданныхъ записокъ оказалось, что 12 лицъ получили наибольшое число голосовъ (большинство абсолютное) и тогда совѣщаніе признало нужнымъ включить всѣхъ 12 намѣченныхъ кандидатовъ въ составъ депутаціи. Въ числѣ избранныхъ такимъ порядкомъ членовъ депутаціи оказался и я на 5-мъ мѣстѣ и предъ мной всталъ вопросъ—слѣдуетъ ли мнѣ подчиниться избранію и принять участіе въ депутаціи? Принимая во вниманіе: 1) что въ числѣ избранныхъ лицъ я явился единственнымъ представителемъ, хотя и меньшинства совѣщанія, но меньшинства значительной численности, 2) что личный составъ депутаціи не соотвѣтствовалъ мыслямъ и соображеніямъ, высказаннымъ и одобреннымъ при обсужденіи этого вопроса въ совѣщаніи, 3) что я не могъ не чувствовать отсутствіе солидарности съ своей стороны съ составомъ депутаціи, а, напротивъ, сознавалъ наличность принципіальнаго между нами разногласія, 4) что текстъ адреса-петиціи, по глубокому моему убѣжденію, не соотвѣтствовалъ цѣли, которая имѣлась въ виду при возникновеніи мысли о созывѣ общеземскаго совѣщанія, и 5) что многія выраженія, включенныя въ петицію, придавали ей не характеръ доброжелательнаго выраженія голоса общественнаго мнѣнія, а характеръ демонстративнаго предъявленія требованій,—я долженъ былъ признать для себя невозможнымъ принять участіе въ депутаціи и заявилъ совѣщанію, что не могу подчиниться его избранію.

Вотъ тѣ воспоминанія, которыя сохранились въ моей памяти объ общеземскомъ съѣздѣ 24-го—25-го мая 1905 года. Въ послѣдовавшихъ затѣмъ съѣздахъ земскихъ и городскихъ дѣятелей я болѣе участія не принималъ и съ дѣятельностью ихъ ознакомливался изъ любезно сообщаемыхъ мнѣ предсѣдателемъ московской губернской земской управы, Ѳ. А. Головинымъ, постановленій съѣздовъ и различныхъ къ нимъ приложеній.

Лѣтомъ 1905 года мнѣ пришлось съѣздить на Дальній Востокъ по дѣламъ общеземской организаціи помощи больнымъ и раненымъ воинамъ. Главноуполномоченнымъ общеземской организаціи на театръ военныхъ дѣйствій сначала былъ кн. Г. Е. Львовъ, а затѣмъ обязанности главноуполномоченнаго

исполнялъ предсѣдатель орловской губернской земской управы, С. Н. Масловъ. Послѣдній, возвратясь въ Москву въ концѣ іюня мѣсяца, сдѣлалъ центральному управленію организаціи докладъ о положеніи земскихъ отрядовъ въ Манджуріи. Изъ сообщеній С. Н. Маслова выяснилось, что большинство уполномоченныхъ и медицинскаго персонала земскихъ отрядовъ чувствовало большое утомленіе отъ продолжительнаго пребыванія на театрѣ военныхъ дѣйствій, а неудачное для насъ развитіе военныхъ событій и сознаніе безцѣльности вызванной нашимъ государственнымъ управленіемъ войны угнетающе отзывались на настроеніи земскихъ представителей и земскихъ тружениковъ. Положеніе дѣла усложнялось еще тѣмъ, что за послѣднее время, повидимому, отчасти поколебались установившіяся ранѣе между всѣми участвующими въ работѣ вполнѣ нормальныя въ земскомъ дѣлѣ отношенія, а это также невольно отражалось неблагопріятно на общемъ настроеніи. Общее настроеніе приводило къ желанію скорѣйшаго отозванія и возвращенія земскихъ отрядовъ тѣмъ болѣе, что военно-санитарная часть была обставлена удовлетворительно и располагала достаточными средствами, оборудованіемъ и личнымъ составомъ. Однако, отозваніе земскихъ отрядовъ могло послѣдовать не иначе, какъ съ согласія главнокомандующаго всѣми военными силами, но можно было ожидать, что съ его стороны осуществленіе этого предположенія встрѣтитъ отрицательное отношеніе. Въ виду всѣхъ изложенныхъ условій, С. Н. Масловъ признавалъ желательнымъ, чтобы я, въ качествѣ главноуполномоченнаго организаціи, отправился въ непродолжительномъ времени на театръ войны для разрѣшенія на мѣстѣ всѣхъ назрѣвавшихъ въ земской организаціи вопросовъ. Ко времени возвращенія С. Н. Маслова управленію общеземской организаціи выяснилось, что предстоявшій въ 1905 году большой неурожай хлѣбовъ угрожаетъ народнымъ бѣдствіемъ во многихъ земскихъ губерніяхъ и что по этой причинѣ земству необходимо заблаговременно сосредоточить всѣ свои средства и силы для оказанія помощи мѣстному населенію. Принимая во вниманіе всѣ эти условія, кн. Г. Е. Львовъ и всѣ члены общеземскаго управленія пришли къ заключенію о желательности моей поѣздки на Дальній Востокъ. Такъ какъ я въ то время былъ свободенъ отъ всякой общественной дѣятельности и не могъ принимать участіе во

все болѣе развивавшемся въ странѣ общественномъ движеніи, не сочувствуя характеру и направленію, которые это движеніе все болѣе и болѣе опредѣленно и рѣзко принимало, я счелъ долгомъ принять возлагавшееся на меня порученіе.

20-го іюля я выѣхалъ изъ Москвы и черезъ 15 сутокъ, 5-го августа, прибылъ въ Харбинъ, гдѣ находились управленіе и главные склады земской организаціи. Ознакомившись съ лицами, съ которыми мнѣ предстояло вступить въ ближайшее сотрудничество, и съ положеніемъ дѣла, я черезъ нѣсколько дней, совмѣстно съ нѣкоторыми земскими уполномоченными, направился на югъ по желѣзной дорогѣ на разъѣздъ № 84-й (предпослѣдняя остановка предъ конечной желѣзнодорожной станціей у военнаго фронта), гдѣ было сосредоточено нѣсколько земскихъ отрядовъ и находилось отдѣленіе склада. На слѣдующій день собрались для общаго совѣщанія представители всѣхъ земствъ, участвовавшихъ въ общеземской организаціи, и врачи, завѣдывавшіе земскими отрядами. Благодаря встрѣченному мной со стороны всѣхъ участниковъ совѣщанія вполнѣ довѣрчивому и предупредительному ко мнѣ отношенію, моя ближайшая задача,—оживить и укрѣпить среди всего персонала земское единеніе,—оказалась весьма легкой и на нашемъ совѣщаніи незамедлило проявиться единодушное стремленіе къ общей солидарности. Ознакомивъ собравшихся съ предположеніемъ главнаго управленія объ отозваніи отрядовъ, встрѣченное общимъ сочувствіемъ, я предложилъ выработать, сообща, планъ постепенной ликвидаціи дѣятельности земской организаціи. Такой планъ былъ составленъ совѣщаніемъ, при чемъ была принята во вниманіе необходимость прекращать дѣятельность земскихъ отрядовъ и разныхъ учрежденій организаціи съ извѣстной постепенностью, чтобы не поставить въ какое-либо затрудненіе военно-санитарную организацію. Ликвидацію всѣхъ учрежденій было предположено произвести въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ и закончить ее по возможности къ 1-му ноября.

При обсужденіи вопроса о полученіи согласія главнокомандующаго на отозваніе земскихъ отрядовъ всѣ высказывали опасенія, что съ этой стороны встрѣтятся несомнѣнныя и трудно устранимыя препятствія. При этомъ, главнокомандующій, генералъ Линевичъ, характеризовался, какъ человѣкъ очень властный, непріятный, тяжелый въ своихъ отношеніяхъ и склон-

ный всегда отрицательно относиться къ представляемымъ ему соображеніямъ. Имѣя въ виду такіе отзывы о генералѣ Линевичѣ и опасаясь встрѣтить съ его стороны рѣзкій отказъ въ удовлетвореніи земскихъ предположеній, я счелъ полезнымъ обратиться предварительно за совѣтомъ и содѣйствіемъ къ командовавшему 1-й арміей, генералу Куропаткину, бывшему ранѣе главнокомандующимъ и относившемуся постоянно доброжелательно къ земской организаціи. На слѣдующій, послѣ происходившаго совѣщанія, день я поѣхалъ въ г. Херсу, гдѣ находилась ставка командующаго 1-й арміи, въ разстояніи по грунтовой дорогѣ около 20 верстъ отъ разъѣзда № 84. Генералъ Куропаткинъ, какъ оказалось, въ этотъ же день выѣхалъ на маневры и начальникъ его штаба изъявилъ готовность сообщить ему по телефону о моемъ пріѣздѣ и узнать, гдѣ и когда командующій арміей можетъ меня принять. Генералъ Куропаткинъ пригласилъ меня пріѣхать къ нему на другой день въ то селеніе, гдѣ должны были закончиться маневры, приблизительно въ 30-ти верстахъ отъ Херсу. Проведя ночь въ Херсу, я отправился въ путь, согласно полученному приглашенію, въ сопровожденіи командированнаго со мной начальникомъ штаба казака-проводника. Послѣ продолжительнаго путешествія, сопряженнаго съ различными дорожными приключеніями, я прибылъ въ назначенное мнѣ мѣсто одновременно съ возвращавшимся съ маневровъ генераломъ Куропаткинымъ, который тотчасъ же пригласилъ меня къ себѣ. Я сообщилъ ему о цѣли моего посѣщенія и въ подробностяхъ ознакомилъ его съ земскими предположеніями. Во время моего доклада я не могъ не замѣтить на лицѣ моего собесѣдника выраженіе печали и смущенія. Когда я окончилъ свое сообщеніе, А. Н. Куропаткинъ сказалъ, что онъ выслушалъ меня съ чувствомъ глубокаго огорченія и съ своей стороны высказалъ пожеланіе, чтобы земская организація отказалась отъ своего намѣренія. Матеріальнаго затрудненія удаленіе земскихъ отрядовъ представить не можетъ, но моральное впечатлѣніе такое рѣшеніе на армію можетъ произвести тяжелое. Генералъ Куропаткинъ продолжалъ вѣрить, что война не кончена и можетъ быть доведена до побѣды, но для этого необходимо прежде всего поддержать духъ въ войскахъ. Удаленіе съ театра военныхъ дѣйствій учрежденій земской организаціи явится свидѣтельствомъ, что общество

теряетъ интересъ къ войнѣ и отказываетъ арміи въ своемъ содѣйствіи и доброжелательномъ участіи. По этой причинѣ А. Н. Куропаткинъ не находилъ возможнымъ оказать въ этомъ вопросѣ свое содѣйствіе земской организаціи и добавилъ, что въ этомъ содѣйствіи, вѣроятно, не будетъ и надобности, такъ какъ едва-ли земское предположеніе встрѣтитъ противодѣйствіе со стороны главнокомандующаго. На этомъ обсужденіе вопроса было закончено и А. Н. Куропаткинъ пригласилъ меня итти съ нимъ къ обѣду въ обширную палатку, гдѣ были въ сборѣ всѣ начальствующія лица, принимавшія участіе въ маневрахъ. Генералъ просилъ меня занять мѣсто за столомъ съ нимъ рядомъ и во время обѣда выражалъ свое удовольствіе встрѣтиться со мной въ Манджуріи.

По окончаніи обѣда А. Н. Куропаткинъ просилъ меня вернуться съ нимъ въ его помѣщеніе и познакомить его съ тѣмъ, что происходитъ и происходило въ политической и общественной жизни Россіи со времени начала войны. Исполняя желаніе А. Н. Куропаткина, я нарисовалъ картину все усиливающагося разлада между государственной властью и обществомъ, разсказалъ о появившейся было съ назначеніемъ кн. П. Д. Святополкъ-Мирскаго на постъ министра вн. дѣлъ надеждѣ на измѣненіе политики правительства, о земскомъ съѣздѣ 1904 года, о послѣдовавшихъ вслѣдъ за нимъ актахъ, опубликованныхъ 12-го декабря 1904 года и усугубившихъ оппозиціонное настроеніе въ широкихъ общественныхъ кругахъ. Затѣмъ говорилъ о событіяхъ начала 1905 года, послѣ которыхъ послѣдовали указъ и рескриптъ 18-го февраля, сообщилъ о совѣщаніяхъ земскихъ дѣятелей въ апрѣлѣ и маѣ и о петиціи, представленной Государю черезъ депутацію. Въ заключеніе я отмѣтилъ, что пропасть, отдѣляющая государственную власть отъ населенія, послѣдовательно быстро расширяется и углубляется, съ одной стороны, вслѣдствіе нежеланія и отсутствія въ правящихъ кругахъ сознанія поспѣшить удовлетвореніемъ вполнѣ справедливыхъ и умѣренныхъ общественныхъ стремленій, а, съ другой стороны, подъ вліяніемъ все нарастающаго въ обществѣ агрессивнаго настроенія, готоваго перейти на путь политической борьбы съ властью. А. Н. Куропаткинъ съ большимъ интересомъ и вниманіемъ слѣдилъ за моимъ разсказомъ, предлагалъ много вопросовъ съ своей стороны и бесѣда наша затянулась до позд-

няго вечера, послѣ чего я уѣхалъ въ ночь въ предоставленномъ мнѣ А. Н. Куропаткинымъ экипажѣ обратно на разъѣздъ № 84.

Не получивъ отъ А. Н. Куропаткина совѣта и указаній относительно занимавшаго меня вопроса, я чувствовалъ себя въ затруднительномъ положеніи. Приходилось обратиться непосредственно къ главнокомандующему и 13-го августа съ этой цѣлью я по желѣзной дорогѣ направился въ Гунджулинъ, гдѣ находилась его ставка. Главнокомандующій и его штабъ помѣщались въ вагонахъ, стоявшихъ на запасномъ пути. Я просилъ дежурнаго адъютанта доложить о моемъ пріѣздѣ и былъ тотъчасъ же приглашенъ въ вагонъ-кабинетъ главнокомандующаго. На основаніи всѣхъ отзывовъ о генералѣ Линевичѣ я предполагалъ встрѣтить въ немъ суроваго, высокомѣрнаго человѣка, привыкшаго имѣть дѣло и сношенія съ людьми, подчиненными ему въ порядкѣ военной дисциплины. Каково же было мое удивленіе, когда я очутился передъ пожилымъ генераломъ, большого роста, съ привычной военной выправкой, но съ добродушнымъ выраженіемъ глазъ и всего лица, и встрѣтилъ самый радушный пріемъ и полную готовность выслушать мои объясненія и пойти навстрѣчу земскимъ пожеланіямъ. По окончаніи моего доклада Н. П. Линевичъ предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, касавшихся нѣкоторыхъ подробностей, и затѣмъ сказалъ, что признаетъ вѣскость представленныхъ ему мной соображеній, побуждающихъ земскую организацію отозвать свои отряды, и не встрѣчаетъ къ тому препятствій. Такъ какъ одновременно съ устнымъ докладомъ, я представилъ главнокомандующему докладную записку съ изложеніемъ въ ней плана постепенной ликвидаціи учрежденій земской организаціи, то я просилъ главнокомандующаго положить на запискѣ свою резолюцію. Онъ тутъ же сдѣлалъ собственноручно надпись объ утвержденіи изложеннаго въ запискѣ порядка дѣйствій, съ предложеніемъ главному начальнику военно-санитарной-части и всѣмъ начальствующимъ лицамъ, имѣющимъ соприкосновеніе съ дѣятельностью земской организаціи, оказать послѣдней содѣйствіе къ выполненію намѣченнаго въ запискѣ плана и къ приведенію въ порядокъ всѣхъ матеріальныхъ и денежныхъ расчетовъ.

Когда предстоявшая мнѣ задача получила совершенно неожиданно для меня такое быстрое и благопріятное разрѣшеніе,

то я, имѣя въ виду происходившіе въ то время въ Портсмутѣ мирные переговоры съ представителями Японіи, спросилъ главнокомандующаго о положеніи этихъ переговоровъ и какіе результаты онъ отъ нихъ ожидаетъ. Н. П. Линевичъ очень любезно отвѣчалъ на мой вопросъ и высказался по поводу его съ удивившей меня откровенностью. Онъ сказалъ, что о началѣ мирныхъ переговоровъ онъ узналъ только изъ телеграммъ телеграфнаго агентства и мѣстныхъ газетъ. Прочтя эти телеграммы, главнокомандующій счелъ необходимымъ телеграфировать Государю, чтобы выяснить, имѣетъ ли появившееся извѣстіе достаточное основаніе въ дѣйствительности. Только послѣ этого обращенія главнокомандующій получилъ подтвержденіе и ему предложено было представить свое мнѣніе. Н. П. Линевичъ въ своемъ отзывѣ, какъ онъ сказалъ, сообщилъ приблизительно слѣдующее. Наше положеніе на театрѣ военныхъ дѣйствій въ настоящее время лучше и сильнѣе, чѣмъ во все время войны. Наши войска занимаютъ неприступныя позиціи, что подтверждается тѣмъ, что послѣ Ляояна и Мукденя японцы остановились и не рѣшаются перейти въ дальнѣйшее наступленіе. Но и мы, говорилъ Н. П. Линевичъ, не можемъ пока также рѣшиться на наступленіе, такъ какъ для этого необходимы крупныя военныя силы,—тысячъ 300,—которыя могли бы быть направлены въ обходъ сильно укрѣпленныхъ позицій японцевъ. Взять необходимыя для обхода силы изъ числа имѣющихся войскъ невозможно, такъ какъ нельзя ослабить нашъ фронтъ. Нужно ожидать прибытія направляемыхъ въ Манджурію подкрѣпленій и перейти съ ними въ наступленіе можно будетъ въ концѣ сентября или началѣ октября. Успѣхъ нужно ожидать несомнѣнный, но этотъ успѣхъ будетъ купленъ дорогой цѣной, потерей тысячъ ста человѣкъ съ каждой стороны. Однако, нужно имѣть въ виду, что отброшенные японцы отступятъ на заранѣе приготовленныя позиціи, которыя будутъ столь же неприступны, какъ наши позиціи въ настоящее время, и на дальнѣйшій успѣхъ намъ разсчитывать трудно. Если одержанная побѣда можетъ содѣйствовать болѣе желательному и почетному заключенію мирнаго соглашенія, то въ этихъ цѣляхъ можно и слѣдуетъ рѣшиться на связанныя съ побѣдой многочисленныя жертвы. Эти условія должны принять въ соображеніе наши представители на мирной конференціи и они должны разрѣшить вопросъ—необходимо ли наше наступленіе или нѣтъ.

Поблагодаривъ Н. П. Линевича за его любезное и очень интересное сообщеніе, я хотѣлъ удалиться, но онъ пригласилъ меня перейти съ нимъ въ вагонъ-столовую, гдѣ его ожидали къ завтраку нѣсколько лицъ, принадлежавшихъ къ штабу главнокомандующаго, и нѣсколько командировъ корпусовъ и разныя начальствующія лица. Во время завтрака многіе обращались ко мнѣ съ вопросами, касающимися политической и общественной жизни, на которые я старался дать соотвѣтствующіе отвѣты, но самъ Н. П. Линевичъ, сидѣвшій рядомъ со мной, не принималъ участія въ этомъ разговорѣ, а во время его сказалъ мнѣ, что любитъ и хорошо понимаетъ военное дѣло, но вопросы политики ему совершенно чужды и мало его интересуютъ. Послѣ завтрака я откланялся и затѣмъ направился къ генералу Иванову, главному начальнику военно-санитарной части, которому предъявилъ мою докладную записку съ резолюціей главнокомандующаго и переговорилъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ ликвидаціи земскихъ отрядовъ.

По моемъ возвращеніи въ Харбинъ управленіе извѣстило всѣхъ завѣдующихъ учрежденіями земской организаціи объ утвержденіи выработаннаго совѣщаніемъ плана ихъ ликвидаціи и тотчасъ же было приступлено къ его выполненію. Но 21-го августа появились телеграфныя извѣстія о послѣдовавшемъ заключеніи въ Портсмутѣ мирнаго соглашенія и объ окончаніи войны. Это обстоятельство поставило на очередь вопросъ—не слѣдуетъ ли измѣнить порядокъ прекращенія дѣятельности земскихъ отрядовъ и ускорить ихъ обратное направленіе въ Россію? 23-го августа я вновь посѣтилъ главнокомандующаго въ Гунджулинѣ, чтобы доложить ему о возникшемъ вопросѣ и получить его указанія. Н. П. Линевичъ не только призналъ возможнымъ сократить срокъ ликвидаціи дѣятельности общеземской организаціи на театрѣ военныхъ дѣйствій, но указалъ на необходимость поспѣшить по возможности съ отправкой земскихъ отрядовъ, чтобы воспользоваться временемъ, пока желѣзная дорога не будетъ загружена обратной перевозкой войскъ. Согласно полученнымъ указаніямъ главнокомандующаго, управленіе извѣстило всѣ отряды о скорѣйшей укладкѣ всего инвентаря и спѣшномъ окончаніи всѣхъ расчетовъ. Благодаря дружнымъ усиліямъ всего персонала, ликвидація дѣятельности общеземской организаціи на Дальнемъ Востокѣ была закончена въ первой половинѣ сентября.

Когда приблизилось время отправки послѣднихъ отрядовъ, я счелъ долгомъ еще разъ быть у главнокомандующаго съ прощальнымъ визитомъ, чтобы принести глубокую благодарность за доброжелательное отношеніе и предупредительное содѣйствіе, которыя земская организація постоянно встрѣчала со стороны военнаго начальства на Дальнемъ Востокѣ. Прощаясь со мной, главнокомандующій поручилъ мнѣ передать всѣмъ земскимъ уполномоченнымъ, всему медицинскому персоналу и всѣмъ, принимавшимъ участіе въ земской работѣ, горячую благодарность отъ лица арміи. „Пріѣхавъ сюда,—говорилъ Н. П. Линевичъ,—вы увидѣли въ земскихъ лазаретахъ большое число больныхъ и раненыхъ и видѣли рядомъ хорошо обставленные лазареты военно-санитарнаго вѣдомства почти пустыми. Я хочу отмѣтить, чѣмъ это обусловливалось. Въ военно-санитарныхъ лазаретахъ солдатъ всегда чувствуетъ себя только солдатомъ, а въ земскихъ отрядахъ онъ чувствовалъ себя не только солдатомъ, но и сознавалъ себя человѣкомъ. Вотъ, почему солдаты всегда стремились и желали быть помѣщенными въ земскіе лазареты. За такого рода отношенія къ больнымъ и раненымъ воинамъ прошу васъ передать мою особенную благодарность всему медицинскому и служебному персоналу земскихъ отрядовъ".

13-го сентября я выѣхалъ изъ Харбина одновременно съ членами общеземскаго управленія и съ послѣднимъ земскимъ отрядомъ и тѣмъ дѣятельность моя на Дальнемъ Востокѣ была закончена.

Во время моего пребыванія въ Харбинѣ, вскорѣ послѣ моего пріѣзда, въ мѣстныхъ газетахъ былъ опубликованъ, сообщенный по телеграфу, высочайшій манифестъ 6 августа 1905 г. объ учрежденіи Государственной Думы. Ознакомленіе съ этимъ актомъ произвело на меня удручающее впечатлѣніе, такъ какъ онъ явился несомнѣннымъ свидѣтельствомъ, что имъ не разрѣшается удовлетворительно вопросъ объ организаціи столь необходимаго взаимодѣйствія государственной власти съ населеніемъ, а, напротивъ, имъ вносится въ этотъ вопросъ еще большее обостреніе и предопредѣляется дальнѣйшее развитіе политической борьбы въ странѣ. Манифестъ 6-го августа 1905 г., такъ же какъ манифестъ 26 февраля 1903 г., служилъ новымъ

подтвержденіемъ полнаго непониманія государственной властью существа основной идеи самодержавія и устоевъ историческаго прошлаго Россіи. Манифестъ 6-го августа 1905 года провозглашалъ въ своемъ началѣ, что „согласіе и единеніе Царя и народа—великая нравственная сила, создавшая Россію въ теченіе вѣковъ", но затѣмъ не было приведено никакихъ указаній—на какой основѣ создавались между ними согласіе и единеніе и что именно придавало этимъ послѣднимъ значеніе нравственной силы. При предстоявшей организаціи народнаго представительства странѣ было необходимо имѣть вполнѣ опредѣленное и ясное представленіе о томъ, на основѣ какой идеи государственная власть признаетъ нужнымъ установить свое единеніе съ населеніемъ. Согласіе и единеніе царей съ народомъ во времена земскихъ соборовъ обусловливались не противопоставленіемъ правъ государя и правъ народа, а сознаніемъ обѣими сторонами лежащаго на нихъ равно нравственнаго долга—содѣйствовать общими усиліями возможному осуществленію въ государственной жизни требованій высшей правды. Земскіе соборы не стремились къ ограниченію царской власти; но въ то же время представители верховной власти не считали возможнымъ разойтись съ народнымъ мнѣніемъ, съ голосомъ народной совѣсти. Обѣ стороны сознавали наличность моральной между ними солидарности и только въ этомъ сознаніи коренилась нравственная сила согласія и единенія царя съ народомъ. Взаимодѣйствіе власти съ населеніемъ, построенное на такой основѣ, исключало вовсе вопросъ о рѣшающемъ или совѣщательномъ голосѣ земскихъ соборовъ. Манифестъ же 6-го августа 1905 года спѣшилъ провозгласить, что учреждаемая вновь Государственная Дума должна быть установленіемъ *законосовѣщательнымъ* и тѣмъ самымъ, какъ бы, признавалъ, что государственная власть свое взаимодѣйствіе съ населеніемъ стремится организовать не на основѣ идеи нравственной, являвшейся главнымъ устоемъ нашего историческаго прошлаго, а на основѣ идеи правовой, чуждой жизнепониманію и духу русскаго народа. Но, положивъ, такимъ образомъ, въ основу своего взаимодѣйствія съ народнымъ представительствомъ правовую идею, государственная власть разрѣшала вытекавшій отсюда практическій вопросъ не согласно съ требованіями справедливости, а въ ущербъ правъ народнаго представительства и въ цѣляхъ

поддержанія своего самовластія. Такое разрѣшеніе вопроса не могло не вызвать справедливаго неудовольствія въ широкихъ кругахъ населенія, и такая постановка вопроса облегчала задачу, преслѣдуемую конституціоналистами. Они получали возможность утверждать, что сама государственная власть признаетъ неизбѣжнымъ построить свои отношенія къ народному представительству только на основѣ идеи права, но разрѣшаетъ этотъ вопросъ односторонне и несправедливо. Въ то же время манифестъ даже исключалъ возможность исправленія этой несправедливости по почину народнаго представительства, такъ какъ въ манифестѣ было сказано: „Мы сохраняемъ всецѣло за собой заботу о дальнѣйшемъ усовершенствованіи учрежденія Государственной Думы“.

Черезъ 15 дней по опубликованіи въ столицахъ сопровождавшихъ манифестъ законоположеній: Учрежденіе Государственной Думы и Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу, эти законодательные акты въ видѣ особыхъ приложеній къ газетамъ были получены въ Харбинѣ. Первый законъ ставилъ Государственную Думу въ положеніе подготовительной комиссіи при Государственномъ Совѣтѣ, который являлся бюрократическимъ учрежденіемъ, отдѣлявшимъ народное представительство отъ государственной власти и препятствовавшимъ дѣйствительному единенію царя съ народомъ. О такой организаціи народнаго представительства, какъ о первомъ шагѣ въ этомъ направленіи, могла быть рѣчь ранѣе, какъ, напримѣръ, въ 1881 году или даже въ 1901 году, когда вопросы о необходимости устраненія всемогущаго вліянія полновластной бюрократіи и о созданіи взаимодѣйствія государственной власти съ населеніемъ были еще недавно поставлены на очередь развитіемъ общественной жизни и не проникли еще вполнѣ ясно и опредѣленно въ сознаніе широкихъ круговъ населенія. Но съ тѣхъ поръ, вслѣдствіе послѣдовательнаго противодѣйствія правительства постепенному удовлетворенію справедливыхъ общественныхъ заявленій, политическая жизнь и сознаніе всего населенія получили за послѣдніе, хотя и немногочисленные годы такое быстрое развитіе, при которомъ народное представительство неизбѣжно и безотлагательно должно было получить самостоятельное положеніе. Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу предоставляло участіе въ ней преимуще-

ственно представителямъ привилегированныхъ, имущественныхъ классовъ и лишало проектируемое учрежденіе возможности явиться дѣйствительнымъ выразителемъ народной мысли.

Какъ манифестъ 6 августа 1905 года, такъ равно и опубликованныя одновременно съ нимъ законоположенія свидѣтельствовали съ достаточной ясностью, что государственная власть при ихъ составленіи руководилась желаніемъ формально дать, какъ-будто, извѣстное удовлетвореніе пожеланіямъ общества, но сохранить при этомъ въ сущности прежній бюрократическій порядокъ государственнаго управленія. Проектированная организація Государственной Думы, не открывая возможности живого общенія и тѣснаго единенія власти съ представителями населенія, создавала лишь почву для неизбѣжныхъ и постоянныхъ между ними конфликтовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отсутствіе искренности и готовности власти пойти прямодушно на путь сближенія съ народными силами и полное непониманіе ею, въ чемъ именно заключалась нравственная сила нашей государственной жизни въ ея прошломъ, невольно изолировали власть и удаляли отъ нея даже самые умѣренные элементы общества. Въ назрѣвавшемъ конфликтѣ на сторонѣ власти могли оставаться только слуги отжившаго бюрократическаго строя и представители нѣкоторыхъ классовъ, видѣвшіе въ старыхъ порядкахъ сохраненіе своего привилегированнаго положенія и обезпеченіе своихъ матеріальныхъ интересовъ.

То, что обнародованные 6 августа 1905 года законы не получатъ своего осуществленія и что правительство будетъ вынуждено внести въ нихъ предварительно существенныя измѣненія, мнѣ представлялось несомнѣннымъ, какъ только я ознакомился съ этими законодательными актами. Еще 6—8 іюля, происходившій въ Москвѣ многочисленный съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, заслушавъ докладъ о составленномъ Булыгинскимъ совѣщаніемъ проектѣ народнаго представительства, почти единогласно (за исключеніемъ 2-хъ голосовъ) вынесъ ему категорическое осужденіе и призналъ, что такого рода организація народнаго представительства не можетъ внести успокоеніе въ страну, предотвратить всѣ опасности, ей угрожающія, и вывести ее изъ состоянія анархіи на путь правильнаго и мирнаго развитія на основахъ твердаго государственнаго правопорядка. Тотъ же съѣздъ одобрилъ проектъ „основного закона“,

представленнаго на его обсужденіе организаціоннымъ бюро,— проектъ, построенный на опредѣленно конституціонныхъ принципахъ. Аналогичныя постановленія принимались одновременно различными многочисленными собраніями и, слѣдя во время моего пребыванія въ Манджуріи за развитіемъ въ Россіи общественнаго движенія по получаемымъ московскимъ газетамъ, нельзя было не усмотрѣть, какъ стремительно нарастало недовольство въ общественныхъ кругахъ и возбуждалось общественное настроеніе. Неизбѣжность проявленія политической борьбы обусловливалась въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что правительство всѣмъ своимъ образомъ дѣйствій съ убѣдительностью доказывало, что оно неспособно понять истинное положеніе вещей въ странѣ, неспособно руководить общественнымъ движеніемъ, потерявъ въ странѣ всякій авторитетъ, и что власть изъявляетъ готовность вступать на путь необходимыхъ реформъ только исключительно подъ угрозой и вліяніемъ выступленій революціоннаго характера, направленныхъ противъ существующаго строя. Такая политика власти предрѣшала неизбѣжность превращенія лойяльнаго общественнаго движенія въ движеніе революціонное.

Во время нашего 15-тидневнаго путешествія изъ Харбина въ Москву, все чаще и чаще получались московскія газеты и мы ускореннымъ темпомъ переживали отражавшіяся въ нихъ общественныя настроенія, проявлявшіяся во всей странѣ съ каждымъ днемъ все интенсивнѣе и въ разнообразныхъ формахъ. Пріѣхавъ 28 сентября въ Москву, мы увидѣли ее охваченной общественнымъ возбужденіемъ, которое въ скоромъ времени почти во всей странѣ проявилось общей забастовкой и въ рѣзкихъ резолюціяхъ, выносимыхъ многочисленными митингами и собраніями. Всѣ умѣренные элементы общества принуждены были стушеваться, отступить на задній планъ и оказались безсильными внести умиротвореніе въ возбужденное настроеніе широкихъ и разнообразныхъ общественныхъ круговъ.

Государственная власть была вынуждена капитулировать предъ революціоннымъ движеніемъ и манифестомъ 17 октября Государственной Думѣ была предоставлена законодательная власть, были расширены избирательныя права населенія при выборахъ народныхъ представителей и одновременно удостоился высочайшаго одобренія докладъ графа С. Ю. Витте о пре-

образованіи нашей государственной жизни на строго правовыхъ началахъ. Въ этихъ актахъ не говорилось уже объ устояхъ нашего историческаго прошлаго и измѣненіе государственнаго строя предрѣшалось на основѣ началъ конституціонныхъ. Принципіально я не могъ сочувствовать введенію этихъ началъ въ нашъ государственный строй, такъ какъ они противорѣчили и противорѣчатъ моему жизнепониманію, но я не могъ не сознавать, что слѣпая политика власти привела страну къ неизбѣжности такого государственнаго преобразованія. Не теряя надежды и вѣры, что съ теченіемъ времени въ Россіи можетъ возстановиться единеніе государственной власти и всего народа на основѣ идеи нравственной, на почвѣ необходимой между ними моральной солидарности, я не могъ не сознавать, что при сложившихся условіяхъ порядокъ, предначертанный манифестомъ 17 октября, являлся единственнымъ выходомъ въ данное время изъ положенія, въ которомъ очутилась страна, благодаря непредусмотрительности и безпринципности власти. Успокоеніе нашей государственной жизни и постепенное направленіе ея въ другое русло представлялось мнѣ возможнымъ въ томъ лишь случаѣ, если власть въ переживаемый критическій моментъ вполнѣ искренно и честно вступитъ и пойдетъ по пути, указанному въ актахъ 17 октября, осуществитъ съ необходимой полнотой возвѣщенныя реформы и тѣмъ возстановитъ довѣріе къ себѣ населенія и укрѣпитъ въ странѣ свой авторитетъ. Хотя въ это время я стоялъ въ сторонѣ отъ общественной жизни, но, тѣмъ не менѣе, сознавалъ, что если, быть можетъ, силою обстоятельствъ я буду привлеченъ вновь къ извѣстному участію въ политической жизни страны, то на мнѣ будетъ лежать долгъ содѣйствовать всѣми силами осуществленію новаго порядка государственнаго строя, стараясь въ то же время, по мѣрѣ возможности, согласовать свои дѣйствія при новыхъ условіяхъ съ началами, лежащими въ основѣ моего политическаго и общаго жизнепониманія.

ГЛАВА X.

Приглашеніе графомъ С. Ю. Витте общественныхъ дѣятелей вступить въ образуемый имъ кабинетъ послѣ манифеста 17-го октября 1905 года.

18-го октября 1905 года мною была получена въ Москвѣ телеграмма отъ графа С. Ю. Витте, помѣченная 16-мъ числомъ, но задержанная при передачѣ происходившей въ то время общей забастовкой, въ томъ числѣ и служащихъ въ почтово-телеграфномъ вѣдомствѣ. Графъ Витте просилъ меня пріѣхать немедленно въ С.-Петербургъ. Вечеромъ въ тотъ же день я воспользовался единственнымъ поѣздомъ, отправлявшимся изъ Москвы, и 19-го былъ въ С.-Петербургѣ. По пріѣздѣ я вмѣстѣ съ княземъ П. Н. Трубецкимъ, пріѣхавшимъ одновременно изъ Москвы, посѣтилъ кн. Алексѣя Дмитріевича Оболенскаго, человѣка, бывшаго въ то время правою рукою графа Витте, и отъ него узналъ о намѣреніи графа С. Ю. пригласить меня войти въ составъ образуемаго имъ кабинета и о намѣченныхъ уже измѣненіяхъ въ положеніи о выборахъ въ Государственную Думу, высочайше утвержденномъ 6-го августа 1905 года. Въ часъ дня я былъ у графа Витте, у котораго засталъ кн. А. Д. Оболенскаго.

Графъ С. Ю., встрѣчая меня, сказалъ, что онъ обращается ко мнѣ, какъ къ общественному дѣятелю, пользующемуся довѣріемъ въ общественныхъ кругахъ, проситъ меня въ настоящее тяжелое время помочь ему при осуществленіи высочайшаго манифеста 17-го октября и предлагаетъ мнѣ занять постъ государственнаго контролера. Графъ Витте при этомъ подчеркнулъ, что онъ хорошо сознаетъ, насколько правительство нуждается въ настоящее время въ довѣріи со стороны общества, и высказалъ предположеніе, что мое присутствіе въ кабинетѣ и завѣдываніе мной государственнымъ контролемъ создастъ въ обществѣ увѣренность въ правильномъ расходованіи государствен-

ныхъ средствъ. Я отвѣчалъ, что не имѣю принципіальныхъ возраженій на дѣлаемое мнѣ предложеніе, но сочту себя обязаннымъ принять его лишь въ томъ случаѣ, если буду имѣть увѣренность, что вступленіе мое въ составъ правительства будетъ находиться въ условіяхъ, при которыхъ участіе мое можетъ быть полезнымъ. Правительству необходимо довѣріе общества не по отношенію къ вопросу о правильномъ расходованіи государственныхъ средствъ; нужно, чтобы общество было увѣрено, что старый строй государственнаго управленія уступилъ безповоротно мѣсто новому строю, возвѣщенному 17 октября, а для созданія такой увѣренности необходимо привлечь въ составъ правительства представителей различныхъ общественныхъ круговъ. Я принадлежалъ къ правому крылу земскаго съѣзда въ ноябрѣ 1904 года, къ его меньшинству. Въ настоящее время я не вхожу въ составъ съѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, по несогласію съ принятымъ ими направленіемъ, и потому мое единоличное вступленіе въ кабинетъ не можетъ имѣть значенія. Я указывалъ на необходимость привлечь представителей большинства этихъ съѣздовъ, болѣе лѣваго направленія, и говорилъ, что для созданія атмосферы довѣрія желательно, чтобы общественнымъ дѣятелямъ были предоставлены портфели министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, земледѣлія, народнаго просвѣщенія, торговли и промышленности. Графъ Витте признавалъ мои соображенія правильными и замѣтилъ, что онъ не боится людей болѣе лѣваго направленія, но считаетъ необходимымъ, чтобы общественные дѣятели, которые согласятся войти въ составъ кабинета, обладали сильной волей, серіознымъ отношеніемъ къ государственному дѣлу и опредѣленно сознавали необходимость поддержанія авторитета государственной власти и порядка въ странѣ въ переживаемое переходное время. Онъ спросилъ меня, какимъ путемъ было бы ему возможно вступить въ сношеніе съ лицами, которыхъ я имѣю въ виду. Такъ какъ 22-го и 23-го октября предстояли въ Москвѣ собранія бюро съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей, то я предложилъ графу С. Ю. телеграммой на имя предсѣдателя бюро, Ѳ. А. Головина, выразить пожеланіе, чтобы нѣсколько членовъ бюро прибыли въ С.-Петербургъ для переговоровъ, а я, съ своей стороны, заявилъ готовность предупредить бюро о предметѣ предстоящей бесѣды и высказалъ предположеніе, что бюро

изберетъ для этой цѣли И. И. Петрункевича, С. А. Муромцева и князя Г. Е. Львова.

Графъ Витте не былъ знакомъ лично съ названными мной кандидатами и потому выразилъ желаніе получить отъ меня нѣкоторыя свѣдѣнія, относящіяся къ характеристикѣ этихъ лицъ. Выслушавъ меня съ большимъ вниманіемъ, графъ сказалъ, что изъ моихъ отзывовъ онъ заключаетъ, что указанныя мной личности являются желательными кандидатами на министерскіе портфели, и спросилъ мое мнѣніе о томъ, какіе портфели могли бы быть имъ предложены. Я отвѣтилъ, что С. А. Муромцевъ представляется мнѣ несомнѣнно кандидатомъ на постъ министра юстиціи, а князю Г. Е. Львову и И. И. Петрункевичу было бы желательно предоставить министерства внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія. Кому изъ нихъ лучше поручить то или другое министерство, этотъ вопросъ выяснится послѣ личнаго знакомства графа съ указанными мной лицами. Графъ Витте сообщилъ, что онъ имѣетъ въ виду предложить портфели: народнаго просвѣщенія князю Е. Н. Трубецкому, а торговли и промышленности А. И. Гучкову. Графъ Витте тутъ же при мнѣ написалъ и отправилъ телеграмму Ѳ. А. Головину.

Послѣ этого кн. А. Д. Оболенскій сообщилъ графу Витте, что я уже ознакомленъ съ намѣченными предположеніями относительно измѣненій въ порядкѣ выборовъ въ Государственную Думу и что я отношусь къ этимъ предположеніямъ отрицательно. Графъ С. Ю. передалъ мнѣ напечатанный экземпляръ „меморіи особаго совѣщанія, образованнаго по дѣлу о способахъ осуществленія Высочайшихъ предуказаній, возвѣщенныхъ въ пунктѣ 2-мъ манифеста 17-го октября“ и проектъ указа Правительствующему Сенату объ опубликованіи намѣченныхъ измѣненій и просилъ меня объяснить причины моего отрицательнаго къ нимъ отношенія. Я сказалъ, что, главнымъ образомъ, мнѣ представляется въ высшей степени неправильнымъ и опаснымъ проектированный порядокъ выборовъ отъ рабочихъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводской промышленности. По проекту рабочіе въ каждомъ предпріятіи избираютъ изъ среды своей уполномоченныхъ; уполномоченные на губернскихъ съѣздахъ избираютъ выборщиковъ, которые въ 6-ти окружныхъ собраніяхъ избираютъ членовъ Государственной Думы. Такой поря-

докъ создаетъ очень сильную профессіональную организацію и фракція членовъ Думы отъ рабочихъ составитъ какъ бы легализованный всероссійскій стачечный комитетъ. Графъ Витте, признавая справедливость моихъ опасеній, полагалъ, однако, что проектированная организація дастъ полное удовлетвореніе пожеланіямъ рабочаго класса и привлечетъ его тѣмъ на сторону правительства. Я высказалъ сомнѣніе въ возможности такимъ путемъ внести успокоеніе въ возбужденное настроеніе рабочихъ массъ и обращалъ вниманіе на то, что проектируемое представительство рабочихъ получитъ преобладающее вліяніе въ Государственной Думѣ, угрожая постоянно всеобщей забастовкой въ случаѣ непринятія требованій представителей рабочихъ. Признавая справедливымъ, а въ виду возбужденнаго настроенія всѣхъ классовъ даже необходимымъ проведеніе въ настоящее время принципа общаго избирательнаго права, я не возражалъ противъ широкаго предоставленія права участія въ выборахъ рабочимъ, но не какъ отдѣльному классу, а какъ вообще всѣмъ русскимъ гражданамъ въ общихъ для всѣхъ классовъ выборахъ.

На этомъ наша бесѣда закончилась и графъ Витте, прощаясь со мной, сказалъ: „И такъ, вы принципіально отъ сдѣланнаго мною вамъ предложенія не уклоняетесь?“. Я повторилъ, что принципіальныхъ возраженій не имѣю, но оставляю за собой свободу окончательнаго рѣшенія въ зависимости отъ разрѣшенія вопроса о привлеченіи въ составъ кабинета другихъ общественныхъ дѣятелей. Уходя, я просилъ графа С. Ю. оказать мнѣ содѣйствіе къ выѣзду въ тотъ же день изъ С.-Петербурга, такъ какъ правильное желѣзнодорожное движеніе прекратилось. Благодаря сдѣланнымъ распоряженіямъ, мнѣ удалось выѣхать ночью на 20-е число въ поѣздѣ, съ которымъ отправлялись, при участіи чиновъ желѣзнодорожнаго баталіона, пустые вагоны 3-го класса и одинъ старый вагонъ 2-го класса, въ которомъ я былъ единственнымъ пассажиромъ; вагонъ былъ неотопленъ и огни не были зажигаемы во всемъ поѣздѣ до ст. „Колпино“.

Предлагая графу Витте обратиться къ бюро съѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, я разсчитывалъ, что его обращеніе будетъ обсуждено въ общемъ собраніи бюро, назначенномъ на 22-е число, на которое должны были пріѣхать иногородніе его члены. Я имѣлъ въ виду сообщить бюро мою бесѣду

съ графомъ Витте и мнѣ казалось несомнѣннымъ, что послѣ акта 17-го октября бюро сочтетъ послѣдовательнымъ и своевременнымъ отказаться отъ оппозиціи правительству, что избранныя бюро лица вступятъ въ переговоры съ предсѣдателемъ совѣта министровъ, придутъ съ нимъ къ соглашенію относительно плана дѣйствій и вступятъ въ составъ правительства, которое, опираясь на среду, представленную на съѣздахъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, сумѣетъ крѣпкой рукой охранить особенно необходимый въ переходное время порядокъ въ государственной жизни и возможно скорѣе и полнѣе обезпечить странѣ пользованіе правами и свободами, возвѣщенными въ манифестѣ 17-го октября. Однако, этимъ надеждамъ не суждено было осуществиться. Въ Москву я пріѣхалъ 20-го только къ ночи, а 21-го утромъ узналъ, что наканунѣ Ѳ. А. Головинымъ, по полученіи телеграммы графа С. Ю. Витте, было созвано экстренно засѣданіе бюро съѣздовъ въ составѣ нѣсколькихъ его членовъ, находившихся въ Москвѣ, и что собравшіеся признали возможнымъ обсудить немедленно предложеніе графа Витте, не дожидаясь общаго собранія, назначеннаго на 22-е число, и избрали для переговоровъ съ предсѣдателемъ совѣта министровъ— Ѳ. А. Головина, Ѳ. Ѳ. Кокошкина и князя Г. Е. Львова, которые и выѣхали въ С.-Петербургъ 20-го вечеромъ. Составъ депутаціи, за исключеніемъ князя Г. Е. Львова, и поспѣшность, съ которой депутація выѣхала въ С.-Петербургъ, предрѣшала результатъ предстоявшихъ огромной важности серьезныхъ переговоровъ, тѣмъ болѣе, что, насколько стало извѣстнымъ, руководящая роль въ депутаціи была возложена на Ѳ. Ѳ. Кокошкина,—человѣка въ то время очень молодого и увлеченнаго лозунгами, недавно провозглашенными на учредительномъ собраніи конституціонно-демократической партіи [1]). 21-го октября депутація была уже у графа Витте и съ самаго начала приняла вызывающій тонъ, исключавшій возможность благопріятныхъ результатовъ. Прежде чѣмъ приступить къ бесѣдѣ, депутаты поставили условіемъ, чтобы все содержаніе предстоявшей бесѣды стало достояніемъ гласности. Графъ Витте изъявилъ на это свое согласіе и происшедшій разговоръ, изложенный по его окончаніи въ тотъ же день депутатами пись-

[1]) См. главу XII. „Прачины, по которымъ я не могъ присоединиться къ конституціонно-демократической партіи“.

менно и по одобреніи текста графомъ Витте, былъ напечатанъ 23-го октября въ № 278 „Русскихъ Вѣдомостей“. Основныя положенія, выставленныя депутаціей, были слѣдующія: единственный выходъ изъ переживаемаго положенія—созывъ учредительнаго собранія для выработки основного закона, при чемъ собраніе это должно быть избрано путемъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія; возвѣщенныя въ манифестѣ свободы должны быть немедленно осуществлены; необходима полная политическая амнистія. Всѣ эти реформы неизбѣжны и лучше дать ихъ сразу, чѣмъ итти къ нимъ болѣзненнымъ путемъ черезъ видоизмѣненную Государственную Думу.—Очевидно, что такая постановка вопроса свидѣтельствовала о полномъ отсутствіи сознанія необходимости сохраненія и поддержанія авторитета государственной власти въ переживаемое страной время и исключала для правительства возможность дальнѣйшихъ переговоровъ съ членами бюро съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей и привлеченіе его представителей къ участію въ государственномъ управленіи.

Тотчасъ, послѣ пріема депутаціи, графъ Витте телеграфировалъ мнѣ, прося немедленно пріѣхать, и 22-го октября я былъ въ С.-Петербургѣ. Одновременно былъ приглашенъ пріѣхать А. И. Гучковъ. Утромъ 22-го гр. Витте, сообщивъ мнѣ о своей бесѣдѣ съ членами бюро съѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, исключившую возможность дальнѣйшихъ переговоровъ, сказалъ, что онъ доложилъ Государю о согласіи моемъ на назначеніе меня государственнымъ контролеромъ, что назначеніе мое состоялось и что завтра, 23-го, я долженъ представиться Его Величеству. Я выразилъ графу С. Ю. мое удивленіе, что онъ, зная о моемъ согласіи вступить въ его кабинетъ лишь при извѣстныхъ условіяхъ, тѣмъ не менѣе счелъ возможнымъ теперь же доложить о моемъ назначеніи Государю; я сказалъ, что считаю себя обязаннымъ изложить Его Величеству тѣ же соображенія, о которыхъ я говорилъ ему, графу Витте. Гр. С. Ю., и присутствовавшій при этомъ разговорѣ кн. А. Д. Оболенскій, съ своей стороны, удивились моему заявленію и считали мое намѣреніе неосуществимымъ, такъ какъ мое назначеніе уже состоялось. Я повторилъ, что какъ общественный дѣятель, считаю своимъ долгомъ, разъ Его Величеству угодно наградить меня своимъ довѣріемъ, откровенно высказать ему мое убѣжде-

ніе. Послѣ этого графъ Витте обратился по телефону въ Петергофъ къ статсъ-секретарю, кажется, Воеводскому, и просилъ его задержать указъ о моемъ назначеніи впредь до моего представленія Государю Императору, а меня просилъ по возвращеніи изъ Петергофа пріѣхать къ нему.

На слѣдующій день я отправился въ Петергофъ и на пароходѣ встрѣтился съ К. С. Немѣшаевымъ, назначавшимся на постъ министра путей сообщенія, и съ моимъ двоюроднымъ племянникомъ, И. П. Шиповымъ, кандидатомъ на постъ министра финансовъ. Я былъ принятъ первымъ и, какъ мнѣ показалось, Государь былъ предупрежденъ о томъ, что я имѣлъ ему доложить. Разспросивъ меня о моей дѣятельности за послѣднее время и припомнивъ, когда онъ меня послѣдній разъ видѣлъ, Государь сказалъ о своемъ намѣреніи назначить меня государственнымъ контролеромъ. Поблагодаривъ за оказываемое мнѣ милостивое вниманіе и высокое довѣріе, я сказалъ, что не обладаю необходимою административною опытностью, что, несомнѣнно, извѣстно Его Величеству, и если, тѣмъ не менѣе, Государю угодно было остановить на мнѣ свое вниманіе, то, думаю, это объясняется тѣмъ, что, положивъ манифестомъ 17-го октября начало новому строю государственнаго управленія и признавая необходимымъ укрѣпить необходимую связь и единеніе между правительствомъ и обществомъ, Государь желаетъ привлечь меня въ составъ правительства, какъ общественнаго дѣятеля, пользующагося извѣстнымъ довѣріемъ въ нѣкоторыхъ общественныхъ кругахъ. Сочувствуя всецѣло этой цѣли и признавая необходимымъ, съ своей стороны, содѣйствовать ея осуществленію, я полагаю, однако, что достигнуть ея будетъ возможно только въ томъ случаѣ, если въ составъ правительства войдетъ не тотъ или другой отдѣльный членъ общества, а цѣлая группа лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ теченіямъ политической мысли. Только при этомъ условіи установится необходимое взаимное между правительствомъ и обществомъ довѣріе и общество получитъ увѣренность въ возможно полномъ осуществленіи правъ, дарованныхъ ему манифестомъ 17-го октября. Первая попытка въ этомъ направленіи предсѣдателя совѣта министровъ, его обращеніе къ представителямъ бюро съѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, къ сожалѣнію, не увѣнчалась успѣхомъ. Но если не удалось

соглашеніе съ представителями извѣстной общественной организаціи, то, можетъ быть, окажется возможнымъ привлечь въ составъ правительства нѣсколько лицъ, пользующихся довѣріемъ различныхъ круговъ общества, и въ такомъ случаѣ и мое участіе въ кабинетѣ могло бы имѣть значеніе; приглашеніе же меня одного изъ среды общества, въ которомъ я при надлежу по своимъ убѣжденіямъ къ незначительному его меньшинству, скорѣе можетъ дать нежелательные результаты.

Его Величество, выслушавъ меня, сказалъ: „Я нахожу правильными ваши соображенія; передайте это отъ меня графу Сергѣю Юльевичу“, и этими словами аудіенція была закончена. По возвращеніи изъ Петергофа я тотчасъ же посѣтилъ графа Витте и сообщилъ ему о томъ, что было доложено мною Государю и заключительныя слова Его Величества.

Вечеромъ того же дня и на слѣдующій день у графа Витте происходили совѣщанія, въ которыхъ, кромѣ кн. А. Д. Оболенскаго, А. И. Гучкова и меня, принималъ все время участіе М. А. Стаховичъ. Гр. Витте счелъ нужнымъ ознакомить насъ съ обстоятельствами, предшествовавшими опубликованію манифеста 17-го октября.—14-го октября гр. Витте былъ вызванъ въ Петергофъ и Государь, въ виду происходившихъ повсемѣстно волненій и забастовокъ, обратился къ его совѣту и предложилъ ему принять главное руководство государственнымъ управленіемъ. Графъ Витте на слѣдующій день изложилъ Государю свое мнѣніе въ письмѣ, съ содержаніемъ котораго онъ насъ ознакомилъ. Въ этомъ письмѣ гр. Витте говорилъ, что выходъ изъ переживаемаго страной тяжелаго положенія можетъ быть двоякій—или нужно немедленно, опираясь на военную силу, принять рядъ репрессивныхъ мѣръ и возстановить нарушенный порядокъ, или также неотложно нужно пойти навстрѣчу пожеланіямъ общества, даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы и участіе въ осуществленіи законодательной власти. Въ первомъ случаѣ гр. Витте не считалъ себя человѣкомъ подходящимъ и соотвѣтствующимъ требованіямъ; во второмъ случаѣ онъ соглашался принять на себя тяжелую отвѣтственность. При этомъ гр. Витте признавалъ своимъ долгомъ просить Государя принять во вниманіе, что избраніе второго пути знаменуетъ отказъ отъ начала самодержавія и явится переходомъ къ новому правовому строю. Государь призналъ за

благо избрать второй путь и тогда графомъ Витте были составлены всеподданнѣйшій докладъ и текстъ манифеста, удостоившіеся высочайшаго одобренія 17-го октября, и графъ Витте былъ назначенъ предсѣдателемъ совѣта министровъ.

При обсужденіи кандидатовъ на министерскіе портфели въ образуемомъ кабинетѣ, гр. Витте заявилъ, что портфели министровъ финансовъ и путей сообщенія должны быть предоставлены лицамъ, обладающимъ спеціальными знаніями, и что на эти посты уже назначены: И. П. Шиповъ и К. С. Немѣшаевъ. 24-го числа прибылъ въ С.-Петербургъ, намѣченный графомъ Витте на постъ министра народнаго просвѣщенія, кн. Е. Н. Трубецкой и принималъ также постоянное участіе въ происходившихъ совѣщаніяхъ, но отъ кандидатуры на постъ министра кн. Е. Н. Трубецкой тотчасъ же отказался.

Въ это время стало извѣстнымъ, что въ средѣ только-что организовавшейся партіи „народной свободы“ и академическаго союза профессоровъ создалось опредѣленное настроеніе, въ силу котораго входящія въ ихъ составъ лица должны были считать для себя обязательнымъ уклоняться отъ приглашенія вступить въ составъ образуемаго гр. Витте кабинета, если бы соотвѣтствующія предложенія были имъ сдѣланы. Такимъ образомъ, предположеніе привлечь въ составъ правительства общественныхъ дѣятелей изъ состава различныхъ политическихъ круговъ представлялось трудно осуществимымъ. При дальнѣйшемъ обмѣнѣ мнѣній приходилось имѣть въ виду преимущественно лицъ изъ административныхъ круговъ, имена которыхъ могли бы разсчитывать на извѣстное довѣріе со стороны общества. Наибольшее разногласіе вызвалъ вопросъ о замѣщеніи поста министра внутреннихъ дѣлъ. Гр. Витте съ самаго начала высказалъ, что при назначеніи лица на этотъ постъ нужно имѣть въ виду, что съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ соединено завѣдываніе всей какъ секретной, такъ и общей полиціей, а потому необходимо, чтобы министръ, вступающій въ управленіе этимъ министерствомъ въ моментъ революціи, былъ хорошо ознакомленъ съ организаціей русской полиціи и могъ бы нести отвѣтственность за безопасность царствующаго дома и за огражденіе жизни и имущества гражданъ. Лицами, удовлетворяющими этимъ требованіямъ, являются, по мнѣнію гр. С-я Ю-ча, двое—Д. Ѳ. Треповъ и П. Н. Дурново. Всѣ участвовавшіе въ совѣщаніи обще-

ственные дѣятели горячо возражали противъ этихъ кандидатуръ и отмѣчали, что назначеніе этихъ лицъ, пользующихся рѣзко отрицательнымъ къ нимъ отношеніемъ широкихъ круговъ общества и тѣсно связанныхъ со старымъ режимомъ, исключитъ возможность созданія необходимаго правительству довѣрія населенія. Сознавая безусловную необходимость обезпечить безопасность царствующаго дома и возложить эту отвѣтственную задачу на лицо, вполнѣ компетентное и пользующееся довѣріемъ Государя, всѣ члены совѣщанія выражали желаніе видѣть Д. Ѳ. Трепова на посту дворцоваго коменданта. Что касается замѣщенія поста министра внутреннихъ дѣлъ, то общественные дѣятели полагали, что, при всей важности полицейскихъ задачъ, имъ не могутъ быть принесены въ жертву задачи внутренней политики, которыя должны составлять главное содержаніе дѣятельности министерства. Существенныя возраженія противъ кандидатуры П. Н. Дурново относились не только къ политической его физіономіи, но и къ облику его моральной личности. А. И. Гучковъ и я заявили рѣшительно, что о вступленіи нашемъ въ составъ кабинета не можетъ быть и рѣчи, если П. Н. Дурново будетъ предложенъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ.

При дальнѣйшемъ обмѣнѣ мнѣній были названы еще нѣсколько кандидатовъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Кн. А. Д. Оболенскій указалъ на саратовскаго губернатора, П. А. Столыпина, но П. А. Столыпинъ былъ мало извѣстнымъ губернаторомъ, члены совѣщанія не располагали матеріаломъ относительно его дѣятельности и эта кандидатура не остановила на себѣ вниманія ни гр. Витте, ни членовъ совѣщанія. Затѣмъ былъ названъ А. А. Лопухинъ, но обсужденіе этой кандидатуры было устранено графомъ Витте, вслѣдствіе недовольства дѣятельностью А. А. Лопухина, какъ эстляндскаго губернатора. Графъ Витте пожелалъ узнать наше мнѣніе о князѣ С. Д. Урусовѣ и сообщилъ, что онъ телеграфировалъ князю С. Д. пріѣхать въ С.-Петербургъ, такъ какъ имѣетъ въ виду предложить ему вернуться къ активному участію въ администраціи. Князь Урусовъ отвѣтилъ, что пріѣдетъ при первой возможности, какъ только возстановится нарушенное забастовкой желѣзнодорожное движеніе, и въ виду переживаемыхъ событій изъявилъ впередъ согласіе занять всякій постъ, кото-

рый будетъ ему предложенъ. При этомъ графъ Витте сказалъ, что имѣлъ намѣреніе предложить кн. Урусову должность товарища министра внутреннихъ дѣлъ и спросилъ, какъ отнеслись бы мы къ кандидатурѣ князя на постъ министра внутреннихъ дѣлъ? Всѣ присутствовавшіе, какъ знавшіе князя лично, такъ и не бывшіе лично съ нимъ знакомыми, признавали, что въ средѣ административныхъ лицъ имя князя С. Д. Урусова пользуется уваженіемъ и довѣріемъ въ обществѣ и находили назначеніе его министромъ внутреннихъ дѣлъ желательнымъ. Графъ Витте выражалъ опасеніе, что князь Урусовъ встрѣтитъ затрудненіе при руководствѣ полицейской дѣятельности, такъ какъ онъ незнакомъ со сложной техникой охранной полиціи, и, еще разъ указавъ, какое важное значеніе въ переживаемое время имѣетъ правильное функціонированіе полицейскаго аппарата, признавалъ необходимымъ, чтобы при министрѣ князѣ Урусовѣ товарищемъ министра по завѣдыванію полиціей былъ П. Н. Дурново. Эта комбинація всѣми присутствовавшими была признана пріемлемой, послѣ чего наши совѣщанія были пріостановлены до пріѣзда князя С. Д. Урусова и вечеромъ въ тотъ же день, т.-е. 24-го ч., А. И. Гучковъ и я уѣхали въ Москву.

25-го, вскорѣ послѣ пріѣзда, мы получили отъ графа Витте телеграмму, извѣщающую объ ожидаемомъ имъ въ этотъ день прибытіи князя Урусова, съ просьбой поспѣшить возвращеніемъ въ С.-Петербургъ; въ тотъ же день, вечеромъ, мы выѣхали обратно. 26-го утромъ А. И. Гучковъ, кн. Е. Н. Трубецкой, М. А. Стаховичъ и я отправились къ графу Витте и застали у него, незадолго до насъ пріѣхавшаго князя С. Д. Урусова. Познакомивъ А. И. Гучкова и меня съ княземъ Урусовымъ, графъ Витте сказалъ, что онъ уже переговорилъ съ княземъ и что князь Урусовъ согласенъ быть товарищемъ министра при министрѣ П. Н. Дурново. Трудно передать, насколько это сообщеніе насъ всѣхъ возмутило, явившись для насъ вполнѣ неожиданнымъ послѣ всего высказаннаго нами на предыдущихъ совѣщаніяхъ. Я спросилъ графа Витте, зачѣмъ же онъ, придя къ рѣшенію предоставить постъ министра П. Н. Дурново, просилъ меня вновь пріѣхать, имѣя мое категорическое заявленіе, что войти одновременно съ этой личностью въ составъ кабинета я для себя не считаю возможнымъ. Такое же возраженіе было сдѣлано А. И. Гучковымъ. Князь С. Д. Урусовъ былъ нашими

словами очень смущенъ и сказалъ, что ему не былъ извѣстенъ обмѣнъ мнѣній, происходившій на предыдущихъ совѣщаніяхъ, и что онъ чувствуетъ себя въ неловкомъ положеніи, согласившись быть товарищемъ министра при П. Н. Дурново, слыша теперь такое рѣзко отрицательное къ нему отношеніе общественныхъ дѣятелей. Графъ Витте старался аргументировать свое рѣшеніе приводимыми имъ ранѣе соображеніями. Мы говорили, что не можемъ насиловать его убѣжденія, что онъ въ правѣ разрѣшить вопросъ по своему усмотрѣнію, но онъ не въ правѣ, продолжая приглашать насъ, игнорировать наши опредѣленныя заявленія. Въ виду создавшагося положенія А. И. Гучковъ и я сказали графу Витте, что считаемъ вопросъ по отношенію приглашенія насъ исчерпаннымъ и дальнѣйшее участіе наше въ совѣщаніяхъ излишнимъ. Гр. С. Ю. Витте просилъ насъ отложить наше окончательное рѣшеніе до вечера и до этого времени обсудить еще разъ вопросъ въ своей средѣ, совмѣстно съ княземъ Урусовымъ, на что мы согласились, хотя невозможность измѣнить наше рѣшеніе была для насъ очевидной. Въ бесѣдѣ съ нами кн. С. Д. Урусовъ хотѣлъ ослабить наше отрицательное отношеніе къ личности П. Н. Дурново и говорилъ, что въ дѣйствительности онъ лучше, чѣмъ его репутація. Себя онъ считалъ связаннымъ своей принадлежностью къ администраціи и уже выраженнымъ дважды графу Витте согласіемъ принять его предложеніе—въ первый разъ въ своей телеграммѣ и вторично въ этотъ день, при личномъ свиданіи. А. И. Гучковъ и я рѣшили настоятельно отклонить сдѣланныя намъ предложенія. Кромѣ обнаружившагося во время совѣщаній отсутствія искренности и прямоты со стороны графа Витте, а также очевидной его неспособности освободиться отъ усвоенныхъ имъ привычекъ и пріемовъ бюрократическаго строя, мы имѣли въ виду слѣдующія соображенія. Наше вступленіе въ кабинетъ могло бы имѣть значеніе въ томъ случаѣ, если бы одновременно съ нами вошли представители большинства съѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, объединившихся въ партіи „народной свободы“, и если бы общественнымъ представителямъ было предоставлено въ кабинетѣ достаточное число мѣстъ, обезпечивающее ихъ вліяніе на государственное управленіе. Вступленіе же насъ двоихъ въ кабинетъ, состоящій изъ представителей бюрократіи, чуждыхъ пониманію справедливыхъ об-

щественныхъ запросовъ, не могло обезпечить правительству общественнаго довѣрія и принести пользу положенію дѣла. Въ то же время манифестъ 17-го октября, призывавшій общество къ новой политической жизни, вызывалъ необходимость политической группировки общественныхъ элементовъ и мы считали своей обязанностью содѣйствовать объединенію лицъ, принадлежавшихъ къ меньшинству земскихъ съѣздовъ, въ политическую партію. Эти мотивы нашего отрицательнаго отвѣта на сдѣланное намъ предложеніе мы условились сообщить графу Витте и съ этимъ рѣшеніемъ вечеромъ вновь его посѣтили.

Поднимаясь по лѣстницѣ въ помѣщеніе, занимаемое графомъ Витте на Дворцовой набережной, рядомъ съ зимнимъ дворцомъ, мы увидали неизвѣстную всѣмъ намъ личность въ вицмундирномъ фракѣ. Встрѣтившій насъ въ кабинетѣ графъ Витте извинился, что долженъ покинуть насъ на нѣкоторое время, чтобы принять пришедшаго къ нему съ докладомъ Рачковскаго. Возвратясь въ скоромъ времени, гр. Витте имѣлъ встревоженный видъ и сказалъ намъ, что отъ кандидатуры П. Н. Дурново, можетъ быть, придется отказаться. Рачковскій сообщилъ, что въ распоряженіи многихъ редакцій имѣется различный матеріалъ изъ прошлой дѣятельности П. Н. Дурново, разоблачающій его личность, и что въ случаѣ его назначенія матеріалъ этотъ будетъ немедленно опубликованъ, не исключая и извѣстной резолюціи Императора Александра III: „убрать этого м.....а въ 24 часа“. А. И. Гучковъ высказалъ удивленіе, что то, чего не могли достигнуть доводы общественныхъ дѣятелей, оказывается возможнымъ изъ опасенія скандала. Гр. Витте послѣ этого замѣчанія опять сталъ говорить о необходимости назначенія П. Н. Дурново, „а относительно угрозъ редакцій могутъ быть,—сказалъ онъ,—приняты мѣры“. Я заявилъ графу Витте, что мы, независимо отъ того, будетъ или нѣтъ П. Н. Дурново министромъ внутреннихъ дѣлъ, во всякомъ случаѣ не считаемъ въ настоящее время возможнымъ вступить въ составъ образуемаго имъ кабинета и изложилъ соображенія, побуждающія насъ къ такому рѣшенію. Графъ С. Ю., выразивъ намъ свое сожалѣніе, просилъ насъ изложить письменно мотивы нашего отказа, чтобы онъ могъ ихъ огласить.

Предъ нашимъ уходомъ графъ Витте обратился къ намъ съ слѣдующей просьбой. Во время нашихъ совѣщаній обсуждался

не только вопросъ объ образованіи кабинета, но также вопросъ о предстоявшемъ измѣненіи положенія о выборахъ въ Государственную Думу, на основаніи манифеста 17-го октября, возложившаго на обязанность правительства привлечь къ участію въ Думѣ тѣ классы населенія, которые были лишены избирательныхъ правъ. Всѣ участвовавшіе въ совѣщаніяхъ общественные дѣятели высказывались за необходимость положить въ основу предстоящихъ измѣненій начала общаго избирательнаго права. Графъ Витте, повидимому, убѣдился нашими доводами, но видѣлъ затрудненіе въ краткости срока, въ теченіе котораго эту работу нужно было произвести. Прощаясь съ нами, онъ спросилъ насъ, не примемъ ли мы на себя трудъ составить въ возможно непродолжительномъ времени проектъ измѣненія избирательнаго закона на предложенныхъ нами основаніяхъ. Всѣ мы изъявили полную готовность принять это порученіе, заявивъ, что къ этой работѣ мы постараемся привлечь общественныхъ дѣятелей, принадлежащихъ къ различнымъ направленіямъ политической мысли.

На слѣдующій день князь Е. Н. Трубецкой, А. И. Гучковъ и я обсуждали, какимъ путемъ слѣдуетъ намъ сообщить графу Витте о мотивахъ, побудившихъ насъ отклонить его предложеніе, и рѣшили написать отдѣльныя письма. Кн. Трубецкой и я изготовили письма въ тотъ же день, но А. И. Гучковъ все оттягивалъ составленіе своего письма, а такъ какъ намъ нужно было спѣшить въ Москву для выполненія порученія графа Витте, то передъ отъѣздомъ кн. Трубецкой и я отослали наши письма по назначенію, которыя на слѣдующій день были опубликованы въ „Новомъ Времени“.

Письмо мое было слѣдующаго содержанія.

„Милостивый Государь,
Графъ Сергѣй Юліевичъ.

Вмѣняю себѣ въ обязанность изложить въ настоящемъ письмѣ тѣ соображенія, по которымъ я не нахожу возможнымъ согласиться принять предложенную вами мнѣ кандидатуру на постъ государственнаго контролера въ составляемомъ вами въ настоящее время кабинетѣ. Сочувствуя вполнѣ программѣ, изложенной во всеподданнѣйшемъ докладѣ вашемъ, удостоившемся 17-го сего октября высочайшаго одобренія, и раздѣляя вполнѣ предположенія относительно осуществленія этой программы, съ

которыми вы познакомили меня во время нашихъ бесѣдъ, я счелъ бы своимъ гражданскимъ долгомъ принять сдѣланное мнѣ вами предложеніе, если бы имѣлъ увѣренность, что вступленіе мое въ организуемый вами кабинетъ можетъ принести ожидаемую вами пользу, но такой увѣренности и даже надежды у меня нѣтъ. Включеніе въ настоящее время въ составъ кабинета общественныхъ дѣятелей, могло бы получить несомнѣнно значеніе только въ томъ случаѣ, если участіе въ немъ согласились бы принять представители различныхъ общественныхъ группъ и политическихъ партій изъ среды земскихъ и городскихъ дѣятелей, согласившіеся предварительно между собой относительно программы дѣйствій въ ближайшемъ времени, т.-е. до перваго созыва Государственной Думы. Это условіе, конечно, открыло бы возможность для созданія и укрѣпленія столь необходимаго довѣрія общества къ правительству въ переживаемое тяжелое время,—время перехода отъ стараго строя къ новому строю. Однако, какъ выяснилось, въ настоящее время нельзя разсчитывать на согласіе кого-либо изъ вліятельныхъ членовъ съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей, принадлежащихъ къ его болѣе лѣвымъ группамъ и составляющихъ его большинство, принять участіе въ составляемомъ вами кабинетѣ; вступленіе же въ составъ правительства представителей общества только исключительно изъ фракцій болѣе или менѣе правыхъ не можетъ принести пользы дѣлу, не создастъ довѣрія въ широкихъ кругахъ общества, а скорѣе можетъ вызвать подозрѣніе въ односторонности направленія, котораго предполагаетъ держаться правительство. Затѣмъ, независимо отъ этихъ соображеній общаго характера, я не могу надѣяться принести практическую пользу въ дѣлѣ государственнаго контроля, такъ какъ съ этой отраслью я совершенно незнакомъ, а въ теченіе краткаго срока, остающагося до созыва Государственной Думы, съ которымъ, очень вѣроятно, можетъ совпасть существованіе образуемаго вами кабинета, я едва успѣлъ бы только ознакомиться съ дѣломъ.

На основаніи изложеннаго не считаю возможнымъ принять сдѣланное мнѣ вами, графъ, предложеніе, но въ то же время проникнутый готовностью и желаніемъ оказать посильное съ моей стороны содѣйствіе при разрѣшеніи предстоящей вамъ задачи, я сочту всегда своей обязанностью, если вы признали

бы это желательнымъ, принять участіе при обсужденіи и разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ, стоящихъ на очереди и требующихъ своего разрѣшенія въ настоящее время.

Прошу васъ, графъ, принять увѣреніе въ глубокомъ моемъ уваженіи и совершенной преданности. Д. Шиповъ".

27-го октября 1905 г.

ГЛАВА XI.

Участіе общественныхъ дѣятелей въ обсужденіи вопроса объ измѣненіи положенія о выборахъ въ Государственную Думу 6-го августа 1905 г., согласно п. 2 манифеста 17-го октября 1905 года.

Возвращаясь въ Москву, мы, т.-е. А. И. Гучковъ, М. А. Стаховичъ, князь Е. Н. Трубецкой и я, намѣтили лицъ, которыхъ считали желательнымъ и необходимымъ привлечь къ обсужденію вопроса о предстоявшихъ измѣненіяхъ въ положеніи о выборахъ въ Государственную Думу. Къ сожалѣнію, не всѣ изъ намѣченныхъ лицъ могли принять участіе въ этой работѣ; Графъ П. А. Гейденъ, князь Пав. Д. Долгоруковъ, М. Я. Герценштейнъ, С. А. Муромцевъ и И. И. Петрункевичъ въ это время не были въ Москвѣ, а ожидать ихъ пріѣзда было невозможно, въ виду спѣшности вопроса. Въ обсужденіи и составленіи проекта избирательнаго закона на основѣ общаго избирательнаго права приняли участіе слѣдующія лица: 1. Князь Николай Сергѣевичъ Волконскій (Рязань), 2. Александръ Ивановичъ Гучковъ (Москва), 3. Сергѣй Андреевичъ Котляревскій (Саратовъ), 4. Князь Георгій Евгеніевичъ Львовъ (Тула), 5. Николай Николаевичъ Львовъ (Саратовъ), 6. Александръ Аполлоновичъ Мануиловъ (Москва), 7. Сергѣй Николаевичъ Масловъ (Орелъ), 8. Князь Евгеній Николаевичъ Трубецкой (Калуга), 9. Николай Николаевичъ Хмѣлевъ (Москва), 10. Николай Алексѣевичъ Хомяковъ (Смоленскъ), 11. Михаилъ Васильевичъ Челноковъ (Москва), 12. Сергѣй Ивановичъ Четвериковъ (Москва), 13. Дмитрій Николаевичъ Шиповъ (Москва) и 14. Николай Николаевичъ Щепкинъ (Москва). Собранія наши происходили въ моей квартирѣ на Собачьей площадкѣ 29-го и 30-го октября.

Приступая къ нашимъ занятіямъ, мы имѣли въ виду, что по точному смыслу 2-го пункта манифеста 17-го октября надлежитъ „привлечь теперь же къ участію въ Государственной Думѣ, по мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остаю-

щагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ". Для наиболѣе полнаго и цѣлесообразнаго выполненія установленныхъ требованій собраніе признало единогласно справедливымъ и необходимымъ положить въ основу измѣненій положенія о выборахъ въ Государственную Думу общее избирательное право всѣхъ гражданъ, не ставя его вовсе въ зависимость отъ имущественнаго ценза. Затѣмъ значительнымъ большинствомъ было признано возможнымъ предоставить избирательныя права только лицамъ мужского пола, достигшимъ двадцати-пятилѣтняго возраста, хотя нѣкоторые члены собранія находили достаточнымъ достиженіе гражданскаго совершеннолѣтія. Всѣ, принимавшіе участіе въ собраніи, относясь вполнѣ отрицательно къ цензовому началу, положенному въ основу положенія о выборахъ 6-го августа 1905 года, и къ группировкѣ избирателей въ зависимости отъ различія ихъ имущественныхъ цензовъ, считали единственно правильнымъ предоставленіе всѣмъ избирателямъ равнаго избирательнаго права и объединеніе ихъ участіемъ въ общихъ выборахъ.

Продолжительный обмѣнъ мнѣній вызвалъ вопросъ: слѣдуетъ ли производить избраніе членовъ Государственной Думы посредствомъ прямого голосованія или путемъ двухстепенныхъ выборовъ? Одни считали, что для успокоенія страны и возможности произвести выборы въ Государственную Думу есть только одно средство—производство выборовъ прямой подачей голосовъ; при всякой иной формѣ выборовъ они будутъ сопровождаться безпорядками, а Государственная Дума, такъ составленная, не будетъ имѣть должнаго авторитета. Четырехчленная формула всеобщаго голосованія сдѣлалась лозунгомъ почти всѣхъ партій, наиболѣе сознательныхъ рабочихъ массъ и значительной части крестьянства. Техника двухстепенныхъ выборовъ сложнѣе прямыхъ и потребуютъ большаго времени. Другіе, не возражая принципіально противъ непосредственной подачи голосовъ избирателями, не находили, однако, возможнымъ примѣнить эту систему теперь же по практическимъ соображеніямъ. Примѣненіе прямого голосованія потребуетъ составленія новаго распредѣленія избирательныхъ округовъ; такъ, напримѣръ, московская губернія, имѣющая 13 уѣздовъ и избирающая 6 членовъ Государственной Думы, должна быть раздѣлена на 6 избиратель-

ныхъ округовъ. Новое распредѣленіе избирательныхъ округовъ и составленіе соотвѣтственно имъ новыхъ списковъ избирателей потребуютъ значительнаго времени и эта сложная работа невыполнима въ теченіе краткаго срока, остающагося до созыва Думы. Затѣмъ, если четырехчленная формула всеобщаго голосованія принята, хотя и не всѣми, но многими партіями и усвоена большинствомъ рабочихъ массъ, то едва ли тоже можетъ быть сказано по отношенію къ сельскому населенію. Въ сознаніи большинства крестьянства не успѣло еще сложиться опредѣленное отношеніе къ этому вопросу. Нельзя не принять во вниманіе, что лица, выступающія кандидатами въ члены Государственной Думы, по большей части будутъ мало извѣстны сельскимъ избирателямъ и подать сознательно свой голосъ за того или другого кандидата имъ будетъ трудно. Конечно, ознакомленіе съ кандидатами могло бы сдѣлаться отчасти возможнымъ путемъ выступленія ихъ съ изложеніемъ своихъ программъ на предварительныхъ собраніяхъ избирателей, но организація такихъ многочисленныхъ собраній въ сельскихъ мѣстностяхъ при обширности территоріи сопряжена съ большими затрудненіями практическаго и формальнаго характера и во всякомъ случаѣ потребуетъ весьма продолжительнаго времени. Къ избранію же выборщиковъ сельское населеніе можетъ отнестись вполнѣ сознательно, а выборщики, собравшись въ губернское избирательное собраніе, получатъ возможность ознакомиться съ кандидатами въ члены Думы и подать свой голосъ, имѣя въ виду настроеніе избравшаго ихъ населенія. Указанныя препятствія къ примѣненію непосредственной подачи голосовъ не могутъ имѣть мѣста въ городахъ и потому избраніе членовъ Государственной Думы отъ городовъ, указанныхъ въ пунктѣ *б.* статьи 1-й Полож. о выборахъ, можетъ быть произведена посредствомъ прямого голосованія. Значительнымъ большинствомъ участвовавшихъ въ обсужденіи вопроса было признано желательнымъ, чтобы въ городахъ, которымъ предоставлено самостоятельное избраніе членовъ Государственной Думы, выборы производились путемъ непосредственной подачи голосовъ, а избраніе членовъ Думы по губерніямъ и областямъ, въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ выборщиками, избираемыми въ избирательныхъ участкахъ. При этомъ собраніе полагало, что въ томъ и другомъ случаѣ избирателямъ должно быть предоставлено право

выбирать кандидатовъ въ члены Государственной Думы не только изъ среды лицъ, внесенныхъ въ списки избирателей даннаго округа, но вообще изъ числа лицъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ въ какомъ-либо избирательномъ округѣ Имперіи, но однако при условіи, чтобы никто не могъ баллотироваться въ члены Думы болѣе чѣмъ въ одномъ избирательномъ округѣ. Высказываясь такимъ образомъ за расширеніе пассивнаго избирательнаго права, собраніе считало необходимымъ установить ограниченіе активнаго избирательнаго права въ томъ смыслѣ, чтобы каждое лицо, имѣющее право участія въ выборахъ, могло воспользоваться своимъ правомъ только въ одномъ округѣ, избравъ его по своему желанію.

Остановившись на двухстепенныхъ выборахъ для избранія членовъ Государственной Думы по губерніямъ и областямъ, собраніе перешло къ обсужденію вопроса о томъ, какой порядокъ выборовъ въ губернскомъ избирательномъ собраніи можетъ лучше обезпечить правильность представительства населенія въ Думѣ; должны ли члены Думы избираться абсолютнымъ большинствомъ или предпочтительнѣе система пропорціональныхъ выборовъ? Всѣ, высказывавшіеся по этому вопросу, соглашались, что мажоритарная система обезпечиваетъ исключительно представительство большинства членовъ избирательнаго собранія, не рѣдко при томъ незначительнаго и зачастую случайнаго характера, тогда какъ пропорціональная система выборовъ открываетъ возможность представительства, если не всѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе вліятельнымъ политическимъ теченіямъ, и вслѣдствіе этого является болѣе справедливой и желательной. Въ то же время система пропорціональныхъ выборовъ не представляется сложной и всѣ пришли къ единодушному заключенію, что именно эта система должна быть проведена въ проектируемомъ измѣненіи положенія о выборахъ въ Государственную Думу. При обсужденіи деталей примѣненія въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ системы пропорціональныхъ выборовъ, былъ одобренъ слѣдующій порядокъ. Выборы должны производиться по спискамъ, которые представляются группами выборщиковъ, при условіи, чтобы каждый списокъ былъ подписанъ не менѣе $^1/_{20}$ общаго числа всѣхъ выборщиковъ по губерніи. Число кандидатовъ въ каждомъ спискѣ должно соотвѣтствовать числу членовъ Государственной

Думы, подлежащихъ избранію собраніемъ. Никто не можетъ быть включенъ въ списокъ помимо своего согласія. Списки кандидатовъ могутъ быть доставляемы заблаговременно и въ такомъ случаѣ они публикуются, но списки должны быть представлены не позднѣе какъ за два часа до начала выборовъ и всѣ списки выставляются въ залѣ собранія, занумерованными въ порядкѣ ихъ поступленія. Всѣ списки подвергаются закрытой баллотировкѣ шарами. Списокъ считается принятымъ, если полученное имъ число избирательныхъ шаровъ не менѣе частнаго отъ дѣленія общаго числа наличныхъ выборщиковъ на число подлежащихъ избранію собраніемъ членовъ Государственной Думы. Если указанное количество избирательныхъ шаровъ будетъ получено лишь однимъ спискомъ, то избранными считаются всѣ предложенные въ немъ кандидаты. Если будетъ принято нѣсколько списковъ, то прежде всего считаются избранными лица, внесенныя въ нѣсколько списковъ и получившія въ суммѣ бо́льшее число голосовъ, чѣмъ какой-либо изъ списковъ въ отдѣльности. Остающееся число подлежащихъ избранію распредѣляется между принятыми списками, въ нисходящемъ порядкѣ записанныхъ въ каждомъ изъ нихъ кандидатовъ, пропорціонально числу шаровъ, поданныхъ за каждый списокъ. Пропорціональность опредѣляется по формулѣ Виктора д'Ондтъ.

Такъ какъ при пропорціональныхъ выборахъ каждый избранный членъ Думы явится представителемъ той или другой политической группы, то было признано справедливымъ, чтобы въ случаѣ выбытія изъ состава Государственной Думы члена ея, избраннаго губернскимъ избирательнымъ собраніемъ, освободившееся мѣсто замѣщалось слѣдующимъ въ нисходящемъ порядкѣ кандидатомъ изъ того списка, къ которому принадлежалъ выбывшій членъ Думы.

Порядокъ избранія выборщиковъ въ губернское избирательное собраніе былъ намѣченъ слѣдующій. Въ уѣздахъ границы избирательныхъ участковъ и число выборщиковъ, подлежащихъ избранію на каждомъ участковомъ избирательномъ съѣздѣ въ предѣлѣ общаго ихъ числа, установленнаго для уѣзда расписаніемъ, опредѣляются уѣздными по дѣламъ о выборахъ комиссіями, при чемъ: а) избирательные участки пріурочиваются къ волостямъ и станицамъ, б) волости и станицы съ населеніемъ по переписи 1897 г. болѣе 2500 жителей могутъ состав-

лять самостоятельные участки, в) волости и станицы съ населеніемъ менѣе 2500 жителей присоединяются къ сосѣднимъ, г) волости и станицы съ населеніемъ свыше 7500 жителей могутъ быть подраздѣляемы на нѣсколько участковъ и д) распредѣленіе числа подлежащихъ избранію въ уѣздѣ выборщиковъ между участками должно быть производимо пропорціонально ихъ населенію. Въ городахъ, не имѣющихъ права самостоятельнаго избранія членовъ Государственной Думы, раздѣленіе на избирательные участки и распредѣленіе между ними общаго числа выборщиковъ, подлежащихъ избранію въ городѣ, производятся городской управой.

При составленіи расписанія числа выборщиковъ по каждой губерніи, а равно при распредѣленіи ихъ въ губерніи между уѣздами и городами собраніе полагало нужнымъ руководиться численностью населенія, исходя изъ расчета одного выборщика на 5000 жителей. Избраніе выборщиковъ слѣдуетъ производить въ праздничные дни; избранными въ выборщики признаются лица, получившія относительно наибольшее число голосовъ.

Избраніе членовъ Государственной Думы прямой подачей голосовъ въ городахъ, которымъ это право будетъ предоставлено, должно производиться на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ. Каждый городъ, за исключеніемъ столицъ, составляетъ отдѣльный избирательный округъ, а С.-Петербургъ и Москва раздѣляются—первый на 6, а второй на 4 округа. Округа подраздѣляются городскими управами на избирательные участки. Списки кандидатовъ, подлежащихъ баллотировкѣ въ члены Думы, составляются на основаніи подаваемыхъ избирателями заблаговременно заявленій, печатаются и вывѣшиваются при входѣ въ помѣщенія для выборовъ. Выборы производятся опусканіемъ закрытаго пакета, заключающаго въ себѣ листокъ съ именемъ одного кандидата. Подсчетъ голосовъ, поданныхъ по участкамъ, производится окружнымъ комитетомъ и избраннымъ признается лицо, получившее болѣе половины всѣхъ избирательныхъ листковъ. Если никто не получитъ необходимаго большинства голосовъ, то назначается перебаллотировка не позднѣе двухъ недѣль, при чемъ избраннымъ считается получившій, если не абсолютное, то относительное большинство голосовъ. Въ случаѣ выбытія изъ состава Государственной Думы члена ея, избраннаго въ городскомъ избирательномъ округѣ,

должны быть произведены въ подлежащемъ округѣ новые выборы, если до наступленія срока общихъ выборовъ въ Думу остается болѣе года. Повѣрку правъ всѣхъ избранныхъ членовъ Государственной Думы собраніе считало необходимымъ предоставить исключительно компетенціи самой Государственной Думы, куда и должны направляться всѣ жалобы и заявленія на неправильность производства выборовъ.

Завѣдываніе производствомъ выборовъ было предположено возложить: 1) въ избирательныхъ участкахъ на комитеты, состоящіе изъ предсѣдателя и двухъ членовъ, приглашаемыхъ изъ числа лицъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ, въ уѣздахъ уѣздными по дѣламъ о выборахъ комиссіями, а въ городахъ городскими управами; 2) въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ—на комитеты, состоящіе подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства изъ четырехъ членовъ, приглашаемыхъ изъ числа выборщиковъ, губернскими по дѣламъ о выборахъ комиссіями; 3) въ городахъ, избирающихъ членовъ Государственной Думы непосредственно, — на окружные и участковые комитеты въ составѣ: первые подъ предсѣдательствомъ городского головы изъ четырехъ избирателей округа, приглашаемыхъ городской управой, а вторые изъ предсѣдателя и двухъ членовъ изъ числа избирателей участка по приглашеніи той же управы. Обязанности лицами, составляющими комитеты, исполняются безплатно. Въ то же время собраніе, считая нужнымъ оговорить, что никто изъ выборщиковъ безъ уважительныхъ причинъ не можетъ уклоняться отъ исполненія своихъ обязанностей, полагало справедливымъ и полезнымъ возмѣщать изъ средствъ казны выборщикамъ, въ случаѣ ихъ о томъ ходатайства, путевыя издержки по поѣздкамъ на губернскія собранія по расчету 10 копеекъ на версту и суточное вознагражденіе.

Составленіе списковъ лицъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ, было признано необходимымъ поручить: въ городахъ—городскимъ управамъ, а въ уѣздахъ—волостнымъ правленіямъ подъ руководствомъ участковыхъ комитетовъ, при чемъ основаніемъ для составленія списковъ могутъ служить: а) посемейные списки, б) списки избирателей, составленные согласно положенію о выборахъ 6-го августа 1905 г., в) списки плательщиковъ квартирнаго и промыслового налоговъ, г) списки

рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ и д) заявленія всѣхъ лицъ, получающихъ право участія въ выборахъ на основаніи составляемаго собраніемъ проекта новаго положенія о выборахъ.

Установивъ главныя основанія, которыми надлежитъ руководствоваться при внесеніи измѣненій въ положеніе о выборахъ въ Государственную Думу 6-го августа 1905 г., собраніе перешло къ постатейному разсмотрѣнію этого положенія и, сдѣлавъ рядъ указаній, касающихся различныхъ частныхъ вопросовъ, поручило С. А. Котляревскому и мнѣ, руководствуясь принятыми собраніемъ заключеніями и преподанными имъ указаніями, составить окончательную редакцію новаго проекта положенія о выборахъ. Это порученіе было выполнено 31 октября и проектъ новаго положенія о выборахъ былъ изложенъ нами въ 63-хъ статьяхъ. 1-го и 2-го ноября проектъ былъ переписанъ въ 5 экземплярахъ и 2-го же ноября, вечеромъ, я поспѣшилъ выѣхать въ С.-Петербургъ, такъ какъ въ теченіе послѣднихъ дней графъ С. Ю. Витте дважды телеграфировалъ мнѣ, прося ускорить представленіе проекта.

Пріѣхавъ въ С.-Петербургъ, я тотчасъ, при письмѣ, послалъ графу С. Ю. Витте 4 экземпляра составленнаго въ Москвѣ проекта и просилъ назначить время для личныхъ переговоровъ. Въ тотъ же день въ 2 часа я посѣтилъ гр. Витте совмѣстно съ А. И. Гучковымъ, кн. Е. Н. Трубецкимъ и М. А. Стаховичемъ. Мы застали у него кн. А. Д. Оболенскаго и С. Е. Крыжановскаго. Графъ С. Ю. уже успѣлъ ознакомиться съ представленнымъ ему проектомъ и, обращаясь къ С. Е. Крыжановскому, сказалъ, что этотъ проектъ составленъ нами по его просьбѣ, что въ общемъ онъ съ нимъ согласенъ, но ему представляется очень сложнымъ предлагаемый въ проектѣ порядокъ избранія въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ членовъ Государственной Думы по спискамъ, и спросилъ С. Е. Крыжановскаго знакомъ ли онъ съ такой системой выборовъ. С. Е. Крыжановскій, отвѣтилъ, что нами предлагается система пропорціональныхъ выборовъ, и такъ какъ гр. С. Ю. заявилъ, что онъ совершенно съ этой системой не знакомъ, что насъ всѣхъ присутствующихъ крайне удивило, то С. Е. Крыжановскій ознакомилъ его тутъ же съ основными положеніями этой системы. Графъ С. Ю. находилъ предложенный нами порядокъ

слишкомъ сложнымъ, полагалъ, что онъ на практикѣ вызоветъ большія недоразумѣнія и настаивалъ на избраніи членовъ Думы абсолютнымъ большинствомъ голосовъ. Всѣ наши старанія разсѣять опасенія графа оказались напрасными, и мы вынесли впечатлѣніе, что сомнѣнія и возраженія его коренятся, главнымъ образомъ, въ полномъ незнакомствѣ съ основаніями системы и съ различными способами пропорціональныхъ выборовъ, выработанными наукой и практикой, и что это обстоятельство могло поставить его, какъ предсѣдателя совѣта министровъ, въ затрудненіе при отстаиваніи предложеннаго нами порядка въ совѣтѣ министровъ и въ особыхъ совѣщаніяхъ.

Затѣмъ гр. Витте говорилъ о неудобствѣ одновременнаго примѣненія двухъ различныхъ порядковъ выборовъ: прямыхъ—въ большихъ городахъ и двухстепенныхъ—въ губерніяхъ, и признавалъ желательнымъ, чтобы и въ городахъ избраніе членовъ Думы происходило путемъ выборовъ двухстепенныхъ. Мы объясняли, что нами прямая подача голосовъ при избраніи членовъ Думы признается принципіально наиболѣе правильной и если мы сочли возможнымъ отступить отъ нея при выборахъ по губерніямъ, то исключительно по соображеніямъ практическаго, но временнаго характера, и что прямые выборы въ городахъ особенно необходимы для успокоенія рабочихъ массъ, сосредоточенныхъ въ большихъ городахъ. По этому вопросу во время нашей бесѣды графъ Витте не высказалъ своего окончательнаго заключенія.

Кн. А. Д. Оболенскій выразилъ опасеніе, не вызоветъ ли введеніе общихъ выборовъ недовольства крестьянскаго населенія; не усмотритъ ли оно въ нихъ умаленія предоставленнаго крестьянамъ положеніемъ 6-го августа права самостоятельнаго избранія въ члены Думы представителей своей куріи? Мы объяснили, что при общихъ выборахъ крестьянство получаетъ, благодаря своей численности, преобладающее вліяніе на исходъ всѣхъ выборовъ, и что общіе выборы могутъ быть и, несомнѣнно, будутъ поняты сельскимъ населеніемъ не какъ умаленіе, а какъ расширеніе его избирательнаго права. Гр. Витте, какъ намъ казалось, точки зрѣнія на этотъ вопросъ кн. А. Д. Оболенскаго не раздѣлялъ.

Послѣ дальнѣйшаго обмѣна мнѣній гр. Витте поручилъ С. Е. Крыжановскому переработать представленный нами про-

ектъ, согласно сдѣланнымъ во время бесѣды замѣчаніямъ, и сказалъ, что засимъ этотъ проектъ, вмѣстѣ съ другимъ проектомъ, составленнымъ въ особомъ совѣщаніи, будутъ внесены въ совѣтъ министровъ, въ засѣданіи котораго примутъ участіе нѣкоторые члены Государственнаго Совѣта и представители общественныхъ дѣятелей; при этомъ графъ С. Ю. просилъ А. И. Гучкова, кн. Е. Н. Трубецкого, М. А. Стаховича и меня принять участіе при обсужденіи въ совѣтѣ министровъ проектовъ измѣненія избирательнаго закона. М. А. Стаховичъ, заявивъ, что онъ, кн. Е. Н. Трубецкой и А. И. Гучковъ въ этотъ же день должны выѣхать въ Москву для участія въ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей, а что я въ этомъ съѣздѣ не участвую, спросилъ гр. С. Ю., не обратится ли онъ ко мнѣ съ просьбой обсудить еще разъ съ С. Е. Крыжановскимъ намѣчаемыя измѣненія въ представленномъ нами проектѣ прежде, чѣмъ С. Е. приступитъ къ его переработкѣ. Графъ Витте просилъ меня объ этомъ и такъ какъ, мнѣ показалось, что и С. Е. Крыжановскій доволенъ предложеніемъ М. А. Стаховича, то я на него согласился и этимъ наша бесѣда была закончена.

На слѣдующій день утромъ я отправился къ С. Е. Крыжановскому, какъ мы условились наканунѣ. Встрѣтивъ меня съ изысканной предупредительностью и любезностью и приступая къ бесѣдѣ, С. Е. поспѣшилъ сказать, что онъ сочувствуетъ составленному общественными дѣятелями проекту закона о выборахъ въ Государственную Думу, хорошо понимаетъ, что политическіе выборы могутъ быть правильно и цѣлесообразно организованы только при условіи построенія ихъ на принципѣ общаго избирательнаго права, привѣтствуетъ меня въ томъ, что мнѣ и товарищамъ моимъ удалось убѣдить графа С. Ю. Витте въ необходимости принять эту точку зрѣнія, и сказалъ что онъ, С. Е., съ удовольствіемъ примется за порученную ему работу. Но при этомъ С. Е. считалъ необходимымъ оговориться, что его въ то же время безпокоятъ сомнѣнія. Во-первыхъ, искренни ли въ данномъ случаѣ убѣжденіе гр. С. Ю. и согласіе его съ предложеніемъ общественныхъ дѣятелей, и во-вторыхъ, насколько прочно положеніе самого гр. Витте? С. Е. говорилъ, что графъ Витте имѣетъ многочисленныхъ противниковъ среди вліятельныхъ лицъ; многіе имъ недовольны, осо-

бенно за манифестъ 17-го октября, а проведеніе въ настоящее время общаго избирательнаго права, можетъ быть, еще болѣе поколеблетъ прочность положенія графа С. Ю. „Я боюсь,—закончилъ С. Е.,—какъ бы мнѣ не пришлось, въ случаѣ паденія графа Витте, составлять еще третій проектъ закона о выборахъ въ Думу и, можетъ быть, на началахъ еще болѣе узкихъ, чѣмъ положеніе 6-го августа". Я возражалъ С. Е. Крыжановскому по поводу высказанныхъ имъ сомнѣній. Выработанный въ Москвѣ общественными дѣятелями проектъ составленъ по просьбѣ самаго графа Витте; если онъ не сочувствовалъ бы общему избирательному праву и не видѣлъ возможность осуществить его въ ближайшемъ же времени, то для чего сталъ бы онъ просить насъ представить возможно скорѣе соотвѣтствующій проектъ? Что касается второго сомнѣнія С. Е., то тутъ я говорилъ, что предугадать съ увѣренностью что либо конечно, трудно, но послѣ акта 17-го октября трудно также ожидать возвращенія къ прежнимъ условіямъ государственной жизни. Къ сожалѣнію, въ скоромъ же времени пришлось мнѣ убѣдиться, насколько правъ былъ С. Е. Крыжановскій, высказывая мнѣ свои опасенія.

По переходѣ къ непосредственной цѣли нашей бесѣды, продолжительнаго обмѣна мнѣній между нами не потребовалось. С. Е. указалъ на необходимость внесенія въ нашъ проектъ нѣкоторыхъ формальныхъ, техническихъ дополненій и измѣненій. Вопросъ о пропорціональныхъ выборахъ отпадаетъ, вслѣдствіе опредѣленнаго несогласія на него графа Витте. Что касается предоставляемаго нашимъ проектомъ большимъ городамъ права прямого избранія членовъ Думы, то этотъ вопросъ остается открытымъ въ ожиданіи выясненія опредѣленнаго отношенія къ нему гр. Витте. На этомъ мы разстались.

Въ тотъ же день я счелъ нужнымъ еще разъ предъ возвращеніемъ въ Москву повидаться съ графомъ Витте и переговорить по поводу приглашенія общественныхъ дѣятелей въ засѣданіе совѣта министровъ для обсужденія проектовъ закона о выборахъ въ Государственную Думу. Я счелъ долгомъ объяснить предсѣдателю совѣта министровъ, что въ отношеніи этого вопроса я держусь той же точки зрѣнія, которую я ему излагалъ, когда онъ приглашалъ А. И. Гучкова и меня вступить въ образуемый имъ кабинетъ. Участіе представителей

общественныхъ круговъ при обсужденіи столь важнаго вопроса въ высшемъ правительственномъ учрежденіи можетъ имѣть извѣстное значеніе только въ томъ случаѣ, если къ такому участію будутъ привлечены представители всѣхъ, или, по крайней мѣрѣ, главныхъ политическихъ теченій; между тѣмъ, обратилъ я вниманіе графа, вчера имъ приглашены, кромѣ кн. Е. Н. Трубецкого, состоящаго членомъ партіи „народной свободы“, три лица, принадлежащія всѣ къ партіи „союза 17-го октября“, и я недоумѣваю, какъ отнестись къ сдѣланному мнѣ приглашенію, не зная будутъ ли къ совѣщанію привлечены представители другихъ политическихъ партій. Гр. Витте сказалъ, что онъ имѣетъ въ виду пригласить еще В. Д. Кузьмина-Караваева, коворый уже принималъ участіе въ совѣщаніи при выработкѣ 1-го проекта. Я замѣтилъ, что В. Д. Кузьминъ-Караваевъ явится представителемъ партіи „демократическихъ реформъ“; а въ совѣщаніи особенно желательно участіе вліятельныхъ членовъ наиболѣе многочисленной партіи „народной свободы“. Хотя мое заявленіе, какъ мнѣ показалось, произвело на гр. Витте не вполнѣ пріятное впечатлѣніе, но онъ не возражалъ по существу и только спросилъ меня, участіе какихъ именно членовъ партіи „народной свободы“ я считаю желательнымъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, я, кромѣ кн. Е. Н. Трубецкого, назвалъ: С. А. Муромцева, И. И. Петрункевича и Ѳ. И. Родичева. Графъ С. Ю. сказалъ, что было бы достаточно пригласить троихъ; тогда я предложилъ остановиться на первыхъ трехъ изъ названныхъ мною лицъ. Изъ дальнѣйшаго обмѣна мнѣній по этому поводу я понялъ, что вопросъ разрѣшенъ графомъ Витте въ положительномъ смыслѣ, и, прощаясь, сказалъ, что буду ожидать въ Москвѣ увѣдомленія, на какой день будетъ назначено засѣданіе совѣта министровъ.

Дней черезъ 7—8 князь Е. Н. Трубецкой, А. И. Гучковъ и я получили въ Москвѣ официальное приглашеніе принять 19-го ноября участіе при обсужденіи въ совѣтѣ министровъ проектовъ положенія о выборѣ въ Государственную Думу. С. А. Муромцевъ, котораго я предупредилъ о предстоящемъ совѣщаніи, приглашенія одновременно съ нами не получилъ и это поселило во мнѣ сомнѣніе, не измѣнилъ ли графъ Витте своего рѣшенія? Я пріѣхалъ въ Петербургъ заблаговременно 17-го и вскорѣ же посѣтилъ предсѣдателя совѣта министровъ.

На высказанное мной удивленіе, что С. А. Муромцевъ приглашенія еще не получилъ, графъ Витте сообщилъ, что приглашеніе дѣйствительно не послано С. А. Муромцеву и И. И. Петрункевичу и что онъ полагалъ бы лучше воздержаться отъ ихъ приглашенія, такъ какъ опасается, что присутствіе въ совѣщаніи этихъ лицъ, и особенно И. И. Петрункевича, можетъ неблагопріятно повліять на нѣкоторыхъ изъ приглашенныхъ въ совѣщаніе членовъ Государственнаго Совѣта, которые очень отрицательно относятся къ представителямъ общества болѣе лѣвыхъ направленій. Я возразилъ, что едва ли эти опасенія могутъ имѣть мѣсто послѣ манифеста 17-го октября, полагающаго, казалось бы, конецъ старымъ бюрократическимъ предразсудкамъ, и сказалъ графу Витте, что послѣ послѣдней нашей бесѣды я видѣлся съ С. А. Муромцевымъ и сообщилъ ему о предположенномъ его приглашеніи. Послѣ этого гр. С. Ю. выразилъ готовность пригласить С. А. Муромцева, но на приглашеніе И. И. Петрункевича не соглашался, и я счелъ неудобнымъ настаивать. С. А. Муромцевъ въ эти дни былъ въ С.-Петербургѣ и я сообщилъ графу Витте его адресъ. Отъ графа С. Ю. я узналъ, что, кромѣ ранѣе намѣченныхъ лицъ, имъ приглашенъ М. В. Красовскій. Я предупредилъ гр. Витте, что имѣю въ виду предложить всѣмъ приглашеннымъ общественнымъ дѣятелямъ собраться между собой въ частномъ совѣщаніи для предварительнаго обсужденія стоящаго на очереди вопроса.

18-го съ указанной цѣлью собрались: А. И. Гучковъ, М. В. Красовскій, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, С. А. Муромцевъ, М. А. Стаховичъ, князь Е. Н. Трубецкой и я. Всѣмъ намъ, одновременно съ приглашеніями были доставлены: „Справка о порядкѣ исполненія высочайшихъ предначертаній, возвѣщенныхъ въ п. 2 манифеста 17-го октября 1905 года“, и три проекта дополненій и измѣненій положенія о выборахъ въ Государственную Думу 6-го августа 1905 года.

1-й проектъ предоставлялъ въ городахъ избирательное право: 1) всѣмъ, владѣющимъ въ какомъ-либо размѣрѣ имущественнымъ цензомъ, а именно: владѣльцамъ недвижимыхъ имуществъ, обложенныхъ городскимъ сборомъ, и торгово-промышленныхъ предпріятій, требующихъ выборки промыслового свидѣтельства, плательщикамъ квартирнаго налога и основного промыслового

налога съ личныхъ промышленныхъ занятій; 2) лицамъ, получающимъ по службѣ государственной или въ общественныхъ учрежденіяхъ содержаніе или пенсію въ размѣрѣ не менѣе: въ столицахъ—900 р., а въ прочихъ городахъ—600 р., и 3) лицамъ, окончившимъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній и получающимъ какое-либо содержаніе или пенсію по службѣ государственной или въ общественныхъ учрежденіяхъ. Въ съѣздахъ землевладѣльцевъ предоставлялось участіе въ выборахъ управляющимъ и арендаторамъ имѣній, соотвѣтствующихъ по своимъ размѣрамъ требованіямъ ст. 12 и ст. 14 положенія 6-го августа 1905 г. Затѣмъ этотъ же проектъ привлекалъ къ участію въ выборахъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ рабочихъ мужского пола въ предпріятіяхъ фабрично-заводской промышленности на основаніи особыхъ правилъ, согласно которымъ избраніе членовъ Думы должно было происходить слѣдующимъ порядкомъ. Рабочіе каждаго предпріятія выбираютъ пропорціонально своему числу уполномоченныхъ; уполномоченные на губернскомъ своемъ съѣздѣ избираютъ установленное для губерніи расписаніемъ число выборщиковъ; выборы членовъ Государственной Думы происходятъ на окружныхъ собраніяхъ выборщиковъ; всѣхъ окружныхъ собраній шесть, избирающихъ по три члена Думы, за исключеніемъ московскаго округа, выбирающаго пятерыхъ.

Второй проектъ открывалъ дополнительно право участія въ выборахъ: въ городахъ—всѣмъ, занимающимъ отдѣльную квартиру, хотя бы освобожденную отъ квартирнаго налога, и всѣмъ получающимъ по службѣ государственной или въ общественныхъ учрежденіяхъ содержаніе или пенсію: въ столицахъ не менѣе 600, а въ другихъ городахъ не менѣе 300 рублей, а въ предварительныхъ съѣздахъ землевладѣльцевъ—всѣмъ, владѣющимъ землей или другимъ недвижимымъ имуществомъ внѣ зависимости отъ размѣра ценза, если лица эти не приписаны къ волостямъ. Представительство отъ рабочихъ было проектировано на совершенно иныхъ въ сравненіи съ первымъ проектомъ основаніяхъ. Выборщикамъ отъ рабочихъ предоставлялось участіе въ городскихъ и губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ. Избраніе выборщиковъ должно было происходить на собраніяхъ уполномоченныхъ, избираемыхъ на участковыхъ избирательныхъ сходахъ; число уполномоченныхъ опредѣлялось по расчету одного на каждые пятьсотъ избирателей.

Третьимъ проектомъ былъ проектъ, составленный по порученію графа Витте общественными дѣятелями въ Москвѣ, но съ внесенными въ него существенными измѣненіями, изъ которыхъ главными были слѣдующія: 1) прямая подача голосовъ въ городахъ, имѣющихъ право непосредственнаго избранія членовъ Государственной Думы, замѣнена двухстепенными выборами; 2) вмѣсто избранія членовъ Думы въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ путемъ пропорціональныхъ выборовъ, избраніе ихъ предоставлялось (ст. 7) окружнымъ избирательнымъ собраніямъ, при чемъ каждый округъ избираетъ одного члена Думы, а каждая губернія, область или городъ, избирающіе болѣе одного члена Думы, раздѣляются соотвѣтственно числу послѣднихъ на отдѣльные избирательные округа; 3) пассивное право быть избраннымъ въ члены Государственной Думы предоставлено (ст. 50) только лицамъ, имѣющимъ право участія въ выборахъ въ данномъ округѣ или владѣющимъ въ предѣлахъ округа не менѣе года какимъ-либо недвижимымъ имуществомъ или торгово-промышленнымъ предпріятіемъ; 4) активное право избирателей обусловлено (ст. 32) проживаніемъ или владѣніемъ имущества въ предѣлахъ округа не менѣе года; 5) въ 5-ю статью проекта, указывающую, кто не имѣетъ права участвовать въ выборахъ, включенъ новый пунктъ, устанавливающій, что лишаются избирательнаго права „состоящіе подъ слѣдствіемъ или судомъ по обвиненію въ преступныхъ дѣяніяхъ, означенныхъ въ пунктѣ *а* или влекущихъ за собой отрѣшеніе отъ должности“; 6) исключена изъ проекта статья, говорящая, что никто изъ выборщиковъ не можетъ уклоняться отъ исполненія своихъ обязанностей, и предоставляющая выборщикамъ право возмѣщенія имъ путевыхъ издержекъ по поѣздкамъ на губернскія избирательныя собранія и полученія суточнаго вознагражденія; 7) къ ст. 53 измѣненнаго проекта было добавлено примѣчаніе: „Лица, занимающія должности по службѣ гражданской, соединенныя со штатнымъ окладомъ содержанія, въ случаѣ избранія ихъ въ члены Государственной Думы могутъ сохранить эти должности не иначе, какъ съ разрѣшенія непосредственнаго своего начальства“; 8) введена новая статья (20), въ силу которой—„сомнѣнія, возникающія на мѣстахъ при примѣненіи сего положенія, разъясняются указаніями губернаторовъ и градоначальниковъ, и министра внутреннихъ дѣлъ,

который, въ случаяхъ, когда сомнѣнія эти не имѣютъ разрѣшенія въ законѣ, входитъ о разъясненіи ихъ въ Правительствующій Сенатъ".

Въ сопровождавшей приведенные законопроекты „справкѣ" были изложены соображенія, которыми руководились составители этихъ проектовъ. Согласно точному смыслу высочайшихъ предначертаній, надлежало привлечь къ участію въ Думѣ тѣ классы населенія, которые были ранѣе лишены этого права. Обращаясь къ вопросу, кого именно на этомъ основаніи надлежитъ включить въ систему выборовъ, было принято во вниманіе, что за предѣлами установленной положеніемъ 6-го августа 1905 г. избирательной системы остались, главнымъ образомъ: 1) средніе и низшіе разряды городского населенія, 2) лица, живущія умственнымъ трудомъ внѣ городскихъ поселеній, 3) нѣкоторые разряды мелкихъ землевладѣльцевъ, а равно лицъ, обрабатывающихъ землю, но не связанныхъ съ нею правомъ собственности, и 4) рабочіе на фабрикахъ, заводахъ и всякаго рода мастерскихъ. Исходя отсюда, были установлены классы, которымъ первыми двумя проектами было предположено предоставить дополнительно избирательныя права, „не нарушая съ формальной стороны очертаній дѣйствующей избирательной системы". Затѣмъ, переходя къ вопросу о привлеченіи къ участію въ выборахъ рабочихъ, указывалось на неизбѣжность „образовать изъ лицъ, занятыхъ физическимъ трудомъ въ отрасляхъ промышленности, особый избирательный классъ внѣ условій имущественнаго ценза", и были намѣчены двѣ системы выборовъ отъ рабочаго населенія, вошедшія въ два первыхъ законопроекта. Мотивировавъ такимъ образомъ основанія, на которыхъ были построены проекты № 1 и № 2, „справка" констатировала, что „проектируемыя поправки и дополненія къ порядку, установленному положеніемъ о выборахъ въ Государственную Думу, страдаютъ многими существенными недостатками, какъ и всякая избирательная система, построенная на различныхъ мало соизмѣримыхъ основаніяхъ". Особенно подчеркивались слѣдующіе недостатки: 1) „представительство рабочихъ классовъ обосновывается на началахъ всеобщей подачи голосовъ; тогда какъ представительство остальныхъ, болѣе консервативныхъ классовъ, ограничено цензомъ"; 2) „по мѣрѣ увеличенія числа избирателей въ съѣздахъ, особенно го-

родскихъ, затемняется начало имущественной силы отдѣльныхъ классовъ избирателей", и 3) „опредѣленіе числа выборщиковъ отъ рабочихъ можетъ быть произведено во всякомъ случаѣ не иначе, какъ по численномъ сопоставленіи массъ населенія, т.-е. на началахъ, совершенно противоположныхъ тѣмъ, на коихъ разверстано избирательное вліяніе остальныхъ классовъ, въ томъ числѣ и крестьянства". При такихъ условіяхъ, говорилось далѣе, долженъ неизбѣжно возникнуть вопросъ: не будетъ ли правильнѣе, прійти прямо къ общей подачѣ голосовъ тѣмъ болѣе, что начало это приходится во всякомъ случаѣ примѣнять къ выборамъ отъ рабочихъ. Затѣмъ, имѣя въ виду приведенныя ранѣе въ „справкѣ" указанія на преимущества классовой системы, а именно сохраненіе за крестьянами права отдѣльнаго представительства, высказывается мысль о возможности примѣненія общей избирательной системы рядомъ съ сохраненіемъ отдѣльныхъ выборовъ членовъ Думы отъ крестьянъ. Въ послѣдней части „справки" были приведены мотивы и соображенія, на которыхъ основывались положенія, проведенныя въ третьемъ законопроектѣ; но при этомъ, однако, о сохраненіи самостоятельной крестьянской куріи болѣе не говорилось и это предположеніе въ законопроектѣ не имѣло мѣста.

Ознакомившись съ сообщенными намъ матеріалами, всѣ 7 выше указанныхъ лицъ, собравшихся на частное совѣщаніе, вынесли впечатлѣніе, что составители „справки", руководствуясь, несомнѣнно, полученными отъ предсѣдателя совѣта министровъ указаніями, имѣютъ въ виду проведеніе третьяго проекта, построеннаго на началахъ общаго избирательнаго права, и потому всѣ, участвовавшіе въ совѣщаніи, относясь принципіально отрицательно къ попыткѣ сохранить при измѣненіи положенія о выборахъ въ Государственную Думу классовую систему группировки избирателей, положенную въ основу первыхъ двухъ проектовъ, признали лишнимъ входить въ обсужденіе ихъ деталей и сосредоточили свое вниманіе на третьемъ законопроектѣ. Было признано возможнымъ согласиться съ намѣченнымъ порядкомъ избранія членовъ Думы въ избирательныхъ округахъ при условіи, что каждый округъ избираетъ одного члена Думы; но въ то же время всѣ считали необходимымъ, чтобы въ городахъ, имѣющихъ право самостоятельнаго избранія членовъ Думы, выборы производились непремѣнно путемъ прямого го-

лосованія. Установивъ это главное положеніе, перешли къ постатейному разсмотрѣнію и обсужденію законопроекта, при чемъ было сдѣлано много замѣчаній, возраженій и были намѣчены желательныя измѣненія. По окончаніи этой работы всѣ присутствовавшіе поручили мнѣ въ предстоявшемъ засѣданіи совѣта министровъ сдѣлать отъ лица всей группы общественныхъ дѣятелей заявленіе относительно общихъ основаній, по которымъ мы признаемъ единственно пріемлемымъ законопроектъ, построенный на началахъ общаго избирательнаго права, и затѣмъ доложить всѣ необходимыя въ немъ, по нашему убѣжденію, поправки и дополненія.

19-го ноября въ 2 ч. дня въ Маріинскомъ дворцѣ состоялось засѣданіе совѣта министровъ. Присутствовали всѣ министры, вошедшіе въ составъ образованнаго графомъ Витте кабинета, и члены Государственнаго Совѣта: графъ Д. М. Сольскій, Э. В. Фришъ, А. А. Сабуровъ, И. Я. Голубевъ, Н. С. Таганцевъ и В. В. Верховскій. Въ средѣ приглашенныхъ общественныхъ дѣятелей, совершенно неожиданно для всѣхъ насъ, мы увидали графа В. А. Бобринскаго. Предсѣдатель, открывъ засѣданіе, въ краткой рѣчи ознакомилъ собравшихся съ порядкомъ подготовительной работы, произведенной для выполненія высочайшихъ предначертаній, изложенныхъ въ п. 2 манифеста 17-го октября 1905 г., результатомъ которой явились три представленные проекта, и доложилъ, что имъ приглашены въ засѣданіе нѣсколько лицъ изъ среды общественныхъ дѣятелей, чтобы члены совѣта могли ознакомиться съ ихъ соображеніями относительно вопроса, подлежащаго разрѣшенію совѣта. Признавая нужнымъ прежде всего обсудить основныя положенія трехъ представленныхъ проектовъ и выслушать мнѣніе о нихъ общественныхъ дѣятелей, графъ Витте предложилъ мнѣ высказаться по этому вопросу.

Отвѣчая на обращеніе графа Витте, я сказалъ, что всѣ приглашенныя изъ среды общества лица, за исключеніемъ графа В. А. Бобринскаго, о приглашеніи котораго намъ не было извѣстно, на предварительномъ частномъ совѣщаніи уполномочили меня изложить общее наше мнѣніе по вопросу, предложенному въ настоящее время предсѣдателемъ. Заявивъ, что, по глубокому нашему убѣжденію, предстоящее измѣненіе положенія о выборахъ въ Государственную Думу должно быть построено обя-

зательно на началахъ общаго избирательнаго права, я началъ съ указанія, что вопросъ этотъ предрѣшенъ текстомъ второго пункта манифеста 17-го октября, которымъ повелѣвается привлечь къ участію въ Думѣ всѣ классы населенія, лишенные нынѣ совсѣмъ избирательныхъ правъ; но если, согласно высочайшей волѣ, избирательное право должно быть предоставлено всѣмъ классамъ, которые этого права ранѣе не имѣли, то въ результатѣ не должно быть ни одного класса, лишеннаго права участія въ выборахъ, и избирательное право будетъ тѣмъ самымъ предоставлено всѣмъ подданнымъ Его Величества. Съ еще большей несомнѣнностью о томъ же свидѣтельствуютъ заключительныя слова того же пункта манифеста, предоставляющія дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку. Здѣсь говорится не о примѣненіи начала общаго избирательнаго права въ будущемъ, а лишь о дальнѣйшемъ развитіи того начала, главныя положенія котораго должны, очевидно, лечь въ настоящее время въ основу предуказанныхъ измѣненій. Затѣмъ, цитировавъ приведенныя въ сообщенной всѣмъ присутствующимъ „справкѣ“ указанія на многочисленные недостатки и противорѣчія въ первыхъ двухъ проектахъ и изложенныя въ ней соображенія, въ силу которыхъ признается болѣе правильнымъ перейти прямо къ общей подачѣ голосовъ, я привелъ всѣ мотивы принципіальнаго и практическаго характера, которые побуждаютъ насъ отдать исключительное предпочтеніе третьему проекту. Между прочимъ, я говорилъ, что 3-мъ пунктомъ манифеста 17-го октября предоставлено Государственной Думѣ, несомнѣнно, участіе въ законодательной власти, но для того, чтобы осуществленіе этой власти Думой было встрѣчено довѣріемъ всего населенія и имѣло надлежащій авторитетъ, необходимо, чтобы составъ Думы слагался не изъ представителей интересовъ отдѣльныхъ классовъ, а явился представительствомъ народа, свободно избраннымъ на общихъ и равныхъ для всѣхъ выборахъ.

Когда я кончилъ, слово взялъ тотчасъ предсѣдатель совѣта и рѣзко возражалъ на сдѣланное мной указаніе, что осуществленіе начала общаго избирательнаго права предуказано манифестомъ 17-го октября. Отрицая правильность высказаннаго мною мнѣнія, графъ Витте подчеркивалъ значеніе первой части

второго пункта манифеста, въ которой сказано: „не останавливая предназначенныхъ выборовъ, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, по мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы“ и т. д. Основываясь на этихъ словахъ, предсѣдатель совѣта министровъ утверждалъ, что въ силу ихъ въ настоящее время не могутъ быть отмѣнены общія основы положенія о выборахъ 6-го августа и что классовая группировка избирателей должна быть сохранена. Затѣмъ имъ было высказано не мало возраженій по существу противъ началъ общаго избирательнаго права и приводились указанія на преимущества системы классоваго представительства.

Вся наша группа, исключая графа Бобринскаго, была поражена выступленіемъ графа Витте, явившимся для насъ совершенно неожиданнымъ и намъ непонятнымъ, послѣ предварительнаго обмѣна мнѣній съ нимъ поэтому вопросу въ теченіе продолжительнаго времени. Присутствующій въ засѣданіи С. Е. Крыжановскій во время рѣчи предсѣдателя неоднократно обращался ко мнѣ съ улыбкой, говорившей объ основательности высказанныхъ имъ мнѣ сомнѣній относительно искренности графа Витте.

Происходившія, затѣмъ, продолжительныя пренія сосредоточились на томъ же принципіальномъ разномысліи. Всѣ общественные дѣятели говорили о необходимости пойти навстрѣчу пожеланіямъ многочисленныхъ общественныхъ круговъ и организовать избраніе членовъ Думы путемъ общихъ выборовъ. Наиболѣе вѣская аргументація этихъ требованій была сдѣлана С. А. Муромцевымъ и кн. Е. Н. Трубецкимъ, но всѣ приведенные доводы не могли побудить графа Витте измѣнить свое отношеніе къ вопросу. Только одинъ гр. В. А. Бобринскій высказался за сохраненіе классоваго представительства. Изъ членовъ кабинета, кромѣ предсѣдателя, выступавшаго съ неоднократными и продолжительными возраженіями, говорилъ оберъ-прокуроръ синода, кн. А. Д. Оболенскій. Поддерживая мнѣніе, высказанное предсѣдателемъ, князь Оболенскій признавалъ неизбѣжнымъ сохранить классовую группировку избирателей, въ виду необходимости осуществить предоставленное положеніемъ 6-го августа крестьянской куріи право самостоятельнаго избранія членовъ Думы, тогда какъ при общихъ выборахъ крестьянство будетъ

лишено этого права. Министръ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Дурново выслушивалъ рѣчи общественныхъ дѣятелей съ трудно сдерживаемымъ раздраженіемъ. Получивъ слово, онъ рѣзко заявилъ, что не понимаетъ, какъ можно говорить о предпочтительности той или иной системы выборовъ въ Государственную Думу въ переживаемое время,—время революціи; теперь вообще немыслимо производить эти выборы. Что касается необходимаго власти, какъ здѣсь говорили, довѣрія общества, то правительству достаточно имѣть опору со стороны классовъ, представителемъ которыхъ въ настоящемъ совѣщаніи является графъ В. А. Бобринскій. Затѣмъ во время одной моей реплики, въ которой я говорилъ, что только общіе выборы могутъ внести желательное умиротвореніе въ среду, такъ называемаго, третьяго элемента, П. Н. Дурново демонстративно вышелъ изъ засѣданія и болѣе не возвращался. Нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ совѣтѣ членовъ Государственнаго Совѣта принимали участіе въ преніяхъ, высказывали неопредѣленныя опасенія относительно привлеченія къ участію въ выборахъ лицъ, не обладающихъ имущественнымъ цензомъ, но не внесли съ своей стороны никакихъ конкретныхъ предложеній. Въ заключеніе засѣданія предсѣдатель указалъ на существующее разногласіе и предложилъ собраться вновь на слѣдующій день, чтобы приступить къ постатейному обсужденію представленныхъ проектовъ, начавъ съ перваго.

Ни по окончаніи засѣданія, ни во время его перерыва, продолжавшагося около получаса, графъ Витте не вступалъ въ бесѣду ни съ кѣмъ изъ нашей группы и не счелъ нужнымъ объяснить намъ неожиданное измѣненіе своего отношенія къ обсуждавшемуся вопросу. Вечеромъ того же дня наша группа, но безъ участія графа В. А. Бобринскаго, обсуждала создавшееся положеніе и всѣ пришли къ единогласному заключенію, что намъ слѣдуетъ воздержаться отъ участія при детальномъ обсужденіи въ совѣтѣ министровъ первыхъ двухъ проектовъ, чтобы не создать предположенія, будто мы считаемъ ихъ съ тѣми или иными поправками пріемлемыми, и устранить возможность ссылаться впослѣдствіи на то, что проекты эти выработаны и одобрены при участіи лицъ изъ общественной среды. Сдѣлать соотвѣтствующее заявленіе въ совѣтѣ министровъ было возложено на мою обязанность.

На слѣдующій день, когда мы собрались вновь въ Маріинскомъ дворцѣ, кн. А. Д. Оболенскій предъ самымъ началомъ засѣданія передалъ мнѣ письмо и записку, съ которыми просилъ меня тотчасъ же ознакомиться. Письмо князя было слѣдующаго содержанія:

„Многоуважаемый
Дмитрій Николаевичъ!

Будьте любезны взглянуть и скажите, какъ, по разуму и совѣсти, опровергнуть эти доводы. Вы, конечно, не станете утверждать, что все это имѣетъ лишь формальный характеръ. Здѣсь дѣло „права“, на почвѣ котораго правительство обязано оставаться. Если съ него сойти, то можно, съ одной стороны, предлагать возстановить самодержавіе прежняго типа, съ другой,—требовать отреченія отъ престола и водворенія соціальной республики. На вещи нельзя смотрѣть съ точки зрѣнія увлеченія минутнымъ психозомъ, а съ точки зрѣнія будущей судьбы Россіи и исторической отвѣтственности за принятыя теперь рѣшенія. Если принципъ народовластія установленъ манифестомъ, въ чемъ я лично съ вами не согласенъ, такъ какъ все-таки источникъ повиновенія остается въ царской санкціи,—если даже это признать, то отсюда до всеобщихъ выборовъ еще большой промежутокъ, какъ это мы видимъ во многихъ другихъ Европейскихъ странахъ, да и въ самой Россіи надо еще имѣть фактическую возможность всеобщіе выборы осуществить. Покажите Гучкову и потомъ благоволите вернуть.

Искренно преданный
А. Оболенскій“.

Къ письму была приложена записка, напечатанная на пишущей машинкѣ, но никѣмъ не подписанная, слѣдующаго содержанія:

„Буквальный смыслъ п. 2-го Высочайшаго манифеста 17-го октября не оставляетъ сомнѣнія въ намѣреніи и волѣ законодателя. Этимъ пунктомъ усматривается, во-первыхъ, требованіе, чтобы выборы въ Думу не были отлагаемы; во-вторыхъ, чтобы превлечены были къ участію въ выборахъ такіе классы населенія, которые до сихъ поръ были совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ; въ-третьихъ, чтобы такое привлеченіе было сдѣлано „въ мѣрѣ возможности“, соотвѣтствующей краткости срока, остающагося до созыва Думы, и, наконецъ, въ-четвертыхъ, чтобы

дальнѣйшее затѣмъ развитіе начала общаго избирательнаго права было предоставлено вновь устанавливаемому симъ манифестомъ законодательному порядку. Самый же новый порядокъ тотъ выражается въ п. 3-мъ манифеста 17-го октября, по коему никакой законъ не можетъ воспріять силы безъ одобренія Государственной Думы. Совершенно очевидно, такимъ образомъ, что установленіе нынѣ внѣ порядка законодательнаго всеобщаго избирательнаго права есть прямое и явное нарушеніе манифеста. Не менѣе очевидно, что иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ, не могутъ быть отмѣнены общія основы выборнаго порядка (куріи) по закону 6-го августа. Во всякомъ случаѣ правительство, на которое возложено исполненіе манифеста, не въ правѣ отступить отъ этой своей обязанности, безъ опасенія совершенно поколебать довѣріе къ законномѣрности своей дѣятельности и вызвать требованія о всякихъ вообще измѣненіяхъ въ угоду тѣмъ или инымъ партіямъ. Нарушеніе манифеста 17-го октября есть актъ революціонный, откуда бы онъ ни исходилъ и въ какую бы сторону ни направлялся. Съ другой стороны, нельзя не признать тотъ несомнѣнный фактъ, что идея всеобщихъ выборовъ, за послѣднее время, столь распространилась, стала достояніемъ дѣйствительно столь значительныхъ массъ населенія, что созывъ Думы безъ провозглашенія этого принципа крайне затруднится, если и не сдѣлается совершенно невозможнымъ. При такихъ условіяхъ, по мнѣнію моему, для правительства остается лишь слѣдующій исходъ. Во-первыхъ, безотлагательно представить на благовоззрѣніе Его Императорскаго Величества проектъ (№ 1 и № 2, нѣсколько измѣненные, согласно частнымъ замѣчаніямъ), по коему къ участію въ выборахъ по куріямъ 6-го августа привлекается: классъ рабочихъ, классъ проживающихъ въ уѣздахъ лицъ не крестьянскаго и не землевладѣльческаго сословія, всѣ квартиронаниматели, уплачивающіе квартирный налогъ, и нѣкоторые другіе разряды лицъ; во-вторыхъ, составить проектъ общеизбирательнаго закона (проектъ № 3), который и предать гласности, какъ одинъ изъ проектовъ закона, имѣющихъ быть отъ лица правительства внесенныхъ въ первую же сессію Государственной Думы. Въ-третьихъ, подробно, съ полною ясностью пояснить причину невозможности нынѣ же внѣ законодательнаго порядка осуществить признаваемое желательнымъ въ принципѣ начало общеизбирательнаго права“.

Я поспѣшилъ ознакомить А. И. Гучкова и другихъ членовъ нашей группы съ полученными письмомъ и запиской. Изложенныя въ нихъ соображенія, конечно, не могли нисколько поколебать нашего убѣжденія и разсѣять наше недоумѣніе. Въ запискѣ были резюмированы доводы, приводимые наканунѣ графомъ Витте, и всѣ мы пришли къ заключенію, что записка передана мнѣ кн. А. Д. Оболенскимъ, вѣроятно, по порученію гр. Витте.

По открытіи засѣданія, я просилъ слово и отъ лица семи членовъ нашей группы заявилъ, что мы не находимъ для себя возможнымъ принять участіе въ постатейномъ обсужденіи первыхъ двухъ проектовъ, подробно мотивировавъ наше рѣшеніе. Наше заявленіе произвело, видимо, неблагопріятное впечатлѣніе на предсѣдателя и онъ предложилъ совѣту, въ виду нашего рѣшенія отложить временно обсужденіе перваго и второго проектовъ и выслушать въ настоящемъ засѣданіи мнѣніе общественныхъ дѣятелей относительно третьяго проекта. Продолженіе засѣданія имѣло затѣмъ исключительно формальный характеръ; намъ было ясно, что проектъ, построенный на началахъ общаго избирательнаго права, не получитъ осуществленія и что предлагаемыя нами къ нему поправки и дополненія не окажутъ никакого вліянія на дальнѣйшее направленіе вопроса. Очевидно, такъ же смотрѣли на дальнѣйшее наше участіе въ совѣщаніи совѣтъ и его предсѣдатель, и предложеніе выслушать наши замѣчанія являлось лишь актомъ вѣжливости по отношенію къ лицамъ, приглашеннымъ въ засѣданіе. Тѣмъ не менѣе, мы сочли своей обязанностью при постатейномъ чтеніи третьяго проекта представить совѣту всѣ намѣченныя нами ранѣе въ частномъ совѣщаніи замѣчанія, дополненія и измѣненія, при чемъ наши заявленія не вызывали большихъ возраженій и продолжительныхъ преній. Затѣмъ предсѣдатель благодарилъ насъ за принятое нами участіе въ занятіяхъ совѣта, послѣ чего мы удалились изъ зала.

Во время происходившаго засѣданія я успѣлъ составить отвѣтъ князю А. Д. Оболенскому, который тутъ же показалъ А. И. Гучкову, и на слѣдующій день отослалъ князю слѣдующее письмо:

„Многоуважаемый
Князь Алексѣй Дмитріевичъ!

Никакъ не могу согласиться съ правильностью доводовъ,

изложенныхъ въ присланной мнѣ вами запискѣ. По поводу ихъ я говорилъ въ совѣтѣ третьяго дня, вчера и теперь могу повторить только то же самое. Самое страшное и пагубное въ настоящую переживаемую Россіей грозную минуту—отсутствіе у правительства опредѣленной программы, основанной на опредѣленныхъ политическихъ убѣжденіяхъ и которой правительство считало бы необходимымъ руководствоваться. Только при этомъ условіи возможны довѣріе и поддержка общества. Постоянныя сомнѣнія, исканія компромиссовъ, влекущія за собой неизбѣжныя затѣмъ уступки, лишаютъ правительство возможности овладѣть общественнымъ движеніемъ и сдѣлаться его руководителемъ. Такой путь можетъ только окончательно подорвать авторитетъ власти и ввергнуть страну въ анархію. Принятіе комбинацій, изложенныхъ въ вашей запискѣ, по мнѣнію Гучкова и моему, грозятъ большой опасностью государственному порядку.

Примите увѣреніе и т. д.

Д. Шиповъ".

21-го ноября 1905 года.

Уѣзжая изъ С.-Петербурга послѣ засѣданій совѣта министровъ, я не предполагалъ возможнымъ, чтобы общественные дѣятели, въ томъ числѣ и я, были вновь привлечены къ обсужденію вопроса объ измѣненіи положенія о выборахъ въ Государственную Думу. Но 30-го ноября московскій градоначальникъ сообщилъ мнѣ по телефону о полученномъ имъ предписаніи поставить меня въ извѣстность, что по высочайшему повелѣнію я приглашаюсь на 5-ое декабря въ Царское Село для представленія объясненій въ совѣщаніи, имѣющемъ состояться подъ предсѣдательствомъ Е. И. В., для разсмотрѣнія предположеній совѣта министровъ о способахъ осуществленія высочайшихъ предуказаній, возвѣщенныхъ въ пунктѣ 2 манифеста 17-го октября 1905 года. Такое же увѣдомленіе было передано въ Москвѣ А. И. Гучкову. 1-го декабря М. А. Стаховичъ, по порученію гр. Витте, телеграфировалъ мнѣ, чтобы я пріѣхалъ въ С.-Петербургъ заблаговременно и повидался непремѣнно съ графомъ С. Ю-мъ до засѣданія въ Царскомъ Селѣ. 3-го декабря я пріѣхалъ въ С.-Петербургъ и въ тотъ же день былъ у графа Витте. Приступая къ бесѣдѣ, графъ С. Ю.

сказалъ, приблизительно, слѣдующее: „Васъ, конечно, удивило встрѣтить во мнѣ оппонента въ засѣданіи совѣта министровъ, но вы сами въ этомъ повинны. Зачѣмъ начали вы свою рѣчь съ указанія на то, что примѣненіе общаго избирательнаго права предрѣшено 2-мъ пунктомъ манифеста 17-го октября? Всѣмъ извѣстно, что авторомъ этого манифеста былъ я, и, слѣдовательно, если бы я согласился съ вашей точкой зрѣнія, то мои многочисленные недоброжелатели, изъ которыхъ многіе присутствовали въ засѣданіи, могли бы сказать, что я преднамѣренно представилъ Государю къ подписи проектъ манифеста, которымъ предрѣшалось немедленное примѣненіе общаго избирательнаго права. Я ожидалъ, наоборотъ, что иниціатива въ возбужденіи этого вопроса будетъ принадлежать приглашеннымъ въ засѣданіе общественнымъ дѣятелямъ и что вы ограничитесь аргументаціей выставленнаго вами положенія по существу; въ такомъ случаѣ и я не явился бы вашимъ противникомъ, а считалъ бы только своей задачей содѣйствовать всестороннему и объективному освѣщенію вопроса. Я поручилъ М. А. Стаховичу просить васъ побывать у меня, чтобы объяснить вамъ происшедшее недоразумѣніе и предупредить васъ, чтобы въ вашихъ объясненіяхъ на предстоящемъ совѣщаніи въ Царскомъ Селѣ вы не ссылались на предрѣшеніе вопроса манифестомъ 17-го октября“.—Откровенное заявленіе графа Витте еще разъ съ наглядностью подтвердило мнѣ, на какихъ различныхъ точкахъ зрѣнія стоятъ бюрократы и представители общества и какъ трудно имъ притти къ взаимному между собой пониманію и согласованному образу дѣйствій. Затѣмъ графъ Витте сказалъ, что въ предстоящемъ совѣщаніи приглашенныя изъ среды общества лица представятъ свои объясненія въ первой части засѣданія, послѣ перерыва они удалятся и вопросъ будетъ разрѣшенъ совѣщаніемъ въ ихъ отсутствіи. Въ виду этого, графъ С. Ю. предупредилъ меня, что послѣ нашихъ рѣчей онъ предложитъ намъ слѣдующіе три вопроса: 1) возможно ли разсчитывать на благополучное производство выборовъ, въ виду происходящихъ во многихъ мѣстностяхъ безпорядковъ; 2) не усмотритъ ли крестьянство въ общихъ выборахъ умаленія предоставленнаго ему положеніемъ 6-го августа права самостоятельнаго избранія членовъ Государственной Думы и 3) не заключается ли опасности въ

предоставленіи широкаго права участія въ выборахъ лицамъ свободныхъ профессій,—такъ называемому, третему элементу. Графъ сказалъ, что лично онъ знаетъ мое мнѣніе по этимъ вопросамъ, но такъ какъ эти вопросы будутъ, несомнѣнно, возбуждены въ совѣщаніи послѣ удаленія общественныхъ дѣятелей, то онъ желаетъ предоставить намъ возможность высказать наше отношеніе къ этимъ вопросамъ во время первой части засѣданія. На мой вопросъ,—кто изъ среды общества, кромѣ А. И. Гучкова и меня, приглашены въ совѣщаніе въ Царскомъ Селѣ,—графъ Витте отвѣтилъ, что онъ предложилъ Государю привлечь, съ одной стороны А. И. Гучкова и меня, какъ лицъ, высказывающихся за примѣненіе общаго избирательнаго права, а, съ другой—барона П. Л. Корфа и графа В. А. Бобринскаго, которые стоятъ за классовую группировку избирателей. Я объяснилъ, что по отношенію къ барону П. Л. Корфу гр. С. Ю. ошибается; баронъ Корфъ вмѣстѣ съ А. И. Гучковымъ и мной является учредителемъ партіи „Союза 17-го октября“, въ программѣ которой провозглашено начало общаго избирательнаго права. Графъ Витте сказалъ, что ему это обстоятельство не было извѣстно, и что, докладывая Государю, онъ впалъ въ ошибку, имѣвъ въ виду статью барона Корфа, напечатанную весной въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, и о происшедшемъ недоразумѣніи просилъ меня предупредить барона Корфа.

Приглашеннымъ на совѣщаніе въ Царское Село были заблаговременно доставлены два проекта измѣненій положенія о выборахъ въ Государственную Думу и „Меморія совѣта министровъ о способахъ осуществленія Высочайшихъ предуказаній, возвѣщенныхъ въ п. 2-мъ манифеста 17-го октября 1905 года“. Первый проектъ, изложенный въ формѣ указа Правительствующему Сенату, представлялъ соединеніе проектовъ № 1 и № 2, внесенныхъ 19-го ноября на разсмотрѣніе совѣта министровъ, но со слѣдующими измѣненіями: 1) къ участію въ съѣздахъ городскихъ избирателей и въ избраніи выборщиковъ въ городскія избирательныя собранія допускались, за исключеніемъ низшихъ служителей и рабочихъ, всѣ лица, получающія содержаніе или пенсію по службѣ государственной, или въ общественныхъ учрежденіяхъ, или на желѣзныхъ дорогахъ, безъ опредѣленія минимума получаемаго ими вознагражденія; 2) право

участія въ предварительныхъ съѣздахъ предоставлялось всѣмъ, владѣющимъ землей, въ размѣрахъ не менѣе $^1/_{20}$ ценза, показаннаго въ приложеніи къ ст. 12 полож. о выборахъ, и 3) рабочимъ предоставлялось право самостоятельнаго избранія членовъ Государственной Думы въ 6 окружныхъ собраніяхъ выборщиковъ, но число избираемыхъ ими членовъ Думы было ограничено 14.—Второй проектъ былъ изложенъ въ видѣ новаго положенія о выборахъ, при чемъ въ основу его былъ положенъ проектъ № 3, представленный въ совѣтъ министровъ, въ который, однако, были внесены нѣкоторыя существенныя измѣненія. Часть этихъ измѣненій была сдѣлана согласно указаніямъ, представленнымъ общественными дѣятелями 20-го ноября при постатейномъ чтеніи 3-го проекта въ совѣтѣ министровъ, но два измѣненія были внесены по иниціативѣ самого совѣта министровъ. Статья 7-ая новаго проекта устанавливала, что выборы членовъ Государственной Думы производятся не только окружными избирательными собраніями въ полномъ ихъ составѣ, но также и выборщиками отъ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ волостей и казачьихъ станицъ, при чемъ, согласно приложенному къ этой статьѣ расписанію, число членовъ, избираемыхъ окружными собраніями, опредѣлялось 462, а избираемыхъ выборщиками отъ волостей и станицъ—54. Затѣмъ совѣтъ министровъ исключилъ изъ статьи 61-ой заключавшееся въ ней допущеніе въ помѣщеніе избирательныхъ собраній представителей печати. По предложенію общественныхъ дѣятелей были внесены слѣдующія, болѣе существенныя измѣненія: 1) изъ примѣчанія къ статьѣ 1-ой, перечислявшаго мѣстности, въ которыхъ выборы въ Думу производятся на основаніи особыхъ правилъ, было исключено Царство Польское и на него было распространено дѣйствіе общаго порядка; 2) число жителей въ городахъ, образующихъ самостоятельные избирательные участки, повышено съ 7.500 до 10.000 (ст. 14), но въ сельскихъ избирательныхъ участкахъ предѣльное количество населенія повышено съ 2.500 до 4.000 (ст. 13); тогда какъ мы предлагали его понизить до 2.000 жителей; 3) статьей 36-ой для занесенія лица въ избирательные списки устанавливалось условіе проживанія въ предѣлахъ участка не менѣе 6 мѣсяцевъ вмѣсто года, какъ предлагалось ранѣе, хотя общественные дѣятели настаивали на пониженіе этого срока до 1 мѣсяца;

4) въ статью 45-ую было введено требованіе о созывѣ избирательныхъ съѣздовъ въ праздничные дни, а статья 55-ая предоставляла выборщикамъ право на возмѣщеніе, въ случаѣ ихъ желанія, путевыхъ издержекъ; 5) примѣчаніе къ статьѣ 59-ой, говорившее прежде, что лица, занимающія гражданскія должности, въ случаѣ избранія ихъ въ члены Думы, могутъ сохранить свои должности не иначе, какъ съ разрѣшенія своего начальства, замѣнено требованіемъ оставленія этими лицами занимаемой должности, при чемъ это требованіе не распространялось только на министровъ и ихъ товарищей, между тѣмъ какъ общественные дѣятели признавали необходимымъ не предъявлять этого требованія также по отношенію лицъ, занимающихъ выборныя должности по общественной службѣ, на профессоровъ и на членовъ ученыхъ учрежденій, и 6) проектъ былъ дополненъ отдѣломъ пятымъ, предусматривавшимъ организацію подготовительныхъ собраній избирателей и выборщиковъ.

Въ „Меморіи“ были изложены соображенія, которыми руководился совѣтъ министровъ при составленіи двухъ представленныхъ имъ проектовъ. Въ началѣ „Меморіи“ указывалось, что по точному смыслу акта 17-го октября непосредственною задачей правительства должно служить развитіе избирательной системы, установленной 6-го августа, и потому избирательное право должно быть прежде всего дополнительно предоставлено среднимъ и низшимъ разрядамъ городского населенія, лицамъ, живущимъ умственнымъ трудомъ внѣ городовъ, и мелкимъ землевладѣльцамъ. Затѣмъ право участія въ выборахъ слѣдуетъ также дать рабочимъ на фабрикахъ, заводахъ и во всякаго рода мастерскихъ, при чемъ предстоитъ остановиться на одной изъ двухъ системъ: или провести по всѣмъ ступенямъ раздѣльные выборы отъ рабочаго населенія, или включить выборщиковъ отъ рабочихъ въ составъ губернскихъ избирательныхъ собраній. Предоставленіе рабочимъ опредѣленнаго числа мѣстъ въ Государственной Думѣ явится, несомнѣнно, наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ успокоенія этихъ массъ населенія, но создастъ и укрѣпитъ въ умахъ рабочихъ предположеніе о раздѣльности ихъ интересовъ отъ пользъ и нуждъ остального населенія и о томъ, что рабочій классъ является чѣмъ-то въ родѣ государства въ государствѣ. При этомъ высказывалось

опасеніе, что въ будущемъ даже переходъ ко всеобщимъ выборамъ окажется для рабочихъ крайне невыгоднымъ и они будутъ стремиться къ сохраненію обособленной системы выборовъ и къ увеличенію числа членовъ Думы отъ рабочихъ. Что касается второго изъ указанныхъ способовъ участія рабочихъ въ выборахъ, то въ „Меморіи“ констатируется, что эта система не дастъ рабочимъ реальнаго участія въ Думѣ и можетъ вызвать ихъ недовольство. Кромѣ того, наиболѣе существеннымъ доводомъ противъ участія рабочихъ въ выборахъ, совмѣстно съ другими классами, признавалось соображеніе о той агитаціи, которую они внесутъ въ среду избирательныхъ собраній. Въ виду этого совѣтъ министровъ считалъ предпочтительнымъ остановиться на системѣ отдѣльнаго представительства рабочихъ.

Закончивъ разработку проекта дополнительныхъ къ закону 6-го августа правилъ, совѣтъ министровъ, говорилось далѣе въ „меморіи“, принялъ во вниманіе, что количество лицъ, остающихся за предѣлами проектируемаго расширенія, не можетъ быть значительнымъ, а, между тѣмъ, въ кругъ избирателей предположено ввести элементы, наиболѣе подверженные броженію (лица свободныхъ профессій, рабочіе и т. д.). При такихъ условіяхъ возникаетъ вопросъ—не слѣдовало ли бы прямо перейти къ порядку общаго избирательнаго права, возможность установленія коего предвозвѣщена въ манифестѣ 17-го октября? Россія—страна демократическая, а потому идеи равенства и, въ частности равнаго и общаго участія въ выборахъ не могутъ не находить въ нашемъ обществѣ самой благопріятной почвы для своего развитія. Нѣкоторые члены совѣта министровъ полагали необходимымъ нынѣ же обратиться къ началу всеобщихъ выборовъ и указывали, что главный недостатокъ правительственныхъ мѣропріятій сводится къ тому, что они не шли въ уровень съ ростомъ общественнаго сознанія, и правительство вмѣсто того, чтобы твердо взять въ свои руки движеніе, шло позади общества, дѣлая время отъ времени вынужденныя уступки, которыя никого не удовлетворяли. Другіе же члены совѣта не считали правильнымъ задаваться единственно мыслью достигнуть во что бы то ни стало успокоенія общественнаго настроенія, признавали, что въ такомъ дѣлѣ, какъ выборы, единственною цѣлью законодателя должно быть благо всего государства, указывали, что при общихъ выборахъ совершенно растворятся

многія, и пока еще единственно культурныя органическія части общества: частные землевладѣльцы, вся крупная промышленность, наконецъ, всѣ образованные классы, и полагали, что разъ невозможность созвать Думу на началахъ 6-го августа не представляется доказанною, то нѣтъ основанія отступать отъ началъ, провозглашенныхъ манифестомъ 17-го октября. Тѣмъ не менѣе, въ виду опредѣлившагося разномыслія, совѣтъ министровъ призналъ необходимымъ представить на благовоззрѣніе Его Величества одновременно съ первымъ проектомъ другой проектъ положенія о выборахъ въ Государственную Думу по системѣ общей подачи голосовъ.

Въ происходившемъ 5-го декабря въ Царскосельскомъ дворцѣ совѣщаніи принимали участіе: великій князь Михаилъ Александровичъ, совѣтъ министровъ въ полномъ составѣ, предсѣдатель Государственнаго Совѣта—графъ Д. М. Сольскій, члены Государственнаго Совѣта—Э. В. Фришъ, О. Б. Рихтеръ, Н. М. Чихачевъ, А. А. Сабуровъ 1-й, графъ А. П. Игнатьевъ 2-й, И. Я. Голубевъ, Н. С. Таганцевъ, В. В. Верховскій, князь А. Д. Оболенскій I-й, А. Г. Булыгинъ, баронъ А. А. Будбергъ, А. С. Стишинскій, государственный секретарь, баронъ Ю. А. Икскуль фонъ-Гиндельбандтъ, управляющій дѣлами комитета министровъ баронъ Э. Ю. Нольде и свиты Е. И. В. ген.-маіоръ Д. Ѳ. Треповъ.

По открытіи засѣданія, въ 11 ч. дня, Государь сказалъ: „Въ предстоящемъ намъ дѣлѣ я ожидаю отъ всѣхъ самаго откровеннаго и искренняго изложенія своего мнѣнія. Я желаю прежде всего выслушать москвичей“. При этомъ Государь остановилъ свой взглядъ на мнѣ и сдѣлалъ знакъ, приглашавшій меня высказаться. Съ большимъ волненіемъ началъ я мою рѣчь, такъ какъ впервые приходилось мнѣ говорить въ такомъ совѣщаніи и въ то же время я не могъ не сознавать громадной отвѣтственности, лежавшей на мнѣ, какъ на лицѣ, призванномъ изъ среды общества. Но вскорѣ я овладѣлъ охватившимъ меня волненіемъ, видя, съ какимъ вниманіемъ слѣдитъ за моей рѣчью Государь, и я чувствовалъ, что говорю удачно и съ большимъ подъемомъ. Мною была произнесена слѣдующая рѣчь:

Ваше Императорское Величество. Грозное и тяжелое время переживаетъ Россія: общество находится въ броженіи, въ немъ происходитъ переоцѣнка всѣхъ цѣнностей, которыми опредѣ-

ляется личная и общественная жизнь, деморализація проникла во всѣ слои общества, утеряно сознаніе не только гражданскихъ, но и нравственныхъ обязанностей, поколеблено сознаніе лежащаго на людяхъ долга. Никогда еще Россія не нуждалась въ такой степени въ авторитетной правительственной власти, въ организованномъ обществѣ и въ тѣсномъ ихъ единеніи, основанномъ на взаимномъ довѣріи. Манифестъ 17-го октября открываетъ путь для созданія столь необходимаго взаимодѣйствія власти и населенія. Но правительство можетъ быть сильнымъ и обладать надлежащимъ авторитетомъ только въ томъ случаѣ, если оно встрѣчаетъ нравственную поддержку со стороны общества, которое должно быть для того организовано, что возможно лишь при правильной постановкѣ народнаго представительства. Необходимо скорѣе созвать Государственную Думу; только Дума можетъ внести умиротвореніе въ настроеніе страны, установить и осуществить прочный правопорядокъ, создать столь необходимое взаимодѣйствіе правительственныхъ и общественныхъ силъ и укрѣпить авторитетъ власти. Разрѣшить эту отвѣтственную задачу можетъ только Дума, которая по своему составу будетъ внушать къ себѣ довѣріе всему населенію. Предугадать, каковъ будетъ составъ Думы, невозможно; теперь нужно имѣть лишь одну цѣль, чтобы система избранія членовъ Думы была построена на правильныхъ началахъ, чтобы Дума явилась представительствомъ всего населенія и пользовалась его довѣріемъ. Положеніе 6-го августа, ограничивавшее компетенцію Думы, обусловливавшее право участія въ выборахъ имущественнымъ цензомъ и устанавливавшее классовую группировку избирателей, встрѣтило опредѣленное несочувствіе въ широкихъ кругахъ населенія и создало благопріятную почву для агитаціи среди различныхъ общественныхъ группъ, лишенныхъ права участія въ выборахъ, и для развитія революціоннаго движенія. Манифестомъ 17-го октября Вашему Величеству было угодно даровать всѣмъ вашимъ подданнымъ незыблемыя основы гражданской свободы и предоставить Государственной Думѣ надлежащій авторитетъ. Эта Монаршая милость вызвала восторгъ и глубокую благодарность въ сердцахъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества и лишь крайнія, революціонныя партіи не сочувствуютъ ей, такъ какъ она открываетъ путь къ нежелательной имъ организаціи дѣйствительнаго взаимодѣйствія правительства и

общества. Теперь населеніе съ нетерпѣніемъ ожидаетъ измѣненія избирательнаго закона, согласно предуказаніямъ Вашего Величества, и необходимо, чтобы новый законъ отвѣчалъ требованіямъ общественнаго сознанія. Идея общаго избирательнаго права распространена въ широкихъ кругахъ общества и сдѣлалась, можно сказать, достояніемъ всего народа, за немногими исключеніями. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, не говоря уже о печати, постановленія земскихъ собраній, городскихъ думъ и различныхъ общественныхъ организацій. Въ настоящее время въ странѣ происходитъ группировка политическихъ партій и въ программахъ почти всѣхъ партій выставляется требованіе всеобщаго голосованія. Безъ провозглашенія принципа общаго избирательнаго права нельзя разсчитывать на спокойное производство выборовъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ революціонная пропаганда найдетъ слишкомъ благопріятную для себя почву. Манифестъ 17-го октября даруетъ всѣмъ подданнымъ Вашего Величества незыблемыя основы гражданской свободы и если теперь, вы, Государь, предоставите всему же населенію равное право участія въ избраніи членовъ Думы, то это отвѣтитъ вполнѣ требованіямъ справедливости и будетъ встрѣчено всѣми съ горячей признательностью. Но осуществленіе общаго и равнаго для всѣхъ избирательнаго права возможно лишь при отказѣ отъ требованія имущественнаго ценза и отъ классовой группировки избирателей. Обыкновенно для оправданія требованія ценза ссылаются на представительство интересовъ, но, стоя на исторической почвѣ развитія нашей государственной жизни, нельзя не признать, что представительство интересовъ было всегда чуждо русскому духу; слѣдуетъ ожидать, что при общихъ выборахъ въ Думу войдутъ лучшіе люди не для защиты своихъ классовыхъ интересовъ, а для дружной работы на благо всего государства. При цензовомъ началѣ, какъ ни расширять классы, привлекаемые къ участію въ выборахъ, всегда будутъ обездоленные, лишенные избирательнаго права, такъ напримѣръ: неотдѣленные сыновья, даже глава семьи, если занимаемая имъ и семьей его квартира почему-либо снята на имя жены, и т. д. При такомъ порядкѣ могутъ быть устранены отъ участія въ выборахъ желательные консервативные элементы общества. Россія—страна демократическая и въ основу избирательной системы долженъ быть положенъ

демократическій принципъ общаго и равнаго права голоса. Государственная Дума будетъ наиболѣе консервативной въ томъ случаѣ, если возможность участвовать въ выборахъ будетъ предоставлена всему народу, а не отдѣльнымъ его классамъ. Нельзя также не принять во вниманіе, что если лица, обладающія имущественнымъ цензомъ, платятъ прямые налоги, то остальные несутъ тяжесть косвеннаго обложенія и потому всѣ безъ исключенія являются плательщиками государственныхъ налоговъ; съ этой точки зрѣнія всѣ имѣютъ также равное право на участіе въ политическихъ выборахъ. Я высказываюсь противъ перваго проекта принципіально, а также и потому, что онъ совершенно несправедливо предоставляетъ особое представительство рабочему классу. При проектированной классовой группировкѣ болѣе консервативные элементы останутся въ сторонѣ, а рабочіе, наиболѣе шумѣвшіе, получатъ избирательное право, вопреки устанавливаемаго для остальныхъ классовъ требованія имущественнаго ценза. Общее голосованіе нужно не для того, чтобы примирить крайнія партіи, а для того, чтобы отнять отъ нихъ почву для агитаціи и для противодѣйствія производству выборовъ, но, главнымъ образомъ, оно необходимо, чтобы удовлетворить всѣхъ благонамѣренныхъ и массу населенія. Общее избирательное право не только справедливо, но въ то же время оно обезпечиваетъ спокойное производство выборовъ и открываетъ возможность наиболѣе скораго ихъ осуществленія. По моему убѣжденію слѣдуетъ принять второй проектъ, при которомъ выборы могутъ быть организованы весьма скоро, такъ какъ составленіе списковъ избирателей не будетъ сопряжено съ безконечной ихъ провѣркой. Становясь на сторону второго проекта, я имѣю сдѣлать нѣкоторыя относительно него замѣчанія, но ограничусь представленіемъ ихъ только по двумъ статьямъ. Статья 6-я предоставляетъ выборщикамъ отъ крестьянъ въ окружныхъ избирательныхъ собраніяхъ право избирать изъ своей среды по одному члену Государственной Думы. Возникаетъ вопросъ: насколько такая постановка будетъ справедливой по отношенію ко всему остальному населенію? Такіе отдѣльные выборы при общемъ избирательномъ правѣ являются принципіально неправильными, представляя смѣшеніе двухъ различныхъ началъ. Крестьяне могутъ подумать, что правительство сомнѣвается въ ихъ способности сознательно от-

нестись къ выборамъ, заставляя ихъ непремѣнно избрать члена Думы изъ среды ихъ выборщиковъ. Въ то же время они увидятъ, что правительство, какъ-будто, противополагаетъ интересы крестьянства интересамъ прочаго населенія. Обыкновенно при организаціи выборовъ опасаются абсентеизма избирателей; я утверждаю, что именно при проектированной системѣ крестьяне будутъ уклоняться отъ дальнѣйшихъ выборовъ въ избирательныхъ собраніяхъ съ господами. Если выборщики отъ крестьянъ будутъ участвовать въ избирательныхъ собраніяхъ наравнѣ и вмѣстѣ съ остальными выборщиками, то они подадутъ свои голоса за общественныхъ дѣятелей, извѣстныхъ имъ своей работой въ области земскихъ и городскихъ учрежденій. Если же крестьянскіе выборщики будутъ обособлены въ отдѣльную крестьянскую курію, то выбрать изъ своей среды рядового крестьянина они затруднятся, не зная другъ друга. Въ то же время, они, несомнѣнно, поймутъ, что имъ предоставлено право самостоятельнаго избранія своего представителя въ Думу для защиты своихъ классовыхъ интересовъ, а такъ какъ таковыми они признаютъ прежде всего расширеніе площади своего землевладѣнія, то они изберутъ въ члены Думы того, кто обѣщаетъ имъ самое широкое разрѣшеніе аграрнаго вопроса. Среди выборщиковъ отъ крестьянъ всегда можетъ быть лицо, приписанное къ волости, но совершенно оторванное отъ сельскаго быта и принадлежащее къ крайне лѣвымъ политическимъ партіямъ. Въ московской губерніи, напримѣръ, представителемъ отъ крестьянъ легко можетъ оказаться книгоиздатель Курнинъ, предсѣдатель крестьянскаго союза и членъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Вмѣсто предоставленія выборщикамъ отъ волостей и станицъ права самостоятельнаго избранія 54 членовъ Думы лучше увеличить общее число членовъ Думы и пріурочить, по возможности, избирательный округъ къ уѣзду. Каждый уѣздъ съ населеніемъ отъ 100 до 300 тысячъ можетъ составить избирательный округъ; уѣздъ съ населеніемъ менѣе 100.000 жителей можетъ быть присоединенъ къ сосѣднему уѣзду, а уѣздъ съ населеніемъ болѣе 300.000 можетъ быть раздѣленъ на два округа. Въ такомъ случаѣ общее число членовъ Думы будетъ отъ 600 до 650. Затѣмъ, я не вижу достаточныхъ основаній для стѣснительнаго ограниченія пассивнаго избирательнаго права, устанавливаемаго статьей 56-й. Заключающееся въ

ней требованіе, какъ бы, говоритъ о недостаткѣ довѣрія къ избирателямъ и является трудно объяснимымъ и ничѣмъ не оправдываемымъ ограниченіемъ ихъ правъ.

Послѣ меня говорилъ А. И. Гучковъ. Онъ обратилъ вниманіе на выдающуюся важность разсматриваемаго вопроса и на значеніе, которое будетъ имѣть то или иное его разрѣшеніе. Главный недостатокъ положенія 6-го августа заключается въ томъ, что онъ устранилъ отъ участія въ выборахъ слишкомъ много лицъ. Теперь представлены два проекта. Первый основанъ на цензовомъ началѣ и, однако, въ тоже время имъ къ участію въ выборахъ привлекаются рабочіе, но изъ нихъ преимущественно тѣ, которые проявили за послѣднее время больше волненія; масса же, такъ называемаго городского простонародья: дворники, сторожа, извозчики, ремесленники и т. д. устраняются. Рабочіе получаютъ особое представительство въ лицѣ 14 депутатовъ, которые будутъ держать въ своихъ рукахъ нити рабочаго движенія и представлять изъ себя легализованный стачечный комитетъ. Не слѣдуетъ бояться народныхъ массъ; привлеченіемъ ихъ къ участію въ политической жизни страны будетъ достигнуто наиболѣе прочное успокоеніе. Дарованіе общаго избирательнаго права неизбѣжно, и если не дать его теперь, то въ ближайшемъ будущемъ оно все-таки будетъ вырвано. Провозглашеніе же этого принципа въ настоящее время явится актомъ довѣрія, справедливости и милости. Высказываясь за второй проектъ, А. И. возражалъ противъ ограниченія пассивнаго избирательнаго права, устанавливаемаго въ 56-й статьѣ.

Говорившій третьимъ, баронъ П. Л. Корфъ, отмѣтилъ, что онъ еще въ минувшемъ мартѣ полагалъ возможнымъ организовать выборы въ Государственную Думу на почвѣ выборовъ въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ, но теперь, въ виду быстро развивающихся событій и выяснившихся требованій общественнаго сознанія, онъ долженъ отдать предпочтеніе второму проекту. Дарованіе общаго избирательнаго права всѣхъ удовлетворитъ; никто не будетъ обойденъ и, благодаря этому, въ Думу войдутъ болѣе консервативные элементы. Если будетъ дано узкое избирательное право, то вопросъ о расширеніи его, на основаніи манифеста 17-го октября, возникнетъ въ Думѣ на первыхъ же порахъ, а это едва ли можетъ быть полезнымъ и

желательнымъ. Склоняясь къ принятію второго проекта, баронъ П. Л. возражалъ противъ обособленнаго представительства отъ крестьянъ. При общихъ выборахъ крестьяне, благодаря своей численности, получатъ уже преобладающее вліяніе при избраніи выборщиковъ въ избирательныхъ участкахъ. Въ настоящее время, главное, необходимо не допускать никакихъ затяжекъ въ производствѣ выборовъ. Теперь самое важное—сохранить государство и для этого по возможности скорѣе созвать Государственную Думу.

Послѣднимъ говорилъ графъ В. А. Бобринскій. Онъ началъ свою рѣчь, замѣтно и чрезвычайно волнуясь, и сначала, какъ-будто, подыскивалъ мысли и выраженія, но затѣмъ, остановившись немного и сдѣлавъ небольшое усиліе, онъ сказалъ: Государь, при открытіи совѣщанія вы сказали, что ожидаете отъ всѣхъ самаго откровеннаго и искренняго слова, и я, по долгу присяги долженъ высказать то, что я сейчасъ чувствую. Недавно еще, когда я ѣхалъ сюда, и въ совѣтѣ министровъ, я стоялъ за выборы при классовой группировкѣ избирателей, но теперь, выслушавъ только-что произнесенныя рѣчи и приведенные въ нихъ доводы, я отказываюсь отъ своего прежняго мнѣнія и высказываюсь за общее избирательное право. Дума нужна не для разрѣшенія того или другого частнаго вопроса, а для спасенія государства и Государя, и она должна быть созвана возможно скорѣй. Нынѣ затронуты не классовые интересы, а интересы всей Россіи. Надо поднять народный духъ, нужно создать подъемъ настроенія въ обществѣ и помочь государству. Я не сомнѣваюсь въ государственномъ смыслѣ у крестьянъ; при сословныхъ же выборахъ дѣйствительно могутъ пройти въ Думу такіе господа, какъ Курнинъ. Послѣ этихъ словъ графъ В. А. сдѣлалъ нѣсколько частныхъ замѣчаній по второму проекту и выразилъ пожеланіе, чтобы каждый уѣздъ имѣлъ въ Думѣ своего представителя.—Неожиданное заявленіе графа В. А. Бобринскаго произвело не только на насъ, общественныхъ дѣятелей, но и на всѣхъ членовъ совѣщанія большое впечатлѣніе, повидимому, благопріятное для защищаемаго нами основного положенія.

Выслушавъ общественныхъ дѣятелей, Е. И. В. спросилъ: „не имѣютъ ли члены совѣщанія какихъ-либо вопросовъ, по которымъ они желали бы выслушать дополнительныя объясненія“?

Графъ С. Ю. Витте, обращая вниманіе на то, что всѣ говорившіе указывали на необходимость скорѣйшаго созыва Думы, интересовался узнать, находятъ ли приглашенные дѣятели возможнымъ производить выборы тамъ, гдѣ происходятъ аграрные безпорядки и гдѣ населеніе находится подъ вліяніемъ революціонеровъ? Государь взглянулъ на меня, какъ бы ожидая моего отвѣта. Отвѣчая на вопросъ, поставленный графомъ Витте, я сказалъ, что конечно нельзя разсчитывать, чтобы выборы прошли повсемѣстно спокойно, но нужно имѣть въ виду, что безпорядки происходили и происходятъ, главнымъ образомъ, на почвѣ аграрнаго вопроса. Крестьяне не останавливаются предъ насиліемъ и погромами, стремясь увеличить площадь своего землевладѣнія, но они едва ли руководятся личной ненавистью къ землевладѣльцамъ и присутствіе послѣднихъ на общихъ выборахъ едва ли можетъ произвести на крестьянъ неблагопріятное впечатлѣніе. Въ то же время нѣтъ основанія опасаться малодушія со стороны землевладѣльцевъ, въ силу котораго они могли бы уклониться отъ участія въ выборахъ; значительная часть землевладѣльцевъ сохранила къ себѣ довѣріе со стороны населенія. Баронъ П. Л. Корфъ опасался, что помѣщики могутъ встрѣтить препятствія принять участіе въ выборахъ со стороны революціонеровъ, и необходимы серьезныя мѣры для охраны избирателей и порядка, памятуя, что созывъ Думы, это—конецъ революціи.— Графъ В. А. Бобринскій указалъ на возможность кассаціи выборовъ, въ случаѣ насилія надъ избирателями, и сказалъ, что все будетъ зависѣть отъ условій того времени, въ которое произойдутъ выборы.

Государь спросилъ: „имѣетъ ли кто еще прибавить что-нибудь“?

Я указалъ на значеніе, которое можетъ имѣть для успокоенія крестьянскаго населенія своевременное разрѣшеніе аграрнаго вопроса. Необходимо, чтобы одновременно съ указомъ о созывѣ Государственной Думы было объявлено, что земельный вопросъ будетъ предоставленъ разрѣшенію Думы на основаніяхъ, нынѣ же предуказанныхъ Верховною Властью. Нужно безотлагательно озаботиться изготовленіемъ проекта аграрной реформы для внесенія его въ Думу при ея открытіи. Слѣдуетъ провозгласить скорѣе основныя положенія этой реформы. Аграрный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ путемъ разселенія, переселенія, отвода государственныхъ и удѣльныхъ

земель, прибѣгая къ отчужденію частновладѣльческихъ земель только въ случаяхъ исключительной необходимости.

О. Б. Рихтеръ высказалъ, что предоставленіемъ общаго избирательнаго права будутъ открыты двери интеллигентному пролетаріату, элементу, участіе котораго въ Государственной Думѣ весьма нежелательно.—Князь А. Д. Оболенскій 2-й указалъ, что избраніе крестьянскихъ выборщиковъ на основаніи положенія 6-го августа уже произведено во многихъ мѣстамъ и крестьяне освоились съ этимъ порядкомъ. Въ виду этого едва ли удобно въ настоящее время измѣнять установленный порядокъ и лишать крестьянъ предоставленнаго имъ права самостоятельнаго избранія членовъ Думы.

Я просилъ слово, чтобы отвѣтить на сдѣланныя замѣчанія. Возражая кн. А. Д. Оболенскому, я сказалъ, что сознаніе и интересы крестьянъ вовсе не вызываютъ съ ихъ стороны требованія отдѣльныхъ выборовъ. Крестьяне очень хорошо поймутъ, что общіе выборы обезпечиваютъ за сельскимъ населеніемъ преобладающее вліяніе на исходъ всѣхъ выборовъ. Въ то же время при общихъ выборахъ крестьяне будутъ имѣть возможность подать свои голоса за излюбленныхъ ими мѣстныхъ дѣятелей, какъ изъ среды землевладѣльцевъ, такъ и изъ среды лицъ, работающихъ на пользу мѣстнаго населенія. Что касается участія въ выборахъ представителей интеллигенціи, такъ называемаго „третьяго элемента“, то, какъ не относиться къ этой категоріи лицъ, нельзя не признавать въ нихъ реальнаго факта нашей общественной жизни. Я лично привыкъ относиться къ „третьему элементу“ съ глубокимъ уваженіемъ, но и при отрицательномъ къ нему отношеніи я ни вижу причины для устраненія этихъ лицъ отъ участія въ выборахъ. Предоставленіе избирательнаго права внесетъ, несомнѣнно, успокоеніе въ ихъ круги и введетъ ихъ въ правильное русло общественной жизни; исключеніе же ихъ изъ числа избирателей будетъ поддерживать среди нихъ недовольство и будетъ отталкивать ихъ въ революціонныя теченія.

Когда я кончилъ, слово просилъ министръ внутреннихъ дѣлъ, П. Н. Дурново, и говорилъ, что смуту излѣчить выборами нельзя, что не недовольство положеніемъ 6-го августа, а другія болѣе сложныя причины питаютъ революціонное движеніе, и что при общемъ избирательномъ законѣ въ Думу попадутъ не

государственные элементы. Затѣмъ, соглашаясь, что „третій элементъ“ есть дѣйствительный фактъ общественной жизни, П. Н. Дурново признавалъ его явленіемъ исключительно отрицательнымъ, требующимъ всемѣрнаго пресѣченія, и при этомъ въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ характеризовалъ интеллигентныхъ работниковъ въ учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправленія и говорилъ о нихъ, какъ о людяхъ, лишенныхъ традицій, и вредныхъ для государственнаго дѣла. Въ заключеніе онъ сказалъ, что общественнаго мнѣнія въ Россіи нѣтъ. Рѣчь министра внутреннихъ дѣлъ вызвала среди общественныхъ дѣятелей большое негодованіе и во время ея А. И. Гучковъ и я условились просить слово, чтобы, съ своей стороны, дать отпоръ на несправедливыя и рѣзкія инсинуаціи, но, какъ только П. Н. Дурново кончилъ говорить, Е. В. объявилъ перерывъ засѣданія, и мы были лишены возможности возражать на сказанное министромъ внутреннихъ дѣлъ.

По объявленіи перерыва, Государь и великій князь ушли изъ зала, а между оставшимися начался въ отдѣльныхъ кружкахъ обмѣнъ мнѣній. Многіе подходили къ нашей группѣ общественныхъ дѣятелей и выражали намъ свое сочувствіе. А. С. Стишинскій сказалъ мнѣ, что хотя онъ является моимъ политическимъ противникомъ и въ данномъ случаѣ несогласенъ со мной по существу, но онъ не можетъ не признать, что мы представили серьезныя соображенія въ пользу общаго избирательнаго права и что рѣчи наши, очевидно, произвели благопріятное для защищаемаго нами положенія впечатлѣніе. Графъ С. Ю. Витте подошелъ къ намъ, привѣтствовалъ насъ съ успѣшнымъ выполненіемъ нашей задачи и полагалъ, что принятіе второго проекта можно считать обезпеченнымъ. Принимавшій участіе въ завѣдываніи дѣлопроизводствомъ совѣщанія, С. Е. Крыжановскій, также подѣлился съ нами своими впечатлѣніями; ему также казалось несомнѣннымъ, что будетъ утвержденъ проектъ, построенный на началахъ общаго избирательнаго права.

О. Б. Рихтеръ, переходя отъ одной группы къ другой, демонстрировалъ карту Прибалтійскихъ губерній, на которой краснымъ карандашомъ были отмѣчены усадьбы, подвергшіяся разгрому со стороны населенія. Между прочимъ, онъ показалъ эту карту мнѣ. Я сказалъ, что массовые безпорядки, имѣвшіе

мѣсто въ Прибалтійскомъ краѣ, обусловливаются, вѣроятно, тяжелыми экономическими условіями, въ которыхъ находится тамъ сельское населеніе; но О. Б. Рихтеръ утверждалъ, что причина безпорядковъ коренится въ большой ошибкѣ, допущенной Императоромъ Александромъ II, въ силу которой крестьяне въ Россіи въ 1861 году, получивъ свободу, были въ то же время надѣлены землею помѣщиковъ. Отмѣчаю этотъ эпизодъ, какъ характеризующій людей стараго режима, оказывавшихъ вліяніе на ходъ нашей государственной жизни.

Послѣ предложеннаго всѣмъ присутствовавшимъ завтрака, общественные дѣятели удалились и дальнѣйшее обсужденіе вопроса происходило безъ нашего участія. Какъ извѣстно (указъ 11-го декабря 1905 г.), Государь утвердилъ первый проектъ со слѣдующими измѣненіями: 1) участіе въ предварительныхъ съѣздахъ было предоставлено всѣмъ землевладѣльцамъ, независимо отъ размѣра ихъ ценза, и 2) выборщики отъ рабочихъ введены въ составъ губернскаго или городского избирательнаго собранія по принадлежности. С. Е. Крыжановскій, съ которымъ мнѣ пришлось бесѣдовать по окончаніи занятій совѣщанія, сообщилъ, что состоявшееся рѣшеніе вопроса было обусловлено, главнымъ образомъ, неопредѣленностью и неустойчивостью въ отношеніи къ нему графа С. Ю. Витте и постояннымъ исканіемъ имъ того или иного компромисса. Ознакомившись значительно позднѣе съ протоколами засѣданій совѣщанія, я увидалъ, насколько правъ былъ С. Е. Крыжановскій въ своемъ заключеніи. Приводя неоднократно во время происходившихъ засѣданій очень вѣскіе доводы въ пользу второго проекта, графъ Витте вслѣдъ затѣмъ высказывалъ сужденія, которыя шли въ разрѣзъ со всѣмъ, имъ ранѣе изложеннымъ; такъ, напримѣръ, онъ говорилъ: „Если нельзя собрать Думу по положенію 6-го августа, а второй проектъ можетъ привести къ послѣдствіямъ, равнымъ образомъ нежелательнымъ, то слѣдуетъ избрать средній путь“, или: „Когда я разсуждаю умомъ, я склоняюсь въ пользу второго проекта, но когда я дѣйствую по чутью, я боюсь этого проекта“. Эти слова и такія колебанія не могли не оказать вліянія на окончательное рѣшеніе, принятое Государемъ.

ГЛАВА XII.

Причины, по которымъ я не могъ присоединиться къ конституціонно-демократической партіи. Образованіе „Союза 17-го октября“. Первый съѣздъ 8—12-го февраля 1906 года делегатовъ „Союза 17-го октября“. Манифестъ 20-го февраля 1906 года. Неудача „Союза 17-го октября“ при избраніи членовъ 1-й Государственной Думы. Избраніе меня московскимъ губернскимъ земствомъ членомъ Государственнаго Совѣта. Опубликованіе основныхъ законовъ 23-го апрѣля 1906 года. Перемѣна кабинета министровъ до открытія Государственной Думы. Участіе мое въ Государственномъ Совѣтѣ до роспуска 1-й Государственной Думы.

Организація народнаго представительства и предстоявшіе выборы первыхъ народныхъ представителей вызывали необходимость политической группировки избирателей и образованія въ странѣ политическихъ партій. Этотъ вопросъ не могъ не возникнуть и въ земской средѣ, единеніе которой до 1904 года обусловливалось, главнымъ образомъ, единодушнымъ отрицательнымъ отношеніемъ къ политикѣ государственной власти и къ существовавшему бюрократическому абсолютизму, но это единеніе не могло не оказаться нарушеннымъ, какъ только на очередь развитіемъ событій были поставлены вопросы о желательныхъ преобразованіяхъ нашего государственнаго строя. Въ главахъ VIII-й и IX-й настоящихъ „воспоминаній“ были уже приведены свѣдѣнія о разномысліи, обнаружившемся на этой почвѣ на земскомъ съѣздѣ 1904 года и получившемъ болѣе опредѣленное выраженіе въ теченіе слѣдующаго 1905 года. Это разномысліе, имѣвшее, какъ выяснено было выше, въ основѣ своей принципіальный характеръ, предрѣшало неизбѣжность, въ моментъ образованія въ странѣ политическихъ партій, раздѣленія земскихъ дѣятелей и ихъ присоединенія къ различнымъ политическимъ группамъ. Земскіе конституціоналисты, „Союзъ Освобожденія“ и сочувствовавшіе имъ члены съѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, объединившись между собой, 12-го октября 1905 года учредили конституціонно-демократическую

партію, ставившую себѣ цѣлью установленіе въ странѣ конституціоннаго строя на правовыхъ началахъ, путемъ ограниченія верховной власти Монарха и предоставленія законодательной власти народному представительству. Образованіе конституціонно-демократической партіи было предусмотрѣно и подготовлено руководителями конституціонныхъ теченій заблаговременно; представителей же меньшинства земскихъ съѣздовъ выдвинутый жизнію, при переходѣ къ новому государственному строю, вопросъ о партійной группировкѣ избирателей засталъ не подготовленными. Это объясняется отчасти тѣмъ, что для первыхъ признаніе партійной политической борьбы вытекало изъ основы ихъ политическаго жизнепониманія, а для вторыхъ—мысль о необходимости такой борьбы не соотвѣтствовала ихъ убѣжденіямъ и они лишь примирялись съ ней, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ при развитіи политической жизни. Однако, послѣ манифеста 17-го октября 1905 года представители меньшинства земскихъ дѣятелей должны были признать вопросъ о партійной группировкѣ избирателей неотложнымъ и требующимъ своего разрѣшенія.

Манифестъ 17-го октября предоставлялъ Государственной Думѣ участіе въ осуществленіи законодательной власти и въ основу избранія народныхъ представителей полагалъ начало всеобщаго избирательнаго права, т.-е. онъ предрѣшалъ примѣненіе въ нашемъ государственномъ строѣ конституціоннаго принципа и идеи народовластія. Такимъ образомъ вопросъ о направленіи, въ которомъ должно было послѣдовать измѣненіе нашего государственнаго строя, получалъ опредѣленное разрѣшеніе и это разрѣшеніе соотвѣтствовало пожеланіямъ большинства совѣщанія земскихъ дѣятелей 1904 года. Подчиняясь такому рѣшенію, послѣдовавшему съ высоты Престола, и признавая необходимымъ, въ цѣляхъ умиротворенія нашей государственной жизни, скорѣйшее осуществленіе обѣщаній манифеста 17-го октября, я, стоя въ то же время предъ вопросомъ—къ какой политической группѣ могъ бы я примкнуть при создавшихся условіяхъ, прежде всего долженъ былъ остановиться на мысли о возможности для меня присоединиться къ конституціонно-демократической партіи. Разногласіе мое съ большинствомъ съѣзда земскихъ дѣятелей оставалось лишь въ области принципіальной, такъ какъ спорный вопросъ въ области практиче-

ской получилъ уже опредѣленное разрѣшеніе манифестомъ 17-го октября, подчиниться чему я признавалъ неизбѣжнымъ, и поэтому сохранившееся неизмѣннымъ принципіальное разномысліе не могло служить безусловнымъ препятствіемъ для моего вступленія въ составъ к.-д. партіи. Не раздѣляя безграничной вѣры к.-д. въ силу правовыхъ формъ и признанія ими народнаго суверенитета, какъ основы государства, я, тѣмъ не менѣе, имѣлъ въ виду нѣкоторыя несомнѣнныя достоинства этой политической партіи и условія, имѣвшія для меня привлекательную силу. Въ составъ партіи вошли лучшія умственныя силы страны, цвѣтъ русской интеллигенціи, и въ числѣ ея членовъ находилось много людей, съ которыми меня связывали близкія товарищескія отношенія, установившіяся и укрѣпившіяся на почвѣ сотрудничества въ всѣмъ намъ одинаково дорогомъ земскомъ дѣлѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я не могъ не принять во вниманіе, что партія стремилась несомнѣнно и искренно къ осуществленію въ политической и соціальной жизни истинно демократическихъ идей, а это стремленіе вполнѣ согласовалось съ моими убѣжденіями, хотя въ этомъ вопросѣ мы, преслѣдуя одинаковыя цѣли, исходили изъ различныхъ жизнепониманій.

Но если таковы были въ активѣ к.-д. партіи условія, меня къ ней привлекавшія, то рядомъ съ ними въ пассивѣ ея баланса существовали факты, исключавшіе возможность моего присоединенія къ ней. Къ числу послѣднихъ я отношу—свойственное к.-д. увлеченіе политической борьбой, при которомъ эта борьба являлась, какъ бы, самодавляющею цѣлью, при чемъ въ пылу ея, нерѣдко, отрицательное отношеніе къ произволу бюрократическаго строя превращалось въ отрицательное отношеніе къ государственному порядку вообще и игнорировалась обязанность всѣхъ гражданъ въ поддержаніи и сохраненіи всегда необходимаго въ государственной жизни авторитета государственной власти. Считаю нужнымъ привести нѣсколько указаній на нѣкоторые факты, которые я въ данномъ случаѣ имѣю въ виду.

Въ главѣ VIII-й были уже приведены свѣдѣнія о банкетахъ, устроенныхъ членами „Союза Освобожденія“ послѣ земскаго совѣщанія въ ноябрѣ 1904 года, на которыхъ проявились опредѣленно и открыто агрессивныя настроенія и отношеніе къ государственной власти, вступавшія въ рѣзкое противорѣчіе, съ тономъ и духомъ земскаго совѣщанія и явившіяся главной

причиной, какъ это подтвердилъ мнѣ кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій, неудачи сдѣланнаго совѣщаніемъ шага къ доброжелательному соглашенію съ властью. Съ начала 1905 года земскими конституціоналистами и членами „Союза Освобожденія“ по всей странѣ, но особенно въ столицахъ, устраивались многочисленные совѣщанія, собранія и митинги, которые имѣли главной задачей развитіе и усиленіе политической борьбы. Въ этихъ цѣляхъ были выдвинуты, между прочимъ, вопросы—аграрный и рабочій. Постановка этихъ вопросовъ въ такого рода собраніяхъ должна была, несомнѣнно, вызвать, и въ дѣйствительности вызвала возбужденіе въ народныхъ массахъ, въ чемъ, конечно, представлялась большая опасность. Признавая насущную необходимость широкихъ соціальныхъ реформъ, я, однако, раздѣлялъ убѣжденіе, что постановкѣ соотвѣтствующихъ вопросовъ должно предшествовать спокойное, мирное осуществленіе народнаго представительства и производство выборовъ народныхъ представителей при возможно меньше возбужденномъ настроеніи населенія. Только послѣ созданія новаго законодательнаго аппарата, казалось мнѣ возможнымъ поставить на очередь разрѣшеніе вопросовъ о сложныхъ соціальныхъ преобразованіяхъ, а до той поры обсужденіе такого рода вопросовъ, въ видѣ подготовительной работы, должно было бы происходить въ немноголюдныхъ собраніяхъ спеціалистовъ и общественныхъ дѣятелей, обладающихъ необходимыми знаніями и подготовкой. Но будущіе к.-д., выдвигая въ происходившихъ собраніяхъ вопросы—аграрный, рабочій и т. п., не принимали во вниманіе неизбѣжность опасныхъ для государственной жизни послѣдствій привлеченія такимъ путемъ къ политической борьбѣ широкихъ круговъ населенія.

Эта тенденція получила вполнѣ опредѣленную формулировку на совѣщаніи земскихъ и городскихъ дѣятелей, происходившемъ въ Москвѣ 6—8-го іюля 1905 года, на которомъ я уже не принималъ участія. Организаціоннымъ бюро былъ представленъ спеціальный докладъ—„О пріобщеніи широкихъ массъ населенія къ работѣ по политическимъ вопросамъ“. По обсужденіи этого доклада совѣщаніе приняло рядъ резолюцій, изъ коихъ первая гласила: „Съѣздъ призналъ неотложной задачей данной минуты для общественныхъ дѣятелей войти въ ближайшее общеніе съ широкими массами населенія для *совмѣст-*

наго съ народомъ обсужденія предстоящей политической реформы, для завоеванія необходимыхъ для ея проведенія свободъ [1]) и для подготовленія къ выборамъ". Въ 2-мъ пунктѣ указывалось, что „*къ политической дѣятельности слѣдуетъ привлечь волостные и сельскіе сходы*, товарищества мелкаго кредита и ссудосберегательныя товарищества, сельскохозяйственныя общества и другія самостоятельныя организаціи", а 3-й пунктъ говорилъ такъ: „*Для наиболѣе широкаго привлеченія народныхъ массъ къ сознательной работѣ государственнаго строительства*, общественнымъ дѣятелямъ слѣдуетъ входить въ сношенія и совмѣстно работать со всѣми видами профессіональныхъ союзовъ, соприкасающимися съ населеніемъ, и раньше всего содѣйствовать объединенію на политической почвѣ самого населенія". По докладу „объ отношеніи общественныхъ учрежденій къ стѣсненію ихъ дѣятельности со стороны администраціи" совѣщаніе приняло слѣдующее заключеніе: „Съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, принимая во вниманіе, что осуществленіе естественныхъ правъ человѣка и гражданина, при условіяхъ существующаго въ Россіи строя, постоянно встрѣчаетъ препятствіе въ распоряженіяхъ власти, полагаетъ, что отстаиваніе естественныхъ правъ, указанныхъ въ резолюціяхъ съѣзда 6—9-го ноября 1904 года, должно быть совершаемо всѣми мирными способами, *не исключая и неподчиненія распоряженіемъ власти*, нарушающимъ эти права, *хотя бы подобныя распоряженія и ссылались на формальный законъ*". Въ заключеніе совѣщаніе, съ цѣлью „обобщить всѣ пожеланія о привлеченіи широкихъ массъ населенія къ работѣ по политическимъ вопросамъ" одобрило и всѣ члены совѣщанія подписали пространное обращеніе къ обществу. Въ этомъ обращеніи, между прочимъ, осуждался выработанный Булыгинскимъ совѣщаніемъ проектъ закона о народномъ представительствѣ, „по которому предположено выборныхъ избирать не всѣмъ населеніемъ, а близко къ тому порядку, какой былъ по старому земскому положенію" и по этому поводу говорилось: „Если это будетъ такъ, то *перевѣсъ легко скажется за сильными*, а отъ крестьянъ въ выборные попадутъ, пожалуй, только тѣ, кому помогутъ земскіе начальники. Выборные эти сами не будутъ имѣть права окон-

[1]) Курсивъ, какъ здѣсь, такъ и далѣе въ приводимыхъ резолюціяхъ, мой. Д. Ш.

чательно вырабатывать законы, а будутъ только давать царю совѣты и то не прямо, а черезъ чиновниковъ, которые и теперь сочиняютъ законы въ Государственномъ Совѣтѣ. Не такимъ выборнымъ управиться съ тяжкими послѣдствіями войны, *съ земельной тѣснотой, нуждами рабочаго люда, со всѣмъ безправіемъ и обидою народными.... Соединенными силами всего народа надо выступить противъ государственнаго разоренія... И не вразбродъ, не по одиночкѣ надо бороться*, защищая свою жизнь, свое право". Въ концѣ этого „обращенія", было сказано: „Если всѣ сообща рѣшатъ, что имъ дѣлать, тогда за ихъ голосомъ будетъ такая сила, противъ которой не устоитъ никакой произволъ и беззаконіе. Путь, нами указываемый, путь мирный (?)". При посредствѣ отдѣленій „Союза Освобожденія", констатируетъ И. П. Бѣлоконскій, [1]) изложенныя воззванія и постановленія іюльскаго съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей и конституціонной группы быстро были распространены по всей Россіи и также быстро стали проводиться тѣми же отдѣленіями въ исполненіе.

Обращеніе съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей является въ высшей степени показательнымъ для характеристики тактики, которую избрала среда, вошедшая въ скоромъ времени въ составъ к.-д. партіи, и которую послѣдняя продолжала неизмѣнно развивать въ своей дѣятельности. Неуклонное стремленіе вовлечь народныя массы въ политическую борьбу не могло не имѣть угрожающаго значенія и пагубныхъ послѣдствій для государственной жизни страны. Эта угроза была тѣмъ болѣе реальна, а послѣдствія избранной тактики тѣмъ болѣе были чреваты опасностями, что культурный уровень народныхъ массъ былъ, и къ сожалѣнію остается до настоящаго времени, очень не высокъ. Цѣня свойственныя русскому народному духу религіозное сознаніе и исканіе высшей божественной правды, нельзя было, казалось, не принять въ то же время во вниманіе, что, вслѣдствіе отсутствія просвѣщенія, неблагопріятныхъ экономическихъ, а равно и правовыхъ условій, народнымъ массамъ было совершенно чуждо пониманіе значенія правового начала и сложныхъ проблемъ государственной жизни. А между тѣмъ призывъ населенія принять участіе въ политическомъ движеніи

[1]) И. П. Бѣлоконскій. „Земское движеніе". Москва—1904 г., стр. 348.

былъ обращенъ не къ сознаваемому народнымъ духомъ чувству лежащаго на всѣхъ людяхъ долга предъ Высшимъ Началомъ, управляющимъ міромъ, а имѣлъ цѣлью вызвать и усилить въ немъ недовольство своимъ положеніемъ и пробудить въ немъ эгоистическіе интересы, чѣмъ новольно и неизбѣжно разжигались въ народныхъ массахъ грубые инстинкты, свойственные вообще матеріальной природѣ человѣка.

12-го октября 1905 года состоялось учредительное собраніе конституціонно-демократической партіи. Вступительная, программная рѣчь при открытіи съѣзда была произнесена П. Н. Милюковымъ. Рѣчь эта, встрѣченная общимъ сочувствіемъ, не вызвала никакихъ возраженій и поэтому мы въ правѣ заключить, что развитыя въ ней мысли и установленныя положенія являются выраженіемъ настроенія и политическаго жизнепониманія не одного оратора, а всего собранія. Указавъ и очертивъ тѣ общественныя группы, которыя входятъ въ составъ вновь образуемой политической партіи, и разсмотрѣвъ главныя основанія объединяющей ихъ программы, П. Н. Милюковъ перешелъ къ вопросу объ отношеніи к.-д. партіи къ сосѣднимъ политическимъ группамъ и сказалъ: „Жизнь уже ограничила данную группу отъ сосѣднихъ. Справа, противъ насъ, уже выставлены лозунги, которыми эта граница проводится отъ имени самихъ нашихъ противниковъ. Но надо сказать, что здѣсь граница проведена искусственно, съ политическими цѣлями, скрывающими истинныя стремленія нашихъ противниковъ, и намъ предстоитъ задача разоблачить этотъ политическій и избирательный пріемъ. Противъ насъ выставляютъ принципъ единства Россіи и неприкосновенности частной собственности, какъ будто мы отрицаемъ единство и частную собственность. Ни того, ни другого к.-д. партія, разумѣется не отрицаетъ, но она является непримиримымъ противникомъ бюрократической централизаціи и манчестерства. Настоящая граница, такимъ образомъ, проходитъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ хотятъ провести ее, въ своихъ интересахъ, наши противники справа. Эта граница тамъ, гдѣ они выступятъ во имя узкихъ классовыхъ интересовъ русскихъ аграріевъ и промышленниковъ. Наша партія никогда не будетъ стоять на стражѣ этихъ интересовъ“. Отмежевавшись такъ опредѣленно и рѣзко отъ всѣхъ политическихъ группъ, стоящихъ правѣе к.-д., и приписавъ имъ всѣмъ, въ томъ числѣ, очевидно,

и представителямъ меньшинства земскихъ съѣздовъ, совершенно голословно и не приведя какихъ-либо фактическихъ подтвержденій, отстаиваніе своихъ узкихъ классовыхъ интересовъ, какъ единственный мотивъ ихъ политической оріентаціи, П. Н. Милюковъ продолжалъ: „Между нами и нашими, мы хотѣли бы сказать, не противниками, а союзниками слѣва также существуетъ извѣстная грань, но она совершенно иного характера, чѣмъ та, которую мы проводимъ справа. Мы, подобно имъ, стоимъ на томъ же лѣвомъ крылѣ русскаго политическаго движенія. Но мы не присоединяемся къ ихъ требованіямъ демократической республики и обобществленія средствъ производства. Одни изъ насъ не присоединяются къ этимъ лозунгамъ потому, что считаютъ ихъ вообще непріемлимыми, другіе—потому, что считаютъ ихъ стоящими внѣ предѣловъ практической политики. До тѣхъ поръ, пока возможно будетъ итти къ общей цѣли вмѣстѣ, несмотря на это различіе мотивовъ, обѣ группы партіи будутъ выступать какъ одно цѣлое; но всякая попытка подчеркнуть только что указанныя стремленія и ввести ихъ въ программу будетъ имѣть послѣдствіемъ немедленный расколъ. Мы не сомнѣваемся, однако, что въ нашей средѣ найдется достаточно политической дальновидности и благоразумія, чтобы избѣжать этого раскола въ настоящую минуту“. Проведя затѣмъ параллель между к.-д. партіей и интеллигентными западными группами, извѣстными подъ названіемъ „соціальныхъ реформаторовъ“, и отмѣтивъ, что программа к.-д. наиболѣе лѣвая изъ всѣхъ программъ аналогичныхъ политическихъ группъ западной Европы, ораторъ вернулся къ опредѣленію отношенія его партіи къ ея лѣвымъ сосѣдямъ. „Этотъ характеръ программы“, говорилъ П. Н. Милюковъ, „можетъ быть не оцѣненъ по достоинству въ моментъ такого высокаго напряженія общественныхъ силъ, какое мы сейчасъ переживаемъ, но онъ будетъ оцѣненъ впослѣдствіи. Для настоящаго же момента на первую очередь выдвигаются вопросы тактическіе, которые и будутъ подняты на съѣздѣ послѣ вопросовъ программныхъ. Общее теченіе въ обѣихъ группахъ достаточно выяснилось и по тактическому вопросу: *вступленіе въ Думу съ исключительной цѣлью борьбы за политическую свободу и за правильное представительство*. Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что, добиваясь нашей цѣли, мы не можемъ разсчитывать ни на какія

соглашенія или компромиссы и должны держать высоко тотъ флагъ, который уже выкинутъ русскимъ освободительнымъ движеніемъ въ его цѣломъ, т.-е. *стремиться къ созыву учредительнаго собранія*, избраннаго на основаніи всеобщаго, прямого, тайнаго и равнаго голосованія".

14 октября тотъ же съѣздъ принялъ постановленіе, которымъ опредѣлялось отношеніе к.-д. партіи къ происходившему въ то время движенію организованныхъ рабочихъ массъ. Постановленіе это очень обширное, и я привожу здѣсь лишь ту его часть, которая представляетъ наибольшее значеніе для характеристики тактики к.-д.: „Требованія забастовщиковъ, какъ они формулированы ими самими, сводятся, главнымъ образомъ, къ немедленному введенію основныхъ свободъ, свободному избранію народныхъ представителей въ учредительное собраніе на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія и общей политической амнистіи. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что всѣ эти цѣли—общи у нихъ съ требованіями конституціонно-демократической партіи. Въ виду такого согласія въ цѣляхъ, *учредительный съѣздъ конституціонно-демократической партіи считаетъ долгомъ заявить свою полнѣйшую солидарность съ забастовочнымъ движеніемъ*. На своемъ мѣстѣ и доступными партіи средствами, члены ея стремятся къ осуществленію тѣхъ же задачъ,—и, подобно всѣмъ остальнымъ борющимся группамъ, *рѣшительно отказались отъ мысли добиться своихъ цѣлей путемъ переговоровъ съ представителями власти*".

Приведенныя цитаты изъ програмной рѣчи и изъ постановленій учредительнаго съѣзда к.-д. партіи исключали для меня возможность мысли о присоединеніи къ этой партіи. Объявляя непримиримую вражду ко всѣмъ политическимъ группамъ, стоящимъ правѣе ихъ, к.-д. выражали полную готовность вступить въ союзъ съ не государственными элементами. Хотя обращеніе къ широкимъ массамъ населенія, принятое іюльскимъ съѣздомъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, заканчивалось указаніемъ, что путь, на который съѣздъ призывалъ населеніе, „путь мирный", но подчеркнутыя мной курсивомъ выраженія въ рѣчи П. Н. Милюкова и въ принятомъ учредительнымъ съѣздомъ постановленіи съ убѣдительностью свидѣтельствовали о вступленіи к.-д. партіи на путь несомнѣнно революціонный.

Желая видѣть въ соціалистическихъ партіяхъ своихъ союзниковъ, к.-д. тѣмъ самымъ, какъ-бы, признавали, что въ основѣ идеологіи и жизнепониманія той и другой группы нѣтъ существенныхъ противорѣчій, и это признаніе, думается мнѣ, въ значительней мѣрѣ соотвѣтствовало дѣйствительности. К.-д., какъ и послѣдователи соціализма, склонны были разсматривать процессъ развитія соціальной и политической жизни, какъ процессъ естественно-историческій, совершающійся подъ вліяніемъ закона постоянной борьбы различныхъ общественныхъ, классовыхъ элементовъ. Обѣ группы одинаково не допускали мысли о возможности постепеннаго переустройства государственной жизни мирнымъ путемъ и признавали путь открытой политической борьбы неизбѣжнымъ и единственно достигающимъ цѣли. Міросозерцаніе той и другой группы опредѣлялось преимущественно, если не исключительно, работой человѣческаго разума, при отсутствіи вліянія религіознаго сознанія. Соціализмъ объявляетъ непримиримую войну религіи, разсматриваетъ ее, какъ вредную иллюзію, отвлекающую человѣка отъ дѣйствительности, и не видитъ въ мірѣ ничего, кромѣ дѣйствія матеріальныхъ силъ. Весь смыслъ жизни людей заключается съ точки зрѣнія соціализма въ установленіи общественныхъ отношеній и въ соотвѣтствующемъ измѣненіи внѣшнихъ условій жизни [1]). Если к.-д. не относились къ религіознымъ запросамъ духовной стороны человѣка такъ отрицательно и непримиримо, какъ относится къ нимъ соціализмъ, то во всякомъ случаѣ къ вопросамъ вѣры и религіи они проявляли значительный индеферентизмъ. Характерной чертой русской интеллигенціи, вошедшей въ значительномъ числѣ въ составъ к.-д. партіи, является ея безрелигіозность, какъ это доказательно было выяснено въ сборникѣ „Вѣхи“. Безрелигіозность нашей интеллигенціи и въ частности к.-д. являлась главнымъ препятствіемъ для правильнаго пониманія ими сущности народнаго духа и была главной причиной, въ силу которой они, стремясь искренно къ улучшенію условій жизни народныхъ массъ и къ проведенію демократическихъ реформъ, вступали однако на путь, разрушавшій ре-

[1]) Отношеніе соціализма къ религіи очень вѣрно и опредѣленно выяснено въ послѣднее время въ книгѣ П. И. Новгородцева — „Объ общественномъ идеалѣ“ Москва. 1917 г. см. глава II. стр. 228—249.

лигіозное настроеніе народа и разлагавшій народную душу, чѣмъ постепенно создавалась благопріятная почва для пробужденія въ народныхъ массахъ, подъ вліяніемъ соціалистической пропаганды классовой борьбы, чувства злобы и ненависти не только къ имущественнымъ классамъ, но и къ представителямъ интеллигенціи.

Програмная рѣчь П. Н. Милюкова на учредительномъ съѣздѣ к.-д. партіи заканчивалась призывомъ стремиться къ созыву учредительнаго собранія и этотъ призывъ, не вызвавшій 12-го октября 1905 года никакихъ возраженій, явился также новымъ свидѣтельствомъ того, какъ быстро нарастало въ средѣ к.-д. агрессивное настроеніе и измѣнялись соотвѣтственно ихъ требованія. Выше, въ главѣ VIII-ой, были приведены свѣдѣнія о преніяхъ, происходившихъ 8-го ноября 1904 года въ совѣщаніи земскихъ дѣятелей, въ которыхъ земскіе конституціоналисты горячо отвергали мысль о созывѣ учредительнаго собранія для разрѣшенія вопроса объ основаніяхъ и формахъ организаціи взаимодѣйствія государственной власти съ народнымъ представительствомъ, но черезъ 11 мѣсяцевъ осуществленіе этой мысли признается уже необходимымъ, а 18-го октября въ постановленіи того же учредительнаго съѣзда к.-д. партіи по поводу обнародованнаго наканунѣ манифеста, между прочимъ, предъявлялось требованіе о немедленномъ введеніи избирательнаго закона на основаніи всеобщаго голосованія для непосредственнаго созыва, вмѣсто Государственной Думы по закону 6-го августа, учредительнаго собранія для составленія основного закона.

Послѣ опубликованія манифеста 17-го октября 1905 года, казалось, для всѣхъ, кому было дорого мирное осуществленіе преобразованія нашего государственнаго строя, представлялось обязательнымъ признать революціонное движеніе въ странѣ законченнымъ и содѣйствовать единодушными и доброжелательными усиліями возможно спокойному проведенію новыхъ началъ въ нашу государственную жизнь. Но не такъ отнеслись къ этому вопросу к.-д. Они не захотѣли признать политическую борьбу завершенной, а продолжали вести ее съ еще большей страстностью и непреклонностью. Кромѣ требованія о немедленномъ созывѣ учредительнаго собранія, они указаннымъ постановленіемъ 18-го октября старались вообще подорвать въ об-

ществѣ довѣріе къ обнародованному 17-го октября акту, а когда имъ было предложено, какъ было сообщено въ X-ой главѣ, вступить въ составъ образуемаго вновь кабинета, который долженъ былъ подготовить переходъ къ новому государственному строю, то они уклонились отъ такой отвѣтственной задачи и предпочли остаться въ положеніи безотвѣтственной оппозиціи. Они не захотѣли считаться съ необходимостью поддержанія въ странѣ авторитета государственной власти въ переживаемое, переходное время и продолжали развивать тактику, которая все болѣе и болѣе возбуждала настроеніе какъ общества, такъ и народныхъ массъ и устраняла возможность мирнаго разрѣшенія политическаго кризиса. При наличности такихъ условій я не могъ иначе, какъ отрицательно, разрѣшить вопросъ о моемъ присоединеніи къ к.-д. партіи.

Придя къ такому заключенію, я въ то же время не видѣлъ какой-либо иной сорганизовавшейся политической партіи, войти въ составъ которой мнѣ представлялось бы желательнымъ и возможнымъ. Вскорѣ послѣ манифеста 17-го октября стали быстро возникать и образовываться многочисленныя политическія партіи, стоявшія правѣе к.-д.; нѣкоторыя изъ нихъ относились, несомнѣнно, отрицательно къ основамъ предстоявшаго преобразованія нашего государственнаго строя; другія, сочувствуя правовымъ началамъ, возвѣщеннымъ манифестомъ, опасались проведенія широкихъ демократическихъ реформъ и стремились къ охраненію своихъ классовыхъ интересовъ, и затѣмъ въ числѣ возникавшихъ организацій было не мало такихъ, которыя имѣли преимущественно мѣстный характеръ и не могли имѣть значенія для группировки избирателей во всей странѣ. Образованіе многочисленныхъ партій мнѣ представлялось всегда нежелательнымъ и вреднымъ явленіемъ въ политической жизни. Существованіе большого числа политическихъ группъ содѣйствуетъ усиленію партійной розни, является серьезнымъ препятствіемъ для объединенія избирателей и неизбѣжно оказываетъ вредное вліяніе на исходъ выборовъ. Группировка избирателей должна создаваться не на почвѣ разномыслія по отдѣльнымъ, нерѣдко частнымъ вопросамъ, по которымъ соглашеніе всегда можетъ быть достигнуто между лицами, руководящимися общими основными положеніями, а

на основѣ положительнаго и отрицательнаго отношенія избирателей къ главному или къ главнымъ вопросамъ, выдвигаемымъ моментомъ развитія политической жизни. Послѣ 17-го октября эти главные вопросы заключались въ осуществленіи въ нашемъ государственномъ строѣ принциповъ конституціонной монархіи и въ проведеніи ихъ мирнымъ путемъ, избѣгая потрясеній государственной жизни страны. Въ этихъ цѣляхъ представлялось необходимымъ объединеніе всѣхъ политическихъ группъ и лицъ, какъ принципіально сочувствующихъ началамъ, провозглашеннымъ въ манифестѣ 17-го октября, такъ равно подчиняющихся признанію ихъ практической въ данное время неизбѣжности, чтобы создать такой составъ Государственной Думы, который могъ бы обезпечить утвержденіе въ странѣ новаго порядка при поддержаніи авторитета государственной власти и на основѣ взаимодѣйствія правительственныхъ и общественныхъ силъ.

На эти темы между А. И. Гучковымъ и мной происходили продолжительныя бесѣды во время нашихъ многочисленныхъ поѣздокъ въ концѣ октября и въ началѣ ноября изъ Москвы въ С.-Петербургъ и обратно. А. И. Гучковъ, сочувствовавшій принципіально, по убѣжденіямъ своимъ, конституціонному режиму и принадлежавшій еще въ то время къ составу членовъ съѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, отрицательно относился къ агрессивному настроенію земскихъ конституціоналистовъ, а равно къ положенію и тактикѣ, усвоеннымъ конституціонно-демократической партіей, и съ своей стороны признавалъ также необходимымъ стремиться къ сплоченію всѣхъ общественныхъ элементовъ, которые могли бы составить при предстоявшихъ выборахъ въ Государственную Думу противовѣсъ конституціоналистамъ-демократамъ съ примыкающими къ нимъ слѣва союзниками. При этомъ А. И. отмѣчалъ, что въ средѣ съѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей недовольство направленіемъ дѣятельности его большинства раздѣляется многими лицами и что въ ближайшемъ времени предстоитъ неизбѣжное выдѣленіе изъ состава съѣзда болѣе или менѣе значительной группы. Это предположеніе осуществилось въ скоромъ времени. 6—13-го ноября въ Москвѣ происходило совѣщаніе земскихъ и городскихъ дѣятелей. По вопросу объ отношеніи къ положенію, созданному манифестомъ 17-го октября, съѣздъ,

признавъ манифестъ „драгоцѣннымъ завоеваніемъ русскаго народа“, принялъ резолюцію, въ которой предъявлялись требованія о немедленномъ изданіи „акта о возможно скоромъ созывѣ народныхъ представителей на основѣ всеобщей, прямой, равной и закрытой подачи голосовъ и о формальной передачѣ первому собранію народныхъ представителей учредительныхъ функцій для выработки, съ утвержденія Государя, конституціи Россійской Имперіи и закона объ автономномъ устройствѣ Царства Польскаго“. Къ этой резолюціи 16-ю участниками съѣзда, съ М. А. Стаховичемъ, гр. П. А. Гейденъ и А. И. Гучковымъ во главѣ, было представлено особое мнѣніе, въ которомъ выражалось отрицательное отношеніе къ вопросу объ учредительномъ собраніи, отвергалось предрѣшеніе вопроса объ автономіи Польши и указывалось, что съѣздъ въ тревожное время долженъ былъ бы способствовать успокоенію общества и оказать поддержку правительству, а не диктовать ему условія своей требовательной программы. Представивъ свое особое мнѣніе, подписавшіе его дальнѣйшаго участія въ занятіяхъ съѣзда не принимали.

Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ, въ Москвѣ состоялось совѣщаніе нѣсколькихъ лицъ, устранившихся въ разное время отъ участія въ съѣздахъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, и на этомъ совѣщаніи было принято рѣшеніе создать новую политическую организацію общественныхъ элементовъ, наименовавъ ее: „Союзомъ 17-го октября“. „Союзъ 17-го октября“ ставилъ себѣ главной задачей содѣйствовать скорѣйшему и возможно полному осуществленію въ нашемъ государственномъ строѣ, на основѣ манифеста 17-го октября, началъ конституціонной монархіи и скорѣйшему созыву Государственной Думы, и призывалъ къ объединенію всѣхъ тѣхъ, кто искренно желаетъ мирнаго обновленія страны и торжества въ ней порядка и законности, кто отвергаетъ одинаково и застой, и революціонныя потрясенія и кто признаетъ необходимость созданія сильной и авторитетной власти, которая, совмѣстно съ народнымъ представительствомъ, могла бы внести въ страну умиротвореніе путемъ созидательной законодательной дѣятельности. Съ этой цѣлью приглашались войти въ составъ „Союза“ и присоединиться къ нему какъ отдѣльныя лица, такъ и цѣлыя партіи, программы коихъ въ основныхъ чертахъ совпадаютъ съ программой „Союза“. Всту-

пленіе въ „Союзъ 17-го октября“, говорилось въ его воззваніи, не можетъ нарушить или противорѣчить автономной самостоятельности отдѣльныхъ партій, къ нему присоединяющихся, и различія въ убѣжденіяхъ по отдѣльнымъ вопросамъ политическимъ, соціальнымъ и экономическимъ не могутъ служить препятствіемъ для организованнаго взаимодѣйствія партій и лицъ, преслѣдующихъ въ данное время одну, общую всѣмъ, главную цѣль. Не могутъ войти въ составъ „Союза“ только тѣ, которые, съ одной стороны, не примиряясь съ началомъ конституціонной монархіи, желаютъ сохраненія прежняго строя, а, съ другой—тѣ, которые провозглашаютъ требованіе демократической республики и желаютъ, чтобы предстоящее собраніе народныхъ представителей служило цѣлямъ революціоннымъ, ареной для политической борьбы съ властью. Воззваніе „Союза“ было выпущено за подписью слѣдующихъ его учредителей: Графъ П. А. Гейденъ, Д. Н. Шиповъ, А. И. Гучковъ, М. В. Красовскій, М. А. Стаховичъ, князь Н. С. Волконскій, С. И. Четвериковъ, Г. А. Крестовниковъ, Н. А. Хомяковъ, М. В. Родзянко, С. Н. Масловъ и Н. И. Гучковъ.

Одновременно съ воззваніемъ были опубликованы основныя положенія программы, которыми „Союзъ“ имѣлъ въ виду руководиться и которыя въ краткомъ изложеніи приводятся ниже: *1*. Сохраненіе единства и нераздѣльности Россійскаго государства при признаніи за отдѣльными національностями самаго широкаго права на удовлетвореніе и защиту своихъ культурныхъ нуждъ. Это положеніе имѣло цѣлью отвергнуть идею федерализма въ примѣненіи къ русскому государственному строю, вполнѣ допуская объединеніе отдѣльныхъ мѣстностей въ областные союзы для разрѣшенія задачъ мѣстнаго самоуправленія. *2*. Развитіе и укрѣпленіе началъ конституціонной монархіи съ народнымъ представительствомъ, основанномъ на общемъ избирательномъ правѣ, и установленіе тѣснаго единенія монарха съ народомъ. *3*. Обезпеченіе гражданскихъ правъ, а также неприкосновенность личности, жилища, переписки и собственности гражданъ. *4*. Неотложность созыва Государственной Думы для проведенія политическихъ реформъ, направленныхъ къ усовершенствованію народнаго представительства, и для разработки и разрѣшенія вопросовъ первостепенной государственной важности, какъ-то: *а*) крестьянскій вопросъ—

пріобщеніе крестьянъ къ полнотѣ гражданскихъ правъ наравнѣ съ остальными гражданами, урегулированіе и расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, путемъ признанія государственныхъ и удѣльныхъ земель фондомъ для удовлетворенія земельной нужды и допустимости въ случаяхъ государственной важности принудительнаго отчужденія части частновладѣльческихъ земель на справедливыхъ условіяхъ вознагражденія; *б*) рабочій вопросъ—мѣры къ обезпеченію рабочихъ и ихъ семей на случай болѣзни, инвалидности и смерти (страхованіе), мѣры къ ограниченію рабочаго времени, признаніе свободы союзовъ и стачекъ при условіи законодательнаго регулированія экономической борьбы и выдѣленія производствъ, отъ коихъ зависитъ жизнь и здоровье населенія и важные общественные и государственные интересы; *в*) развитіе и укрѣпленіе началъ мѣстнаго самоуправленія съ привлеченіемъ къ участію въ немъ возможно широкаго круга лицъ; *г*) заботы о народномъ образованіи; *д*) реформы судебныя и административныя; *е*) мѣры экономическія и финансовыя въ цѣляхъ осуществленія болѣе раціональной и справедливой налоговой системы, въ частности, путемъ развитія прямыхъ налоговъ на основѣ прогрессивнаго подоходнаго обложенія при постепенномъ пониженіи косвеннаго обложенія предметовъ первой необходимости.

Призывъ „Союза“ къ объединенію въ странѣ всѣхъ, стремившихся къ мирному преобразованію нашего государственнаго строя на началахъ, провозглашенныхъ въ манифестѣ 17-го октября, былъ встрѣченъ сочувственно и вскорѣ въ большинствѣ губерній и большихъ городовъ были образованы мѣстные отдѣлы „Союза“, во главѣ котораго находился въ Москвѣ центральный комитетъ, состоявшій изъ учредителей „Союза“, избравшихъ меня своимъ предсѣдателемъ. Затѣмъ, какъ только въ С.-Петербургѣ образовался мѣстный комитетъ, то онъ былъ признанъ отдѣленіемъ центральнаго комитета, и для обсужденія и разрѣшенія болѣе важныхъ вопросовъ оба отдѣленія собирались въ Москвѣ въ общемъ собраніи. Предсѣдателемъ С.-Петербургскаго комитета былъ избранъ баронъ П. Л. Корфъ.

Вскорѣ по окончаніи своей организаціи, „Союзъ“ встрѣтился при выполненіи поставленныхъ имъ себѣ задачъ съ серьезными затрудненіями и препятствіями, вытекавшими изъ образа дѣйствій правительственной власти. Предположеніе о привлеченіи

общественныхъ дѣятелей въ составъ вновь образуемаго послѣ манифеста 17-го октября кабинета, какъ извѣстно, не получило своего положительнаго разрѣшенія по причинамъ, изложеннымъ выше, въ главѣ X-ой, и переходъ отъ стараго приказнаго строя къ новому конституціонному осложнялся тѣмъ, что разрѣшеніе этой задачи должно было быть произведено правительствомъ, воспитаннымъ въ традиціяхъ отжившаго режима. Предсѣдатель совѣта министровъ, не встрѣтивъ содѣйствія со стороны представителей общества и постоянно опасаясь навлечь на себя неудовольствіе вліятельныхъ въ придворныхъ кругахъ лицъ, за проявленную имъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ готовность пойти навстрѣчу общественнымъ требованіямъ, не сумѣлъ удержаться на избранномъ имъ курсѣ и приступить безотлагательно къ установленію новыхъ пріемовъ въ государственномъ управленіи, руководясь новыми условіями, возвѣщенными манифестомъ 17-го октября. Нельзя не принять во вниманіе, что на образъ дѣйствій гр. С. Ю. Витте не могло не оказать вліяніе все болѣе и болѣе обострявшееся настроеніе многихъ общественныхъ круговъ и проявившееся остро во многихъ мѣстностяхъ революціонное движеніе, превратившееся въ Москвѣ въ вооруженное возстаніе. Эти обстоятельства не могли не заставить правительство принять строгія мѣры для подавленія активныхъ революціонныхъ выступленій и для возстановленія необходимаго порядка, но министерство внутреннихъ дѣлъ, управленіе которымъ было возложено на П. Н. Дурново, вопреки настойчивымъ заявленіямъ, сдѣланнымъ предсѣдателю совѣта министровъ общественными дѣятелями, не оказалось способнымъ удержаться при этомъ въ границахъ, соотвѣтствующихъ новымъ условіямъ, и оказалось не въ состояніи отступить отъ старыхъ пріемовъ. Борясь съ революціонными выступленіями, правительство попрежнему было склонно отождествлять съ ними все общественное движеніе и на ряду съ мѣрами, направленными къ подавленію вооруженныхъ возстаній, послѣдовательно нарушало дарованныя 17-го октября населенію „незыблемыя основы гражданской свободы, на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ“. Собранія воспрещались; печать подвергалась самому строгому преслѣдованію; высылка лицъ административными распоряженіями производилась энергичнѣе

прежняго и во всей странѣ господствовалъ режимъ чрезвычайной или усиленной охраны. Правительство продолжало неизмѣнно слѣдовать по пути насилій и произвола.

„Союзъ 17-го октября“ смыслъ и значеніе своего существованія видѣлъ въ осуществленіи манифеста 17-го октября и ставилъ себѣ главной задачей содѣйствовать въ этомъ дѣлѣ правительственной власти. Но политика правительства являлась, какъ бы, глумленіемъ надъ этимъ актомъ, отъ котораго вся страна ожидала обновленія своей государственной жизни, и исключала возможность созданія взаимодѣйствія государственной власти съ обществомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ „Новомъ Времени“ появились сообщенія о высказываемыхъ гр. С. Ю. Витте мнѣніяхъ, что, будто, манифестомъ 17-го октября не внесено никакихъ измѣненій въ государственный строй и что власть Государя остается попрежнему неограниченной. Эти условія побудили центральный комитетъ „Союза“ обсудить создавшееся положеніе и опредѣлить свое отношеніе къ политикѣ правительства. 8-го и 9-го января 1906 г. въ Москвѣ состоялось, въ этихъ цѣляхъ, соединенное собраніе обоихъ отдѣленій центральнаго комитета. Представители с.-петербургскаго отдѣленія комитета сообщили, что послѣ происходившаго въ С.-Петербургѣ въ декабрѣ общаго собранія мѣстныхъ членовъ „Союза“ графу Витте особой депутаціей была представлена принятая собраніемъ резолюція, указывавшая, что медленное осуществленіе реформъ, возвѣщенныхъ манифестомъ, и нарушеніе свободы собраній и другихъ гражданскихъ правъ населенія вызываютъ раздраженіе общества и его недовѣріе къ правительству. Графъ Витте выражалъ опасенія по поводу неограниченной свободы собраній, говорилъ, что правительство въ довѣріи общества не нуждается, что онъ самъ знаетъ, что́ нужно для спасенія Россіи, что опасенія, будто Государственная Дума не будетъ созвана, напрасны, и въ заключеніе сказалъ — „воля Государя въ осуществленіи манифеста 17-го октября непреклонна“. Вскорѣ, однако, послѣ этихъ заявленій появилось въ „Новомъ Времени“ сообщеніе объ интервью съ предсѣдателемъ совѣта министровъ, во время котораго графъ Витте высказалъ, что и послѣ манифеста 17-го октября Государь остается неограниченнымъ самодержцемъ и самый манифестъ во всякое время можетъ быть взятъ обратно. Всѣ члены центральнаго комитета относились съ полнымъ недо-

вѣріемъ къ политикѣ графа Витте, но полагали, однако, что „Союзу“ не слѣдуетъ содѣйствовать паденію кабинета въ настоящее время, такъ какъ разсчитывать на замѣну его кабинетомъ прогрессивнымъ нельзя, въ виду отсутствія подходящихъ людей въ бюрократической средѣ и выяснившейся невозможности составить кабинетъ изъ общественныхъ дѣятелей до созыва Государственной Думы. Въ то же время комитетъ призналъ необходимымъ: 1) помѣстить въ періодической прессѣ сообщеніе о своемъ отношеніи къ политикѣ правительства и къ толкованію графомъ Витте положенія, созданнаго манифестомъ 17-го октября, и 2) созвать въ Москвѣ съѣздъ членовъ „Союза“ и присоединившихся къ нему партій для обсужденія политики правительства, насколько таковая выяснится ко времени съѣзда, и установленія опредѣленнаго къ ней отношенія „Союза“. Тотчасъ, по окончаніи занятій центральнаго комитета, въ газетахъ было помѣщено слѣдующее сообщеніе:

„8-го января 1906 г. происходило соединенное засѣданіе московскаго и с.-петербургскаго отдѣленій центральнаго комитета „Союза 17-го октября“. Ближайшимъ поводомъ совмѣстнаго засѣданія послужили появившіяся въ „Новомъ Времени“ сообщенія о высказанномъ графомъ С. Ю. Витте въ разговорѣ съ нѣкоторыми достовѣрными лицами мнѣніи, что, будто бы, манифестомъ 17-го октября не внесено никакого измѣненія въ основу нашего государственнаго строя и что Государь Императоръ попрежнему остается Царемъ съ неограниченною властью. Такія сообщенія вызывали для „Союза 17-го октября“ необходимость обсудить и выяснить создавшееся для него положеніе, такъ какъ въ своемъ воззваніи „Союзъ“ выражалъ готовность поддерживать правительство, исходя изъ увѣренности, что министерство намѣрено искренно и откровенно осуществить провозглашенныя 17-го октября начала. Хотя ко времени засѣданія было уже опубликовано офиціозное разъясненіе по поводу появившихся въ „Новомъ Времени“ сообщеній, тѣмъ не менѣе центральный комитетъ призналъ необходимымъ опредѣленно установить свое отношеніе къ возбужденному вопросу. Центральный комитетъ раздѣляетъ убѣжденіе, что Государь Императоръ по собственному соизволенію ограничилъ свою власть въ области законодательства, установивъ „какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государ-

ственной Думы“ и предоставивъ выборнымъ отъ народа возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за законом-ѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ Государя властей, и потому комитетъ держится мнѣнія, что манифестомъ 17-го октября въ нашъ государственный строй вводится новое начало, — начало конституціонной монархіи. Развитіе и укрѣпленіе этого начала составляетъ одно изъ основныхъ положеній „Союза 17-го октября“, и „Союзъ“ ставитъ главной своей задачей стремиться неизмѣнно къ его осуществленію. Поэтому „Союзъ“ можетъ содѣйствовать министерству постольку, поскольку оно будетъ послѣдовательно и въ должной полнотѣ осуществлять права и свободы, дарованныя означеннымъ манифестомъ 17-го октября. На основаніи выраженной въ этомъ манифестѣ державной воли, Государь со времени созыва Государственной Думы не можетъ уже почитаться Монархомъ неограниченнымъ, но это не противорѣчитъ сохраненію за нимъ титула „самодержавный“. Въ сознаніи русскаго народа слово „самодержавіе“ не отождествляется съ понятіемъ о деспотизмѣ и самовластіи. Согласно нашему основному закону, Императоръ именуется Монархомъ самодержавнымъ и неограниченнымъ. Помѣщеніе этихъ двухъ словъ рядомъ свидѣтельствуетъ, что они по мысли нашего законодательства— не синонимы. Первымъ самодержавнымъ государемъ былъ Іоаннъ III, свергнувшій татарское иго. Самодержавнымъ царемъ именовался Михаилъ Ѳеодоровичъ, который, однако, былъ государемъ съ ограниченной въ значительной мѣрѣ властью и управлялъ страной при участіи выборныхъ отъ народа людей. Титулъ „самодержавный“ является нашимъ историческимъ достояніемъ и въ представленіи народа связанъ съ понятіемъ о монархѣ, а не о неограниченной власти. Исключеніе этого титула при богослуженіи могло бы внести смуту и расколъ. По вопросу о томъ, должна ли быть Государемъ Императоромъ по открытіи Думы принесена присяга въ сохраненіи дарованныхъ имъ правъ и свободы, комитетъ пришелъ къ единогласному заключенію, что манифестъ 17-го октября, выражая собою добрую волю Государя Императора, исключаетъ вопросъ о принесеніи имъ присяги и вопросъ этотъ можетъ относиться лишь къ Наслѣднику престола“.

1-й всероссійскій съѣздъ делегатовъ „Союза 17-го октября“ состоялся 8—12-го февраля 1906 года въ Москвѣ, въ помѣщеніи

Охотничьяго клуба, въ домѣ графа Шереметева на Воздвиженкѣ. Съѣздъ былъ очень многолюднымъ и происходилъ при значительно возбужденномъ настроеніи собравшихся, обусловленномъ выяснившимся къ этому времени съ достаточной опредѣленностью реакціоннымъ направленіемъ дѣятельности правительства. Всѣ собравшіеся хорошо сознавали лежавшую на нихъ великую отвѣтственность передъ страной возвысить свой голосъ за попранную свободу и за неисполненныя правительствомъ обѣщанія, возвѣщенныя съ высоты Престола.

Открывъ съѣздъ, какъ предсѣдатель центральнаго комитета, я обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой, изложивъ условія и причины, вызвавшія организацію „Союза 17-го октября", и задачи, имъ преслѣдуемыя, я указалъ на необходимость общими силами обсудить и разрѣшить вопросъ о тактикѣ, которой слѣдуетъ держаться „Союзу" при предстоящихъ выборахъ въ Государственную Думу, и затѣмъ сказалъ: „Однимъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію съѣзда, является вопросъ объ отношеніи „Союза" къ современной дѣятельности правительства. Мы призываемъ всѣ мирныя прогрессивныя партіи сплотиться воедино для мирнаго проведенія въ жизнь реформъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17-го октября. Для наиболѣе успѣшнаго достиженія этой цѣли необходимо было бы взаимодѣйствіе общества и правительства, но такое взаимодѣйствіе возможно лишь тогда, когда общество будетъ вполнѣ увѣрено, что правительство искренно, честно и послѣдовательно будетъ проводить въ жизнь всѣ начала манифеста 17-го октября. Къ сожалѣнію, мы не видимъ съ его стороны искренности, честности и послѣдовательности въ томъ великомъ дѣлѣ, которое поручено ему, вмѣнено въ прямую обязанность и прямой долгъ державной волей. Въ особенности не видимъ этого за послѣднее время. До сихъ поръ, напримѣръ, намъ все еще неизвѣстно, когда же, наконецъ, будетъ созвана Государственная Дума, которая должна была быть созвана не позднѣе января? Правительство говоритъ намъ, что задержка въ созывѣ Думы произошла потому, что оно желало обсудить вопросъ при содѣйствіи общественныхъ представителей, которые, однако, не откликнулись на призывъ правительства. Но, призывая къ содѣйствію общественныхъ дѣятелей, правительство въ то же самое время не считало нужнымъ считаться съ ярко выраженнымъ

общественнымъ мнѣніемъ, и, конечно, немудрено, что общественные дѣятели при такихъ условіяхъ отказались отъ содѣйствія правительству, въ искренность котораго не вѣрили, да и не могли вѣрить. Вѣдь, при искреннемъ желаніи осуществить державную волю правительство легко могло получить содѣйствіе общественныхъ дѣятелей и избѣжать всякихъ отсрочекъ въ созывѣ Государственной Думы. Но такого желанія со стороны правительства не было. Манифестъ 17-го октября провозгласилъ гражданскія свободы, а правительство не позаботилось до сей поры издать временныя правила, которыя регулировали бы эти свободы, и такъ какъ не было правилъ, нормирующихъ свободы, то мѣры, принимаемыя властью, получили характеръ широкаго произвола. Этотъ произволъ вызвалъ взрывъ революціоннаго движенія, а послѣднее, въ свою очередь, вызвало жестокое подавленіе его крупными репрессивными мѣрами, повлекшими за собой сотни и тысячи жертвъ. Но когда, наконецъ, революціонное движеніе было подавлено, то правительство попрежнему продолжало итти и до сихъ поръ идетъ по пути крутыхъ репрессій и продолжаетъ насилія и произволъ надъ обществомъ. Грубо нарушаются всѣ права и свободы, возвѣщенныя высочайшимъ манифестомъ 17-го октября. Но если можно мириться съ подавленіемъ грубой силою вооруженнаго возстанія, то нельзя, не должно ни въ какомъ случаѣ мириться съ тѣмъ, что правительство производитъ насилія надъ мирнымъ населеніемъ и разрушаетъ всѣ права и свободы. Съѣзду необходимо разрѣшить вопросъ объ отношеніи къ такой дѣятельности правительства. Только тогда объединенныя „Союзомъ“ партіи смогутъ общими силами выполнить лежащія на нихъ задачи и долгъ передъ родиной“.

А. И. Гучковъ въ своей рѣчи остановился подробно на обстоятельствахъ, при которыхъ создался „Союзъ 17-го октября“, и на причинахъ, вызвавшихъ необходимость происходившаго съѣзда, нарисовалъ картину нараставшаго постепенно въ странѣ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ освободительнаго движенія до появленія манифеста 17-го октября и по поводу его говорилъ: „казалось, что онъ далъ все. Явилась мысль объединиться вокругъ этого манифеста. Мысль о необходимости такого объединенія вспыхивала и тамъ и тутъ. Повсюду создавались очаги. И вотъ, образовался нашъ „Союзъ“. Въ настоящее время мы

всѣ—свидѣтели того, что сталось съ этимъ манифестомъ. Члены нашего „Союза“ все время участвовали въ общемъ освободительномъ движеніи, пока, наконецъ, намъ не пришлось разстаться съ нѣкоторыми группами и партіями. Еще на московскомъ съѣздѣ въ іюлѣ прошлаго года намѣтилась диференціація партій. Сентябрьскій съѣздъ городскихъ и земскихъ дѣятелей вполнѣ точно опредѣлилъ эту диференціацію. Въ числѣ отшатнувшихся были и мы. Намъ казалось, что мы не можемъ относиться отрицательно къ тому, что создано старой Россіей. Намъ казалось, что величіе Россіи, что славное имя ея, которое было такъ замарано тамъ, въ Манджуріи, должны быть возстановлены, и обновленными перенесены въ новую Россію. Намъ казалось, что монархическое начало, которое сыграло въ Россіи такую громадную роль, тоже должно быть перенесено обновленнымъ въ новую Россію. Доктринерство крайнихъ партій, ихъ оторванность отъ всей исторической жизни Россіи оттолкнули насъ отъ нихъ. Отстаивая тѣ начала, которыхъ не признавали крайнія партіи, и добиваясь народнаго представительства, всеобщаго избирательнаго права, осуществленія всѣхъ реформъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17-го октября, мы были увѣрены, что стоимъ ближе къ народу и вѣрнѣе понимаемъ его запросы и стремленія. Намъ казалось, что все, что мы отстаиваемъ, даетъ намъ право считаться народной партіей и что въ этомъ заключается тотъ успѣхъ, котораго мы достигли, тотъ залогъ побѣды, которую мы должны одержать. На почвѣ этихъ вѣрованій и задачъ произошло наше объединеніе. Если здѣсь, на этомъ съѣздѣ, мы встрѣтимъ разноголосицу, то пусть она не смущаетъ насъ. Основныя начала нашего „Союза“—сильный цементъ, который въ состояніи сплотить насъ въ могучую политическую партію. Въ данный моментъ намъ необходимо сказать свое авторитетное слово, и мы его скажемъ, и оно будетъ выслушано и произведетъ должное впечатлѣніе. Манифестъ 17-го октября подвергся той же участи, которой и прежде подвергались всѣ обѣщанія съ высоты Престола. Мнѣ невольно вспоминается русская пословица: „милуетъ царь, да не жалуетъ псарь“. Насъ и теперь не пожаловали. Наше отечество переживаетъ такое недомоганіе, что врачеваніе его нельзя откладывать. Оно находится въ неѣадлежащихъ рукахъ и не настоящему кабинету вывести его на путь спасенія“.

Наибольшаго напряженія достигло настроеніе собранія въ засѣданіяхъ 9-го и 10-го февраля при обсужденіи жгучаго вопроса объ отношеніи „Союза“ къ внутренней политикѣ правительства. Докладчикомъ по этому вопросу выступилъ М. А. Стаховичъ, который вмѣсто прочтенія доклада центральнаго комитета произнесъ горячую, прочувствованную рѣчь, начавъ ее такъ:

„Въ точномъ исполненіи правительствомъ манифеста 17-го октября заключаются всѣ основы нашихъ задачъ, дѣятельности и пропаганды. Отъ этого зависитъ, кромѣ того, и спасеніе нашей родины, прекращеніе въ ней смутъ и неурядицъ. Нужно ли говорить, что никто изъ насъ не считаетъ себя врагомъ правительства, что мы совсѣмъ не желаемъ низвергнуть или казнить его? Но правительство за весь пережитый нами періодъ послѣ манифеста 17-го октября глубоко не право передъ страной, и мы должны, мы обязаны открыто и прямо высказать это. Предвозвѣщая преобразованіе всего русскаго государственнаго строя на началахъ гражданской и политической свободы, манифестъ 17-го октября вмѣнялъ въ обязанность правительству: „не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, по мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ“. Вотъ главная задача, которая была поручена законодателемъ правительству, и правительство не исполнило этой задачи. Оно всячески уклонялось отъ выполненія непреклонной высочайшей воли и всѣми силами старалось и все еще до сихъ поръ старается оттянуть осуществленіе непріятнаго для него контроля со стороны народныхъ представителей надъ цѣлесообразностью и закономѣрностью своихъ дѣйствій“. Выяснивъ далѣе порядокъ составленія и недостатки закона 11-го декабря 1905 года [1]), М. А. Стаховичъ продолжалъ: „перехожу къ другой заповѣди манифеста 17-го октября, также не исполненной правительствомъ. Въ первомъ пунктѣ манифеста сказано: „на обязанность правительства возлагаемъ Мы выполненіе непремѣнной Нашей воли даровать населенію незыбле-

[1]) Указъ Правительствующему Сенату объ измѣненіяхъ въ Положеніи о выборахъ въ Государственную Думу 6-го августа 1905 года.

мыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній, союзовъ". Намъ всѣмъ уже давно надоѣло слышать отъ правительства, что всѣ эти свободы, будто бы, не могли быть осуществлены и не могутъ быть осуществлены до тѣхъ поръ, пока не прекратится революціонное движеніе, широкой волной охватившее всю Россію. А подъ этимъ революціоннымъ движеніемъ правительство понимало всѣ безпорядки и волненія. Но высочайшій манифестъ не даетъ правительству никакого права на это. Въ манифестѣ точно указано, что объединенное правительство (совѣтъ министровъ) обязано неуклонно выполнить державную волю, независимо отъ успѣха или неуспѣха въ дѣлѣ устраненія прямыхъ проявленій безпорядка. И ни подъ какими отговорками правительство не имѣло права отмѣнять высочайшаго манифеста. „Союзъ 17-го октября" открыто и рѣзко отграничилъ себя съ обоихъ фланговъ. Мы одинаково не сочувствуемъ и революціи и реакціи: намъ одинаково кажутся незаконными, какъ насильственныя революціонныя дѣйствія, такъ и ломка со стороны правительства основныхъ началъ манифеста 17-го октября. Мы одинаково выказали себя противниками какъ тѣхъ, которые путемъ насилій, съ оружіемъ въ рукахъ хотѣли замѣнить манифестъ 17-го октября и конституціонную монархію инымъ соціальнымъ строемъ государства, такъ и тѣхъ, которые всѣми силами стараются удержать выгодный для нихъ старый, отжившій строй. Манифестъ долженъ быть точно и непреклонно осуществленъ, какъ онъ былъ дарованъ Государемъ, и принятъ отъ него народомъ. И для осуществленія его не требовалось отъ правительства никакихъ исключительныхъ мѣръ. Нужны были только искреннее желаніе и сознаніе долга выполнить непреклонную волю Монарха. Мы понимаемъ, что исключительныя событія требуютъ и исключительныхъ мѣръ; мы понимаемъ, что вооруженное возстаніе нельзя подавить увѣщаніями и лекціями, что его можно подавить только вооруженной силой. Мы даже убѣждены, что такъ всегда и нужно энергично подавлять вооруженное возстаніе. Но, водворивъ порядокъ, правительство обязано тотчасъ же, немедля, прекратить всякое насиліе, къ которому вынуждено было прибѣгнуть, нарушивъ тѣмъ самымъ священныя основы гражданской и политической жизни страны. Послѣ подавленія вооруженнаго возстанія, насилія со стороны прави-

тельства не находятъ себѣ никакихъ оправданій. А, между тѣмъ, мы видимъ, необузданный произволъ и насилія со стороны правительства продолжаются повсемѣстно, даже тамъ, гдѣ не было никакого вооруженнаго возстанія. Мы видимъ, что къ революціонерамъ причисляются милліоны русскихъ гражданъ, что правительство хочетъ осилить всю Россію, недовольную его беззаконной дѣятельностью и протестующую противъ произвола и насилій съ его стороны. И, видя все это, мы должны сказать правительству: „Послѣ манифеста 17-го октября вы не смѣете дѣлать этого. Вы не смѣете посягать на наши свободы и стараться снова водворить тотъ порядокъ, который былъ главной причиной всѣхъ нашихъ золъ и несчастій". До чего доходитъ наглость пріемовъ, практикуемыхъ правительствомъ, можетъ служить характернымъ доказательствомъ циркулярное распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ Дурново, изданное имъ еще 20-го ноября, когда онъ былъ только управляющимъ министерствомъ, но лишь недавно сдѣлавшееся достояніемъ общей прессы. Это циркулярное распоряженіе примѣнялось уже десятки тысячъ разъ. Во исполненіе его мѣстныя власти силой оружія разгоняли всякія собранія, подавляли всякій протестъ, арестовывали, ссылали безъ суда, слѣдствія, даже дознанія, и даже тогда, когда суды, не находя никакого состава преступленія, оправдывали заподозрѣнныхъ администраціей въ „крамолѣ" лицъ. Послѣднихъ, и послѣ оправданія ихъ судомъ, гноили въ тюрьмахъ, не предъявляя къ нимъ никакого обвиненія. Десятки тысячъ людей сдѣлались жертвами этого циркуляра лишь за то, что, въ силу требованій своей совѣсти, своего разума, исполняли волю Государя, выраженную въ манифестѣ 17-го октября. Бездушная механика въ рукахъ правительства нарушала всѣ дарованныя намъ Государемъ права и свободы. Какая неопытность, какое недомысліе со стороны правительства, воочію убѣдившагося въ томъ, какой взрывъ благодарности и восторга въ населеніи страны вызвали первыя же изъявленія высочайшей воли. Если въ пользованіи дарованными свободами люди иногда доходили до крайности, то вѣдь потому лишь, что черезчуръ изголодались въ ожиданіи этихъ свободъ. Почувствовавъ готовность общества содѣйствовать въ подавленіи анархіи, правительство позабыло о всякихъ законахъ и стало безъ всякаго суда и всякой провѣрки виновности лишать сво-

боды и правъ всѣхъ неугодныхъ ему людей. И, конечно, произошло то, что возмущенное общество окончательно отшатнулось отъ правительства. Для общества стало ясно, что правительство само расшатываетъ и, какъ бы, хочетъ опрокинуть весь государственный строй. Оно само готовитъ себѣ гибель. Но за этой гибелью можетъ послѣдовать гибель династіи и гибель всей Россіи".

Рѣчь М. А. Стаховича вызвала большой энтузіазмъ въ собраніи и долго несмолкавшія рукоплесканія. Въ послѣдовавшихъ послѣ нея горячихъ и продолжительныхъ преніяхъ участвовало большое число ораторовъ и въ заключеніе съѣздомъ была принята слѣдующая резолюція: „Съѣздъ делегатовъ „Союза 17-го октября", обсудивъ въ засѣданіи 9-го февраля докладъ по вопросу объ отношеніи „Союза" къ текущей дѣятельности правительственныхъ учрежденій, отвѣтственныхъ за исполненіе манифеста 17-го октября, нашелъ, что совѣтъ министровъ, на который высочайшею волею возложено объединеніе и направленіе всей правительственной дѣятельности, проявляетъ крайнюю медленность въ осуществленіи благой и мудрой воли Его Величества. Онъ не проводитъ въ жизнь началъ, положенныхъ въ основу манифеста 17-го октября; онъ неизмѣнно старается дать этимъ началамъ наиболѣе узкое и несоотвѣтствующее ихъ сущности примѣненіе. Исключительные случаи требуютъ, конечно, исключительныхъ мѣръ; на революціонныя насилія, на вооруженныя возстанія правительство обязано отвѣчать энергичнымъ подавленіемъ; оно можетъ даже ввести на срокъ военное положеніе. Но нельзя не осудить тѣ случаи, когда правительственными лицами, съ вѣдома совѣта министровъ, допускались произвольныя дѣйствія, напрасная жестокость въ примѣненіи чрезвычайныхъ карательныхъ мѣръ. Такое направленіе дѣятельности совѣта министровъ увеличиваетъ въ странѣ недовольство и тѣмъ грозитъ Россіи и ея Государю возможностью новыхъ опасностей. Скорѣйшій созывъ Думы является единственнымъ надежнымъ средствомъ вернуть государственной власти ея пошатнувшійся авторитетъ и самымъ вѣрнымъ путемъ къ успокоенію страны. По этому общее собраніе делегатовъ „Союза 17-го октября" признаетъ, что неотложная государственная необходимость требуетъ: 1) ускорить всѣми мѣрами выборы въ Государственную Думу; 2) опредѣлить точ-

ный и близкій срокъ ея созыва, не позднѣе 25-го апрѣля сего года; 3) издать безотлагательно временныя правила, обезпечивающія установленныя манифестомъ 17-го октября свободы и ограждающія отъ злоупотребленія въ пользованіи ими, отмѣнивъ одновременно положеніе объ усиленной и чрезвычайной охранахъ, какъ мѣру неправосудную, возбуждающую въ странѣ общее недовольство и не достигающую цѣли; 4) введеніе военнаго положенія можетъ быть вызвано только вооруженнымъ возстаніемъ или приготовленіемъ къ нему и должно быть отмѣнено, какъ только минуетъ крайняя въ немъ необходимость. Не слѣдуетъ злоупотреблять этимъ жестокимъ правомъ, а еще менѣе злоупотреблять его примѣненіемъ тамъ, гдѣ оно по необходимости было введено. Во всякомъ случаѣ примѣненіе смертной казни безъ судебнаго приговора въ какихъ бы то ни было случаяхъ должно быть немедленно прекращено".

Вынося рѣзкое осужденіе образу дѣйствій правительства, съѣздъ не отождествлялъ правительство съ главой государства и считалъ необходимымъ подчеркнуть, что онъ борется не съ представителемъ Верховной Власти въ государствѣ, а лишь съ тѣми органами правительственной власти, которые нарушаютъ его волю своими беззаконными дѣйствіями. Эта мысль на съѣздѣ была блестяще выражена Θ. Н. Плевако въ его рѣчи, въ которой онъ предложилъ закончить наши думы и бесѣды о благѣ страны, обратившись къ Его Величеству со слѣдующими словами: „Государь! Въ манифестѣ Вашемъ сказано: скорбь народа—скорбь царскаго сердца. Наша скорбь велика: мы видимъ, что манифестъ, отдѣляющій ветхозавѣтную Русь отъ новозавѣтной, Русь бездушнаго произвола отъ Руси благодатнаго будущаго, не приводится въ исполненіе. Повели, Государь, приступить къ немедленной работѣ—исполнить Твою волю. Тогда великія слова Твои, Государь, о томъ, что скорбь народа есть Твоя скорбь, восполнятся еще другой истиной: народная свобода—свобода его Царя". Эта рѣчь была встрѣчена собраніемъ съ восторгомъ и, казалось, что всѣ, какъ одинъ человѣкъ, готовы встать и пойти сказать Государю то, что такъ вдохновенно было высказано маститымъ ораторомъ.

Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ съѣздомъ были разсмотрѣны заключенія секцій по разнымъ отдѣльнымъ вопросамъ и приняты соотвѣтствовавшія мнѣнію большинства резолюціи. Когда

обсужденіе всѣхъ очередныхъ вопросовъ было закончено, я передъ закрытіемъ съѣзда обратился къ нему со слѣдующей заключительной рѣчью: „Съѣздъ закончилъ свои занятія и я прошу позволенія резюмировать итоги нашихъ занятій. На съѣздъ прибыло 389 делегатовъ; въ теченіе 5-ти дней было 8 засѣданій. Кромѣ внесенныхъ центральнымъ комитетомъ вопросовъ, разсмотрѣны еще: окраинный, рабочій и аграрный вопросы; и съ внѣшней и съ внутренней стороны съѣздъ достигъ полнаго успѣха. Одной изъ главныхъ задачъ съѣзда было, конечно, выясненіе положенія нашего „Союза 17-го октября“ среди другихъ политическихъ партій. И мы выяснили это положеніе; оно оказалось чрезвычайно устойчивымъ и крѣпкимъ. Положеніе наше зиждется на почвѣ манифеста 17-го октября, который служитъ выраженіемъ державной воли нашего Монарха. Мы не умаляемъ и не расширяемъ этотъ манифестъ, какъ то дѣлаютъ другія политическія партіи. Мы принимаемъ его во всей его полнотѣ и ставимъ своей задачей стремиться всѣми своими силами къ мирному развитію и процвѣтанію страны на благо и счастіе всѣхъ населяющихъ ее народностей. Мы готовы поддерживать правительство постольку, поскольку оно искренно и неуклонно будетъ осуществлять начала манифеста 17-го октября. Но мы не поступимся ничѣмъ изъ дарованныхъ намъ правъ и свободъ и не можемъ молчать, не можемъ не возмущаться, видя насилія и произволъ со стороны администраціи, видя, какъ правительство беззастѣнчиво нарушаетъ державную волю Государя. Съѣздъ своей резолюціей осудилъ беззаконныя дѣйствія правительства и далъ ему почувствовать, что общественное мнѣніе не дремлетъ и стоитъ на стражѣ всѣхъ правъ и свободъ, дарованныхъ манифестомъ. Мы отмежевались отъ лѣвыхъ и правыхъ партій. Отъ правыхъ потому, что онѣ стараются во что бы то ни стало, разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ, сохранить старый приказный строй, приведшій насъ къ Ляояну, Цусимѣ и всѣмъ внутреннимъ неурядицамъ и кровопролитіямъ. Отъ лѣвыхъ партій мы отграничили себя потому, что весь русскій народъ приверженъ идеѣ монархизма. Мы—искренніе монархисты по убѣжденію; мы видимъ въ конституціонной монархіи противодѣйствіе идеѣ деспотизма олигархіи или массы. Монархъ—выше всѣхъ политическихъ партій, онъ—внѣ ихъ интересовъ и борьбы, и поэтому

свобода и право каждаго гражданина наиболѣе обезпечены при конституціонной монархіи. Мы наравнѣ съ лѣвыми партіями одинаково понимаемъ, что будущее Россіи заключается въ широкихъ демократическихъ реформахъ. Но наше пониманіе этихъ реформъ нѣсколько иное. Мнѣ думается, что всѣ члены „Союза 17-го октября“ одинаково раздѣляютъ убѣжденіе, что человѣкъ долженъ быть не только свободнымъ существомъ, но и долженъ быть проникнутъ сознаніемъ нравственнаго идеала. Исходной идеей „Союза 17-го октября“ является признаніе высшихъ началъ свободы, правды и любви. Русскій народъ проникнутъ той же идеей, и потому „Союзъ 17-го октября“ болѣе всѣхъ другихъ партій имѣетъ право называть себя народной партіей. Мы всѣ здѣсь, несмотря на мимолетныя разногласія и опасенія раскола, объединились въ единую и тѣсную семью. Позвольте мнѣ выразить надежду, что всѣ члены „Союза 17-го октября“ приложатъ всѣ силы къ пробужденію нравственнаго сознанія въ народныхъ массахъ и во всѣхъ мѣстахъ Россіи привлекутъ къ избирательнымъ урнамъ наиболѣе достойныхъ людей, которые могли бы содѣйствовать умиротворенію и благу нашей дорогой родины“.

Первый всероссійскій съѣздъ делегатовъ „Союза 17-го октября“ можно было признать вполнѣ удавшимся, какъ по многочисленности участниковъ, такъ и по преобладавшему въ ихъ средѣ настроенію. Съѣздъ опредѣленно выяснилъ отношеніе „Союза“ къ политикѣ правительства, задачи, преслѣдуемыя „Союзомъ“, и положеніе, занимаемое имъ среди другихъ политическихъ партій. Съ этой точки зрѣнія результаты съѣзда не могли не доставить его организаторамъ нѣкотораго удовлетворенія. Но, однако, рядомъ съ этими положительными фактами чувствовалось присутствіе нѣкоторыхъ отрицательныхъ явленій, въ которыхъ заключались указанія на нѣкоторыя неблагопріятныя условія для дальнѣйшаго развитія и направленія дѣятельности „Союза“. Составъ съѣзда оказался очень разнообразнымъ и опредѣленно сознавалось, что далеко не всѣ его члены связаны общностью своихъ политическихъ убѣжденій. Хотя большинство съѣзда было, несомнѣнно, проникнуто искреннимъ убѣжденіемъ въ необходимости преобразованія нашего государственнаго строя и проведенія въ жизнь широкихъ демократическихъ реформъ, но, съ другой стороны, являлось оче-

виднымъ, что въ составъ „Союза“ вошли элементы, принадлежавшіе къ числу, такъ сказать, испуганныхъ развивавшимися событіями обывателей, а по существу, если не враждебные, то мало сочувствовавшіе освободительному движенію. Невольно возникала мысль, что эти лица присоединились къ „Союзу“, главнымъ образомъ, въ разсчетѣ на то, что эта политическая группа скорѣе можетъ обезпечить ихъ имущественные и классовые, обывательскіе интересы. Наиболѣе опредѣленно двойственность состава „Союза“ проявилась на съѣздѣ при обсужденіи и баллотировкѣ резолюціи по вопросу объ отношеніи „Союза“ къ политикѣ правительства. Во время преній, происходившихъ послѣ рѣчи М. А. Стаховича, и оглашенія имъ проекта резолюціи, предложеннаго центральнымъ комитетомъ, нѣкоторые члены съѣзда горячо возражали противъ отмѣны военнаго положенія и положенія объ усиленной и чрезвычайной охранахъ и при первой баллотировкѣ резолюціи en bloc за нее было подано 142 голоса, а противъ—140. При повторномъ, поименномъ голосованіи резолюція была принята большинствомъ 157 голосовъ противъ 141. Въ виду такого раздѣленія голосовъ, центральный комитетъ предложилъ собранію разсмотрѣть и баллотировать резолюцію по пунктамъ, чтобы выяснить, какіе именно ея пункты вызываютъ проявившееся разногласіе. При послѣдовавшемъ голосованіи вступительная часть и первые два пункта резолюціи были приняты почти единогласно, но 3-ій и 4-ый пункты вызвали вновь продолжительныя возраженія и хотя при баллотировкѣ число лицъ, голосовавшихъ противъ нихъ, оказалось менѣе значительнымъ, но было ясно, что многіе воздержались отъ отрицательнаго вотума, имѣя въ виду, что во всякомъ случаѣ собрать на своей сторонѣ большинство надежды не было.

По окраинному вопросу секція, состоявшая преимущественно изъ представителей русскаго населенія Царства Польскаго, Сѣверо-Западнаго, Юго-Западнаго и Прибалтійскаго края, представила проектъ резолюціи, въ которой говорилось о необходимости въ интересахъ русской государственности и высшей справедливости ввести на окраинахъ принципъ пропорціональнаго избранія выборщиковъ и депутатовъ въ Государственную Думу по національностямъ, предоставивъ право избранія, по крайней мѣрѣ, одного русскаго члена Государственной Думы

каждой окраинной губерніи и отъ Царства Польскаго, по крайней мѣрѣ, двухъ депутатовъ. Противъ принятія этой резолюціи по порученію центральнаго комитета выступилъ А. И. Гучковъ, который выяснилъ, что „Союзъ 17-го октября", отрицая возможность автономіи какой-либо изъ окраинъ, въ то же время отрицательно относится и къ политическому гнету національностей, населяющихъ Россію. Всѣ народности должны пользоваться полнымъ равноправіемъ и ни одной изъ нихъ не должно быть предоставлено никакихъ привилегій. Требованія о представительствѣ русскаго населенія окраинъ могутъ имѣть свои основанія въ принципѣ представительства вообще меньшинства, но этотъ принципъ не можетъ быть осуществленъ для одного русскаго населенія. Въ заключеніе съѣздъ принялъ слѣдующую резолюцію, предложенную центральнымъ комитетомъ: „Признать, что при пересмотрѣ избирательнаго закона должно быть принято во вниманіе справедливое представительство интересовъ меньшинства и отдѣльныхъ группъ населенія". Принятіе этой резолюціи вызвало замѣтное неудовольствіе со стороны представителей русскаго населенія на окраинахъ.

При возбужденіи вскорѣ послѣ открытія съѣзда вопроса, будетъ ли предложенъ на обсужденіе съѣзда аграрный вопросъ, нѣкоторые члены съѣзда признавали за лучшее обойти этотъ вопросъ, а представитель Минской губерніи (Шмидтъ) указывалъ на то, что „Союзъ" не представляетъ собой однородную партію, и говорилъ, что отъ разрѣшенія аграрнаго вопроса зависитъ, останутся ли въ „Союзѣ" многочисленныя его отдѣленія въ Юго-Западномъ и Сѣверо-Западномъ краѣ.

Проявившіяся на съѣздѣ разногласія свидѣтельствовали объ отсутствіи принципіальной солидарности между членами „Союза" и поселяли опасенія, что дальнѣйшій притокъ въ него элементовъ, чуждыхъ сознанію необходимости обновленія нашей государственной жизни и соціальныхъ отношеній на основѣ началъ свободы, справедливости и равноправія, можетъ пагубно отразиться въ будущемъ на составѣ и характерѣ недавно создавшейся политической организаціи.

20-го февраля 1906 года былъ опубликованъ манифестъ объ измѣненіи учрежденія Государственнаго Совѣта и о пересмотрѣ

учрежденія Государственной Думы. Этимъ манифестомъ Государственному Совѣту въ области законодательства предоставлялись одинаковыя права съ Государственной Думой, что вступало въ несомнѣнное противорѣчіе съ обѣщаніями манифеста 17-го октября 1905 года, которымъ устанавливалось „какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы". Между тѣмъ, манифестъ 20-го февраля 1906 года „безъ одобренія Государственной Думы" устанавливалъ законодательную норму, которой существенно ограничивалось право, предоставленное Думѣ 17-го октября 1905 года. Центральный комитетъ „Союза 17-го октября" счелъ для себя обязательнымъ обсудить въ своемъ общемъ собраніи значеніе вновь появившагося манифеста и выяснить къ нему свое отношеніе. Свое мнѣніе по данному вопросу центральный комитетъ огласилъ путемъ помѣщенія въ газетахъ слѣдующаго сообщенія:

„Собравшійся въ Москвѣ 6-го марта центральный комитетъ „Союза 17-го октября", подвергнувъ обсужденію обнародованныя при высочайшемъ манифестѣ отъ 20-го февраля 1906 года положенія о Государственномъ Совѣтѣ и Государственной Думѣ, пришелъ къ заключенію, что эти законодательные акты существенно отклоняются отъ основныхъ началъ манифеста 17-го октября, вновь воздвигая въ лицѣ преобразованнаго Государственнаго Совѣта то бюрократическое средостѣніе, разрушенія котораго единодушно и законно домогается русскій народъ, съ той поры, какъ Верховная власть, освѣдомленная о чувствахъ возраставшаго недовѣрія и вражды его къ чиновному властвованію, рескриптомъ отъ 18-го февраля 1905 года рѣшила призвать облеченныхъ народнымъ довѣріемъ избранниковъ къ совмѣстнымъ трудамъ по усовершенствованію государственнаго строя. Центральный комитетъ прежде всего усматриваетъ, что преобразованному Государственному Совѣту законоположенія 20-го февраля с. г. предоставляютъ ничѣмъ не ограниченное право пріостанавливать дальнѣйшій ходъ всякаго законопроекта, принятаго Думою. Поэтому можетъ случиться, что ясно выраженное народными представителями стремленіе къ измѣненію предписаній закона, признаваемыхъ стѣснительными и даже вредными, встрѣтитъ непреодолимое препятствіе со стороны Государственнаго Совѣта, не являющагося выраженіемъ дѣй-

ствительнаго мнѣнія страны. Кромѣ того, при такомъ столкновеніи даже глава государства окажется лишеннымъ возможности осуществить мѣру, признаваемую имъ благодѣтельною и желаемую народомъ, но не встрѣчающую сочувствія Государственнаго Совѣта. Центральный комитетъ полагаетъ, что преобразованному Государственному Совѣту должно быть присвоено значеніе органа, по преимуществу имѣющаго своей задачею огражденіе послѣдовательнаго развитія законодательства въ государствѣ отъ возможныхъ случайныхъ и недостаточно разработанныхъ рѣшеній Государственной Думы, но ему отнюдь не должна быть присвоена власть ограничивать проявленіе воли монаршей и воли народной. Поэтому центральный комитетъ признаетъ желательнымъ введеніе въ положеніе о Государственномъ Совѣтѣ правила, въ силу котораго, при неодобреніи Государственнымъ Совѣтомъ рѣшенія, принятаго Государственной Думою, дѣло должно возвращаться на новое обсужденіе въ Думу и затѣмъ, въ случаѣ подтвержденія ею своего постановленія, это постановленіе должно быть представлено на усмотрѣніе Верховной власти, и не однимъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, а совмѣстно съ нимъ и предсѣдателемъ Государственной Думы".

„Другимъ, не менѣе существеннымъ недостаткомъ преобразованнаго Государственнаго Совѣта является, по мнѣнію центральнаго комитета, сохраненіе въ немъ департаментовъ. Въ составъ ихъ входятъ лишь лица по назначенію правительства, а въ ихъ исключительномъ вѣдѣніи остаются столь важные предметы обсужденія и утвержденія, какъ, напр., кассовый отчетъ министра финансовъ, годовые отчеты государственнаго банка и другихъ правительственныхъ кредитныхъ установленій, дѣла объ отвѣтственности за нарушеніе долга службы высшихъ чиновъ управленія и другіе (пункты: 9 (лит. б.—г.) и 14—17 статьи 31 учрежденія Государственнаго Совѣта). При сохраненіи департаментовъ въ преобразованномъ Государственномъ Совѣтѣ сказывается съ особенною силою коренной недостатокъ законоположеній 20-го февраля с. г., не устанавливающихъ ни одновременности созыва и прекращенія занятій обѣихъ палатъ, ни сроковъ, не далѣе которыхъ народные представители должны быть созываемы въ случаяхъ перерыва засѣданій Думы или ея распущенія. Такой недостатокъ вызываетъ опасеніе, что для

Государственнаго Совѣта не исключена возможность засѣдать въ то время, какъ сессіи Государственной Думы не будетъ".

„Перейдя затѣмъ къ обсужденію вопроса о правахъ Государственной Думы по надзору за дѣятельностью правительственныхъ властей, центральный комитетъ прежде всего обратилъ вниманіе на то, что права эти, намѣченныя положеніемъ о Государственной Думѣ 6-го августа и подлежавшія расширенію по п. 3 манифеста 17-го октября, должному измѣненію не подверглись. Продолжительность сроковъ, назначаемыхъ для представленія министрами свѣдѣній, требуемыхъ Думою, и объясненій по ея запросамъ, сложность порядка обжалованія уклоненій со стороны министровъ отъ представленія этихъ свѣдѣній и объясненій, наконецъ, подтверждаемое изъятіе изъ-подъ надзора Государственной Думы обширныхъ отраслей управленія, главные начальники которыхъ не состоятъ въ подчиненіи Правительствующему Сенату (ст. 33), — все это вмѣстѣ кореннымъ образомъ противорѣчитъ возвѣщенной въ манифестѣ 17-го октября въ п. 3 волѣ Государя, „чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за законом'рностью поставленныхъ отъ Насъ властей".

„Кромѣ указанныхъ коренныхъ недостатковъ законоположеній 20-го февраля с. г., по мнѣнію центральнаго комитета, имѣются и многіе другіе, въ числѣ которыхъ наиболѣе существеннымъ представляется отсутствіе права петицій. По всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ, устанавливающимъ явную ненормальность взаимоотношеній, съ одной стороны, Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, съ другой,—Государственной Думы и поставляемыхъ подъ надзоръ ея властей, центральный комитетъ пришелъ къ заключенію, что акты 20-го февраля с. г., безспорно, противорѣчатъ установленнымъ манифестомъ 17-го октября началамъ и явятся серьезною помѣхою для правильной и плодотворной работы народнаго представительства. Такъ какъ эти законоположенія не введены въ основные законы Имперіи, то пересмотръ ихъ становится одною изъ главныхъ задачъ, предстоящихъ Государственной Думѣ перваго созыва, что, однако, не должно задерживать текущей законодательной дѣятельности по жизненнымъ для государства вопросамъ—земельному, рабочему и другимъ, разрѣшеніе которыхъ столь необходимо для умиротворенія страны и для удовлетворенія ея неотложныхъ нуждъ".

Во время выборовъ членовъ первой Государственной Думы „Союзъ 17-го октября“ потерпѣлъ крупную неудачу. Изъ состава его членовъ вошло въ Государственную Думу очень незначительное число лицъ, а изъ состава его центральнаго комитета были избраны членами Думы только трое: кн. Н. С. Волконскій, гр. П. А. Гейденъ и М. А. Стаховичъ. Такой исходъ выборовъ можетъ быть объясненъ слѣдующими причинами. Политика правительства ко времени производства выборовъ продолжала оставаться неизмѣнной и вступала въ рѣзкое противорѣчіе съ новыми условіями, вытекавшими изъ манифеста 17-го октября 1905 года. Образъ дѣйствій правительственной власти возбуждалъ и обострялъ все болѣе и болѣе настроеніе въ широкихъ кругахъ общества и укрѣплялъ въ населеніи убѣжденіе, что разсчитывать на какое-либо соглашеніе съ властью невозможно. Въ виду этого избиратели предпочитали отдавать свои голоса въ пользу представителей партій, открыто заявлявшихъ, что они стремятся войти въ Государственную Думу съ исключительною цѣлью борьбы за политическую свободу и для принудительнаго осуществленія новаго, обѣщаннаго странѣ строя. Такъ какъ „Союзъ 17-го октября“ стремился къ мирному разрѣшенію конфликта и не терялъ надежды на возможность созданія доброжелательнаго взаимодѣйствія государственной власти съ населеніемъ, то выставленные имъ кандидаты въ члены Государственной Думы не встрѣчали сочувствія со стороны избирателей. Извѣстное вліяніе на результатъ выборовъ, несомнѣнно, имѣло также съ своей стороны недостаточное развитіе, а нерѣдко и полное отсутствіе предвыборной агитаціи со стороны отдѣловъ „Союза“. Послѣднее въ значительной мѣрѣ находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что агитаціонная дѣятельность вообще не привлекала къ себѣ симпатіи членовъ „Союза“, тогда какъ для конституціоналистовъ-демократовъ и для примыкавшихъ къ нимъ болѣе лѣвыхъ партій политическая агитація представлялась необходимымъ орудіемъ политической борьбы. Не могло также не оказать отрицательнаго вліянія на избирателей присутствіе въ составѣ „Союза“ случайныхъ, не прогрессивныхъ элементовъ, которое придавало ему нѣкоторый, неблагопріятный оттѣнокъ. Въ этомъ отношеніи не мало повредило „Союзу“ его сближеніе и соглашеніе съ торгово-промышленной партіей. Эта партія образовалась ранѣе „Союза“ и яви-

лась, главнымъ образомъ, представительствомъ опредѣленнаго класса, а не какой либо самостоятельной политической программы. Хотя программа торгово-промышленной партіи не противорѣчила основнымъ положеніямъ, провозглашеннымъ въ воззваніи „Союза“, и не выдвигала особыхъ классовыхъ интересовъ, тѣмъ не менѣе блокъ „Союза“ съ этой партіей во время выборовъ могъ послужить поводомъ для заподозрѣванія обѣихъ группъ въ склонности руководиться классовыми интересами.

Мнѣ пришлось принять участіе въ выборахъ по московской губерніи. Въ выборщики я былъ избранъ съѣздомъ землевладѣльцевъ волоколамскаго уѣзда. Мое избраніе въ уѣздѣ не встрѣтило противодѣйствія со стороны представителей лѣвыхъ партій, такъ какъ таковыя въ уѣздѣ почти отсутствовали, но противъ моей кандидатуры вели агитацію нѣкоторые крупные землевладѣльцы, не сочувствовавшіе манифесту 17-го октября. Они старались привлечь на свою сторону священниковъ, что имъ отчасти и удалось, но тѣмъ не менѣе, я былъ избранъ довольно значительнымъ большинствомъ голосовъ. Въ губернскомъ избирательномъ собраніи выборщики составили три почти равносильныя группы: 1) правые, представители, такъ называемыхъ, монархическихъ партій, 2) конституціоналисты-демократы, съ присоединившимися къ нимъ выборщиками отъ рабочихъ, и 3) избранные изъ числа членовъ „Союза 17-го октября“ и торгово-промышленной партіи. Эти двѣ послѣднія организаціи, состоявшія въ блокѣ, намѣтили по соглашенію между собой кандидатами въ члены Государственной Думы—отъ „Союза 17-го октября“: С. И. Четверикова и меня, а отъ торгово-промышленной партіи: В. С. Баршева и барона А. А. Крюденеръ-Струве. При подачѣ, согласно ст. 51 положенія о выборахъ, записокъ съ именами предлагаемыхъ кандидатовъ выяснилось, что ни одна изъ трехъ группъ выборщиковъ не можетъ провести самостоятельно своихъ кандидатовъ. Во время происходившаго послѣ подачи записокъ перерыва, руководители правой группы вступили въ переговоры съ В. С. Баршевымъ и бар. А. А. Крюденеръ-Струве, послѣ чего послѣдніе сообщили С. И. Четверикову и мнѣ, что правые предлагаютъ вступить съ ними въ соглашеніе съ тѣмъ, чтобы избрать отъ блока „Союза 17-го октября“ и торгово-промышленной партіи двухъ лицъ, намѣченныхъ кандидатами торгово-промышленной партіи, а изъ числа

правыхъ: А. Д. Самарина и гр. П. С. Шереметева. Мы отнеслись отрицательно къ такому предложенію, а затѣмъ, переговоривъ съ выборщиками, состоявшими членами нашего „Союза“, заявили, что наша группа отклоняетъ мысль о возможности такого соглашенія, признавая ее принципіально недопустимой. При этомъ мы указывали на ст. 52-ю положенія о выборахъ, допускающую избраніе членовъ Думы относительнымъ большинствомъ на третій день, если выборы абсолютнымъ большинствомъ въ первые два дня не состоятся, и обращали вниманіе, что при этомъ условіи нашъ блокъ имѣетъ значительные шансы провести своихъ кандидатовъ. Однако, не смотря на наше категорическое заявленіе, В. С. Баршевъ, бар. А. А. Крюденеръ-Струве и другіе представители ихъ партіи сочли возможнымъ вступить въ соглашеніе съ правыми. Когда въ средѣ членовъ избирательнаго собранія стало извѣстно о налаживающемся соглашеніи правыхъ съ торгово-промышленной партіей, тогда представители к.-д. обратились къ представителямъ „Союза 17-го октября“ съ предложеніемъ вступить въ такое же соглашеніе между собой, при чемъ при такомъ соглашеніи получалось абсолютное большинство голосовъ. С. И. Четвериковъ и я тотчасъ же отвергли это предложеніе, какъ совершенно для насъ непріемлемое. Мы заявили: 1) что не можемъ подать своихъ голосовъ за кандидатовъ партіи, съ которой насъ раздѣляютъ принципіальныя разномыслія, 2) что мы не считаемъ возможнымъ быть избранными голосами выборщиковъ отъ политическихъ партій, къ которымъ мы относимся безусловно отрицательно, и 3) что, независимо отъ образа дѣйствій представителей торгово-промышленной партіи, мы не можемъ отказать имъ въ нашихъ избирательныхъ шарахъ, въ виду состоявшагося вообще соглашенія между этой партіей и „Союзомъ 17-го октября“. Когда собраніе приступило къ баллотировкѣ заявленныхъ кандидатовъ, то В. С. Баршевъ и бар. А. А. Крюденеръ-Струве оказались избранными абсолютнымъ большинствомъ. Гр. П. С. Шереметевъ не получилъ большинства избирательныхъ шаровъ, послѣ чего А. Д. Самаринъ отъ баллотировки отказался, а затѣмъ отказались и всѣ остальные кандидаты. Послѣ большого перерыва и долгихъ переговоровъ правые уговорили подвергнуться баллотировкѣ кн. Г. Г. Гагарина, клинскаго предводителя дворянства, изъявившаго свое согласіе, хотя

онъ состоялъ членомъ „Союза 17-го октября“, и Я. В. Ильина, члена подольской уѣздной земской управы, крестьянина, являвшагося выборщикомъ отъ избирательнаго съѣзда города Подольска. Оба эти лица оказались избранными; кн. Г. Г. Гагаринъ получилъ, вѣроятно, порядочное количество избирательныхъ шаровъ отъ членовъ „Союза 17-го октября“, а Я. В. Ильинъ, принадлежавшій къ правымъ партіямъ, можно предположить, получилъ избирательные шары, какъ отъ представителей торгово-промышленной партіи, такъ и отъ выборщиковъ крестьянской куріи. Этимъ выборы членовъ Государственной Думы въ губернскомъ избирательномъ собраніи были закончены.

10-го апрѣля 1906 года было созвано чрезвычайное московское губернское земское собраніе для избранія члена Государственнаго Совѣта. Чрезвычайное собраніе происходило въ составѣ губернскихъ гласныхъ, избранныхъ на трехлѣтіе въ очередныхъ сессіяхъ уѣздныхъ земскихъ собраній 1903-го года, во время разцвѣта освободительнаго движенія, и поэтому въ средѣ губернскаго собранія имѣли еще значительное преобладаніе прогрессивные элементы. При подачѣ записокъ съ именами предлагаемыхъ кандидатовъ, большинство гласныхъ выставило мою кандидатуру, а затѣмъ при баллотировкѣ я былъ избранъ членомъ Государственнаго Совѣта большинствомъ 47 голосовъ противъ 21. Принося собранію благодарность за избраніе, я отмѣтилъ, что высоко цѣню честь войти въ составъ Государственнаго Совѣта отъ московскаго губернскаго земства, съ которымъ меня связываетъ крѣпкими духовными узами вся моя протекшая общественная дѣятельность, и заявилъ, что въ Государственномъ Совѣтѣ я буду стремиться оказать посильное содѣйствіе осуществленію въ должной полнотѣ началъ и свободъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17-го октября 1905 года, и мирному преобразованію нашей изстрадавшейся родины.

Созывъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта былъ назначенъ на 27-е апрѣля, но не задолго до этого срока послѣдовало опубликованіе двухъ актовъ государственной власти, которые вызвали въ обществѣ большое недовольство и явились условіемъ, представившимъ серьезное препятствіе для сближенія государственной власти съ вновь создававшимся народнымъ представительствомъ и для установленія ихъ нормаль-

наго взаимодѣйствія. 23 апрѣля были утверждены, а на слѣдующій день обнародованы основные государственные законы. Новая редакція основныхъ законовъ формально оправдывалась необходимостью согласованія ихъ съ началами манифеста 17-го октября, но въ дѣйствительности новый законъ существенно ограничивалъ положенія, установленныя манифестомъ, и вступалъ съ нимъ въ трудно примиримое противорѣчіе. 3-й пунктъ манифеста устанавливалъ какъ незыблемое правило, что никакой законъ не можетъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и никакого исключенія изъ этого правила для основныхъ законовъ оговорено не было. Признавая неотложную необходимость пересмотра основныхъ законовъ при введеніи въ дѣйствіе народнаго представительства и принимая во вниманіе, что иниціатива такого пересмотра не была предоставлена Государственной Думѣ, представлялось совершенно правильнымъ и необходимымъ, чтобы проектъ новой редакціи основныхъ законовъ былъ выработанъ правительственной властью и по указу Его Величества внесенъ на обсужденіе Государственной Думы. Утвержденіе же новаго основного закона единолично властью Монарха составляло прямое нарушеніе порядка, возвѣщеннаго въ манифестѣ 17-го октября, и явилось для общества совершенно неожиданнымъ. Правильность такого пониманія вопроса находитъ себѣ подтвержденіе въ компетентныхъ сужденіяхъ членовъ совѣщанія, происходившаго 7, 9, 11 и 12 апрѣля 1906 года въ Царскомъ Селѣ по пересмотру основныхъ законовъ. Журналы этого совѣщанія были напечатаны въ „Быломъ“ за октябрь 1917 года и здѣсь я ограничиваюсь приведеніемъ нѣкоторыхъ высказанныхъ мнѣній. *А. А. Сабуровъ.*—Актъ 17-го октября разумѣлъ, что ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ безъ Г. Думы. Если этотъ порядокъ принятъ для всѣхъ законовъ, то несомнѣнно онъ долженъ быть соблюденъ и для наиболѣе важныхъ, основныхъ. *И. Я. Голубевъ.*—Законъ 20-го февраля 1906 года устанавливаетъ общее правило, что ни одинъ законъ не можетъ воспріять силы безъ одобренія Думы. Это ея незыблемое право. Каждая часть основныхъ законовъ составляетъ законъ и должна подчиниться этому правилу. *Э. В. Фришъ.*—Предоставить Верховной власти самой, единолично измѣнять основные законы—это прямое отступленіе отъ узаконеній 20-го февраля 1906 года. Необходимо оговорить, что никакая часть

законодательства не будетъ подлежать измѣненію безъ согласія Думы и Г. Совѣта. Кн. *А. Д. Оболенскій.*—Право измѣненія какихъ бы то ни было основныхъ законовъ безъ Г. Думы было бы нарушеніемъ народныхъ правъ. *Гр. С. Ю. Витте.*—Дѣйствительно по смыслу всѣхъ актовъ 17-го октября всѣ основные законы должны итти въ Г. Думу и въ Г. Совѣтъ.—Приведенныя мнѣнія съ убѣдительностью свидѣтельствуютъ, что и лица, стоявшія въ первыхъ рядахъ бюрократическаго строя, не находили возможнымъ вносить измѣненія въ основные законы безъ предварительнаго одобренія проектируемыхъ измѣненій законодательными палатами. Въ опубликованіи новыхъ основныхъ законовъ почти наканунѣ открытія Государственной Думы выразилась опредѣленная тенденція, стремившаяся къ ограниченію правъ народнаго представительства, и ярко проявилось недовѣріе къ нему государственной власти.

Какъ указано было выше въ этой же главѣ, уже манифестъ 20-го февраля 1906 года (о измѣненіи учрежденія Государственнаго Совѣта и о пересмотрѣ учрежденія Государственной Думы) вносилъ нѣкоторыя существенныя измѣненія въ основныя положенія манифеста 17-го октября, какъ-то: предоставленіе преобразованному Государственному Совѣту положенія второй законодательной палаты, установленіе института чрезвычайныхъ указовъ, ограниченіе права законодательнаго почина и права запросовъ, обращаемыхъ къ членамъ правительства. Однако, такъ какъ въ то время узаконенія 20-го февраля не были введены въ составъ основныхъ законовъ, то возвѣщенныя ими измѣненія могли подлежать пересмотру по иниціативѣ народнаго представительства; съ изданіемъ же основныхъ законовъ предоставленіе Государственному Совѣту равнаго съ Государственной Думой правъ въ области законодательства было включено въ главу X, ст. 86, и главу XI, а ст. 87 тѣхъ же законовъ установляла порядокъ указного законодательства во время прекращенія занятій Государственной Думы и, такимъ образомъ, эти вопросы являлись предрѣшенными и неподлежащими пересмотру Государственной Думы.

Еще большія недоразумѣніе и возмущеніе въ обществѣ и особенно въ средѣ народныхъ представителей вызвали послѣдовавшія вслѣдъ за опубликованіемъ основныхъ законовъ отставка всего кабинета гр. С. Ю. Витте и назначеніе новаго

состава совѣта министровъ подъ предсѣдательствомъ И. Л. Горемыкина. Политика С. Ю. Витте встрѣчала единодушное отрицательное отношеніе во всѣхъ, самыхъ различныхъ кругахъ общества и неизбѣжность его устраненія съ открытіемъ законодательныхъ представительныхъ учрежденій признавалась всѣми, но народное представительство было въ правѣ ожидать, что образованіе новаго министерства произойдетъ лишь по открытіи Государственной Думы и что въ составъ его будутъ привлечены новые люди, пользующіеся довѣріемъ общества и способные установить необходимую солидарность власти съ палатой народныхъ представителей. Отставка кабинета гр. С. Ю. Витте до открытія Государственной Думы и назначеніе предсѣдателя и членовъ новаго совѣта министровъ изъ среды той же бюрократіи и притомъ лицъ, относившихся опредѣленно несочувственно къ преобразованію государственнаго строя на новыхъ основаніяхъ, согласно манифесту 17-го октября, не могли быть поняты иначе, какъ вызовъ, брошенный народному представительству. Перемѣна кабинета при наличности такихъ условій исключала возможность согласованной дѣятельности правительства съ Государственной Думой, вносила въ среду послѣдней чувство раздраженія и толкало ее на путь еще болѣе острой политической борьбы. Подъ удручающимъ впечатлѣніемъ этихъ двухъ актовъ государственной власти я выѣхалъ 25-го апрѣля въ С.-Петербургъ, чтобы принять участіе въ занятіяхъ Государственнаго Совѣта.

Первое засѣданіе Государственнаго Совѣта состоялось 28-го апрѣля въ 2 ч. дня въ приспособленномъ для его собраній домѣ с.-петербургскаго дворянскаго собранія. Послѣ привѣтственной рѣчи предсѣдателя Совѣта, гр. Д. М. Сольскаго, членами Совѣта была принесена и подписана присяга, а затѣмъ засѣданіе было объявлено закрытымъ. По окончаніи засѣданія предсѣдатель Совѣта и его товарищъ, Э. В. Фришъ, пригласили въ помѣщеніе, предназначенное для президіума, нѣкоторыхъ членовъ Государственнаго Совѣта, какъ по назначенію, такъ и по выборамъ, въ числѣ послѣднихъ и меня, для совѣщанія о назначеніи дня второго засѣданія Совѣта и опредѣленія предмета, подлежащаго его обсужденію. Всѣ собравшіеся признали необходимымъ поставить на первую очередь вопросъ о представленіи Его Императорскому Величеству всеподданнѣй-

шаго адреса въ отвѣтъ на привѣтственное слово, съ которымъ Государь наканунѣ въ зимнемъ дворцѣ обратился къ представителямъ обѣихъ палатъ. При обсужденіи вопроса о назначеніи дня ближайшаго засѣданія Совѣта, я говорилъ, что было бы полезно прежде офиціальнаго засѣданія собраться всѣмъ членамъ Совѣта въ частномъ совѣщаніи. Члены Совѣта по назначенію и по выборамъ мало между собой знакомы, и предварительное обсужденіе вопроса о содержаніи предполагаемаго адреса, путемъ обмѣна мнѣніями въ частномъ совѣщаніи, можетъ помочь ихъ взаимному ознакомленію, выяснить господствующее настроеніе и устранить внесеніе въ офиціальномъ засѣданіи предложеній, которыя не встрѣтятъ сочувствія большинства. Мое предложеніе встрѣтило поддержку среди присутствовавшихъ, и всѣ приглашенныя лица признали желательнымъ и цѣлесообразнымъ организовать частное совѣщаніе членовъ Государственнаго Совѣта. Гр. Д. М. Сольскій и Э. В. Фришъ съ своей стороны согласились съ высказанномъ мной и всѣ члены Совѣта были ими приглашены 29-го апрѣля на частное совѣщаніе въ одну изъ залъ Маріинскаго дворца.

При открытіи частнаго совѣщанія, предсѣдатель сообщилъ о возникшемъ предположеніи, о цѣляхъ, въ которыхъ совѣщаніе созвано, и спросилъ о согласіи собравшихся. Никакихъ возраженій сдѣлано не было и совѣщаніе приступило къ своимъ занятіямъ. Представленіе всеподданнѣйшаго адреса было признано единогласно необходимымъ и затѣмъ начался обмѣнъ мнѣній по тѣмъ вопросамъ, которые признавалось членами Совѣта желательнымъ затронуть въ адресѣ. Значительное большинство ораторовъ говорило, что адресъ, кромѣ благодарности за дарованныя новыя основы законодательной дѣятельности, долженъ содержать въ себѣ и послѣдовательный отзывъ по даннымъ въ привѣтственномъ словѣ высочайшимъ предуказаніямъ. Д. И. Багалѣй [1]) внесъ нѣсколько предложеній, которыя были формулированы имъ въ слѣдующихъ тезисахъ: „1) Государственный Совѣтъ считаетъ необходимымъ работать въ полномъ единеніи съ Государственною Думою, выражающею общественные интересы, и своею единственною заботою ставитъ благо всего народа. 2) Для него одинаково дорого будетъ широкое

[1]) Членъ Г. С. отъ академіи наукъ и университетовъ.

просвѣщеніе народныхъ массъ, въ основу котораго должно быть положено всеобщее народное образованіе, и подъемъ экономическаго ихъ благосостоянія, для котораго необходимо коренное разрѣшеніе земельнаго, крестьянскаго и рабочаго вопросовъ. 3) Да ознаменуется великій день 27 апрѣля перевода Россіи на путь права и свободы актомъ монаршей амнистіи по политическимъ, религіознымъ и аграрнымъ дѣламъ въ тѣхъ предѣлахъ, какіе укажетъ Вамъ, Государь, необычайная важность нынѣшняго историческаго момента. Пусть этотъ актъ явится гранью, отдѣляющей старую Россію отъ новой, нынѣ возрожденной".

Послѣднее предложеніе вызвало многочисленныя возраженія. Представители правыхъ, относясь вообще отрицательно къ мысли объ амнистіи, указывали, что Государственный Совѣтъ не въ правѣ касаться этого вопроса, такъ какъ помилованіе составляетъ прерогативу верховной власти. Съ такой аргументаціей не было согласно очевидное большинство членовъ совѣщанія, но въ то же время лица, поддерживавшія предложеніе Д. И. Багалѣя, полагали возможнымъ возбудить вопросъ не о полной амнистіи по всѣмъ политическимъ, религіознымъ и аграрнымъ дѣламъ, а лишь съ нѣкоторыми ограниченіями. Всѣ высказанныя въ этомъ отношеніи мнѣнія были сведены Н. С. Таганцевымъ къ слѣдующимъ положеніямъ: „При включеніи въ отвѣтъ указанія на желательность амнистіи слѣдуетъ принять во вниманіе:

1) что хотя, по силѣ ст. 23 законовъ основныхъ, общее прощеніе совершившихъ преступныя дѣянія, прекращеніе судебнаго противъ нихъ преслѣдованія и освобожденіе ихъ отъ суда и наказанія принадлежитъ Государю Императору, но это не исключаетъ, конечно, права Государственнаго Совѣта печаловаться и бить челомъ предъ Его Величествомъ о смягченіи участи извѣстной группы лицъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности или и осужденныхъ за преступленія политическія, коль скоро это является желательнымъ для успокоенія государства и этимъ не нарушаются основные принципы нравственности и справедливости;

2) что слова, сказанныя съ высоты Престола, что день 27 апрѣля знаменуется отнынѣ, какъ день обновленія нравственнаго облика земли Русской, какъ день возрожденія ея луч-

шихъ силъ, — даютъ полное основаніе для проявленія высокаго права короны, права помилованія, что равнымъ образомъ нельзя забывать и того, что весьма и весьма многими избирателями, приславшими выборныхъ и въ Государственный Совѣтъ, были не только высказаны пожеланія, но и даже даны порученія ходатайствовать предъ Государемъ о помилованіи или смягченіи участи лицъ, осужденныхъ за участіе въ борьбѣ за право и свободу;

3) что такое ходатайство должно относиться къ тѣмъ, которые, борясь за идеалы свободы, не смогли или не сумѣли согласовать эту борьбу съ требованіями охраны общественнаго и государственнаго порядка, а потому и посягнули на основы права и ихъ выражающіе законы;

4) что на семъ основаніи ходатайство о помилованіи могло бы относиться: а) ко всѣмъ подвергнутымъ или подлежащимъ отвѣтственности въ порядкѣ не судебномъ, а въ административномъ, такъ какъ самый порядокъ ихъ отвѣтственности свидѣтельствуетъ, что степень ихъ виновности и опасность ихъ дѣятельности, даже въ глазахъ правительственныхъ властей, не имѣетъ такого значенія, которое могло бы послужить основаніемъ для примѣненія къ нимъ всей строгости закона; б) ко всѣмъ, привлеченнымъ къ отвѣтственности не въ порядкѣ судебномъ, такъ какъ это съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ, что по отношенію къ нимъ не имѣется достаточныхъ доказательствъ и уликъ виновности; в) ко всѣмъ, подвергнутымъ суду и наказанію и привлеченнымъ къ судебной отвѣтственности за политическія преступныя дѣянія, учиненныя до 27 апрѣля путемъ печатнаго слова, устной пропаганды въ собраніяхъ, участія въ преступныхъ сообществахъ и т. п., коль скоро ими не были учинены тяжкія общія преступленія, несовмѣстимыя съ основными принципами нравственности: посягательство на жизнь частныхъ или должностныхъ лицъ, поджоги, разбой, участіе въ посягательствахъ при помощи взрывчатыхъ веществъ и т. д., если, конечно, своимъ поведеніемъ при отбываніи наказанія они не заслужили снисхожденія; г) ко всѣмъ тѣмъ участникамъ массовыхъ преступленій, хотя бы и окончившихся тяжкими злодѣяніями, относительно коихъ въ приговорахъ судовъ или при самомъ предъявленіи къ нимъ обвиненія будетъ признано, что они были простыми орудіями въ

рукахъ вожаковъ, были обмануты ложными увѣреніями и слухами или дѣйствовали въ доводящемъ почти до безсознательности массовомъ возбужденіи, каковое признаніе и выразилось въ относительной незначительности назначенныхъ или угрожающихъ имъ наказаній. Если бы эти соображенія были приняты, то самое изложеніе вопроса объ амнистіи въ отвѣтѣ должно быть обобщено, сокращено и постановлено въ редакціонную связь съ другими частями отвѣта".

Представителемъ польскаго коло, И. О. Корвинъ-Милевскимъ, было предложено включить въ адресъ слѣдующія слова: „Къ свѣтлому будущему Россійскаго Государства, состоящаго изъ разныхъ народовъ, стремимся всѣ, въ непоколебимомъ убѣжденіи, что взаимная справедливость и уваженіе національныхъ и территоріальныхъ особенностей доведутъ до взаимнаго довѣрія, воодушевятъ къ созданію въ ближайшемъ будущемъ сознательно сплоченнаго, крѣпкаго и благоустроеннаго Россійскаго Государства къ счастію народовъ и славѣ Монарха".

Когда слово было предоставлено мнѣ, я говорилъ, что спокойное осуществленіе въ нашемъ государственномъ строѣ началъ, возвѣщенныхъ въ манифестѣ 17-го октября 1905 года, и умиротвореніе возбужденнаго въ странѣ настроенія возможны лишь при условіи полной солидарности государственной власти съ народнымъ представительствомъ, основанной на взаимномъ довѣріи. Указавъ далѣе на послѣдніе два акта государственной власти—опубликованіе основныхъ законовъ и перемѣна кабинета министровъ, я развилъ подробно соображенія, изложенныя выше по поводу этихъ актовъ, и закончилъ свою рѣчь слѣдующимъ предложеніемъ:

„Исходя изъ убѣжденія, что главнѣйшая изъ задачъ, предстоящихъ Государственному Совѣту, должна имѣть своею цѣлью содѣйствовать установленію и укрѣпленію необходимаго взаимодѣйствія государственной власти и народнаго иредставительства, я полагаю, что въ отвѣтномъ адресѣ на привѣтственное слово Его Императорскаго Величества Государственному Совѣту слѣдуетъ отмѣтить тѣ условія, которыя необходимы для созданія и обезпеченія такого взаимодѣйствія:

1) Принимая во вниманіе, что обнародованные 24 сего апрѣля основные государственные законы, включающіе въ себѣ законоположенія, опредѣляющія права и обязанности вновь

образованныхъ государственныхъ представительныхъ учрежденій, могутъ подлежать пересмотру въ Государственномъ Совѣтѣ и Государственной Думѣ единственно по почину Государя Императора, желательно высказать въ отвѣтномъ адресѣ, что предоставленіе Его Императорскимъ Величествомъ Государственному Совѣту и Государственной Думѣ въ теченіе сессій 1906 г. права обсужденія этихъ законоположеній и представленія своихъ заключеній явится актомъ, который внесетъ умиротвореніе въ общественное настроеніе и обезпечитъ спокойную и правильную работу народныхъ представителей.

2) Такъ какъ необходимыя для правильнаго развитія политической жизни страны единеніе и взаимодѣйствіе государственной власти съ народнымъ представительствомъ возможны лишь на почвѣ взаимнаго довѣрія, то въ отвѣтномъ адресѣ Государственному Совѣту слѣдовало бы высказать, что главное условіе для достиженія указанной цѣли заключается въ назначеніи въ составъ отвѣтственнаго предъ Его Императорскимъ Величествомъ министерства лицъ, пользующихся довѣріемъ большинства Государственной Думы".

Мое предложеніе вызвало большое оживленіе въ собраніи и продолжительныя пренія. Представители реакціонныхъ теченій выступили съ рѣзкими возраженіями, указывая, что передача на обсужденіе Государственной Думы основныхъ законовъ грозитъ большими опасностями, а возбужденіе вопроса о составѣ министерства явится вторженіемъ въ сферу вѣдѣнія верховной власти. Нѣкоторые изъ членовъ Государственнаго Совѣта по назначенію, принадлежавшіе къ прогрессивному направленію, не возражали по существу моего заявленія, но видѣли препятствія формальнаго характера и, повидимому, опасались включеніемъ предложенныхъ мной указаній въ адресъ вызвать недовольство Государя. Я обращалъ вниманіе представителей послѣдняго мнѣнія, что въ преобразованномъ Государственномъ Совѣтѣ члены его по назначенію являются членами законодательной палаты, призванными высказывать свободно свои убѣжденія, и что имъ обезпечена въ этомъ полная независимость, такъ какъ ст. 9-ая учрежденія Г. С. установляетъ, что члены по назначенію увольняются только по ихъ о томъ просьбамъ [1]).

[1]) По окончаніи совѣщанія членъ Г. С. по назначенію, ген.-адъют. П. П. Дурново, сказалъ мнѣ, что я ошибаюсь въ моемъ предположеніи, будто ст. 9-ая учрежд. Г. С. обезпечиваетъ несмѣняемость членовъ Г. С. по

Совѣщаніе въ этотъ день не приняло никакихъ заключеній и продолженіе его занатій было назначено на слѣдующій день, къ которому, согласно выраженному многими пожеланію, всѣ внесенныя 29-го апрѣля предложенія были отпечатаны въ видѣ выше приведенныхъ тезисовъ. Какъ только началось второе частное совѣщаніе, слово попросилъ гр. С. Ю. Витте и высказался въ томъ смыслѣ, что такого рода совѣщанія являются противозаконными, какъ непредусмотрѣнныя учрежденіемъ Государственнаго Совѣта, и потому находилъ продолженіе ихъ неправильнымъ и нежелательнымъ. Къ заявленію гр. С. Ю. Витте поспѣшили присоединиться нѣкоторые правые члены Государственнаго Совѣта. Предсѣдатель совѣщанія заявилъ, что частное совѣщаніе было созвано по иниціативѣ членовъ Совѣта и что наканунѣ такое предположеніе не вызвало никакихъ возраженій, но если противъ такихъ совѣщаній возникаетъ протестъ со стороны членовъ Г. Совѣта, то онъ, предсѣдатель, не считаетъ возможнымъ въ такихъ совѣщаніяхъ предсѣдательствовать и ихъ созывать. Чѣмъ было вызвано заявленіе гр. С. Ю. Витте и какими цѣлями онъ при этомъ руководился, уяснить себѣ трудно, но въ результатѣ частныя совѣщанія всѣхъ членовъ Г. Совѣта прекратились.

Однако потребность общенія и обмѣна мнѣніями сознавалась многими и тотчасъ послѣ прекращенія общихъ совѣщаній организовались совѣщанія всѣхъ болѣе или менѣе прегрессивно настроенныхъ членовъ Государственнаго Совѣта. Эти собесѣдованія происходили въ домѣ дворянства въ залѣ, предназначенной для чайнаго буфета, и во время ихъ продолжалось обсужденіе вопросовъ, связанныхъ съ составленіемъ проекта адреса. Впечатлѣнія, вынесенныя мной изъ всѣхъ этихъ совѣщаній, были не утѣшительныя. Составъ Г. Совѣта въ подавляющемъ

назначенію. 11-ая ст. того же учрежденія говоритъ, что составъ присутствующихъ въ Совѣтѣ членовъ ежегодно публикуется, и такимъ путемъ могутъ быть исключаемы неугодныя лица. Я не соглашался съ такимъ толкованіемъ значенія 11-ой ст., но П. П. Дурново оказался правъ; на 1-ое января 1907 г. онъ вмѣстѣ съ другими 3-мя членами Г. С. не былъ включенъ въ опубликованный списокъ присутствующихъ членовъ. Вина этихъ лицъ, повидимому, заключалась въ томъ, что они иногда при открытыхъ баллотировкахъ подавали свои голоса вмѣстѣ съ представителями прогрессивной группы членовъ Г. С. по выборамъ.

его большинствѣ представлялся мнѣ мало работоспособнымъ. Очень значительную группу представляли правые, реакціонные элементы, въ средѣ которыхъ было не мало членовъ по выбору, но преобладали члены по назначенію. Если присутствіе этихъ элементовъ среди выборныхъ членовъ могло объясняться ихъ избраніемъ сословными собраніями, то назначеніе въ составъ Г. Совѣта лицъ, относившихся открыто и опредѣленно отрицательно къ преобразованію государственнаго строя на началахъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17-го октября, представлялось трудно объяснимымъ и свидѣтельствовало о неискренности государственной власти. Если проведеніе въ жизнь новыхъ началъ признавалось государственной властью необходимымъ, то почему же ею къ разрѣшенію этой сложной задачи привлекались люди, не сочувствовавшіе этой задачѣ? Для укрѣпленія новыхъ установленій, несомнѣнно, должно было имѣть особо важное значеніе обезпеченіе принципіальной солидарности между обѣими законодательными палатами, при которой не могли бы имѣть мѣсто принципіальныя столкновенія и разногласія и при которой вторая палата, обладая бо́льшимъ государственнымъ опытомъ, считала бы своею ближайшею обязанностью доброжелательно умѣрять размахъ законодательной иниціативы первой палаты, поддающейся иногда въ своемъ стремленіи къ свободѣ и къ измѣненію соціальнаго строя вліянію нѣкотораго увлеченія. Назначеніе же въ Государственный Совѣтъ большого числа членовъ, завѣдомо враждебныхъ новому строю, могло лишь усилить рознь между Г. Думой и Г. Совѣтомъ и исключало возможность созданія ихъ взаимодѣйствія.

Но и среди членовъ, сочувствовавшихъ государственному обновленію или признававшихъ его необходимость и составлявшихъ большинство Государственнаго Совѣта, было много лицъ, не сознававшихъ въ должной мѣрѣ значенія переживаемаго страной историческаго момента и не оцѣнивавшихъ правильно общественнаго настроенія и стремленій общества. Кромѣ того, многіе участники этой группы, особенно изъ числа членовъ по назначенію, опасались рѣшительнаго выступленія на путь необходимыхъ широкихъ реформъ и склонны были считаться преимущественно съ тѣмъ, какъ посмотрятъ на ихъ образъ дѣйствій въ Петергофѣ или въ Царскомъ Селѣ. Нерѣшительность и опасенія этой группы проявлялись еще въ бо́льшей

мѣрѣ при выступленіяхъ немногочисленныхъ представителей конституціонно-демократической партіи, которые не рѣдко въ совѣщаніяхъ членовъ Государственнаго Совѣта придерживались усвоенныхъ вообще к.-д. воинствующей тактики и вызывающаго тона.

Въ происходившихъ совѣщаніяхъ вскорѣ выяснилось, что внесенныя мной предложенія, не встрѣчая возраженій по существу, тѣмъ не менѣе не находятъ поддержки со стороны большинства. По вопросу объ амнистіи большинство склонилось къ формулировкѣ вопроса, предложенной Н. С. Таганцевымъ. Въ заключеніе былъ выработанъ проектъ адреса, одобренный большинствомъ участниковъ совѣщанія. Этотъ проектъ за подписью 33 лицъ было рѣшено представить въ общее собраніе Государственнаго Совѣта. Д. И. Багалѣемъ, А. А. Шахматовымъ и нѣкоторыми другими лицами былъ составленъ особый проектъ, существеннымъ отличіемъ котораго являлись —включеніе ходатайства о полной амнистіи и указанія на то, что правительство должно пользоваться довѣріемъ большинства Государственной Думы. Я присоединился къ проекту большинства и отказался отъ мысли внести мои предложенія на обсужденіе Государственнаго Совѣта, такъ какъ было очевидно, что провести ихъ нѣтъ никакой надежды, а отклоненіе ихъ Совѣтомъ, вмѣсто сближенія его съ Государственной Думой, что я ставилъ себѣ главною цѣлью, могло бы послужить скорѣе поводомъ для обостренія отношеній между двумя палатами.

Обсужденіе адреса въ Государственномъ Совѣтѣ заняло 3 засѣданія—3, 4 и 5-го мая. Въ первомъ засѣданіи для составленія проекта адреса была избрана комиссія въ составѣ 18 лицъ и было рѣшено никакихъ предварительныхъ указаній комиссіи не давать, но передать въ комиссію всѣ проекты, представленные отдѣльными группами членовъ Совѣта. Кромѣ указанныхъ выше двухъ проектовъ, въ комиссію былъ внесенъ третій проектъ четырьмя ея членами, принадлежавшими къ числу правыхъ. На слѣдующій день Государственному Совѣту были представлены 3 проекта: 1) принятый большинствомъ комиссіи въ числѣ 13 лицъ, 2) предложенный меньшинствомъ— 4 лицами, и 3) внесенный членомъ комиссіи Д. И. Багалѣемъ. Основой перваго варіанта послужилъ проектъ 33-хъ членовъ Г. Совѣта. Второй проектъ начинался съ указанія, что „Госу-

дарственный Совѣтъ поставляетъ себѣ священнымъ долгомъ всемѣрно охранять непоколебимость Верховной Самодержавной власти", а въ концѣ говорилось: „Съ негодованіемъ смотрятъ русскіе люди на безумныя попытки насильственно, вопреки волѣ народа, ниспровергнуть весь существующій государственный и общественный строй. Съ ужасомъ отворачиваются они отъ неслыханныхъ злодѣяній, направленныхъ противъ всѣхъ вѣрныхъ присягѣ должностныхъ лицъ, и не находятъ словъ для осужденія преступной дѣятельности, имѣющей цѣлью повергнуть нашъ мирный народъ на путь всякаго рода своеволія и насилій". Третій проектъ соотвѣтствовалъ проекту, предложенному Д. И. Багалѣемъ въ частномъ совѣщаніи членовъ Г. Совѣта.

4-го мая происходившія пренія сосредоточились, главнымъ образомъ, на вопросѣ о включеніи въ отвѣтное слово Государственнаго Совѣта на рѣчь Государя указанія на желательность амнистіи или помилованія въ томъ или иномъ объемѣ. Принципіальными противниками амнистіи высказались многочисленные представители правыхъ, съ Θ. Д. Самаринымъ во главѣ, и къ нимъ же присоединился гр. С. Ю. Витте. Д. И. Багалѣй, А. А. Шахматовъ и В. И. Вернадскій поддерживали предложеніе 3-го проекта, въ которомъ возбуждалось ходатайство о полной амнистіи. Большую рѣчь произнесъ Н. С. Таганцевъ, съ убѣдительностью развившій положенія, формулированныя имъ 29-го апрѣля въ частномъ совѣщаніи всѣхъ членовъ Гос. Совѣта. Съ возраженіями на рѣчи правыхъ и особенно на рѣчь Θ. Д. Самарина выступилъ и я. Я охарактеризовалъ проектъ 4-хъ членовъ комиссіи, какъ проектъ боевой, который влечетъ Гос. Совѣтъ на путь борьбы съ Госуд. Думой и со всѣмъ освободительнымъ движеніемъ. Проектъ этотъ дышитъ отрицательнымъ отношеніемъ ко всѣмъ великимъ событіямъ послѣдняго времени. Провозглашая непоколебимость самодержавія, адресъ отождествляетъ этотъ принципъ съ понятіемъ неограниченности, тогда какъ самъ Царь призналъ необходимымъ раздѣлить законодательную власть съ народнымъ представительствомъ и исключить эпитетъ „неограниченный" изъ основныхъ законовъ. Въ проектѣ указывается на необходимость сильной власти, и съ этимъ нельзя не согласиться, но сильна не та власть, которая опирается на репресіи, а та,

которая объединена съ населеніемъ и опирается на свой нравственный авторитетъ. Такая власть должна отказаться отъ постоянной борьбы съ обществомъ. Только вступивъ на путь примиренія, можно обновить нашу государственную жизнь, только такимъ путемъ возможно внести въ страну умиротвореніе; довольно злобы, довольно ненависти.

5-го мая засѣданіе Государственнаго Совѣта началось рѣчью предсѣдателя комиссіи А. С. Ермолова, отстаивавшаго проектъ большинства, и затѣмъ этотъ проектъ былъ предложенъ предсѣдателемъ Совѣта первымъ на баллотировку, при чемъ въ пользу его было подано 92 голоса противъ 47, и 9 членовъ воздержались отъ голосованія. По одобреніи этого проекта въ общемъ, было приступлено, какъ это было предрѣшено ранѣе, къ его разсмотрѣнію по частямъ. При второмъ чтеніи въ проектъ были внесены нѣкоторыя редакціонныя поправки, не измѣнявшія характера адреса, но когда очередь дошла до той части адреса, въ которой говорилось объ амнистіи тѣхъ, „кои въ неудержимомъ стремленіи къ скорѣйшему достиженію желанной свободы нарушили грани, закономъ поставленныя, но не посягнули при этомъ на чужую жизнь и имущество, а также не вовлекли въ эти преступленія другихъ“, тогда Ѳ. Д. Самаринымъ была предложена поправка, которая вносила существенное измѣненіе. Указавъ, что Государственный Совѣтъ ходатайствуетъ о помилованіи только тѣхъ лицъ, которыя добивались ниспроверженія существующаго строя, Ѳ. Д. Самаринъ говорилъ, что на ряду съ этими лицами существуетъ значительная категорія такихъ, которыя преступили грани закона, совершивъ преступленія въ борьбѣ за Царя, за тотъ строй, въ которомъ мы жили, и предложилъ къ словамъ: „въ неудержимомъ стремленіи къ достиженію желанной свободы“ добавить: „или въ борьбѣ за охрану порядка“. С. С. Манухинъ поспѣшилъ выяснить, что въ адресѣ идетъ рѣчь о преступленіяхъ политическихъ, а въ этой категоріи нѣтъ и не могло быть такихъ лицъ, на которыя указывалъ Ѳ. Д. Самаринъ. Въ адресѣ имѣется въ виду нарушеніе закона въ области идейной борьбы, но такое положеніе, чтобы была идейная борьба за старые порядки и чтобы лица, за нихъ боровшіяся, могли быть привлечены къ отвѣтственности, невозможно. Другое дѣло—бездѣйствіе или превышеніе власти; это спеціальное

преступленіе, не имѣющее ничего общаго съ идейной борьбой. Съ своей стороны, возражая Ѳ. Д. Самарину, я также указывалъ, что такихъ лицъ, которыхъ онъ имѣетъ въ виду, не существуетъ; лицъ, которыя понесли бы кару за борьбу противъ освободительнаго движенія, нѣтъ и не могло быть. Авторъ предложенія вноситъ его съ исключительной цѣлью измѣнить смыслъ и характеръ этой части адреса. Въ заключеніе я высказалъ надежду, что предлагаемая поправка, стремящаяся къ коренному измѣненію характера адреса, будетъ отвергнута, такъ какъ адресъ при первомъ чтеніи былъ уже принятъ большинствомъ болѣе двухъ третей голосовъ. Однако при баллотировкѣ предложенная поправка была принята большинствомъ 88 голосовъ противъ 48. Такой результатъ голосованія явился совершенно неожиданнымъ и трудно объяснимымъ. Можно предположить, что нѣкоторые члены Гос. Совѣта не считали удобнымъ высказаться открыто отрицательно по вопросу объ амнистіи, но въ то же время они не относились къ нему съ искреннимъ сочувствіемъ и вслѣдствіе этого вотировали за поправку Ѳ. Д. Самарина. Очень вѣроятнымъ представляется также, что нѣкоторыя лица, недостаточно устойчивыя въ своихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ, подавая свои голоса, находились подъ вліяніемъ рѣзкихъ преній, происходившихъ въ предшествующій день въ Государственной Думѣ, и были возмущены характеромъ и тономъ принятаго Гос. Думой текста адреса. По принятіи Государственнымъ Совѣтомъ текста всеподданнѣйшаго адреса, дальнѣйшія занятія Совѣта были прерваны на продолжительное время за отсутствіемъ вопросовъ, подлежавшихъ его обсужденію.

Во время моего пребыванія въ С.-Петербургѣ я часто посѣщалъ засѣданія Государственной Думы. Рѣзко обозначившаяся отчужденность правительства отъ народнаго представительства, несомнѣнно, многимъ содѣйствовала все большему возбужденію настроенія Государственной Думы. Въ то же время представители руководящей въ Гос. Думѣ конституціонно-демократической партіи подпадали все болѣе и болѣе подъ вліяніе многочисленныхъ союзниковъ своихъ на лѣвомъ крылѣ, что особенно отчетливо проявилось при обсужденіи и составленіи адреса Думы въ отвѣтъ на привѣтственныя слова Государя. Составленный подъ гнетомъ вліянія лѣвыхъ партій адресъ не соот-

вѣтствовалъ нормальному обращенію народнаго представительства къ конституціонному монарху, и имѣлъ скорѣе характеръ предъявленія Верховной власти ультимативныхъ требованій. Затѣмъ Гос. Дума сдѣлала антиконституціонный шагъ, остановившись на рѣшеніи представить Государю свой адресъ черезъ особо избранную депутацію. Такимъ пріемомъ создавалось слѣдующее положеніе: принявъ депутацію, Государь тѣмъ самымъ, какъ бы, изъявлялъ согласіе принять изложенную въ адресѣ программу, а въ случаѣ отказа въ пріемѣ депутаціи Гос. Думы населеніе страны могло усмотрѣть въ немъ нежеланіе Монарха вступать въ сношенія съ народнымъ представительствомъ. Отсутствіе между правительствомъ и Государственной Думой взаимнаго пониманія и отсутствіе съ обѣихъ сторонъ желанія и готовности вступить въ доброжелательное соглашеніе предвѣщали неизбѣжность близкаго конфликта, который и проявился рѣзко 13-го мая послѣ прочтенія въ Государственной Думѣ предсѣдателемъ совѣта министровъ декларації правительства въ отвѣтъ на представленный Его Величеству Государственной Думой адресъ. Если редакція и тонъ адреса не отвѣчали элементарнымъ требованіямъ политическаго такта, то характеръ и языкъ правительственной деклараціи свидѣтельствовали о полномъ неуваженіи власти къ народному представительству и исключали возможность совмѣстной дальнѣйшей дѣятельности. Правительство, какъ бы, не признавало правъ, предоставленныхъ Государственной Думѣ высочайшимъ манифестомъ 17-го октября 1905 года, и его декларація имѣла подобіе высокомѣрнаго наставленія подчиненному правительственной власти учрежденію. Послѣ оглашенія правительственной деклараціи и послѣ бурныхъ сценъ, разыгравшихся въ засѣданіи Государственной Думы 13-го мая, представлялось несомнѣннымъ, что единственный выходъ изъ создавшагося и все болѣе обострявшагося положенія заключается въ образованіи кабинета министровъ, состоящаго изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ большинства Государственной Думы.

Имѣя въ виду значительный перерывъ въ занятіяхъ Государственнаго Совѣта, я возвратился въ Москву, а въ концѣ мая мѣсяца, пользуясь свободнымъ временемъ и по совѣту врачей, отправился на одесскій лиманъ, откуда по окончаніи курса леченья вернулся въ Москву 23 іюня.

ГЛАВА XIII.

Предположенія объ образованіи коалиціоннаго кабинета предъ роспускомъ Государственной Думы перваго созыва.

Въ Москвѣ я получилъ извѣщеніе, что на 27-ое іюня назначено разсмотрѣніе въ Государственномъ Совѣтѣ поступившаго изъ Государственной Думы законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни, и 25-го ч. выѣхалъ въ С.-Петербургъ. По пріѣздѣ посѣтившій меня вскорѣ Н. Н. Львовъ передалъ мнѣ приглашеніе П. А. Столыпина побывать у него для переговоровъ по очень важному вопросу и въ оживленной бесѣдѣ Н. Н. ввелъ меня въ курсъ предположеній П. А. Столыпина, съ которыми и самъ Н. Н. вполнѣ былъ согласенъ.

Все болѣе и болѣе обостряющіяся отношенія между правительствомъ и Государственной Думой и вызывающее положеніе, занимаемое послѣдней, говорилъ Н. Н. Львовъ, приводятъ П. А. Столыпина къ убѣжденію въ необходимости роспуска Думы. Но, приходя къ такому заключенію, П. А. Столыпинъ оцѣниваетъ все значеніе этого опаснаго шага и признаетъ, что онъ не можетъ быть сдѣланъ настоящимъ правительствомъ съ И. Л. Горемыкинымъ во главѣ, не пользующимся надлежащимъ авторитетомъ, и полагаетъ, что роспускъ Думы долженъ быть произведенъ обновленнымъ правительствомъ, имѣющимъ во главѣ общественнаго дѣятеля, пользующагося довѣріемъ въ широкихъ кругахъ общества, и таковымъ лицемъ П. А. считаетъ меня. Государь одобряетъ предположенія П. А. Столыпина и поручилъ ему со мной переговорить. Относясь совершенно отрицательно къ мысли о роспускѣ Государственной Думы, я сказалъ Н. Н. Львову, что не нахожу возможнымъ принять какое-либо участіе въ осуществленіи предположеній П. А. Столыпина и потому считаю не желательнымъ и лишнимъ вступать съ нимъ по этому поводу въ переговоры, о чемъ и просилъ довести до его свѣдѣнія. Въ теченіе того же дня мнѣ

пришлось встрѣтиться и бесѣдовать со многими членами Государственнаго Совѣта и Государственной Думы и къ удивленію моему я увидѣлъ, что многіе считаютъ возложеніе на меня порученія образовать новый кабинетъ вопросомъ предрѣшеннымъ. Не желая давать съ своей стороны повода для укрѣпленія такого рода слуховъ, я рѣшилъ на слѣдующій же день по окончаніи засѣданія Гос. Совѣта выѣхать обратно въ Москву, о чемъ въ разговорахъ и говорилъ многимъ изъ своихъ знакомыхъ.

Утромъ 27-го я былъ вызванъ къ телефону изъ Петергофа княземъ Орловымъ, сообщившимъ мнѣ, что 28-го ч. въ 6 ч. дня я буду принятъ Его Величествомъ, а затѣмъ получилъ отъ него же телеграмму, подтверждающую приглашеніе, съ указаніемъ желѣзнодорожной станціи, на которой меня будетъ ожидать экипажъ. Вслѣдъ затѣмъ Н. Н. Львовъ вновь передалъ мнѣ просьбу П. А. Столыпина посѣтить его въ этотъ же день въ 11 ч. вечера и я, имѣя въ виду полученный мной вызовъ въ Петергофъ, счелъ полезнымъ переговорить предварительно съ П. А. Столыпинымъ и принялъ его приглашеніе. Къ 11 ч. в. Н. Н. Львовъ и я отправились на дачу министра внутреннихъ дѣлъ на островахъ. Вскорѣ туда же прибылъ по приглашенію П. А. Столыпина министръ иностранныхъ дѣлъ, А. П. Извольскій, послѣ чего началась наша бесѣда.

П. А. Столыпинъ, повторивъ то, что мнѣ уже было сообщено Н. Н. Львовымъ, очень рѣзко отзывался о неработоспособности Государственной Думы, о выступленіяхъ ея отдѣльныхъ членовъ, доказывалъ необходимость ея роспуска и просилъ меня высказать мое отношеніе къ этому предположенію. Я сказалъ, что, согласно моимъ убѣжденіямъ и моему пониманію современнаго положенія, роспускъ Думы въ настоящее время представляется мнѣ актомъ несправедливымъ и даже съ политичеокой точки зрѣнія преступнымъ, и добавилъ, что во всякомъ случаѣ не считаю возможнымъ принять участіе въ его осуществленіи. Я не привожу здѣсь высказанныхъ мной при этомъ соображеній, такъ какъ они будутъ изложены подробно ниже при сообщеніи объ аудіенціи въ Петергофѣ.

Все высказанное мной относительно роспуска Думы, вступая въ противорѣчіе съ сложившимся уже у П. А. Столыпина опредѣленнымъ мнѣніемъ, видимо производило на него непрі-

ятное впечатлѣніе, и онъ перевелъ рѣчь на вопросъ объ образованіи коалиціоннаго кабинета подъ моимъ предсѣдательствомъ. Въ составъ коалиціоннаго кабинета, по его предположенію, должны были войти приглашенные мной общественные дѣятели и представители бюрократическихъ круговъ, въ лицѣ нѣкоторыхъ членовъ настоящаго кабинета, при чемъ въ числѣ послѣднихъ, кромѣ министровъ двора, военнаго и морского, П. А. далъ понять, что онъ имѣетъ въ виду себя и А. П. Извольскаго. Я выразилъ сомнѣніе, чтобы образованный указаннымъ путемъ коалиціонный кабинетъ могъ пользоваться надлежащимъ авторитетомъ въ глазахъ народнаго представительства и создать необходимое взаимодѣйствіе между правительствомъ и Государственной Думой. Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ участіи въ обновленномъ кабинетѣ представителей стараго государственнаго строя и того впечатлѣнія, которое, это участіе можетъ оказать на Думу, я говорилъ, что не могу разсчитывать на согласіе вступить въ составъ предполагаемаго кабинета представителей руководящаго большинства Государственной Думы, а безъ ихъ участія кабинетъ не можетъ найти необходимую ему опору въ народномъ представительствѣ. Я не могу не сознавать, что пользуюсь извѣстнымъ авторитетомъ и довѣріемъ въ земскихъ кругахъ, но за послѣднее время, при постановкѣ на очередь вопроса о преобразованіи нашего государственнаго строя, въ земской и городской средѣ намѣтились два теченія, при чемъ я присоединился къ сравнительно незначительному меньшинству. Н. А. Хомяковъ про себя и про меня отчасти вѣрно говоритъ, что мы оба послѣ манифеста 17-го октября 1905 г. стали конституціоналистами по высочайшему повелѣнію. Хотя въ настоящее время, я въ силу сложившихся обстоятельствъ признаю безусловно необходимымъ возможно полное и безотлагательное проведеніе въ жизнь конституціонныхъ началъ, возвѣщенныхъ 17-го октября, и всѣми силами готовъ этому содѣйствовать, но, однако, мнѣ представляется несомнѣннымъ, что если въ образованный мной кабинетъ мнѣ удастся привлечь только своихъ единомышленниовъ, какъ напримѣръ: графъ П. А. Гейденъ, князь Г. Е. Львовъ, то такой кабинетъ встрѣтитъ въ Государственной Думѣ такое же отношеніе, какъ и кабинетъ И. Л. Горемыкина, при чемъ этотъ новый кабинетъ, конечно, не можетъ искать поддержки

въ традиціяхъ стараго строя и будетъ поставленъ въ необходимость въ самомъ скоромъ времени, при неизбѣжномъ столкновеніи съ Думой, подать въ отставку. Затѣмъ я указалъ, что при данномъ составѣ Думы во вновь образуемый кабинетъ должны быть непремѣнно привлечены представители конституціонно-демократической партіи, а для этого порученіе образованія кабинета слѣдовало бы возложить на одного изъ лидеровъ этой партіи. А. П. Извольскій, повидимому, выслушивалъ мои заявленія сочувственно, не возражалъ на нихъ и лишь высказалъ предположеніе, что мнѣ удастся убѣдить представителей к.-д. партіи войти въ составъ коалиціоннаго кабинета и, обращаясь къ П. А. Столыпину, сказалъ: „что касается нашего участія, то вопросъ этотъ мы должны предоставить вполнѣ свободному рѣшенію Дмитрія Николаевича". П. А. Столыпинъ, сдѣлавъ видъ, будто и онъ присоединяется къ послѣднимъ словамъ А. П. Извольскаго, возражалъ на высказанное мной по существу, не считалъ возможнымъ и слишкомъ рискованнымъ образованіе кабинета изъ представителей партіи к.-д. и настаивалъ на необходимости роспуска Гос. Думы. Въ то же время П. А. сообщилъ, что онъ приглашалъ къ себѣ П. Н. Милюкова, говорилъ съ нимъ о вѣроятной перемѣнѣ кабинета и П. Н. Милюковъ далъ понять, что онъ не уклонится отъ порученія образовать кабинетъ, если такое предложеніе ему было бы сдѣлано. Въ заключаніе П. А. Столыпинъ сказалъ, что вопросъ объ образованіи новаго кабинета можетъ быть разрѣшенъ только Государемъ и что мои соображенія по этому вопросу я буду имѣть возможность представить Его Величеству, такъ какъ имѣется предположеніе назначить мнѣ на завтра аудіенцію въ Петергофѣ. Очевидно П. А. Столыпину было неизвѣстно, что приглашеніе мной уже получено, и я счелъ лишнимъ сообщить ему объ этомъ, разъ вызовъ мой состоялся не при его посредствѣ. На этомъ закончилась наша бесѣда, затянувшаяся до 3-хъ ч. утра. При прощаніи П. А. Столыпинъ и А. П. Извольскій просили меня подѣлиться съ ними впечатлѣніями послѣ предстоявшей мнѣ ауденціи, на что я выразилъ полную готовность.

На слѣдующій день, считая своимъ долгомъ передъ поѣздкой въ Петергофъ выяснить опредѣленно отношеніе представителей к.-д. партіи къ мысли о возможности образованія коали-

ціоннаго кабинета, я просилъ графа П. А. Гейдена повидаться съ П. Н. Милюковымъ, такъ какъ я лично былъ мало съ нимъ знакомъ, а самъ въ этотъ же день имѣлъ продолжительную бесѣду съ С. А. Муромцевымъ. Графъ Гейденъ, какъ между нами было условлено, при свиданіи съ П. Н. Милюковымъ не говорилъ объ обращеніи ко мнѣ П. А. Столыпина и о предстоявшей мнѣ аудіенціи, а спросилъ его, какъ относятся онъ и политическая группа, къ которой онъ принадлежитъ, къ слухамъ и предположеніямъ объ образованіи коалиціоннаго кабинета подъ моимъ предсѣдательствомъ и согласился ли бы онъ принять участіе въ такомъ кабинетѣ. П. Н. отвѣтилъ категорически, что онъ, стоя строго на почвѣ принципа парламентаризма, находитъ такую комбинацію безусловно непріемлемой, что, по его убѣжденіямъ, новый кабинетъ долженъ быть образованъ исключительно изъ лицъ, принадлежащихъ къ руководящему большинству Государственной Думы, и далъ понять, что считаетъ въ этомъ смыслѣ вопросъ уже въ сферахъ предрѣшеннымъ, и готовъ принять на себя составленіе кабинета, какъ только такое порученіе будетъ ему сдѣлано.

С. А. Муромцеву, съ которымъ меня связывали близкія, товарищескія отношенія, я разсказалъ откровенно и подробно о бесѣдѣ моей съ министрами и о предстоящей поѣздкѣ въ Петергофъ. Образованіе коалиціоннаго кабинета изъ к.-д. и стоящихъ правѣе ихъ общественныхъ дѣятелей мнѣ представлялось актомъ, наиболѣе отвѣчающимъ обстоятельствамъ переживаемаго времени, но главнымъ, если не исключительнымъ къ этому препятствіемъ являлось несогласіе на эту комбинацію со стороны лицъ, являвшихся руководителями конституціонно-демократической партіи. Исходя изъ этого убѣжденія, я приложилъ всѣ возможныя старанія, чтобы повліять на С. А. Муромцева и заручиться его содѣйствіемъ. Я обращалъ его вниманіе на то, что сформированіе коалиціоннаго министерства, повидимому, отвѣчаетъ намѣренію Государя и будетъ встрѣчено сочувственно въ вліятельныхъ сферахъ, нынѣ отрицательно относящихся къ народному представительству, что такой составъ кабинета можетъ объединить въ странѣ всѣ общественные прогрессивные круги, и освободитъ к.-д. отъ союза съ крайними, не государственными элементами. Участіе въ кабинетѣ бюрократическаго элемента и въ частности П. А. Столыпина

должно, конечно, быть исключено. Главенство въ кабинетѣ должно быть предоставлено непремѣнно кому-либо изъ представителей к.-д. партіи и, конечно, самымъ авторитетнымъ и желательнымъ предсѣдателемъ, по глубокому моему убѣжденію, является самъ С. А. Муромцевъ и его предсѣдательство обезпечивало бы кабинету необходимое ему довѣріе Государственной Думы. Я просилъ С. А-ча переговорить съ П. Н. Милюковымъ и другими вліятельными лицами партіи и постараться убѣдить ихъ въ цѣлесообразности и необходимости принятія предлагаемой комбинаціи. Однако, всѣ мои убѣжденія и просьбы оказались напрасными и С. А. отказался содѣйствовать образованію коалиціоннаго кабинета. Онъ соглашался съ правильностью моихъ соображеній по существу, но не считалъ возможнымъ повліять на измѣненіе уже вполнѣ и окончательно сложившагося среди к.-д. отношенія къ данному вопросу и говорилъ, что П. Н. Милюковъ уже чувствуетъ себя премьеромъ. Къ своему личному участію въ кабинетѣ въ качествѣ премьера и министра юстиціи онъ отнесся совершенно отрицательно. По мнѣнію С. А-ча, въ виду господствующаго въ странѣ возбужденнаго настроенія въ широкихъ кругахъ населенія и воспитаннаго въ обществѣ политикой правительства вообще отрицательнаго отношенія къ государственной власти, никакой составъ вновь образованнаго министерства при переживаемыхъ условіяхъ не можетъ разсчитывать въ ближайшемъ времени на спокойную и продуктивную государственную дѣятельность и не сможетъ сохранить свое положеніе болѣе или менѣе продолжительное время. Неизбѣжны революціонныя вспышки, противъ которыхъ правительство будетъ поставлено въ необходимость принимать строгія, репрессивныя мѣры, а это вызоветъ несомнѣнно недовольство въ общественныхъ кругахъ и лишитъ власть необходимой ей поддержки со стороны общества. Въ тоже время С. А. былъ согласенъ со мной относительно условій, исключающихъ возможность образованія кабинета подъ моимъ предсѣдательствомъ, т.-е. предрѣшенное отрицательное отношеніе к.-д. партіи къ участію ея членовъ въ коалиціонномъ кабинетѣ и неизбѣжный въ ближайшемъ же времени конфликтъ его съ Государственной Думой. Такимъ образомъ переговоры съ С. А. Муромцевымъ и свѣдѣнія, сообщенныя графомъ П. А. Гейденомъ о его бесѣдѣ съ П. Н. Милю-

ковымъ, подтвердили правильность соображеній, изложенныхъ мной наканунѣ вечеромъ у П. А. Столыпина.

Въ Петергофъ я направился, какъ мнѣ было указано княземъ Орловымъ, по желѣзной дорогѣ. При проѣздѣ въ экипажѣ со станціи ж. д. паркомъ ко дворцу тяжелое впечатлѣніе производили очень часто стоявшіе пѣшіе и конные чины охраны и во время пути нѣсколько разъ сидѣвшій на козлахъ камеръ-лакей предъявлялъ письменный пропускъ. По пріѣздѣ во дворецъ одинъ изъ камеръ-лакеевъ проводилъ меня въ пріемную, въ которой не было дежурнаго флигель-адъютанта, и обо мнѣ доложилъ Государю его камердинеръ. Изъ пріемной я былъ введенъ въ кабинетъ, гдѣ Государь принялъ меня очень милостиво и просто. Сѣвъ за свой письменный столъ, Государь пригласилъ меня занять кресло противъ себя по другую сторону стола и, открывъ портсигаръ, спросилъ курю ли я, на что я съ благодарностью отвѣтилъ отрицательно. Государь, сказавъ, что ему извѣстно о моей поѣздкѣ на одесскій лиманъ, спрашивалъ о моемъ тамъ пребываніи и затѣмъ о моей семьѣ. Своимъ милостивымъ и простымъ отношеніемъ Государь, какъ мнѣ казалось, хотѣлъ подготовить меня, чтобы я затѣмъ чувствовалъ себя свободнѣе при изложеніи моихъ соображеній, и это впечатлѣніе очень меня ободрило.

Приступая къ бесѣдѣ, Государь сказалъ: „Вы оказались настоящимъ пророкомъ. На совѣщаніи подъ моимъ предсѣдательствомъ въ Царскомъ вы предупреждали о томъ, какого характера будетъ представительство отъ крестьянъ, если имъ будетъ предоставлено право особаго избранія членовъ Думы. Ваши слова оправдались. Я помню ваше указаніе, но не помню, какъ вы его мотивировали. Прошу васъ повторить высказанныя вами тогда соображенія“. Я повторилъ все, высказанное мной на совѣщаніи 5-го декабря 1905 г. о вредѣ классовой группировки избирателей вообще и особенно о вредѣ обособленности крестьянской и рабочей курій, и добавилъ, что представители правительства, отстаивавшіе эту избирательную систему, были, повидимому, мало знакомы съ современнымъ настроеніемъ народа. Со времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости самосознаніе крестьянства получило большое развитіе и о прежнихъ патріархальныхъ отношеніяхъ нѣтъ и помина. Положеніе о земскихъ начальникахъ, созданное для укрѣпленія

сильной власти на мѣстахъ и въ цѣляхъ поддержанія въ деревнѣ патріархальныхъ отношеній, дало діаметрально противоположные результаты; оно воспитало въ населеніи сознаніе недостаточности и необезпеченности его правъ и отрицательное отношеніе къ представителямъ власти и къ привилегированному сословію.

Выслушавъ мои объясненія, Государь сказалъ, что ему извѣстно о моей бесѣдѣ съ П. А. Столыпинымъ и А. П. Извольскимъ и о моемъ отрицательномъ отношеніи къ мысли о роспускѣ Государственной Думы, и предложилъ высказать мои соображенія по этому вопросу. Прежде всего, сказалъ я, я не вижу опредѣленнаго конституціоннаго повода для такого акта. Если между Государственной Думой и правительствомъ возникло бы принципіальное разногласіе на почвѣ какого-либо существеннаго законопроекта, тогда роспускъ Думы явился, какъ бы, аппеляціей къ странѣ, которая путемъ новыхъ выборовъ должна была бы высказаться по данному спорному вопросу, но до сихъ поръ такое разногласіе не имѣло мѣста. Ненормальныя отношенія между Думой и правительствомъ проявляются, главнымъ образомъ, на почвѣ совершенно различнаго пониманія высочайшаго манифеста 17-го прошлаго октября. Дума, а съ ней и вся страна понимаютъ этотъ актъ, какъ несомнѣнный переходъ къ новому конституціонному государственному строю, а правительство совершенно иначе оцѣниваетъ значеніе этого акта и держится традицій и пріемовъ прежняго времени. При такомъ условіи роспускъ Думы и назначеніе новыхъ выборовъ поставитъ передъ избирателями вопросъ: желаетъ ли страна осуществленія правъ, дарованныхъ ей Вашимъ Величествомъ манифестомъ 17-го октября, или желаетъ она вернуться къ старому строю? Послѣ этихъ словъ Государь остановилъ меня и сказалъ: „объ этомъ не можетъ быть рѣчи“, и мнѣ показалось, что въ голосѣ Государя звучало недовольство допущеннымъ мной предположеніемъ. Въ такомъ случаѣ, продолжалъ я, какъ можетъ страна понять роспускъ Думы и отнестись къ новымъ выборамъ? Кромѣ этихъ соображеній принципіальнаго характера, я остановился на практической сторонѣ вопроса, на разсмотрѣніи вѣроятныхъ результатовъ новыхъ выборовъ. Если первые выборы, говорилъ я, при дѣйствующемъ избирательномъ законѣ дали очень лѣвый со-

ставъ Думы, то вторичные выборы, произведенные послѣ роспуска Думы при указанныхъ условіяхъ и на основѣ того же положенія о выборахъ, дадутъ, несомнѣнно, составъ Думы гораздо болѣе лѣвый и тѣмъ еще болѣе будетъ затруднено созданіе столь необходимаго взаимодѣйствія между правительствомъ и народнымъ представительствомъ. Впрочемъ, добавилъ я, можетъ быть, Ваше Величество имѣете въ виду одновременно съ роспускомъ Думы произвести нѣкоторое измѣненіе въ положеніи о выборахъ. „Объ этомъ также не можетъ быть рѣчи"— сказалъ Государь и мнѣ вновь послышалось его недовольство.

Коснувшись причинъ, вызывающихъ мысль о роспускѣ Думы, я признавалъ, что присутствіе въ Думѣ значительнаго лѣваго крыла отражается вредно на ея настроеніи, получившемъ свое выраженіе какъ въ рѣзкомъ выступленіи отдѣльныхъ ея членовъ, такъ и особенно въ неумѣстномъ тонѣ представленнаго Думою адреса. Однако, едва ли можно признать Думу въ общемъ ея составѣ не работоспособной и притомъ нельзя не принять во вниманіе нѣкоторыя условія, не зависящія отъ самой Думы, но крайне неблагопріятно на нее повліявшія. Составъ Думы является послѣдствіемъ недостатковъ избирательной системы, построенной на основѣ классовой группировки избирателей. Затѣмъ нельзя не принять во вниманіе то недовѣріе, которое систематически и постоянно проявлялось правительствомъ къ развитію общественной самодѣятельности, къ органамъ общественнаго самоуправленія и ко всѣмъ общественнымъ организаціямъ, а также и то, что во всей странѣ въ теченіе болѣе 30-ти лѣтъ примѣняется положеніе объ усиленной и чрезвычайной охранахъ, которое и послѣ манифеста 17-го октября остается въ силѣ. Эти условія не могли подготовить населеніе къ участію въ государственной работѣ, а воспитывали въ немъ лишь отрицательное отношеніе къ системѣ правительственнаго управленія, и это настроеніе невольно явилось преобладающимъ среди членовъ Думы. Настроеніе, въ которомъ собралась Дума, могло бы быть вскорѣ же ослаблено и умиротворено, если къ началу дѣятельности законодательныхъ учрежденій правительствомъ были бы представлены законопроекты, имѣющіе цѣлью широкое проведеніе въ жизнь началъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17-го октября, и если бы правительство проявило при этомъ искреннюю готовность осуществить новый порядокъ въ доброжелательномъ

сотрудничествѣ съ народнымъ представительствомъ. Но къ открытію сессіи правительствомъ не было представлено никакихъ законопроектовъ и Г. Дума не получила матеріала для безотлагательнаго приступа къ положительной законодательной дѣятельности. Въ то же время правительство ничѣмъ не проявило признанія, что съ открытіемъ Г. Думы вступаетъ въ силу новый государственный порядокъ, не проявило желанія установить нормальныя отношенія между административной властью и народнымъ представительствомъ, а продолжаетъ держаться прежнихъ традицій, которыя получили особенно опредѣленное выраженіе въ правительственной декларацiи 13-го мая и въ правительственномъ сообщеніи 20-го іюня по аграрному вопросу. Всѣ эти условія не могли не создать крайне ненормальное положеніе, которое, однако, можетъ быть исправлено, если правительство измѣнитъ свою тактику и сочтетъ своей непреложной обязанностью вступить опредѣленно на новый путь, начертанный въ манифестѣ 17-го октября.

Государь сказалъ, что П. А. Столыпинъ сообщилъ ему, что я не нахожу возможнымъ принять порученіе сформировать коалиціонный кабинетъ и предложилъ мнѣ высказаться по этому поводу. Я отвѣчалъ, что образованіе коалиціоннаго министерства изъ лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ общественнымъ группамъ, по моему убѣжденію, отвѣчало бы вполнѣ потребностямъ времени и могло бы создать объединеніе всѣхъ общественныхъ элементовъ, столь необходимое при переходѣ политической жизни страны отъ стараго къ новому строю. Но къ сожалѣнію сейчасъ мысль о такомъ коалиціонномъ кабинетѣ встрѣчаетъ отрицательное къ себѣ отношеніе со стороны наиболѣе многочисленной и вліятельной партіи конституціоналистовъ-демократовъ. Я доложилъ Его Величеству о переговорахъ по этому вопросу съ С. А. Муромцевымъ и П. Н. Милюковымъ и сообщилъ ихъ отзывы, исключающіе возможность предположенія, чтобы кто либо изъ вліятельныхъ членовъ этой политической группы согласился войти въ составъ коалиціоннаго кабинета, а безъ участія въ немъ представителей руководящаго большинства Г. Думы такой кабинетъ встрѣтитъ, несомнѣнно, отрицательное къ себѣ отношеніе Думы и не сможетъ сколько нибудь продолжительное время оставаться у власти. Положеніе, занятое по отношенію къ этому вопросу к.-д. партіей, по-

видимому, особенно укрѣпилось послѣ переговоровъ П. А. Столыпина съ П. Н. Милюковымъ. Въ настоящее время и при сложившихся условіяхъ возможно образованіе кабинета только изъ представителей большинства Государственной Думы. Оппозиціонный духъ, который въ настоящее время ярко проявляется среди к.-д. партіи, не можетъ внушать серьезныхъ опасеній. Такой характеръ ея въ значительной мѣрѣ обусловливается занимаемымъ ею положеніемъ безотвѣтственной оппозиціи. Но если представители партіи будутъ привлечены къ осуществленію правительственной власти и примутъ на себя тяжелую отвѣтственность, съ ней сопряженную, то нынѣшняя окраска партіи, несомнѣнно, измѣнится и представители ея, вошедшіе въ составъ кабинета, сочтутъ своимъ долгомъ значительно ограничить требованія партійной программы при проведеніи ихъ въ жизнь и уплатятъ по своимъ векселямъ, выданнымъ на предвыборныхъ собраніяхъ, не полностью, а по 20 или 10 копѣекъ за рубль.

Государь изъявилъ желаніе услышать поясненіе, какъ понимаю я предполагаемую расплату по векселямъ к.-д. партіи, и предложилъ мнѣ въ этомъ отношеніи высказаться по слѣдующимъ пяти вопросамъ, затронутымъ въ адресѣ Г. Думы: отмѣна смертной казни, политическая амнистія, аграрный вопросъ, равноправіе всѣхъ національностей и автономія Царства Польскаго. Вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни, отвѣчалъ я, уже разсмотрѣнъ Г. Думой; соотвѣтствующій законопроектъ ею составленъ, поступилъ въ Г. Совѣтъ и, въ случаѣ согласія съ нимъ Совѣта, будетъ представленъ на благовоззрѣніе Вашего Величества. По второму вопросу, я полагалъ, что к.-д. удовлетворятся предоставленіемъ политической амнистіи всѣмъ тѣмъ, которые въ стремленіи къ скорѣйшему достиженію свободы нарушили грани, поставленныя закономъ, но при этомъ не посягали на чужія жизнь и имущество. Что касается аграрнаго вопроса, то я высказалъ предположеніе, что к.-д. прежде всего исправятъ ошибку положенія 19-го февраля 1861 г. и обезпечатъ за счетъ государства дополнительными надѣлами всѣхъ крестьянъ, получившихъ дарственные надѣлы, и затѣмъ организуютъ возможно широкое содѣйствіе крестьянству со стороны государства въ покупкѣ частновладѣльческихъ земель, прибѣгая къ принудительному ихъ отчужденію лишь въ исключительныхъ, безусловно необходи-

мыхъ случаяхъ. Вопросъ объ уравненіи предъ закономъ всѣхъ гражданъ, независимо отъ ихъ вѣроисповѣданія и національности, сказалъ я, уже предрѣшенъ Вашимъ Величествомъ по докладу графа Витте, сопровождавшему манифестъ 17-го октября. Наконецъ, вопросъ объ автономіи Царства Польскаго, вѣроятно, можетъ быть разрѣшенъ путемъ предоставленія его населенію широкаго мѣстнаго самоуправленія и широкихъ правъ національной польской культурѣ. Представивъ эти поясненія, я счелъ долгомъ оговорить, что все сказанное мной является моими личными предположеніями, мнѣ представляющимися вѣроятными. Въ заключеніе я добавилъ, что если представители к.-д. партіи были бы призваны къ власти, то весьма вѣроятно, что въ ближайшемъ времени они признали бы необходимымъ распустить Государственную Думу и произвести новые выборы, съ цѣлью освободиться отъ многочисленнаго лѣваго крыла и создать палату изъ сплоченныхъ прогрессивныхъ элементовъ страны. Государь, какъ мнѣ казалось, былъ удовлетворенъ представленными мной поясненіями и спросилъ, кто изъ членовъ конституціонной демократической партіи пользуется въ ней бо́льшимъ авторитетомъ и болѣе способенъ къ руководящей роли? Отвѣчая на этотъ вопросъ, я высказалъ слѣдующія мысли. Самымъ вліятельнымъ членомъ к.-д. партіи, безспорно, нужно признать П. Н. Милюкова и, хотя онъ не состоитъ членомъ Г. Думы, тѣмъ не менѣе, онъ является дѣйствительнымъ лидеромъ к.-д. фракціи. Отдавая должную дань его способностямъ, его талантамъ и его научной эрудиціи, мнѣ въ то же время думается, что онъ по своему жизнепониманію преимущественно раціоналистъ, историкъ-позитивистъ, но въ немъ слабо развито религіозное сознаніе, т.-е. сознаніе лежащаго на человѣкѣ нравственнаго долга, какъ предъ Высшимъ Началомъ, такъ и предъ людьми. Въ виду этого, я думаю, если П. Н. Милюковъ былъ бы поставленъ во главѣ правительства, то едва ли онъ всегда въ основу своей дѣятельности полагалъ требованія нравственнаго долга и едва ли его политика могла бы содѣйствовать столь необходимому духовному подъему въ населеніи страны. Въ то же время П. Н. Милюковъ человѣкъ очень властный; онъ слишкомъ самодержавенъ [1]), и если онъ

[1]) Это слово вырвалось у меня случайно, необдуманно, о чемъ я очень сожалѣю.

будетъ поставленъ во главѣ министерства, то можно опасаться, что онъ будетъ подавлять своихъ товарищей, а это можетъ неблагопріятно отозваться на ихъ самостоятельности. Присутствіе П. Н. Милюкова въ кабинетѣ на посту министра внутреннихъ дѣлъ или министра иностранныхъ дѣлъ будетъ очень полезно и даже необходимо, если въ составъ кабинета будутъ призваны вообще представители к.-д. партіи, но на посту предсѣдателя желательно было бы видѣть С. А. Муромцева, человѣка высоко-моральнаго настроенія. Въ это время Государь сказалъ: „Я вынесъ самое хорошее впечатлѣніе изъ знакомства съ С. А. Муромцевымъ и отношусь къ нему съ полнымъ уваженіемъ". С. А. Муромцевъ, какъ предсѣдатель Г. Думы, продолжалъ я, пользуется общепризнаннымъ авторитетомъ и его появленіе на посту главы кабинета будетъ привѣтствовано въ широкихъ кругахъ общества, не только въ средѣ к.-д. партіи. Обладая сильною волей, С. А. въ то же время отличается большимъ тактомъ и мягкостью характера. Будучи предсѣдателемъ кабинета, онъ сумѣетъ обезпечить всѣмъ его членамъ необходимую самостоятельность и при его главенствѣ участіе въ кабинетѣ П. Н. Милюкова будетъ особо полезно. На это Государь сказалъ: „Да, такимъ образомъ, можетъ установиться правильное соотношеніе умственныхъ и духовныхъ силъ".

Послѣ этихъ словъ Государь далъ понять, что аудіенція кончена, и я, вставая, обратился къ Его Величеству съ просьбой извинить меня, если я невольно сказалъ въ своихъ рѣчахъ что-либо лишнее или что могло быть Государю непріятно, я считалъ себя обязаннымъ, разъ Его Величеству угодно было меня выслушать, высказать откровенно все, что считалъ своимъ долгомъ. Государь, подавая руку, сказалъ: „Я очень радъ, что вы говорили свободно; я видѣлъ, что вы говорили, не стѣсняясь, и очень вамъ благодаренъ". Аудіенція продолжалась болѣе часа. Возвращаясь въ С.-Петербургъ, я чувствовалъ себя въ бодромъ настроеніи; я былъ счастливъ, что имѣлъ случай высказаться такъ откровенно предъ Государемъ, и былъ глубоко тронутъ оказаннымъ мнѣ довѣріемъ и вниманіемъ.

На слѣдующій день утромъ я посѣтилъ А. П. Извольскаго и разсказалъ ему о всемъ происходившемъ на вчерашней аудіенціи. А. П. выслушалъ меня съ большимъ интересомъ, находилъ основательными и правильными всѣ изложенныя

мной соображенія и сказалъ, что, по дошедшимъ до него слухамъ, Государь сочувственно относится къ изложеннымъ мной мыслямъ и предположеніямъ. Считая вѣроятнымъ, что въ ближайшее время С. А. Муромцевъ будетъ приглашенъ въ Петергофъ, А. П. Извольскій совѣтовалъ мнѣ предупредить С. А-ча, на что я отвѣтилъ, что считаю это совершенно необходимымъ и отъ А. П. Извольскаго направился къ С. А. Муромцеву.

Я сообщилъ С. А-чу во всѣхъ подробностяхъ все, что мной было доложено Государю и изложено выше. Пока я приводилъ высказанныя мной на аудіенціи соображенія относительно роспуска Г. Думы, невозможности при сложившихся обстоятельствахъ образованія коалиціоннаго министерства и желательности сформированія кабинета изъ представителей к.-д. партіи, С. А. неоднократно выражалъ свое полное сочувствіе и одобреніе моему образу мыслей и дѣйствій, но когда я перешелъ къ вопросу о лицѣ, на которое должно быть возложено порученіе составленія кабинета, С. А. отнесся къ высказанному мной съ большимъ волненіемъ, былъ, очевидно, крайне не доволенъ и сказалъ мнѣ: „Ты совершенно вѣрно охарактеризовалъ значеніе роспуска Думы и вполнѣ правильно выяснилъ необходимость образованія кабинета изъ конституціоналистовъ-демократовъ, но какое основаніе и какое право имѣешь ты касаться вопроса, который долженъ быть рѣшенъ самой политической партіей?“. Я отвѣчалъ: „Право мое исходитъ изъ сознанія лежавшаго на мнѣ долга сказать Государю, разъ онъ пожелалъ меня выслушать, то, что я считаю необходимымъ для блага страны“. Мы долго продолжали бесѣду на эту тему, при чемъ я пришелъ къ заключенію, что С. А. Муромцевъ видитъ главное для себя затрудненіе въ образованіи кабинета при признаваемомъ имъ самимъ необходимымъ участіи въ кабинетѣ П. Н. Милюкова. С. А. выразилъ опасенія относительно совмѣстнаго съ П. Н. Милюковымъ участія въ кабинетѣ и, между прочимъ, сказалъ: „двумъ медвѣдямъ въ одной берлогѣ ужиться трудно“, на что я замѣтилъ, что „вы—два медвѣдя изъ одной прежней берлоги и я, не сомнѣваюсь, что уживетесь и въ новой“. Въ заключеніе я говорилъ, что какъ ни тяжела отвѣтственность, которая ляжетъ на С. А-ча, если Государь возложитъ на него порученіе образовать министерство, но уклониться онъ не имѣетъ права и долженъ будетъ принести, мо-

жетъ быть, и очень тяжелую жертву, необходимую для укрѣпленія въ странѣ новаго государственнаго строя.

Въ 4 часа, въ тотъ же день, я былъ у П. А. Столыпина. При встрѣчѣ съ нимъ я сейчасъ же замѣтилъ недовольство во всей его фигурѣ. Онъ началъ бесѣду съ заявленія, что ему извѣстно уже въ общихъ чертахъ то, что мной было доложено на аудіенціи, и что, повидимому, высказанное мной произвело благопріятное впечатлѣніе и встрѣчаетъ сочувствіе. Такъ какъ П. А., тѣмъ не менѣе, просилъ меня сообщить ему о происходившемъ на аудіенціи въ Петергофѣ, то я исполнилъ его желаніе, не углубляясь, однако, въ подробности. Онъ старался, слушая меня, не проявлять своего недовольства и по окончаніи нашего свиданія сказалъ: „теперь будемъ ожидать, что воспослѣдуетъ“. Уходя отъ П. А. Столыпина, я уносилъ увѣренность, что имъ будетъ оказано все возможное противодѣйствіе осуществленію мысли объ образованіи кабинета изъ руководящихъ элементовъ Государственной Думы.

30-го іюня мнѣ случайно пришлось услышать дважды подтвержденіе тому, что доложенное мной въ Петергофѣ встрѣчено сочувственно. Днемъ мнѣ пришлось быть у члена Гос. Сов. А. С. Ермолова, который желалъ привлечь меня къ участію въ образованной имъ въ Государственномъ Совѣтѣ группѣ центра, но, какъ только я вошелъ въ кабинетъ, А. С. завелъ рѣчь о моемъ пріемѣ въ Петергофѣ, оказался въ курсѣ высказаннаго мной на аудіенціи и привѣтствовалъ меня съ успѣшнымъ выполненіемъ моей задачи, такъ какъ ему извѣстно, что мое представленіе встрѣчено благопріятно. Затѣмъ А. С. Ермоловъ такъ же, какъ и А. П. Извольскій, говорилъ, что мнѣ слѣдовало бы предупредить С. А. Муромцева. Съ своей стороны, я постарался уклониться отъ разговора на эту тему и поспѣшилъ перейти къ вопросу, по поводу котораго я пріѣхалъ.

Затѣмъ, въ тотъ же день посѣтилъ меня членъ Гос. Сов., московскій губернскій предводитель дворянства, князь П. Н. Трубецкой, который въ этотъ день по какому-то поводу представлялся Государю Императору. Князь Трубецкой, не знавшій ранѣе о моемъ приглашеніи въ Петергофъ, услыхалъ о немъ во время своего представленія. Государь, вѣроятно, имѣя въ виду, что оба мы москвичи и находимся въ товарищескихъ отношеніяхъ, сказалъ князю Трубецкому о происходившей

28 іюня аудіенціи, милостиво отозвался обо мнѣ и выразилъ сожалѣніе, что я не счелъ возможнымъ принять исполненіе порученія, которое онъ намѣренъ былъ на меня возложить. Князь Трубецкой поспѣшилъ узнать отъ меня, о какомъ порученіи шла рѣчь? Я сказалъ, что не считаю себя пока въ правѣ удовлетворить его любопытство, но сообщеніе князя Трубецкого дало мнѣ большое удовлетвореніе.

Считая мою задачу исчерпанной, я, вечеромъ, 30-го іюня, выѣхалъ въ Москву. Въ С.-Петербургъ я вернулся 7-го іюля. Въ гостиницѣ „Франція“, гдѣ я обычно останавливался, мнѣ сказали, что на-дняхъ отъ министра иностранныхъ дѣлъ справлялись о времени моего возвращенія и просили извѣстить, когда я пріѣду въ С.-Петербургъ. Я сказалъ, чтобы въ министерство о моемъ пріѣздѣ ничего не говорили и вскорѣ самъ туда направился. А. П. Извольскій хотѣлъ сообщить мнѣ, что послѣ моей аудіенціи сложившееся было благопріятное отношеніе къ моему докладу продолжалось до 5-го іюля, но съ этого дня положеніе рѣзко измѣнилось и, какъ видно, предположеніе о вѣроятности приглашенія въ Петергофъ С. А. Муромцева отпадаетъ. На мой вопросъ, чѣмъ вызвана такая перемѣна, А. П. отвѣчалъ, что ему неизвѣстно точно, что повліяло на такое измѣненіе настроенія, но онъ предполагалъ, что тутъ сказалось вліяніе П. А. Столыпина. Побесѣдовавъ на эту тему нѣкоторое время, я удалился. Повидавшись затѣмъ со многими лицами, я узналъ, что подъ вліяніемъ убійствъ адмирала Чухнина въ Севастополѣ и свиты Е. В. генералъ-маіора Козлова въ Петергофѣ, а, главнымъ образомъ, вслѣдствіе возбужденія въ Г. Думѣ вопроса объ опубликованіи отъ имени Г. Думы обращенія къ населенію въ отвѣтъ на правительственное сообщеніе по аграрному вопросу, реакціонныя теченія въ С.-Петербургѣ и въ Петергофѣ возобладали и облегчили П. А. Столыпину осуществленіе его намѣреній. Какъ извѣстно, 8-го іюля былъ подписанъ указъ о роспускѣ Государственной Думы, съ назначеніемъ созыва вновь избранной Думы на 20-ое февраля 1907 года, и въ то же время П. А. Столыпинъ былъ назначенъ предсѣдателемъ совѣта министровъ.

ГЛАВА XIV.

Приглашеніе П. А. Столыпинымъ общественныхъ дѣятелей принять участіе въ реформируемомъ имъ послѣ роспуска первой Государственной Думы министерствѣ.

Роспускъ Государственной Думы и назначеніе премьеромъ П. А. Столыпина вызывали тревожныя мысли. Была утеряна послѣдняя надежда на возможность созданія единенія государственной власти съ обществомъ, на честное осуществленіе свободъ, дарованныхъ манифестомъ 17-го октября, и на мирный переходъ къ обѣщанному странѣ новому государственному строю.

Такъ какъ одновременно съ роспускомъ Думы прекратились занятія Гос. Совѣта, то 10-го іюля я уѣхалъ изъ С.-Петербурга и не предполагалъ въ болѣе или менѣе близкомъ времени туда возвратиться. Но уже 12-го я получилъ отъ Н. Н. Львова и М. А. Стаховича телеграмму, настоятельно приглашавшую меня безотлагательно вернуться. Считая всякіе политическіе переговоры при сложившихся условіяхъ не своевременными и лишними, я отвѣчалъ, что пріѣхать не могу. На слѣдующій день я получилъ вторую телеграмму съ такимъ же приглашеніемъ и такъ какъ эта телеграмма, кромѣ подписей Н. Н. Львова и М. А. Стаховича, имѣла подпись графа П. А. Гейдена, то я, посовѣтовавшись съ семьей и друзьями въ Москвѣ, выѣхалъ 14-го утромъ со скорымъ поѣздомъ, шедшимъ изъ Нижняго-Новгорода, и вечеромъ былъ въ С.-Петербургѣ. Отъ графа П. А. Гейдена, Н. Н. Львова, А. И. Гучкова и М. А. Стаховича я узналъ, что П. А. Столыпинъ, занятый сформированіемъ министерства, вступилъ въ переговоры съ первыми тремя изъ перечисленныхъ лицъ; въ то же время онъ просилъ ихъ убѣдить меня принять участіе въ образуемомъ имъ кабинетѣ и говорилъ, что съ такимъ же приглашеніемъ онъ имѣетъ въ виду обратиться къ князю Г. Е. Львову. Я отнесся къ мысли объ участіи моемъ

въ кабинетѣ Столыпина отрицательно и высказалъ, что П. А. Столыпинъ и я совершенно различно понимаемъ задачи правительственной власти вообще и особенно въ переживаемое время. Я вижу въ немъ человѣка воспитаннаго и проникнутаго традиціями стараго строя, считаю его главнымъ виновникомъ роспуска Гос. Думы и лицомъ, оказавшимъ несомнѣнное противодѣйствіе образованію кабинета изъ представителей большинства Гос. Думы; не имѣю вообще никакого довѣрія къ П. А. Столыпину и удивляюсь, какъ онъ, зная хорошо мое отношеніе къ его политикѣ, ищетъ моего сотрудничества. Н. Н. Львовъ, А. И. Гучковъ и М. А. Стаховичъ, примирявшіеся съ актомъ роспуска Гос. Думы, видѣли въ П. А. Столыпинѣ человѣка, способнаго въ сотрудничествѣ съ общественными дѣятелями осуществить реформы, вызываемыя манифестомъ 17-го октября, и старались убѣдить меня въ правильности ихъ точки зрѣнія. Графъ П. А. Гейденъ скептически относился къ этимъ предположеніямъ, склонялся къ моей оцѣнкѣ политической физіономіи П. А. Столыпина, но, тѣмъ не менѣе, находилъ лучшимъ не уклоняться отъ переговоровъ съ нимъ и постараться выяснить опредѣленно его намѣренія и программу. Я остался при высказанномъ рѣшеніи и указывалъ, что цѣль, намѣчаемая гр. П. А. Гейденомъ, можетъ быть достигнута путемъ продолженія уже начатыхъ ими переговоровъ, но мнѣ принять въ нихъ вновь участіе, послѣ моихъ сношеній съ П. А. Столыпинымъ до роспуска Гос. Думы, я находилъ невозможнымъ.

15-го іюля въ С.-Петербургъ пріѣхалъ князь Г. Е. Львовъ, какъ предсѣдатель общеземской организаціи, для переговоровъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ по вопросу объ организаціи продовольственной помощи населенію. О своемъ пріѣздѣ онъ сообщилъ тотчасъ же П. А. Столыпину, не зная еще ничего объ его намѣреніяхъ по образованію кабинета, и просилъ назначить время пріема. Въ этотъ день всѣ упомянутые выше общественные дѣятели собрались въ гостиницѣ „Франція“ за завтракомъ и въ бесѣдѣ между собой обсуждали занимавшій всѣхъ насъ вопросъ. Въ это время князю Г. Е. Львову доложили, что его проситъ къ телефону предсѣдатель совѣта министровъ. Возвратясь въ столовую, Г. Е. сказалъ, что П. А. Столыпинъ проситъ его и меня, какъ члена управленія общеземской организаціи, пріѣхать къ нему на дачу сегодня въ

4 часа дня для переговоровъ по вопросу о продовольственной помощи населенію при содѣйствіи общеземской организаціи. Я предчувствовалъ, что въ этомъ приглашеніи готовится ловушка, но формально дѣло было поставлено такъ, что уклониться отъ этого свиданія было невозможно, и къ означенному времени мы явились на дачу министра внутреннихъ дѣлъ. У министра были съ докладомъ товарищъ министра, А. А. Макаровъ, и директоръ департамента полиціи, Трусевичъ. По докладѣ о нашемъ пріѣздѣ эти лица немедленно вышли изъ кабинета министра, а мы были приглашены войти.

Изложить систематично послѣдовавшій разговоръ я долженъ признать дѣломъ очень труднымъ и почти невозможнымъ. Онъ происходилъ при большомъ возбужденіи обѣихъ сторонъ, которыя часто другъ друга перебивали; по затрогиваемымъ вопросамъ высказывались отрывочныя сужденія и мнѣнія и, не выяснивъ ихъ достаточно по одному вопросу, переходили къ другому. На нашемъ разговорѣ невольно отразились настроеніе и волненіе, переживаемыя обѣими сторонами. П. А. Столыпинъ, несомнѣнно, помнилъ мое отношеніе къ вопросу о роспускѣ Государственной Думы, который я въ бесѣдѣ съ нимъ 27-го іюня характеризовалъ, какъ актъ, съ политической точки зрѣнія даже преступный; въ то же время онъ не могъ не сознавать, что предъ нимъ люди, совершенно разнаго съ нимъ общаго и политическаго жизнепониманія, согласіе которыхъ на сотрудничество съ нимъ въ министерствѣ представляется дѣломъ мало вѣроятнымъ. Для насъ обоихъ, т.-е. для князя Г. Е. Львова и меня, было совершенно ясно, что П. А. Столыпинъ желаетъ привлечь насъ къ участію въ кабинетѣ не въ силу того, чтобы предоставить намъ возможность содѣйствовать дѣйствительному проведенію въ жизнь началъ, положенныхъ въ основу манифеста 17-го октября, а лишь потому, что онъ, хотя человѣкъ очень самоувѣренный и смѣлый, тѣмъ не менѣе, опасается общественнаго противодѣйствія своимъ начинаніямъ, и въ нашемъ участіи въ кабинетѣ видитъ только средство для примиренія возбужденнаго общественнаго настроенія съ правительствомъ.

Какъ только мы вошли въ кабинетъ, П. А. Столыпинъ обратился ко мнѣ со словами: „Вотъ, Д. Н., роспускъ Думы состоялся; какъ теперь относитесь вы къ этому факту“? Я отвѣ-

чалъ, что П. А-чу извѣстно мое отношеніе къ этому факту, и я остаюсь при своемъ убѣжденіи. Такое начало не могло не отразиться неблагопріятно на настроеніи вопрошавшаго и на предстоявшихъ переговорахъ. Послѣ моей реплики П. А. Столыпинъ сказалъ: „Я обращаюсь къ вамъ обоимъ съ просьбой войти въ составъ образуемаго мной кабинета и оказать ваше содѣйствіе осуществленію конституціонныхъ началъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17-го октября". Мы говорили, что прежде, чѣмъ дать нашъ отвѣтъ, намъ необходимо ознакомиться съ политической программой предсѣдателя совѣта министровъ. П. А. заявилъ, что теперь не время для словъ и для программъ; сейчасъ нужны дѣло и работа. Мы указывали на необходимость рѣшительной перемѣны правительственной политики и скорѣйшаго созыва новой Государственной Думы. П. А. говорилъ, что прежде всего, для успокоенія всѣхъ классовъ населенія, нужно въ ближайшемъ же времени дать каждой крупной общественной группѣ удовлетвореніе ихъ насущныхъ потребностей и тѣмъ привлечь ихъ на сторону правительства. Дѣлу повѣрятъ скорѣе и больше, чѣмъ словамъ. Иллюстрируя свою мысль, П. А. говорилъ, между прочимъ, что нужно будетъ привлечь и вліятельныхъ евреевъ, выяснивъ съ ними, что необходимо и возможно предоставить теперь же еврейству, въ цѣляхъ успокоенія революціоннаго въ его средѣ настроенія. Мы горячо возражали противъ такой политики и указывали, что во всякомъ случаѣ никакія мѣропріятія, нуждающіяся въ законодательной санкціи, не могутъ быть осуществляемы помимо законодательныхъ учрежденій, и недоумѣвали, какъ правительство можетъ предрѣшать послѣ 17-го октября 1905 г., помимо народнаго представительства, какія именно реформы должны быть проведены въ жизнь? П. А. Столыпинъ заявилъ, что ему совершенно ясно, какія мѣропріятія являются неотложными и требуютъ скорѣйшаго осуществленія. Онъ критически относился къ законодательной способности Гос. Думы, особенно на первое время, и еще разъ подтвердилъ свою увѣренность, что правительство сумѣетъ предоставить безотлагательно всѣмъ классамъ населенія то, что имъ дѣйствительно нужно. Мы обращали его вниманіе, что разъ высочайшею властью населенію предоставлено право самоопредѣленія въ государственной жизни, осуществляемое посредствомъ изби-

раемыхъ имъ представителей, то какъ правительство Его Величества можетъ нарушить это право? Если даже допустить всегда возможныя ошибки законодательныхъ учрежденій, то пусть населеніе будетъ знать, что эти ошибки,—ошибки его избранниковъ, и будетъ имѣть это въ виду при слѣдующихъ выборахъ; ошибки же правительства будутъ только питать еще болѣе odium къ нему населенія. Я сказалъ П. А. Столыпину: „Какая же будетъ разница между характеромъ вашей политики и политикой вашихъ предшественниковъ; развѣ графъ Толстой, Сипягинъ, Плеве не желали блага Россіи, какъ они его понимали; развѣ графъ Витте не говорилъ, что онъ знаетъ, что нужно для счастія Россіи? Если ихъ политика была, однако, пагубна для страны, то они, по крайней мѣрѣ, имѣли оправданіе въ томъ, что дѣйствовали при старомъ строѣ; но какъ можно итти тѣми же путями послѣ акта 17-го октября? Я не сомнѣваюсь, что такая политика приведетъ правительство на путь реакціи и не только не внесетъ въ страну успокоеніе, но заставитъ васъ прибѣгнуть черезъ два-три мѣсяца къ самымъ крутымъ мѣрамъ и репресіямъ". П. А. Столыпинъ былъ этими словами крайне возбужденъ и воскликнулъ: „Какое право имѣете вы это говорить"!?. „Вы приглашаете меня вступить въ вашъ кабинетъ", отвѣчалъ я, „и я считаю себя обязаннымъ откровенно высказать вамъ мое убѣжденіе". Въ дальнѣйшемъ князь Львовъ и я пытались выяснить тѣ условія, при которыхъ мы сочли бы возможнымъ принять приглашеніе П. А. Столыпина, а именно: привлеченіе общественныхъ дѣятелей въ кабинетъ должно быть высочайшимъ актомъ объяснено цѣлью созданія необходимаго взаимодѣйствія правительства и общества; общественнымъ дѣятелямъ, объединившимся между собой на одной политической программѣ, должна быть предоставлена половина мѣстъ въ кабинетѣ и въ томъ числѣ портфель министра внутреннихъ дѣлъ; новымъ кабинетомъ должно быть опубликовано правительственное сообщеніе, опредѣляющее задачи, которыя ставитъ себѣ кабинетъ; должны быть подготовлены къ внесенію въ Гос. Думу законопроекты по важнѣйшимъ вопросамъ государственной жизни и регулирующіе пользованіе свободами, дарованными манифестомъ 17-го октября; примѣненіе смертной казни должно быть немедленно пріостановлено, впредь до разрѣшенія вопроса законодательнымъ порядкомъ. П. А. Столыпинъ

выслушивалъ наши заявленія не внимательно, иногда возражалъ или отзывался очень неопредѣленно и въ заключеніе сказалъ, что теперь не время разговаривать о программахъ, а нужно общественнымъ дѣятелямъ вѣрить Царю и его правительству и самоотверженно отнестись къ призыву правительства при тяжелыхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находится страна. Видя, что мы не находимъ общаго языка съ П. А. Столыпинымъ и совершенно различно оцѣниваемъ значеніе переживаемаго времени, князь Г. Е. Львовъ и я сочли дальнѣйшій обмѣнъ мнѣній съ предсѣдателемъ совѣта министровъ безполезнымъ и, простившись съ нимъ, удалились.

По возвращеніи отъ П. А. Столыпина мы ознакомили лицъ, знавшихъ о предстоявшихъ намъ переговорахъ, съ ихъ характеромъ и содержаніемъ. Графъ П. А. Гейденъ видѣлъ въ нашемъ сообщеніи подтвержденіе высказанному имъ ранѣе скептицизму относительно искренности П. А. Столыпина и возможности притти съ нимъ къ соглашенію, пріемлемому для общественныхъ дѣятелей. Остальные трое, Н. Н. Львовъ, М. А. Стаховичъ и А. И. Гучковъ, продолжали выражать довѣріе готовности и способности предсѣдателя совѣта министровъ честно вступить на путь обновленія нашего государственнаго строя, полагали, что между нами двумя съ одной стороны и П. А. Столыпинымъ съ другой—имѣли мѣсто въ переговорахъ какія-либо недоразумѣнія, вслѣдствіе которыхъ мы плохо другъ другъ поняли, и сожалѣли, что мы пришли къ окончательному отрицательному рѣшенію.

Князь Г. Е. Львовъ и я находились подъ вліяніемъ тяжелыхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ свиданія съ П. А. Столыпинымъ. Отсутствіе въ немъ искренности и прямоты было для насъ очевиднымъ. Хотя при началѣ нашего разговора П. А. Столыпинъ обращался къ нашему содѣйствію для осуществленія, какъ онъ говорилъ, *конституціонныхъ* началъ манифеста 17-го октября, но все, имъ затѣмъ высказанное, свидѣтельствовало о совершенно противоположныхъ его намѣреніяхъ и о нежеланіи его вести страну открыто на путь политической свободы, отрѣшившись отъ традицій стараго бюрократическаго абсолютизма. Но, однако, мы сознавали, что если заключеніе, къ которому мы пришли, могло бы быть ошибочнымъ, то на насъ должна была бы лечь тяжелая моральная отвѣтственность за

отказъ въ нашемъ сотрудничествѣ. Также, хотя и мало вѣроятно, могло имѣть мѣсто предположеніе, что намъ не удалось во время нашего безпорядочнаго разговора обстоятельно изложить тѣ условія, при наличіи которыхъ мы сочли бы долгомъ пойти навстрѣчу сдѣланному намъ предложенію. Оба мы ощущали живую потребность выяснить опредѣленно эти вопросы, которые могли вызвать сомнѣнія, если не внутри насъ, то въ средѣ общественныхъ круговъ. Въ то же время мы хотѣли, чтобы выясненіе этихъ вопросовъ было установлено порядкомъ, который сохранилъ бы документальные слѣды для объективнаго свидѣтельства въ будущемъ о дѣйствительномъ положеніи вещей. 16-го іюля князь Г. Е. Львовъ предложилъ написать въ этихъ цѣляхъ письмо П. А. Столыпину съ изложеніемъ нашего пониманія предстоявшихъ правительству задачъ и тѣхъ условій, при которыхъ, по нашему убѣжденію, было бы возможно вступленіе общественныхъ дѣятелей въ образуемый предсѣдателемъ совѣта министровъ кабинетъ. Предложеніе князя Г. Е. Львова вполнѣ соотвѣтствовало поставленнымъ нами себѣ цѣлямъ и 17-го числа рано утромъ было доставлено П. А. Столыпину слѣдующее наше письмо:

„Милостивый Государь Петръ Аркадіевичъ.

Помимо нашего желанія, наша бесѣда съ вами 15-го іюля приняла направленіе, которое лишило насъ возможности выяснить вамъ тѣ условія, при наличности которыхъ мы сочли бы себя въ правѣ принять ваше предложеніе, и сдѣлать вамъ понятнымъ причины нашего отрицательнаго къ нему отношенія.

О готовности жертвовать собой не можетъ быть вопроса. При условіи сознанія и твердой вѣры, что мы можемъ принести пользу, мы готовы отдать всѣ свои силы служенію родинѣ. Но мы полагаемъ, что намѣченная вами политика постепеннаго приготовленія общества къ свободнымъ реформамъ маленькими уступками, сегодня съ тѣмъ, чтобы завтра сдѣлать бо́льшія, и постепеннаго убѣжденія его въ благихъ намѣреніяхъ правительства, не принесетъ пользы и не внесетъ успокоенія. При такой политикѣ всякія реформы будутъ неизбѣжно запаздывать и служить не къ укрѣпленію, а, наоборотъ, къ ослабленію правительственной власти. Реформаторство правительства должно носить на себѣ печать смѣлости и ею импонировать обществу. Поэтому мы считаемъ единственно правильной политикой на-

стоящаго времени открытое выступленіе правительства навстрѣчу свободѣ и соціальнымъ реформамъ, и всякая отсрочка въ этомъ отношеніи представляется намъ губительной. Революція сильна борьбой за свободу и глухимъ сочувствіемъ общества и народныхъ массъ. Успокоить страну можно только, внѣдривъ въ общество убѣжденіе, что правительство не борется со свободой, а полагаетъ ее честно и открыто въ основу государственной жизни. Только тогда правительство привлечетъ общество на свою сторону и между ними установятся правильныя взаимоотношенія и только при этомъ условіи будетъ имѣть значеніе и можетъ принести пользу появленіе у власти общественныхъ элементовъ. Въ этихъ цѣляхъ, по нашему мнѣнію, необходимо, чтобы въ высочайшемъ рескриптѣ на имя предсѣдателя совѣта министровъ, при назначеніи въ кабинетъ лицъ изъ среды общественныхъ дѣятелей, было возвѣщено, что мѣра эта имѣетъ свою цѣлью осуществленіе необходимаго взаимодѣйствія правительственныхъ и общественныхъ силъ.

Мы полагаемъ, что изъ 13 лицъ, кромѣ предсѣдателя совѣта министровъ, входящихъ въ составъ кабинета, должно быть не менѣе 7 лицъ, призванныхъ изъ общества, сплоченныхъ единствомъ политическихъ взглядовъ и объединившихся на одной политической программѣ. Между этими лицами должны быть распредѣлены портфели министровъ: внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія, земледѣлія, торговли, оберпрокурора Святѣйшаго Синода и государственнаго контролера.

Главою кабинета должны быть вы, ибо назначеніе новаго главы явилось бы въ настоящее время колебаніемъ авторитета власти. Вновь образованный кабинетъ, въ противовѣсъ деклараціи 13-го мая, долженъ обратиться къ странѣ съ правительственнымъ сообщеніемъ, въ коемъ должны быть ясно и опредѣленно установлены тѣ задачи, которыя ставитъ себѣ министерство. Въ сообщеніи этомъ кабинетъ долженъ заявить, что онъ подготовитъ къ внесенію въ Государственную Думу цѣлый рядъ законопроектовъ по важнѣйшимъ очереднымъ вопросамъ государственной жизни и въ томъ числѣ проектъ земельнаго устройства и расширенія крестьянскаго землевладѣнія, въ цѣляхъ котораго правительство не остановится и передъ принудительнымъ отчужденіемъ части частновладѣльческихъ земель въ случаяхъ необходимости, устанавливаемыхъ мѣстными землеустроительными учрежденіями.

Одновременно съ организаціей новаго кабинета мы признаемъ необходимымъ, чтобы высочайшими указами Государя Императора было пріостановлено произнесеніе приговоровъ смертной казни до созыва Государственной Думы и дарована амнистія всѣмъ лицамъ, привлеченнымъ къ отвѣтственности и отбывающимъ наказаніе за участіе въ освободительномъ движеніи и не посягавшимъ при этомъ на жизнь людей и чужое имущество.

Вновь образованный кабинетъ долженъ неотложно выработать законопроекты, регулирующіе пользованіе правами и свободами, возвѣщенными 17-го октября, и устанавливающіе равенство передъ закономъ всѣхъ россійскихъ гражданъ и представить ихъ на высочайшее утвержденіе для введенія ихъ въ дѣйствіе временно, впередъ до утвержденія законопроектовъ Государственной Думой. Въ то же время правительство должно прекратить дѣйствіе всѣхъ исключительныхъ положеній.

Въ заключеніе мы считаемъ совершенно необходимымъ, въ цѣляхъ успокоенія страны, приступить возможно скорѣе къ производству выборовъ и созвать Государственную Думу не позднѣе 1-го декабря 1906 г.

Изложивъ наше мнѣніе, которое мы не имѣли возможности опредѣленно формулировать передъ вами 15-го іюля, просимъ васъ принять увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности. Д. Н. Шиповъ. Князь Г. Е. Львовъ".

Весь день мы поджидали какого-либо отзыва на наше письмо, имѣя въ виду, при желаніи П. А. Столыпина получить наши словесныя поясненія, вновь его посѣтить. Допуская возможность такого предположенія, мы на всякій случай составили списокъ лицъ, изъ которыхъ могъ бы быть составленъ коалиціонный кабинетъ. Изъ среды общественныхъ дѣятелей мы намѣтили тѣхъ, участіе которыхъ, по нашему мнѣнію, было желательно и на согласіе которыхъ мы могли разсчитывать. Нами былъ предположенъ слѣдующій составъ министерства:

Предсѣдатель совѣта министровъ	П. А. Столыпинъ.
Министръ иностранныхъ дѣлъ	А. П. Извольскій.
„ финансовъ	В. Н. Коковцевъ.
„ путей сообщенія	Н. К. Шауфусъ.
„ военный	А. Ф. Редигеръ.
„ морской	А. А. Бирилевъ.

Министръ Двора Бар. В. Б. Фредериксъ.
„ внутреннихъ дѣлъ кн. Г. Е. Львовъ.
„ юстиціи А. Ѳ. Кони или С. А. Лопухинъ.
„ народнаго просвѣщенія А. А. Мануиловъ.
„ торговли и промышленности М. М. Ѳедоровъ.
или В. И. Тимирязевъ.
Главноуправляющій земледѣліемъ Д. Н. Шиповъ.
Оберпрокуроръ Св. Синода кн. Е. Н. Трубецкой.
Государственный контролеръ гр. П. А. Гейденъ.

До поздняго вечера 17-го іюля никакого отвѣта отъ П. А. Столыпина мы не получили и съ послѣднимъ скорымъ поѣздомъ я уѣхалъ въ Москву. 18-го среди дня курьеръ привезъ мнѣ въ Москву отвѣтное письмо П. А. Столыпина. Это письмо, 17-го направленное въ гостиницу „Франція“, было доставлено послѣ моего выѣзда и П. А. распорядился отправить его съ курьеромъ въ Москву съ послѣднимъ пассажирскимъ поѣздомъ. Письмо было слѣдующаго содержанія:

„Милостивый Государь Дмитрій Николаевичъ. Очень благодаренъ вамъ и князю Львову за ваше письмо. Мнѣ душевно жаль, что вы отказываете мнѣ въ вашемъ цѣнномъ и столь желательномъ для блага общаго сотрудничествѣ. Мнѣ также весьма досадно, что я не сумѣлъ достаточно ясно изложить вамъ свою точку зрѣнія и оставилъ въ васъ впечатлѣнія человѣка, боящагося смѣлыхъ реформъ и сторонника „маленькихъ уступокъ“ Дѣло въ томъ, что я не признаю никакихъ уступокъ, ни большихъ, ни маленькихъ. Я нахожу. что нужно реальное дѣло, реальныя реформы и что мы въ промежутокъ 200 дней, отдѣляющихъ насъ отъ новой Думы, должны всецѣло себя отдать подготовленію ихъ и проведенію возможнаго въ жизнь. Такому „дѣлу“ повѣрятъ больше, чѣмъ самымъ сильнымъ словамъ.

Въ общихъ чертахъ, въ программѣ, которая и по мнѣ должна быть обнародована, мы мало расходимся. Что касается смертной казни (форма пріостановки ея высочайшемъ указомъ) и амнистіи, то нельзя забывать, что это вопросы не программные, такъ какъ находятся въ зависимости отъ свободной воли Монарха.

Кабинетъ весь цѣликомъ долженъ быть сплоченъ единствомъ политическихъ взглядовъ и дѣло, мнѣ кажется, не въ числѣ

портфелей, а въ подходящихъ лицахъ, объединенныхъ желаніемъ вывести Россію изъ кризиса. Что касается портфеля внутреннихъ дѣлъ, то пока, видимо, Государь еще не освободитъ меня отъ этой ноши. Перемѣна времени созыва Думы, помимо существа дѣла, противорѣчила бы основнымъ законамъ. Извините за безсвязность письма, вызванную спѣхомъ, извините еще больше за отнятое у васъ время. Я думалъ, какъ и въ первый разъ, когда говорилъ о сформированіи вами министерства, такъ и теперь, когда предлагалъ вамъ и князю Львову войти въ мой кабинетъ, что польза для Россіи будетъ отъ этого несомнѣнная. Вы разсудили иначе. Я вамъ, во всякомъ случаѣ, благодаренъ за вашу откровенную бесѣду, за искренность, которую вы внесли въ это дѣло, и за видимое ваше желаніе помочь мнѣ въ трудномъ дѣлѣ, возложенномъ на меня Государемъ.

Вѣрьте въ мое искреннее къ вамъ уваженіе и преданность. П. Столыпинъ. 17-ое іюля 1906 г.“.

Письмо П. А. Столыпина съ полной убѣдительностью подтвердило сложившееся у насъ относительно него мнѣніе, а равно отсутствіе въ немъ искренности и откровенности при переговорахъ съ нами. Онъ не согласенъ съ терминомъ „маленькихъ уступокъ“, но вслѣдъ за тѣмъ подтверждаетъ свое намѣреніе подготовить и проводить въ жизнь до созыва Г. Думы реальныя реформы, которыя, какъ онъ намъ говорилъ, могутъ привлечь на сторону правительства всѣ классы населенія. Онъ говоритъ, что кабинетъ весь цѣликомъ долженъ быть сплоченъ единствомъ политическихъ взглядовъ“, но въ такомъ случаѣ почему же онъ старается привлечь меня въ составъ своего кабинета? Если П. А. Столыпину были, быть можетъ, неизвѣстны политическіе идеалы князя Г. Е. Львова, то относительно моихъ убѣжденій онъ не могъ не знать изъ предыдущихъ нашихъ разговоровъ, что мы стоимъ на діаметрально противоположныхъ точкахъ зрѣнія и пониманіи предстоящихъ правительству политическихъ задачъ. Онъ не придаетъ значенія числу портефелей, которые могутъ быть предоставлены общественнымъ дѣятелямъ, но онъ не можетъ же не понимать, что для послѣднихъ при вступленіи въ коалиціонное министерство имѣетъ особенно важное значеніе увѣренность, что обѣ группы, бюрократическая и общественная, будутъ пользоваться въ немъ

одинаковымъ вліяніемъ. Наконецъ, его указанія на то, что вопросы о смертной казни, амнистіи и освобожденіи его отъ обязанностей министра внутреннихъ дѣлъ — зависятъ отъ свободной воли Монарха, носятъ характеръ софизмовъ и представляются какой то недостойной отговоркой. Намъ, какъ и всѣмъ вообще, конечно, вполнѣ было ясно, что не только разрѣшеніе этихъ вопросовъ, но и весь вопросъ объ образованіи коалиціоннаго кабинета находится въ зависимости отъ благоусмотрѣнія Государя. При нашихъ переговорахъ мы ставили себѣ исключительной задачей выяснить вопросы о составѣ кабинета и о программѣ, которой министерство будетъ руководиться, съ тѣмъ, что установленныя путемъ нашего соглашенія предположенія, само собой понятно, должно быть представлены на благовоззрѣніе Верховной власти. Такой же характеръ носитъ отзывъ П. А. Столыпина, будто перемѣна времени созыва Думы противорѣчила бы основнымъ законамъ. Письмо П. А. Столыпина успокоило наше самочувствіе, выяснивъ опредѣленно принципіальную невозможность нашего участія въ формируемомъ имъ министерствѣ, что, очевидно, было понято имъ самимъ, такъ, какъ, говоря въ своемъ отвѣтѣ, что „въ общихъ чертахъ въ программѣ мы мало расходимся,“ онъ тѣмъ не менѣе не вызываетъ насъ болѣе на продолженіе переговоровъ.

Къ аналогичному заключенію пришелъ и графъ П. А. Гейденъ. 17-го іюля онъ былъ вновь у П. А. Столыпина по его приглашенію, при чемъ ему до посѣщенія предсѣдателя совѣта министровъ былъ уже извѣстенъ текстъ письма, отправленнаго княземъ Г. Е. Львовымъ и мною П. А. Столыпину. Во время переговоровъ по тому же вопросу о привлеченіи общественныхъ дѣятелей въ составъ министерства графъ П. А. Гейденъ говорилъ П. А. Столыпину, что ему слѣдовало бы употребить всѣ усилія убѣдить князя Г. Е. Львова и меня принять его приглашеніе и постараться вступить съ нами въ соглашеніе относительно необходимыхъ условій, принимая во вниманіе, что Государь, судя по впечатлѣнію, вынесенному Д. Н. Шиповымъ изъ аудіенціи въ Петергофѣ, одобряетъ опредѣленный, искренній переходъ къ новому курсу государственной жизни. П. А. Столыпинъ отвѣчалъ, что онъ исчерпалъ въ переговорахъ съ нами всѣ доводы, но получилъ отъ насъ категорическій отказъ и говорилъ, что я обвинялъ его даже

въ государственномъ преступленіи. По поводу предоставленной мнѣ аудіенціи, П. А. сказалъ, что Государь только распрашивалъ меня, но ничего не высказывалъ съ своей стороны, и затѣмъ П. А. добавилъ, будто я во время аудіенціи, уклоняясь отъ порученія по сформированію коалиціоннаго кабинета, мотивировалъ свое рѣшеніе несочувствіемъ началамъ, возвѣщеннымъ манифестомъ 17-го октября, и преданностью идеѣ самодержавія. Графъ П. А.. Гейденъ, сообщивъ мнѣ все выслушанное имъ отъ П. А. Столыпина, и относясь отрицательно къ его пріемамъ и образу дѣйствій, съ свойственными ему мѣткостью выраженій и юморомъ сказалъ: „Очевидно насъ съ вами приглашали на роли наемныхъ дѣтей при дамахъ легкаго поведенія".

Вслѣдъ за графомъ П. А. Гейденомъ, къ нашему пониманію личности и политики П. А. Столыпина вскорѣ присоединился Н. Н. Львовъ. М. А. Стаховичъ въ письмѣ отъ 20-го іюля, между прочимъ, писалъ мнѣ въ Москву: „Къ общему удивленію ты оказался наиболѣе правымъ (въ прямомъ, а не политическомъ значеніи слова). А. Ѳ. Кони дважды отказывался, потомъ уступилъ, наконецъ вчера отказался окончательно. Столыпинъ поѣхалъ съ этимъ извѣстіемъ въ Петергофъ и вернулся неузнаваемымъ. Объявилъ, что свободныхъ только два портфеля; что Щегловитовъ очень нравится Государю; что принимаетъ программу только капитулирующее правительство, а сильное само ихъ ставитъ и одолѣваетъ тѣхъ, кто съ нимъ не согласенъ; что если большинство совѣта будетъ у общественныхъ дѣятелей, [1]) то, значитъ, онъ пойдетъ къ нимъ на службу, и т. д., и т. д. Словомъ ты правъ: все хотятъ оставить по старому, не задумываясь о грядущихъ выборахъ и не желая въ сущности ни въ чемъ обновиться, а радуясь семимѣсячной отсрочкѣ. Въ результатѣ всего этого убѣжденные въ своей мощи, которую наглядно подтверждаютъ событія въ Свеаборгѣ, Самарѣ, Кронштатѣ, бунты на броненосцѣ „Память Азова", въ Ревелѣ и гдѣ то на Кавказѣ, кромѣ обычныхъ грабежей и убійствъ, отъ которыхъ правительство, конечно не призвано

[1]) 17-го іюля, когда кн. Г. Е. Львовъ и я говорили о предоставленіи общественнымъ дѣятелямъ половины мѣстъ въ кабинетѣ, П. А. Столыпинъ отозвался такъ: „Въ такомъ случаѣ у васъ можетъ получиться большинство", а изъ дальнѣйшихъ словъ можно было понять, что онъ имѣлъ въ виду А. П. Извольскаго.

защищать,—они приглашаютъ въ министры Н. Н. Львова и А. И. Гучкова, для чего послѣдніе вызваны сегодня въ 7 ч. вечера въ Петергофъ. Ѣдутъ, чтобы отказаться, но съ намѣреніемъ высказаться откровенно".

Указываемое М. А. Стаховичемъ успѣшное подавленіе революціонныхъ вспышекъ, сравнительно спокойное настроеніе широкихъ общественныхъ круговъ и полное отсутствіе какого либо вліянія на населеніе „выборгскаго возванія" устранили, повидимому, опасенія П. А. Столыпина, возбужденныя ожидавшимся имъ широкимъ общественнымъ противодѣйствіемъ его политикѣ, и онъ поспѣшилъ отказаться отъ намѣренія привлечь въ свой кабинетъ общественныхъ дѣятелей.

Въ двадцатыхъ числахъ іюля въ Москвѣ собрались представители партіи к.-д., „Союза 17-го октября" и образовавшейся въ Г. Думѣ фракціи „Мирнаго обновленія" для совѣщаній и обсужденія возможнаго между ними единенія и взаимодѣйствія въ виду предстоявшихъ новыхъ выборовъ. Въ числѣ прибывшихъ были между прочими — Графъ П. А. Гейденъ, князь Г. Е. Львовъ, Н. Н. Львовъ и М. А. Стаховичъ. Въ частныхъ бесѣдахъ мы продолжали обсуждать между собой переговоры, происходившіе въ С.-Петербургѣ. 26-го іюля всѣ мы были поражены, прочтя въ № „Новаго Времени" отъ 25-го ч. слѣдующее офиціальнаго характера сообщеніе с. петербургскаго телеграфнаго агенства: „Послѣ роспуска Государственной Думы и высочайшаго манифеста, объявившаго волю Государя Императора проводить въ жизнь дарованныя реформы, со стороны правительства было вполнѣ естественно обратиться съ предложеніемъ занять освободившіяся министерскія мѣста къ тѣмъ общественнымъ дѣятелямъ, которые положили въ основу своей дѣятельности закономѣрное проведеніе этихъ реформъ. Такимъ образомъ, казался обезпеченнымъ и подборъ лицъ и направленіе дѣятельности правительства. Однако комбинація эта встрѣтила затрудненіе внѣ доброй воли правительства и самихъ общественныхъ дѣятелей. Послѣдніе желали составить группу лицъ единомышленныхъ, которыя должны были войти въ правительство, но это имъ не удалось; отдѣльные же общественные дѣятели, изъ которыхъ Н. Н. Львовъ и А. И. Гучковъ были приняты Его Величествомъ въ продолжительной аудіенціи, полагали, что они въ цѣляхъ мирнаго проведенія реформъ,

могутъ оказать бо́льшую пользу, не уходя въ настоящую минуту отъ общественной дѣятельности, которая имъ свойственна и которая требуетъ мобилизаціи всѣхъ трезвыхъ общественныхъ силъ. Что касается намѣреній правительства, то они остаются неизмѣнными, и на ряду съ твердымъ и непоколебимымъ водвореніемъ порядка, на что правительство имѣетъ достаточно силы и средствъ, оно такъ же твердо и непоколебимо будетъ подготовлять и въ предѣлахъ закона немедленно проводить тѣ разумныя реформы, которыя должны ввести жизнь Россіи въ закономе́рное русло".

Было признано необходимымъ немедленно возразить на это сообщеніе, очевидно, инспирированное П. А. Столыпинымъ и дающее завѣдомо не вѣрное освѣщеніе происходившимъ переговорамъ и позиціи, занятой общественными дѣятелями. Было рѣшено помѣстить возможно скорѣе въ „Новомъ Времени" два письма: одно отъ графа П. А. Гейдена, а другое за подписью князя Г. Е. Львова и моей. Письма эти вскорѣ же были нами составлены, переписаны, и мы обсуждали способъ отправки ихъ съ тѣмъ, чтобы они возможно скорѣе появились въ печати. Въ это время, было уже болѣе 6 часовъ вечера, въ номеръ М. А. Стаховича въ „Національной гостинницѣ", въ которомъ мы всѣ собрались, вошелъ совершенно неожиданно А. А. Столыпинъ, только что пріѣхавшій изъ Саратова и вскорѣ уѣзжавшій въ С.-Петербургъ. Имѣя въ виду, что А. А. Столыпинъ вліятельный сотрудникъ „Новаго Времени", принималъ съ большинствомъ изъ насъ дѣятельное участіе въ „Союзѣ 17-го октября" и, какъ намъ казалось, по своимъ убѣжденіямъ, въ нашемъ конфликтѣ съ его братомъ долженъ былъ бы признать правильнымъ нашъ образъ дѣйствій, мы обратились къ нему съ просьбой принять на себя передать наши письма въ редакцію газеты и посодѣйствовать скорѣйшему ихъ опубликованію. А. А. Столыпинъ принялъ съ готовностью это порученіе и 28-го іюля въ „Новомъ Времени" были напечатаны слѣдующія письма:

I.

Господинъ редакторъ! Въ № вашей газеты отъ 25-го іюля, въ отдѣлѣ „Вечерняя хроника" перепечатано сообщеніе о томъ, что правительство обратилось къ нѣкоторымъ общественнымъ

дѣятелямъ „съ предложеніемъ занять освободившіяся министерскія мѣста“, но „комбинація эта встрѣтила затрудненіе внѣ доброй воли правительства и самихъ общественныхъ дѣятелей“, которые „желали составить группу лицъ единомышленныхъ, которыя должны были войти въ правительство, но это имъ не удалось“. Я былъ въ числѣ тѣхъ общественныхъ дѣятелей, о которыхъ идетъ рѣчь. До сихъ поръ я не считалъ себя въ правѣ объ этомъ говорить. Но такъ какъ упомянутое сообщеніе не вполнѣ вѣрно освѣщаетъ дѣло, то я считаю нужнымъ его возстановить. Предсѣдатель совѣта министровъ имѣлъ нѣсколько свиданій съ Н. Н. Львовымъ, А. И. Гучковымъ и мною и обсуждалъ способъ привлеченія общественныхъ дѣятелей въ составъ министерства. Мы съ перваго же дня заявили, что предоставленіе общественнымъ дѣятелямъ двухъ освободившихся министерскихъ мѣстъ недостаточно и что они должны войти въ составъ министерства не менѣе, какъ въ числѣ пяти лицъ, вполнѣ единомышленныхъ между собою, и при условіи принятія той программы, которую мы тогда же изложили. Программу эту должны были обнародовать отъ имени министерства и она являлась бы основой, вокругъ которой общественные дѣятели, вступившіе въ министерство, могли бы образовать сплоченную партію при выборахъ въ Думу. Первоначально на это не было сдѣлано принципіальнаго возраженія и мы приняли мѣры къ привлеченію въ эту комбинацію лицъ, имена которыхъ ручались за неуклонное проведеніе нашей программы. Одно изъ этихъ лицъ отказалось вслѣдствіе болѣзненнаго своего состоянія и прежде, чѣмъ мы успѣли завести переговоры съ кѣмъ-либо другимъ, намъ было заявлено, что на первое время возможно вступленіе въ министерство лишь двухъ лицъ на свободныя вакансіи, а дальнѣйшее привлеченіе общественныхъ дѣятелей осуществится постепенно. Вопросъ же о принятіи и опубликованіи программы долженъ былъ остаться открытымъ въ виду того, что правительство рѣшило и безъ того неуклонно слѣдовать по пути реформъ. При такихъ условіяхъ и въ виду того, что дальнѣйшіе переговоры предполагалось вести лишь съ двумя лицами, я, какъ третій, не счелъ нужнымъ и возможнымъ принимать въ этомъ какое-либо участіе. Изъ этого видно, что комбинація встрѣтила затрудненія внѣ нашей доброй воли, вслѣдствіе непринятія предсѣдателемъ совѣта министровъ на-

шихъ предложеній, и что если намъ что-либо не удалось, то это умѣніе убѣдить правительство въ томъ, что не было смысла дѣлать изъ насъ министровъ-чиновниковъ, а вся суть нашего приглашенія была въ томъ, что мы шли не какъ чиновники, а какъ общественные дѣятели, и съ своей программой.

Съ совершеннымъ почтеніемъ
27-го іюля 1906 г. графъ П. Гейденъ".

II.

„Въ газетахъ черезъ посредство С.-Петербургскаго телеграфнаго агентства опубликовано офиціальное сообщеніе о попыткѣ привлеченія въ составъ правительства общественныхъ дѣятелей и о причинахъ неудачи этой попытки. Въ сообщеніи этомъ говорится, что послѣ роспуска Гос. Думы и высочайшаго манифеста, объявившаго волю Государя Императора проводить въ жизнь дарованныя реформы, „со стороны правительства было вполнѣ естественно обратиться съ предложеніемъ занять освободившіяся министерскія мѣста къ тѣмъ общественнымъ дѣятелямъ, которые положили въ основу своей дѣятельности закономѣрное проведеніе этихъ реформъ... однако, комбинація эта встрѣтила затрудненіе внѣ доброй воли правительства и самихъ общественныхъ дѣятелей. Послѣдніе желали составить группу лицъ единомышленныхъ, которыя должны были войти въ правительство, но имъ это не удалось".

Сообщеніе это вынуждаетъ насъ нижеподписавшихся установить, поскольку это касается насъ двоихъ, факты и дать имъ надлежащее толкованіе, соотвѣтствующе дѣйствительнымъ побужденіямъ, руководившимъ нами при веденіи переговоровъ съ правительствомъ. Утвержденіе, что намъ „не удалось составить группу лицъ единомышленныхъ, которыя должны были войти въ правительство", не отвѣчаетъ дѣйствительности. Переговоры съ нами были прерваны потому, что глава нынѣшняго кабинета не счелъ возможнымъ согласиться на выставленныя нами условія образованія новаго кабинета. Мы полагали, что дѣло идетъ не „объ освободившихся министерскихъ мѣстахъ, „а о созданіи сплоченнаго единствомъ политическихъ взглядовъ и объединившагося на одной политической программѣ министерства". Для этой цѣли мы считали нужнымъ вступленіе

въ кабинетъ не менѣе 7 лицъ, призванныхъ изъ общества, и въ томъ числѣ порученіе общественному дѣятелю политически наиболѣе важныхъ обязанностей министра внутреннихъ дѣлъ. Въ основѣ нашего пониманія современнаго процесса лежитъ убѣжденіе въ необходимости рѣшительной перемѣны правительственной политики и скорѣйшимъ созывомъ новой Государственной Думы исправить коренную ошибку, заключавшуюся въ роспускѣ Государственной Думы. Соотвѣтственно этому взгляду, мы формулировали цѣлую политическую программу, съ которой должно было открыто выступить новое правительство. Наши условія не были приняты. Что же касается фразы цитируемаго сообщенія о томъ, что „комбинація“ съ участіемъ общественныхъ дѣятелей въ правительствѣ „встрѣтила затрудненіе внѣ доброй воли правительства и самихъ общественныхъ дѣятелей“, то въ части своей, относящейся къ намъ и къ другимъ лицамъ изъ общественной среды, эта фраза совершенно справедлива; поскольку же въ ней рѣчь идетъ и о правительствѣ, она представляется намъ совершенно непонятной. Д. Н. Шиповъ. Кн. Г. Львовъ“.

Эти письма сопровождались замѣткой отъ редакціи, очевидно, также инспирированной, слѣдующаго содержанія:

„Мы печатаемъ сегодня письмо графа Гейдена и письмо Д. Н. Шипова и кн. Г. Е. Львова по поводу правительственнаго сообщенія о неудавшейся министерской комбинаціи съ общественными дѣятелями. Сколько намъ было извѣстно во время самыхъ этихъ переговоровъ, послѣдніе прерваны были съ Д. Н. Шиповымъ и кн. Г. Львовымъ въ самомъ началѣ, такъ какъ программа, ими представленная весьма близко подходила къ кадетской программѣ и требовала уступокъ со стороны правительства вплоть до сознанія имъ въ своей „коренной ошибкѣ, заключавшейся въ роспускѣ Гос. Думы“, какъ выражаются они въ письмѣ. Они настаивали въ „необходимости рѣшительной перемѣны правительственной потитики и скорѣйшемъ созывѣ Думы“. Правительство же, съ своей стороны, желало осуществить необходимыя реформы и прежде всего аграрную, не слагая оружія передъ кадетской партіей. Оно предлагало добровольный и необходимый преобразовательный трудъ, рамки котораго опредѣлялись бы сами собой въ этомъ сложномъ дѣлѣ реформы, соединеннымъ съ необходимостью успокоить страну. Министерская комбинація изъ 7 лицъ, предложенная Д. Н.

Шиповымъ и кн. Г. Львовымъ, походила на ультиматумъ и, естественно тотчасъ же была не принята.

Дальнѣйшія попытки тѣхъ общественныхъ дѣятелей, къ которымъ непосредственно обратилось правительство (А. И. Гучковъ, Н. Н. Львовъ, А. Ѳ. Кони, гр. Гейденъ и проф. Виноградовъ), встрѣтились съ затрудненіями внѣшняго свойства, изъ которыхъ мы знаемъ о болѣзненномъ состояніи одного изъ кандидатовъ и заграничномъ пребываніи другого. Возможность совмѣстныхъ обсужденій министерскаго вопроса затруднялась, вслѣдствіе этого, а дѣло требовало скораго рѣшенія. Намъ кажется, что гр. Гейденъ ошибается въ томъ, что правительство желало сдѣлать изъ общественныхъ дѣятелей „министровъ-чиновниковъ“. Правительство совершенно искренно переходило къ новому порядку образованія министерства изъ общественныхъ дѣятелей и, по нашему мнѣнію, слѣдовало отнестись къ этому съ тѣмъ самоотверженіемъ, котораго требуютъ тяжелыя обстоятельства Родины, о чемъ мы не разъ говорили. Намъ кажется, что въ это время не разговариваютъ ни о подробностяхъ программы, ни о превращеніи общественныхъ дѣятелей въ чиновниковъ. Время не такое, чтобы это можно было сдѣлать и люди не такіе, которыхъ приглашали и которые приглашали. Наконецъ, борьба была всегда возможна и возможны въ совмѣстной дѣятельности и соглашенія и уступки. Надо было принять приглашеніе и работать со всей энергіей. Этотъ опытъ необходимо было сдѣлать, какъ патріотическій подвигъ. Общественное мнѣніе только *на дѣлѣ* могло бы убѣдиться, насколько была возможна созидательная дѣятельность вмѣстѣ съ министрами-чиновниками, употребляя тенденціозное выраженіе гр. Гейдена. Отказаться было легче чѣмъ принять, но характеръ, воля, талантъ обнаруживаются въ *трудномъ*, а не въ легкомъ. На трудное не хотятъ итти и общество остается въ невѣдѣніи на счетъ государственныхъ способностей тѣхъ почтенныхъ людей, которымъ предложены были портфели. Во всякомъ случаѣ мы знаемъ, что двое изъ приглашенныхъ, хотя отказались отъ министерствъ, но отказались съ непреклоннымъ желаніемъ на мѣстахъ работать въ пользу того, чтобы будущій составъ Думы не представлялъ собою такого господства крайнихъ элементовъ, какъ въ распущенной Г. Думѣ“.

Опубликованіемъ нашихъ писемъ былъ законченъ вопросъ, связанный съ приглашеніемъ П. А. Столыпинымъ общественныхъ дѣятелей въ реформируемое имъ послѣ роспуска первой Г. Думы министерство.

Государственная дѣятельность П. А. Столыпина оправдала наши предположенія и ожиданія. При осуществленіи избраннаго имъ курса П. А. Столыпинъ проявилъ властный характеръ, сильную волю и не заурядное мужество. Эти свойства помогли ему въ скоромъ времени подавить проявленія революціоннаго движенія и водворить въ странѣ внѣшній порядокъ, при чемъ въ своей дѣятельности, особенно въ первое время, П. А. Столыпинъ встрѣтилъ поддержку со стороны многочисленныхъ представителей привилегированныхъ, имущественныхъ классовъ, которые, сочувствуя ранѣе освободительному движенію, были затѣмъ испуганы проявившемся революціоннымъ настроеніемъ, угрожавшимъ ихъ матеріальнымъ интересамъ. Но политика П. А. Столыпина не создала и по своему характеру не могла создать столь необходимыхъ странѣ дѣйствительнаго внутренняго умиротворенія и единенія государственной власти съ населеніемъ, основаннаго на взаимномъ довѣріи; она еще болѣе углубила пропасть, раздѣлявшую правительство съ обществомъ и народомъ. Политическое пониманіе П. А. Столыпина опредѣлялось преимущественно сословными, бюрократическими традиціями и онъ явился, можетъ быть, не отдавая себѣ самъ яснаго отчета, проводникомъ пожеланій и постановленій „Союза объединеннаго дворянства“, что наглядно и съ полной убѣдительностью было доказано М. М. Ковалевскимъ въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ въ 1913 году. П. А. Столыпинъ отрицательно относился къ измѣненію нашего государственнаго строя на основаніяхъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17-го октября, и вся его дѣятельность была направлена къ сохраненію бюрократическаго абсолютизма въ государственномъ управленіи. Въ правительственной декларації, прочитанной П. А. Столыпинымъ 6-го марта 1907 г. въ Государственной Думѣ 2-го созыва, указывалось на необходимость связать всѣ отдѣльныя правительственныя предположенія одною общею мыслью, которая должна имѣть цѣлью создать тѣ матеріальныя нормы, въ которыя должны воплотиться новыя

правоотношенія, и затѣмъ говорилось, что „преобразованное по волѣ Монарха отечество наше должно превратиться въ государство *правовое*“; но въ декларации правительства, сдѣланной 16-го ноября того же года предъ Государственной Думой 3-го созыва, нашъ новый государственный строй уже не назывался правовымъ, а устанавливалось положеніе, что „строй въ которомъ мы живемъ, это строй представительный, дарованный Самодержавнымъ Монархомъ и, слѣдовательно обязательный для всѣхъ Его вѣрноподданныхъ“ и далѣе въ декларации было пояснено, что „нельзя къ нашимъ русскимъ корнямъ, къ нашему русскому стволу прикрѣплять какой то чужестранный цвѣтокъ“. Исходя изъ такой характеристики новаго строя, П. А. Столыпинъ въ новыхъ представительныхъ учрежденіяхъ видѣлъ лишь придатокъ къ старому строю, придатокъ съ которымъ онъ, какъ „вѣрноподданный“, былъ готовъ примириться формально, но никогда не былъ согласенъ признавать присущія этимъ учрежденіямъ права и положеніе въ правовомъ государствѣ. Такое отношеніе къ новымъ представительнымъ учрежденіямъ было особенно рѣзко проявлено П. А. Столыпинымъ при проведеніи большаго числа законодательныхъ мѣропріятій въ порядкѣ ст. 87 основныхъ законовъ. Съ начала августа 1906 года по 20-ое февраля 1907 года, т.-е. ко времени открытія Государственной Думы второго созыва, въ порядкѣ законодательства, вызываемаго „чрезвычайными“ обстоятельствами, было утверждено 59 постановленій [1]). Изъ числа этихъ постановленій только 5 могли бы быть обусловлены чрезвычайными обстоятельствами революціоннаго времени, а именно: 1) объ учрежденіи военно-полевыхъ судовъ, 2) объ усиленіи отвѣтственности за распространеніе среди войскъ противоправительственныхъ ученій и сужденій, 3) о мѣрахъ предупрежденія побѣговъ арестантовъ, 4) о дополненіи постановленій устава о воинской повинности и 5) объ установленіи уголовной отвѣтственности за восхваленіе преступныхъ дѣяній,— но изъ этой группы законодательныхъ мѣръ послѣднія четыре были отклонены впослѣдствіе Г. Думой, а первое постановленіе о военно-полевыхъ судахъ самимъ правительствомъ не было вне-

[1]) См. сборникъ постановленій, изданныхъ въ порядкѣ ст. 87-ой Основ. Законовъ. Изданіе второе. С.-Петербургъ, госуд. типографія 1907 г.

сено въ Г. Думу въ теченіе 2 мѣсяцевъ со дня открытія ея занятій и потому утратило свою силу. Изданіе остальныхъ 54 постановленій никакъ не можетъ быть оправдано наличіемъ „чрезвычайныхъ обстоятельствъ“. Большая часть изъ нихъ касается такихъ вопросовъ, какъ напримѣръ: о переименованіи должностей военныхъ губернаторовъ Акмолинской и Семипалатинской областей въ должности Акмолинскаго и Семипалатинскаго губернаторовъ (постановленіе 11-го августа 1906 г.) или о рыболовствѣ въ Закаспійской области—постановленіе, состоявшееся 19-го февраля 1907 г., т.-е. наканунѣ открытія сессіи Гос. Думы. Вторую группу мѣропріятій въ порядкѣ 87-ой статьи составляютъ постановленія, проведенныя повидимому съ цѣлью, какъ говорилъ П. А. Столыпинъ князю Г. Е. Львову и мнѣ, привлечь на сторону правительства различныя группы населенія. Къ этой категоріи могутъ быть отнесены постановленія: объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ сельскихъ обывателей, о порядкѣ образованія и дѣйствія старообрядческихъ и сектантскихъ обществъ, объ обезпеченіи нормальнаго отдыха служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ, а также и въ ремесленныхъ, и т. п. Постановленія этого рода, несомнѣнно, не могли быть поставлены въ зависимость отъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Наконецъ, къ послѣдней группѣ чрезвычайнаго законодательства должны быть отнесены постановленія, касающіяся крестьянскаго землевладѣнія и землеустройства, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ указъ 9-го ноября 1906 г., наименованный указомъ о дополненіи нѣкоторыхъ постановленій, касающихся крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія, но въ сущности направленный къ разрушенію общиннаго землевладѣнія. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о преимуществахъ и недостаткахъ общиннаго строя, нельзя не принять во вниманіе, что сельская община являлась многовѣковой основой сельскаго быта въ большей части страны, и нельзя не признать, что разрушеніе этой основы уклада всей сельской жизни ни коимъ образомъ не могло быть обусловлено „чрезвычайными обстоятельствами“, не допускающими отлагательства, и проведено въ порядкѣ ст. 87-ой. Все чрезвычайное законодательство, проводимое съ такой настойчивостью П. А. Столыпинымъ, какъ между Г. Думами 1-го и 2-го созывовъ, такъ и между Г. Думами 2-го и 3-го созывовъ, опредѣленно свидѣ-

тельствовало объ его неуваженіи къ правамъ законодательныхъ учрежденій и о его желаніи навязывать имъ свою волю, поставляя ихъ предъ совершившимися уже фактами. Такое отношеніе П. А. Столыпина получило особенно рѣзкое выраженіе при проведеніи имъ въ 1911-мъ году въ порядкѣ ст. 87-ой, во время перерыва на рождественскіе праздники засѣданій законодательныхъ палатъ, закона о введеніи земскихъ учрежденій въ Юго-Западномъ краѣ, встрѣтившаго возраженія со стороны Гос. Совѣта. Насколько П. А. Столыпинъ при усвоенной имъ точкѣ зрѣнія игнорировалъ принципіальную сторону вопроса и основныя права представительныхъ учрежденій видно особенно ясно изъ того, что когда представители фракціи окрябристовъ выразили ему свое возмущеніе его образомъ дѣйствій, то онъ былъ крайне удивленъ ихъ недовольствомъ, такъ какъ законъ былъ проведенъ въ порядкѣ ст. 87-ой въ редакціи Г. Думы, и П. А. Столыпину казалось, что Г. Дума должна была быть ему за то признательной.

Не ограничившись проведеніемъ многочисленныхъ постановленій въ порядкѣ статьи 87-ой, П. А. Столыпинъ не остановился предъ представленіемъ Государю Императору объ измѣненіи закона о выборахъ въ Государственную Думу въ прямое нарушеніе условій, установленныхъ 87-ой статьей, и въ цѣляхъ предоставленія преобладанія въ Г. Думѣ представительству привилегированныхъ, имущественныхъ классовъ и реакціонныхъ элементовъ. Это нарушеніе даннаго съ высоты Престола обѣщанія въ значительной мѣрѣ поколебало въ странѣ престижъ монархической власти и еще болѣе укрѣпило недовѣріе къ бюрократическому правительству. Всѣмъ хорошо памятно какимъ давленіемъ со стороны власти сопровождались въ 1907 году выборы въ Г. Думу 3-го созыва, при чемъ правительство не остановилось даже предъ вовлеченіемъ въ политическую борьбу духовенства и предъ подчиненіемъ своему вліянію Сената, руководящія разъясненія котораго въ 1907 году вступали не рѣдко въ противорѣчіе съ прежними его разъясненіями и съ самимъ избирательнымъ закономъ.

П. А. Столыпинъ ставилъ своимъ идеаломъ,—великую Россію, но величіе ея онъ видѣлъ въ укрѣпленіи ея внѣшняго могущества и въ усиленіи мощи правительственной власти внутри страны. Въ такомъ величіи государства онъ признавалъ

самодовлѣющую цѣль, при которой существеннѣйшія задачи государства—обезпеченіе всѣмъ гражданамъ свободы, равныхъ для всѣхъ личныхъ и политическихъ правъ и содѣйствіе осуществленію общаго блага и высшей правды — отступали на задній планъ. П. А. Столыпинъ въ государственномъ строѣ и государственной жизни, повидимому, не признавалъ надлежащаго и необходимаго значенія нравственнаго начала. Такъ напримѣръ, поставивъ себѣ цѣлью разрушеніе общиннаго землевладѣнія, онъ разсматривалъ общину исключительно, какъ стѣснительную опеку надъ личностью, и совершенно не обращалъ вниманія на то, что общинное пользованіе землей отвѣчаетъ жизнепониманію народа, вытекающему изъ религіознаго его сознанія. Въ рѣчи, сказанной 5-го декабря 1908 года въ Г. Думѣ при обсужденіи земельнаго закона, П. А. Столыпинъ между прочимъ говорилъ, что законъ не долженъ ставить преграды обогащенію сильнаго, онъ долженъ имѣть въ виду разумныхъ и сильныхъ, а не пьяныхъ и слабыхъ, и что правительство, проводя въ порядкѣ ст. 87-ой законъ 9-го ноября 1906 года, ставило ставку не на убогихъ и пьяныхъ, а на крѣпкихъ и сильныхъ. Въ защиту этого же закона предсѣдатель совѣта министровъ 10-го мая 1907 г. указывалъ въ Г. Думѣ, что землевладѣльцы не могутъ не желать имѣть своими сосѣдями людей спокойныхъ и довольныхъ вмѣсто голодающихъ и погромщиковъ. Эта аргументація является очень характерной для пониманія всей государственной дѣятельности П. А. Столыпина: она руководилась культомъ силы и была направлена съ одной стороны къ охраненію бюрократическаго абсолютизма, а съ другой—къ поддержкѣ имущественныхъ классовъ, не считаясь съ требованіями общаго блага и нравственнаго долга.

ГЛАВА XV.

Выходъ мой изъ „Союза 17 октября“. Измѣненія въ настроеніи Государственнаго Совѣта послѣ роспуска первой Государственной Думы. Роспускъ Государственной Думы второго созыва. Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу 3-го іюня 1907 года. Попытки объединенія прогресивныхъ элементовъ общества и политическихъ партій.

Не задолго до отъѣзда изъ Москвы въ С.-Петербургъ предъ предстоявшимъ открытіемъ новыхъ законодательныхъ учрежденій, я заявилъ центральному комитету „Союза 17 октября“ о моемъ отказѣ отъ дальнѣйшаго исполненія обязаностей его предсѣдателя. Предсѣдателемъ комитета былъ избранъ А. И. Гучковъ. Свой отказъ я мотивировалъ необходимостью частыхъ и продолжительныхъ отлучекъ, связанныхъ съ исполненіемъ обязанностей члена Государственнаго Совѣта, но кромѣ этой причины, рѣшеніе мое обусловливалось для меня лично слѣдующими мотивами. Въ главѣ XII-ой я уже говорилъ о впечатлѣніяхъ, сложившихся у меня во время происходившаго въ февралѣ 1906 года съѣзда делегатовъ „Союза 17 октября“, которыя внушили мнѣ большое опасеніе за направленіе дѣятельности „Союза“ въ дальнѣшемъ будущемъ. При учрежденіи „Союза“ его главная задача опредѣлялась—содѣйствовать всѣми доступными ему средствами неотложному и полному осуществленію началъ, возвѣщенныхъ въ манифестѣ 17 октября, и преобразованію нашего государственнаго строя мирнымъ путемъ. Въ этихъ цѣляхъ признавалось необходимымъ одинаково противодѣйствовать и протестовать противъ проявленія всякаго рода произвола и насилія, какъ со стороны революціонныхъ теченій, такъ равно и со стороны административной власти. Только въ сохраненіи безпристрастнаго и вполнѣ объективнаго положенія хотѣлось видѣть и понимать смыслъ существованія „Союза 17 октября“. Между тѣмъ, какъ выяснено было выше, при обсужденіи на съѣздѣ вопроса объ отношеніи къ внутренней политикѣ

правительства и при баллотировкѣ 3-го и 4-го пунктовъ резолюціи, указывавшихъ на необходимость отмѣны положенія объ усиленой и чрезвычайной охранахъ и на недопустимость злоупотребленія военнымъ положеніемъ по подавленіи вооруженныхъ возстаній,—голоса членовъ съѣзда раздѣлились почти поровну и предложенныя центральнымъ комитетомъ резолюціи были приняты незначительнымъ большинствомъ голосовъ. Результатъ голосованія показалъ, что значительное число представителей „Союза“ осуждая революціонныя насилія, было въ то же время склонно примиряться съ произволомъ правительственной власти и охранять ея чрезвычайныя полномочія. На происходившемъ съѣздѣ съ достаточной наглядностью выяснились двойственность состава „Союза“ и отсутствіе принципіальной солидарности между его членами. „Союзъ“ при своемъ возникновеніи ставилъ себѣ цѣлью предъ выборами членовъ Государственной Думы объединить всѣ партіи, сочувствовавшія главной, основной задачѣ, поставленной себѣ „Союзомъ“, но съѣздъ показалъ, что къ „Союзу“ присоединились политическія группы, чрезвычайно разнородныя и очень различно понимавшія сущность главной задачи, преслѣдуемой „Союзомъ“. По окончаніи выборовъ „Союзъ“, какъ временное объединеніе различныхъ партій, не могъ продолжать свое существованіе и неизбѣжно долженъ былъ превратиться въ дальнѣшемъ въ самостоятельную политическую партію; но и при этомъ условіи составъ его не сдѣлался однообразнѣе и въ немъ группировалось не мало случайныхъ элементовъ. По окончаніи выборовъ въ Государственную Думу торгово—промышленная партія прекратила свое существованіе и члены ея въ большей своей части присоединились къ „Союзу 17 октября“, какъ къ политической партіи. Этотъ притокъ новыхъ членовъ не могъ также не отразиться на составѣ „Союза“ и придалъ этой партіи въ значительной мѣрѣ классовый оттѣнокъ.

Къ рѣшенію сложить съ себя предсѣдательство въ центральномъ комитетѣ побудило меня также обнаружившееся существенное разномысліе между мной и А. И. Гучковымъ, лицомъ съ которымъ мнѣ приходилось принимать болѣе близкое и интенсивное участіе въ дѣятельности „Союза“. Съ А. И. Гучковымъ мнѣ пришлось ближе познакомиться во время нашихъ поѣздокъ въ С.-Петербургъ, вскорѣ послѣ 17-го октября

по приглашенію гр. С. Ю. Витте, и мы оба были главными иниціаторами образованія ,,Союза 17-го октября". А. И. Гучковъ всегда высказывался, какъ убѣжденный конституціоналистъ, не раздѣлялъ моего пониманія основной идеи русскаго самодержавія, какъ идеи нравственной, и признавалъ необходимость ограниченія верховной власти конституціонными гарантіями. Я, съ своей стороны, только примирялся съ основными положеніями манифеста 17-го октября и принужденъ былъ согласиться съ необходимостью осуществленія ихъ въ нашемъ государственномъ строѣ, какъ съ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ слѣпой политики государственной власти и реакціонныхъ круговъ, не пожелавшихъ пойти своевременно навстрѣчу справедливымъ требованіямъ общества и всего населенія. Наше разномысліе въ этомъ вопросѣ не могло помѣшать А. И. Гучкову и мнѣ въ совмѣстной работѣ въ „Союзѣ". Это разномысліе не исключало возможность нашей солидарности при выполненіи главной задачи, поставляемой „Союзу"—содѣйствовать мирному преобразованію нашего государственнаго строя. Одно изъ главныхъ средствъ для достиженія намѣченной цѣли видѣлъ я въ постояномъ стремленіи внести примиреніе въ партійныя рознь и вражду, раздѣляющія общество, устранять изъ политической борьбы раздраженіе, предвзятую подозрительность, взаимное недовѣріе и сводить ее по возможности къ доброжетельному выясненію спорныхъ вопросовъ и къ установленію пріемлемыхъ для спорящихъ сторонъ соглашеній. Такого рода тактика должна была быть усвоена особенно „Союзомъ", занимавшимъ центральное положеніе между правыми и лѣвыми политическими группами. Въ этомъ отношеніи мнѣ казалось во время предварительныхъ переговоровъ и при учрежденіи ,,Союза", что между А. И. Гучковымъ и мною установится надлежащая солидарность, но въ непродолжительномъ времени пришлось убѣдиться въ ошибочности моего предположенія. А. И. Гучковъ оказался человѣкомъ, легко увлекающимся политической партійной борьбой и склоннымъ вносить въ нее чрезвычайную страстность. Въ одной изъ нашихъ бесѣдъ я говорилъ ему о моемъ отрицательномъ отношеніи къ политической борьбѣ, побуждающемъ меня всегда избѣгать ее и устраняться отъ нея по возможности, а А. И. Гучковъ, не соглашаясь со мной, между прочимъ сказалъ: ,,мнѣ, напротивъ, всегда доставляетъ большое удовольствіе

хорошенько накласть моимъ противникамъ". Эти слова, сказанныя во время товарищескаго разговора въ видѣ шутки, явились, какъ я убѣдился въ скоромъ времени, очень характеристичными для опредѣленія отношеній моего собесѣдника къ своимъ политическимъ противникамъ и заставили меня усомниться въ возможности нашей солидарной политической дѣятельности.

22-го февраля 1906 года происходило засѣданіе московскаго губернскаго земскаго собранія, въ которомъ разсматривался докладъ губернской управы о положеніи земскихъ служащихъ. Въ докладѣ указывалось на затруднительное положеніа, которое создается въ послѣднее время для управы и для земскаго дѣла многочисленными предложеніями губернатора, дѣлаемыми на основаніи ст. 20 положенія объ усиленной охранѣ, объ увольненіи большаго числа земскихъ служащихъ безъ привлеченія ихъ къ судебной отвѣтственности и безъ предъявленія какихъ либо опредѣленныхъ обвиненій. Управа предлагала собранію сдѣлать слѣдующія постановленія: ,,1. Признавая, что увольненіе земскихъ служащихъ по требованію адиинистраціи, не основанному на рѣшеніи суда, противорѣчитъ смыслу минифеста 17 октября и наноситъ существенный ущербъ земскому дѣлу, и принимая во вниманіе, что такія требованія администраціи являются слѣдствіемъ примѣненія законовъ объ усиленной и чрезвычайной охранахъ, губернское земское собраніе заявляетъ о необходимости немедленной отмѣны упомянутыхъ исключительныхъ законовъ. 2. Уполномочитъ управу, въ случаяхъ увольненія земскихъ служащихъ не по самостоятельному рѣшенію управы, выдавать увольняемымъ единовременное пособіе въ размѣрѣ трехмѣсячнаго оклада жалованья". Противъ предложеній управы, возражалъ А. И. Гучковъ, участвовавшій въ собраніи, какъ гласный отъ г. Москвы. Онъ предложилъ отнестись отрицательно ко второй части перваго предложенія управы, требующей отмѣны усиленной и чрезвычайной охраны, но въ то же время признавалъ нужнымъ осудить участіе земскихъ служащихъ въ происходившей политической забастовкѣ. Съ своей стороны А. И. Гучковъ предложилъ принять слѣдующую резолюцію: „1. Безусловно осуждая политическую забастовку, какъ средство политической борьбы, собраніе признаетъ недопустимымъ участіе въ ней, какъ для учрежденій, подвѣдомственныхъ земству, такъ и для отдѣльныхъ земскихъ слу-

жащихъ. 2. Просить управу принять мѣры къ предотвращенію и прекращенію въ будущемъ такихъ забастовокъ въ учрежденіяхъ губернскаго земства. 3. Признать необходимымъ, что бы въ случаѣ арестованія и увольненія земскихъ служащихъ дѣла о нихъ передавались на разсмотрѣніе суда". Внесенныя А. И. Гучковымъ иредложенія, имѣвшія цѣлью осудить исключительно проявившееся въ средѣ земскихъ служащихъ сочувствіе революціонному движенію, не касаясь вовсе произвольныхъ дѣйствій администраціи, были вызваны его враждебностью къ конституціонно-демократической партіи и явились, несомнѣнно, актомъ политической борьбы, что онъ и самъ не скрывалъ, заявивъ при внесеніи своихъ предложеній, что „губернская управа будетъ поставлена этимъ въ затруднительное положеніе, такъ какъ, съ одной стороны, она должна проявить всѣ силы, чтобы охранить отъ распаденія земское хозяйство, а съ другой стороны, большинство управы, какъ принадлежащее къ составу к.-д. партіи, должно выражать солидарность съ забастовочнымъ движеніемъ". Представители управы и многіе гласные горячо возражали А. И. Гучкову и выясняли, что управа всегда старалась удержать служащихъ отъ забастовокъ, но, кромѣ моральнаго воздѣйствія, она не имѣла и не можетъ имѣть другихъ средствъ. Нельзя, осуждая забастовочное движеніе, не указать на причину его, обусловливающую и заключающуюся въ ничѣмъ неограниченномъ произволѣ администраціи. Я высказалъ въ собраніи полное недоумѣніе, вызванное во мнѣ выступленіемъ А. И. Гучкова, который всего 12 дней назадъ на съѣздѣ „Союза 17 октября" доказывалъ необходимость скорѣйшей отмѣны положенія объ охранахъ, а теперь предлагаетъ отнестись отрицательно къ этому вопросу. Не примиряясь ни съ какимъ насиліемъ, откуда бы оно не исходило, я считалъ правильнымъ принять первое предложеніе А. И. Гучкова и одновременно принять оба предложенія губернской управы. Послѣ моихъ указаній А. И. Гучковъ объяснилъ, что онъ, защищая сохраненіе положенія объ усиленной и чрезвычайной охранахъ, считалъ необходимымъ дать средство правительству для борьбы съ революціоннымъ движеніемъ, и предложилъ дополнить свои предложенія слѣдующимъ четвертымъ пунктомъ: 4. „Вполнѣ допуская, что въ исключительныхъ случаяхъ администрація должна быть снабжена исключительными

полномочіями, признать необходимыми—безотлагательное изданіе законовъ, регулирующихъ свободу, и одновременно съ этимъ отмѣну положенія объ усиленной и чрезвычайной охранахъ". Выступленіе А. И. Гучкова было встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ всѣми гласными, принадлежавшими или примыкавшими къ реакціонному направленію и всегда относившимися отрицательно къ освободительному движенію. При баллотировкѣ предложенія управы были отвергнуты большинствомъ 33 противъ 27 голосовъ, а предложенія А. И. Гучкова приняты. Образъ дѣйствій А. И. Гучкова въ губернскомъ земскомъ собраніи явился наглядным подтвержденіемъ тому, что онъ въ пылу партійной борьбы готовъ поступиться какъ интересами общественнаго дѣла, такъ и основными положеніями, которыя, казалось, онъ самъ призналъ руководящими началами своей политической дѣятельности. Выступленіе А. И. Гучкова въ губернскомъ земскомъ собраніи явилось для меня первымъ указаніемъ, что наше совмѣстная дѣятельность въ дальнѣйшемъ едва ли будетъ возможна, а избраніе его предсѣдателемъ центральнаго комитета возбуждало во мнѣ сомнѣніе предъ вопросомъ: выполнитъ ли „Союзъ 17 октября" примиряющую роль среди политическихъ партій или перейдетъ на путь рѣзкой борьбы съ партіями, лѣвѣе его стоящими, и, вставъ на этотъ путь, поступится осуществленіемъ началъ, возвѣщенныхъ манифестомъ, который долженъ былъ служить „Союзу" его знаменемъ?

Послѣ роспуска первой Государственной Думы, во время переговоровъ П. А. Столыпина съ общественными дѣятелями изъ числа послѣднихъ только одинъ А. И. Гучковъ остался не поколебленнымъ въ своемъ сочувствіи къ проведенной новымъ предсѣдателемъ совѣта министровъ мѣрѣ. Съ точки зрѣнія правовѣрнаго конституціоналиста признать правильнымъ принудительное прекращеніе дѣятельности Г. Думы при наличности создавшихся условій было трудно. Не оправдывая образъ дѣйствій Г. Думы, нельзя было не сознавать, что онъ во многомъ былъ вызванъ антиконституціонной политикой самаго правительства. Одобреніе А. И. Гучковымъ роспуска Г. Думы могло найти себѣ объясненіе только въ его нетерпимомъ отношеніи къ к.-д. партіи, въ силу чего онъ готовъ былъ примириться съ этой мѣрой, какъ съ сильнымъ ударомъ, наносимымъ его политическимъ противникамъ. При постановкѣ на очередь вопроса о привлече-

ніи общественныхъ дѣятелей въ образуемый П. А. Столыпинымъ кабинетъ, А. И. Гучковъ болѣе продолжительное время, чѣмъ остальные, продолжалъ выражать довѣріе къ политикѣ новаго премьера и готовность принять его предложеніе, но послѣ всего, что выяснилось въ переговорахъ съ П. А. Столыпинымъ, которые онъ велъ съ гр. П. А. Гейденомъ, А. И. Гучковымъ и Н. Н. Львовымъ съ одной стороны, а съ кн. Г. Е. Львовымъ и мной съ другой, А. И. Гучковъ, казалось намъ всѣмъ, былъ поколебленъ въ своемъ довѣріи къ политикѣ, намѣчавшейся новымъ главой правительства, и наравнѣ со всѣми остальными уклонился отъ принятія его предложенія. При окончаніи переговоровъ съ П. А. Столыпинымъ всѣ привлеченные къ нимъ общественные дѣятели, были между собой, повидимому, вполнѣ солидарны. Однако во второй половинѣ того же іюля мѣсяца, когда въ Москвѣ собрались всѣ указанныя выше лица, въ одной московской газетѣ появилось сообщеніе объ интервью съ А. И. Гучковымъ, во время котораго А. И. вновь высказалъ одобреніе и довѣріе намѣреніямъ П. А. Столыпина и осужденіе общественныхъ дѣятелей, отказавшихся отъ сотрудничества съ нимъ. Появленіе свѣдѣній объ этомъ интервью совпало съ опубликованіемъ въ ,,Новомъ Времени'' сообщенія с.-петербургскаго телеграфнаго агентства о предложеніи общественнымъ дѣятелямъ ,,занять освободившіяся министерскія мѣста", приведеннаго выше въ предыдущей главѣ. Всѣ участники переговоровъ съ П. А. Столыпинымъ поспѣшили обратиться къ А. И. Гучкову съ просьбой объяснить имъ его образъ дѣйствій. А. И. говорилъ, что онъ дѣйствительно не вполнѣ раздѣляетъ нашего рѣзко отрицательнаго отношенія къ политической личности П. А. Столыпина и въ этомъ смыслѣ высказался во время интервью съ корреспондентомъ, но приписанное ему послѣднимъ осужденіе другихъ общественныхъ дѣятелей является какимъ то недоразумѣніемъ корреспондента, и заявилъ, что онъ помѣститъ въ той же газетѣ необходимое съ своей стороны разъясненіе. Послѣ этого А. И. Гучковъ совмѣстно съ нами обсуждалъ напечатанное въ „Новомъ Времени" официозное сообщеніе и отвѣты на него, составленные гр. П. А. Гайденомъ, кн. Г. Е. Львовымъ и мной. На слѣдующій день обѣщанное А. И. Гучковымъ разъясненіе въ газетѣ не появилось, что было объяснено имъ

недостаткомъ времени; но оно не появилось и въ послѣдующіе дни, и сообщенныя въ интервью свѣдѣнія остались безъ опроверженія.

Политика П. А. Столыпина не замедлила проявиться и получить свое развитіе въ томъ именно направленіи, какъ она была понята общественными дѣятелями, которыхъ премьеръ предполагалъ было привлечь въ образуемый имъ послѣ роспуска Гос. Думы кабинетъ. Эта политика не могла создать себѣ довѣрія въ широкихъ кругахъ общества и внести успокоеніе въ настроеніе страны; она могла лишь, какъ я предупреждалъ П. А. Столыпина во время нашей послѣдней встрѣчи, вызвать обостреніе революціоннаго движенія и тѣмъ обусловить необходимость примѣненія крайнихъ репрессивныхъ мѣръ. Во время нашей бесѣды 15-го іюля я предполагалъ, что это случится черезъ 2—3 мѣсяца, и я ошибся только въ срокѣ. Уже 19-го августа 1906 года совѣтъ министровъ представилъ на высочайшее утвержденіе положеніе объ учрежденіи военно-полевыхъ судовъ. 24-го того же августа было опубликовано правительственное сообщеніе, въ которомъ отмѣчался быстрый ростъ революціоннаго движенія, вызвавшій изданіе временныхъ правилъ о военно-полевомъ судѣ, въ силу которыхъ, говорилось въ сообщеніи, „судопроизводство и приведеніе приговора въ исполненіе значительно приближаются къ моменту совершенія преступленія“, но въ дѣйствительности эти правила устраняли соблюденіе требованій судебной осторожности и элементарной справедливости и являлись въ рукахъ власти исключительно орудіемъ террора. Порядокъ разсмотрѣнія и разрѣшенія дѣлъ военно-полевыми судами приносилъ въ жертву соображеніямъ цѣлесообразности не только необходимыя условія для предупрежденія роковыхъ непоправимыхъ судебныхъ ошибокъ, но и требованія безусловнаго нравственнаго начала. Далѣе въ правительственномъ сообщеніи говорилось: „Не соотвѣтствовало бы обстоятельствамъ и интересамъ Россіи... обратиться исключительно къ проведенію въ жизнь освободительныхъ реформъ... Мнѣніе это не можетъ быть принято уже потому, что революція борется не изъ-за реформъ, проведеніе которыхъ почитаетъ своею обязанностью и правительство, а изъ-за разрушенія самой государственности, крушенія монархіи и введенія соціалистическаго строя“. Переходя къ опредѣленію программы пра-

вительства, сообщеніе указывало на обязанность администраціи подготовить „законопроекты, которые служили бы основаніемъ для сужденія въ законодательныхъ учрежденіяхъ“, но вслѣдъ за тѣмъ тотчасъ же говорилось, что многіе законопроекты, „по чрезвычайной неотложности своей, должны быть проведены въ жизнь немедленно“. Въ числѣ послѣднихъ на первомъ мѣстѣ былъ поставленъ „вопросъ земельный и землеустроительный“, а затѣмъ, „нѣкоторыя неотложныя мѣропріятія въ смыслѣ гражданскаго равноправія и свободы вѣроисповѣданія“. Этими словами полагалась основа получившему вскорѣ столь широкое развитіе указному законодательству, помимо законодательныхъ учрежденій и по предметамъ, не имѣвшимъ во всякомъ случаѣ характера „чрезвычайной неотложности“. Въ ряду предполагавшихся отмѣнъ „отжившихъ правоограниченій“ указывалось, что „и въ области еврейскаго вопроса безотлагательно будетъ разсмотрѣно, какія ограниченія... могутъ быть отмѣнены немедленно“. Въ общемъ правительственное сообщеніе вполнѣ подтверждало вынесенныя кн. Г. Е. Львовымъ и мной изъ бесѣдъ съ П. А. Столыпинымъ впечатлѣнія, что онъ не способенъ и не желаетъ вступить открыто на путь политической свободы и широкихъ реформъ, что послѣ манифеста 17-го октября и при существованіи въ странѣ законодательныхъ учрежденій онъ признаетъ возможнымъ проводить въ жизнь измѣненія законодательныхъ нормъ по своему усмотрѣнію, и разсчитываетъ привлечь симпатіи и сочувствіе различныхъ общественныхъ группъ, путемъ спѣшнаго предоставленія имъ нѣкоторыхъ правъ.

27-го августа въ „Новомъ Времени“ появилось, переданное изъ Москвы по телефону, слѣдующее сообщеніе о бесѣдѣ, происходившей наканунѣ между А. И. Гучковымъ и корреспондентомъ газеты: „Я съ особеннымъ удовольствіемъ,— сказалъ г. Гучковъ,—долженъ признать, что въ своей декларации министерство не отступило отъ тѣхъ основъ, какія оно защищало, когда вело переговоры съ общественными дѣятелями и когда не приходилось еще считаться съ ужаснымъ впечатлѣніемъ взрыва на Аптекарскомъ островѣ. Эта декларація предполагалась давно. Еще когда П. А. Столыпинъ велъ переговоры съ нами, онъ считалъ необходимымъ обратиться къ обществу съ яснымъ и подробнымъ изложеніемъ правительственной программы. Общій

тонъ опубликованной декларацiи я считаю чрезвычайно удачнымъ, хотя, можетъ быть, и не согласенъ со всѣми ея деталями. Я сочувствую декларацiи; изъ нея я вижу, что правительство совсѣмъ не намѣрено пользоваться результатами побѣды, которую оно, несомнѣнно, чувствуетъ за собой. Нельзя вѣдь отрицать, что роспускъ Гос. Думы былъ вызовомъ не только революцiоннымъ элементамъ, но и обществу вообще. Конечно, можно было ждать волненiй; ихъ удалось избѣжать и правительство могло бы праздновать побѣду, забывъ о реформахъ, могло бы даже подумать, что можно управлять и дальше совсѣмъ безъ Думы. Но правительство не впадаетъ въ эту ошибку и обѣщаетъ подготовить реформы до Гос. Думы и потомъ работать совмѣстно съ Думой. Правда, въ осуществленiи реформъ декларацiя сулитъ слишкомъ осторожные и медленные шаги. Указанiя правительства на рѣшительныя мѣры въ борьбѣ съ революцiей даютъ надежду, что люди мирнаго труда встрѣтятъ въ правительствѣ твердую власть, имѣющую охранять нашу молодую политическую свободу. При нашемъ расшатанномъ строѣ мы нуждаемся въ твердой и рѣшительной политикѣ правительства. Нѣкоторые считаютъ, что опубликованiе либеральной декларацiи кабинета въ одно время съ закономъ о скорыхъ военно-полевыхъ судахъ являются какъ бы попыткой подсластить пилюлю, успокоить общество. Можетъ быть, тутъ и былъ нѣкоторый расчетъ на то, что рядомъ съ либеральной декларацiей суровый законъ о военно-полевыхъ судахъ не будетъ такъ замѣтенъ. Во всякомъ случаѣ опубликованiе программы было предрѣшено гораздо раньше и объ этомъ неоднократно говорилось при переговорахъ съ общественными дѣятелями. Что касается самаго закона о военно-полевыхъ судахъ, то онъ является жестокой необходимостью; онъ какъ бы легализируетъ карательныя экспедицiи, которыя совершались и раньше. Но, вѣдь, у насъ, въ нѣкоторыхъ по, крайней мѣрѣ, мѣстностяхъ, идетъ, право, междоусобная война, а законы войны всегда жестоки. Для побѣды же надъ революцiоннымъ движенiемъ такiя мѣры необходимы. Можетъ быть, въ Баку рѣзня была бы предотвращена, если бы своевременно предавались военно-полевому суду лица, захваченныя съ оружiемъ. Конечно, надо при примѣненiи полевыхъ судовъ оградить общество отъ злоупотребленiй, отъ какихъ-либо личныхъ счетовъ, но въ серь-

езный моментъ, переживаемый нами, рѣшительныя мѣры необходимы. Примѣръ сводолюбивыхъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, гдѣ послѣ землетрясенія въ Санъ-Франциско моментально повѣсили 15 грабителей, служитъ въ этомъ случаѣ знаменательнымъ указаніемъ. А вѣдь возрастающее у насъ грабительство уже перешло отъ революціоннаго характера прямо въ хулиганство. Долженъ сказать въ заключеніе, что я глубоко вѣрю въ П. А. Столыпина. Такихъ способныхъ и талантливыхъ людей еще не было у власти. Я увѣренъ, что онъ приложитъ всѣ усилія, чтобы осуществить свою программу въ жизни. Я вѣрю въ чистоту его намѣреній и въ его горячую любовь къ нашей изстрадавшейся родинѣ. Но все дѣло, конечно, въ томъ, насколько онъ властенъ, а отъ этого зависитъ исполненіе обѣщаній, данныхъ имъ въ декларації".

Высказанное предсѣдателемъ „Союза 17-го октября" чувство полнаго удовлетворенія правительственнымъ сообщеніемъ и апологія политики П. А. Столыпина, настоявшаго на роспускѣ Государственной Думы, отложившаго выборы и созывъ новой Г. Думы на очень долгій срокъ, признавшаго возможнымъ установленія государственнаго бюджета, вопреки основнымъ законамъ, безъ участія народнаго представительства, и открыто провозгласившаго намѣреніе въ указномъ порядкѣ провести цѣлый рядъ существенныхъ законовъ, помимо законодательныхъ учрежденій,—вызвали недоумѣніе и понятное возмущеніе въ широкихъ кругахъ общества. Мое положеніе, какъ члена „Союза", при моемъ политическомъ жизнепониманіи и моихъ убѣжденіяхъ, становилось въ высшей степени сложнымъ и я не зналъ, что отвѣчать на многочисленные обращенные ко мнѣ запросы о моемъ отношеніи къ заявленіямъ А. И. Гучкова. Я сознавалъ необходимость громогласно протестовать противъ высказанныхъ предсѣдателемъ „Союза" сужденій, но въ то же время считалъ нужнымъ повременить нѣкоторое время, выжидая, какъ отзовется центральный комитетъ на выступленіе своего предсѣдателя, и не разъяснитъ ли, можетъ быть, самъ А. И. Гучковъ въ печати неточность и неправильность изложенія его мнѣній и отзыва. Послѣднее, по словамъ нѣкоторыхъ членовъ „Союза", бесѣдовавшихъ по этому поводу съ А. И. Гучковымъ, представлялось возможнымъ. Однако, прошло болѣе 10 дней, но ни со стороны центральнаго комитета, ни

со стороны его предсѣдателя не послѣдовало какихъ-либо разъясненій, а, напротивъ, 3-го сентября въ „Новомъ Времени“ его корреспондентъ сообщилъ дополнительно, что А. И. Гучковъ подтверждаетъ точность изложенія происходившей между ними 26-го августа бесѣды. При такомъ положеніи вопроса я не могъ оставаться долѣе въ составѣ „Союза 17-го октября“ и 7-го сентября обратился въ центральный комитетъ со слѣдующимъ письмомъ, которое одновременно было напечатано въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“:

„Въ № 10939 „*Новаго Времени*“ отъ 27-го августа помѣщено сообщеніе о бесѣдѣ корреспондента газеты съ А. И. Гучковымъ по поводу опубликованной декларації министерства П. А. Столыпина. Изъ этого сообщенія видно, что А. И. Гучковъ не только оправдываетъ установленіе военно-полевыхъ судовъ, но и высказываетъ сочувствіе министерской декларації, считаетъ ея тонъ чрезвычайно удачнымъ и съ полнымъ довѣріемъ относится къ программѣ и курсу, которыхъ намѣренъ держаться кабинетъ П. А. Столыпина. Въ № 10946 той же газеты сотрудникъ ея сообщаетъ по телефону изъ Москвы, что А. И. Гучковъ подтвердилъ точность изложенія происходившей между ними бесѣды.

Поскольку высказанное А. И. Гучковымъ является выраженіемъ его личныхъ убѣжденій, постольку оно касается, конечно, только его одного, и А. И., какъ и всякій другой общественный дѣятель, свободенъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Но А. И. Гучковъ состоитъ предсѣдателемъ центральнаго комитета „Союза 17-го октября“, а потому оповѣщенныя въ печати мнѣнія и отношеніе его къ правительственной декларації получаютъ большое значеніе для всей партіи, къ которой онъ принадлежитъ, а также и для отношенія общества къ этой партіи. Общество въ правѣ сдѣлать заключеніе, что „Союзъ“ ставитъ себѣ въ настоящее время задачей оказывать поддержку кабинету П. А. Столыпина и преслѣдуемой имъ политикѣ.

Я былъ однимъ изъ учредителей „Союза“, былъ предсѣдателемъ его центральнаго комитета въ Москвѣ и принималъ живое участіе въ дѣятельности партіи. „Союзъ“ всегда ставилъ себѣ главной задачей содѣйствовать мирному преобразованію нашего государственнаго строя на твердомъ основаніи конституціонныхъ началъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17-го октября

1905 года. Признавая, что задача мирнаго преобразованія можетъ быть разрѣшена лишь при условіи взаимодѣйствія правительственной власти и общества, „Союзъ“ считалъ своею обязанностью итти навстрѣчу такому необходимому взаимодѣйствію, поскольку правительство искренно и послѣдовательно будетъ осуществлять конституціонный строй. Когда въ началѣ текущаго года стало ясно, что министерство гр. С. Ю. Витте сошло съ этого пути и попрежнему придерживается традицій бюрократическаго абсолютизма и административнаго произвола, то съѣздъ „Союза“ высказалъ громкое осужденіе такой тактикѣ правительства и открыто заявилъ, что образъ дѣйствій министерства исключаетъ возможность какой-либо поддержки со стороны „Союза“. Оставаясь вѣрнымъ этимъ принципамъ, я не считаю возможнымъ, чтобы „Союзъ“ могъ быть въ настоящее время солидаренъ съ министерствомъ П. А. Столыпина. Министерство П. А. Столыпина есть министерство роспуска Думы, министерство, создавшееся на почвѣ конфликта переживающаго себя бюрократическаго режима съ народнымъ представительствомъ. Поэтому политика настоящаго кабинета можетъ быть только реакціонной, о чемъ съ очевидностью свидѣтельствуютъ ежедневно многочисленные факты проявленія административнаго произвола. Хотя министерская декларація и заявляетъ, что правительство борется не съ обществомъ, а только съ врагами общества, но при этомъ врагами общества, повидимому, признаются всѣ, не одобряющіе дѣйствія правительства. Путь усиливающихся репрессій является для настоящаго министерства неизбѣжнымъ и уже привелъ его къ широкому примѣненію военно-полевыхъ судовъ. Въ настоящее время самымъ страшнымъ фактомъ нашей общественной жизни представляется все усиливающійся упадокъ нравственнаго сознанія, а, помимо нравственнаго возрожденія, странѣ нѣтъ выхода изъ переживаемаго положенія. Но не военно-полевые суды могутъ обновить нравственный обликъ земли русской,—мѣра эта можетъ содѣйствовать лишь еще большему развитію процесса деморализаціи и одичанія въ обществѣ.

Расходясь съ предсѣдателемъ центральнаго комитета „Союза“ въ оцѣнкѣ декларації министерства, я, въ виду нашего коренного разногласія, не нахожу для себя возможнымъ оставаться членомъ „Союза 17-го октября“ и выхожу изъ его состава.

7-го сентября 1906 г. *Д. Н. Шиповъ.*“

Только 29-го сентября въ „Новомъ Времени“ была напечатана резолюція соединеннаго собранія с.-петербургскаго и московскаго центральныхъ комитетовъ „Союза“, въ которой, признавая вѣрнымъ мое указаніе, что „Союзъ“ всегда ставилъ себѣ главной задачей содѣйствовать мирному преобразованію нашего государственнаго строя на твердомъ основаніи конституціонныхъ началъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17-го октября 1905 года, говорилось: „Ничто во всей прошлой и настоящей дѣятельности „Союза“ не представляетъ отступленія отъ этой основной задачи, *ничто ей не противорѣчитъ и въ недавно опубликованныхъ заявленіяхъ нынѣшняго предсѣдателя московскаго центральнаго комитета А. И. Гучкова*“. Эта резолюція подтвердила мнѣ правильность принятаго мною рѣшенія и свидѣтельствовала насколько правъ былъ кн. Е. Н. Трубецкой, сказавшій, что партія, имѣвшая своимъ знаменемъ манифестъ 17-го октября, превратилась въ партію „пропавшей грамоты“.

Выборы въ Государственную Думу второго созыва, происходившіе подъ впечатлѣніемъ роспуска первой Г. Думы и опредѣленно выяснившейся антиконституціонной политики правительства, не могли не отразиться на составѣ и настроеніи вновь избранныхъ народныхъ представителей. Лѣвое крыло второй Г. Думы оказалось еще многочисленнѣе, а въ рядахъ конституціонно-демократической партіи отсутствовали многіе авторитетные ея представители, устраненные отъ участія въ политической дѣятельности привлеченіемъ ихъ къ судебной отвѣтственности за выборгское возваніе. Съ момента открытія Г. Думы стала вполнѣ очевидной невозможность установленія болѣе или менѣе нормальныхъ отношеній между правительствомъ и народнымъ представительствомъ и ихъ взаимодѣйствія; неизбѣжный между ними конфликтъ могъ быть только вопросомъ времени.

Совершенно иное настроеніе, подъ вліяніемъ тѣхъ же обстоятельствъ не замедлило проявиться въ средѣ членовъ Государственнаго Совѣта, созваннаго во вторую сессію. Группа правыхъ членовъ Г. Совѣта значительно усилилась; группа центра готова была привѣтствовать направленіе политики новаго премьера и дѣлала видъ, что эта политика, будто бы, не вступаетъ въ противорѣчіе съ основными началами манифеста

17-го октября; прогрессивная группа изъ числа выборныхъ членовъ Г. Совѣта состояла всего изъ 12 лицъ. Государственная власть всемѣрно старалась поддерживать и усиливать вліяніе въ Г. Совѣтѣ представителей реакціи. Какъ уже было указано въ XII-ой главѣ, четыре члена Совѣта по назначенію, проявившіе во время первой сессіи склонность присоединяться къ прогрессивнымъ мнѣніямъ, не были назначены на 1907 годъ къ присутствованію въ Государственномъ Совѣтѣ, что должно было послужить предостереженіемъ для остальныхъ членовъ по назначенію. Послѣ кончины предсѣдателя Г. Совѣта Э. В. Фриша, человѣка хорошо понимавшаго политическое значеніе переживаемаго страной времени и необходимость обновленія нашей государственной жизни, 10-го апрѣля 1907 года предсѣдателемъ былъ назначенъ М. Г. Акимовъ, завѣдомо относившійся отрицательно къ преобразованію государственнаго строя, согласно манифесту 17-го октября.

Въ засѣданіи Г. Совѣта 6-го марта 1907 года была выслушена декларація правительства, прочтенная предсѣдателемъ совѣта министровъ, послѣ чего отъ группы центра барономъ П. Л. Корфъ [1]) былъ предложенъ проектъ слѣдующей резолюціи: „Выслушавъ сообщеніе правительства и выражая полную готовность содѣйствовать проведенію въ жизнь тѣхъ законопроектовъ и мѣропріятій правительства, которые будутъ направлены ко благу народа и къ водворенію въ странѣ порядка и законности, въ осуществленіе высочайшихъ предначертаній, призвавшихъ Россію къ новой жизни,—Государственный Совѣтъ переходитъ къ очереднымъ дѣламъ". Противъ этой резолюціи отъ лица прогрессивной группы возражалъ кн. Е. Н. Трубецкой. Онъ указывалъ, что предложенная резолюція заключаетъ въ себѣ обязательство извѣстной поддержки и косвенное выраженіе одобренія и увѣренности, что правительство дѣйствительно будетъ содѣйствовать проведенію въ жизнь законности. Признавая преждевременнымъ выраженіе довѣрія или недовѣрія правительству, кн. Е. Н. Трубецкой предлагалъ остановиться на простомъ, не мотивированномъ переходѣ къ очереднымъ дѣламъ. Резолюція, предложенная барономъ П. Л. Корфъ,

[1]) Бар. П. Л. Корфъ былъ предсѣдателемъ с. петербургскаго отдѣленія центральнаго комитета „Союза 17 октября".

была принята подавляющимъ большинствомъ противъ 17 голосовъ, присоединившихся къ заявленію кн. Е. Н. Трубецкого.

Предупредительную готовность проявилъ Г. Совѣтъ въ удовлетвореніи предъявленныхъ администраціей требованій объ устраненіи членовъ Г. Совѣта, принадлежавшихъ къ его прогрессивной группѣ. Министромъ юстиціи былъ возбужденъ вопросъ о временномъ устраненіи отъ участія въ засѣданіяхъ члена Совѣта В. А. Кудряваго, избраннаго вологодскимъ губерскимъ земствомъ, въ виду привлеченія его къ слѣдствію по обвиненію въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ ст. 341 улож. о наказ., т.-е. за превышеніе власти. Сущность предъявленнаго обвиненія заключалась въ томъ, что въ качествѣ городского гласнаго и члена исполнительной комиссіи В. А. Кудрявый, совмѣстно съ другими лицами, израсходовалъ 2000 р. на вооруженіе народной милиціи. Комиссія Г. Совѣта, разсматривавшая этотъ вопросъ, пришла къ заключенію, что, согласно ст. 27 учр. Гос. Сов., разъ членъ его привлеченъ къ слѣдствію, то онъ долженъ быть устраненъ отъ участія въ засѣданіяхъ Г. Совѣта. Членъ комиссіи, Д. Д. Гриммъ, остался при особомъ мнѣніи и доказывалъ, что ст. 27. учр. Г. Сов. не налагаетъ на Совѣтъ обязанность, а предоставляетъ ему право устранить или не устранить изъ своихъ засѣданій члена Совѣта, привлеченнаго къ судебному слѣдствію. При разрѣшеніи такого рода вопроса Г. Совѣтъ не можетъ ограничиваться установленіемъ факта формальнаго привлеченія лица къ слѣдствію, а долженъ войти въ морально-политическую оцѣнку предъявляемаго ему обвиненія. Если бы въ дѣяніи В. А. Кудряваго было что-либо грозящее общественной безопасности, то судебная власть не ждала бы болѣе года, а между тѣмъ, послѣ инкриминируемаго ему дѣянія В. А. Кудрявый былъ избранъ членомъ Государственнаго Совѣта и принималъ участіе въ первой его сессіи. Ст. 341 улож. о наказ. угрожаетъ отрѣшеніемъ отъ должности, но В. А. Кудрявый никакой должности не занималъ; онъ былъ избранъ городской думой въ исполнительную комиссію, но комиссія эта не осуществилась, такъ какъ по протесту губернатора постановленіе объ ея учрежденіи было тотчасъ же отмѣнено губернскимъ присутствіемъ. Не взирая на доводы, приведенные Д. Д. Гриммомъ, Г. Совѣтъ большинствомъ 125 голосовъ противъ 23 устранилъ В. А. Кудряваго отъ участія въ

засѣданіяхъ Г. Совѣта. — Костромское губернское земское собраніе 7 декабря 1906 года избрало членомъ Государственнаго Совѣта Н. В. Марина, вмѣсто выбывшаго изъ состава члена Совѣта А. В. Перелешина, избраннаго ранѣе въ засѣданіи того же собранія 27 марта того же года. Отъ костромскаго губернатора поступило заявленіе о неправильномъ избраніи Н. В. Марина на томъ основаніи, что онъ не былъ включенъ въ списокъ лицъ, имѣющихъ право быть избранными въ члены Государственнаго Совѣта. Семь членовъ комиссіи Государственнаго Совѣта, разсматривавшей вопросъ о выборахъ Н. В. Марина, пришли къ заключенію, что избраніе его слѣдуетъ признать неправильнымъ и подлежащимъ отмѣнѣ. Съ такимъ постановленіемъ три члена комиссіи не согласились по слѣдующимъ соображеніямъ. Солигалическая управа въ составленномъ ею спискѣ въ рубрикѣ возраста по недосмотру проставила противъ фамиліи Н. В. Марина 39 лѣтъ и губернаторъ только по этому исключилъ его изъ списка. Управа, узнавъ о происшедшей ошибкѣ, телеграфировала губернатору, что Н. В. Марину 40 лѣтъ, но списокъ былъ уже опубликованъ. Въ списокъ, составленный и опубликованный губернаторомъ передъ выборами 27 марта, Н. В. Маринъ былъ включенъ и возрастъ его былъ показанъ правильно. Въ виду происшедшей при напечатаніи послѣдняго списка очевидной ошибки, губернское земское собраніе дополнило списокъ включеніемъ въ него Н. В. Марина. Въ виду этихъ свѣдѣній право Н. В. Марина на избраніе представлялось несомнѣннымъ. Тѣмъ не менѣе при баллотировкѣ этого вопроса въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 93 лица высказались за отмѣну выборовъ Н. В. Марина и только 47 лицъ за признаніе ихъ правильными, но такъ какъ постановленіе объ отмѣнѣ выборовъ пріобрѣтаетъ силу, когда оно принято большинствомъ двухъ третей голосовъ, а $^2/_3$ наличнаго состава равнялось $93^1/_2$, то выборы Н. В. Марина были оставлены въ силѣ.

Перемѣна въ политическомъ настроеніи Государственнаго Совѣта сказалась лично для меня въ измѣненіи отношеній ко мнѣ большинства его членовъ. Во время первой сессіи отношенія ко мнѣ членовъ Совѣта были очень любезныя, внимательныя и многіе изъ нихъ вступали со мной въ продолжительныя бесѣды, особенно, когда усилились слухи о томъ, что я могу

быть привлеченъ къ разрѣшенію отвѣтственной задачи установленія взаимодѣйствія правительственной власти съ народнымъ представительствомъ. Въ то время осуществленіе въ государственной жизни во всей полнотѣ началъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября, для значительнаго большинства членовъ Г. Совѣта представлялось, если не необходимымъ, то, во всякомъ случаѣ, неизбѣжнымъ, и общее желаніе сводилось преимущественно къ тому, чтобы переходъ отъ стараго строя къ новому совершился возможно мирнымъ путемъ, безъ большихъ потрясеній. Но съ роспускомъ первой Г. Думы и развитіемъ политики, провозглашенной П. А Столыпинымъ, открывалась, какъ-будто, возможность избѣжать широкихъ политическихъ и соціальныхъ реформъ и исполнить обѣщаніе манифеста 17 октября лишь формально, сохранивъ, въ сущности прежнія основы государственнаго строя. Государственный Совѣтъ, состоявшій изъ элементовъ, въ подавляющемъ своемъ большинствѣ сочувствовавшихъ скорѣе сохраненію, по возможности, старыхъ условій государственной жизни, поспѣшилъ привѣтствовать политику П. А. Столыпина и готовъ былъ оказывать ему полную поддержку. Зная мое безусловно отрицательное отношеніе къ направленію дѣятельности и образу дѣйствій П. А. Столыпина и имѣя въ виду письмо мое и кн. Г. Е. Львова, помѣщенное въ „Новомъ Времени“, въ отвѣтъ на офиціозное сообщеніе о переговорахъ П. А. Столыпина съ общественными дѣятелями, а также мое мотивированное и оглашенное въ печати заявленіе о выходѣ моемъ изъ состава „Союза 17 октября“, большинство членовъ Государственнаго Совѣта сохранило ко мнѣ только вѣжливыя отношенія, исключительно формальнаго характера, избѣгая обмѣна со мной мнѣніями по вопросамъ политики и законодательнной дѣятельности. Продолженіе моего участія въ Государственномъ Совѣтѣ было для меня очень тягостнымъ и оно сдѣлалось еще болѣе непріятнымъ во время третьей сессіи Государственнаго Совѣта, когда, послѣ роспуска второй Государственной Думы, бюрократія и вообще реакція чувствовали себя въ положеніи побѣдителей надъ освободительнымъ движеніемъ. Неоднократно порывался я сложить съ себя званіе члена Г. Совѣта, но по настоянію членовъ прогрессивной группы я оставался до конца трехлѣтія, на которое былъ избранъ. Такъ какъ засѣданія Г. Совѣта назначались не часто, то я

пріѣзжалъ въ С.-Петербургъ въ день засѣданія Г. Совѣта и по его окончаніи возвращался тотчасъ же въ Москву. Участія въ преніяхъ я почти не принималъ и выступалъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ, лишь при настоятельномъ желаніи прогрессивной группы, и всегда чувствовалъ, что мое выступленіе не содѣйствуетъ выясненію и принятію защищаемаго мною мнѣнія, а, скорѣе, служитъ ему во вредъ.

Діаметрально противоположныя настроенія второй Государственной Думы и Государственнаго Совѣта во время ихъ второй сессіи не привели къ столкновеніямъ между законодательными палатами только потому, что за краткій срокъ существованія Г. Думы во вторую палату изъ первой не поступило законопроектовъ принципіальнаго характера. Отрицательное отношеніе Г. Совѣта къ Г. Думѣ за этотъ періодъ имѣло поводъ проявиться въ двухъ случаяхъ. Изъ первой Г. Думы незадолго до ея роспуска поступилъ въ Г. Совѣтъ законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни, переданый въ то время Г. Совѣтомъ на разсмотрѣніе особо избранной комиссіи, которая не успѣла выполнить возложенное на нее порученіе до перерыва первой сессіи Г. Совѣта. По открытіи слѣдующей сессіи комиссія остановилась предъ вопросомъ: можетъ ли она продолжать обсужденіе законопроекта, возникшаго по почину распущенной Г. Думы и не разсмотрѣннаго засѣдающей второй Г. Думой? Комиссія большинствомъ голосовъ признала, что она не въ правѣ разсматривать переданный на ея заключеніе законопроектъ и предложила Госуд. Совѣту отнестись къ этому дѣлу такъ же. Члены комиссіи Н. С. Таганцевъ и С. Ф. Платоновъ остались при особомъ мнѣніи, полагая, что Г. Совѣту надлежитъ разсмотрѣть вопросъ по существу и установить свое опредѣленное къ нему отношеніе. Если будетъ признано нужнымъ внести какія-либо измѣненія въ проектъ, то, въ такомъ случаѣ, слѣдуетъ поступить согласно ст. 49 учрежд. Г. Совѣта, указывающей, что при разногласіи палатъ проектъ или возвращается въ Г. Думу, или направляется въ согласительную комиссію. Передача вопроса въ согласительную комиссію невозможна, такъ какъ вторая Г. Дума вопросъ по существу не разсматривала, но законопроектъ съ измѣненіями Г. Совѣта можетъ быть возвращенъ въ новую Г. Думу, которая и распорядится имъ, какъ признаетъ нужнымъ. На разрѣшеніе Г. Совѣта были

поставлены два вопроса: слѣдуетъ ли признать законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни не подлежащимъ разсмотрѣнію или слѣдуетъ поручить комиссіи обсудить законопроектъ по существу и внести свое заключеніе въ общее собраніе Г. Совѣта? Большинствомъ, 135 противъ 12 голосовъ, Г. Совѣтъ согласился съ мнѣніемъ большинства комиссіи.

Въ засѣданіи 2 мая 1907 года Государственному Совѣту былъ предложенъ къ разсмотрѣнію одобренный 17 апрѣля того же года Государственной Думой законопроектъ объ отмѣнѣ положенія о военно-полевыхъ судахъ, состоявшій изъ двухъ статей: Ст. 1-ая. Высочайше утвержденное въ 19-ый день августа 1906 г. положеніе совѣта министровъ объ учрежденіи военно-полевыхъ судовъ отмѣнить. Ст. 2-ая. Всѣ дѣла, по коимъ приговоры военно-полевыхъ судовъ не приведены въ исполненіе, равно дѣла, по коимъ осужденные отбываютъ наказанія, безотлагательно передать въ общія судебныя мѣста для направленія и разсмотрѣнія по правиламъ устава уголовнаго судопроизводства. Министръ юстиціи, И. Г. Щегловитовъ, настаивалъ на отклоненіи законопроекта, главнымъ образомъ, на томъ основаніи, что положеніе о военно-полевыхъ судахъ было издано въ порядкѣ ст. 87 основныхъ законовъ и, какъ невнесенное правительствомъ въ законодательныя учрежденія въ теченіе двухъ мѣсяцевъ со дня ихъ созыва, уже потеряло свою силу. С. С. Манухинъ признавалъ необходимымъ соблюденіе общаго правила ст. 98-ой наказа, требующей, чтобы всѣ законопроекты не слушались непосредственно въ общемъ собраніи Г. Совѣта, а проходили нормальную стадію предварительнаго соображенія въ комиссіи, и предложилъ передать разсматриваемый вопросъ въ комиссію законодательныхъ предположеній. Однако, при голосованіи, предложеніе С. С. Манухина было отклонено значительнымъ большинствомъ, а затѣмъ подавляющимъ большинствомъ былъ отклоненъ законопроектъ, одобренный Г. Думой. Предъ послѣдней баллотировкой я, по порученію 10 лицъ, заявилъ, что мы воздерживаемся отъ участія въ голосованіи на основаніи слѣдующихъ мотивовъ. Невозможность принять первую статью законопроекта очевидна, такъ какъ нельзя отмѣнять несуществующій законъ. Вторая статья представляется съ юридической точки зрѣнія недостаточно обоснованной и неудовлетворительно формулированной, вслѣдствіе чего

за принятіе ея въ предложенной редакціи высказаться трудно. Въ тоже время, однако, несомнѣнно, что военно-полевая юстиція не была обставлена надлежащими правовыми условіями, и общественная совѣсть не можетъ не желать исправленія судебныхъ ошибокъ. Если вопросъ этотъ былъ бы переданъ въ комиссію, то послѣдняя могла бы намѣтить путь для правильнаго его разрѣшенія, но, въ виду отклоненія Г. Совѣтомъ предложенія С. С. Манухина, возможность внесенія необходимаго измѣненія въ ст. 2-ую законопроекта отпадаетъ и по этой причинѣ прогрессивная группа членовъ Г. Совѣта вынуждена воздержаться отъ участія въ голосованіи вопроса о принятіи или отклоненіи всего законопроекта.

Въ обоихъ указанныхъ случаяхъ Государственный Совѣтъ уклонился отъ обсужденія и разрѣшенія вопросовъ по существу и предпочелъ устранить ихъ разсмотрѣніе по мотивамъ формальнаго характера, хотя, очевидно, недостаточно основательнымъ. Онъ не могъ настолько игнорировать общественное мнѣніе и общественное настроеніе, чтобы высказаться открыто противъ отмѣны смертной казни и противъ необходимости исправленія несправедливостей, явившихся послѣдствіями военно-полевой юстиціи, но въ то же время Г. Совѣтъ не хотѣлъ выразить своего положительнаго отношенія къ этимъ вопросамъ, такъ какъ такого рода постановленія Г. Совѣта имѣли бы, несомнѣнно, значеніе косвеннаго осужденія политическаго террора, примѣненнаго А. А. Столыпинымъ. Въ устраненіи разсмотрѣнія указанныхъ вопросовъ по формальнымъ соображеніямъ, Государственный Совѣтъ нашелъ выходъ изъ затруднительнаго положенія.

Политика П. А. Столыпина не могла внести успокоеніе въ возбужденное настроеніе страны, оживить въ населеніи сознаніе нравственнаго долга и воспитать въ немъ довѣріе къ правительственной власти. Такіе результаты могли бы явиться лишь послѣдствіемъ укрѣпленія въ народѣ убѣжденія, что правительство, охраняя государственный порядокъ и авторитетъ власти, готово въ то же время искренно и послѣдовательно итти по пути осуществленія началъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября 1905 г., безотлагательнаго проведенія въ жизнь широкихъ демократическихъ реформъ и строгаго уваженія

личныхъ и политическихъ правъ всѣхъ гражданъ. Но образъ дѣйствія правительства съ теченіемъ времени все съ большей убѣдительностью свидѣтельствовалъ, что государственная власть преслѣдуетъ совсѣмъ иныя цѣли и стремится свести на-нѣтъ обѣщанія высочайшаго манифеста. Путь, избранный П. А. Столыпинымъ, привелъ его сначала къ установленію военно-полевыхъ судовъ, положеніе о которыхъ, изданное въ порядкѣ ст. 87-ой основ. зак., онъ самъ не могъ даже рѣшиться внести на разсмотрѣніе законодательныхъ палатъ, а затѣмъ и къ роспуску второй Государственной Думы.

Если въ составѣ второй Г. Думы оказалось много элементовъ не государственныхъ и не работоспособныхъ, то это въ значительной степени явилось послѣдствіемъ не обоснованнаго роспуска первой Г. Думы и правительственныхъ мѣропріятій во время междудумья, какъ, напримѣръ, устраненіе отъ выборовъ видныхъ общественыхъ дѣятелей, возбужденіемъ противъ нихъ уголовныхъ преслѣдованій и другими репрессивными мѣрами. Направленіе и характеръ дѣятельности правительства создавали въ широкихъ кругахъ населенія острое оппозиціонное настроеніе и побуждали избирателей отдавать свои голоса кандидатамъ, стремившимся въ Государственную Думу, главнымъ образомъ, для политической борьбы съ бюрократическимъ, антиконституціоннымъ правительствомъ. Недостаточная способность второй Г. Думы къ законодательной дѣятельности проявилась въ безконечныхъ и безплодныхъ преніяхъ по разнымъ вопросамъ, не стоявшимъ на очереди, и особенно въ затяжкѣ и опозданіи разсмотрѣнія государственной росписи. Это послѣднее обстоятельство могло бы послужить достаточнымъ и справедливымъ основаніемъ для роспуска Г. Думы въ половинѣ или концѣ іюня, передъ лѣтними вакаціями, и если одновременно новые выборы были бы назначены безотлагательно съ тѣмъ, чтобы новая Г. Дума была созвана на 1 сентября, то въ такомъ случаѣ странѣ была бы ясна причина, вызывающая роспускъ Г. Думы, а также представилось бы несомнѣннымъ, что правительство по существу не относится отрицательно къ народному представительству. При такихъ условіяхъ выборы въ третью Г. Думу дали бы, вѣроятно, болѣе работоспособный составъ ея членовъ. Однако, П. А. Столыпинъ при роспускѣ второй Г. Думы руководился, очевидно, совершенно иными соображеніями: онъ желалъ дискредитировать

ея составъ въ политическомъ отношеніи и найти въ этомъ поводъ для измѣненія положенія о выборахъ въ Г. Думу.

1-го іюня 1907 года Г. Думѣ было доложено постановленіе судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ о привлеченіи 55 членовъ Г. Думы, принадлежавшихъ къ соціалъ-демократической фракціи, къ слѣдствію по обвиненію въ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ 1 ч. 102 ст. уголов. улож., и о взятіи 16 изъ указанныхъ лицъ подъ стражу. При этомъ министръ юстиціи указывалъ на необходимость безотлагательнаго разрѣшенія Государственной Думой вопроса о временномъ, въ силу ст. 20 и 21 учр. Г. Думы, устраненіи отъ участія въ собраніяхъ Думы всѣхъ привлеченныхъ къ слѣдствію 55 членовъ Думы. Предсѣдатель Г. Думы обратилъ ея вниманіе, что на основаніи § 96 наказа ни одно дѣло, на повѣсткѣ не обозначенное, по существу въ этомъ же засѣданіи не разсматривается. Г. Дума постановила передать представленіе министра юстиціи и постановленіе судебнаго слѣдователя на заключеніе особо избранной комиссіи изъ 22 лицъ и поручила ей представить свое заключеніе на слѣдующій день вечеромъ. Во время происходившихъ преній членомъ Г. Думы, Коншинымъ, однимъ изъ привлеченныхъ къ слѣдствію, въ качествѣ члена соціалъ-демократической фракціи, было заявлено, что онъ членомъ этой фракціи вовсе не состоитъ и что въ привлеченіи его заключается явное недоразумѣніе. Упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ, какъ о фактѣ, подтверждавшемъ необходимость передачи возникшаго дѣла на предварительное разсмотрѣніе комиссіи. 2-го іюня, въ субботу, при окончаніи дневного засѣданія Г. Думы, по порученію комиссіи, разсматривавшей вопросъ объ устраненіи 55 членовъ Г. Думы, членомъ ея А. А. Кизеветтеромъ было заявлено, что комиссія не имѣетъ возможности закончить свою работу къ вечернему засѣданію и проситъ отсрочить слушаніе ея доклада до понедѣльника. Въ то же время было доложено, что комиссія занимается разсмотрѣніемъ всего дѣлопроизводства судебнаго слѣдователя, при чемъ необходимыя ей разъясненія даетъ представитель судебной власти. Г. Дума, принявъ во вниманіе сдѣланное отъ лица комиссіи заявленіе, назначила слушаніе доклада комиссіи на понедѣльникъ, 4-го іюня. Такая непродолжительная и обоснованная отсрочка Г. Думой разрѣшенія поставленнаго ей во-

проса не могла, казалось бы, представить серьезнаго затрудненія для правительства; полиція, зная обвиняемыхъ, ихъ мѣстожительства и мѣстопребыванія, могла свободно имѣть за ними неослабное наблюденіе и не допустить ихъ исчезновенія въ теченіе двухъ дней, необходимыхъ Г. Думѣ для принятія опредѣленнаго и обдуманнаго рѣшенія. Но такое направленіе дѣла не соотвѣтствовало намѣреніямъ и видамъ предсѣдателя совѣта министровъ. Для него предъявленное Г. Думѣ требованіе и ожидаемый отрицательный ея отвѣтъ должны были послужить лишь поводомъ для принятія противъ нея репрессивныхъ мѣръ, за ранѣе уже предрѣшенныхъ. Очень вѣроятно, что изъ отзывовъ представителя судебной власти въ комиссіи, правительство могло предвидѣть, что Г. Дума признаетъ возможнымъ удовлетворить предъявленное ей правительствомъ требованіе, и въ такомъ случаѣ роспускъ Г. Думы не могъ бы послѣдовать въ данное время. Во избѣжаніе такого оборота дѣла Г. Дума была распущена внезапно высочайшимъ указомъ 3-го іюня, и въ тотъ же день манифестомъ было объявлено объ измѣненіи избирательнаго закона и напечатано въ „Собраніи узаконеній и распоряженій правительства“ новое положеніе о выборахъ въ Государственную Думу.

Мѣропріятія, проведенныя 3 іюня 1907 года, имѣли характеръ государственнаго переворота; они являлись угрозой новому государственному строю и самому существованію народнаго представительства. Измѣненіе избирательнаго закона помимо законодательныхъ учрежденій составляло грубое нарушеніе основныхъ законовъ, утвержденныхъ властью Монарха 23-го апрѣля 1906 года. Ст. 87-ая этихъ законовъ опредѣленно устанавливала, что въ указномъ порядкѣ не можетъ быть вносимо никакихъ измѣненій въ постановленія о выборахъ въ Государственную Думу. 28-го іюня 1906 года во время предоставленной мнѣ Его Величествомъ аудіенціи въ Петергофѣ, [1]) когда я, говоря о предполагавшемся роспускѣ первой Государственной Думы и о предстоявшихъ въ этомъ случаѣ новыхъ выборахъ, высказалъ предположеніе, не имѣется ли въ виду измѣненіе избирательнаго закона, Государь проявилъ несомнѣнное недовольство возмож-

---

[1]) См. выше. Глава XIII, стр. 453.

ностью такого предположенія и сказалъ рѣзко: „объ этомъ не можетъ быть рѣчи“. Но менѣе чѣмъ черезъ годъ П. А Столыпину удалось побудить Государя нарушить данное имъ странѣ торжественное обѣщаніе и тѣмъ подорвать непоправимо авторитетъ и престижъ монархической власти въ сознаніи всего народа.

Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу 3-го іюня 1907 года тѣмъ болѣе углубляло пропасть, отдѣлявшую государственную власть отъ населенія, что новый законъ значительно ограничивалъ кругъ избирателей и предоставлялъ преобладаніе на выборахъ землевладѣльческому и вообще имущественнымъ классамъ. Новое положеніе вносило очень существенныя измѣненія, въ числѣ которыхъ особенное значеніе имѣли слѣдующія: 19 городовъ были лишены самостоятельнаго представительства; восточныя окраины, имѣвшія въ первыхъ Г. Думахъ 26 представителей, были вовсе лишены избирательнаго права; число членовъ Г. Думы, избираемыхъ Кавказомъ, Царствомъ Польскимъ, 4 губерніями Западной Сибири и въ 5 губерніяхъ Европейской Россіи, было убавлено въ общемъ итогѣ на 61; въ городахъ избиратели были раздѣлены въ двухъ съѣздахъ въ зависимости отъ величинъ ихъ имущественныхъ цензовъ; новое расписаніе числа выборщиковъ въ губернскихъ собраніяхъ въ 32 губерніяхъ предоставляло абсолютное большинство землевладѣльцамъ, а въ остальныхъ 21 губерніяхъ большинство составляли землевладѣльцы и выборщики отъ перваго съѣзда городскихъ избирателей. Обезпечивъ въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ преобладаніе представителей имущественныхъ классовъ, составители избирательнаго закона не остановились предъ установленіемъ порядка, имѣвшаго характеръ явнаго лицемѣрія. — Ст. 123-ья устанавливала правило, въ силу котораго избираемые члены Думы должны были являться представителями отъ всѣхъ курій, участвовавшихъ въ губернскомъ избирательномъ собраніи, но избраніе ихъ было предоставлено не отдѣльнымъ куріямъ изъ своей среды самостоятельно, а должно было производиться въ общемъ собраніи всѣхъ выборщиковъ. Благодаря этому условію, въ члены Думы отъ крестьянской и рабочей курій могли быть избраны не тѣ лица, которыхъ желали бы имѣть своими представителями уполномоченные отъ волостей и рабочихъ, а тѣ случайные члены этихъ курій, которыхъ пожелаютъ избрать представители имущественныхъ классовъ.

Измѣненіе избирательнаго закона, проведенное П. А. Столыпинымъ, явилось откровеннымъ и убѣдительнымъ доказательствомъ, что въ своей политической дѣятельности онъ не руководился требованіями нравственнаго долга, справедливости и принципомъ равноправія всѣхъ гражданъ, а стремился оградить близкіе ему интересы крупнаго землевладѣнія и торгово-промышленнаго класса въ надеждѣ, при содѣйствіи избранныхъ ими представителей, найти въ Государственной Думѣ поддержку своей политикѣ. Третья Г. Дума въ этомъ отношеніи оправдала надежды П. А. Столыпина; она явилась законопослушной, и руководящая роль въ ней принадлежала „Союзу 17 октября“, превратившемуся окончательно въ партію представителей интересовъ крупнаго землевладѣнія, торговли и промышленности. Этотъ видимый успѣхъ политики П. А. Столыпина могъ быть, конечно, лишь кратковременнымъ и находилъ себѣ объясненіе въ испугѣ имущественныхъ классовъ предъ обостреніемъ революціоннаго движенія, но эта политика не могла внести дѣйствительнаго умиротворенія и предрѣшала наизбѣжность великихъ потрясеній при дальнѣйшемъ развитіи нашей государственной жизни въ ближайшемъ же времени. Положеніе о выборахъ членовъ Г. Думы 3 іюня 1907 года, предоставляя преобладаніе имущественнымъ классамъ, создавало благопріятную почву для воспріятія народными массами соціалистическихъ ученій о классовой борьбѣ, для воспитанія въ широкихъ кругахъ населенія недовѣрія къ государственной власти и убѣжденія, что обезпеченіе своихъ правъ населеніе можетъ получить не иначе, какъ путемъ политической борьбы съ существующимъ строемъ. Представители имущественныхъ классовъ, съ своей стороны, слѣдя за развитіемъ дѣятельности правительственной власти, не могли не усмотрѣть въ скоромъ же времени, что эта политика въ сущности вступаетъ въ полное противорѣчіе съ манифестомъ 17 октября и возвращаетъ страну къ прежнему порядку государственнаго управленія, основанному на произволѣ и усмотрѣніи правительственной бюрократической власти.

Для безпристрастнаго наблюдателя не могло не представляться несомнѣннымъ, что избранный П. А. Столыпинымъ курсъ государственнаго управленія и устанавливаемыя имъ отношенія государственной власти къ народному представительству должны привести страну въ недалекомъ будущемъ къ

неминуемой политической катастрофѣ, такъ какъ порядокъ и условія государственнаго управленія совершенно исключали возможность установленія болѣе нормальныхъ отношеній и взаимодѣйствія власти съ населеніемъ. П. А. Столыпинъ былъ человѣкъ съ очень ограниченнымъ политическимъ кругозоромъ, съ не глубокимъ общимъ міросозерцаніемъ и былъ неспособенъ отрѣшиться отъ узкихъ интересовъ своего класса, но онъ былъ человѣкомъ очень самоувѣреннымъ, властнымъ и сумѣлъ подчинить своему пагубному, но сильному вліянію, Государя. Роспускъ первыхъ двухъ Г. Думъ и внѣшній, видимый успѣхъ, достигнутый политикой П. А. Столыпина въ первое время, поселили въ Государѣ, повидимому, надежду на возможность сохраненія неограничности монархической власти и подорвали въ немъ сознаніе долга стремится къ созданію и укрѣпленію своей морально—политической солидарности съ народнымъ представительствомъ. Было вполнѣ очевиднымъ, что никакія соглашенія съ властью, пріемлемыя для общественнаго сознанія, невозможны и что для перехода отъ стараго государственнаго строя къ новому остается обществу и населенію одинъ путь,— путь политической борьбы съ властью. Но встать на этотъ путь и слѣдовать ему тѣмъ, для которыхъ самая идея борьбы противорѣчила ихъ завѣтнымъ убѣжденіямъ и усвоенному общему жизнепониманію, было въ свою очередь невозможнымъ и этимъ лицамъ оставался лишь одинъ выходъ устраниться отъ участія въ политической дѣятельности. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежалъ и я.

Устраняясь отъ активныхъ политическихъ выступленій, я, однако, не могъ, въ предвидѣніи надвигающейся катастрофы, не сознавать своего долга посильно содѣйствовать осуществленію всякаго рода попытокъ объединенія въ странѣ всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ въ цѣляхъ сплоченія ихъ съ тѣмъ, чтобы общими усиліями стараться оградить нашу государственную жизнь отъ слишкомъ острыхъ потрясеній и устранить или, по крайней мѣрѣ, ослабить партійныя рознь и вражду, раздѣляющія общество. Мнѣ казалось, что для такого рода сближенія общественныхъ круговъ могутъ наступить болѣе благопріятныя условія. „Союзъ 17 октября“, думалось мнѣ, не замедлитъ убѣдиться, что политика П. А. Столыпина является

полнымъ отрицаніемъ конституціонныхъ принциповъ, въ осуществленіи которыхъ „Союзъ“ видѣлъ свою главную задачу, и, придя къ такому убѣжденію, „Союзъ“ сочтетъ себя обязаннымъ отказаться отъ поддержки антиконституціоннаго правительства. Конституціонно-демократическая партія или по крайней мѣрѣ многіе изъ ея членовъ не могли, также казалось, не сознавать крупныхъ ошибокъ сдѣланныхъ партіей въ пылу и въ увлеченіи политической борьбой, и, извѣрившись въ возможности своего союза съ соціалистическими группами, эта партія должна была бы, можно было ожидать, съ меньшей нетерпимостью относиться къ политическимъ партіямъ, стоящимъ правѣе ея. Сближеніе двухъ политическихъ группъ, — „Союза 17 октября“ и к.-д. партіи, могло бы создать въ Государственной Думѣ и въ странѣ конституціонный центръ, способный охранить развитіе нашей государственной жизни отъ одинаково опасныхъ попозновеній съ обѣихъ фланговъ, какъ справа, такъ и слѣва. Руководясь этими соображеніями, я не уклонялся отъ участія во всѣхъ попыткахъ, направленныхъ къ осуществленію указанной цѣли, но, къ сожалѣнію, всѣ такого рода начинанія не имѣли успѣха.

Въ первой Государственной Думѣ руководящая роль принадлежала конституціонно-демократической партіи. Въ половинѣ мая при съѣхавшихся 448 народныхъ представителяхъ она насчитывала 153 члена, а ко времени роспуска Г. Думы къ составу партіи принадлежали 183 лица. Занятое этой фракціей руководящее положеніе обусловливалось высокимъ среди ея членовъ процентомъ людей съ высшимъ образованіемъ и опытностью ихъ въ дѣлахъ мѣстнаго самоуправленія. Въ близкомъ контактѣ съ к.-д. партіей находилась трудовая группа, имѣвшая въ своемъ составѣ около 100 лицъ. Члены Г. Думы, правѣе к.-д., принадлежали къ различнымъ политическимъ группамъ, немногочисленнымъ въ своихъ составахъ. „Союзъ 17-го октября“ былъ представленъ 13 членами и фракція его въ Г. Думѣ оказалась безсильной сплотить вокругъ себя безпартійныхъ конституціоналистовъ; отсутствіе въ „Союзѣ“ опредѣленнаго настроенія и готовности рѣшительнаго осужденія реакціонной и незакономѣрной дѣятельности правительства отталкивало отъ него безпартійныхъ членовъ Г. Думы, среди которыхъ въ то же время сознавалась ясно необходимость созданія въ Г. Думѣ новой партіи. Гр.

П. А. Гейденъ, принадлежавшій къ лѣвому крылу „Союза 17-го октября“, переставшаго, по его мнѣнію, фактически существовать въ Г. Думѣ, сталъ естественнымъ центромъ объединенія членовъ Г. Думы, равно враждебныхъ какъ реакціи, такъ и революціи, и стремившихся къ широкимъ демократическимъ реформамъ мирнымъ путемъ. Ядро вновь образовавшейся фракціи, принявшей названіе „Мирнаго Обновленія“, составили преимущественно представители различныхъ мѣстныхъ прогрессивныхъ группъ. Дѣятельное участіе въ организаціи партіи приняли, кромѣ гр. П. А. Гейдена,—М. А. Стаховичъ, И. Н. Ефремовъ и Н. Н. Львовъ, вышедшій изъ состава к.-д. партіи. Въ составъ фракціи „Мирнаго Обновленія“ вошли 29 членовъ и, кромѣ того, съ ней голосовали около 30 лицъ, преимущественно крестьянъ. Осужденіе произвола и насилія, отъ кого бы они ни исходили, легло въ основу вновь образуемой партіи и вмѣстѣ съ тѣмъ неуклонное стремленіе къ преобразованію всего государственнаго строя мирнымъ путемъ, путемъ доброжелательныхъ соглашеній. При обсужденіи въ Г. Думѣ отвѣтнаго адреса, гр. П. А. Гейденъ, возражая на горячія рѣчи, раздававшіяся слѣва, говорилъ: „Мы не должны, вспоминая о прошлыхъ неправдахъ, о прошлой бѣдѣ, разжигать чувствъ злобы, а должны выступать съ чувствомъ примиренія и забвенія прошлаго, думая о томъ, что должно сдѣлать въ будущемъ“. По поводу возбужденія въ адресѣ ходатайства объ амнистіи М. А. Стаховичъ,—отмѣтивъ въ своей рѣчи, что „съ прошлымъ безправіемъ должно сгинуть преступленіе, какъ средство борьбы и спора; больше никто не смѣетъ тягаться кровью; пусть отнынѣ всѣ живутъ, управляютъ и добиваются своего или общественнаго права не силой, а по закону“,—предложилъ слѣдующую поправку къ проекту адреса: „Признавая полную амнистію по политическимъ преступленіямъ актомъ милосердія къ виновнымъ, справедливости для пострадавшихъ невинно, и актомъ политической мудрости, Г. Дума выражаетъ твердую надежду, что нынѣ, съ установленіемъ конституціоннаго строя, прекратятся политическія убійства и другія насильственныя дѣйствія, которымъ Дума высказываетъ рѣшительное осужденіе, считая ихъ оскорбленіемъ нравственнаго чувства народа и самой идеи народнаго представительства“. Это предложеніе не встрѣтило, однако, сочувствія со стороны

большинства Г. Думы, которая, возбудивъ вопросъ объ амнистіи, отказалась осудить одновременно политическія убійства, въ чемъ, несомнѣнно, заключалась крупная политическая ошибка, съ большимъ вредомъ отозвавшаяся на дальнѣйшемъ развитіи событій и на отношеніяхъ государственной власти къ народному представительству. Я привелъ выдержки изъ рѣчей гр. П. А. Гейдена и М. А. Стаховича, чтобы дать наглядное представленіе наиболѣе характерной черты, образовавшейся въ первой Думѣ фракціи „Мирнаго Обновленія“. Съ тою же цѣлью считаю нужнымъ указать на обращеніе этой фракціи къ населенію, опубликованное послѣ роспуска первой Г. Думы и послѣ сдѣлавшагося извѣстнымъ воззванія, принятаго большинствомъ Г. Думы въ Выборгѣ. Въ своемъ обращеніи фракція „Мирнаго Обновленія“, въ противовѣсъ „выборгскому воззванію“, призывала населеніе безпрекословно подчиниться верховной волѣ Государя Императора, которому, въ силу основныхъ законовъ, принадлежитъ право роспуска Думы, направить общія усилія всего народа къ спокойному избранію новыхъ народныхъ представителей и продолжать мирную и упорную работу отстаиванія нуждъ, правъ и свободы русскаго народа.

Фракція „Мирнаго Обновленія“ возникла среди членовъ первой Г. Думы, но при предстоявшихъ выборахъ во вторую Думу представилась необходимость создать партійную организацію въ странѣ для объединенія избирателей, сочувствующихъ основнымъ положеніямъ и программѣ вновь образовавшейся въ Г. Думѣ политической группы. По оглашеніи моего заявленія о выходѣ изъ состава „Союза 17-го октября“, гр. П. А. Гейденъ обратился ко мнѣ съ предложеніемъ присоединиться къ партіи „Мирнаго Обновленія“ и принять участіе въ созданіи ея мѣстныхъ организацій. Безусловно раздѣляя руководящую идею, положенную въ основу партіи „Мирнаго Обновленія“, и вполнѣ сочувствуя характеру и направленію дѣятельности учредителей этой политической группы въ Г. Думѣ, я всецѣло готовъ былъ принять сдѣланное мнѣ предложеніе, но въ то же время во мнѣ возникало сомнѣніе относительно возможности привлечь въ составъ новой партіи достаточное число членовъ, при которомъ ея выступленіе на предстоявшихъ выборахъ могло бы имѣть практическое значеніе. Для выясненія этого вопроса въ сентябрѣ и октябрѣ 1906 года въ Москвѣ состоялись совѣща-

нія, въ которыхъ приняли участіе: гр. П. А. Гейденъ, Н. Н. Львовъ, М. А. Стаховичъ и нѣкоторые московскіе общественные дѣятели, среди которыхъ были: кн. Е. Н. Трубецкой, кн. Г. Н. Трубецкой, А. С. Вишняковъ, П. П. Рябушинскій, С. И. Четвериковъ, А. И. Коноваловъ, В. П. Энгельгардтъ и я. Всѣ приходили къ заключенію, что образованіе новой партіи можетъ разсчитывать на успѣхъ только въ томъ случаѣ, если въ составъ ея войдутъ, кромѣ безпартійныхъ, правые к.-д. и лѣвые октябристы, т.-е., если партіи „Мирнаго Обновленія“ удастся объединить всѣхъ истинныхъ конституціоналистовъ въ противовѣсъ реакціоннымъ союзамъ правыхъ и революціоннымъ союзамъ лѣвыхъ. Послѣ гельсингфорскаго съѣзда к.-д. партіи казалось возможнымъ ожидать, что ряды этой партіи склонны будутъ покинуть многіе ея члены, не сочувствовавшіе направленію большинства партіи и такого рода ея выступленіямъ, какъ выборгское воззваніе. Это предположеніе было поддержано присутствовавшими на нашихъ совѣщаніяхъ нѣкоторыми лицами, принадлежавшими къ правому крылу к.-д. партіи, которыя, съ своей стороны признавали очень желательнымъ образованіе новой партіи въ указанныхъ цѣляхъ. Подъ вліяніемъ этихъ соображеній было признано возможнымъ сдѣлать попытку организовать въ странѣ партію „Мирнаго Обновленія“. Центральный комитетъ партіи, подъ предсѣдательствомъ гр. П. А. Гейдена, былъ образованъ въ С. Петербургѣ, а въ Москвѣ было учреждено отдѣленіе центральнаго комитета, члены котораго изобрали меня своимъ предсѣдателемъ. Основными положеніями партіи были провозглашены: 1) опредѣленное оппозиціонное отношеніе ко всякимъ антиконституціоннымъ дѣйствіямъ, безразлично, откуда бы они ни происходили, и 2) постановка этическихъ началъ въ освободительномъ движеніи на первый планъ.

Въ воззваніи, составленномъ во время происходившихъ совѣщаній, указывалось на двѣ разрушительныя силы, препятствующія созидательной работѣ, направленной къ обновленію родины: пережитки приказнаго строя и революціонный анархизмъ крайнихъ партій. Съ одной стороны, антиконституціонный образъ дѣйствій министерства поддерживаетъ и питаетъ ту смуту, противъ которой оно призвано бороться; съ другой стороны, смута составляетъ источникъ силы и опору самовластія правительства. Призывая избирателей во имя права къ

противодѣйствію самовластію какъ правительства, такъ и крайнихъ партій, воззваніе говорило, что партія „Мирнаго Обновленія“ прежде всего подчиняетъ всякія тактическія соображенія незыблемымъ нравственнымъ началамъ, которыя составляютъ смыслъ освободительнаго движенія. Исходя изъ признанія безусловной цѣнности человѣческой личности, партія безусловно осуждаетъ всякій кровавый терроръ, какъ правительственный, такъ и революціонный.

Въ скоромъ времени, однако, учредителямъ партіи „Мирнаго Обновленія“ пришлось убѣдиться, что ихъ надежды объединить достаточное число лицъ, которымъ дорого было мирное преобразованіе нашего государственнаго строя, представляются неосуществимыми. Большинство избирателей уже входили въ составъ образовавшихся ранѣе политическихъ группировокъ и порвать съ ними свои связи не находили возможнымъ. Подавляющее большинство видѣло причину всѣхъ переживаемыхъ страной бѣдствій въ бюрократическомъ правительствѣ и при его существованіи не допускало возможности возрожденія государственной жизни мирнымъ путемъ. Населеніе, извѣрившись въ добросовѣстности неоднократныхъ обѣщаній власти, охотно шло за тѣми, кто стремился сломить существовавшій приказный строй, хотя бы насильственнымъ путемъ. Въ виду наличности такихъ, опредѣленно выяснившихся условій, центральный комитетъ партіи долженъ былъ признать, что партія „Мирнаго Обновленія“ не имѣетъ возможности выступить самостоятельно при предстоявшихъ выборахъ во вторую Г. Думу и провести въ нее своихъ членовъ, а можетъ самостоятельнымъ своимъ выступленіемъ скорѣе принести вредъ общему дѣлу, отвлекая порядочное количество голосовъ отъ кандидатовъ к.-д. партіи и „Союза 17-го октября“, и тѣмъ усилить шансы крайнихъ правыхъ и лѣвыхъ партій. О такомъ заключеніи центральнаго комитета были своевременно поставлены въ извѣстность всѣ члены партіи.

Роспускъ второй Г. Думы и измѣненіе избирательнаго закона, совершенные 3 іюня 1907 года, оказали большое вліяніе на измѣненіе общественнаго настроенія, при чемъ характеръ происшедшихъ измѣненій былъ очень различенъ въ разнообразныхъ общественныхъ группахъ. Крайніе лѣвые элементы пріі-

остановили свою революціонную дѣятельность, проявлявшуюся ранѣе въ террористическихъ актахъ, и сосредоточили свои силы и вниманіе на подпольной пропагандѣ соціалистическихъ идей въ народныхъ массахъ, преимущественно среди рабочихъ, подготовляя ихъ къ классовой борьбѣ и воспитывая въ нихъ революціонный духъ. Правыя партіи, начиная съ „Союза 17-го октября“, торжествовали одержанную побѣду надъ революціей и занимали по отношенію ко всѣмъ прогрессивнымъ элементамъ въ странѣ вызывающее положеніе. Представители ихъ поспѣшили организовать въ Москвѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ съѣздъ новыхъ земскихъ дѣятелей въ противовѣсъ бывшимъ земскимъ съѣздамъ, положившимъ начало освободительному движенію. На этомъ іюньскомъ съѣздѣ господствовали реакціонные элементы и выдающуюся роль на съѣздѣ игралъ, между прочимъ, Н. Е. Марковъ, который, повидимому, все-таки сознавалъ, что торжество реакціи не можетъ быть продолжительнымъ, и съ этой точки зрѣнія сравнилъ себя и своихъ единомышленниковъ съ вымирающими зубрами. К.-д. переживали угнетенное настроеніе. Они не могли не сознавать сдѣланныхъ ими многочисленныхъ и крупныхъ ошибокъ, помѣшавшихъ мирному преобразованію нашего государственнаго строя. Они разочаровались въ своихъ союзникахъ слѣва и убѣдились въ неспособности ихъ къ государственному строительству. К.-д. предчувствовали, что при новомъ избирательномъ законѣ они могутъ провести въ третью Г. Думу незначительное число лицъ и въ ихъ средѣ проявлялась наклонность искать сближенія съ прогрессивными элементами, принадлежавшими къ меньшинству прежнихъ земскихъ съѣздовъ. Мнѣ пришлось убѣдиться въ этомъ прежде всего изъ бесѣды съ кн. Д. И. Шаховскимъ, который ранѣе былъ однимъ изъ горячихъ защитниковъ тактики, усвоенной к.-д. партіей, и непримиримымъ противникомъ мнѣнія меньшинства прежнихъ земскихъ съѣздовъ. Кн. Д. И. Шаховской посѣтилъ меня въ Москвѣ 31-го августа, чтобы поговорить о предстоявшихъ выборахъ въ третью Г. Думу. Д. И. предполагалъ, что Дума, вѣроятно, составится изъ: 30% правыхъ, 30% лѣвыхъ и до 40% умѣренныхъ прогрессистовъ. Онъ приглашалъ меня принять всѣ возможныя мѣры и приложить всѣ старанія, чтобы быть избраннымъ въ члены третьей Г. Думы, и высказывалъ предположенія, что мнѣ удастся сплотить въ

ней прогрессивное большинство и установить компромиссъ между Г. Думой и правительствомъ. Я указалъ, что имѣю очень мало шансовъ быть избраннымъ членомъ Г. Думы, и съ своей стороны высказалъ предположеніе, что третья Дума въ 70% своего состава будетъ походить на послѣдній съѣздъ новыхъ земскихъ дѣятелей и потому едва ли проникнувшіе въ нее прогрессивные народные представители могутъ разсчитывать занять въ ней руководящее положеніе. Затѣмъ я напомнилъ своему собесѣднику, что во время земскихъ совѣщаній и бесѣдъ земскихъ дѣятелей я предвидѣлъ тѣ послѣдствія, къ которымъ должны были привести и привели направленіе освободительнаго движенія и тактика, избранныя большинствомъ земскихъ съѣздовъ и к.-д. партіей. Въ то время существовала, несомнѣнно, возможность путемъ доброжелательнаго соглашенія, между представителями различныхъ теченій общественной мысли, съ одной стороны и представителями правительственной власти, съ другой, провести мирнымъ путемъ преобразованіе нашей государственной жизни; но послѣ переворота 3-го іюня, когда реакція значительно усилилась, а правительство торжествуетъ побѣду надъ освободительнымъ движеніемъ, трудно разсчитывать на возможность осуществленія предположеній, высказанныхъ кн. Д. И. Шаховскимъ. Опасность избраннаго въ то время пути, пути политической борьбы съ властью, заключается особенно въ томъ, что, разъ вставъ на него, сойти съ него и повернуть обратно крайне трудно. Кн. Д. И. Шаховской соглашался, что ошибокъ было сдѣлано не мало, но, тѣмъ не менѣе, полагалъ, что надежды на возможность ихъ исправленія терять не слѣдуетъ и нужно искать выходъ изъ создавшагося положенія. Высказанныя мной кн. Д. И. Шаховскому предположенія въ скоромъ времени оправдались: я не только не былъ избранъ въ члены Г. Думы, но и не оказался въ числѣ выборщиковъ губернскаго избирательнаго собранія, а въ составѣ третьей Г. Думы присутствовали въ значительномъ большинствѣ представители реакціонныхъ теченій и руководящая роль принадлежала въ Г. Думѣ представителямъ „Союза 17-го октября“.

Въ началѣ октября того же 1907 года я получилъ приглашеніе кн. Павла Дмитріевича Долгорукова принять участіе въ совѣщаніи старожемцевъ, собиравшихся у него для бесѣды по

поводу состоянія земскаго дѣла въ Россіи. При обмѣнѣ свѣдѣніями и мнѣніями между 14 лицами, собравшимися у кн. П. Д. Долгорукова 12-го октября, выяснилось слѣдующее положеніе земскаго дѣла. Происходившіе въ 1906 и 1907 годахъ выборы земскихъ гласныхъ совершенно измѣнили составъ земскихъ собраній. Прогрессивные гласные, которые вели работу въ продолженіе многихъ лѣтъ, оказались устраненными, и на смѣну имъ пришли люди, въ прежнее время не интересовавшіеся земскимъ дѣломъ и большею частью не принимавшіе ранѣе въ немъ участія. Такое измѣненіе личнаго состава земскихъ собраній вызывало неблагопріятныя послѣдствія. Культурныя мѣропріятія, имѣвшія цѣлью поднятіе духовнаго и экономическаго благосостоянія населенія, встрѣчали недовѣрчивое къ себѣ отношеніе со стороны новыхъ хозяевъ. Во многихъ мѣстахъ были закрыты или сокращены санитарныя, агрономическія, статистическія и т. п. организаціи, упразднены бюро по народному образованію, уменьшены ассигновки на внѣшкольное просвѣщеніе и т. д. Многіе земскіе служащіе, отличавшіеся независимымъ характеромъ и широкой иниціативой, принуждены были устраниться, а ихъ мѣста были заняты элементами болѣе уступчивыми, склонными ставить интересы службы выше интереса дѣла. Сначала отстраненные земскіе дѣятели не придавали особаго значенія происшедшей перемѣнѣ; имъ казалось, что создавшееся положеніе имѣетъ лишь временное значеніе. Однако, дѣйствительность не оправдала этихъ ожиданій и реакціонныя теченія въ земствѣ быстро усиливались. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла надежда на скорый и благопріятный пересмотръ земскаго положенія. Внесеніе новаго законопроекта было поставлено въ зависимость отъ предварительнаго его разсмотрѣнія въ совѣтѣ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства при участіи земскихъ представителей. Зная составъ земскихъ собраній, не трудно было предвидѣть, какіе представители земства будутъ посланы въ совѣтъ. При такихъ обстоятельствахъ въ средѣ собравшихся на совѣщаніе возникла мысль, не представляется ли своевременнымъ сдѣлать попытку объединить прогрессивные земскіе элементы въ странѣ, внѣ всякаго отношенія къ принадлежности ихъ къ различнымъ политическимъ партіямъ. Находясь въ громадномъ числѣ губерній въ меньшинствѣ, эти лица должны были, несомнѣнно, испытывать тяжелое, подавленное настроеніе и ихъ

объединеніе могло послужить имъ существенной моральной поддержкой. Для разработки способовъ проведенія указанной мысли въ жизнь было образовано особое бюро, въ составъ котораго собравшіеся просили войти: кн. П. Д. Долгорукова, кн. Г. Е. Львова, Н. Н. Львова, кн. Е. Н. Трубецкого, Н. Н. Хмѣлева, М. П. Щепкина и меня.

Бюро прежде всего пришло къ заключенію, что возникшая мысль можетъ получить реальное значеніе только при томъ условіи, если она встрѣтитъ широкое сочувствіе на мѣстахъ и если въ каждой губерніи, въ каждомъ уѣздѣ создадутся дѣятельныя организаціи, которыя поставятъ себѣ цѣлью объединить всѣ прогрессивные элементы данной мѣстности. Необходимо для начала дѣла, чтобы въ каждой губерніи нѣсколько лицъ взяли на себя организацію мѣстныхъ комитетовъ, которые могли бы служить первой ячейкой будущей губернской организаціи. Въ серединѣ апрѣля 1908 года предположено было созвать въ Москвѣ съѣздъ съ цѣлью: 1) обсудить вопросъ—насколько объединеніе прогрессивныхъ земскихъ элементовъ является своевременнымъ и осуществимымъ, 2) разсмотрѣть программу дѣятельности возникающей организаціи и 3) намѣтить способы достиженія преслѣдуемыхъ цѣлей. Въ этомъ съѣздѣ бюро приглашало принять участіе изъ каждой губерніи по два лица, изъ числа принявшихъ на себя иниціативу въ дѣлѣ организаціи мѣстныхъ комитетовъ. Бюро составило и напечатало обращеніе къ прогрессивнымъ земскимъ дѣятелямъ, въ которомъ изложило подробно всѣ соображенія, обусловливавшія возникшее предположеніе, и общій планъ его осуществленія. Кромѣ такого воззванія офиціальнаго характера, члены бюро распредѣлили между собой всѣ губерніи и каждый членъ бюро принялъ на себя обязанность лично или письменно снестись съ хорошо извѣстными имъ земскими дѣятелями въ данной губерніи и просить ихъ сообщить бюро свои опредѣленные отзывы.

Воззваніе, составленное бюро, и письма его членовъ были разосланы въ декабрѣ, но полученіе отзывовъ и отвѣтовъ очень замедлилось и созывъ съѣзда по этой причинѣ въ предположенное время оказался невозможнымъ. Къ началу іюня 1908 года не поступило вовсе отвѣтовъ изъ 11 губерній; изъ 6 губерній полученные отвѣты не заключали въ себѣ болѣе или менѣе опредѣленныхъ отзывовъ; изъ 5 губерній лица, съ

которыми были сношенія, высказали мнѣніе, что созывъ предположеннаго съѣзда преждевременъ и можетъ быть лишь дѣломъ будущаго; 2 отвѣта ограничились выраженіемъ полнаго сочувствія возникшему предположенію; изъ 8 губерній лица, къ которымъ были направлены обращенія бюро, изъявили готовность принять участіе въ съѣздѣ и указывали другихъ лицъ, которыхъ бюро могло бы пригласить, и только въ 2 губерніяхъ прогрессивные губернскіе гласные, собравшись въ частныхъ совѣщаніяхъ, избрали представителей для участія въ съѣздѣ. 9-го іюня бюро ознакомилось съ содержаніемъ полученныхъ отвѣтовъ и обсуждало выяснившееся положеніе. Меньшинство признавало нужнымъ, несмотря на поступившіе отзывы съ мѣстъ, созвать предполагавшійся съѣздъ осенью какъ для обсужденія тактики прогрессивныхъ земцевъ въ земскихъ собраніяхъ текущаго года, такъ и для обсужденія, главнымъ образомъ, выборной земской компаніи 1909 года. Большинство членовъ бюро находило, что результаты происходившихъ сношеній свидѣтельствуютъ объ отсутствіи въ прогрессивныхъ земскихъ кругахъ подъема духа и настроенія, необходимыхъ для успѣха дѣла. Обращеніе бюро, очевидно, не встрѣтило далеко общаго сочувствія, а, между тѣмъ, бюро съ самаго начала считало возможнымъ разсчитывать на успѣхъ дѣла только при условіи, если возникшее предположеніе не только встрѣтитъ сочувствіе земской среды, но если на мѣстахъ образуются предварительно соотвѣтствующія организаціи. Созывать же съѣздъ для обсужденія какихъ либо неотложныхъ практическихъ вопросовъ земской жизни нѣтъ надобности за отсутствіемъ сейчасъ такихъ вопросовъ. Привлеченіе къ предстоящимъ земскимъ выборамъ прогрессивныхъ элементовъ, конечно, необходимо, но вопросъ этотъ вполнѣ ясенъ, не нуждается въ какой либо разработкѣ на съѣздѣ, а необходимыя практическія мѣры находятся въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Обсужденіе общихъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, пересмотръ земскаго положенія, не можетъ имѣть значенія, такъ какъ разрѣшеніе его зависитъ отъ законодательныхъ учрежденій, среди которыхъ прогрессивные элементы очень незначительны. Въ тоже время созывъ съ этой цѣлью прогрессивнаго съѣзда явится, какъ бы, противовѣсомъ съѣзду земскихъ дѣятелей реакціоннаго направленія, происходившему въ іюнѣ 1907 года, и въ

такомъ случаѣ созывъ прогрессивнаго съѣзда скорѣе можетъ повредить дѣлу. Въ послѣднее время замѣчается нѣкоторое улучшеніе въ настроеніи октябристовъ въ Г. Думѣ и, повидимому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ между ними и оппозиціей возможны соглашенія. Содѣйствовать этому процессу—существенная современная задача и если такой блокъ окажется возможнымъ въ Г. Думѣ, то вліяніе его отразится и на предстоящихъ земскихъ выборахъ. Созывъ же въ ближайшемъ времени прогрессивнаго земскаго съѣзда можетъ неблагопріятно повліять на сближеніе октябристовъ съ оппозиціей въ Г. Думѣ. На основаніи этихъ соображеній бюро большинствомъ голосовъ признало созывъ предполагавшагося въ 1908 году съѣзда несвоевременнымъ, а для дальнѣйшаго времени вопросъ о созывѣ такого рода съѣзда былъ оставленъ открытымъ. Такимъ образомъ, сдѣланная въ 1908 году попытка объединенія въ странѣ всѣхъ земскихъ прогрессивныхъ дѣятелей не дала положительныхъ результатовъ.

Въ концѣ 1907 года и въ началѣ 1908 года среди зарубежныхъ славянъ Австро-Венгріи и Балканскаго полуострова подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе развивающагося имперіализма Германіи, какъ въ области экономической, такъ и въ области политической, проявилось замѣтное исканіе взаимнаго общенія. Въ Австріи, по иниціативѣ Крамаржа, образовался комитетъ изъ членовъ рейхсрата для организаціи въ Прагѣ лѣтомъ 1908 года славянскаго съѣзда и въ маѣ ожидался пріѣздъ въ С.-Петербургъ чешскихъ общественныхъ дѣятелей: Крамаржа, Гриборя и Глебовицкаго, имѣвшій своею цѣлью ознакомленіе съ настроеніями и отношеніями русскаго общества къ славянскому вопросу и приглашеніе русскихъ общественныхъ дѣятелей принять участіе въ предстоявшемъ пражскомъ съѣздѣ. Русское общество не могло оставаться индиферентнымъ къ проявившемуся движенію, стремившемуся къ сближенію славянскихъ національностей. Связь Россіи съ славянскимъ міромъ принадлежитъ къ числу историческихъ основъ нашего національнаго существованія и въ нашемъ прошломъ сознаніе связи Россіи съ славянствомъ нерѣдко выражалось въ высокомъ національномъ подъемѣ. Оживленіе въ русскомъ обществѣ интереса къ славянскому вопросу, въ связи съ проявившимся среди зару-

бежныхъ славянъ движеніемъ, представлялось фактомъ несомнѣннымъ и обусловливалось въ то же время сознаніемъ необходимости выясненія и разрѣшенія польскаго вопроса при переходѣ Россіи отъ стараго къ новому политическому строю. Славянскій вопросъ привлекалъ къ себѣ болѣе или менѣе одинаковый интересъ разнообразныхъ круговъ, независимо отъ ихъ политической, партійной группировки. Въ переживаемое время постановка на очередь славянскаго вопроса отвѣчала дѣйствительной потребности большинства русскаго общества и нужно было только найти практическую форму, въ которой эта потребность могла бы получить удовлетвореніе.

Въ мартѣ, во время одной бесѣды нѣсколькихъ лицъ, собравшихся въ редакціи газеты „Слово", зашла рѣчь о славянскомъ вопросѣ, во время которой редакторъ „Слова", М. М. Ѳедоровъ, высказалъ мысль—не слѣдуетъ ли признать своевременнымъ организовать для обсужденія этого вопроса совѣщаніе изъ общественныхъ дѣятелей, принадлежащихъ къ различнымъ политическимъ партіямъ, и намѣтить планъ дальнѣйшихъ дѣйствій? Эта мысль была встрѣчена общимъ сочувствіемъ и при этомъ было принято во вниманіе, что обсужденіе славянскаго вопроса въ такого рода совѣщаніи, съ одной стороны, можетъ помочь выясненію его въ общественномъ сознаніи, а, съ другой, можетъ послужить почвой для сближенія между собой различныхъ политическихъ группъ и содѣйствовать смягченію и устраненію партійной розни, такъ неблагопріятно отзывающейся на нашей внутренней политической жизни. Было признано прежде всего необходимымъ обезпечить предположенному совѣщанію вполнѣ безпартійный характеръ и постараться привлечь къ участію въ немъ выдающихся общественныхъ дѣятелей, наиболѣе интересующихся и компетентныхъ въ славянскомъ вопросѣ, независимо отъ ихъ партійной группировки. Предсѣдательство въ совѣщаніи было рѣшено просить принять на себя предсѣдателя Г. Думы, Н. А. Хомякова, и, заручившись его согласіемъ, отъ его имени разослать приглашенія намѣченнымъ лицамъ, предварительные словесные переговоры съ которыми приняли на себя: въ С.-Петербургѣ—М. М. Ѳедоровъ, а въ Москвѣ—нижущій эти строки. Н. А. Хомяковъ съ полной готовностью пошелъ навстрѣчу сдѣланному ему предложенію. Первое совѣщаніе было созвано 2-го апрѣля, въ помѣщеніи

редакціи „Слова“, и продолжилось на слѣдующій день въ помѣщеніи клуба общественныхъ дѣятелей. При началѣ засѣданія вступительное слово, по просьбѣ организаторовъ совѣщанія, было сказано С. А. Котляревскимъ, который въ своей рѣчи развилъ слѣдующія положенія: 1) своевременность возбужденія славянскаго вопроса, какъ имѣющаго глубокій національный интересъ для Россіи; 2) желательность сближенія на почвѣ культурныхъ интересовъ различныхъ славянскихъ національностей; 3) необходимость поставить славянскій вопросъ независимо отъ вѣроисповѣднаго и политическаго принциповъ; 4) необходимость въ то же время отнестись къ постановкѣ вопроса съ осторожностью, не возбуждая въ зарубежныхъ славянахъ преувеличенныхъ ожиданій, и 5) несвоевременность созыва въ Россіи въ данное время общеславянскаго съѣзда и предпочтительность учрежденія общества, ставящаго себѣ цѣлью ознакомленіе съ славянской культурой и взаимное сближеніе славянскихъ народностей на почвѣ культурныхъ интересовъ.

Во время происходившаго продолжительнаго обмѣна мнѣніями между собравшимися, всѣ говорившіе признавали правильными положенія, мотивированныя С. А. Котляревскимъ. Учрежденіе общества признавалось всѣми своевременнымъ и желательнымъ, при чемъ высказанныя мысли и сдѣланныя указанія сводились къ слѣдующему. Общество должно быть русскимъ, но въ него нужно привлечь представителей всѣхъ славянскихъ племенъ, живущихъ въ Россіи, и особенно важно участіе въ немъ поляковъ. При старой постановкѣ славянскаго вопроса доминирующее значеніе имѣли принципы—вѣроисповѣдные и политическіе; въ настоящее время идея славянскаго единенія ищетъ своего осуществленія въ изученіи славянской культуры. Главною цѣлью должно быть всестороннее изученіе славянскаго вопроса, возбужденіе интереса къ нему въ широкихъ кругахъ и распространеніе свѣдѣній о славянствѣ. Общество должно быть безпартійнымъ и въ такомъ только случаѣ оно можетъ получить авторитетъ въ глазахъ всѣхъ славянъ; если же организація и составъ общества получатъ партійную окраску, то авторитетъ его будетъ поколебленъ. Необходимо полное уваженіе къ индивидуальнымъ особенностямъ отдѣльныхъ славяньскихъ народностей. Соблюденіе этого условія укрѣпитъ авторитетъ Россіи среди славянскихъ народовъ, и

только при этомъ условіи можетъ быть устраненъ русско-польскій антагонизмъ [1]). Созывъ всеславянскаго съѣзда былъ признанъ несвоевременнымъ; нужно предварительно сговориться между собой и найти то общее, что можетъ объединить и установить опредѣленное общее настроеніе въ широкихъ кругахъ русскаго общества. Въ заключеніе было признано нужнымъ избрать комитетъ, который долженъ былъ намѣтить организацію предполагаемаго общества и опредѣлить кругъ его задачъ. Въ составъ комитета вошли: О. П. Герасимовъ, М. М. Ковалевскій, Н. П. Кандаковъ, П. Н. Милюковъ, Ю. Н. Милютинъ, И. Х. Озеровъ и М. М. Ѳедоровъ.

Слѣдующее совѣщаніе, которое явилось въ то же время организаціоннымъ собраніемъ вновь учреждаемаго общества „славянской взаимности“, состалось 30 апрѣля въ клубѣ общественныхъ дѣятелей. Принять участіе въ учрежденіи общества изъявили согласіе: 1. П. Н. Балашевъ. 2. гр. В. А. Бобринскій. 3. А. С. Будиловичъ. 4. С. Н. Булгаковъ. 5. В. И. Вернадскій. 6. О. П. Герасимовъ. 7. В. И. Герье. 8. А. А. Гирсъ. 9. А. И. Гучковъ. 10. Н. И. Гучковъ. 11. И. Н. Ефремовъ. 12. В. М. Истринъ, 13. М. Я. Капустинъ, 14. Б. А. Кистяковскій. 15. М. М. Ковалевскій. 16. Гр. Л. А. Комаровскій. 17. Н. П. Кандаковъ. 18. А. Ф. Кони. 19. Бар. П. Л. Корфъ. 20. Н. А. Котляревскій. 21. С. А. Котляревскій. 22. М. В. Красовскій. 23. Г. А. Крестовниковъ 24. П. А. Кулаковскій. 25. В. И. Ламанскій. 26. Н. Н. Львовъ. 27. В. А. Маклаковъ. 28. П. Н. Милюковъ. 29. Ю. Н. Милютинъ. 30. С. Ф. Ольденбургъ. 31. В. М. Петрово-Соловово. 32. И. Х. Озеровъ. 33. А. А. Пиленко. 34. М. А Стаховичъ. 35. П. Б. Струве. 36. М. М. Ѳедоровъ. 37. Н. А. Хомяковъ. 38. А. А. Шахматовъ. 39. С. И. Шидловскій. 40. Д. Н. Шиповъ.

Изъ приведеннаго списка видно, что организаторы совѣщанія, приглашая общественныхъ дѣятелей принять участіе въ осуществленіи намѣченнаго предположенія, не руководились партійными соображеніями, а имѣли въ виду исключительно

---

[1]) При предварительныхъ переговорахъ съ поляками выяснилось, что они относятся сочувственно къ предположенію объ учрежденіи общества, но полагали, что обсужденіе вопроса въ первоначальной стадіи правильнѣе произвести безъ ихъ участія. Совѣщаніе признало участіе поляковъ въ образуемомъ обществѣ весьма желательнымъ.

интересы дѣла. Однако, въ собраніи 30-го апрѣля дальнѣйшее направленіе дѣла получило неожиданно совершено иной характеръ. Совѣщаніе, одобривъ представленный комитетомъ проектъ устава общества, приступило къ избранію правленія общества. Учредители, принадлежавшіе къ политическимъ партіямъ лѣвѣе „Союза 17 октября“, присутствовали далеко не въ полномъ числѣ, тогда какъ учредители изъ числа октябристовъ были почти въ полномъ сборѣ и, какъ выяснилось, они явились съ заранѣе составленнымъ спискомъ лицъ, намѣченныхъ ими въ составъ правленія. При подсчетѣ поданныхъ записокъ оказались избранными въ правленіе почти исключительно представители „Союза 17 октября“, а изъ числа лицъ, принадлежавшихъ къ партіямъ лѣвѣе октябристовъ, въ составъ правленія былъ введенъ только одинъ В. А. Маклаковъ. Отъ участія въ руководствѣ дѣятельностью вновь образованнаго общества оказались устраненными: иниціаторъ дѣла, М. М. Ѳедоровъ, и такіе компетентные въ славянскомъ вопросѣ люди, какъ П. Н. Милюковъ и С. А. Котляревскій. Образъ дѣйствій октябристовъ придалъ новому обществу опредѣленно партійный характеръ, что исключало возможность создать на почвѣ славянскаго вопроса благопріятную почву для примиренія партійной розни, и въ то же время обрекало новое общество на бездѣятельность, такъ какъ во главѣ его стали люди, не имѣвшіе въ своемъ большинствѣ глубокаго интереса къ вопросу и руководившіеся, главнымъ образомъ, партійными соображеніями.

Весной того же 1908 года среди лицъ, часто собиравшихся въ редакціи газеты „Слово“, возникло еще другое предположеніе, преслѣдовавшее также цѣль содѣйствовать сближенію близкихъ между собой политическихъ группъ. Газета „Слово“ не являлась органомъ партіи „Мирнаго Обновленія“, но она находилась въ тѣсныхъ съ ней отношеніяхъ. Редакторъ, М. М. Ѳедоровъ, состоялъ членомъ партіи „Мирнаго Обновленія“ и руководимый имъ органъ печати, имѣя безусловно безпартійный характеръ, всегда являся въ то же время проводникомъ идей, которыя совпадали съ основными положеніями партіи „Мирнаго Обновленія“. „Слово“ ставило себѣ главной задачей послѣдовательно разоблачать антиконституціонный образъ дѣйствій кабинета П. А. Столыпина и содѣйствовать образованію въ

Государственной Думѣ и въ странѣ конституціоннаго центра. Для того, чтобы послѣдняя задача получила совершенно опредѣленную и ясную постановку въ глазахъ общества и чтобы лучше обезпечить возможность достиженія намѣченной цѣли, было признано желательнымъ образовать редакціонный комитетъ, состоящій изъ представителей въ равномъ числѣ трехъ политическихъ группъ: лѣвыхъ октябристовъ, „Мирнаго Обновленія“ и правыхъ конституціоналистовъ-демократовъ. Такой составъ редакціоннаго комитета свидѣтельствовалъ бы съ несомнѣнностью о безпартійномъ характерѣ газеты и могъ бы на ея страницахъ давать освѣщеніе всѣмъ возникающимъ въ политической жизни вопросамъ и намѣчать ихъ разрѣшеніе съ точки зрѣнія, пріемлемой для всѣхъ трехъ указанныхъ политическихъ группъ. Казалось, что такая постановка дѣла могла бы послужить ячейкой для сближенія между собой близкихъ политическихъ дѣятелей и для постепеннаго образованія въ странѣ конституціоннаго центра. Представители въ комитетѣ трехъ политическихъ группъ могли бы служить живой связью между послѣдними; они имѣли бы возможность при постановкѣ на очередь того или иного вопроса обсудить его предварительно среди членовъ своей партіи, выслушать ихъ мнѣніе и ознакомить ихъ съ отношеніемъ къ данному вопросу представителей другихъ двухъ группъ. Было признано достаточнымъ образовать комитетъ изъ девяти лицъ, по три представителя отъ каждой группы.

Иниціаторами возникшаго предложенія были намѣчены въ этихъ цѣляхъ изъ среды партіи „Мирнаго Оновленія“: М. М. Ѳедоровъ, Н. Н. Львовъ и Д. Н. Шиповъ. Войти въ комитетъ изъ состава к.-д. партіи было признано желательнымъ пригласить: С. А. Котляревскаго, В. А. Маклакова и П. Б. Струве, а изъ среды октябристовъ: М. Я. Капустина, В. М. Петрово-Соловово и С. И. Шидловскаго. Первые трое изъ числа представителей этихъ двухъ партій отнеслись къ сдѣланному имъ предложенію съ полнымъ сочувствіемъ и выразили свое опредѣленное согласіе. Намѣченные представители „Союза 17 октября“, при первоначальныхъ съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности переговорахъ, также выражали, повидимому, свою готовность принять приглашеніе, но когда всѣ трое собрались съ представителями партіи „Мирнаго Обновленія“ для совмѣстнаго обсужде-

нія вопроса, то октябристы измѣнили свое отношеніе, выражали сомнѣніе въ цѣлесообразности предложенной организаціи и въ возможности установленія соглашеній при обсужденіи въ редакціонномъ комитетѣ конкретныхъ вопросовъ. При окончаніи бесѣды члены „Союза 17 октября“, хотя и не заявили окончательно своего отказа, но говорили о необходимости, прежде чѣмъ дать свой отвѣтъ, обсудить сдѣланное имъ предложеніе въ своей думской фракціи и затѣмъ, такъ какъ бесѣда происходила въ маѣ мѣсяцѣ, заявили, что считаютъ за лучшее оставить вопросъ открытымъ до осени. Представители партіи „Мирнаго Обновленія“ вынесли впечатлѣніе, что отсрочка отвѣта со стороны октябристовъ является только желаніемъ избѣгнуть опредѣленнаго отказа съ ихъ стороны и что они, очевидно, не въ состояніи освободиться отъ усвоеннаго ими партійнаго антагонизма. Въ виду такого ихъ отношенія къ сдѣланному имъ приглашенію приходилось признать, что предположеніе, возникшее въ редакціи „Слово“ и встрѣченное съ полнымъ сочувствіемъ со стороны представителей „Мирнаго Обновленія“ и правыхъ к.-д., не могло получить своего осуществленія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я принужденъ былъ притти къ заключенію что всѣ попытки внести примиреніе и содѣйствовать соглашенію близкихъ въ сущности между собой партійныхъ политическихъ организацій не достигаютъ благопріятныхъ результатовъ, встрѣчая трудно устранимое противодѣйствіе въ партійномъ антагонизмѣ и въ отсутствіи сознанія небходимости доброжелательныхъ соглашеній въ интересахъ общаго дѣла и мирнаго устроенія государственной жизни.

ГЛАВА XVI.

Послѣдніе годы моего участія въ земскихъ учрежденіяхъ московской губерніи. Участіе мое въ московской городской думѣ. Рѣшеніе устраниться отъ дальнѣйшаго участія въ общественной дѣятельности.

Послѣдніе годы моего участія въ московскомъ земствѣ оставили во мнѣ очень тяжелыя воспоминанія. Съ 1877-го года въ теченіе 28 лѣтъ я съ глубокимъ интересомъ и съ горячей любовью слѣдилъ за развитіемъ земской дѣятельности въ московской губерніи и принималъ въ ней посильное участіе. Во все это время губернское земское собраніе неизмѣнно и неуклонно стремилось къ широкому удовлетворенію экономическихъ и культурныхъ потребностей населенія; въ своей дѣятельности собраніе всегда руководилось правильнымъ пониманіемъ сущности земской общественной идеи и всегда съ уваженіемъ относилось къ работѣ земскихъ тружениковъ, какъ избираемыхъ изъ своей среды, такъ и приглашаемыхъ земскими управами. Совершенно иное отношеніе къ дѣлу проявилось въ губернскомъ собраніи въ трехлѣтіе 1906-8 г.г. Въ главѣ IV я уже говорилъ о земскомъ положеніи 1890 года, стремившемся ослабить притокъ демократическихъ элементовъ въ земство и предоставлявшемъ въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ преобладаніе представителямъ дворянскаго землевладѣнія. Тамъ же останавливался я на выясненіи причинъ, въ силу которыхъ предоставленное дворянству право не оказывало въ теченіе продолжительнаго времени неблагопріятнаго вліянія на развитіе земскаго дѣла. Главной причиной этому послужило то, что большинство представителей реакціоннаго направленія въ средѣ дворянства было чуждо интересамъ политической и общественной жизни и потому уклонялось отъ участія въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ, вслѣдствіе чего въ послѣднихъ по-

лучали перевѣсъ прогрессивные, культурные дворянскіе элементы. Но революціонныя выступленія, широко проявившіяся съ конца 1905 года, измѣненія въ государственномъ строѣ, возвѣщенныя манифестомъ 17-го октября, и политика, проводимая П. А. Столыпинымъ послѣ роспуска первой Государственной Думы,—побудили дворянство воспользоваться предоставленнымъ ему въ 1890 году правомъ, что не могло не отразиться на составѣ гласныхъ, избранныхъ въ 1906 году. Составъ губернскаго земскаго собранія къ очередной его сессіи оказался значительно измѣненнымъ и при баллотировкахъ, произведенныхъ въ первыхъ засѣданіяхъ, не замедлило выясниться, что около 60% гласныхъ принадлежатъ къ реакціоннымъ элементамъ. Образовавшееся въ собраніи реакціонное большинство поспѣшило проявить рѣзкій антагонизмъ къ установившемуся ранѣе направленію земской дѣятельности и непримиримое, вызывающее отношеніе къ прогрессивному меньшинству и, въ особенности, къ личному составу послѣдней губернской управы. При избраніи финансовой комиссіи, на заключеніе которой обычно передавались всѣ болѣе сложные доклады, были избраны исключительно представители большинства, но такъ какъ въ ихъ средѣ было очень мало лицъ, знакомыхъ съ земскимъ дѣломъ, то въ составъ комиссіи былъ включенъ и избранъ ея предсѣдателемъ Н. Ѳ. Рихтеръ. Н. Ѳ. Рихтеръ былъ старымъ земскимъ дѣятелемъ и въ прежнее время по своимъ политическимъ убѣжденіямъ всегда примыкалъ къ прогрессивнымъ теченіямъ; во время земскаго съѣзда въ ноябрѣ 1904 года онъ присоединился къ мнѣнію его большинства, а затѣмъ въ іюлѣ 1905 года онъ былъ въ числѣ подписавшихъ обращеніе къ обществу отъ съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей, имѣвшее цѣлью привлечь широкія народныя массы къ политической дѣятельности [1]). Учтя происшедшія въ составѣ губернскаго собранія измѣненія и возможность быть избраннымъ при новыхъ условіяхъ предсѣдателемъ губернской управы, что являлось для него желательной компенсаціей послѣ выраженнаго единогласно порицанія его образу дѣйствій губернскимъ собраніемъ очередной сессіи 1891 года, [2])—Н. Ѳ. Рихтеръ измѣнилъ свою

[1]) См. главу XII, стр. 394—396.
[2]) См. главу I, стр. 19 и 20.

политическую физіономію, присоединился къ реакціонному большинству и сталъ во главѣ теченія, отрицательно относившагося къ направленію протекшей дѣятельности московскаго земства, направленію, установленному Д. А. Наумовымъ еще въ то время, когда Н. Ѳ. былъ членомъ губернской управы. Въ продолженіе всей сессіи члены финансовой комиссіи и ея предсѣдатель старались дискредитировать прежнюю земскую дѣятельность, работу губернской управы и болѣе отвѣтственныхъ земскихъ служащихъ и предлагали широкое сокращеніе смѣтныхъ ассигнованій на 1907 годъ, съ чѣмъ собраніе всегда соглашалось. Представители прогрессивной группы гласныхъ и губернская управа выясняли необоснованность вносимыхъ финансовой комиссіей предложеній и предостерегали собраніе относительно опасности разрушенія земскаго дѣла, но всѣ ихъ возраженія оставлялись безъ вниманія и представленная управой смѣта была собраніемъ уменьшена почти на сто тысячъ рублей.

Когда разсмотрѣніе всѣхъ смѣтныхъ докладовъ было закончено, я внесъ и огласилъ въ собраніи заявленіе, подписанное 36 гласными. Въ этомъ заявленіи обращалось вниманіе на то, что комиссія мотивировала сокращеніе смѣтныхъ ассигновокъ финансовымъ положеніемъ губернскаго земства, но не вполнѣ удовлетворительное состояніе финансоваго хозяйства земства можно было усмотрѣть лишь въ недостаточномъ размѣрѣ оборотныхъ средствъ, имѣвшихся въ распоряженіи земства, но отнюдь не по отношенію къ текущимъ смѣтнымъ средствамъ. Процентъ обложенія имуществъ губернскимъ сборомъ очень не великъ и съ десятины онъ исчисленъ въ размѣрѣ 6—8 копѣекъ. Отказъ въ ассигнованіи 28500 руб. на строительныя нужды различныхъ земскихъ учрежденій и отклоненіе предложенныхъ управой новыхъ расходовъ въ суммѣ 9000 р. оставляютъ безъ удовлетворенія выясненныя потребности земскаго дѣла. Исключеніе изъ смѣты 16000 р., назначавшихся на покрытіе уже произведенныхъ сверхсмѣтныхъ расходовъ, отразится на ухудшеніи общаго финансоваго положенія. Исключеніе и уменьшеніе ассигновокъ, ранѣе уже существовавшихъ, нарушаютъ или прекращаютъ земскую дѣятельность, какъ напримѣръ, въ области внѣшкольнаго образованія и разработку статистическихъ данныхъ, сокращаютъ необходимыя земству рабочія силы и вносятъ дезорганизацію въ земское дѣло. За-

тѣмъ въ заявленіи было сказано: „Не можемъ не указать на отсутствіе какихъ-либо доводовъ и мотивовъ по существу предлагаемыхъ къ сокращенію расходовъ. Мы находимъ, что такого рода постановленія вступаютъ въ противорѣчіе съ направленіемъ, въ которомъ неизмѣнно развивалось земское дѣло въ московской губерніи болѣе 40 лѣтъ, не соотвѣтствуютъ культурнымъ задачамъ, преслѣдуемымъ земствомъ, и нарушаютъ установившіяся традиціи—уваженіе къ дѣятельности прежнихъ собраній и сохраненіе необходимой преемственности въ ихъ дѣятельности. Сокращеніе штата служащихъ возлагаетъ на остающихся непосильную работу и нарушаетъ необходимое взаимодѣйствіе земскаго собранія и выборныхъ земскихъ дѣятелей съ культурными работниками, посвящающими самоотвержено и съ любовью свои труды земскому дѣлу. Не считая возможнымъ принять на себя нравственную отвѣтственность за послѣдствія состоявшихся постановленій, мы протестуемъ противъ сдѣланныхъ въ смѣтѣ исключеній и прилагаемъ наше заявленіе къ журналамъ собранія“.

При окончаніи сессіи собранію надлежало произвести выборы новаго состава губернской управы. При подачѣ записокъ съ именами кандидатовъ на должность предсѣдателя управы 41-ой изъ 79-ти поданныхъ записокъ былъ предложенъ Н. Ѳ. Рихтеръ, но при баллотировкѣ шарами онъ получилъ—40 шаровъ неизбирательныхъ, 39 избирательныхъ и свой собственный голосъ. Всѣ остальные кандидаты отъ баллотировки отказались и затѣмъ собраніе выборы предсѣдателя и членовъ управы отложило до экстренной сессіи, открывшейся 15 февраля 1907 г. При подачѣ записокъ въ этотъ разъ Н. Ѳ. Рихтеръ, изъ 74 поданныхъ вообще записокъ, получилъ 43 предложенія и тогда въ собраніи возникъ вопросъ о правѣ Н. Ѳ-ча баллотироваться вновь, разъ онъ уже баллотировался и не былъ избранъ въ очередной сессіи. Предсѣдатель собранія, и. д. губернскаго предводителя дворянства, П. А. Базилевскій, заявилъ, что въ виду противорѣчивости (?) сенатскихъ разъясненій, онъ считаетъ необходимымъ руководиться исключительно ст. 119 полож. о зем. учр. и признаетъ за Н. Ѳ. Рихтеромъ право подвергнуться снова баллотировкѣ. По порученію группы прогрессивныхъ гласныхъ я выступилъ съ протестомъ противъ незакономѣрнаго разъясненія вопроса предсѣдателемъ. Ст. 119 предусматриваетъ,

что, въ случаѣ неутвержденія избранныхъ должностныхъ лицъ администраціей, при послѣдующихъ новыхъ выборахъ не могутъ баллотироваться вновь лица, не получившія утвержденія, но эта статья не имѣетъ никакого отношенія къ вопросу о правѣ лицъ, забаллотированныхъ, баллотироваться вновь на ту же должность въ теченіе той же выборной сессіи. Этотъ послѣдній вопросъ разъясненъ указомъ сената 27-го марта 1902 г., № 2775, послѣдовавшемъ по рапорту министра внутреннихъ дѣлъ, въ томъ смыслѣ, что „подъ земской выборной сессіей, въ теченіе которой не допускается перебаллотировка забаллотированныхъ въ ту же сессію лицъ, слѣдуетъ разумѣть совокупность засѣданій, необходимыхъ для замѣщенія, посредствомъ выборовъ всѣхъ открывшихся въ данное время вакансій". Согласно такому опредѣленному разъясненію, недопускающему сомнѣній, Н. Ѳ. Рихтеръ вновь баллотироваться не можетъ, и если тѣмъ не менѣе ему это право предоставлено будетъ, то 30-ью гласными будетъ тотчасъ же представлена жалоба въ сенатъ. Послѣ моего заявленія раздались рукоплесканія въ публикѣ. Предсѣдатель предложилъ публикѣ удалиться и такъ какъ это предложеніе немедленно исполнено не было, то предсѣдатель объявилъ, что если черезъ 5 минутъ залъ публикой очищенъ не будетъ, то засѣданіе будетъ перенесено въ другое помѣщеніе, куда публика допущена не будетъ. Предсѣдатель управы, Ѳ. А. Головинъ, обратилъ вниманіе предсѣдателя собранія, что публика можетъ быть удаляема послѣ того, какъ она, несмотря на предупрежденіе, держитъ себя не соотвѣтствующимъ образомъ; въ данномъ случаѣ предупрежденія сдѣлано не было и потому распоряженіе предсѣдателя превращаетъ произвольно публичное засѣданіе земскаго собранія въ закрытое. Предсѣдатель отвѣчалъ, что онъ остается при принятомъ имъ рѣшеніи, а Ѳ. А. Головинъ имѣетъ право подать жалобу на дѣйствія предсѣдателя. Этотъ отвѣтъ вызвалъ снова шумный и рѣзкій протестъ среди публики. Во время объявленнаго перерыва публика была удалена и затѣмъ засѣданіе возобновилось, но отъ участія въ незаконныхъ выборахъ Н. Ѳ. Рихтера и въ видѣ протеста противъ образа дѣйствій предсѣдателя собранія устранились многіе гласные и засѣданіе продолжалось при наличности 49 лицъ. При баллотировкѣ Н. Ѳ. Рихтеръ получилъ 43 избирательныхъ шара, свой голосъ и 4

неизбирательныхъ шара, а 1 гласный, не удалившійся изъ собранія, отказался отъ участія въ баллотировкѣ. 30-ю гласными была принесена жалоба на неправильность произведенной баллотировки и сенатъ не имѣлъ возможности не уважить этой жалобы, но такъ какъ администрація, мѣстная и центральная, сочувствовала кандидатурѣ Н. Ѳ. Рихтера и онъ былъ ею въ скоромъ же времени послѣ произведенныхъ выборовъ допущенъ до исполненія обязанностей предсѣдателя, то указъ сената, признавшій баллотировку Н. Ѳ. Рихтера неправильной и отмѣнившій его избраніе, послѣдовалъ лишь по окончаніи трехлѣтія, на которое Н. Ѳ. Рихтеръ былъ незаконно избранъ.

Въ теченіе той же февральской сессіи губернскаго собранія большинство его воспользовалось случаемъ проявить свое отношеніе къ земскимъ работникамъ изъ среды третьяго элемента. Прежняя управа внесла въ собраніе рядъ предложеній о назначеніи обычныхъ пенсій нѣсколькимъ лицамъ, прослужившимъ земству большое число лѣтъ и оставлявшихъ свою службу. Большинство собранія, объяснивъ себѣ заявленія нѣкоторыхъ старослужащихъ о желаніи оставить службу, косвеннымъ протестомъ ихъ противъ новаго настроенія собранія и нежеланіемъ ихъ сотрудничать съ намѣчавшимся составомъ новой управы, отклонило предложенія о назначеніи имъ пенсій. Ѳ. А. Головинъ видѣлъ въ результатахъ баллотировки какое-то недоразумѣніе, такъ какъ лица, которымъ было отказано въ пенсіи, принадлежали къ числу самыхъ старыхъ и наиболѣе достойныхъ служащихъ и пенсіи испрашивались имъ управой въ обычномъ размѣрѣ, согласно установившейся въ теченіе многихъ лѣтъ практикѣ. Послѣ этого заявленія вопросъ былъ пересмотрѣнъ и нѣсколькимъ лицамъ пенсіи были опредѣлены, но однако въ значительно пониженномъ размѣрѣ, а въ назначеніи пенсіи завѣдующему статистическимъ отдѣленіемъ, профессору Н. А. Каблукову, прослужившему земству болѣе 25 лѣтъ было отказано. Я привожу здѣсь всѣ эти свѣдѣнія, чтобы показать при какомъ настроеніи и при какомъ отношеніи къ земскому дѣлу происходили очередная сессія 1906 года и послужившая ей продолженіемъ экстренная сессія.

Хотя во время этихъ сессій реакціонное большинство одержало побѣду, но оно ею не удовлетворилось и въ очередной сессіи слѣдующаго года продолжало свои старанія дискредити-

ровать направленіе земской дѣятельности за прежнее время и, особенно, дѣйствія послѣдней управы. Предъявляемыя бывшему составу губернской управы ревизіонной комиссіей обвиненія относились преимущественно къ операціямъ сельскохозяйственнаго склада и къ дѣятельности союза земствъ въ дѣлѣ совмѣстной закупки желѣза. Эти операціи за предыдущіе года получили широкое развитіе и въ результатѣ являлись очень выгодными для земствъ, но при веденіи такого рода сложныхъ дѣлъ возможны были нѣкоторые недостатки, преимущественно формальнаго характера, не имѣвшіе серьезнаго значенія. Ревизіонная комиссія и новая управа сосредоточили свое вниманіе исключительно на послѣднихъ и игнорировали всю положительную сторону дѣла. Прежней управѣ предъявлялись обвиненія въ упущеніяхъ, нераспорядительности и чуть не въ злоупотребленіяхъ, а представляемыя ею объясненія и возраженія признавались неудовлетворительными и оставлялись безъ вниманія. Въ заключеніе продолжительныхъ въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій преній собраніе постановило: просить прежній составъ управы внести въ кассу губернскаго земства 3347 р. 15 к., какъ убытокъ, причиненный ея дѣйствіями. Ѳ. А. Головинъ; по поводу состоявшагося безъ участія прежняго состава управы приведеннаго постановленія, заявилъ въ слѣдующемъ засѣданіи отъ себя и отъ лица товарищей своихъ, что они сочли бы своею обязанностью внести соотвѣтствующую сумму въ возмѣщеніе ущерба земства, если бы таковой былъ выясненъ, но ни въ докладѣ комиссіи, ни въ происходившихъ въ собраніи преніяхъ не былъ установленъ самый фактъ ущерба, а потому они не считаютъ себя нравственно обязанными внести указанную въ постановленіи собранія сумму и просятъ собраніе поручить управѣ предъявить къ нимъ искъ, дабы надлежащій судъ разрѣшилъ возникшій споръ. Такая постановка вопроса смутила иниціаторовъ предъявленнаго обвиненія, такъ какъ у нихъ не могло быть никакого сомнѣнія, что судъ признаетъ это обвиненіе необоснованнымъ и неправильнымъ. Они старались отклонить предложеніе, внесенное Ѳ. А. Головинымъ, по разнымъ формальнымъ соображеніямъ, а прогрессивные гласные доказывали необходимость передачи дѣла въ судъ, чтобы такимъ путемъ устранить авторитетнымъ и объективнымъ порядкомъ предъявленное обвиненіе. Послѣ продолжительныхъ преній было поставлено на закрытую

баллотировку слѣдующее предложеніе: „поручить губернской управѣ предъявить не позднѣе трехъ мѣсяцевъ искъ къ бывшему составу управы установленнымъ порядкомъ, назначивъ срокомъ для добровольнаго взноса начета одинъ мѣсяцъ“. Это предложеніе было принято большинствомъ 46 голосовъ противъ 5. Однако, ни черезъ три мѣсяца, ни позднѣе искъ предъявленъ не былъ, чѣмъ съ очевидностью была признана неосновательность и предвзятость предъявленнаго обвиненія.

Для полной характеристики отношеній новаго состава губернскаго собранія и губернской управы къ земскому дѣлу и къ земскимъ учрежденіямъ приведу еще нѣкоторыя указанія. Въ докладѣ новой управы о дѣятельности союза земствъ по закупкѣ желѣза были, между прочимъ, слѣдующія выраженія: „выслушивая на совѣщаніяхъ земскихъ представителей грозныя цифры объединенныхъ заказовъ, оборотовъ, прибылей земства, участники союза до того проникліись мыслью грандіозности и мощности операціи, въ которой они участвуютъ, что свои личныя матеріальныя обязательства передъ союзомъ стали считать чѣмъ-то столь незначительнымъ, что единеніе, начатое на почвѣ совмѣстной закупки желѣза, стало постепенно вырождаться въ единеніе на почвѣ совмѣстнаго неплатежа за него“, и далѣе—„прослышавъ о такомъ учрежденіи, гдѣ за 1 коп. съ пуда комиссіонныхъ можно имѣть неограниченный кредитъ, земства всей Россіи стали массами примыкать къ союзу, т.-е. присылать ему свои заказы, неуплачивая не только стоимости желѣза, но и комиссіонныхъ“. Никто изъ представителей большинства собранія ничѣмъ не реагировалъ на приведенныя выраженія, но группа прогрессивныхъ гласныхъ представила и огласила въ собраніи заявленіе, которое заканчивалось словами: „Находя такое отношеніе губернской управы къ земствамъ всей Россіи не отвѣчающимъ достоинству московскаго земства и совершенно несправедливымъ и не на чемъ не основаннымъ по существу, мы протестуемъ противъ недостойныхъ выраженій въ докладѣ губернской управы“. Излишне, думается мнѣ, говорить, что въ дѣйствительности союзъ земствъ не потерялъ ни 1 копейки отъ неплатежа своихъ сочленовъ.

Къ очередной сессіи 1908 года агрессивное настроеніе губернскаго собранія нѣсколько успокоилось и губернская управа подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Рихтера, опытнаго земскаго дѣятеля

и не чуждаго пониманію старыхъ земскихъ традицій, принявъ во вниманіе происшедшее въ настроеніи собранія измѣненіе, стала по немногу возстановлять то, что было нарушено въ земскомъ дѣлѣ въ послѣдніе два года; теченіе земской жизни возвращалось постепенно въ прежнее русло и подъ напоромъ роста и сознанія разнообразныхъ потребностей населенія земское дѣло не могло быть остановлено въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, хотя послѣднее, можетъ быть, не было достаточно обосновано и идейно одухотворено.

Отрицательное отношеніе новыхъ земскихъ дѣятелей къ направленію земской дѣятельности прежняго времени и къ земскому освободительному движенію, приведшему къ измѣненію политическаго строя страны, отразилось и на отношеніяхъ ко мнѣ, представителей реакціонной дворянской среды. Въ первомъ избирательномъ собраніи по волоколамскому уѣзду, въ которомъ я принималъ участіе, въ прежнее время рѣдко собирались избиратели въ числѣ, достигавшемъ двухъ третей числа 15 гласныхъ, подлежавшихъ избранію, и гласными, въ большей части случаевъ, признавались всѣ, прибывшіе на избирательныя собранія, а если избирательное собраніе оказывалось въ надлежащемъ составѣ, то я былъ избираемъ всегда почти единогласно. При выборѣ гласныхъ на трехлѣтіе 1909—1911 г.г., въ избирательное собраніе прибыло 12 лицъ, среди которыхъ 8 явились представителями преобладавшаго въ дворянской средѣ реакціоннаго настроенія, и только 4 лица принадлежали къ прогрессивной группѣ. Несмотря на такой составъ собранія и на то, что мнѣ было извѣстно о принятомъ большинствомъ избирателей рѣшеніи забаллотировать меня, я заявилъ о своемъ желаніи подвергнуться баллотировкѣ и получилъ, кромѣ своего голоса, только три избирательныхъ шара. Такой исходъ выборовъ не могъ быть, конечно, сколько-нибудь обиднымъ для моего самолюбія, но мнѣ было прискорбно быть устраненнымъ отъ дальнѣйшаго участія въ работѣ уѣзднаго и губернскаго земствъ. Тѣмъ болѣе было мнѣ отрадно избраніе меня уѣзднымъ земскимъ собраніемъ третьимъ членомъ уѣздной управы безъ содержанія, чѣмъ мнѣ предоставлялась возможность войти въ составъ уѣзднаго собранія и быть избраннымъ губернскимъ гласнымъ. Избраніе меня членомъ управы большинствомъ всѣхъ гласныхъ, кромѣ присутствовавшихъ реакціонныхъ представи-

телей перваго избирательнаго собранія, разрушало планъ послѣднихъ, который они считали уже осуществленнымъ. Насколько мнѣ стало извѣстно изъ компетентнаго источника, были сдѣланы шаги, клонившіеся къ неутвержденію меня въ должности члена уѣздной управы, но это предположеніе не было приведено въ исполненіе. Въ то время, когда губернатору, В. Ѳ. Джунковскому, предстояло принять рѣшеніе по данному вопросу, въ Москвѣ былъ проѣздомъ П. А. Столыпинъ. Губернаторъ говорилъ ему во время происходившей между ними бесѣды о моемъ избраніи и о своемъ недоумѣніи относительно вопроса о моемъ утвержденіи и предсѣдатель совѣта министровъ, какъ передавали мнѣ, не видѣлъ основанія для моего неутвержденія. По моемъ вступленіи въ должность было вскорѣ созвано экстренное уѣздное собраніе, на которомъ я былъ избранъ губернскимъ гласнымъ на четвертое мѣсто, оставленное съ этой цѣлью вакантнымъ во время очередного собранія. Реакціонными элементами, какъ мнѣ было сообщено изъ того же хорошо освѣдомленнаго источника, и, главнымъ образомъ, губернскимъ предводителемъ дворянства, А. Д. Самаринымъ, было произведено давленіе на губернатора, которымъ избраніе меня губернскимъ гласнымъ было опротестовано и передано на заключеніе губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія. Присутствіе согласилось съ протестомъ губернатора и признало избраніе меня губернскимъ гласнымъ неправильнымъ, такъ какъ я не состоялъ уѣзднымъ гласнымъ по избранію перваго избирательнаго собранія. Постановленіе присутствія состоялось въ декабрѣ 1909 г., не задолго до открытія очередной сессіи губернскаго земскаго собранія, въ которой я такимъ образомъ былъ лишенъ возможности принять участіе. Хотя постановленіе присутствія представлялось, несомнѣнно, незаконнымъ и явно противорѣчащимъ ст. 116 и ст. 121 полож. о земск. учрежд., но волоколамское собраніе, чтобы обжаловать опредѣленіе присутствія должно было быть созвано въ чрезвычайную сессію. Затѣмъ я предполагалъ что сенатъ отмѣнитъ опредѣленіе присутствія не въ скоромъ времени, очень вѣроятно, по окончаніи трехлѣтія, на которое я былъ избранъ, и по этимъ причинамъ я не ожидалъ быть своевременно возстановленнымъ въ своихъ правахъ. Однако, дѣло приняло совершенно неожидано вполнѣ благопріятный оборотъ. Въ февралѣ 1910 г. волоколамское собраніе постановило обжаловать

постановленіе присутствія; уѣздной управой вскорѣ была представлена жалоба, направленная присутствіемъ безъ замедленія въ сенатъ, который уже 11 апрѣля отмѣнилъ постановленіе московскаго губернскаго присутствія, и такимъ образомъ я получилъ возможность принять участіе въ послѣдующихъ собраніяхъ губернскаго земства въ теченіе трехлѣтія.

Въ послѣднее время моего участія въ земскихъ учрежденіяхъ московской губерніи я слѣдилъ за ихъ дѣятельностью преимущественно въ качествѣ сторонняго наблюдателя и выступалъ въ собраніяхъ въ рѣдкихъ случаяхъ. Работа волоколамскаго земства продолжала развиваться интенсивно въ прежнемъ направленіи, благодаря энергіи молодого предсѣдателя управы, А. А. Эйлера, и прогрессивнаго настроенія уѣзднаго собранія и, особенно, всегда достаточно сознательныхъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ. Реакціонные представители дворянскаго землевладѣнія не имѣли въ земскомъ собраніи никакого вліянія и очень неисправно посѣщали его засѣданія. Въ губернскомъ земскомъ собраніи господствовалъ полный индиферентизмъ къ земскому дѣлу. Гласные собирались неохотно и необходимый для открытія собранія кворумъ составлялся съ большимъ опозданіемъ, а засѣданія часто приходилось вскорѣ прекращать за отсутствіемъ гласныхъ. Съ 1908 года выступленія реакціонныхъ гласныхъ не носили того характера раздраженія и озлобленія, которымъ они отличались въ продолженіе предыдущихъ двухъ лѣтъ, но представители реакціонныхъ теченій продолжали преобладать въ сообраніи и отсутствіе среди нихъ интереса и живого отношенія къ земскому дѣлу налагали свой отпечатокъ на ходъ занятій и настроеніе собраній. Когда представители реакціи выступали съ возраженіями на рѣчи и предложенія, вносимыя немногочисленными прогрсесивными гласными, то они имѣли всегда въ виду не существо обсуждавшихся вопросовъ, а сводили пренія на почву политическихъ, принципіальныхъ разногласій. Посѣщеніе, при такихъ условіяхъ, засѣданій губернскихъ собраній превращалось въ тягостную и мало производительную повинность.

Осенью 1908 года въ Москвѣ должны были происходить выборы гласныхъ въ городскую думу на четырехлѣтіе 1909-12 г. Во время предвыборной компаніи многіе городскіе дѣятели

приглашали меня выставить мою кандидатуру при предстоявшихъ выборахъ городскихъ гласныхъ и такъ какъ въ городѣ у меня не было имущественнаго ценза, то мнѣ было обезпечено уполномочіе по довѣренности совѣта московскаго общества сельскаго хозяйства. Ранѣе я никода не принималъ участія въ городскомъ самоуправленіи и возможность ближе ознакомиться съ постановкой и веденіемъ городского общественнаго хозяйства представлялась мнѣ заманчивой, но одно обстоятельство возбуждало во мнѣ нѣкоторое сомнѣніе—невыясненность отношеній между городскимъ сомоуправленіемъ и губернскимъ земствомъ на почвѣ привлеченія къ земскому обложенію городскихъ недвижимыхъ имуществъ. Недвижимыя имущества въ г. Москвѣ были впервые привлечены къ обложенію губернскимъ земскимъ сборомъ въ 1890 году, о чемъ уже было говорено выше, въ I-ой главѣ [1]). Участіе городовъ въ расходахъ земскихъ учрежденій я всегда считалъ необходимымъ и безусловно справедливымъ, по принципіальнымъ соображеніямъ, изложеннымъ во II-ой главѣ настоящихъ воспоминаній (стр. 28), и всегда отстаивалъ эту точку зрѣнія въ губернскомъ земскомъ собраніи. Но московская городская дума и ея представители въ земскомъ собраніи не примирялись съ такимъ разрѣшеніемъ вопроса, хотя постановленіе губернскаго земскаго собранія имѣло въ своемъ основаніи, кромѣ принципіальныхъ соображеній, опредѣленное указаніе въ законѣ. Въ этотъ вопросъ съ самаго начала представителями городского самоуправленія было внесено слишкомъ много раздраженія и это не могло не отразиться неблагопріятно на сотвѣтствующихъ постановленіяхъ городской думы, на взаимныхъ отношеніяхъ двухъ крупныхъ общественныхъ единицъ и нерѣдко вызывало недостаточно спокойное обсужденіе въ губернскомъ земскомъ собраніи вопросовъ, затрогивавшихъ въ той или иной мѣрѣ интересы г. Москвы.

Признавая необходимымъ и вполнѣ справедливымъ привлеченіе городскихъ имуществъ къ земскому обложенію, мнѣ въ тоже время представлялось правильнымъ обставить это обложеніе нѣкоторыми условіями, въ соотвѣтствіи съ особенностями порядка раскладки городскихъ сборовъ, и притти въ этомъ вопросѣ къ установленію извѣстнаго соглашенія между городомъ

---

[1]) См. стр. 15.

и земствомъ. Въ этихъ цѣляхъ, еще во время очередной сессіи 1891 года, мною было внесено въ губернское земское собраніе за подписью 45 гласныхъ заявленіе, которое заканчивалось слѣдующими предложеніями: 1) признать желательнымъ выяснить и урегулировать взаимныя отношенія губернскаго земства и г. Москвы; 2) разработку этого вопроса поручить комиссіи, половина состава которой должна быть избрана губернскимъ земскимъ собраніемъ, а остальные члены имѣютъ быть избранными городской думой; 3) избрать въ означенную комиссію членовъ отъ земства; 4) о состоявшихся постановленіяхъ увѣдомить городскую думу и 5) когда комиссія признаетъ сама свою задачу исчерпанной, докладъ ея долженъ быть представленъ въ губернское земское собраніе и городскую думу. Эти предложенія были приняты единогласно и затѣмъ собраніе избрало въ намѣченную комиссію изъ своей среды пять лицъ, въ числѣ которыхъ былъ и я. Въ непродолжительномъ времени городская дума также избрала своихъ представителей во вновь образуемую комиссію. Однако, въ 1892 году и въ первой половинѣ 1893 года вопросъ, порученный комиссіи, оставался безъ движенія, въ виду возникшихъ осложненій между органами губернскаго земскаго самоуправленія и происшедшаго измѣненія въ составѣ губернской управы.

Въ сентябрѣ 1893 года я обратился къ городскому головѣ, К. В. Рукавишникову, съ предложеніемъ приступить къ выполненію порученія, возложеннаго на согласительную комиссію. К. В., отнесясь сочувственно къ сдѣланному ему предложенію, находилъ полезнымъ и желательнымъ, до созыва комиссіи въ полномъ ея составѣ, предварительно обмѣняться намъ между собой мнѣніями по этому вопросу и привлечь къ такого рода частной бесѣдѣ еще по одному члену комиссіи отъ земства и города. Въ происходившемъ 23 сентября у К. В. Рукавишникова частномъ совѣщаніи, кромѣ насъ двоихъ, приняли участіе: товарищъ городского головы, Н. Н. Щепкинъ, со стороны города, и Ѳ. Д. Самаринъ, со стороны земства. Во время нашей бесѣды были намѣчены слѣдующія положенія, которыя, по мнѣнію совѣщавшихся, могли бы послужить основой для урегулированія отношеній между земствомъ и городомъ и текстъ которыхъ, записанный во время нашей бесѣды, былъ сообщенъ мной К. В. Рукавишникову при письмѣ 25-го того же мѣсяца:

1. Издаваемыя губернскимъ земствомъ обязательныя постановленія не примѣняются къ Москвѣ по 79 ст. полож. о зем. учр., а сообщаются городской думѣ, которая, если пожелаетъ, издаетъ ихъ съ соотвѣтственными измѣненіями по ст. 108 городового положенія.

2. Всѣ расходы, вызываемые примѣненіемъ обязательныхъ постановленій въ г. Москвѣ, должны производиться изъ городскихъ средствъ.

3. Въ случаѣ появленія въ губерніи эпидемій и эпизоотій и принятія губернскимъ земствомъ на свой счетъ всѣхъ расходовъ по борьбѣ съ ними, расходы г. Москвы изъ губернскихъ средствъ не удовлетворяются.

4. Мѣропріятія губернскаго земства по народному образованію, санитарной и врачебной организаціи на г. Москву не распространяются.

5. Если московской думѣ, вслѣдствіе предъявленія со стороны администраціи требованій, вызывающихъ новые крупные расходы, обязательные для города, независимо отъ согласія думы, придется увеличить процентъ своего обложенія на предстоящій смѣтный періодъ, то въ этомъ году процентъ земскаго обложенія не долженъ быть повышаемъ.

6. Губернскимъ земскимъ собраніемъ и городской думой будетъ предъявлено ходатайство предъ правительствомъ о томъ, чтобы maximum размѣра обложенія земскимъ сборомъ недвижимыхъ имуществъ г. Москвы не превышалъ половины размѣра обложенія въ томъ же году этихъ имуществъ городскимъ сборомъ.

7. Призрѣніе душевнобольныхъ, уроженцевъ московской губерніи и проживавшихъ до своего заболѣванія въ г. Москвѣ не менѣе года, лежитъ на обязанности городского управленія.

Эти положенія, на основаніи состоявшагося между К. В. Рукавишниковымъ и мной соглашенія, были сообщены предварительно, каждымъ изъ насъ по принадлежности, остальнымъ членамъ комиссіи и затѣмъ состоялось ея общее засѣданіе. Всѣ земскіе представители признали намѣченныя положенія пріемлемыми, но со стороны остальныхъ членовъ комиссіи, избранныхъ городской думой, послѣдовали большія возраженія и они съ своей стороны предлагали внести въ проектъ существенныя измѣненія, которыя сводились къ слѣдующему: 1) maximum размѣра земскаго обложенія не долженъ быть болѣе

$^1/_4$ обложенія имуществъ городскимъ сборомъ, при чемъ эта норма должна соблюдаться пока существуетъ различный порядокъ для земскаго и городского обложенія, 2) увеличеніе земскаго сбора въ одномъ году не должно превышать $^1/_4\%$ съ доходности облагаемыхъ имуществъ и 3) въ тотъ годъ, когда городъ доведетъ свое обложеніе до 10%, на этотъ годъ земство не увеличиваетъ процентъ своего обложенія. Къ концу засѣданія комиссія не пришла къ опредѣленному соглашенію и было предположено собраться вторично, при чемъ представители города выражали намѣреніе предварительно обмѣняться мнѣніями съ нѣкоторыми изъ городскихъ гласныхъ. Однако вторичное засѣданіе комиссіи не состоялось, хотя я по этому поводу неоднократно обращался къ К. В. Рукавишникову; онъ находилъ лучшимъ не спѣшить съ созывомъ комиссіи и выждать время, въ теченіе котораго можетъ установиться среди городскихъ представителей болѣе опредѣленное отношеніе къ вопросу. Въ такомъ положеніи вопросъ оставался до января 1895 года. При открытіи очередной сессіи губернскаго земскаго собранія 1894 года, я вновь просилъ К. В. Рукавишникова оказать свое содѣйствіе къ выясненію порученнаго комиссіи вопроса и онъ, послѣ совѣщанія съ членами комиссіи, избранными городской думой, сообщилъ мнѣ, что возобновленіе занятій комиссіи и достиженіе соглашенія было бы возможно при условіи, если губернское земство будетъ согласно опредѣлить максимальный размѣръ обложенія городскихъ имуществъ не выше $1^1/_2\%$. Относясь лично къ такой постановкѣ вопроса совершенно отрицательно, я въ то же время счелъ себя обязаннымъ ознакомить всѣхъ членовъ комиссіи, избранныхъ земскимъ собраніемъ, съ сообщеніемъ К. В. Рукавишникова. Мнѣнія земскихъ представителей въ комиссіи раздѣлились и нѣкоторые изъ нихъ полагали возможнымъ принять предложеніе, переданное мнѣ городскимъ головой. Въ виду обнаружившагося въ средѣ членовъ комиссіи разномыслія, было признано нужнымъ сообщить новое предложеніе со стороны города всему составу губернскаго собранія въ частномъ совѣщаніи гласныхъ. Частное совѣщаніе, въ которомъ гласные отъ города участіе не принимали, желая положить конецъ пререканіямъ, возникшимъ и все еще продолжавшимся между земствомъ и городомъ, признало возможнымъ пойти навстрѣчу предложенію, исходившему со стороны

городскихъ представителей въ согласительной комиссіи, и поручило губернской управѣ, въ этомъ смыслѣ внести предложеніе въ засѣданіе губернскаго земскаго собранія. 27 января 1895 года, губернское земское собраніе, послѣ сдѣланнаго мной словеснаго доклада, приняло приводимые ниже постановленія, которыя должны были послужить основаніемъ при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи въ комиссіи вопроса о соглашеніи съ городскимъ управленіемъ, а именно: 1) признать, что для справедливой раскладки губернскаго земскаго сбора между всѣми общественными платежными единицами, входящими въ составъ московской губерніи, необходимо установить максимальный размѣръ процента обложенія г. Москвы съ тѣмъ, чтобы таковое ограниченіе дѣйствовало до тѣхъ поръ, пока останутся въ силѣ нынѣ существующія основанія взиманія земскихъ и городскихъ сборовъ, 2) опредѣлить максимальный % обложенія губернскимъ земскимъ сборомъ г. Москвы въ $1^1/_2$%, сохраняя за земствомъ право примѣненія къ оцѣнкѣ фабрикъ и заводовъ г. Москвы нормъ, принятыхъ губернскимъ земствомъ для оцѣнки фабрикъ и заводовъ въ уѣздахъ, и 3) уполномочить комиссію по соглашенію земства съ городомъ выработать на изложенныхъ основаніяхъ проектъ окончательнаго соглашенія съ городомъ, каковой и представить на утвержденіе городской думы и губернскаго земскаго собранія. Эти постановленія были сообщены городскому управленію, но они не вызвали принятія какого-либо рѣшенія со стороны городской думы и ею не было дано никакого опредѣленнаго порученія своимъ представителямъ въ согласительной комиссіи. Вопросъ продолжалъ оставаться въ томъ же неопредѣленномъ, невыясненномъ положеніи. Городскіе гласные въ губернскомъ земскомъ собраніи вмѣняли себѣ, какъ бы, въ обязанность протестовать ежегодно при внесеніи въ земскую смѣту доходовъ сбора съ имуществъ въ г. Москвѣ и прилагали къ журналамъ особое мнѣніе, а когда процентъ земскаго обложенія превысилъ $1^1/_2$%, то они стали указывать, что этимъ, будто бы, нарушается установленное земскимъ собраніемъ въ 1895 году соглашеніе. Такое указаніе представлялось очевидно не основательнымъ: 1) въ 1895 г. земское собраніе установило лишь основанія для дальнѣйшей разработки комиссіей соглашенія съ городомъ, но городское управленіе ничѣмъ не отозвалось на предложеніе земства и по этой причинѣ соглашеніе

осталось неосуществленнымъ, 2) новыя основанія для земскаго обложенія въ г. Москвѣ могли быть примѣнены только въ томъ случаѣ, если бы земство и городъ, придя между собой предварительно къ соглашенію, возбудили ходатайство о соотвѣтствующихъ измѣненіяхъ дѣйствующаго закона, и новый порядокъ могъ подлежать введенію только послѣ его законодательной санкціи, и 3) губернское земское собраніе, предлагая установить максимальный размѣръ обложенія городскихъ имуществъ въ $1^1/_2{}^0/_0$, въ то же время оговорило, что эта норма должна сохраниться до тѣхъ поръ, „пока останутся въ силѣ нынѣ существующія основанія взиманія земскихъ и городскихъ сборовъ“, но послѣ этого постановленія были измѣнены основанія земской оцѣнки всѣхъ имуществъ въ губерніи и доходность, напримѣръ, земель была повышена болѣе чѣмъ въ три раза; при такихъ условіяхъ, если соглашеніе между земствомъ и городомъ даже было бы своевременно установлено, сдѣлалось бы необходимымъ пересмотрѣть вопросъ и соотвѣтственно измѣнить норму максимальнаго размѣра обложенія земскимъ сборомъ городскихъ имуществъ.

Въ такомъ положеніи находился вопросъ объ отношеніяхъ между губернскимъ земствомъ и городомъ Москвой ко времени выборовъ городскихъ гласныхъ въ концѣ 1908 года и меня невольно смущала мысль—слѣдуетъ ли мнѣ войти въ составъ городской думы, принимая во вниманіе, что въ указанномъ вопросѣ она почти единодушно относится отрицательно къ земскому обложенію, а я всегда являлся въ земствѣ однимъ изъ иниціаторовъ положительнаго разрѣшенія этого вопроса? Лица, склонявшія меня поставить мою кандидатуру при предстоявшихъ выборахъ и которымъ я сообщалъ о своихъ сомнѣніяхъ, полагали, что мое участіе въ городской думѣ и выясненіе въ ея средѣ моей точки зрѣнія можетъ скорѣе содѣйствовать разрѣшенію вопроса о соглашеніи между земствомъ и городомъ, и въ то же время указывали, что если бы я не пожелалъ принимать участіе при обсужденіи въ думѣ этого вопроса, то за мной остается право не присутствовать въ засѣданіяхъ думы, при постановкѣ его на очередь. Я согласился съ этими доводами, но оговорилъ, что я, если буду избранъ городскимъ гласнымъ, не сочту возможнымъ баллотироваться въ гласные губернскаго земскаго собранія отъ г.

Москвы, если бы такое предложеніе было бы мнѣ сдѣлано гласными городской думы. Сомнѣнія, возникшія во мнѣ по указанному вопросу оказались напрасными, такъ какъ во время моего пребыванія въ составѣ городской думы, въ ней вопросъ объ ея отношеніяхъ къ земству ни разу не возбуждался.

Происходившіе въ концѣ 1908 г. выборы въ московскую городскую думу отличались небывалой страстностью и отражали на себѣ партійную нетерпимость, которая раздѣлила на политическія группы часть населенія города, принимавшую участіе въ этихъ выборахъ. Въ то время, какъ элементы общества, стремившіеся къ обновленію строя городского управленія, объединились въ группѣ, получившей названіе группы прогрессивныхъ избирателей, ставя себѣ цѣлью измѣненіе старой системы управленія городскимъ хозяйствомъ, общественные элементы, изъ которыхъ образовано было большинство стараго состава думы, въ своихъ обращеніяхъ къ избирателямъ объявили, что выборы въ городскую думу имѣютъ политическое значеніе и что отъ ихъ исхода будетъ зависѣть дальнѣйшее умиротвореніе страны. Послѣ ожесточенной борьбы, происходившей на предвыборныхъ собраніяхъ, обѣ боровшіяся группы вступили въ городскую думу численно почти уравновѣшенными. Исходъ выборовъ, давшій составъ думы, органически раздѣленный на двѣ почти равныя половины, предопредѣлилъ и самое положеніе ея на начавшееся четырехлѣтіе. Ни та, ни другая группа не была въ состояніи пріобрѣсти рѣшающаго вліянія на ходъ дѣла въ думѣ и въ то же время онѣ не могли слиться для общей работы въ однородное цѣлое, такъ какъ, помимо взаимнаго недовѣрія и повышеннаго раздраженія другъ противъ друга, между обѣими половинами думы была рознь, получавшая свое начало въ политическомъ разномысліи.

Вступивъ въ думу, гласные, прошедшіе по спискамъ прогрессивныхъ избирателей, поспѣшили сорганизоваться и образовали прогрессивную группу, въ составъ которой вошли 70 гласныхъ. Для руководства дѣятельностью группы былъ избранъ комитетъ въ составѣ 10 лицъ, которыя въ свою очередь избрали меня своимъ предсѣдателемъ. Въ первомъ же совѣщаніи группы она поставила себѣ главною цѣлью стремиться и содѣйствовать въ дѣлѣ улучшенія городского хозяйства мирному сотрудничеству обѣихъ группъ въ думѣ и ре-

нительно отвергла мысль о борьбѣ и соперничествѣ между ними въ городскомъ общественномъ дѣлѣ на почвѣ политическаго разномыслія и нетерпимости. Свое вниманіе прогрессивная группа первоначально сосредоточила на организаціи подготовительной работы думы, т.-е. на образованіи подготовительныхъ комиссій. Между обѣими группами удалось установить соглашеніе, въ силу котораго каждая группа намѣчала половину состава каждой существовавшей при думѣ комиссіи, а намѣченные такимъ путемъ кандидаты избирались затѣмъ въ собраніи думы.

Представители прогрессивной группы настаивали, чтобы выборы городского головы были отложены на нѣкоторый срокъ, съ цѣлью дать возможность гласнымъ предварительно лучше между собой ознакомиться и не производить эти выборы подъ вліяніемъ настроеній предвыборной компаніи. Однако, единомыслія достигнуть въ этомъ отношеніи не удалось и избраніе городского головы было назначено произвести въ первыхъ засѣданіяхъ думы. Группа умѣренно-правыхъ спѣшила произвести выборы городского головы, такъ какъ ея кандидатомъ являлось лицо, занимавшее этотъ постъ послѣднее четырехлѣтіе. Прогрессивная группа, признававшая желательнымъ и нужнымъ обновить составъ исполнительнаго органа городского управленія и поставить во главѣ его человѣка, болѣе отвѣчающаго пониманію прогрессивной группой идеи и задачъ общественнаго самоуправленія, ко времени открытія дѣйствій новой городской думы не успѣла еще опредѣленно намѣтить своего кандидата. При обсужденіи этого вопроса въ собраніи группы члены ея при подачѣ записокъ выставили мою кандидатуру и обратились ко мнѣ съ убѣдительной просьбой подчиниться ихъ желанію; при этомъ указывалось, что моя кандидатура, кромѣ членовъ прогрессивной группы, повидимому, будетъ встрѣчена сочувственно многими членами умѣренно-правой группы, и потому явится при выборахъ въ думѣ наиболѣе надежной. Высоко цѣня оказываемое мнѣ довѣріе и сознавая, что уклоненіе отъ принятія сдѣланнаго мнѣ предложенія можетъ поставить группу, отчасти, въ затруднительное положеніе, я, тѣмъ не менѣе, не счелъ возможнымъ отвѣтить согласіемъ на сдѣланное мнѣ заявленіе. Я говорилъ, что не чувствую въ себѣ достаточно физическихъ и моральныхъ силъ, чтобы въ переживаемое стра-

ной время принять на себя исполненіе сложныхъ и отвѣтственныхъ обязанностей, связанныхъ съ должностью московскаго городского головы. Я готовъ былъ бы посвятить свои силы служенію городскому общественному дѣлу, если веденіе городского хозяйства было бы возможно при довѣрчивомъ и тѣсномъ единеніи всѣхъ элементовъ, принимающихъ въ немъ участіе, въ чемъ, по глубокому моему убѣжденію, заключается необходимая основа общественнаго дѣла. Но въ данное время, съ одной стороны, общественные круги, призванные къ участію въ городскомъ самоуправленіи, раздѣлены разномыслiемъ по политическимъ и соціальнымъ вопросамъ и проникнуты взаимнымъ недовѣріемъ, а, съ другой, политика государственной власти поддерживаетъ эту рознь въ обществѣ и исключаетъ возможность установленія необходимаго взаимодѣйствія между администраціей и независимыми органами самоуправленія. Эти условія предрѣшаютъ неизбѣжность постоянныхъ столкновеній и треній въ средѣ городской думы, въ ея отношеніяхъ къ своему исполнительному органу и въ отношеніяхъ между городскимъ управленіемъ и мѣстной и центральной администраціей. Я всегда тяготился политической борьбой во всѣхъ ея проявленіяхъ и всегда старался служить дѣлу примиренія и установленію необходимыхъ доброжелательныхъ соглашеній. Я продолжаю держаться убѣжденія, что въ этомъ заключается единственно вѣрный путь, но во мнѣ ослабла сильная прежде вѣра, что страна и общество смогутъ вступить на этотъ путь въ ближайшее время, а безъ этой вѣры я не найду въ себѣ нужныхъ силъ, чтобы стоять во главѣ такого общественнаго дѣла, какъ дѣло московскаго городского самоуправленія. Затѣмъ я указалъ, что совершенно неустранимымъ препятствіемъ для моей кандидатуры является вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ города Москвы и губернскаго земства. Городская дума и я въ этомъ вопросѣ стоимъ на діаметрально противоположныхъ точкахъ зрѣнія и этимъ исключается для меня возможность явиться представителемъ городского самоуправленія, такъ какъ я признаю занятое имъ въ этомъ вопросѣ положеніе неправильнымъ. Когда вопросъ о моей кандидатурѣ былъ устраненъ, группа перешла къ дальнѣйшему обсужденію и остановила свой выборъ на М. В. Челноковѣ, который согласился принять сдѣланное ему предложеніе. При производствѣ въ городской думѣ выбо-

ровъ городского головы были предложены и баллотировались два кандидата: Н. И. Гучковъ и М. В. Челноковъ. Первый былъ избранъ 80-ью голосами противъ 65-ти, а второй—получилъ 69 избирательныхъ шаровъ и 76 неизбирательныхъ. На сторонѣ Н. И. Гучкова были 10 голосовъ городской управы и, помимо ихъ, перевѣсъ умѣренно-правыхъ гласныхъ опредѣлился всего 5-ю голосами; но результатъ выборовъ во всякомъ случаѣ свидѣтельствовалъ, что прогрессивная группа не имѣетъ численнаго преобладанія въ думѣ.

Если выборы городского головы были произведены съ исключительной поспѣшностью, то избраніе членовъ управы было отсрочено и выборы ихъ состоялись только въ концѣ четвертаго мѣсяца существованія думы. Обѣ группы гласныхъ придавали этимъ выборамъ большое значеніе, но исходъ ихъ имѣлъ особенно важное значеніе для прогрессивной группы, такъ какъ онъ долженъ былъ опредѣлить положеніе группы въ городской думѣ и отношеніе между группой и городской управой въ теченіе всего четырехлѣтія. Прогрессивная группа одной изъ главныхъ задачъ ставила себѣ укрѣпленіе необходимой солидарности и созданіе правильно организованнаго взаимодѣйствія между городской думой и городской управой. Препятствіемъ осуществленію этой задачи являлась въ предыдущее четырехлѣтіе наклонность исполнительнаго органа къ нѣкоторому самовластію и къ ограниченію вліянія думы на направленіе городского дѣла. Измѣненіе установившагося режима представлялось возможнымъ лишь при измѣненіи личнаго состава управы и при условіи введенія въ нее новыхъ людей, свободныхъ отъ привычекъ и пріемовъ, усвоенныхъ въ прежнее время. Кромѣ того, введеніе въ составъ управы новыхъ лицъ изъ числа кандидатовъ прогрессивной группы могло увеличить численный составъ этой группы въ городской думѣ и содѣйствовало бы приближенію исполнительнаго органа къ прогрессивной группѣ. Только при этомъ условіи представлялось возможнымъ укрѣпить коллегіальное начало въ городской управѣ и создать почву для безусловно необходимаго взаимодѣйствія городского головы и всего состава управы съ городской думой. Имѣя въ виду эти соображенія, группа послѣ всесторонняго обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ предстоявшими выборами, пришла къ заключенію о необходимости стремиться провести въ управу только вы-

ставленныхъ группой новыхъ кандидатовъ и устранить изъ прежняго состава управы ея членовъ, прослужившихъ сроки, на которые они были избраны. Послѣднее условіе было признано необходимымъ не вслѣдствіе отрицательнаго отношенія къ большинству членовъ управы, которымъ предстояло подвергнуться переизбранію, а исключительно въ виду признанія необходимости обновить вообще составъ управы въ указанныхъ цѣляхъ. Однако, результаты выборовъ оказались для прогрессивной группы безуспѣшными. Изъ трехъ прежнихъ членовъ управы не переизбранъ былъ только одинъ, а двое остальныхъ получили: одинъ—75 избирательныхъ шаровъ и 50 неизбирательныхъ, а другой—64 и 61. Кандидаты прогрессивной группы избраны не были: одинъ—большинствомъ 64 противъ 61 голоса, а другой—68 противъ 57 голосовъ. Такой неуспѣхъ явился послѣдствіемъ отчасти индиферентизма нѣкоторыхъ членовъ прогрессивной группы, а отчасти отсутствія необходимой солидарности между членами группы. 8 лицъ изъ ея состава опоздали пріѣздомъ на засѣданіе думы и прибыли въ то время, когда уже производился подсчетъ шаровъ. Если эти 8 гласныхъ явились бы своевременно, то одинъ изъ переизбранныхъ прежнихъ членовъ управы не былъ бы выбранъ, а одинъ изъ кандидатовъ прогрессивной группы получилъ бы большинство избирательныхъ шаровъ. Затѣмъ, изъ подсчета шаровъ выяснилось, что изъ числа 61 гласныхъ прогрессивной группы, принявшихъ участіе въ выборахъ, 11 лицъ, вопреки принятому группой рѣшенію, положили избирательные шары одному изъ баллотировавшихся вновь членовъ управы прежняго состава, а 4 изъ прогрессивныхъ гласныхъ положили неизбирательные шары одному изъ кандидатовъ прогрессивной группы.

Результаты указанныхъ выборовъ произвели на меня удручающее впечатлѣніе. Отсутствіе необходимой въ общественномъ дѣлѣ солидарности между членами прогрессивной группы лишало ее силы и исключало возможность разрѣшенія поставленныхъ себѣ группой задачъ. Наша неудача не могла не укрѣпить господствовавшаго въ городскомъ управленіи режима и еще болѣе затрудняла сближеніе прогрессивной группы съ управой. Положеніе группы въ думѣ стоновилось безнадежнымъ; иниціатива и выступленія ея представителей по вопросамъ, не встрѣчавшимъ сочувствія управы, обрекались на не-

успѣхъ, и могли лишь содѣйствовать обостренію раздраженія, свойственнаго гласнымъ реакціоннаго настроенія. Въ такихъ условіяхъ работа прогрессивныхъ гласныхъ въ комиссіяхъ и въ думѣ становилась чрезвычайно тяжелой и мало плодотворной. При такомъ положеніи вещей приходилось признать, что нельзя разсчитывать на скорое и успѣшное преобразованіи системы управленія городскимъ хозяйствомъ. Однако, проникавшее въ общественное сознаніе убѣжденіе, что городское управленіе должно приступить къ реформамъ, открывало прогрессивной группѣ возможность не отказываться отъ надежды на проведеніе хотя бы нѣкоторыхъ ея пожеланій. Въ своей программной рѣчи, произнесенной въ городской думѣ 26-го января, городской голова указалъ на необходимость реформъ въ городскомъ дѣлѣ, но городская управа и ея предсѣдатель сознавали, что при исканіи новыхъ путей веденія городского хозяйства и при переходѣ на нихъ, они скорѣе могутъ встрѣтить поддержку прогрессивной группы, чѣмъ со стороны умѣренно—правыхъ гласныхъ. Это обстоятельство побуждало исполнительный органъ городского управленія не избѣгать сближенія съ прогрессивной группой, а послѣдняя, ставя выше всего интересы общественнаго дѣла, не отказывала управѣ въ своей поддержкѣ во всѣхъ случаяхъ, когда ея начинанія и мѣропріятія соотвѣтствовали требованіямъ, которыя должны быть предъявлены при постановкѣ и при веденіи общественнаго городского хозяйства. На этой почвѣ и при наличности въ составѣ городской думы двухъ почти равносильныхъ группъ постановленія думы принимались неоднократно голосами прогресивной групы и управы.

Поставивъ себѣ цѣлью установленіе въ городскомъ дѣлѣ условій для мирнаго сотрудничества всѣхъ элементовъ, входящихъ въ его составъ, прогрессивная группа признала нужнымъ сдѣлать попытку къ проведенію органическихъ реформъ, обезпечивающихъ болѣе живое и тѣсное взаимодѣствіе распорядительнаго и исполнительнаго органовъ городского управленія. Въ этихъ видахъ по иниціативѣ группы была образована комиссія „по общимъ вопросамъ городского устройства“, имѣвшая своей задачей внесеніе измѣненій въ систему подготовительной работы думы, въ порядокъ управленія городскими предпріятіями коммерческаго типа и въ порядокъ производства дѣлъ въ городской управѣ. Комиссія была организована въ составѣ 10 лицъ,

по 5 представителей отъ двухъ группъ гласныхъ въ городской думѣ. Своимъ предсѣдателемъ комиссія избрала меня. Комиссія признала необходимымъ поставить на первую очередь своихъ работъ вопросъ объ измѣненіяхъ въ организаціи подготовительныхъ комиссій при городской думѣ, имѣя при этомъ въ виду, что на нее возложено думой порученіе выяснить: 1) какимъ способомъ гласные могли бы быть введены въ курсъ городского хазяйства, 2) какими мѣрами могла бы быть осуществляема ежегодно фактическая ревизія городского хозяйства и 3) какимъ путемъ финансовая комиссія могла бы ближайшимъ образомъ вѣдать вопросы городского бюджета и быть въ курсѣ исполненія финансоваго плана городского хозяйства. Приступая къ своимъ занятіямъ, комиссія ясно сознавала, что предполагаемая реформа можетъ быть жизненной и плодотворной только въ томъ случаѣ, если она будетъ встрѣчена сочувственно всѣми заинтересеванными сторонами и прежде всего лицами, стоящими во главѣ гороского управленія. Поэтому комиссія считала главнымъ условіемъ, обезпечивающимъ продуктивность ея работы, постоянное и близкое сотрудничество представителей городской управы. Городской голова, его товарищъ и нѣкоторые члены управы, казалось, съ своей стороны сочувствовали такой постановкѣ работы и принимали дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ комиссіи.

Въ основу составленнаго комиссіей проекта реформы подготовительныхъ комиссій были положены слѣдующія соображенія. Интересы дѣла настоятельно требуютъ, чтобы городская дума такъ организовала свою работу, чтобы близкое знакомство съ положеніемъ всѣхъ отраслей городского хозяйства открывало ей возможность принимать активное участіе въ направленіи городского дѣла. Система существующихъ подгототовительныхъ комиссій и установленныя для нихъ правила не открываютъ путей для приближенія думы къ городскому дѣлу. Для достиженія намѣчаемой цѣли необходимы: планомѣрное раздѣленіе труда между всѣми гласными, приближеніе ихъ къ городскому хозяйству и созданіе условій, при которыхъ будутъ доступны—производство фактической ревизіи и наблюденіе за исполненіемъ опредѣленнаго плана веденія городского хозяйства. Выполненіе этой задачи сдѣлается возможнымъ –1) путемъ примѣненія принципа спеціализаціи при распредѣленіи работы между

подготовительными комиссіями и 2) при предоставленіи комиссіямъ бо́льшаго круга правъ и обязанностей. Только эти условія могутъ создать живой интересъ къ работѣ и ту непосредственную связь думы съ городскимъ хозяйствомъ, которой она лишена въ настоящее время. Слѣдуетъ признать необходимымъ, чтобы всѣ вопросы, ксающіеся данной отрасли городского хозяйства входили въ кругъ вѣдѣнія одной спеціальной комиссіи и чтобы кругъ вѣдѣнія каждой комиссіи соотвѣтствовалъ отдѣламъ и параграфамъ городской смѣты. Приближеніе комиссій къ городскому дѣлу сдѣлается осуществимымъ только въ томъ случаѣ, если на нихъ будетъ возложено думой ознакомленіе на мѣстахъ съ соотвѣтственными городскими учрежденіями и постановкой въ нихъ дѣла. Фактическая ревизія станетъ осуществимой только при условіи возложенія ея не на особую ревизіонную комиссію, а на всѣ комиссіи, вѣдающія отдѣльными отраслями городского хозяйства. Но подготовительныя комиссіи отнюдь не должны имѣть исполнительной и распорядительной власти и не должны вмѣшиваться въ распоряженія управы и прочихъ органовъ городского управленія; онѣ должны ограничиваться въ своей дѣятельности ознакомленіемъ съ постановкой и ходомъ городского хозяйства, разработкой вопросовъ, вносимыхъ на разсмотрѣніе думы, и представленіемъ заключеній по параграфамъ и статьямъ ежегодныхъ городскихъ смѣтъ расходовъ и доходовъ, входящихъ въ кругъ ихъ вѣдѣнія. Особенно важное значеніе должно имѣть правильное и цѣлесообразное распредѣленіе силъ думы при образованіи комиссіи. Необходимо распредѣлить силы думы по возможности равномѣрно и такъ, чтобы ни одна отрасль хозяйства не осталась безъ надлежащаго изученія. Слѣдуетъ признать желательнымъ, чтобы каждый гласный вошелъ обязательно въ составъ хотя бы одной комиссіи. Руководясь изложенными основными положеніями, комиссіей былъ составленъ проектъ правилъ организаціи при городской думѣ подготовительныхъ комиссій, состоящій изъ 83 параграфовъ. Выполненіе этой работы потребовало почти годовой срокъ, продолжительность котораго обусловилась какъ сложностью вопроса, такъ и сознаніемъ, что новый порядокъ можетъ явиться жизненнымъ въ томъ только случаѣ, если онъ будетъ проектированъ при возможномъ единомыслiи всего состава комиссіи и городской управы.

Ко времени окончанія разсмотрѣнія въ комиссіи по общимъ вопросамъ городского хозяйства проекта новыхъ правилъ о подготовительныхъ комиссіяхъ, казалось, что желательное единомысліе было въ значительной мѣрѣ достигнуто; большая часть основныхъ положеній проекта и его отдѣльныхъ статей была принята комиссіей единогласно или значительнымъ числомъ голосовъ, и притомъ, въ большинствѣ случаевъ, по соглашенію съ принимавшими дѣятельное участіе въ работахъ комиссіи представителями городской управы. Но когда проектъ правилъ и докладъ комиссіи были отпечатаны и сообщены въ корректурныхъ оттискахъ представителямъ управы, то товарищемъ городского головы была представлена записка, заключавшая въ себѣ замѣчанія относительно проектированнаго комиссіей порядка разсмотрѣнія смѣтныхъ предположеній, при чемъ изложеніе этихъ замѣчаній свидѣтельствовало объ отрицательномъ отношеніи автора вообще къ основнымъ положеніямъ всего проекта. Затѣмъ въ засѣданіи комиссіи 14-го января 1910 г., созванномъ для окончательнаго утвержденія редакціи доклада, городской голова, высказалъ, что онъ, признавая принципы, положенные въ основу проекта, правильными, находитъ, однако, проектъ настолько теоретичнымъ и непрактичнымъ, что осуществленіе его совершенно немыслимо и что новый порядокъ при проведеніи его въ жизнь скорѣе можетъ принести ущербъ дѣлу, чѣмъ ожидаемую отъ него пользу. Оставляя въ сторонѣ детали, какъ, напримѣръ, соединеніе функцій ревизіонной и финансовой въ одной комиссіи, Н. И. Гучковъ считалъ, что при наличномъ составѣ думы невозможно взваливать на нее такую работу, какъ это проектируетъ комиссія. Предлагаемое приближеніе гласныхъ къ работѣ управы явится вмѣшательствомъ во всѣ детали грандіознаго городского хозяйства. Такое сближеніе работы думы и управы почти совершенно уничтожило бы линію, разъединяющую распорядительный органъ отъ исполнительнаго, и неизвѣстно, кто же изъ нихъ явится отвѣтственнымъ органомъ? Въ виду выяснившагося отношенія къ результатамъ работъ комиссіи городского головы и его товарища, мнѣ тогда же казалось, что было бы правильнѣе не вносить составленные докладъ и проектъ правилъ для подготовительныхъ комиссіей на разсмотрѣніе думы, и я предложилъ комиссіи обсудить

этотъ вопросъ, но комиссія большинствомъ голосовъ признала нужнымъ представить свою работу думѣ, не смотря на обнаружившееся неожиданно существенное разномысліе.

Въ засѣданіи думы 16 марта 1910 г., когда докладъ комиссіи былъ поставленъ на очередь, гласный Н. Л. Богоявленскій отъ лица группы гласныхъ просилъ передать докладъ на предварительное обсужденіе въ частномъ совѣщаніи всѣхъ гласныхъ и городской управы. Какъ предсѣдатель комиссіи, я привѣтствовалъ предложаніе Н. Л-ча и, присоединяясь къ нему, сказалъ: „Реформа, которая предлагается нашей комиссіей, имѣетъ единственную и исключительную цѣль создать необходимое взаимодѣйствіе всѣхъ элементовъ, призванныхъ къ работѣ въ городскомъ управленіи. Эта реформа можетъ оказаться плодотворной только въ томъ случаѣ, если встрѣтитъ сочувствіе со стороны городской управы; она можетъ быть жизненна только тогда, когда будетъ принята значительнымъ большинствомъ думы.“ Къ сожалѣнію состоявшееся совѣщаніе гласныхъ не помогло объективнолу освѣщенію вопроса. Со стороны присутствовавшихъ не было заявлено пожеланій получить отъ комиссіи какія-либо поясненія ни по основнымъ положеніямъ ея работы, ни по ея деталямъ. Въ то же время нѣкоторыми гласными было выражено категорическое отрицательное отношеніе къ проекту комиссіи, а городской голова повторилъ въ совѣщаніи то, что имъ было высказано въ засѣданіи комиссіи 14-го января. Отвѣчая на возраженія и сомнѣнія, высказанныя Н. И. Гучковымъ, я отмѣтилъ, что городской голова признаетъ: реформу подготовительныхъ комиссій—необходимой, примѣненіе при организаціи комиссій принципа спеціализаціи—правильнымъ, распредѣленіе между комиссіями вопросовъ примѣнительно къ отдѣламъ смѣты—удачнымъ, приближеніе комиссій къ изученію дѣла—необходимымъ и стремленіе къ укрѣпленію взаимодѣйствія думы и управы—обязательнымъ. Н. И. недоумѣваетъ предъ вопросомъ: на комъ же по проекту комиссіи будетъ лежать отвѣтственность за дѣятельность городского управленія? Въ этомъ отношеніи проектъ никакихъ измѣненій въ существующее положеніе не вноситъ. Моральную отвѣтственность и въ настоящее время несутъ и дума, и управа, только при наличныхъ условіяхъ дума не можетъ нести ее сознательно. Раздѣленіе моральной отвѣт-

ственности между думой и управой не создаетъ безотвѣтственности исполнительнаго органа за свои дѣйствія. Отрицательное отношеніе представителей городской управы къ проекту комиссіи коренится въ опасеніи *„вмѣшательства подготовительныхъ комиссій въ детали грандіознаго городского хозяйства“*. Эта боязнь свидѣтельствуетъ, что существующія отношенія между думой и управой не вполнѣ нормальны, въ нихъ нѣтъ необходимаго взаимнаго довѣрія. Но на почвѣ недовѣрія къ живымъ общественнымъ силамъ невозможно создать доброжелательнаго сотрудничества думы и управы. Необходимо имъ отъ взаимнаго недовѣрія отрѣшиться, и тогда управа не будетъ опасаться вмѣшательства въ свою дѣятельность со стороны подготовительныхъ комиссій думы.

2-го апрѣля дума приступила къ постатейному обсужденію проекта. Продолжительный обмѣнъ мнѣній вызвалъ вопросъ объ объединеніи въ одной комиссіи функцій ревизіонныхъ и финансовыхъ и попутно говорившіе останавливались на параграфѣ 6-мъ, пунктѣ *б*, возлагавшемъ на проектируемыя комиссіи производство фактической ревизіи. Товарищъ городского головы, заявивъ, что онъ дастъ объясненія отъ лица всей управы, высказался противъ сліянія финансовой и ревизіонной комиссій и противъ предоставленія комиссіямъ функцій ревизіонныхъ и финансовыхъ. Членъ управы Д. Д. Дувакинъ усматривалъ въ предлагаемой организаціи признаки, указывающіе на исполнительный характеръ проектируемыхъ комиссій. Городской голова высказался также противъ образованія одной ревизіонно-финансовой комиссіи и, признавая за проектируемыми комиссіями характеръ исполнительный, закончилъ свою рѣчь словами: „Мнѣ кажется, что это обстоятельство должно одинаково быть принято во вниманіе какъ противниками, такъ и сторонниками настоящаго доклада, которые не хотятъ создавать исполнительныхъ комиссій. Наша дума никогда по этому пути не шла и надо надѣяться не пойдетъ.“ При баллотировкѣ предложеніе доклада о сліяніи ревизіонной и финансовой комиссій было отклонено большинствомъ 46 голосовъ противъ 42.

Разсмотрѣніе въ думѣ доклада комиссіи продолжалось 6-го апрѣля. Городской голова, указавъ, что самое важное нововведеніе, предлагаемое комиссіей, заключается въ пунктахъ *б* и

в, § 6-го, а именно—возложеніе на подготовительныя комиссіи производства фактической ревизіи и разсмотрѣнія смѣтныхъ предположеній, предложилъ перейти къ разсмотрѣнію этого вопроса. Противъ предложеній доклада высказались нѣкоторые гласные, а также члены комиссіи по общимъ вопросамъ: гр. Л. А. Комаровскій и С. В. Пучковъ. Бывшій членъ той же комиссіи С. И. Анофріевъ, являвшійся ранѣе однимъ изъ горячихъ сторонниковъ разсматриваемыхъ предложеній, заявилъ, что онъ измѣнилъ свое мнѣніе и нынѣ высказывается противъ нихъ. Товарищъ городского головы полагалъ, что производство фактической ревизіи не должно входить въ число функцій тѣхъ комиссій, которыя будутъ вѣдать городское хозяйство. По заключеніи преній, дума большинствомъ 59 голосовъ противъ 48 приняла пунктъ *б*, § 6-го, а затѣмъ были приняты остальные пункты этого параграфа, а также §§ 7, 8 и 9-й. Послѣ этого дума постановила передать докладъ въ комиссію для согласованія проекта правилъ съ принятымъ думой положеніемъ о сохраненіи двухъ отдѣльныхъ комиссій—ревизіонной и финансовой. С. В. Пучковъ заявилъ въ томъ же засѣданіи, что онъ, какъ несогласный съ принятымъ незначительнымъ большинствомъ думы предложеніемъ комиссіи о возложеніи ревизіонныхъ функцій на подготовительныя комиссіи, отказывается отъ званія члена комиссіи по общимъ вопросамъ.

Порученіе думы было исполнено въ скоромъ времени и 1-го мая гласнымъ было представлено дополненіе къ докладу комиссіи, содержащее въ себѣ измѣненную редакцію нѣкоторыхъ статей проекта правилъ о подготовительныхъ комиссіяхъ, соотвѣтственно постановленію думы 2-го апрѣля. Докладъ комиссіи вмѣстѣ съ дополненіемъ былъ поставленъ на повѣстку засѣданія думы 18-го мая, но въ этомъ засѣданіи было постановлено, по предложенію гласнаго Н. П. Вишнякова, отложить обсужденіе доклада до осени и просить комиссію перепечатать проектъ правилъ о подготовительныхъ комиссіяхъ въ измѣненной комиссіей редакціи.

Осенью 1910 года докладъ комиссіи по общимъ вопросамъ въ теченіе продолжительнаго времени не былъ поставленъ на очередь обсужденія въ думѣ, а изъ частныхъ бесѣдъ съ представителями управы легко было усмотрѣть, что ихъ отрица-

тельное отношеніе къ проекту комиссіи замѣтно усилилось. Въ то же время выяснилось съ достаточной несомнѣнностью, что въ средѣ самой думы антагонизмъ умѣренно-правыхъ къ прогрессивной группѣ все возрастаетъ; правые элементы въ этой группѣ получили замѣтное преобладаніе надъ элементами умѣренными, что въ значительной мѣрѣ содѣйствовало усиленію партійной розни и нетерпимости. Одновременно съ этимъ, примкнувшіе, было, сначала къ прогрессивной группѣ гласные изъ среды, такъ называемыхъ, арендаторовъ, въ надеждѣ такимъ путемъ получить скорѣйшее удовлетвореніе своихъ мѣстныхъ интересовъ, разочаровавшись въ своей надеждѣ, выдѣлились изъ состава прогрессивной группы и вмѣстѣ съ нѣкоторыми представителями крайнихъ правыхъ образовали новую группу гласныхъ въ думѣ, присвоивъ ей наименованіе „группы центра“.

При наличности такихъ условій я счелъ необходимымъ предложить комиссіи обсудить вопросъ—своевременно ли вообще настаивать на внесеніи ея доклада въ думу и на принятіи думой проекта комиссіи? Съ своей стороны я высказалъ слѣдующія соображенія: 16-го марта я заявилъ въ думѣ отъ лица комиссіи, что она считаетъ возможнымъ проведеніе въ жизнь предлагаемой реформы только при условіи сочувственнаго отношенія къ ней управы и принятія нашего предложенія значительнымъ большинствомъ думы. Изъ отзывовъ представителей городской управы очевидно, что управа относится отрицательно къ двумъ основнымъ положеніямъ комиссіи. Разсчитывать на сколько-нибудь значительное большинство голосовъ въ думѣ, сочувствующихъ принципамъ, положеннымъ въ основу проекта комиссіи, нельзя, о чемъ съ убѣдительностью свидѣтельствуютъ состоявшіяся уже голосованія. При первомъ голосованіи въ числѣ 55 лицъ, вотировавшихъ за переходъ къ постатейному чтенію проекта, былъ весь составъ управы; но при баллотировкѣ пункта *и*, § 3-го управа голосовала противъ него и одно изъ основныхъ положеній проекта было отвергнуто большинствомъ 46 противъ 42 голосовъ. Наконецъ при 3-ей баллотировкѣ, по вопросу о возложеніи фактической ревизіи на отдѣлы, хотя предложеніе комиссіи и было принято большинствомъ 59 надъ 48, но при этомъ управа въ полномъ составѣ голосовала противъ него, а за предло-

женіе комиссіи очевидно голосовало нѣсколько лицъ, совершенно не раздѣлявшихъ ея принципіальныхъ взглядовъ, но желавшихъ лишь тѣмъ или инымъ способомъ усилить контроль и надзоръ за дѣйствіями управы. Въ засѣданіи думы 18-го мая Н. И. Астровъ, соглашаясь съ предложеніемъ Н. П. Вишнякова отсрочить обсужденіе доклада комиссіи до осени, между прочимъ сказалъ: „для того, чтобы принять проектъ, нужно иное настроеніе думы, чѣмъ существуетъ сейчасъ. Будемъ надѣяться," добавилъ Н. И., „что къ осени настроеніе смягчится и уляжется раздраженіе, и тогда отношеніе къ этому проекту будетъ иное." Однако дѣйствительность не свидѣтельствуетъ о возможности осуществленія въ близкомъ будущемъ высказанныхъ Н. И—мъ надеждъ. Затѣмъ я указалъ, что и среди нашей комиссіи нѣтъ необходимаго единомыслія. Во время произведенной комиссіей работы всѣ члены приходили между собой къ соглашенію и, казалось, были между собой солидарны, но выступленія въ думѣ гр. Л. А. Комаровскаго и С. В. Пучкова свидѣтельствуютъ противное. Приведенныя соображенія, говорилъ я, приводятъ меня къ заключенію, что нельзя разсчитывать вообще на принятіе думой проекта комиссіи, и во всякомъ случаѣ безъ внесенія въ него существенныхъ измѣненій, вступающихъ въ противорѣчіе съ основными, принципіальными его положеніями. Въ то же время внесеніемъ проекта комиссіи вновь на обсужденіе думы теперь не можетъ быть достигнута преслѣдуемая имъ цѣль—объединеніе и созданіе основаннаго на довѣріи взаимодѣйствія всѣхъ элементовъ, участвующихъ въ городскомъ управленіи; а скорѣе могутъ получиться совершенно противоположные результаты. Мое заявленіе вызвало продолжительный обмѣнъ мнѣніями между членами комиссіи, но въ виду обнаружившагося значительнаго разногласія притти къ какому-либо опредѣленному заключенію оказалось невозможнымъ и предложенный мной вопросъ былъ оставленъ комиссіей открытымъ.

Для меня вопросъ представлялся вполнѣ яснымъ. Отъ внесенія проекта комиссіи въ думу ожидать какихъ-либо положительныхъ результатовъ было невозможно. Продолженіе работы комиссіи я не могъ не признавать безцѣльнымъ и, во всякомъ случаѣ, если бы послѣдній вопросъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, я при создавшихся условіяхъ не могъ бы

продолжать исполненіе обязанности предсѣдателя комиссіи. Но, независимо отъ вопроса о дальнѣйшемъ моемъ участіи въ работахъ комиссіи, предо мной всталъ вопросъ о цѣлесообразности моего дальнѣйшаго пребыванія вообще въ составѣ московской городской думы. Въ продолженіе двухъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ я былъ городскимъ гласнымъ, я пришелъ къ заключенію, что въ основѣ постановки всего городского дѣла лежитъ принципіальный недостатокъ, заключающійся въ полномъ отсутствіи необходимой въ общественномъ дѣлѣ солидарности между распорядительнымъ и исполнительнымъ органами городского общественнаго самоуправленія. Ненормальность отношеній между думой и управой, проявившаяся особенно рѣзко въ послѣдніе годы, имѣла глубокіе корни и создалась, повидимому, еще въ то время, когда наша общественная жизнь не служила ареной для проявленія розни политическихъ партій. Городская дума всегда была склонна относиться съ подозрительностью и съ предвзятымъ недовѣріемъ къ исполнительному органу городского управленія, а городская управа и ранѣе смотрѣла на свои отношенія къ думѣ, какъ на тяжелую обузу формальнаго характера, стѣсняющую управу въ ея дѣйствіяхъ и работѣ. Такая постановка взаимоотношеній этихъ двухъ органовъ придавала всему городскому дѣлу антиобщественный характеръ и являлась для меня рѣзкимъ противорѣчіемъ традиціямъ, воспитаннымъ во мнѣ въ теченіе долгихъ лѣтъ моего участія въ работѣ московскаго земства. Принципіальная солидарность и дружное взаимодѣйствіе распорядительнаго и исполнительнаго органовъ, вытекающія изъ взаимнаго довѣрія и изъ общности пониманія ими принциповъ, руководящихъ общественною дѣятельностью, должны всегда служить главной основой правильной постановки общественнаго дѣла. Наблюдая эти условія и сроднившись съ ними во время моей земской дѣятельности, я войдя въ составъ московской городской думы, встрѣтился съ поразившей меня совсѣмъ иной постановкой дѣла. Въ своей общественной дѣятельности я всегда ставилъ себѣ цѣлью, по мѣрѣ своихъ силъ, служить дѣлу объединенія общественныхъ элементовъ, и потому, встрѣтивъ по вступленіи моемъ въ городскую думу полную ея разобщенность съ исполнительнымъ органомъ, я хотѣлъ содѣйствовать установленію въ городскомъ дѣлѣ условій, облегчающихъ возможнотть сбли-

женія думы и управы. Главная причина ихъ разобщенности заключалась, какъ я понималъ, въ невозможности для думы въ общемъ своемъ составѣ ознакомиться и быть всегда въ курсѣ всѣхъ отраслей грандіознаго городского хозяйства. Это условіе отзывалось невольно и не рѣдко диллетантскимъ отношеніемъ думы къ подлежащимъ ея разсмотрѣнію вопросамъ, что въ свою очередь подрывало ея авторитетъ въ глазахъ управы. Устраненіе этого неблагопріятнаго условія было бы возможно въ томъ случаѣ, если всѣ гласные раздѣлились на отдѣлы (или комиссіи) думы съ тѣмъ, чтобы каждый отдѣлъ думы, состоящій изъ лицъ знакомыхъ и интересующихся данною отраслью городского дѣла, могъ сосредоточить свои вниманіе и силы на изученіи одной отрасли дѣла и имѣть послѣдовательное наблюденіе за ея направленіемъ. Такой порядокъ не могъ бы нарушать необходимой управѣ самостоятельности, но авторитетное содѣйствіе ей отдѣла думы облегчало бы управѣ лежащую на ней моральную отвѣтственность и сближало бы управу съ думой, которая въ своемъ полномъ составѣ принимала бы рѣшенія по докладамъ управы, имѣя компетентныя заключенія со стороны своихъ отдѣловъ. Эта цѣль и преслѣдовалась проектомъ о подготовительныхъ комиссіяхъ, составленнымъ комиссіей по общимъ вопросамъ. Приведенныя свѣдѣнія объ отношеніи, встрѣченномъ этимъ проектомъ, какъ со стороны управы, такъ и со стороны умѣренно-правой группы гласныхъ, свидѣтельствовали объ отсутствіи сознанія необходимости предлагаемой реформы. Отношеніе управы и указанной группы къ проекту комиссіи, иниціатива котораго принадлежала представителямъ прогрессивной группы гласныхъ, обусловливалось, главнымъ образомъ, настроеніемъ и духомъ, господствовавшими въ средѣ управы и умѣренно-правыхъ на почвѣ политическаго разномыслія съ прогрессивной группой. При такомъ ихъ настроеніи ни одинъ вопросъ не могъ обсуждаться въ думѣ хладнокровно и объективно по существу, а встрѣчался обычно съ предвзятымъ предубѣжденіемъ и служилъ лишь лишнимъ поводомъ для проявленія озлобленія и непримиримости. Для меня представлялось очевиднымъ, что при сложившихся условіяхъ въ теченіе всего четырехлѣтія никакая творческая, созидательная работа немыслима. Направленіе и характеръ дѣятельности обществен-

ныхъ учрежденій находятся всегда въ прямой зависимости отъ сознанія и настроенія большинства принимающихъ въ ней участіе общественныхъ дѣятелей, а атмосфера, окружавшая городскую думу и городскую управу, была насыщена раздражительностью и духомъ партійной политической нетерпимости, которыя исключали возможность спокойной работы и предрѣшали неизбѣжность постоянной борьбы. Принимать участіе въ такой борьбѣ не отвѣчало моимъ убѣжденіямъ, а оставаться въ положеніи безучастнаго наблюдателя и безъ возможности принести какую-либо пользу общественному дѣлу представлялось безцѣльнымъ. Въ то же время я имѣлъ въ виду, что удаленіе мое изъ состава думы облегчитъ ликвидацію доклада комиссіи по общимъ вопросамъ городского устройства. Въ виду всѣхъ изложенныхъ соображеній я извѣстилъ письмомъ городского голову объ отказѣ моемъ отъ званія гласнаго московской городской думы.

Отказываясь отъ участія въ московской городской думѣ, я въ тоже время долженъ былъ остановиться на мысли объ окончательномъ моемъ удаленіи отъ общественной дѣятельности вообще. Къ такому рѣшенію побуждали меня не только плохое состояніе моего здоровья и оставлявшія меня силы, но, главнымъ образомъ, глубокое сознаніе, что усвоенныя въ теченіе всей моей жизни основныя убѣжденія не могутъ примириться съ направленіемъ, которое получила наша политическая жизнь, и съ послѣдствіями вліянія этого направленія на настроеніе общественныхъ элементовъ, призванныхъ къ дѣятельности въ учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправленія. Развитіе освободительнаго движенія, опредѣленно проявившагося въ странѣ съ начала настоящаго вѣка, и всѣ событія нашей государственной жизни послѣднихъ лѣтъ еще болѣе укрѣпили во мнѣ убѣжденіе, что политическая жизнь и общественная дѣятельность могутъ получить правильныя направленіе и развитіе только въ томъ случаѣ, если они будутъ руководиться нравственной идеей, вытекающей изъ религіознаго сознанія, которымъ опредѣляется смыслъ личной и общественной жизни. Я продолжалъ вѣрить неизмѣнно, что человѣчество въ дѣлѣ устроенія жизни усиліями многихъ поколѣній выйдетъ на путь, ведущій его къ всечеловѣческому

единенію на основѣ христіанской любви, но во мнѣ были поколеблены вѣра и надежда въ возможность выхода на этотъ путь въ близкомъ будущемъ. То направленіе, которое приняло развитіе нашей политической жизни, обрекало страну на усиленіе въ ней на долгіе годы процесса деморализаціи, озлобленія, столкновенія интересовъ и борьбы матеріальныхъ силъ. Этотъ путь противорѣчитъ моему жизнепониманію и это обстоятельство побудило меня принять въ февралѣ 1911 года рѣшеніе окончательно устраниться отъ активнаго участія въ политической и общественной жизни.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Я приступилъ къ изложенію моихъ „воспоминаній“ и выполнилъ настоящій трудъ во время происходившей и длящейся понынѣ великой міровой войны народовъ. Съ самаго начала возникновенія этой страшной войны я видѣлъ въ ней глубокое идейное значеніе,—столкновеніе двухъ основныхъ началъ жизнепониманія: раціонализма и религіознаго сознанія, и вѣрилъ, что въ конечномъ своемъ результатѣ эта война откроетъ всему человѣчеству новые пути къ лучшему устроенію жизни. Раціонализмъ съ вытекающими изъ него позитивизмомъ и марксизмомъ приводятъ къ пониманію жизни, какъ развитіе естественно-историческаго процесса, основаннаго на постоянной борьбѣ экономическихъ, соціальныхъ и политическихъ силъ. Вѣра въ естественное развитіе жизни и признаніе закона ея механической эволюціи являются, по глубокому моему убѣжденію, основнымъ грѣхомъ нашей современности. Хотя для упорядоченія признаваемой неизбѣжной борьбы обычно полагается въ основу общественной жизни идея права и придается особенно важное значеніе организаціи и формамъ политическаго строя, но тѣмъ не менѣе раціоналистическое міровоззрѣніе приводитъ неизбѣжно къ культу силы, какъ въ соціальной жизни, такъ и въ политическихъ, внутреннихъ и международныхъ отношеніяхъ. Культъ силы получилъ наибольшее развитіе и наиболѣе наглядное проявленіе въ германскомъ имперіализмѣ, выражающемся въ послѣдовательномъ и неуклонномъ стремленіи подчинить съ одной стороны личность гражданъ подавляющему вліянію государства, а съ другой стороны подчинить экономическимъ интересамъ Германіи и ея политическому вліянію всѣ остальные народы. Созданный въ этихъ цѣляхъ нѣмецкій милитаризмъ съ своей стороны вызываетъ необходимость постояннаго роста вооруженій другихъ государствъ, непомѣрное отягощеніе государственныхъ бюджетовъ и отвлекаетъ рабочія

силы народовъ отъ производительнаго труда. Такое стремленіе Германіи къ господству силы въ международныхъ отношеніяхъ препятствуетъ мирному сожительству народовъ и постепенно въ ихъ сознаніи выясняется ошибочность жизнепониманія, послужившаго основой для создавшагося положенія.

Подъ вліяніемъ этихъ условій повелительно выдвигается значеніе другого міросозерцанія, вытекающаго изъ свойственнаго людямъ религіознаго сознанія, т. е. изъ сознанія связи личной жизни каждаго человѣка съ жизнью всего міра. Постепенно воспитывается убѣжденіе, что смыслъ человѣческой жизни заключается въ свободномъ и сознательномъ подчиненіи своей воли указаніямъ Божественнаго разума, призывающаго всѣхъ людей и всѣ народы не къ непрерывной враждѣ, а къ всечеловѣческому единенію. Мнѣ представляется несомнѣннымъ, что пробужденіе и укрѣпленіе этого жизнепониманія одушевляетъ и объединяетъ всѣ народы, поднявшіеся противъ германскаго имперіализма. Мы видимъ, напримѣръ, какой громадный переворотъ совершился въ отношеніяхъ Англіи къ ея колоніямъ. Еще не такъ давно отношенія къ нимъ метрополіи были построены на насиліи и сопровождались угнетеніемъ мѣстныхъ населеній и жестокостями. Но затѣмъ постепенно и особенно со времени Гладстона, человѣка высокаго духовнаго настроенія, политика Великобританіи получила иной характеръ и нынѣ въ основу ея полагается не господство силы, а нравственная идея, уваженіе свободы и самостоятельности колоній, благодаря чему ихъ отношенія къ метрополіи быстро и рѣзко измѣнились; настоящая война съ очевидностью свидѣтельствуетъ о крѣпкой между ними солидарности. Если колоніи несутъ большія жертвы людьми и матеріальными средствами, то конечно не во имя какихъ-либо меркантильныхъ интересовъ Англіи, а потому, что видятъ смыслъ происходящей войны въ осуществленіи въ будущемъ въ международныхъ отношеніяхъ идей, на основѣ которыхъ въ настоящее время зиждутся отношенія Англіи къ ея колоніямъ.

Идейный смыслъ происходящей войны еще болѣе выдвигается выступленіемъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Сѣверная Америка приняла участіе въ этой войнѣ, очевидно, не преслѣдуя въ ней какихъ-либо экономическихъ интересовъ. Ея матеріальные интересы были достаточно обезпе-

чены при ея нейтральномъ положеніи громаднымъ развитіемъ актива ея торговаго баланса. Мотивы, побудившіе Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты присоединиться къ державамъ согласія, были опредѣленно выяснены въ заявленіи президента Вильсона въ сенатъ. Въ этомъ заявленіи, между прочимъ, говорилось, что „въ грядущіе дни, когда придется заново заложить фундаментъ международнаго мира, немыслимо, чтобы Соединенные Штаты уклонились отъ участія въ этомъ великомъ дѣлѣ". „Миръ долженъ сопровождаться соглашеніемъ, международный характеръ котораго сдѣлаетъ *принципіально* невозможнымъ, чтобы подобная настоящей катастрофа, когда-либо снова обрушилась". На происходящую войну Вильсонъ смотритъ не какъ на борьбу за „установленіе новой системы равновѣсія между державами", а какъ на борьбу „за справедливость и прочный миръ". Въ своемъ завленіи президентъ выставляетъ требованіе, „чтобы грядущій миръ былъ миромъ, не основанномъ на побѣдѣ одной изъ воюющихъ сторонъ". Если это послѣднее пожеланіе можетъ представиться слишкомъ утопичнымъ, то во всякомъ случаѣ оно съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ, что Вильсонъ, высказывая его, руководился исключительно надеждой и вѣрой, что конечный результатъ войны долженъ явиться основой для постепеннаго осуществленія единенія всѣхъ народовъ, съ устраненіемъ изъ ихъ отношеній чувствъ вражды и озлобленнаго между ними соперничества.

Но и въ самой Германіи пробуждается, повидимому, сознаніе ошибочности жизнепониманія, послужившаго основой германскому милитаризму. Уже и тамъ, хотя пока въ видѣ рѣдкихъ исключеній, слышатся новыя мысли; такъ, напримѣръ, профессоръ Мюнхенскаго университета Ферстеръ, по поводу происходящей войны, печатно заявляетъ: „Новая Германская имперія обязана своимъ происхожденіемъ языческому духу, національно-эгоистическому индивидуализму, который долженъ былъ неудержимо толкать къ катастрофѣ, какъ все въ мірѣ, что идетъ противъ духа христіанской истины" [1]).

Какъ ни велики несчастія, вызываемыя войной, какъ ни ужасны многочисленныя живыя жертвы, ею поглащаемыя, но

[1]) См. Русскія Вѣдомости, № 144, 1916 года. Военно-академическій конфликтъ въ Германіи.

хочется вѣрить, что эти жертвы послужатъ жертвами искупленія за ошибки человѣчества въ устроеніи жизни въ прошломъ и откроютъ ему новые пути для устройства жизни въ будущемъ на основѣ, болѣе соотвѣтствующей духовной сущности человѣка. Происходящая война поставила на очередь вопросъ объ устраненіи милитаризма и культа силы изъ области международныхъ отношеній. Достиженіе этой цѣли, т. е. устраненіе господства насилія прежде всего изъ этой области людскихъ отношеній представляется наиболѣе возможнымъ и наименѣе труднымъ. Въ сознаніи широкихъ общественныхъ круговъ всѣхъ странъ уже достаточно глубоко проникло убѣжденіе, что примиреніе различныхъ національныхъ задачъ и экономическихъ интересовъ вѣрнѣе можетъ быть достигнуто путемъ соглашеній на почвѣ уваженія и равноправія всѣхъ національностей и на основѣ справедливаго удовлетворенія и согласованія разнообразныхъ интересовъ. Устраненіе господства насилія изъ внутренняго государственнаго строя и особенно изъ области соціальныхъ отношеній—вопросъ, конечно, гораздо болѣе сложный и трудный; онъ можетъ быть поставленъ и разрѣшаемъ лишь съ извѣстной постепенностью, по мѣрѣ укрѣпленія въ людяхъ сознанія несправедливости съ христіанской точки зрѣнія сложившихся условій и сознанія лежащаго на людяхъ другъ передъ другомъ нравственнаго долга. Устраненіе насилія изъ области международныхъ отношеній и признаніе всѣми народами необходимости установленія ихъ въ будущемъ на основѣ идей правды, высшей справедливости и стремленія къ всечеловѣческому единенію, несомнѣнно, должно будетъ приблизить примѣненіе и осуществленіе тѣхъ же идей въ остальныхъ сферахъ людскихъ отношеній. Принимая это во вниманіе идейный смыслъ происходящей войны пріобрѣталъ еще бо́льшее значеніе.

Такіе благопріятные для человѣчества результаты войны могутъ явиться послѣдствіемъ только рѣшительной побѣды державъ согласія надъ Германіей и ея союзниками, въ противномъ же случаѣ всѣ народы были бы поставлены въ необходимость нести еще долгіе годы тяжкій гнетъ милитаризма, чтобы оградить себя отъ торжествующаго германскаго имперіализма и быть готовыми къ новой неминуемой кровавой катастрофѣ. Въ виду такой перспективы нельзя было не сознавать необходимости, чтобы усилія всего населенія Россіи, какъ и въ

другихъ союзныхъ съ ней государствахъ, были направлены къ доведенію войны до побѣднаго конца, но въ этомъ отношеніи условія нашей внутренней государственной жизни возбуждали серьезныя опасенія.

Армія наша, несмотря на недостатки въ ея оборудованіи, достойно выполняла свои обязанности, но для ея побѣды были необходимы поддержка тыла и сохраненіе въ странѣ внутренняго мира, а съ этой стороны далеко не все обстояло благополучно. Дезорганизація транспорта и затрудненія въ продовольствіи явились серьезнымъ препятствіемъ при удовлетвореніи усиленной потребности арміи и обычной потребности населенія. Однако, эти неблагопріятныя условія могли бы быть въ значительной мѣрѣ облегчены при дружныхъ усиліяхъ правительства и общественныхъ силъ, но въ ихъ отношеніяхъ съ 1915 г. проявилось рѣзкое обостреніе, препятствовавшее ихъ спокойному и планомѣрному взаимодѣйствію и угрожавшее возможности сохраненія въ странѣ необходимаго для одержанія побѣды внутренняго мира. Государственная власть съ преступнымъ пренебреженіемъ относилась къ вопросу о созданіи и укрѣпленіи необходимаго всегда, а во время войны особенно, единенія съ обществомъ и продолжала свою внутреннюю политику въ томъ же пагубномъ направленіи, какъ и прежде. Въ такомъ образѣ дѣйствій нельзя не признать несомнѣнной и безусловной вины государственной власти, но въ тоже время нельзя отрицать, что усилившійся во время войны антагонизмъ между правительствомъ и обществомъ въ значительной мѣрѣ обусловливался тактикой нашихъ общественныхъ организацій. Общественнымъ дѣятелямъ хорошо было извѣстно, что правительство состоитъ изъ людей близорукихъ и ограниченныхъ въ своемъ политическомъ кругозорѣ, принадлежащихъ къ наиболѣе реакціоннымъ элементамъ, не признававшихъ значенія общественныхъ силъ въ государственномъ строѣ и понимавшихъ единеніе и взаимодѣйствіе власти съ обществомъ исключительно въ смыслѣ безпрекословнаго подчиненія всѣхъ волѣ и видамъ правительства. Такое правительство и такое его отношеніе къ обществу являлось страшнымъ несчастіемъ страны. Этотъ печальный фактъ нельзя было игнорировать и не считаться съ нимъ при предъявленіи государственной власти требованій со стороны общества. Нельзя было не принять во вниманіе, что принудительное из-

мѣненіе въ желательномъ направленіи господствовавшаго режима, если бы даже оно представлялось реально возможнымъ для руководящихъ круговъ общества, едва-ли могло быть совершено во время войны безъ существеннаго вреда для ея побѣдоноснаго окончанія. Между тѣмъ Государственной Думой и разными общественными организаціями въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ былъ неоднократно возбуждаемъ вопросъ о перемѣнѣ личнаго состава правительства, а въ сущности объ измѣненіи пресловутаго „нашего самобытнаго государственнаго строя", созданнаго Столыпинымъ, хотя разсчитывать въ этомъ дѣлѣ на согласіе государственной власти не было, несомнѣнно, никакой надежды. Такая постановка вопроса, хотя и имѣвшая въ своемъ основаніи вполнѣ справедливыя недовольство и негодованіе всего общества, не могла, однако, очевидно, при завѣдомо и упорно отрицательномъ отношеніи власти, привести къ желательнымъ положительнымъ результатамъ, но угрожала, несомнѣнно, странѣ возможностью тяжелыхъ послѣдствій отрицательнаго характера. Тактика Государственной Думы и общественныхъ организацій углубляла и подчеркивала разладъ между правительственными и общественными силами, и въ то же время рѣзкія и послѣдовательныя предъявленія требованій о неотложной реформѣ правительства подрывали окончательно авторитетъ государственной власти въ широкихъ кругахъ населенія, а главное среди утомлявшагося войска, создавали воспріимчивую почву для революціонной соціалистической пропаганды и предрѣшали неизбѣжность революціи.

Совершившійся государственный переворотъ засталъ общественныхъ дѣятелей къ нему неподготовленными и они оказались не въ силахъ направить политическое движеніе по пути, не разрушающему государственную мощь страны и обезпечивающему ей возможность довести войну до побѣдоноснаго конца. Руководство происшедшей революціей перешло въ руки элементовъ не государственныхъ, увлеченныхъ соціалистическими утопіями и поставившихъ себѣ цѣлью превратить политическую революцію въ революцію соціалистическую. Для осуществленія этой задачи руководителямъ движенія представлялось необходимымъ прежде всего привлечь на свою сторону армію, которая въ противномъ случаѣ могла выступить въ защиту поддержанія государственнаго порядка. Въ этихъ

видахъ была подорвана необходимая всегда въ войскахъ дисциплина и солдаты на почвѣ классовой вражды были возстановлены противъ командnаго состава. Въ то же время были провозглашены лозунги: прекращеніе войны и немедленное заключеніе мира безъ анексій и контрибуцій. Было громогласно заявлено, что происходящая война, какъ и вообще всякая война, будто бы, начата и ведется исключительно въ интересахъ буржуазныхъ классовъ и является вредной для интересовъ пролетаріата. Повидимому, руководители революціоннаго движенія, находясь подъ гипнозомъ марксистскаго ученія, были чужды пониманію идейнаго смысла происходящей войны, начатой Германіей дѣйствительно изъ имперіалистическихъ побужденій, но тотчасъ же превращенной державами согласія въ войну противъ принципа войны, противъ милитаризма и за устраненіе изъ международныхъ отношеній господства насилія. Эти цѣли были такъ ясно и опредѣленно формулированы всѣми державами согласія, въ ихъ числѣ и Россіей, что отрицать и не понять ихъ было трудно, а потому можетъ имѣть мѣсто предположеніе — не было ли провозглашено, что война ведется только въ интересахъ буржуазіи, съ цѣлью силой этого аргумента вѣрнѣе вызвать разложеніе арміи? Смѣлые экспериментаторы примѣненія въ жизни принциповъ соціализма настолько были увлечены преслѣдуемой ими цѣлью, что даже не остановились предъ неизбѣжными, при выбранныхъ ими путяхъ и средствахъ, послѣдствіями. Русская армія была быстро деморализована, дезорганизована, страна осталась беззащитной предъ врагомъ, оказавшимся, для него самаго неожиданно, въ положеніи высокомѣрнаго побѣдителя, и приведена къ полному государственному, экономическому и моральному разложенію.

Какъ отразится на исходѣ войны нарушеніе Россіей лежавшаго на ней по договору съ своими союзниками обязательства? Удастся ли державамъ согласія послѣ уклоненія Россіи отъ участія въ войнѣ довести послѣднюю до побѣды надъ врагомъ? Эти тревожные вопросы стоятъ предъ всѣмъ культурнымъ міромъ, но предугадать, какое получатъ они разрѣшеніе, въ настоящее время очень трудно. Страшно подумать о неисчислимыхъ жертвахъ, которыя окажутся жертвами, принесенными напрасно, если германскій имперіализмъ не будетъ сломленъ

и если господство насилія еще на долгое время будетъ служить основой отношеній между народами. Прекращеніе Россіей военныхъ дѣйствій и заключеніе брестскаго псевдо-мирнаго договора открыли Германіи и ея союзникамъ возможность оставить на своемъ восточномъ фронтѣ незначительныя военныя силы и перебросить освободившіяся арміи на западный фронтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Германія и Австрія поспѣшили проникнуть въ глубь Россіи и захватить плодороднѣйшія ея области, чтобы обезпечить себя продовольственными средствами, недостатокъ которыхъ долженъ былъ въ близкомъ времени поставить ихъ въ безвыходное, критическое положеніе. Эти условія являются, несомнѣнно, чрезвычайно крупной поддержкой, оказанной Германіи и ея союзникамъ новой русской соціалистической властью. Эта сильная поддержка, оказанная русскимъ соціализмомъ германскому имперіализму, является, какъ бы, послѣдствіемъ и выраженіемъ общности ихъ основного міросозерцанія. И тотъ и другой разсматриваютъ жизнь исключительно какъ естественное и постоянное развитіе борьбы матеріальныхъ силъ. Различіе между ними скорѣе внѣшнее и заключается въ томъ, что соціализмъ сосредоточиваетъ свое вниманіе преимущественно на соціальныхъ отношеніяхъ, на классовой борьбѣ, а имперіализмъ имѣетъ въ виду, преимущественно, область отношеній международныхъ, но въ идейной своей основѣ они, несомнѣнно, родственны и имѣютъ много общаго. Существенная поддержка, оказанная русскимъ соціализмомъ германскому имперіализму, въ случаѣ торжества послѣдняго, можетъ быть чреватой роковыми и пагубными послѣдствіями для интересовъ всего культурнаго человѣчества, стремящагося къ постепенному переходу отъ господства въ жизни грубой силы къ осуществленію въ жизни справедливости, общаго блага и высокихъ идеаловъ высшей правды и добра.

Однако, на ряду съ неблагопріятнымъ вліяніемъ нашей соціалистической революціи на дальнѣйшій ходъ происходящей великой войны народовъ, нельзя не отмѣтить извѣстный положительный результатъ этой революціи для послѣдующаго развитія и устроенія жизни всего человѣчества. Смѣлая попытка поспѣшнаго примѣненія у насъ принциповъ соціализма во всѣхъ областяхъ жизни послужитъ для всѣхъ народовъ и для всего человѣчества наглядным урокомъ и краснорѣчи-

вымъ, несомнѣннымъ доказательствомъ непримѣнимости этихъ принциповъ для переустройства на ихъ основѣ всей жизни. Въ этомъ отношеніи наша соціалистическая революція, по своему объективному значенію, является не реальнымъ торжествомъ соціализма, а полнымъ его крушеніемъ. Вмѣсто упорядоченія производства и всей экономической жизни съ подчиненіемъ этой цѣли групповыхъ и личныхъ интересовъ, мы видимъ, что именно въ погонѣ за удовлетвореніемъ классовыхъ интересовъ потрясено и разрушено народное хозяйство, государственные финансы приведены въ положеніе полнаго банкротства, а Россія, какъ великая держава, болѣе не существуетъ, и выкинута изъ международнаго оборота. Создавшіяся условія исключаютъ возможность оздоровленія въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ экономической и политической жизни страны и обрекаютъ ее подчиненію на долгое время иноземнымъ и враждебнымъ экономическимъ интересамъ. Въ основу соціальнаго прогресса кладется не развитіе производительныхъ силъ страны, а преслѣдуются исключительно задачи раздѣла и распредѣленія. Какъ послѣдствія возбужденія въ народныхъ массахъ жажды мщенія и чувствъ вражды ко всѣмъ имущимъ и болѣе просвѣщеннымъ элементамъ общества, мы наблюдаемъ во всей странѣ—глубокіе процессы деморализаціи и одичанія людей, проявленіе подозрительности, недовѣрія, злобы и ненависти и утрату всѣхъ пріобрѣтеній цивилизаціи и общечеловѣческой культуры. Впрочемъ иныхъ результатовъ отъ широкихъ соціалистическихъ экспериментовъ нельзя было и ожидать, такъ какъ эти результаты неминуемо должны были проявиться, какъ неизбѣжныя послѣдствія ошибочной основы идеологіи соціализма. Соціализмъ обращается съ призывомъ не къ добрымъ чувствамъ людей, не къ сознанію лежащаго на нихъ нравственнаго долга, а призываетъ ихъ къ отстаиванію, путемъ борьбы и насилія своихъ классовыхъ и личныхъ интересовъ. Идеѣ соціальнаго мира и стремленію къ всечеловѣческому единенію соціализмъ противополагаетъ непримиримую и безконечную войну классовъ. Соціализмъ отрицаетъ связь человѣка съ міровымъ закономъ добра и высшей правдой и не признаетъ въ жизни ничего, кромѣ матеріальныхъ силъ. Игнорированіе и отрицаніе духовной природы человѣка приводитъ къ отождествленію свободы съ

освобожденіемъ людей отъ моральныхъ узъ. Положеніе, создавшееся въ настоящее время въ Россіи подъ вліяніемъ соціалистической доктрины, не можетъ не раскрыть въ глазахъ и въ сознаніи всѣхъ народовъ ошибочности коренной основы соціализма и должно побудить тѣмъ все человѣчество идти инымъ путемъ къ переустройству и улучшенію условій жизни.

Классовая борьба является основой міровоззрѣнія соціализма и въ развитіи борьбы труда съ капиталомъ соціализмъ видитъ главную, если не исключительную, задачу и смыслъ всей жизни. Въ такомъ жизнепониманіи заключается, несомнѣнно, большая ошибка. *Эволюція въ жизни человѣчества опредѣляется не борьбой силъ, а проникновеніемъ и осуществленіемъ въ жизни новыхъ идей, усвояемыхъ послѣдовательнымъ развитіемъ общественнаго сознанія.* Согласно двойственности природы человѣка новыя идеи выясняются въ сознаніи людей путемъ работы человѣческаго разума и развитія въ людяхъ ихъ духовной силы. Движеніе въ мірѣ идей можетъ получить правильное направленіе только въ томъ случаѣ, когда оно является послѣдствіемъ работы человѣческой мысли, руководимой свойственнымъ духовной природѣ человѣка религіознымъ чувствомъ. Раціонализмъ и религіозное сознаніе должны всегда служить совмѣстно основными началами, опредѣляющими всю человѣческую жизнь, какъ въ цѣломъ, такъ и въ ея деталяхъ. Если религіозное чувство въ людяхъ ослабѣваетъ и заглушается, то работа человѣческаго разума получаетъ односторонное раціоналистическое направленіе и на ней неизбѣжно сказывается преобладающее вліяніе интересовъ и инстиктовъ, свойственныхъ матеріальной природѣ человѣка. Такое одностороннее направленіе приводитъ къ пониманію жизни, какъ процесса борьбы матеріальныхъ силъ, но такое пониманіе смысла жизни вступаетъ въ непримиримое противорѣчіе съ духовной природой человѣка и затрудняетъ установленіе въ мірѣ доброжелательныхъ между всѣми людьми отношеній. Развитіе религіознаго сознанія и сознанія лежащаго на всѣхъ людяхъ нравственнаго долга призываетъ ихъ къ единенію и воспитываетъ въ нихъ убѣжденіе, что только при этомъ условіи возможны осуществленіе въ жизни справедливости и обезпеченіе общаго блага всѣмъ людямъ. Раціонализмъ и

религіозное сознаніе являются основами двухъ жизнепониманій и направленіе развитія жизненнаго процесса опредѣляется отнюдь не борьбой матеріальныхъ силъ, а находится въ прямой зависимости отъ преобладанія въ общественномъ сознаніи того или другого изъ соперничующихъ между собой двухъ указанныхъ основныхъ жизнепониманій. Правильное и цѣлесообразное устроеніе личной и общественной жизни возможно лишь на почвѣ синтеза работы человѣческой мысли и развитія религіознаго сознанія.

Развитіе политической и соціальной жизни каждой страны обусловливается основнымъ жизненониманіемъ, которое является преобладающимъ въ сознаніи его населенія, но особенно въ средѣ руководящихъ общественныхъ элементовъ. Раціоналистическое жизнепониманіе было и остается чуждымъ русскому народу. Недостатокъ знаній, просвѣщенія и тяжелыя правовыя и экономическія условія его жизни неблагопріятно вліяли на расширеніе его умственнаго кругозора и на развитіе его мысли. Но духу русскаго народа было всегда близко религіозное сознаніе, сознаніе несомнѣнной связи жизни людей съ высшей волей, управляющей міромъ; ему было всегда свойственно исканіе высшей, Божественной правды. Этимъ свойствомъ народнаго духа объясняется съ одной стороны тяготеніе народа къ церкви вообще, а съ другой—готовность его прислушиваться и примыкать къ различнымъ сектантскимъ ученіямъ. Свойственое русскому народу религіозное настроеніе отражается на хорошо знакомыхъ всѣмъ чертахъ его характера, которыя получили яркое и вполнѣ вѣрное выраженіе въ произведеніяхъ нашихъ геніальныхъ мыслителей-писателей и особенно въ творчествѣ Достоевскаго и Л. Н. Толстого. Однако, характерныя черты русскаго народа воспроизведены не только писателями, которые сами усвоили и раздѣляютъ религіозное жизнепониманіе, но и писателями противоположнаго лагеря. Если, напримѣръ, въ числѣ характернѣйшихъ представителей русскаго народа въ произведеніяхъ Л. Н. Толстого мы видимъ Каратаева и Акима, то не менѣе жизненнымъ представляется Лука, воспроизведенный М. Горькимъ. Такое совпаденіе является лучшимъ подтвержденіемъ тому, что представленные писателями различныхъ лагерей типы вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности и жизненной правдѣ.

Если таково основное жизнепониманіе русскаго народа, то въ руководящихъ кругахъ общества и особенно среди интеллигенціи съ сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка преобладало жизнепониманіе раціоналистическое и къ религіознымъ запросамъ наша интеллигенція относилась частью безразлично, а не рѣдко вполнѣ отрицательно. Это основное разномысліе не могло не отразиться пагубно на развитіи нашей политической жизни, и на направленіи освободительнаго движенія, по которому оно было поведено руководящими элементами общества. Интеллигенція обращалась съ призывомъ къ правовому сознанію народныхъ массъ и стремилась привлечь ихъ къ политической борьбѣ съ властью, но, за отсутствіемъ въ народѣ правильнаго пониманія идеи права, обращенія интеллигенціи пробуждали въ народныхъ массахъ только матеріальные инстинкты и эгоистическіе интересы. Такое воздѣйствіе, оказанное на настроеніе народныхъ массъ, подрывало въ нихъ религіозное сознаніе и подготовило благопріятную почву для соціалистической пропаганды, которая еще болѣе пробудила въ массахъ озлобленіе, отрицаніе всякаго права и толкнула страну на путь анархіи и полнаго разложенія. Соціализмъ, отрицая духовную сторону природы человѣка и относясь къ религіи не только безразлично, но опредѣленно враждебно, призываетъ народныя массы къ установленію, опираясь на свои матеріальныя силы, диктатуры пролетаріата. Въ конечномъ результатѣ соціалистическая проповѣдь углубила классовую борьбу до борьбы матеріальной силы съ силами умственными и духовными и пробудило въ народныхъ массахъ чувства злобы и ненависти къ интеллигентнымъ силамъ страны.

Переживаемое нынѣ время явилось неизбѣжнымъ послѣдствіемъ отсутствія въ прошломъ необходимой духовной связи между интеллигенціей и народомъ, въ силу чего они другъ друга плохо понимали и не могли быть солидарными. Но проявившееся въ народныхъ массахъ разложеніе ихъ обычнаго настроенія явленіе временное и, нужно думать, что, извѣрившись въ недалекомъ будущемъ въ посулахъ руководителей соціалистической революціи и въ возможности устроенія на землѣ соціалистическаго рая путемъ классовой борьбы, безправія и безвластія, русскій народъ, который Достоевскій и Л. Н. Толстой справедливо характеризовали эпитетами бого-

носецъ и богоискатель, вскорѣ найдетъ вновь свойственное ему религіозное сознаніе. „Однимъ изъ отличительныхъ признаковъ русскаго народа“, говоритъ В. О. Ключевскій, „служитъ его способность подниматься на ноги послѣ паденія. Какъ бы ни было тяжко его униженіе, но пробьетъ урочный часъ, онъ соберетъ свои растерянныя нравственныя силы, которыя выведутъ его на покинутую имъ временно прямую историческую дорогу“ [1]). Помимо нравственнаго возрожденія народнаго духа, немыслимы политическое возрожденіе Россіи и обновленіе нашего соціальнаго строя. Необходимо сознать, что обезпеченіе общаго блага возможно лишь путемъ доброжелательнаго единенія людей и воспитанія ими въ себѣ чувства нравственной отвѣтственности за свои дѣйствія. Только при такой основѣ жизненнаго строя осуществленіе и широкое развитіе въ немъ демократическихъ идей сдѣлается не только возможнымъ, но и безусловно необходимымъ. Не соціализмъ исправитъ міръ, а христіанское воспитаніе людей. Русскій народъ—народъ христіанскій по своему духу; хотя онъ переполненъ слабостями и пороками, но чувство его христіанское и идеалъ его христіанскій.

Но и при нравственномъ возрожденіи народнаго сознанія, обновленіе нашей политической и соціальной жизни станетъ возможнымъ только въ томъ случаѣ, если одновременно пересмотритъ свое жизнепониманіе наша интеллигенція и согласуетъ въ дальнѣйшемъ образъ своихъ дѣйствій съ идеалами и запросами народнаго духа. Развитіе жизни пойдетъ устойчиво и надежно по вѣрному пути только тогда, когда все населеніе страны и всѣ его классы будутъ связаны между собой единствомъ нравственнаго идеала. Пересмотръ интеллигенціей своего жизнепониманія представляется вполнѣ вѣроятнымъ, такъ какъ необходимость такого пересмотра сознается широкими кругами общества. Даже среди соціалистовъ мыслящіе люди отдаютъ себѣ отчетъ въ глубокомъ кризисѣ соціалистическаго движенія, какъ идейнаго направленія. Такъ, напримѣръ, Савинковъ (Ропшинъ), бывшій организаторъ и руководитель многихъ террористическихъ актовъ, еще въ 1909 году помѣ-

[1]) Рѣчь В. О. Ключевскаго о значеніи преподобнаго Сергія для русскаго народа и государства.

стилъ въ „Русской Мысли“ (январь) очеркъ—„Конь блѣдный“, эпиграфомъ къ которому онъ взялъ слова изъ 1-го посланія Іоанна, гл. II., ст. 11: „Кто ненавидитъ брата своего, тотъ находится во тьмѣ, и во тьмѣ ходитъ, и не знаетъ, куда идетъ, потому что тьма ослѣпила ему глаза“. Въ этомъ очеркѣ представленъ психологическій процесъ переживаній самоуглубляющагося соціалиста-революціонера, въ которомъ зарождается сомнѣніе относительно правильности избраннаго имъ пути и жизнепониманія, приведшаго его на этотъ путь. Положенія, на которыхъ онъ останавливается, являются полнымъ противорѣчіемъ соціалистическому пониманію смысла жизни, и имъ высказываются мысли, которыя считаю умѣстнымъ повторить здѣсь при заключеніи моихъ записокъ:

„Нужно, чтобы люди другъ друга любили, чтобы Богъ былъ съ ними и въ нихъ“.

„Во имя Бога, во имя любви будутъ люди свободны и сыты, и въ любви будутъ жить“.

„Я вѣрю: не мечомъ, а любовью спасется міръ, какъ любовью онъ и устроится“.

Апрѣль 1918 г.
село Ботово.

P. S. Закончивъ мои „воспоминанія“ въ апрѣлѣ, я передалъ ихъ тогда же книгоиздательству „М. и С. Сабашниковыхъ“, но подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій переживаемаго времени, отразившихся и на типографскихъ работахъ, печатаніе моихъ записокъ очень затянулось и заканчивается въ концѣ сего декабря. Въ теченіе 8 мѣсяцевъ, протекшихъ за это время, произошли существенныя измѣненія въ положеніи вопросовъ, связанныхъ съ міровой войной, сравнительно съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ они находились, когда я писалъ приведенное выше послѣсловіе; тѣмъ не менѣе я оставилъ его безъ измѣненій въ томъ видѣ, какъ оно было написано ранѣе, но считаю не лишнимъ сопроводить его въ настоящее время нѣкоторымъ дополненіемъ.

Въ апрѣлѣ я останавливался предъ тревожными вопросами: Какъ отразится на исходѣ міровой войны нарушеніе Россіей

лежавшихъ на ней по договору съ ея союзниками обязательствъ? Удастся ли державамъ согласія, послѣ уклоненія Россіи отъ участія въ войнѣ, довести послѣднюю до рѣшительной побѣды? Сейчасъ эти вопросы получили уже болѣе или менѣе свое разрѣшеніе. Идею имперіализма и принципъ милитаризма можно признать въ настоящее время не только поколебленными, но и окончательно ниспровергнутыми. Въ настоящее время стоятъ на очереди вопросы, связанные съ заключеніемъ мира между всѣми народами и съ установленіемъ новыхъ основаній и порядка въ международныхъ отношеніяхъ. Теперь человѣчество имѣетъ полное право ожидать, что заканчивающаяся война будетъ послѣдней и что предстоящее мирное соглашеніе народовъ исключитъ возможность повторенія подобной кровавой катастрофы. Для достиженія такихъ результатовъ необходимо, чтобы при заключеніи всеобщаго мира были осуществлены съ надлежащей полнотой тѣ цѣли, о которыхъ неоднократно заявляли державы согласія.

Предстоящій миръ долженъ создать новый международный строй, основанный на широкихъ міровыхъ принципахъ права и справедливости, и обезпечить всѣмъ народамъ полную свободу и самостоятельность самоопредѣленія. Всякій территоріальный споръ долженъ быть разрѣшаемъ въ интересахъ и по желанію мѣстнаго населенія, а не какъ часть примирительнаго соглашенія между соперничующими государствами. Такой миръ можетъ быть осуществленъ только въ томъ случаѣ, если державы согласія останутся непоколебимо вѣрны провозглашеннымъ ими принципамъ, не поддадутся чувствамъ возмущенія и негодованія противъ виновниковъ заканчивающейся страшной войны и воздержатся отъ возможныхъ подъ вліяніемъ побѣды увлеченій. Можно надѣяться, что побѣдители найдутъ въ себѣ необходимыя нравственныя силы установить для всѣхъ народовъ равныя и вполнѣ справедливыя условія и не будутъ стремиться возложить на побѣжденныя страны слишкомъ тяжелую отвѣтственность за преступныя дѣйствія представителей повергнутаго имперіализма. Благотворное вліяніе въ этомъ отношеніи можно особенно предвидѣть и ожидать со стороны Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и ихъ президента Вильсона, опредѣленно выставившаго заблаговременно 14 пунктовъ предложенной имъ программы мира, высказавшаго увѣренность,

что „стремленіе къ новому международному строю, въ которомъ восторжествуютъ разумъ, справедливость и общіе интересы всего человѣчества, является стремленіемъ всѣхъ просвѣщенныхъ людей всего свѣта“, и заявившаго 11 февраля с. г. въ своей рѣчи въ конгрессѣ, что „приложивъ руку къ осуществленію идеала, мы не отступимъ назадъ“.

Если предстоящее мирное соглашеніе должно устранить навсегда и окончательно господство насилія изъ области международныхъ отношеній и положить начало мирному и доброжелательному сотрудничеству всѣхъ народовъ въ интересахъ всего человѣчества, то въ тоже время настолько же необходимо, чтобы предстоящій миръ явился миромъ вполнѣ демократическимъ и обезпечилъ во всемъ мірѣ осуществленіе демократическихъ идей и принциповъ. Только повсемѣстная и широкая демократизація государственныхъ учрежденій и всего соціальнаго строя можетъ обезпечить дѣйствительный миръ всему міру. Но особенно необходимо, чтобы, какъ при заключеніи мирнаго соглашенія, такъ и при обновленіи государственной и соціальной жизни, было положено въ основу признаніе абсолютной цѣнности нравственныхъ началъ, источникомъ которыхъ является исключительно свойственное всѣмъ народамъ религіозное сознаніе. Всякая сила, лишенная нравственнаго содержанія, не можетъ управлять духомъ людей; только моральная сила, можетъ быть силой животворящей, освобождающей человѣческія души и обезпечивающей равно и одинаково для всѣхъ свободныя условія существованія.

За время войны жизнепониманіе, основанное на религіозномъ сознаніи, пріобрѣтаетъ, видимо, все большее и большее преобладаніе среди всѣхъ народовъ, но истинно религіозное настроеніе особенно рельефно проявляется въ Сѣверной Америкѣ. Подтвержденіемъ этому можетъ служить воззваніе, съ которымъ президентъ Вильсонъ весной этого года обратился къ населенію Соединенныхъ Штатовъ съ приглашеніемъ отмѣнить празднованіе 30-го мая, считавшагося днемъ національнаго праздника, и превратить его въ день публичнаго покаянія, молитвы и поста. Въ этомъ воззваніи говорилось:

„Симъ я провозглашаю четвергъ 30-го мая, день, уже отягченный священными трогательными воспоминаніями, днемъ общественнаго покаянія, молитвы и поста и призываю своихъ

товарищей-сограждан, всѣхъ вѣрованій и исповѣданій, собраться въ этотъ день въ различныхъ мѣстахъ ихъ религіознаго культа, и тамъ, равно какъ и дома, умолять Всемогущаго Бога, чтобы Онъ простилъ грѣхи и прегрѣшенія нашего народа, очистилъ наши сердца и далъ намъ лицезрѣть и любить правду, принимать и защищать все согласное съ правдой и справедливостью, чтобы Онъ далъ намъ дѣйствовать и судить въ духѣ права и въ согласіи съ Его волей. Будемъ умолять Его, чтобы Онъ даровалъ побѣду нашимъ арміямъ въ ихъ борьбѣ за освобожденіе, мудрость всѣмъ тѣмъ, кто въ эти дни мрачной борьбы принимаетъ рѣшеніе въ пользу нашего дѣла, и упорную непоколебимость нашему народу въ несеніи высшихъ жертвъ для поддержанія истины и справедливости. Будемъ умолять Его о дарованіи намъ, наконецъ, мира, при которомъ успокоится сердце человѣческое, мира, основаннаго на милосердіи, справедливости и доброжелательности".

Если всѣ участники предстоящей мирной конференціи проникнутся мыслями и идеями, составляющими содержаніе приведеннаго воззванія, и подчинятся вызываемому ими душевному настроенію, то не можетъ быть сомнѣнія, что человѣчеству, по заключеніи мирнаго соглашенія, будутъ постепенно и послѣдовательно открываться новые свѣтлые пути во всѣхъ областяхъ его жизни.

Декабрь 1918 г.
Москва.

Записка князя С. Н. Трубецкого,

представленная 28-го ноября 1904 года министру внутреннихъ дѣлъ, князю П. Д. Святополкъ—Мирскому.

„А для того своего Государства и земскаго великаго царственнаго дѣла указалъ Государь... выбрати смышленыхъ и добрыхъ людей, чтобы Его Государево царственное и земское дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми утвердити и на мѣрѣ поставити, чтобы тѣ всѣ великія дѣла, по нынѣшнему Государеву указу и соборному уложенію впредь были ни въ чемъ нерушимы" (Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича).

Грозныя и тяжкія времена переживаетъ Россія. Война еще въ полномъ разгарѣ, война гибельная, безплодная и развратительная, опасная въ настоящемъ, сулящая и въ отдаленномъ будущемъ продолжительное напряженіе нашихъ военныхъ силъ на Дальнемъ Востокѣ. Финансовыя затрудненія и обостреніе экономическаго кризиса представляются неизбѣжными, а экономическій кризисъ, переживаемый сельскимъ населеніемъ, осложняется полнымъ отсутствіемъ правопорядка въ деревнѣ, возрастающимъ броженіемъ и общимъ недовольствомъ, могущими вызвать опасную смуту.

Общественное недовольство и тревога имѣютъ глубокія и серьезныя основанія, которыя едва ли нужно пространно указывать. Если окраины были систематически возбуждаемы противъ Россіи и русскаго правительства подъ предлогомъ руссификаціи, а Финляндія едва не доведена до открытаго возстанія подъ предлогомъ „русской идеи", то сама коренная Россія жила эти десятилѣтія подъ гнетомъ осаднаго положенія и непрерывно усиливающагося полицейскаго произвола, который сѣялъ ожесточеніе и одинаково деморализовалъ общество и самую администрацію, утратившую сознаніе отвѣтственности и законности. Необходимыя реформы, составляющія насущную потребность культурной страны, залогъ незыблемаго правопорядка и мирнаго преуспѣянія, не только откладывались, но отвергались въ принципѣ или замѣнялись другими, реакціонными мѣропріятіями и узаконеніями, *деформи-*

ровавшими великія реформы Александра II, какъ бы съ тѣмъ, чтобы вернуть страну къ тому дореформенному состоянію, въ которомъ она находилась до Севастополя. Страхъ передъ необходимыми гарантіями правового порядка приводилъ къ отрицанію самого правового порядка во всѣхъ областяхъ жизни государственной и общественной, въ центрѣ и на окраинахъ. Все это, въ связи съ тяжелымъ экономическимъ кризисомъ, съ отсутствіемъ нормальнаго удовлетворенія духовныхъ, нравственныхъ и матеріальныхъ нуждъ населенія, привело насъ къ теперешнему критическому положенію, которое мы болѣе не можемъ отъ себя скрывать.

Никогда еще Россія не нуждалась до такой степени въ сильной и авторитетной правительственной власти и въ организованномъ обществѣ, при согласномъ дѣйствіи которыхъ только и могутъ быть мирнымъ путемъ осуществлены спасительныя реформы и утвержденъ незыблемый на законѣ основанный порядокъ. А, между тѣмъ, общество глубоко дезорганизовано продолжительнымъ гнетомъ полицейскаго деспотизма и авторитетъ правительственной власти глубоко поколебленъ. То, что говорится ежедневно въ печати о бюрократіи и бюрократическомъ режимѣ, то отношеніе, которое высказывается теперь къ правящей бюрократіи послѣ столькихъ долгихъ лѣтъ вынужденнаго молчанія, есть, несомнѣнно, отношеніе всего мыслящаго русскаго общества. Но однимъ образованнымъ обществомъ дѣло теперь не ограничивается. Каковы бы ни были окончательные результаты настоящей войны, можно сказать, что она вскрыла всѣ язвы и пороки бюрократическаго строя глубже и сильнѣе, нежели то сдѣлала въ свое время севастопольская война. То, что было ясно и ранѣе мыслящей части русскаго общества, теперь ясно всѣмъ. Силу этого впечатлѣнія на народную массу, на войска, еще трудно учесть, но считаться съ нимъ слѣдуетъ уже теперь.

И, однако, несмотря на все это, общій патріотизмъ русскаго народа, традиціонная преданность Престолу, сознаніе внѣшней и внутренней опасности, наконецъ самая потребность найти выходъ изъ настоящаго остраго положенія, заставятъ всѣ лучшія здоровыя силы страны сплотиться вокругъ правительства, если оно твердо и опредѣленно вступитъ на путь реформъ и обновленія Россіи.

Возвращеніе назадъ къ реакціи восьмидесятыхъ годовъ немыслимо. Путь, приведшій Россію къ настоящему погрому и нестроенію, есть путь явно гибельный и ложный, осужденный не отдѣльными выразителями общественнаго недовольства, а самой жизнью, самой дѣйствительностью, Божьимъ судомъ. Теперь уже не свободолюбіе, а патріотизмъ требуетъ реформъ; здоровые инстинкты охраненія, стремленіе спасти Россію отъ внѣшней и внутренней опасности, наконецъ, интересы національной обороны заставляютъ свернуть съ коснаго пути бюрократическаго абсолютизма. И, чтобы сдѣлать это, не слѣдуетъ бояться смѣлаго и рѣшительнаго шага, который одинъ можетъ возстановить пошатнувшійся авторитетъ правительственной власти. Опасны могутъ быть колебанія, промедленія, робкіе нерѣшительные шаги; самыя справедливыя частныя уступки, по необходимости имѣющія лишь временный характеръ, въ концѣ концовъ окажутся безцѣльными, никакого авторитета не поддержатъ и никого не удовлетворятъ. Тамъ, гдѣ затронуты высшіе интересы государства и русскаго народа, въ дѣлѣ спасенія и устрое-

нія Россіи, нужны не полумѣры, а властный и рѣшительный починъ. Такой починъ нѣкогда принялъ на себя Петръ Великій, когда онъ положилъ прорубить окно въ Европу и ввести въ Россію европейскую культуру и технику; такой починъ принялъ Александръ II, когда сознана была государственная необходимость освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Въ настоящую историческую минуту государственной необходимостью является политическое раскрѣпощеніе Россіи, организація общественныхъ силъ на началахъ народнаго представительства,—организація, безъ которой мы не выйдемъ изъ общественнаго хаоса и неурядицъ. Пусть же и здѣсь Верховная Власть оправдаетъ историческую вѣру Россіи, тотъ глубокій и вѣрный инстинктъ народный, который собиралъ Россію вокругъ Престола ея государей. Да не совершится это грядущее освобожденіе безъ Верховной Власти и помимо ея произволенія. Теперь, пока не поздно, пусть исходитъ и здѣсь починъ этого великаго и святого дѣла отъ Верховной Власти, которая одна можетъ совершить его мирнымъ путемъ и тѣмъ прочнѣе и глубже утвердить основы своего могущества на будущія времена во благо Россіи.

Рядъ неотложныхъ реформъ выдвинутъ самою жизнью и указанъ общественнымъ мнѣніемъ съ достаточною опредѣленностью. Отмѣна всѣхъ узаконеній и правительственныхъ распоряженій, ограничивающихъ свободу совѣсти и вѣроисповѣданій; отмѣна положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія 14 августа 1881 года; отмѣна узаконеній, противорѣчащихъ духу судебныхъ уставовъ Александра II и лишающихъ населеніе дѣйствительнаго правосудія; обезпеченіе свободы личности, свободы печати, свободы союзовъ и общественныхъ собраній; упраздненіе административнаго произвола; установленіе реальной отвѣтственности правительственныхъ лицъ и учрежденій; пересмотръ земскаго и городского положенія и широкая реформа всего областного и мѣстнаго управленія; правильная постановка всего низшаго, средняго и высшаго образованія; наконецъ, крестьянская реформа, столь настоятельно, столь давно необходимая.

Но всѣ эти реформы либо предполагаютъ политическую свободу, правовой строй государственной жизни и правильно организованное народное представительство, либо не могутъ быть должнымъ образомъ разработаны, осуществлены и проведены въ жизнь безъ его посредства. Вотъ что слѣдуетъ имѣть въ виду при разработкѣ общаго плана реформъ.

Какъ ни безотлагательно необходимо подготовленіе и осуществленіе крестьянской реформы, но можно сказать заранѣе, что попытка ввести въ деревню твердый и незыблемый на законѣ основанный правопорядокъ, который оградилъ бы ее отъ надвигающейся анархіи, неизбѣжно останется тщетной, пока такого правопорядка нѣтъ въ цѣломъ государствѣ. И, какъ ни необходима крестьянская реформа, ее невозможно осуществить безъ широкаго участія общественныхъ силъ въ законодательной работѣ. Это сознавалось, хотя лишь отчасти, и до войны и въ этомъ смыслѣ были сдѣланы двѣ попытки: первая изъ нихъ, создавая случайныя и разрозненныя совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, не могла привести ни къ какимъ политическимъ результатамъ, несмотря на всю правильность нѣкоторыхъ взглядовъ, выяснившихся въ общемъ итогѣ этихъ совѣщаній; вторая попытка имѣла

главною цѣлью парализовать значеніе первой и посредствомъ бюрократической фальсификаціи мѣстнаго мнѣнія разрѣшить крестьянскій вопросъ въ смыслѣ увѣковѣченія тѣхъ золъ, противъ которыхъ высказались первыя совѣщанія и противъ которыхъ должна быть направлена дѣйствительная реформа. Это показываетъ, что плодотворное участіе общественныхъ представителей въ законодательной работѣ возможно лишь подъ условіемъ правильной организаціи народнаго представительства. Независимо отъ сего, всякое сколько нибудь широкое привлеченіе мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей къ участію въ крестьянской реформѣ легко могло бы превратить ее въ платформу для общей политической борьбы, что отчасти случалось уже и что неизбѣжно случится въ несравненно большихъ размѣрахъ и впредь, если крестьянская реформа будетъ разрабатываться при неопредѣленности общаго политическаго положенія. Отъ такихъ условій не можетъ не пострадать прежде всего самая реформа, которая можетъ быть правильно разработана и осуществлена лишь при спокойномъ и согласномъ дѣйствіи правительства и правильно политически-организованныхъ общественныхъ силъ. До тѣхъ поръ, пока самой почвы для такого согласія не существуетъ, пока главный и основной вопросъ не получилъ хотя бы принципіальнаго разрѣшенія, не можетъ быть плодотворной совмѣстной работы. Общественные дѣятели естественно переносятъ главный, иногда исключительный интересъ на общій политическій вопросъ, а представители бюрократіи, какъ было въ данномъ случаѣ, склонны совершенно упускать изъ виду самое существо дѣла и заботиться не о томъ, чтобы найти дѣйствительный выходъ изъ невозможнаго положенія крестьянства, а о томъ, чтобы разрѣшить крестьянскій вопросъ съ точки зрѣнія интересовъ бюрократическаго абсолютизма. Центръ тяжести вопроса объ устройствѣ хозяйственнаго и гражданскаго быта крестьянъ переносится на общій вопросъ о старомъ и новомъ порядкѣ, о правахъ и безправьи не деревни, а всѣхъ русскихъ гражданъ вообще.

И то же самое случается и не можетъ не случиться со всякимъ инымъ вопросомъ нашей внутренней жизни, который ставится на очередь. Какъ бы мелкимъ и частнымъ онъ ни казался, каждый такой вопросъ, при условіяхъ настоящаго времени, легко и самъ собою получаетъ политическое значеніе и дѣлается предметомъ политической борьбы, при чемъ его постановка, обсужденіе и разрѣшеніе несомнѣнно страдаютъ вслѣдствіе такого осложненія общимъ политическимъ вопросомъ. И, что всего важнѣе, это происходитъ не вслѣдствіе какой либо безпочвенной агитаціи, а вслѣдствіе того, что общій политическій вопросъ выдвинулся самъ собой, всѣмъ ходомъ русской жизни и назрѣлъ такъ мучительно и болѣзненно: право или безправье, неограниченное самовластіе бюрократіи или правильное народное представительство—средняго нѣтъ.

Но, помимо реформъ, нуждающихся въ самой широкой законодательной разработкѣ, есть, повидимому, и другія, которыя не требуютъ особыхъ усилій со стороны законодателя и предполагаютъ большею частью лишь отмѣну исключительныхъ законовъ, временныхъ правилъ и постановленій, ограничивающихъ свободу личную и общественную. На первый взглядъ отмѣна узаконеній и постановленій, искажающихъ реформы Александра II, признаніе личной свободы, свободы печати, свободы собраній и союзовъ представляются

осуществимыми и при настоящихъ условіяхъ. Но историческая судьба великихъ реформъ шестидесятыхъ годовъ достаточно показываетъ ошибочность такого мнѣнія. По слову евангельскому, нельзя приставлять заплатъ изъ небѣленой ткани къ ветхой одеждѣ.

Бюрократическій абсолютизмъ могъ держаться лишь при режимѣ осаднаго положенія и, притомъ, при режимѣ все болѣе и болѣе суровомъ. Дѣйствительная свобода печати, обезпеченная и нормированная закономъ, съ нимъ несовмѣстима, поскольку свободная печать есть органъ свободнаго общественнаго мнѣнія и необходимо должна способствовать организаціи общественныхъ силъ, созидательной работѣ общества. Благодѣтельныя, хотя все еще крайне недостаточныя облегченія печати отъ цензурныхъ стѣсненій, послѣдовавшія съ недавняго времени, особенно ярко освѣщаютъ всю ненормальность общаго положенія печати въ настоящее время при общемъ цензурно-полицейскомъ режимѣ: вся та свобода, какая ей предоставлена, поневолѣ направляется теперь на уничтожающую критику бюрократизма, на выраженіе протеста противъ бюрократическаго самовластія; но возможность созидательной работы, положительнаго выясненія общественныхъ идеаловъ и нормальныхъ способовъ ихъ осуществленія, выясненія желательныхъ преобразованій, разработки общественно-правовыхъ вопросовъ, столь неясныхъ еще для значительной части русскаго общества,—такая возможность до сихъ поръ еще почти совершенно закрыта нашей печати. Ей приходится ограничиваться туманными намеками въ дѣлѣ, требующемъ всего болѣе ясности и опредѣленности, или же—однимъ отрицаніемъ, одними нападками на бюрократію. Такой порядокъ вещей не соотвѣтствуетъ ни достоинству правительства, ни достоинству печати и долго продолжаться не можетъ. Нападки на бюрократическій строй въ печати, вполнѣ подчиненной цензурѣ, показываютъ всѣмъ, что этотъ строй осуждается не только обществомъ, а и правительствомъ. Но если онъ осужденъ, это должно быть сказано сверху прямымъ путемъ, ясно и опредѣленно и въ отмѣну ему должно быть столь же ясно и опредѣленно указано нѣчто новое и положительное, долженъ быть сдѣланъ первый шагъ къ созиданію новаго порядка. Лишь въ связи съ этимъ, положеніе печати можетъ сдѣлаться прочнымъ и нормальнымъ, отвѣчающимъ требованіямъ общества. Сказанное о свободѣ печати естественно относится и къ свободѣ общественныхъ учрежденій, собраній и союзовъ.

Если положеніе объ усиленной охранѣ ничего не охранило, способствовало умноженію смуты, деморализовало администрацію и дезорганизовало общество, то это еще не значитъ, чтобы одно упраздненіе этого положенія, послѣ всѣхъ тѣхъ золъ, которыя оно принесло, сразу само собою обезпечило внутреній миръ и порядокъ. Отношеніе русскаго общества къ трагической смерти В. К. фонъ-Плеве, показываетъ, что самый терроръ, направленный противъ режима полицейскаго деспотизма не встрѣчаетъ отпора со стороны общества,—зловѣщій признакъ, который указываетъ конецъ стараго порядка. Но этотъ распадающійся, внутренно сгнившій порядокъ долженъ быть замѣненъ новымъ порядкомъ.

Россіи нужно организованное общество и сильное авторитетное правительство. И вотъ почему мы выражаемъ убѣжденіе, что, принявъ на себя починъ въ дѣлѣ организаціи общества, правительство подниметъ свой авто-

ритетъ и увеличитъ свою реальную силу. Помимо указанныхъ выше соображеній, слѣдуетъ помнить уже одно то, что въ самой техникѣ современнаго государственнаго управленія и государственнаго хозяйства, въ законодательной работѣ, въ дѣлѣ раціональнаго обсужденія и установленія бюджета сообразно средствамъ и потребностямъ страны, въ дѣлѣ контроля, обезпечивающаго правильное и закономѣрное отправленіе всѣхъ частей сложной государственной машины, народное представительство есть совершенно незамѣнимый аппаратъ, отсутствіе котораго ограничиваетъ и обезсиливаетъ государственную власть, парализуетъ ее и въ мирномъ и въ вооруженномъ состязаніи съ другими государствами, превосходящими ее въ техникѣ управленія и государственнаго хозяйства и обладающими строемъ, отвѣчающимъ требованіямъ современной государственности и общественности.

Старый порядокъ осужденъ человѣческимъ и Божескимъ судомъ. Но Верховная Власть не можетъ отождествлять себя съ бюрократіей, которая фактически ограничивала и узурпировала ея права. Она можетъ и должна свободнымъ починомъ заложить основы новаго порядка—не въ уступку чьимъ либо притязаніямъ, а во огражденіе внутренняго мира, чести и силы Россіи и во утвержденіе своей Державы. Ибо ничто не ограничиваетъ власти, кромѣ безсилія внѣшняго и внутренняго, и нѣтъ основы власти болѣе прочной, чѣмъ свобода, право и всенародная вѣра.

Нельзя скрывать отъ себя величія и трудности задачъ, стоящихъ передъ правительствомъ. Оно вступило на единственно-правильный путь довѣрія къ обществу и оно дало высказать этому обществу самое рѣшительное и безусловное осужденіе режиму бюрократическаго абсолютизма. Свернуть съ этого пути, обратиться вспять—значило бы подвергать и Царя и Государство гибельнымъ опасностямъ, обрекать Россію на долгія, безплодныя и мучительныя смуты, которыя будутъ парализовать ея силу. Нынѣ правительство должно сдѣлать рѣшительный шагъ по новому пути, чтобы умиротворить общество, создать почву для спокойной и согласной, мирной совмѣстной работы общественныхъ и правительственныхъ силъ и подготовить реформу. При этомъ оно должно оставить мысль о безплодныхъ и робкихъ компромиссахъ между несовмѣстимыми, непримиримыми требованіями стараго антиправового бюрократизма и внутренно-необходимыми требованіями новаго правового строя; оно не должно смущаться разноголосицей въ самомъ обществѣ или руководствоваться случайными заявленіями отдѣльныхъ общественныхъ дѣятелей или даже общественныхъ группъ, которые могутъ выступить съ заявленіями утопическаго характера, или, наоборотъ, высказываться въ смыслѣ реакціи. Какъ въ эпоху освобожденія крестьянъ, правительство должно стоять *впереди, а не позади* общества, если оно хочетъ вести его, сохранить верховное руководящее положеніе. Оно не увлечется утопіями, но оно должно видѣть глубже и дальше реакціонеровъ, или близорукихъ совѣтчиковъ, предлагающихъ временныя мѣры, которыя не утвердятъ ни стараго, ни новаго порядка. Чтобы выполнить долгъ свой передъ Россіей, оно должно руководиться не единичными заявленіями, не требованіями отдѣльныхъ лицъ или группъ, а правильно-понятой и строго-взвѣшанной *государственной необходимостью*. А эта необходимость, по глубокому убѣжденію нашему, состоитъ въ томъ, чтобы активно *организовать* политическую свободу Россіи, организовать

общество на началахъ народнаго представительства и тѣмъ самымъ упорядочить общество.

Но правительство не можетъ созвать народныхъ представителей, не выработавъ предварительно основныхъ законовъ, опредѣляющихъ составъ, устройство и полномочія народнаго представительства, и оно не можетъ выступить передъ представительнымъ собраніемъ съ пустыми руками, безъ выработанной программы или общаго плана реформъ, для чего требуется значительная подготовительная работа. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно не можетъ долѣе оставлять страну въ неопредѣленномъ положеніи, въ состояніи усиливающагося броженія и тревоги. Благотворнымъ было бы немедленное, чисто принципіальное заявленіе съ высоты Престола—въ формѣ ли манифеста или Высочайшаго рескрипта, въ которомъ была бы выражена воля Монарха измѣнить полицейско-бюрократическій строй и призвать на созидательную работу выборныхъ представителей земли. Важно при этомъ, чтобы указанъ былъ срокъ, къ которому Государю благоугодно будетъ пріурочить созваніе народныхъ представителей, дабы Россія сознательно подготовилась къ воспріятію новыхъ учрежденій и спокойно пережила переходное время.

Одновременно съ этимъ необходимая разработка общаго положенія о народномъ представительствѣ, а равно и выработка ближайшихъ связанныхъ съ нимъ преобразованій, до внесенія ихъ на разсмотрѣніе будущаго представительнаго собранія, могла бы быть возложена на особую правительственную редакціонную комиссію, состоящую изъ правительственныхъ лицъ и экспертовъ, общественныхъ дѣятелей и юристовъ, по вызову отъ правительства. Трудамъ означенной комиссіи надлежитъ придать возможно большую гласность посредствомъ опубликованія ея протоколовъ, отдѣльныхъ докладовъ и записокъ, въ нее вносимыхъ, и т. д., дабы печать и общественныя учрежденія могли своевременно свободно и безпрепятственно высказаться по поводу ожидаемаго преобразованія.

Только твердое выраженіе Монаршей Воли и утвержденіе редакціонной комиссіи съ указанной цѣлью,—вотъ мѣры, которыя, по нашему мнѣнію, всего болѣе могли бы способствовать успокоенію общества, укрѣпленію довѣрія къ власти, одушевить всѣхъ подданныхъ Государя радостною единодушною благодарностью и вмѣстѣ послужить драгоцѣннымъ и несомнѣннымъ залогомъ будущаго обновленія.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ПРЕДИСЛОВІЕ ..... 3—5

ГЛАВА I. Начало моей земской дѣятельности. Участіе мое въ волоколамской управѣ и въ дѣлѣ введенія травосѣянія на общинныхъ земляхъ. Обстоятельства, предшествовавшія оставленію Д. А. Наумовымъ должности предсѣдателя московской губернской земской управы. Избраніе новаго состава губернской управы и вступленіе мое въ исполненіе обязанностей ея предсѣдателя ..... 7—26

ГЛАВА II. Мое пониманіе земской идеи и задачъ, преслѣдуемыхъ земствомъ. Организація взаимодѣйствія земскихъ учрежденій московской губерніи. Разрѣшеніе въ московскомъ земствѣ вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ между губернскимъ и уѣздными земствами ..... 27—56

ГЛАВА III. Попытки единенія губернскихъ земствъ. Земская секція всероссійскаго съѣзда сельскихъ хозяевъ въ Москвѣ въ декабрѣ 1895 года. Съѣздъ предсѣдателей губернскихъ управъ въ Москвѣ въ маѣ 1896 года во время коронаціи. Совѣщаніе предсѣдателей губернскихъ управъ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ августѣ 1896 года. Съѣздъ предсѣдателей губернскихъ управъ во время освященія памятника Императору Александру II въ Москвѣ въ августѣ 1898 года. Вопросъ объ изданіи общеземскаго періодическаго органа печати. Образованіе перестраховочнаго союза губернскихъ земствъ. Общеземская организація помощи раненымъ и больнымъ воинамъ на Дальнемъ Востокѣ ..... 57—99

ГЛАВА IV. Отношенія государственной власти къ земскому самоуправленію. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 12 іюня 1890 года. Отношенія мѣстной администраціи къ земскимъ учрежденіямъ московской губерніи. Законодательные акты, направленные

къ ограниченію правъ и компетенціи земства. Законодательныя предположенія министровъ, не получившія осуществленія. Записка С. Ю. Витте о несовмѣстимости земскихъ учрежденій съ самодержавнымъ строемъ государства ..... 100—130

ГЛАВА V. Разладъ между правительствомъ и обществомъ. Сознаніе необходимости организованнаго взаимодѣйствія государственной власти и населенія. Предположеніе о подачѣ въ этихъ цѣляхъ Государю записки общественными дѣятелями въ 1901 году. Мое политическое жизнепониманіе.... 131—155

ГЛАВА VI. Совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Совѣщаніе земскихъ дѣятелей въ маѣ 1902 года. Объявленіе высочайшаго неудовольствія участникамъ земскаго совѣщанія. Мои бесѣды по этому поводу съ министрами—В. К. Плеве и С. Ю. Витте. Ознакомленіе земской среды съ содержаніемъ этихъ бесѣдъ. Условія дѣятельности земскихъ представителей въ мѣстныхъ комитетахъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности ..... 156—197

ГЛАВА VII. Ветеринарныя правила 12 іюня 1902 года. Совѣщаніе въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по пересмотру этихъ правилъ. Манифестъ 26 февраля 1903 года. Бесѣда съ В. К. Плеве въ мартѣ 1903 года. Пріѣздъ министра внутреннихъ дѣлъ въ Москву. Совѣщаніе земскихъ дѣятелей въ С.-Петербургѣ въ апрѣлѣ 1903 года. Участіе земскихъ представителей въ совѣщаніяхъ по разнымъ вопросамъ при министерствахъ. Постановленія губернскихъ земскихъ собраній очередной сессіи 1903 года по вопросу объ участіи земскихъ учрежденій въ законодательной дѣятельности. Ревизія земскихъ учрежденій московской губерніи. Неутвержденіе меня министромъ внутреннихъ дѣлъ предсѣдателемъ губернской земской управы на пятое трехлѣтіе ..... 198—235

ГЛАВА VIII. Убійство В. К. Плеве и назначеніе на постъ министра внутреннихъ дѣлъ кн. П. Д. Святополкъ-Мирскаго. Дѣятельность организаціоннаго бюро по подготовкѣ земскаго съѣзда въ 1904 году. Переговоры по этому поводу съ кн. П. Д. Святополкъ-Мирскимъ. Частное совѣщаніе земскихъ дѣятелей 6—9 ноября 1904 года. Разногласіе между большинствомъ и меньшинствомъ земскаго совѣщанія. Сообщеніе заключеній земскаго совѣ-

щанія министру внутреннихъ дѣлъ. Банкеты, устроенные „Союзомъ Освобожденія“ послѣ земскаго совѣщанія. Высочайшій указъ и правительственное сообщеніе 12 декабря 1904 года. Сообщеніе кн. П. Д. Святополкъ-Мирскаго объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ составленіе и опубликованіе этихъ актовъ ..... Стр. 236—290

ГЛАВА IX. Высочайшій указъ и рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ 18 февраля 1905 года. Устраненіе представителей общественныхъ учрежденій отъ участія въ совѣщаніи, организованномъ подъ предсѣдательствомъ А. Г. Булыгина. Составленіе проекта организаціи народнаго представительства, согласно основной идеѣ мнѣнія меньшинства совѣщанія земскихъ дѣятелей 6—8 ноября 1904 года. Земскій съѣздъ 22 — 26 апрѣля 1905 года. Совѣщаніе земскихъ дѣятелей, принадлежавшихъ къ меньшинству земскаго съѣзда, 22 и 23 мая 1905 года. Общеземскій съѣздъ 24 и 25 мая 1905 года. Поѣздка моя на Дальній Востокъ. Манифестъ 6 августа 1905 года. Манифестъ 17 октября 1905 года..... 291—333

ГЛАВА X. Приглашеніе графомъ С. Ю. Витте общественныхъ дѣятелей вступить въ образуемый имъ кабинетъ послѣ манифеста 17 октября 1905 года... 334—349

ГЛАВА XI. Участіе общественныхъ дѣятелей въ обсужденіи вопроса объ измѣненіи положенія о выборахъ въ Государственную Думу 6 августа 1905 года, согласно п. 2, манифеста 17 октября 1905 года..... 350—390

ГЛАВА XII. Причины, по которымъ я не могъ присоединиться къ конституціонно-демократической партіи. Образованіе „Союза 17 октября“. Первый съѣздъ 8 — 12 февраля 1906 года делегатовъ „Союза 17 октября“. Манифестъ 20 февраля 1906 года. Неудача „Союза 17 октября“ при избраніи членовъ первой Государственной Думы. Избраніе меня московскимъ губернскимъ земствомъ членомъ Государственнаго Совѣта. Опубликованіе основныхъ законовъ 23 апрѣля 1906 года. Перемѣна кабинета министровъ до открытія Государственной Думы. Участіе мое въ Государственномъ Совѣтѣ до роспуска 1-ой Государственной Думы ..... 391—444

ГЛАВА XIII. Предположеніе объ образованіи коалиціоннаго кабинета предъ роспускомъ Государственной Думы 1-го созыва ..... 445—460

ГЛАВА XIV. Приглашеніе П. А. Столыпинымъ общественныхъ

дѣятелей принять участіе въ реформируемомъ имъ послѣ роспуска первой Государственной Думы министерствѣ ..... *Стр.* 461—484

ГЛАВА XV. Выходъ мой изъ „Союза 17 октября". Измѣненія въ настроеніи Государственнаго Совѣта послѣ роспуска первой Государственной Думы. Роспускъ Государственной Думы второго созыва. Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу 3-го іюня 1907 года. Попытки объединенія прогрессивныхъ элементовъ общества и политическихъ партій ... 485—528

ГЛАВА XVI. Послѣдніе годы моего участія въ земскихъ учрежденіяхъ московской губерніи. Участіе мое въ московской городской думѣ. Рѣшеніе устраниться отъ дальнѣйшаго участія въ общественной дѣятельности ..... 529—563

ПОСЛѢСЛОВІЕ ..... 564—580

ПРИЛОЖЕНІЕ. Записка кн. С. Н. Трубецкого, представленная 28-го ноября 1904 г. министру внутреннихъ дѣлъ, князю П. Д. Святополкъ-Мирскому ..... 581—587

Складъ у издателей М. и С. Сабашниковыхъ.
Никитскій бульв., д. 8, кв. 7.

041
Q44